

Д. Д. ФРОЛОВ

СОВЕТСКО- ФИНСКИЙ ПЛЕН 1939—1944

ПО ОБЕ СТОРОНЫ КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

RME Group Oy

Д. Д. ФРОЛОВ

СОВЕТСКО-
ФИНСКИЙ
П Л Е Н
1939–1944

*По обе стороны
колючей проволоки*

RME Group Oy Алетейя
Хельсинки, Финляндия Санкт-Петербург

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)62
Ф91

Sean By Vitautus

Художественное оформление
Анатолия Миронова

Фролов Д. Д.

Ф91 Советско-финский плен. 1939–1944 гг. По обе стороны колючей проволоки / Д. Д. Фролов. — Хельсинки, Финляндия RME Group Oy СПб.: Алетейя, 2009. 640 с. ил.

ISBN 978-952-5761-04-7 (RME Group Oy)

ISBN 978-5-91419-199-0 (Издательство «Алетейя»)

Монография профессора Д. Д. Фролова, работающего в Национальном архиве Финляндии, представляет уникальное научное исследование проблем захвата, содержания и возвращения советских и финских военнопленных двух войн XX столетия. Книга основывается на реальных фактах, полученных прежде всего в результате кропотливого изучения архивных материалов, многие из которых публикуются впервые, привлечена обширная историография.

УДК 94(100)

ББК 63.3(0)62

ISBN 978-952-5761-04-7 (RME Group Oy)

ISBN 978-5-91419-199-0 (Издательство «Алетейя»)

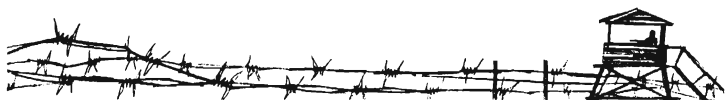

9 785914 191990

© Д. Д. Фролов, 2009

© RME Group Oy, 2009

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2009

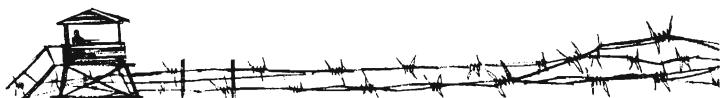
К ЧИТАТЕЛЮ

Почти вся история человечества – это история войн. Войн разных – больших и малых, справедливых и нет. Но военная история – это не только история дипломатических отношений и боевых операций, побед и поражений, полководцев и героев. Это еще и история военного плена.

Плен – неизбежный и постоянный спутник любой войны. Все государства, ведущие боевые действия, рано или поздно, в большей или меньшей степени, сталкиваются с проблемой захвата, содержания и возвращения военнопленных. Не было исключением и советское государство. За время своего существования СССР два раза вел войны со своим северным соседом – Финляндией. Можно много спорить, кто победил в них, – у каждой из сторон своя правда. Для нас важно одно: в ходе этих вооруженных конфликтов обе страны захватывали военнопленных.

Готовя эту книгу, я столкнулся с некоторыми трудностями в определении терминологии. Дело заключается в том, что «Зимняя война» (Talvisota) и «война Продолжение» (Jatkosota) – термины, принятые в Финляндии. В советской и российской историографии эти вооруженные конфликты называются «советско-финляндская война 1939–1940 гг.» и, в очень редких случаях, «советско-финляндская война 1941–1944 гг.». Вторую кампанию вообще не принято выделять в отдельную войну. В России ее рассматривают только в контексте Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Я использую оба этих термина – и финский и российский – и когда говорю о Великой Отечественной войне, то подразумеваю лишь более широкие временные рамки и круг участников этого вооруженного конфликта.

В своей книге я уделил достаточно много места вопросам, связанным с процессом формирования правовых основ обращения с военнопленными в Советском Со-

юзе в период 30–40-х годов. Несмотря на то что в рассматриваемый период СССР являлся тоталитарным партийно-бюрократическим государством, в котором партия имела безграничную власть, было бы неверно безоговорочно принимать тезис о том, что нормы международного права не действовали на его территории. Особенность того времени заключалась в следующем: нормы права, разработанные мировым сообществом в отношении военнопленных, были «адаптированы» к нормам советского права, что на практике означало не столько юридические, сколько идеологические отличия в содержании иностранных военнопленных на территории СССР. Примером тому может быть идея предоставления политических прав военнопленным из числа рабочего класса и трудового крестьянства, что фактически ставило данную группу в привилегированное положение по сравнению с остальными пленными. То есть переводило их, следуя терминологии того времени, в разряд «социально близких элементов» из числа военнопленных.

Я преднамеренно уделил достаточно много внимания вопросам создания, работы и эволюционирования Управления по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) НКВД СССР в интересующий нас период – с 1939 по 1944 год. Не остановиться на этом важном вопросе советской истории было бы серьезной ошибкой, так как УПВИ НКВД СССР являлось главной организацией, отвечающей за прием, содержание и трудовое использование всех военнопленных, захваченных частями Красной Армии и находящихся как на территории СССР, так и за его пределами. Кроме того, этот орган НКВД отвечал и за фильтрационные проверки советских граждан – бывших пленных, вышедших из окружения бойцов и командиров Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА), а также гражданских лиц, репатриированных на родину. То есть УПВИ НКВД СССР было той организацией, от которой зависели судьбы миллионов людей. Кроме того, специально для УПВИ разработали целый ряд нормативно-правовых документов, регулирующих все стороны взаимоотношения советского

государства с пленными. СССР был фактически единственной страной в мире, где на основе международных конвенций было создано собственное национальное законодательство в отношении военнопленных.

Надеюсь, эта книга пригодится для осмысления всего круга вопросов, связанных с пленением человека, выработки объективной и, главное, справедливой оценки действий и поступков властей и военнопленных в военные годы и годы налаживания мирных отношений между Финляндией и СССР.

ПО ОБЕ СТОРОНЫ КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКИ

Исторические события Зимней войны 1939 года и войны Продолжения 1941–1944 годов по времени удалены от нас более чем на 60 лет. Казалось бы, срок вполне достаточный для того, чтобы собрать о них достоверную и полную как в количественном, так и качественном аспектах информацию, получить и не спеша проанализировать все соответствующие официальные документы и на этой основе представить верную картину произошедшего, адекватно описать исторические действия государственных органов, руководителей государств и рядовых граждан.

Однако уже первое знакомство с имеющимися материалами показало, что до сих пор мы не обладаем полными знаниями о действиях государственных органов, отвечающих за решение проблемы военнопленных, или имеем довольно поверхностное представление о многих произошедших тогда событиях на фронте и в тылу, в местах размещения военнопленных, о конкретных поступках конкретных участников исторического действия.

Мы, например, сегодня не знаем даже точного количества военнопленных. Официальные данные об этом очень противоречивы. В российской и зарубежной историографии также нет однозначного ответа на этот вопрос. Государственные органы СССР заявляют о том, что во время Зимней войны в плен попали от 858 до

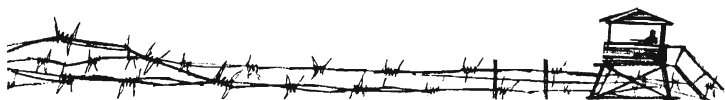

1100 финских военнослужащих, из которых 20 человек отказались возвращаться в Финляндию после окончания боевых действий. Нет единства по этому вопросу и у исследователей проблемы военного плена. Цифра военнослужащих финской армии, попавших в советский плен остается спорной. Т. Алава, Р. Хилтунен и А. Ютилаинен пишут о 825 военнопленных. Такую же цифру приводит С. Раткин. Другие данные приводят Р. Э. и Т. Н. Дюпуи – они говорят о 847 пленных. Эту же цифру приводит профессор О. Маннинен в книге «Зимняя война 1939–1940». Правда, в другой своей работе профессор О. Маннинен отмечает, что в плен попали 1100 финнов. В. Галицкий пишет о 876 военнопленных финской армии.

Однако, на основании обнаруженных мной в российских и финских архивах документах, я считаю, что в лагерях и госпиталях Советского Союза в 1939–1940 годах находились, по крайней мере, 883 финских военнопленных. Такое расхождение в цифрах можно, по-видимому, объяснить тем, что одни авторы учитывали количество всех финнов – и военнопленных, и интернированных, попавших в лагеря НКВД. Другие учитывали лишь пленных, возвращенных в Финляндию после Зимней войны. Никто, кроме В. Галицкого, не включал в списки военнопленных, умерших на территории СССР. Однако и цифры В. Галицкого не совсем точные. Он говорит о 13 умерших, в то время как, опираясь на полученные мной данные, я считаю, что на территории Советского Союза во время Зимней войны умерло 16 финских пленных.¹

Потери Красной Армии во время Зимней войны были несравнимо больше, но ситуация с пленными также недостаточно прояснена. По официальным данным, за 105 дней этой войны Рабоче-крестьянская Красная Армия потеряла свыше 39 тысяч солдат и офицеров пропавшими без вести. Естественно, среди них были и те, кто оказался в плену. По последним данным, в плен попали от 5546 до 6116 человек²

Итак, расхождения в цифрах довольно существенные. Но нам необходимо знать, какими масштабами

измеряется исследуемое нами историческое явление. Ведь мы должны учитывать, что за каждой цифрой скрывается личная трагедия, горькая судьба конкретного человека. Плен – это не приятная во всех отношениях экскурсия по гостеприимной стране в период ее мирного процветания.

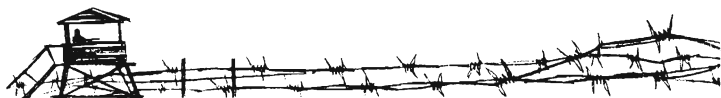
Официальная статистика о военнопленных периода войны Продолжения еще более противоречива. Цифры количества финских военнопленных колеблются от 2377 до 3402 человек, а советских – от 64 188 до 72 000 человек. Точных данных о количестве советских военно-пленных в российской историографии нет. Более того, российские исследователи практически не разрабатывали эту тему в своих работах, а лишь использовали ссылки на финские источники.

Не точны наши знания и о количестве не вернувшихся на родину финских военнопленных. Полагаю, историки оперируют в данном случае неполными данными. Хотя бы уже потому, что в нашем распоряжении имеются сведения, по крайней мере, о нескольких десятках финских военнопленных, числящихся без вести пропавшими, не возвратившихся на родину, дата смерти и место захоронения которых не установлены, но которых видели в лагерях для военнопленных.

Вряд ли с достаточной уверенностью мы можем считать окончательными эти цифры. Но выявить подлинную численность сложно. В частности, потому, что в первую военную зиму войны 1941–1944 годов в период большой неразберихи, часто непродуманных действий среди финских, впрочем как и советских, военнопленных была большая смертность.

Но все вышесказанное не означает, что история военнопленных этих войн еще не написана или, если отчасти написана, не соответствует подлинному развитию событий реального исторического процесса. Нет, судя по имеющейся историографии, она написана в отдельных моментах относительно полно и ей можно доверять.

Однако прошлое, историю в наши дни продолжают переписывать. Особенно интенсивно – в современной России. И переписывают здесь так быстро и радикаль-

но, что историческая память живущего поколения не успевает перестроиться и часто крайне негативно относится к новому облику истории.

Например, в течение более 50 лет после окончания советско-финляндской войны 1939–1940 годов в советской литературе вина за начало этого вооруженного конфликта возводилась «на белофинское реакционное правительство». В предисловии же от издательства к мемуарам маршала Карла Маннергейма, опубликованным в России в 2000 году, СССР в этой войне характеризуется как агрессор, против которого воевал прославленный маршал, то есть вина переносится на Советский Союз³. Читатель, воспитанный на иной литературе, иной трактовке событий, разумеется, остается в недоумении.

Но процесс обрезания истлевшей бахромы старой истории неизбежен. А значит, видимо, имеет определенное право на существование и предложенная в настоящей работе интерпретация исторических событий и явлений, а также толкование документов и исторических источников, которые я использовал.

В заключение нужно указать на еще один аспект актуальности исторического исследования проблемы военнопленных Зимней войны и войны Продолжения.

Исторические исследования деятельности государств и народов, общества и человека открывают для ныне живущих людей возможность извлечь урок на будущее. Историки своими исследованиями дают шанс человеку увидеть ошибки, учесть их в своей деятельности, безболезненно для себя учиться на ошибках прошлого. Это не окончательная преграда на пути глупости, но уже немало.

Далее. Полагаю, никто сегодня не заявит, что проблема советско-финских военнопленных решалась в 1939–1953 годах везде и во всем так, как надо. Но если проблема решалась не совсем так, как надо, то как и как надо? Нам нужно знать, как конкретно она решалась, не ради простого любопытства, ведь актуальность проблемы военнопленных и сегодня не теряет своей остроты. Небольшие вооруженные конфликты и крупные боевые

действия ведутся сегодня во многих регионах мира и, судя по развитию исторического процесса, будут, к сожалению, еще долго идти. И одной из жертв ведущихся войн являются военнопленные.

Если мы не можем предотвратить бесконечный процесс войн, то можем ли мы хоть что-нибудь сделать для облегчения участи попавших в плен? Если мы хотим это сделать, нам следует опираться на соответствующий исторический опыт и обладать соответствующими историческими знаниями.

ГЛАВА 1

ИСТОРИОГРАФИЯ

Несмотря на обилие литературы о Зимней войне и войне Продолжения, тема военнопленных до сих пор остается недостаточно изученной. В СССР в 40–60-е годы при создании официальной летописи Второй мировой войны и ее составных частей – Советско-финляндской войны 1939–1940 годов и Великой Отечественной войны 1941–1945 годов основной упор делался на сбор и включение в научный оборот прежде всего исторических сведений и материалов, раскрывающих «удачные» военные подвиги солдат, генералов и офицеров, описывающих военные операции, закончившиеся для советской армии победами, и крайне скупо описывались неудачи Красной Армии в 1939–1942 годах, то есть во время Зимней кампании и на начальном этапе Великой Отечественной войны. И не в последнюю очередь такая избирательность при выборе задач и направлений исторического исследования объяснялась тем, что именно в это время огромная масса советских солдат и офицеров оказалась на приемных пунктах военнопленных и в концентрационных лагерях, а иностранных пленным было мизерное количество.

Советские историки-идеологи в первые годы после окончания Великой Отечественной войны навязывали советской исторической науке тезис, согласно которому «политически неграмотно» поднимать тему советских и финских военнопленных. Ибо в соответствии со сталинской концепцией справедливой войны, которую ведет социалистическое государство против буржуазного окружения, бойцы и командиры Красной Армии не должны сдаваться в плен. Плен есть предательство, и все советские военнопленные априори считались изменниками Родины. А историю изменников не

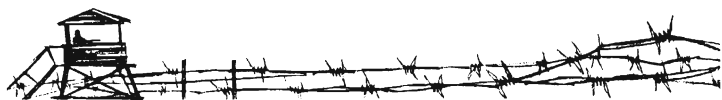

нужно исследовать, описывать и изучать. Ее нужно забыть. В крайнем случае, можно оставить в исторической памяти советского народа отдельные эпизоды героизма советского солдата даже в условиях плена. Например, подвиг генерала Д. М. Карбышева. Описание же иностранных, в том числе и финских, военнопленных в подобных изданиях сводилось к тому, что они при первых выстрелах сдавались в плен, опасаясь за свою жизнь. Подобная трактовка событий явно была направлена на то, чтобы продемонстрировать слабость духа финской армии. Это было нужно советским властям для того, чтобы, «опираясь на факты», противопоставить «нежелание рядовых финских военнослужащих воевать за непонятные им цели» самоотверженной стойкости советских воинов и партизан, сознательно сражавшихся до последнего патрона и предпочитавших смерть позору плена.

Поэтому в 40–60-е годы в СССР издавалась в большом количестве лишь публицистическая героико-патриотическая литература о советско-финляндской войне. В таких книгах, разумеется, содержались отдельные исторические сведения. Но они выдергивались из общего исторического контекста осуществленных военных операций, однобоко освещали ход подготовки к войне, действия противников в тылу, с идеологических позиций «превосходства социализма» характеризовали и описывали сам ход военной истории Севера Европы, исторические события и явления, относящиеся к сфере развития межгосударственных отношений СССР и Финляндии.

По мере того как трагические события Великой Отечественной войны по времени все больше отодвигались в историческое прошлое, в СССР в 60–70-е годы начинают издаваться мемуары советских военачальников и рядовых участников Зимней войны и войны Продолжения. Эти материалы позволяют выявить общий исторический фон, на котором решались проблемы военнопленных.

Некоторым дополнением к этой литературе являются книги о партизанском движении в СССР и воспомин-

нания бывших советских партизан. В такого рода изданиях иногда идет речь и о военнопленных. Меня в первую очередь интересовали издания, связанные с ходом боевых действий на Карельском фронте, то есть там, где действовали вооруженные силы Финляндии. Конечно, многие из этих книг не дают полную, правдивую картину партизанской войны в Карелии, поскольку описывали ее с точки зрения официальной советской идеологии. Но, как и в предыдущих случаях, нельзя игнорировать имеющиеся документы или своеобразные, часто, конечно, субъективные «свидетельские показания» людей, поскольку какие-то ниточки, точки для последующих поисков можно найти и здесь.

При этом, обращаясь к изданиям о советском партизанском движении и военной историографии СССР этого периода в целом, при интерпретации проблемы финских военнопленных, необходимо всегда учитывать следующее обстоятельство. Советские военачальники и политики, историки, издательские работники, рецензировавшие книги по данной проблематике, не считали войну Продолжение самостоятельной войной и описывали ее лишь в контексте Великой Отечественной войны Советского Союза против фашистской Германии и ее союзников.

Определенный всплеск внимания к проблеме военнопленных, казалось, должен был начаться в историографии середины 80-х годов в связи с широким празднованием в 1985 году в СССР 40-й годовщины победы над фашистской Германией. Перелистывая страницы истории советской жизни того периода, мы видим, что интерес историков к разнообразным событиям и явлениям Великой Отечественной войны не только не угас, но и значительно вырос. Это, в частности, заметно отразилось в росте публикаций на эту тему. Но по-прежнему превалировало пренебрежительное отношение к военнопленным, практически во всех работах эта проблема лишь упоминалась. Она не исследовалась за пределами констатации отдельных фактов и цифр. Даже не было упоминаний о финских и советских военнопленных Зимней войны и войны Продолжения.

В историографии новой России после того, как в 1989 году исполнилось 50 лет с начала Зимней войны, началось, наконец, какое-то реальное осмысление проблемы военнопленных. Вполне естественно, что советских исследователей в первую очередь интересовала судьба русских военнопленных. В 1990 году в научно-популярной серии «Защита отечества» выходит книга доктора исторических наук М. И. Семиряги «Советско-финляндская война. К 50-летию окончания»⁴ переведенная на английский и финский языки. В ней впервые развернуто затрагивается тема советских военнопленных во время этой войны.

В начале 90-х годов в «Военно-историческом журнале» уже печатается целая серия статей, посвященных разным аспектам Зимней войны⁵. В эти годы все чаще поднимается и проблема человека в военном плену. Заметным и чрезвычайно отрадным явлением стал проведенный в 1995 году «круглый стол» российских и финских историков, посвященный Зимней войне. Материалы этого «круглого стола» были опубликованы в 12-м номере журнала «Родина».

В числе прочих в этом журнале была опубликована статья Л. Носыревой и Т. Назаровой «Пойдем на Голгофу, мой брат...», посвященная советским военнопленным в Финляндии в 1939–1940 годах. По сути, это первая действительно серьезная статья, дающая правдивое представление о пребывании советских солдат и офицеров в лагерях для пленных на территории Финляндии и об их дальнейшей судьбе в Советском Союзе. Однако одно обстоятельство вводит читателя в заблуждение. В статью, посвященную пленным Зимней войны, почему-то включена фотография учетного дела военнопленного прапорщика Унто Хуттонена (Huttonen Unto Antero), который попал в плен 15 июля 1941 года и был возвращен в Финляндию 22 ноября 1944 года. Эта фотография датирована 1942 годом. Кроме того, в статье используется карта расположения лагерей УПВИ НКВД СССР периода войны Продолжения, а также таблица, в которой представлены данные о смертности финнов в лагерях и госпиталях в 1941–1944 годах. Впрочем, это

отнюдь не умаляет достоинств данной работы, напротив, значительно углубляет наши знания о местах содержания финских военнопленных в 1941–1944 годах. Стоит отметить, что часть этой статьи была включена потом в сборник «Зимняя война 1939–1940»⁶. Эта книга – один из первых совместных трудов российских и финских историков о советско-финляндской войне 1939–1940 годов. Коллектив авторов под редакцией О. Ржешевского и О. Вехвиляйнена на основе ранее неизвестных документов освещают предысторию возникновения этого конфликта, его ход, внутреннее и международное положение обеих стран, рассматривают итоги войны и ее влияние на расстановку сил в Европе на первом этапе Второй мировой войны. Особой ценностью этой книги является то, что в ней представлены различные точки зрения, и финская и российская, на многие вопросы. В статье известного финского историка профессора О. Маннинена некоторое внимание уделяется и проблеме военнопленных.

Существенный вклад в исследование рассматриваемой нами проблемы внес доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии военных наук капитан 1-го ранга В. Галицкий в монографии «Финские военнопленные в лагерях НКВД»⁷, изданной в 1997 году в Москве. Это фактически первая российская развернутая научная работа именно о финских военнопленных. Автор приводит ранее неизвестные сведения об их пребывании в лагерях НКВД на территории Советского Союза.

Однако, к большому сожалению, Галицкий использовал только российские документы. Есть и другой недостаток. Исходя из собственных разработок, я считаю, что некоторые выводы исследователя не всегда соответствуют действительности. В частности, нужно отметить значительные расхождения между приведенными в монографии данными о количестве умерших финских военнопленных на территории СССР и данными других источников. Кроме того, спорными кажутся утверждения В. Галицкого об активном участии финских военнопленных в антифашистской работе по идейно-поли-

тическим мотивам. По моему мнению, большинство финнов, равно как и пленных других национальностей, находившихся в лагерях для военнопленных, принимали участие в антифашистской работе прежде всего из-за возможности получить дополнительное питание.

Несмотря на некоторые неточности, книга В. Галицкого дает возможность историкам советско-финских отношений и исследователям, занимающимся проблемой военнопленных, восстановить отдельные фрагменты исторической картины происходивших событий.

К сожалению, в последние годы в российской исторической литературе появились издания сомнительного качества. В них с претензией на сенсационность новые историки-идеологи «открывали глаза» российским читателям на различные малоизученные аспекты Зимней войны путем простой замены прежних идеологических знаков на противоположные. Такие «исследователи» искажают историю событий, поскольку игнорируют их непосредственные взаимопереплетающиеся связи, вырывают их из временной последовательности. Они схематично, на основе своих личных вкусов и целей трактуют исторические события, выпячивая крайне тенденциозные высказывания и воспоминания отдельных участников войны, воевавших против СССР. Порой дело доходит даже до подтасовки отдельных фактов, для того чтобы подтвердить сомнительные теории, навязываемые этими авторами исторической науке.

Так, например, в сборнике материалов международной конференции «105 дней «Зимней войны». К шестидесятилетию советско-финляндской войны 1939–1940 гг.» проходившей в марте 2000 года в поселке Ялкала и городе Зеленогорске, представлена статья кандидата военных наук С. Ирютина. Он утверждает, что в Финляндии в 1939–1940 годах умерло 13 тысяч советских военнопленных. Однако не указывает, какими источниками он пользовался при введении в научный оборот этих сенсационных и крайне сомнительных данных.

В связи с этим замечу, что, по официальным финским данным, с которыми согласны и российские исто-

рики, во время советско-финляндской войны в плену умерли 113⁸ военнослужащих Красной Армии⁹. Кроме того, автор приводит данные о том, что во время Зимней (!) войны для пополнения продовольственного пайка в лагерях финские военнопленные «привлекались к сбору ягод, грибов, хвой и т. д.»¹⁰. Утверждение господина Ирютина о том, что «труд стал средством выживания», применительно к Зимней войне не выдерживает критики, так как, в отличие от войны Продолжения, во время советско-финляндской войны 1939–1940 годов труд финнов не получил широкого распространения. Финские военнопленные были заняты в основном на работах по обслуживанию лагеря – в сапожной, столярной и т. п. мастерских. Более того, УПВИ НКВД СССР из-за малочисленности финских пленных вообще считало нецелесообразным использовать их на работах вне лагеря. Ситуация изменилась в 1941 году, когда труд действительно стал «средством выживания», так как за выполнение и перевыполнение производственных норм военнопленным увеличивали паек.

В подобных публикациях авторы активно муссируют различные слухи и домыслы, подаваемые как исторические гипотезы или открытия, что существенно усложняет работу историков. Приходится такие «прогрессивные, прорывные исследования» подвергать критическому разбору, выявляя недобросовестность подхода к историческим источникам и фактам, то есть, по большому счету, впустую тратить время и силы при развитии исторических исследований.

Заканчивая краткое знакомство с советской и российской историографией, можно отметить еще несколько работ о проблеме коллаборационизма¹¹. В последнее время появилось значительное количество публикаций о подразделениях вермахта, сформированных из бывших граждан СССР. Гораздо меньше известно в России об участии советских граждан в воинских формированиях в составе финской армии. В связи с этим необходимо отметить статью петербургского исследователя В. Мусаева «Советские граждане на службе в финской армии в годы Второй мировой войны»¹². Автор

подробно рассматривает вопросы формирования национальных воинских подразделений и о сотрудничестве советских граждан с финнами в период 1939–1940 годов. К сожалению, статья написана на основе финских книг и публикаций, без привлечения российских архивов.

В продолжение темы коллаборационизма необходимо упомянуть статьи петербургского историка К. Александрова «Вызов режиму (К вопросу об антисоветских настроениях в частях Действующей армии в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг.)»¹³ и «Сбои в «системе активной несвободы»»¹⁴ Автор высказывает мнение, что, в отличие от европейского коллаборационизма, в наибольшей степени спровоцированного определенными общественно-политическими симпатиями непосредственно к социально-экономической или политической доктрине фашизма, разносторонняя поддержка, оказанная противнику гражданами Советского Союза, обуславливалась беспрецедентными внутренними пороками сталинского общества. Поэтому автор рассматривает данный процесс в качестве самостоятельного, стихийного протеста части общества против внутренней террористической политики советского государства, усугублённой режимом личной власти И. В. Сталина. Определенную устойчивость и динамичность антисталинскому протесту, по мнению К. Александрова, придавало деятельное существование белой эмиграции, в особенности ее военной части, готовой возобновить вооруженную борьбу при первой же благоприятной возможности.

Надо упомянуть еще ряд книг и статей, несущих необходимую для сравнения информацию. Речь идет о работах, посвященных вопросам принудительного труда советских граждан и военнопленных в Третьем рейхе и об их зачастую принудительной репатриации после войны. Например, книги российского исследователя доктора географических наук П. Поляна: «Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе»¹⁵, изданная в 1996 году, и «Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных на чужбине и на родине»¹⁶, вышедшая в 2002 году.

Несмотря на то что последняя книга является вторым изданием работы 1996 года, речь фактически идет о двух разных книгах. Изменения, внесенные автором в текст по сравнению с первым изданием, достаточно существенны. Главы были переработаны и дополнены новыми выводами на основе ставших доступными архивных документов. В сущности, обе книги в российской историографии являются первыми монографиями обобщающего характера, посвященными советским военнопленным и гражданским рабочим («остарбайтерам»), угнанным в Германию и репатрируемым из нее после войны в СССР. Автор также уделяет внимание и вопросам пребывания финских военнопленных на территории Советского Союза. Однако цифры, которые он приводит, говоря о количестве финских плененных во время Зимней войны, вызывают, по крайней мере, большое недоумение. Автор отмечает, что в результате советско-финляндского вооруженного конфликта 1939–1940 годов «в советский плен попало практически столько же – 3,4 тыс. – финских военнослужащих, что и в 1941–1944 гг.»¹⁷ При этом уважаемый коллега не объясняет, откуда появилась эта цифра. Более того, ни в одном известном мне финском, советском, российском или другом источнике таких данных нет. Сложно даже предположить, на основании каких архивных материалов автор приходит к такому выводу.

Однако, несмотря на этот недостаток, книги П. Поляна представляют несомненный интерес для исследователей проблемы военного плена. Данные работы написаны на основе большого массива ранее неизвестных или малоизвестных как российских, так и немецких архивных и печатных источников. Их введение в научный оборот – несомненная заслуга П. Поляна, так как они позволяют сравнивать условия жизни военнопленных, интернированных и их пути возвращения на родину после Второй мировой войны.

Есть еще одна тематическая группа литературы. В последнее десятилетие в российской историографии появилось много сборников, в которых публикуются документы, касающиеся деятельности партийных и

комсомольских организаций СССР, политических органов Красной Армии и флота, а также посвященных деятельности НКВД СССР. Данные публикации содержат чрезвычайно важные сведения о подоплеке того времени, о внутреннем положении в СССР в период Зимней войны и войны Продолжения.

Вполне естественно, что все эти публикации имеют свою специфику, так как основаны на различных источниках. Документы партийных и комсомольских органов СССР – это материалы, протоколы, письма партийных и комсомольских организаций, которые, с одной стороны подчеркивают *лояльные настроения* населения. Но с другой стороны, именно в протоколах заседаний райкомов ВКП (б) и ВЛКСМ можно найти информацию об изменении настроений самих членов партии и комсомольцев. В зависимости от ситуации на фронте происходили изменения в количественном составе партийных и комсомольских организаций. Особенно явно это проявилось в годы войны Продолжения 1941–1944 годов. Нас, в первую очередь, интересует Карелия, Ленинград и Ленинградская область. Выбор этих районов обусловлен, прежде всего, близостью к театру боевых действий.

В документах партийных органов представлена динамика численного состава партийных и комсомольских организаций. Кроме того, в этих материалах содержится и информация о настроениях среди представителей низшего и среднего звена партийных и комсомольских органов.

Документы политических органов Красной Армии передают наиболее полную картину морально-политического состояния в частях Красной Армии, РККФ (Рабоче-крестьянском Красном Флоте) и в 1941–1944 годах в партизанских отрядах. Нередко в докладные записки входили данные и материалы *судов и военных трибуналов*, в которых приводятся статистические данные о привлечении к уголовной ответственности военнослужащих и гражданских лиц.

Характерной особенностью материалов политических органов является то обстоятельство, что только

после исключения обвиняемого из членов партии или комсомола его привлекали к уголовной ответственности. Соответственно документы партийных и комсомольских органов позволяют наиболее полно осветить изменения настроений членов ВКП (б) и ВЛКСМ.

Чрезвычайно важная информация представлена в публикациях, касающихся деятельности органов НКВД СССР и особенно его районных отделов. Их отличительной чертой является то, что здесь наиболее широко представлены материалы, отражающие негативные настроения населения СССР. Органам государственной безопасности всегда отводилось важное место в борьбе с проявлениями всякого рода инакомыслия. На них возлагалась основная роль в сборе и обработке оперативной информации о настроениях населения страны. Существовавшая широкая сеть информаторов и осведомителей позволяла органам государственной безопасности установить практически тотальное наблюдение за всеми социальными слоями советского общества – рабочими, колхозниками, интеллигенцией. Представители органов НКВД следили за морально-политическими настроениями не только взрослых, но также и школьников.

Информация органов НКВД интересна еще и тем, что в ней достаточно точно отражается реальное отношение населения Советского Союза к тем или иным событиям. Кстати, политорганы СССР интересовались откликами граждан на происходящее в стране и настоятельно требовали от низовых органов НКВД предоставлять им информацию о политико-моральных настроениях населения. Спецсообщения районных отделов НКВД являются ценным источником информации, так как информаторы органов государственной безопасности охватывали все слои населения СССР. В связи с этим именно в документах НКВД приводится огромное количество детальных и подробных высказываний людей самых разнообразных профессий – от академика до домохозяйки.¹⁸

В финской исторической литературе, как и в советской, за 50 лет после военных событий отводилось

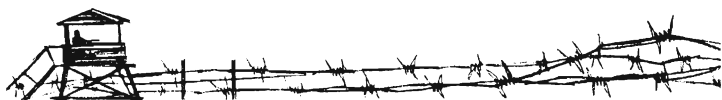

немного места проблеме военнопленных. В Финляндии при описании советско-финляндских войн 1939–1944 годов внимание в основном сосредоточивалось на внутри- и внешнеполитических аспектах военных событий, на ходе развития боевых действий.

Правда, есть заметные различия в историографии двух стран. В Финляндии почти во всех книгах с военной проблематикой все же в той или иной мере затрагиваются вопросы, связанные с пребыванием советских военнопленных в лагерях на территории Финляндии или финнов на территории СССР¹⁹. Но, к сожалению, большинство авторов останавливается на поверхности отдельных исторических фактов, не исследует проблему глубже, выявляя причинно-следственные связи событий, не раскрывает полную историческую картину. Поэтому я останавливаюсь только на тех работах, которые непосредственно связаны с проблемой военного плена.

Принципиальное отличие финской историографии от советской и российской заключается в обилии мемуарной литературы по проблеме финских военнопленных. А объединяет их то, что и в СССР, и в Финляндии почти нет аналитических публикаций. В связи с этим я считаю, что всю финскую историографию можно разделить на три большие группы: а) научная, б) историко-публицистическая и в) мемуарная литература о финских военнопленных в СССР в 1939–1944 годах.

Помимо журнальных и газетных статей о финских и советских военнопленных периода Зимней войны, имевших несколько тенденциозный характер, книги на эту тему не издавались на протяжении нескольких десятилетий. Определенный прорыв начался в конце 80-х годов в связи с 50-летием начала Зимней войны. В 1990 году выходит книга «105 дней»²⁰, посвященная боевым действиям в северной части Финляндии. В ней, в числе прочих, опубликованы две статьи о советских военнопленных и о финских в СССР, написанные Райли Кауппила²¹. В них автор описывает режим содержания, продовольственное обеспечение советских пленных в лагере для военнопленных в Пелсо и финнов в Грязовецком лагере НКВД.

Более обстоятельно, с привлечением российских и финских архивов, описывается ситуация с советскими и финскими военнослужащими в книге о Зимней войне под редакцией Й. Лескинена и А. Юутилайнена, вышедшей в 1999 году²². В этом сборнике опубликованы статьи лицензиата философии, финского исследователя Тимо Малми и российского исследователя, сотрудника Российского государственного военного архива Людмилы Носыревой о финских военнопленных в СССР, в том числе о структуре и деятельности УПВИ НКВД СССР во время этой войны, о пропагандистско-агитационной работе среди финнов в Грязовецком лагере. В статье известного финского историка, профессора Охто Маннинена описывается пребывание русских пленных на территории Финляндии²³.

Надо отметить, по крайней мере, еще одну работу, посвященную советским военнопленным в Финляндии во время войны Продолжения. В 2000 году на кафедре финской и скандинавской истории исторического факультета университета г. Хельсинки Пиркка Миккола защитил дипломную работу по теме «Жизнь и смерть военнопленных. Причины высокой смертности советских военнопленных во время войны Продолжения»²⁴. В ней он рассматривает проблемы, связанные с высокой смертностью пленных в Финляндии в 1941–1944 годах на примере лагеря для военнопленных № 9. Автор отмечает, что в Финляндии во время войны Продолжения умерли почти 30% советских пленных. Анализируя различные документы, Миккола приходит к выводу, что основной причиной смертности был голод.

Первая книга бывшего финского военнопленного периода Зимней войны вышла уже в 1941 году. Таддеус Сарримо опубликовал воспоминания о своем пребывании в Грязовецком лагере УПВ НКВД СССР²⁵. Таддеус Сарримо девятнадцатилетним юношей в конце февраля 1940 года попал плен. Немного зная русский язык, он недолгое время был переводчиком в Грязовецком лагере УПВ НКВД СССР. Вернулся в Финляндию во время обмена военнопленными 20 апреля 1940 года. Осужден

в Финляндии к четырем месяцам заключения за то, что работал переводчиком.

В последние десятилетия в Финляндии вышло несколько книг-воспоминаний бывших финских военнопленных. К сожалению, из памяти авторов по прошествии многих лет стерлись некоторые обстоятельства пребывания в плену. Проявляется также и свойственная мемуарному жанру некоторая современная тенденциозность в освещении событий. Но все же эти воспоминания помогают исследователям восстановить некоторые неясные, однако чрезвычайно важные детали общей картины военного плена, те, которые нельзя восстановить по официальным источникам и сохраненным архивным материалам²⁶

Немаловажная роль в изучении проблемы военнопленных принадлежит Ассоциации военнопленных (Sotavangit r.y.), основанной в 1969 году и объединившей в своих рядах бывших финских пленных. Под эгидой этой организации проводились исследования об их пребывании в СССР. В 1989 году в издательстве «Гуммерус» вышла книга Теуво Алавы, Рейно Хилтунена и Антти Юутилайнена «Muistatko... Sotavangit r.y. 1969–1989» (Ты помнишь... Ассоциация военнопленных 1969–1989)²⁷, посвященная деятельности Ассоциации. В книге затрагивались вопросы, связанные с пребыванием финнов в плену, их возвращением на родину, а также их медицинским обследованием по прибытии в Финляндию.

В финской историографии уделяется определенное внимание так называемым воинским формированиям из военнопленных²⁸, но приводимые по этому поводу данные часто противоречат действительно верным историческим фактам. Нужно иметь в виду, что в основном подобные формирования набирались из гражданского населения оккупированной части Карелии, в частности ингерманландцев и эстонцев²⁹

В 1987 году в Финляндии вышла книга Мауно Йокиппи³⁰, в которой не исследуется проблема военнопленных, но показан исторический фон ее зарождения. Книга была переведена на русский язык в 1999 году под

названием «Финляндия на пути к войне. Исследование о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940–1941 гг.»³¹ Несмотря на то что при переводе книга была сокращена, в ней довольно полно освещена проблема взаимоотношений нацистской Германии и Финляндии в межвоенный период, на этапе политического и военного сближения двух стран. Автор, используя обширный круг архивных источников, приходит к выводу о вполне сознательном вступлении Финляндии в войну. Книга помогает разобраться, в частности, в таком вопросе, как: была ли советско-финляндская война 1941–1944 годов продолжением Зимней войны или она являлась самостоятельной войной?

Безусловно, необходимо учитывать и имеющуюся в распоряжении историков, изучающих проблемы военного плена, литературу более общего характера – например, исследования, касающиеся Главного управления лагерей (ГУЛАГ) НКВД СССР³² Это стоит сделать, в первую очередь, потому что именно ГУЛАГ фактически явился прообразом создания лагерей для военнопленных, имевшим большой опыт содержания заключенных, а также «кузницей кадров» для Управления по делам военнопленных и интернированных. На этом вопросе я остановлюсь более подробно в своей книге. И хотя лагеря системы Главного управления лагерей НКВД СССР не являются предметом изучения в этой книге, но упомяну хотя бы работу английского историка Эдвина Томаса Бэкона *Stalin's Forced Labour System in the Light of Archives* (Сталинская система принудительного труда в свете архивов)³³. Данное исследование интересно тем, что в нем прослеживается история создания, а также различные аспекты деятельности ГУЛАГа. Кроме того, в книге Бэкона приводятся статистические данные о количестве и национальном составе заключенных в интересующий нас период, то есть во время Зимней войны и войны Продолжения. К сожалению, приведенные в исследовании цифры о финнах не позволяют сделать точный подсчет числа военнопленных финской армии. Автор приводит данные о том, что в процентном соотношении к общему числу заключенных финны составляли

от 0,2% (в 1941 г.) до 0,3% (в 1945 г.). А этот вопрос является достаточно интересным, так как некоторые финские пленные, осужденные за якобы «совершенные» ими преступления, содержались в 1940–1955 годах в лагерях Главного управления лагерей.

Итак, мы видим, что на протяжении нескольких десятилетий финских и советских исследователей серьезно не интересовала проблема военнопленных. Интерес к этой проблематике по-настоящему возник лишь около 10–15 лет назад. С этого времени началось интенсивное накопление исторических фактов.

Содержащаяся в историографии информация о советских и финских военнопленных пока довольно неполна и часто противоречива. Ее явно недостаточно для того, чтобы охватить это явление в целом и с необходимой научной строгостью выносить суждения об отдельных сторонах проблемы. Часто мы имели дело лишь с осколками исторической картины произошедших событий.

Безусловно, важнейшие документы по тематике моей работы находятся в фондах Российского государственного военного архива (РГВА) (г. Москва). Созданный как Особый архив, он в начале 90-х годов был переименован в Центр хранения историко-документальных коллекций. В конце 1990-х его объединили с РГВА, передав ему название последнего. К сожалению, некоторая часть из его коллекции материалов еще не введена в научный оборот. Однако документы по истории создания и функционирования УПВИ НКВД СССР, а также материалы, так называемые «Истории» различных лагерей для военнопленных периода 1939–1945 годов – доступны для российских и зарубежных исследователей. Кроме того, значительный интерес представляют собой документы о содержании финских пленных в Грязовецком, Череповецком и других лагерях УПВИ. В фондах РГВА имеются этапные списки военнопленных финской армии, что позволяет установить судьбу некоторых финнов. Несомненный интерес представляет собой «Сводная строевая записка Грязовецкого лагеря НКВД военнопленных

финской армии за период с 20/XII 39 по 22/V 40 г.», в которой приведены статистические данные о политической принадлежности, образовательном уровне финских пленных, а также ряд другой полезной и необходимой для исследователей информации. Нельзя обойти вниманием документы о советских военнопленных в Финляндии, например «Акты санитарного состояния военнопленных. Донесения о беседах с ними и сведения о количестве отображенных ценностей и документов финскими властями», которые хотя и не связаны напрямую с темой моего исследования, но все же дают необходимую для сравнения информацию и позволяют восполнить некоторые информационные лакуны.

Другими не менее важными для написания данной работы материалами являются документы Государственного архива общественно-политических движений и формирований Карелии (ГАОПДФК) (г. Петрозаводск), созданного в 1991 году на базе бывшего партийного архива. В 2001 году ГАОПДФК был переименован в Карельский государственный архив новейшей истории (КГАНИ). Но поскольку работа с фондами данного архива была завершена до изменения названия, в тексте книги ссылки даны на ГАОПДФК. Основу архива составляют фонды партийных и комсомольских организаций республики (1917–1991 гг.). С 1996 года в архиве проделана большая работа по рассекречиванию документов. На открытое хранение переведено свыше 40 000 единиц хранения из фондов партийных органов и первичных партийных организаций за 1918–1991 годы, в том числе документы с грифом «Особая папка» за 1930–1956 годы по фондам Карельского обкома ВКП (б) и ЦК Компартии КФССР.

Меня в первую очередь интересовали документы фонда «Подпольные партийные комитеты КП(б) КФССР», фондов Штаба партизанского движения на Карельском фронте, в которых содержатся сведения о действовавших в годы Великой Отечественной войны на оккупированной территории Карелии подпольных партийных организациях, партийно-комсомольских группах, партизан-

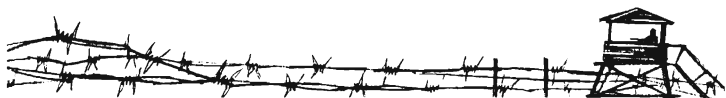
ских отрядах. Эти фонды содержат крайне важную информацию – например, документы оперативного и разведывательного отделов Штаба партизанского движения Карельского фронта за 1941–1944 годы. Кроме того, в ГАОПДФК мною было найдено значительное количество протоколов допросов финских военнопленных за 1941–1944 годы. Несомненный интерес представляют собой документы Особого сектора ЦК КП КФССР – «Оперативные сводки и политдонесения начальников и комиссаров пограничных войск НКВД Карело-Финского округа и охраны войскового тыла 7-й армии о боевых действиях и состоянии воинских частей, примерах героизма бойцов и командиров» и «Сводки разведотдела штаба Карельского фронта по агентурной обстановке в Финляндии и на временно оккупированной территории КФССР». Кроме того, ценную информацию предоставляют «Докладные записки, оперативные сводки и боевые донесения Штаба партизанского движения при военном совете Карельского фронта о состоянии и боевой деятельности партизанских отрядов и партизанских групп» и «Приказы Штаба партизанского движения по выходам партизанских отрядов на выполнение боевых заданий в тылу противника. Планы боевого использования отрядов и отзывы на них ШПД». В них, помимо прочей необходимой информации, содержатся данные о расстрелах партизанами финских военнопленных и гражданского населения Финляндии.

Для создания наиболее полной картины пребывания финских военнопленных в СССР во время Зимней войны и войны Продолжения я использовал документы партийных органов и органов НКВД Карелии: «Материалы особой папки. Олонецкий райком партии», «Спецсообщения Ребольского РО НКВД», «Докладная записка о настроениях населения Медвежьегорского района в связи с военными действиями в Финляндии и помощью, оказанной Красной Армией Народному Правительству Финляндской Демократической республики». В них нашли отражение изменения настроений гражданского населения республики в свете боевых действий с Финляндией.

Необходимо упомянуть и другой партийный архив, документы которого я использовал, – бывший Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма – нынешний Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) (Москва). В фондах этого архива находятся коллекции документов видных деятелей коммунистической партии Финляндии Т. Антикайнена и О. В. Куусинена. В первую очередь, наибольшую ценность для моего исследования представляет так называемая «Папка О. В. Куусинена». В ней содержатся протоколы допросов и интервью финских пленных, проведенных в Сестрорецком приемном пункте для военнопленных в 1940 году. Кроме того, в РГАСПИ находятся документы Центрального Штаба партизанского движения и Оперативные сводки за 1942–1944 годы, которые позволили мне закрыть некоторые информационные бреши в аналогичных документах Штаба партизанского движения Карельского фронта. Так, например, в ходе работы с материалами РГАСПИ я смог доподлинно установить судьбу некоторых финских военнопленных, расстрелянных партизанами в 1942 и 1944 годах. Необходимо отметить документы фонда Центрального Комитета КПСС – Управления пропаганды и агитации за 1938–1948 годы. Данный массив материалов ценен при изучении вопросов «второго плана», позволяющих более глубоко осознать цели и задачи советской пропаганды в интересующий меня периоды.

Ценная информация о пребывании финских военнопленных периода войны Продолжения была мной обнаружена в коллекции материалов Мемориального музея немецких антифашистов (ММНА) (г. Красногорск). Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов здесь располагался Особый оперативно-пересыльный лагерь УПВИ НКВД СССР № 27, предназначенный для сбора и содержания военнопленных, захваченных в боях осенью и зимой 1941/42 года на всем протяжении от Баренцева до Черного моря. ММНА является одним из ведущих в России научно-исследовательских и информационных центров по проблемам

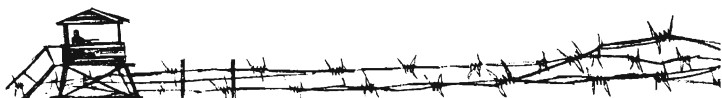

Второй мировой войны. Его экспозицию составляют три раздела: Красногорский лагерь военнопленных УПВИ НКВД СССР № 27, Центральная антифашистская школа, антифашистское движение военнопленных – Национальный комитет «Свободная Германия» и «Союз немецких офицеров». Особое место занимает тема «Плен в период Второй мировой и Великой Отечественной войн». Фондовая коллекция музея насчитывает более 35 тысяч единиц хранения, среди которых малоизвестные материалы и документы, газеты и иллюстрированные издания военного времени, коллекции фронтовых писем, предметы военного быта, вещи, принадлежащие некогда военнопленным, и многое другое.

Информация о военнопленных, прошедших через лагерь № 27, хранится в специально созданной компьютерной программе. Кроме того, в ММНА находится большая коллекция фотографий финских пленных.

Не менее важны для моей темы материалы Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ), Архива Красного Креста, Национального архива Республики Карелия, Архива Федеральной службы безопасности по Республике Карелия, Военно-медицинского архива (Санкт-Петербург). В их фондах также содержатся протоколы допросов финских военнопленных, учетные дела и учетные карточки, инструкции по допросу пленных, медицинские карты и истории болезней.

Все описанные выше российские материалы я использовал в данной книге. Однако, несомненно, многие источники, позволяющие более полно раскрыть тему пребывания финских военнопленных в лагерях УПВИ НКВД СССР во время Зимней войны и войны Продолжения, еще не освоены и не открыты для историков. Естественно, нужно было найти еще какие-то замещающие материалы, которые, конечно, не позволяли полностью реализовать задачи моего исследования, но все же создавали возможность заглянуть за занавес секретности, скрывающий и сегодня некоторые существенные моменты жизни военнопленных.

Не вызывает сомнения, что ограничиваться только российскими архивами при написании данной книги было бы большой ошибкой. В этом случае картина обстоятельств пленения, жизни и смерти, мотивов поведения и поступков многих финских военнопленных в советском плену была бы крайне однобокой. Соответственно я опирался не только на российские, но и на финские архивы. Мне, по мере моих сил и возможностей, удалось совместить и сравнить не только советские, но и финские исторические материалы. Насколько мне хорошо это удалось сделать – судить читателям.

Вне всякого сомнения, архивом № 1 является Военный архив – Sota-arkisto (SA) (г. Хельсинки). В его фондах собрано огромное количество материалов о периоде вооруженного противостояния между СССР и Финляндией в 1939–1944 годах. Помимо дневников боевых действий различных частей и подразделений финской армии, где есть некоторые упоминания о пропавших без вести, попавших в плен и перешедших на сторону неприятеля военнослужащих, в этом архиве находятся учетные карточки пропавших без вести и погибших солдат и офицеров финской армии (Kantakortit). Более того, в Sota-arkisto имеются протоколы допросов финских военнопленных, вернувшихся после окончания войны Продолжения в Финляндию. Данный массив документов сведен в 21 папку, где собраны все протоколы допросов финских офицеров и практически все протоколы допросов рядовых и сержантов финской армии, попавших в плен. Сопоставляя и сравнивая приведенную в них информацию с обнаруженными мною в российских архивах документами, я смог более полно описать картину пребывания финнов в лагерях УПВИ НКВД СССР.

Материалы о военнопленных, а точнее, их фотографии, письма, обращения и т. п. встречаются в фондах отдела пропаганды. Это листовки, датируемые 1939–1944 годами. Кроме того, определенная информация о пребывании финнов в советском плену содержится в газетах «Kansan Mies» за 1941–1942 годы и «Sotilaan Ääni» («Голос солдата») за 1941–1944 годы. Несмотря на тен-

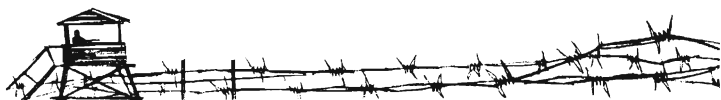
денциозность информации – газеты были рассчитаны на распространение среди финских военнослужащих на фронте, – они представляют собой определенный интерес для исследователей, в том числе и с точки зрения ведения агитации.

В качестве материалов «второго плана» я счел необходимым использовать документы о пребывании советских военнопленных в лагерях Финляндии и протоколы их допросов. Наличие подобной информации позволило сравнивать бытовые условия в плену, а также помогло мне установить обстоятельства пленения и дальнейшую судьбу некоторых финских пленных.

Не менее ценные сведения о судьбе финских военнопленных и о системе поиска пропавших без вести военнослужащих финской армии были обнаружены мной в архиве Министерства иностранных дел Финляндии – Ulkoasiainministeriön arkisto (UA). В этом архиве находятся составленные в разное время списки пропавших без вести граждан Финляндии, запросы финских властей государственным органам.

В фондах архива МИД Финляндии находятся также и советские документы, касающиеся вопросов репатриации финнов на родину, порядка компенсации затрат СССР на репатриацию и переписка официальных органов обоих государств по этому вопросу. Данные документы представляют собой ценность уже тем, что поиск подобных документов в российских архивах результата не дал.

Не менее важными в рамках подготовки книги были документы фондов этого архива, содержащие переписку МИДа с иностранными государствами, организациями и частными лицами. В первую очередь, это материалы, касающиеся пребывания советских военнопленных в Финляндии в период Зимней войны и войны Продолжения: запросы религиозных организаций, письма видных деятелей российской эмиграции по вопросам предоставления убежища бывшим советским пленным, переписка с Международной организацией Красного Креста и т. п. Кроме того, мной были обнаружены петиции и прошения советских пленных на имя

министра иностранных дел В. Таннера и финского правительства, датированные 1940–1941 годами. Эти документы позволяют понять отдельные нюансы проблемы военного плена.

Следует упомянуть также Национальный архив Финляндии Kansallisarkisto. В фондах этого архива находятся чрезвычайно важные документы, датирующиеся 1940–1944 годами. В первую очередь, это материалы государственной полиции Финляндии – Valpo, касающиеся в том числе и допросов бывших финских военнопленных, а также составленные на их основании отчеты о пребывании финских пленных в различных лагерях на территории СССР. Далее необходимо отметить аналогичные документы Ставки. Кроме того, весьма ценные данные для написания моей работы дал «Список захваченных и ушедших в СССР в межвоенный период военнослужащих финской армии». Сопоставляя и сравнивая его с имевшимися в моем распоряжении российскими документами, я смог в некоторой степени прояснить судьбу отдельных военнослужащих из этой группы пленных.

Неоценимую пользу оказали мне материалы, находящиеся в архиве Ассоциации военнопленных Финляндии – Sotavangit r.y. Основанная в 1969 году бывшими пленными, эта организация в разные годы получила из СССР, России и стран СНГ большое количество копий ценных документов, касающихся финских военнопленных в Советском Союзе. Некоторые из этих документов, находящихся в российских архивах, по разным причинам вновь оказались недоступными для большинства исследователей военного плена. Кроме того, значительный интерес представляет переписка Ассоциации с представителями органов власти как России, так и Финляндии, по вопросу увековечивания памяти умерших во время войны Продолжения в СССР финских военнопленных.

Конечно, это далеко не полный список архивных фондов и материалов, с которыми я ознакомился и использовал при написании этой книги. Однако я вынужден ограничиться упоминанием лишь этих, как са-

мых, по моему мнению, главных, так как создание каталога по данной проблематике не входит в задачу моей работы.

Безусловно, официальные документы чрезвычайно важны. Однако сухие цифры и даты, а также казенный язык чиновников, занимавшихся военнопленными, не мог заменить воспоминания самих очевидцев происходивших событий. При подготовке книги я получил возможность использовать документы частных коллекций России и Финляндии. В частности, неоценимую пользу мне оказали личные архивы председателя Ассоциации военнопленных Финляндии Теуво Алава и финского режиссера-документалиста Реийо Никкиля, содержащие большое количество интервью, полученных у бывших финских и советских военнопленных. Кроме того, я использовал материалы личного архива бывшего советского пленного Николая Дьякова, находившегося в Финляндии в 1941–1944 годах, а также коллекцию материалов петербургского историка Виктора Степакова. Я также использовал интервью финских военнопленных, имеющиеся в моей коллекции документов.

ГЛАВА 2

ПРАВОВОЙ СТАТУС ВОЕННОПЛЕННЫХ

Многовековая история человечества есть в определенной мере история войн, военного противостояния различных народов и государств, пытавшихся с помощью оружия разрубить узлы возникавших межгосударственных противоречий. В ходе вооруженной борьбы неизбежно вставала проблема военнопленных, которую так или иначе необходимо было решать как при ведении боевых действий, так и после окончания войны. Более того, то или иное решение этой проблемы оказывало существенное влияние на послевоенное строительство новых межгосударственных отношений.

Разумеется, для решения проблемы военнопленных, когда ее масштабы были значительны, нужно было создавать какие-то специализированные, пусть даже и временные, организационные структуры и механизмы. Ибо действующая армия, в силу своего боевого предназначения, не могла заниматься людьми, взятыми ею в плен. Но коль скоро создавались структуры с особыми полномочиями и материально-техническими ресурсами, нужно было создавать и правовые основы их деятельности.

Существуют ли правовые основы обращения с военными людьми в плену, нормативные документы, регулирующие их содержание, обмен и репатриацию как на внутригосударственном уровне, так и на уровне мирового сообщества? Если существуют, то отражают ли они интересы самих военнопленных?

Нам нужно также знать, разрабатывались ли в СССР и Финляндии периода Зимней войны и войны Продолжения соответствующие нормативно-правовые документы? И если да, то чем они отличались от соответствующих международных актов?

Из истории формирования правовых основ обращения с военнопленными

На каждом этапе исторического процесса проблема военнопленных решалась по-разному, исходя из достигнутого уровня материально-технического развития общества и его духовно-нравственного состояния, уровня образования и культуры, нравственных качеств людей, стоявших во главе армий, государств, специализированных органов, занимавшихся вопросами жизни человека в плену.

Нельзя не содрогаться, читая некоторые страницы истории военнопленных. Многие века всех захваченных в плен просто убивали. Причем так же относились и к завоеванному населению. Не было деления пленных на военных и гражданских лиц. Не щадили ни женщин, ни стариков, ни детей. Иногда завоеватели оставляли пленных в живых и даже немного кормили. Правда, при этом их содержали хуже, чем рабочий скот. Но такая «милость» проявлялась лишь потому, что военнопленные были товаром – их продавали в рабство, и нужно было поддерживать хоть минимальное качество живого товара, нужно было, чтобы они как-то выдерживали передвижение до невольничьих рынков.

Но времена менялись. По мере развития ценности жизни человека как источника материального благополучия государства и общества, проникновения в общественное сознание и укрепления в нем гуманистических идей мировых религий народы стали понемногу осознавать, что эту проблему надо решать как-то более цивилизованно, что надо дать пленным хотя бы право на жизнь. Уже в Средневековье от этой проблемы нельзя было отмахнуться и в связи со значительным ростом ее масштабов. Войны в Европе велись непрерывно и нередко длились десятилетиями. Это и обусловило то, что на данном этапе исторического процесса проблема военнопленных стала переходить из разряда частных, попутных, малозначимых для общества, в разряд самостоятельных, перманентных, актуальных в аспекте конкретного практического разрешения.

Однако и в это время содержание и обмен военнопленными не регулировались на правовой основе. Не существовало более или менее развитой, утвержденной национальным законодательством, а тем более на межгосударственном уровне, стабильной нормативно-правовой базы. Проблему если и решали на каком-то рациональном уровне, то только на временной устной договоренности воюющих сторон. Причем всегда при господстве воли побеждающего или победителя.

Разумеется, все только что изложенное существовало как историческая тенденция. История знает и письменные документы. Например, в 944 году был заключен договор Руси с Византией, в котором устанавливались нормы выкупа соотечественников из плена. Но этот правовой акт просуществовал, во-первых, недолго, как и многие подобные соглашения между другими сторонами, относился к разряду единичных исторических явлений. Во-вторых, речь и в этом документе шла, по сути, о купле-продаже воинов. К тому же многих пленных, несмотря на договор, все равно продавали в рабство и даже убивали.

На процесс осознания необходимости правового регулирования содержания и возвращения военнопленных на родину существенное влияние оказывало нравственное отношение к ним общества, пославшего их на войну, а в этих рамках отношение самих воинов к возможному плену. Например, в Древней Руси воины нередко предпочитали смерть плену, «ибо мертвые сраму не имут». Но это был не только мотив героического поступка. Это была и нравственная дилемма, которую приходилось часто и многим решать. И то или иное решение определяло отношение общества к своим соотечественникам, попавшим в плен. Погибших оплакивали, а бежавших с поля битвы никто не жалел.

Но и тогда многие люди не забывали об обстоятельствах пленения. Добровольно сдавшиеся, предавшие своих товарищей, трусы и малодушные неизменно вызывали презрение и негативное отношение как гражданского населения, так и самих военных. Те же, кто

попал в руки к неприятелю в результате ранения и физической невозможности продолжать сопротивление, вызывали чувство сострадания.

В конце средних веков мы наблюдаем заметный сдвиг к более человеколюбивому отношению к военнопленным, как к чужим так и своим. Это привело к тому, что проблемой все шире и более основательно стало заниматься государство. Данное изменение можно заметить, например, по вкраплениям в национальное законодательство Московской Руси правовых положений, относящихся к сфере плена. В частности, в российском Соборном уложении 1692 года.

Из этого правового документа следовало, что пленных соотечественников нельзя было бросать на произвол судьбы, что государство стало проявлять определенную заботу о возвращении на родину своих плененных граждан. Отдельная глава Уложения была посвящена порядку их выкупа. В ней, в частности, отмечалось, что все города Московского государства и посадские дворы должны ежегодно собирать деньги на выкуп пленников. Более того, вернувшиеся из неволи крепостные крестьяне в качестве компенсации за перенесенные лишения получали вольную, то есть право на государственную компенсацию. Это компенсационное положение распространялось и на семьи вернувшихся из плена.

О сдвигах общественного сознания и политики государства в сторону более гуманного отношения к иностранным военнопленным можно судить и по Воинскому артикулу Петра I (1715). В этом документе уже довольно четко регулировались взаимоотношения Российского государства и вражеских пленных. Так, за убийство военнопленного на провинившегося налагалось суровое взыскание, то есть военнопленным гарантировалось право на защиту от произвола, обеспеченное нормативным актом. Кроме того, Артикул рассматривал и определял обстоятельства сдачи в плен своих солдат: то, что можно было поставить в вину плененному человеку, и то, что можно было зачесть ему в качестве оправдания. То есть, по существу, военнопленный соотечественник приобрел право на свою реабилитацию.

«Притчины, которых ради комендант, офицеры и солдаты извинены могут быть, когда крепость здастся, суть следующие: (1) Крайней голод, когда ничего не будет, чем человек питаться может, имея наперед всевозможную в пище бережность; (2) Когда амуниции ничего не останется, которая також со всякой бережью трачена; (3) Когда людей так убудет, что оборониться весьма не в состоянии будут (а во всю осаду оборонялися храбро), сикурсу получить не могут, и что крепости уже по всем видам удержать невозможно; (4) Однакож сии пункты суть тем, кои особливого указа не имеют. А которые имеют указ до последнего человека оборонятися, то никакой нужды ради не капитулировать с неприятелем, и крепости не отдавать».

Для того чтобы гарантировать военнопленным армий противника какие-то права, необходимо еще и иметь представление об их количестве. Учет иностранных пленных постепенно приобретает большое значение. В распоряжении исследователей проблемы военного плена имеются некоторые статистические данные, относящиеся к началу XIX века, а точнее, к 1812 году — времени войны России с Наполеоном. По свидетельству вологодского исследователя С. Тихомирова, главнокомандующий в Санкт-Петербурге С. К. Вязмитинов в циркулярном письме просил гражданских губернаторов каждые две недели сообщать в канцелярию Министерства полиции сведения о передвижении военнопленных наполеоновской армии. Настоятельно требовалось составлять именные списки, указывать количественный и качественный состав попавших в плен солдат «великой» армии, указывать их национальность, воинское звание и рода войск. По сведениям, поступившим к возглавлявшему Собственную Его Императорского Величества Канцелярию А. А. Аракчееву, в 1813 году общее количество военнопленных составляло 196 975 человек, умерли в плену 119 636 человек, из них в госпиталях и больницах скончались от ран и болезней 16 397 солдат и офицеров противника. Главнокомандующий в Санкт-Петербурге С. К. Вязмитинов распорядился, «чтобы пленным нигде, ни от кого никакого притеснения ока-

зывается не было; но чтобы и они вели себя скромно», а «за дерзкое поведение одного отвечают все они»³⁴. Очевидно, именно с этого времени можно вести отчет о создании нормативно-правовой базы пребывания иностранных военнопленных на территории Российской империи. В 1813 году принимаются «Правила, которыми руководствоваться, принимая военнопленных в подданство России», которые регулировали многие аспекты трудового использования бывших военнопленных. Таким образом, мы видим достаточно хорошо проработанные нормативные документы, явившиеся, по сути, базой для дальнейшего развития национального законодательства об иностранных пленниках.

Итак, действительное движение в сторону законодательного обеспечения решения проблемы военнопленных началось с точки, при которой взаимообмен военнопленными и выкуп взятых в плен (прежде всего офицеров) производились по устной договоренности, а содержание военнопленных на вражеской территории регулировалось не зафиксированными в письменной форме общечеловеческими исторически текущими нравственными нормами. Только к XIX веку при окончании боевых действий между армиями европейских государств стали заключаться в письменной правовой форме в специальной части мирных договоров временные соглашения по взятым в плен.

По мере расширения участников вооруженных конфликтов, в результате которых в плену оказывались уже сотни тысяч солдат и офицеров, мировое сообщество вынуждено решать данную проблему на основании международных правовых норм. В 1864 году была подписана Женевская конвенция. В ней впервые на мировом межгосударственном уровне была сформулирована развернутая, хотя и неполная, система правовых норм и положений, регулировавших действия стран при комплексном решении проблемы пленников и впервые был определен юридический статус военнопленных.

В XX веке сложилась качественно иная ситуация. Войны приобрели мировой характер, и количество взя-

тых в плен измерялось в миллионах. Их численность стала сопоставимой с численностью населения многих государств. Например, в результате военных действий Первой мировой войны только русских пленных было 2 млн 600 тысяч человек, из которых около 200 тысяч погибли на чужбине. Доля погибших в плену военнослужащих держав Антанты равнялась девяти процентам. Таких масштабов история войны и военного плена не знала.

В условиях глобализации проблемы жизни и смерти в плену, вопросы обеспечения хотя бы элементарной жизнедеятельности плененного человека уже нельзя было не контролировать и не регулировать на международном уровне, нельзя было по традиции отдавать только на милость, «гуманность» победителя. Да и в ее правовом обеспечении теперь были крайне заинтересованы не только проигравшие войну, но и победившие. Им приходилось возвращать к полноценной жизни огромные массы людей. Поэтому и они осознали, что нужны нормативно-правовые документы, которые сдерживали бы рост до губительных размеров отрицательных результатов плена. И они осознали, что требования этих документов должны неукоснительно выполняться всеми воюющими сторонами.

Уже в начале XX века, по историческим меркам накануне Первой мировой войны, появился международный правовой документ «Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 5 (18) октября 1907 г.» (Гагская конвенция), которая существенно уточнила и расширила многие положения Женевской конвенции 1864 года. В этом правовом международном документе в приложении к Конвенции в Отделе I была специально выделена особая Глава II «О военнопленных», состоявшая из 17 статей, определявших права и обязанности государства и военнопленных.

Данный международно-правовой документ юридически четко определял, кто несет ответственность за судьбу военнопленных, кто призван решать эту проблему. Это государство в лице одного из своих высших органов исполнительной власти – правительства. Не воо-

руженные силы, не ополченцы, не местные органы власти, не частные институты, не общественные и благотворительные организации, а именно государство. С момента плена человек должен находиться под защитой государства, которое обязано пресекать произвол по отношению к нему со стороны захвативших его воинских формирований и их военачальников, а также частных лиц, местных властей и толпы. Государство обязано соблюдать права военнопленного, круг которых был определен в этом документе. Причем оно обязано решать все вопросы жизнедеятельности военнопленных на принципах «человеколюбия».

Таким образом, Гагская конвенция 1907 года стала тем документом, в котором довольно четко и широко зафиксированы права и обязанности военнопленного и государства, удерживающего его в плену. Содержащиеся здесь правовые нормы и положения охватывают почти все стороны жизнедеятельности плененного человека. Впервые он действительно рассматривается как социальное существо, достойное человеческого существования. Впервые государство, подписавшее этот документ, брало на себя обязательства по обеспечению законных прав не своих граждан, а людей, которые воевали против него.

При этом необходимо особо подчеркнуть следующее обстоятельство: международное право в этой области шло впереди внутригосударственного национального законодательства. Таких или подобных документов, с развернутой системой взаимных прав и обязанностей двух субъектов взаимодействия, не было ни в одном государстве.

Более того, в национальных законодательствах не было подобных нормативно-правовых документов, регулировавших отношения государства со своими гражданами, плененными враждебным государством. Ни одно государство еще не осознавало тогда в полной мере необходимость всесторонней правовой защиты в национальном законодательстве этих жертв войны, законодательного обеспечения их полноценного возвращения к активной послевоенной жизни.

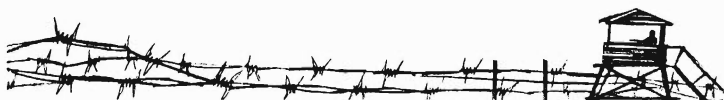

Однако в связи с вышеподчеркнутым необходимо сделать некоторое историческое уточнение. Помимо этой конвенции были и другие, принятые конференциями в Гааге в 1899 и 1907 годах³⁵. В работе этих двух конференций участвовали представители соответственно 27 и 44 государств. Они рассмотрели и приняли правовые документы по следующим темам: регламентация правил ведения войны, законы и обычаи войны, мирное разрешение международных конфликтов, нейтралитет, защита мирных жителей, режим военнопленных, участь раненых и больных и т. д.

Большинство из этих конвенций являлись лишь общим фоном решения проблемы военнопленных, многие утратили свою силу, поскольку их положения затем были развиты в Женевских конвенциях 1929 и 1949 годов.

Итак, в первом десятилетии XX века мировое сообщество выработало международное законодательство, которое призвано было регулировать действия государств и их правительств в случае начала вооруженного противостояния конфликтующих сторон, в ходе проведения враждующими армиями боевых операций и по окончании вооруженной борьбы. Уже через семь лет представилась возможность проверить конвенции на их соответствие общественной практике. В частности: насколько были юридически чистыми и непротиворечивыми, полными и ясными разработанные правовые положения и нормы, в какой степени, в каком объеме их можно было выполнить при ведении военных действий, насколько эффективным был механизм морального побуждения и принуждения воюющих государств (в том числе информационный и иной контроль, экономические и иные санкции), подталкивающий их к реализации международных документов.

В 1914 году началась Первая мировая война, в которой приняли участие 38 государств. Результаты войны были чудовищны: людские потери составили 9,5 млн человек убитыми и 20 млн раненых. Миллионы людей оказались в плену, потеряли здоровье, стали инвалидами, умирали от истощения в лагерях.

На основании существовавших тогда международно-правовых документов российский император Николай II в указе от 7 октября 1914 года утверждает «Положение о военнопленных». Развивая этот документ, 31 октября 1914 года выходит специальный приказ по Военному ведомству № 697, регулирующий основополагающие принципы обращения с иностранными военнопленными на территории Российской империи, то есть были определены условия транспортировки, содержания, нормы питания, вещевого довольствия пленных.

Военные события и содержание военнопленных выявили многие ошибки, допущенные мировым сообществом в его попытках первого десятилетия XX века мирно решать возникающие межгосударственные споры, облегчить участь мирного населения воюющих стран и военнослужащих, попавших в плен, в попытке добиться от всех государств полного соблюдения всех требований правовых актов, принятых мировым сообществом.

Однако анализ рассматривавшихся нами выше международных документов, выявившихся в ходе Первой мировой войны, не является предметом рассмотрения этой книги. Но нужно обратить внимание на впервые ярко и масштабно проявившуюся, по сути, новую проблему плена – равное содержание, соблюдение равноправия всех военнопленных, независимо от их расовой и национальной принадлежности и вероисповедания.

Насколько злободневной была эта проблема, свидетельствуют, например, рассказы французских и бельгийских военнопленных, отпущенных в 1916 году из Германии домой по болезни, а также воспоминания самих военнопленных, вернувшихся из германского и австрийского плена.

Французский сержант повествовал о порядках, существовавших в лагерях для военнопленных: «Русские страшно голодали. Все, что получалось, было адресовано определенным пленным либо пленным определенных наций. Среди французов и самый круглый сирота имел свои получки: хлеб, сахар, книги, табак, шоколад. У русских почти ни у кого ничего не было. Очень, очень

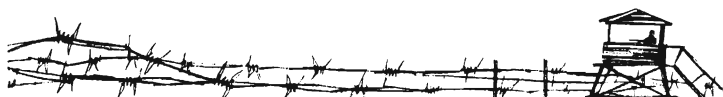
голодают они. В каждом лагере есть как будто люди двух рас: русские и все остальные». По словам француза, немецкие власти установили тогда неизмеримую дистанцию, отделявшую русских пленных от пленных других национальностей.

В письме русского военнопленного офицера в Германии к брату, опубликованном в 1916 году в «Солдатском вестнике шестой армии»³⁶, отмечалось: «наши военнопленные солдаты в ужасных условиях... Должен тебе сказать, что теперь в Германии начался форменный голод, даже картофеля не хватает... У нас комендант лагеря приказал все остатки нашего стола (включая картофельную шелуху) класть в одно место, для раздачи потом бедному населению... Представь же теперь, каково положение наших пленных солдат, как должны питаться они, когда немцы сами чуть ли не мрут с голода. Шелуха от картофеля в буквальном смысле этого слова стала блюдом».

Надо с удовлетворением констатировать, что международное сообщество заметило многие недостатки международного права, выявленные в ходе Первой мировой войны, и попыталось в определенной мере извлечь уроки на будущее. Были критически переработаны предыдущие конвенции, развиты их отдельные удачные правовые положения и нормы, сформулированы новые права военнопленных. То есть были подготовлены проекты новых, более развернутых международных документов.

В рамках этого курса 27 июня 1929 года в Женеве главами 47 государств были подписаны две международные конвенции: «Об обращении с военнопленными» и «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях». В этих международных документах вводились новые правовые положения и нормы и детализировались старые, которые входили в конвенции, принятые мировым сообществом в предыдущие годы.

В первой из названных конвенций 1929 года вводилось юридическое понятие «военнопленный». К ним относились лица, принадлежавшие к вооруженным силам воюющих сторон (то есть военнослужащие), и не-

которые гражданские лица, взятые в плен во время военно-морских и военно-воздушных операций. В эту категорию включен был также состав добровольческих частей, состоящих из населения, взявшего добровольно оружие при сражении с наступающими на населенный пункт неприятельскими войсками.

Вместе с тем круг изложенных в Конвенции прав и обязанностей государства, пленившего человека, и его самого распространялся на следовавших за армией корреспондентов, газетных репортеров, маркитантов и армейских поставщиков (ст. 81).

В Конвенции 1929 года существенно расширились и вводились новые права военнопленных: 1) право женщин на уважение личности и чести во всем соответствии с их полом (ст. 3); 2) право гражданской правоспособности (ст. 3); 3) право на учет расовых и национальных особенностей (ст. 9 и ст. 20); 4) право на медицинское обслуживание в широких пределах (ст. 14 и ст. 15); 5) право на сохранение бывшего воинского статуса (ст. 22 и ст. 23); 6) право на информацию (ст. 26); 7) право на работу с учетом трудового законодательства (ст. 27); 8) право на отдых (ст. 29); 9) право на выбор доверенного лица и организацию взаимопомощи (ст. 43); 10) право на судебную защиту (ст. 61); 11) право на досрочное освобождение (ст. 68, ст. 71 и ст. 72). Более того, военнопленный имел возможность ознакомиться со своими правами и обязанностями, так как статья 84 обязывала администрацию вывешивать текст Конвенции в местах пребывания военнопленных на их родном языке.

Необходимо специально выделить статью 42 Конвенции о праве жалобы военнопленных на режим содержания в плену. Прочитав ее полностью, поскольку это позволит дать ясное представление о том, интересы кого защищала Конвенция, как она определяла отношения между двумя субъектами взаимодействия, а также отношения этой связки с международным сообществом:

«Военнопленные имеют право предоставлять военным властям, в ведении коих они находятся, свои жалобы на режим содержания, которому они подвергнуты.

Равным образом они имеют право обращаться к представителям держав-покровительниц с указанием моментов, касающихся режима плена, на которые приносят жалобы.

Эти заявления и протесты должны передаваться безотлагательно.

Даже если таковые будут признаны необоснованными, они не могут ни в коем случае послужить основанием для наказания».

Из текста статьи видно, что явное предпочтение отдается военнопленному, а не государству, во власти которого он находится. Здесь зафиксированы права из области действительно подлинных прав человека. Вся Конвенция свидетельствует о том, что была предпринята попытка решить судьбу плененного человека на принципах демократии, открытости, свободы и справедливости.

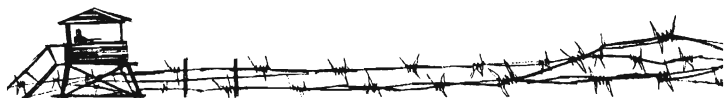
В этой Конвенции были предусмотрены новые обязанности государства: 1) производить маршевую эвакуацию пленных нормальными этапами по 20 км в день (ст. 7); 2) избегать по мере возможности соединения в одном лагере людей разных рас и национальностей (ст. 9); 3) зачитывать приказы и уведомления, проводить допросы, объяснять правила на языке, понятном военнопленному (ст. 20); 4) организовывать в лагерях лавки для покупки военнопленными пищевых продуктов и предметов обихода по местным торговым ценам (ст. 12); 4) принимать меры по обеспечению чистоты и здоровья в лагерях, организовывать бани и души, предотвращать эпидемии (ст. 13); 5) организовывать в лагерях лазареты и изоляторы для заразных больных, помещать тяжелобольных во внелагерные военные и гражданские лечебные учреждения (ст. 14); 6) проводить ежемесячно медицинские осмотры (ст. 15); 7) выделять военнопленных солдат для обслуживания пленных офицеров в достаточном числе соответственно чину офицера (ст. 22); 8) выплачивать военнопленному оклад, соответствующий его чину в сумме, которую получают офицеры его действующей национальной армии (ст. 23); 9) информировать военнопленных в случае перемещения о новых местах назначения и позволять брать с собой личные

вещи (ст. 26); 10) распространять законы о труде страны-содержательницы на военнопленных при несчастном случае на работе (ст. 27); 11) предоставлять еженедельный непрерывный двадцатичетырехчасовой отдых (ст. 29); 12) обеспечивать продолжительность рабочего дня не выше норм, установленных для гражданских рабочих (ст. 30); 13) предоставлять квалифицированного защитника при суде над военнопленным (ст. 57).

Конвенция значительно расширила и конкретизировала многие права и обязанности военнопленных и государства, ранее закрепленные в Гагской конвенции 1907 года: 1) запрещалось применять какие-либо принуждения для получения сведений, относящихся к положению их армии и страны, воздействовать на отказавшихся дать такие ответы ни угрозами, ни оскорблениями, а равно подвергать их взысканиям (ст. 5); 2) запрещалось отнимать документы о личности, отличительные знаки чинов, ордена и ценные предметы (ст. 6); 3) запрещалось использовать военнопленных в качестве защиты каких-либо пунктов или местностей от неприятельского обстрела (ст. 9); 4) вводилась обязательность лагеря подчиняться власти ответственного офицера (ст. 18); 5) вводилась обязанность отдавать честь всем офицерам державы, взявшей в плен, но только с учетом старшинства и равенства чина (ст. 18); 6) разрешалось ношение знаков, чинов и отличий (ст. 19); 7) не оплачивалась работа, относящаяся к управлению, устройству и содержанию лагеря (ст. 34); 8) разрешалось послать письмо семье в недельный срок по прибытии в лагерь (ст. 36); 9) разрешалось подвергать цензуре корреспонденцию военнопленного, контролировать почтовые посылки с пищей и одеждой (ст. 40); 10) запрещались любые телесные наказания, заключение в карцер, лишение дневного света, а также групповое наказание (ст. 46); 11) устанавливалась продолжительность наказания не более чем 30 дней (ст. 54).

При этом в Конвенции впервые была выделена специальная глава под характерным названием: «Умственные и моральные потребности военнопленных». В ней речь шла о том, что пленным нужно предоставлять воз-

можность до 60 раз присутствовать на богослужении (ст. 16), что нужно поощрять умственные и спортивные развлечения, организуемые самими военнопленными (ст. 17). Кроме того, разрешалось получать индивидуальные посылки с книгами, которые все же могли подвергаться цензуре, книги для лагерных библиотек, передача которых не могла быть замедлена под предлогом цензурных затруднений (ст. 39). Причем даже дисциплинарно наказанные имели право читать и писать, получать и посылать корреспонденцию (ст. 57).

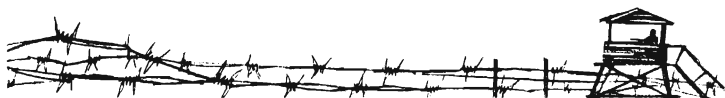
Уточнены были санитарно-гигиенические нормы размещения пленных: а) их можно было размещать в бараках и строениях только при гарантии гигиены и здоровья, б) эти помещения должны были отапливаться, освещаться и защищены от сырости, в) общая площадь, минимальная кубатура койки и их оборудование должны были по размерам соответствовать тем, что применялись в военных частях той державы, которая содержит военнопленных (ст. 10).

В Конвенции 1929 года впервые комплексно решались вопросы окончания пленения, освобождения и репатриации. В частности, предусматривалась возможность досрочного освобождения тяжелобольных и инвалидов (ст. 68), жертв несчастных случаев на работе (ст. 71), а также тех, кто «подвергнулся долговременному пленению» (ст. 72).

Для ускорения срока освобождения запрещалось задерживать репатрируемых до отбытия дисциплинарного наказания (ст. 53).

Важно также отметить, что предусматривалось создание Центрального агентства осведомления военнопленных (справочное Бюро), о котором не говорилось в предыдущих конвенциях. Агентство, по сути, было международной организацией и учреждалось в нейтральной стране. В нем концентрировались все сведения, касающиеся военнопленных. Функции по созданию агентства возлагались на Международный комитет Красного Креста (ст. 79).

Кроме отмеченных возможностей контроля за реализацией положений Конвенции была предусмотрена и

такая: представители державы-покровительницы надеялись правом посещения всех без исключения мест, в которых интернированы военнопленные. При этом им обеспечивалось сношение с военнопленными без свидетелей (ст. 86).

Но механизм реализации Конвенции не ограничивался обозначенными выше элементами. Государства, подписавшие Конвенцию, могли разрабатывать свои внутренние правовые документы. Им предлагалось сообщать друг другу о дополнительно выработанных национальных законах и правилах, направленных на эффективное обеспечение всех положений Конвенции (ст. 85).

Таким образом, военнопленные теперь наделялись довольно широкими правами. Эти права защищались в форме ясно сформулированных законодательно-юридических норм. Предлагались некоторые организационные элементы механизма реализации этих прав, а также основополагающего международного правового акта по вопросу обращения с пленными в целом.

Решение большинства вопросов содержания и репатриации военнопленных теперь не являлось частным делом государства, во власти которого они находились. Оно обязано было играть по цивилизованным правилам, принятым мировым сообществом. Причем фактически и тогда, когда государство не являлось участником Конвенции.

Данная Конвенция прошла суровое испытание в ходе Второй мировой войны. Война показала, что нужно опять вносить изменения и дополнения в международное право. Новым шагом на пути действительно устойчивого развития международного законодательства в интересующей нас области на принципах гуманизма и общечеловеческих ценностей стала Женевская конвенция об обращении с военнопленными 12 августа 1949 года. Конвенция вступила в силу 21 октября 1950 года. Ее участниками на 31 мая 1996 года являлись 186 государств.

Я не буду рассматривать положения и нормы 135 ее статей, структурированных в шести крупных разделах, которые разбиты на отдельные части, делящиеся в

свою очередь на главы. Ибо эта Конвенция начала действовать в то время, когда Финляндия и СССР уже практически завершили решение проблемы военнопленных Зимней войны и войны Продолжения.

Нормативные акты СССР о содержании финских военнопленных

Для того чтобы определить, в какой степени реальная практика содержания финских военнопленных в СССР и их репатриации соответствовала декларированным правам пленных в международных актах и советских нормативно-правовых документах, необходимо проанализировать различные документы по проблеме военнопленных, принятые правительством СССР, министерствами и ведомствами, командованием Вооруженных сил СССР в годы Зимней войны и войны Продолжения, а также в предвоенные годы. Это позволит ответить на вопрос, каким был нормативно-правовой статус финских военнопленных, чем он отличался от утвержденного мировым сообществом в Конвенции 1929 года.

Сразу следует подчеркнуть, что СССР не ратифицировал Женевскую конвенцию 1929 года «Об обращении с военнопленными», поскольку, по его заявлению, он не мог выполнить несколько содержащихся в них существенных нормативов. Российский исследователь В. Галицкий считает, что И. Сталин не был против подписания и принятия данной Конвенции, но советская делегация по вине Авеля Енукидзе не смогла вовремя оформить соответствующую заявку на выезд в Женеву, «а А. Енукидзе просто побоялся вторично доложить Сталину о необходимости выезда советской делегации в Женеву»³⁷. Однако при этом было заявлено, что СССР в случае возникновения проблемы будет ее решать в духе этого международного акта. То есть, не признавая Конвенцию *de jure, de facto* СССР брал на себя обязательство гарантировать права военнопленных, признанные мировым сообществом.

Более того, 25 августа 1931 года нарком иностранных дел СССР М. Литвинов подписал другую важнейшую,

тесно связанную с указанным нами выше международным актом, Женевскую конвенцию 1929 года «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях». В СССР она вступила в силу 26 марта 1932 года.

В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос: почему СССР не ратифицировал Конвенцию «Об обращении с военнопленными», но подписал международный документ «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях»?

По моему мнению, вопрос ратификации данных международно-правовых документов был основан именно на особенностях национального законодательства СССР. В УК СССР 1926 года имелись статьи, предусматривающие уголовное наказание за сдачу в плен. Соответственно, признав права иностранных пленных, СССР вынужден был бы признать и права собственных солдат и командиров, попавших в плен к неприятелю. Вполне очевидно, что так Советский Союз поступить не мог – военнопленный априори считался «врагом народа» и предателем. А какие права могут быть у изменника? Однако существовали некоторые «смягчающие вину обстоятельства» – ранение, болезнь и недееспособность могли освободить советских военнопленных от уголовного преследования. Поэтому СССР в соответствии со своим внутренним законодательством закрепил равные права за своими и иностранными больными и ранеными пленными. Таким образом, я считаю вполне логичным мотив Советского Союза не подписывать Женевскую конвенцию «Об обращении с военнопленными». Другое дело, насколько этичными и моральными были эти действия советского руководства. Фактически Сталин предавал своих солдат, позволяя противникам, в первую очередь, конечно, Германии, не соблюдать в отношении советских военнопленных постановления названной Конвенции.

Итак, еще за несколько лет до начала «зимнего» вооруженного противостояния между двумя странами СССР *de facto* признавал основополагающие международные акты, определявшие отношения военнопленного и государства, удерживающего его в плену, используя

в качестве фундамента внутреннее законодательство. Однако Советский Союз на основе конвенций разработал нормативные документы, обязательные для исполнения, создав тем самым правовые рамки при принятии соответствующих практических действий по решению проблемы иностранных военнопленных. То есть, с одной стороны, вопреки международной практике межгосударственные соглашения были подменены внутренним законодательством, а с другой – инструкции по обращению с иностранными пленными разрабатывались на основе конвенций.

Важно также отметить, что к началу Зимней войны СССР уже имел практический опыт обращения с иностранными военнопленными. На его территории существовали лагеря, в которых содержались военнослужащие польской армии. Они попали в плен в ходе войны, начатой в конце апреля 1920 года Польшей против Советского Союза с целью захвата нескольких районов Украины и Белоруссии, входивших тогда в состав СССР. Существовали также лагеря для военнослужащих японской армии, захваченных в плен во время боев советско-монгольских войск с вооруженными силами Японии в 1938–1939 годах в районе озера Хасан и реки Халхин-Гол.

Для решения проблемы иностранных военнопленных советское правительство вынуждено было создавать внутреннее национальное законодательство. После принятия Женевских конвенций 1929 года оно, а точнее, Центральный исполнительный комитет СССР (ЦИК СССР – высший орган государственной власти СССР с 1922 по 1938 год с некоторыми законодательными функциями) и Совет народных комиссаров СССР (СНК СССР – высший исполнительный и распорядительный орган государственной власти СССР с 1917 по 1946 год), принимает 19 марта 1931 года Постановление № 46 под названием: «Положение о военнопленных». Этот документ регулировал взаимоотношения между Советским государством и пленными гражданами других государств, определял решение всех общих вопросов жизнедеятельности иностранных военнопленных,

находившихся на территории СССР, с учетом опыта Первой мировой войны, послевоенной дискуссии мирового сообщества по данной проблеме, возможностей страны, недавно пережившей Гражданскую войну. «Положение о военнопленных» 1931 года действовало до сентября 1939 года и в целом соответствовало Женевским конвенциям 1929 года.

Однако в Положении имелись и существенные различия. Документ, принятый советским правительством, основывался на трех системообразующих посылах: 1) режим содержания военнопленных в Советском Союзе должен строиться в соответствии с мировым опытом решения проблемы и не должен быть хуже того, который определен Женевской конвенцией; 2) советский документ не должен полностью копировать Женевскую конвенцию, нужно исходить из реальной ситуации страны, строящей социализм, поэтому некоторые права военнопленных, предусмотренные в Конвенции, не должны включаться напрямую в «Положение о военнопленных», а входить лишь в качестве отдельных элементов в инструкции, предназначенные для тех, кто будет непосредственно контактировать с военнопленными; 3) разрабатываемый в СССР документ должен соответствовать в полной мере национальному законодательству, отражающему своеобразие истории развития страны и ее народов, и согласован с нормами советского права.

Именно в связи с тем, что Положение увязывалось с нормами советского права, количество статей в этом документе было в два раза меньше (45), чем в Женевской конвенции 1929 года (97). При этом не признавались некоторые права и обязанности как военнопленных, так и государства, предусмотренные Конвенцией, но одновременно расширялся объем отдельных их прав и обязанностей, содержащихся в международном акте.

Так, в советском документе содержались следующие отличия.

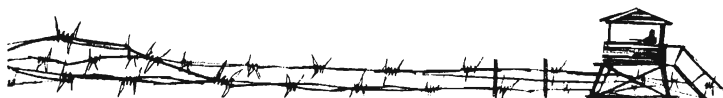
Во-первых, не предусматривались льготы военнопленным из офицерского состава, при указании возможности содержания их отдельно от остальных плен-

ных; запрещалось денщикество и ношение знаков отличия; военнопленные не обязаны были отдавать воинское приветствие – честь – офицерам; не учитывалось положение Конвенции о размещении пленных по национальному признаку в отдельных лагерях; не сохранялось положение, согласно которому привлечение военнопленных к работам могло быть только при их личном согласии, труд был обязательным для всех.

Во-вторых, на пленных распространялся гражданский, а не военный режим; денежное довольствие выплачивалось всем военнопленным, а не только офицерскому составу; пленным из числа «рабочего класса и эксплуатируемого крестьянства» предоставлялись права, аналогичные правам других иностранцев, находящихся на территории СССР; труд военнопленных организовывался с учетом общего законодательства СССР об охране труда и оплачивался по нормам, установленным для местностей расположения лагерей и для соответствующей категории трудящихся; расширялись права на самоуправление через создание лагерных комитетов, которым предоставлялась возможность связываться по вопросам жизни пленных со всеми органами государства, то есть функции комитетов не ограничивались вопросами получения и распределения посылок.

В середине сентября 1939 года в СССР появляются явные признаки того, что государство готовится к наступлению каких-то значительных событий, которые потребуют дополнительных усилий по решению проблем военнопленных. Принимается целый ряд важных документов: 19 сентября выходит приказ Министерства внутренних дел, точнее Народного комиссариата внутренних дел СССР (НКВД СССР), о создании специального структурного подразделения с особыми полномочиями и ответственностью – Управления по делам военнопленных НКВД СССР. Далее, 20 сентября Экономический совет при правительстве СССР своим специальным решением уточняет отдельные нормы Постановления «О положении военнопленных», в частности нормы продовольственного снабжения. За десять последних дней сентября Наркомат внутренних дел

развивает еще более бурную деятельность: были разработаны и приняты четыре нормативно-правовых документа по вопросам организации лагерей военнопленных, их продовольственного снабжения и медико-санитарного обслуживания, по порядку содержания в лагерях захваченных в плен военнослужащих, а также правилам внутреннего распорядка лагеря пленных. Напряжение не спадает: 3 и 8 октября выходят приказ НКВД СССР об объявлении «Положения о военнопленных» и его директива по оперативно-чекистскому обслуживанию пленных в лагерях Наркомата внутренних дел. Причем отдельные положения этой директивы относились именно к финским военнослужащим. За 11 дней до начала Зимней войны министерство издает Временную инструкцию о войсковой охране лагерей (приемных пунктов) частями конвойных войск НКВД.

Все это свидетельствует о том, что СССР готовился к войне, к войне с Финляндией, к приему большого количества финских военнопленных. Советское правительство учитывало, что действующие лагеря переполнены и не смогут принять новых пленных, так как по состоянию на 30 ноября 1939 года в них находилось, например, одних только поляков свыше 200 тысяч человек. В связи с этим в системе НКВД были созданы новые лагеря, рассчитанные на прием 46 000–46 900 военнопленных.

После начала Зимней войны, с первым захватом в плен финских военнослужащих, НКВД издает приказ об организации приемных пунктов и лагерей для военнопленных, а в конце декабря 1939 года – Временную инструкцию о работе пунктов министерства по приему военнопленных. В середине января 1940 года уточняется штатное расписание всех подразделений и служб, занятых решением вопросов пленных в лагерях, в том числе структура и количественный состав охранных подразделений, состав служб по идеологической работе с военнопленными, по медицинскому обслуживанию и других.

Существовавшее с 1931 года «Положение о военнопленных» заменялось новым, одобренным Экономиче-

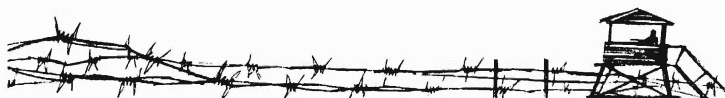

ским советом при СНК СССР 20 сентября 1939 года. Несмотря на то что этот проект Положения фактически не был утвержден Советом народных комиссаров СССР, Наркомат внутренних дел руководствовался им в работе с военнопленными вплоть до 1 июля 1941 года.

«Положение о военнопленных» 1939 года было менее детализировано, чем предыдущий документ, разработанный в 1931 году, но и оно сохранило основные нормы международного права. Финские военнопленные были защищены от жестокого обращения и оскорблений. Им гарантировалось неприменение пыток и других мер физического воздействия с целью получения сведений о положении их страны в военном или ином отношении. У пленных не могли быть отобраны личные вещи и документы, белье, обувь, обмундирование, предметы личного обихода и т. п., при этом допускалось, что ценные вещи и деньги могут быть временно изъяты уполномоченными на то органами, но лишь при оформлении соответствующих документов и выдачи квитанции.

Кроме того, в этом документе, в отличие от Положения 1931 года, у военнопленных сохранялись знаки отличия, допускалось содержание отдельно от рядового состава пленных офицеров и приравненных к ним по званию.

Пленные обеспечивались бельем, одеждой, продовольствием и предметами первой необходимости, а также денежным довольствием. Получение ими продовольственной или иной помощи со стороны, то есть помимо СССР, не влекло за собой снижение норм пищевого довольствия, гарантированных государством. Им предоставлялось право получать денежные переводы из других стран, иметь на руках деньги в пределах установленных норм и приобретать на них продовольствие, одежду, белье и предметы первой необходимости. Военнопленные имели право на медицинское обслуживание, причем медицинский персонал финской армии, попавший в плен, тоже мог оказывать помощь финским военнопленным. Пленным гарантировалась возможность информировать родственников о своем нахождении в

плону, за ними также сохранялось право переписки, получения посылок с родины или из нейтральных стран, при этом посылки не облагались пошлинами и акцизами, а отправление почтовой корреспонденции было бесплатным. Пленным предоставлялось также право присутствовать на богослужении и полная свобода отправления религиозных обрядов.

Трудовое использование военнопленных регламентировалось почти так же, как этого требовала Женевская конвенция. Рядовой и унтер-офицерский состав (и приравненные к ним) могли быть использованы на работах на территории лагеря и вне его – в промышленности и сельском хозяйстве. В этом случае на них распространялось советское законодательство об охране труда и рабочем времени в соответствии с особенностями отраслей производства. Офицерский состав (и приравненные к ним) могли быть использованы на работах вне территории лагеря лишь по особому распоряжению УПВ НКВД СССР. Труд военнопленных должен был оплачиваться в соответствии с нормами, установленными этим Управлением. Причем категорически запрещалось использовать труд пленных для обслуживания личных нужд администрации лагерей и других военнопленных, а также в районе боевых действий.

У военнопленных имелось право обжаловать действия администрации лагерей и мест их содержания в любых соответствующих государственных ведомствах вплоть до правительства Советского Союза.

В «Положении о военнопленных», утвержденном в 1939 году, было записано, что пленные обязаны строго выполнять все правила, указанные в нем, а также подчиняться администрации лагерей. За неподчинение лагерным правилам, совершение уголовно наказуемых преступлений военнопленные могли быть привлечены к дисциплинарной и уголовной ответственности. Неподчинение властям, лагерной администрации, а также сопротивление им и оскорбление их действием при исполнении ими своих служебных обязанностей рассматривались в суде военного три-

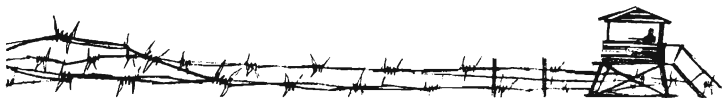
бунала. Менее существенные проступки рассматривались на основании статей Дисциплинарного устава Рабоче-крестьянской Красной Армии. Военнопленному мог быть вынесен даже смертный приговор, но об этом в обязательном порядке необходимо было информировать Международную организацию Красного Креста и Красного Полумесяца. Приговор мог быть приведен в исполнение не ранее чем через месяц после такого сообщения.

Представители Красного Креста допускались на территорию СССР для ознакомления со сложившейся ситуацией в лагерях, но с особого разрешения Наркомата иностранных дел Советского Союза.

Список нормативных документов, выпущенных советским правительством в связи с Зимней войной, завершают мартовский и апрельский приказы 1940 года Министерства внутренних дел о ликвидации приемных пунктов (лагерей) военнопленных, а также приказ НКВД от 5 августа этого же года о ликвидации Сестрорецкого приемного пункта военнопленных.

Таким образом, до начала военных действий Зимней войны, во время трехмесячного вооруженного противоборства двух стран и после окончания этой войны СССР активно разрабатывал внутреннее законодательство по проблеме военнопленных, совершенствовал структуру управления и механизмы организации жизнедеятельности военнослужащих, удерживавшихся им в плену. При этом он руководствовался регламентирующими правовыми нормами двух основополагающих Женевских конвенций, но не целиком — по некоторым пунктам в той мере, в какой они соответствовали идеологическим установкам, господствовавшим в СССР того периода.

Эти внутренние нормативные акты касались всех иностранных военнопленных на территории СССР, вне зависимости от их национальной принадлежности, хотя существовали некоторые инструкции и приказы НКВД, касавшиеся пленных отдельных национальностей, в том числе и финнов (приказы и инструкции 1939–1940 годов). Но в целом финские пленные прак-

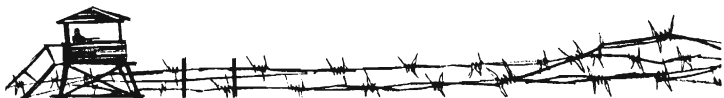

тически не выделялись в отдельную категорию, по ним не разрабатывались в большом количестве специальные инструкции, как это было сделано для польских, а позднее немецких военнослужащих. Это обстоятельство связано с тем, что общее количество финских пленных было сравнительно невелико и срок их пребывания в СССР был недолог. Основная масса финских военнопленных была репатриирована уже в 1944 году.

Следовательно, при выявлении нормативного статуса финских военнопленных времен Зимней войны мы должны учитывать всю совокупность документов, принятых в СССР в эти годы. Точно так же мы должны действовать и при определении статуса финских военнопленных войны Продолжения, то есть учитывать все документы, принятые в Советском Союзе во время Второй мировой войны.

Прежде всего, необходимо заметить, что в самом начале Великой Отечественной войны, 1 июля 1941 года СНК СССР утвердил новое, третье «Положение о военнопленных». По сравнению с Положением 1939 года в него были внесены некоторые незначительные изменения. Так, была подтверждена отмена статьи об одинаковых условиях содержания военнопленных, то есть офицерский состав теперь находился в более привилегированном положении. Трудовое использование офицеров разрешалось лишь с их согласия, а не на основании решения УПВ НКВД СССР. Но в целом Положение 1941 года практически полностью копировало аналогичный документ 1939 года.

Однако нормотворчество советских государственных органов на этом не прекратилось. Под напором обстоятельств, непредсказуемых зигзагов войны нужно было решать новые проблемы. Мне удалось найти свыше 20 документов в интересующей нас сфере, датированных с 1 июля 1941 года по 19 октября 1944 года. Например: Постановление СНК СССР об утверждении нового «Положения о военнопленных», приказы, циркуляры, директивы и указания НКВД СССР: по конвоированию в лагеря-распределители, по порядку учета, охраны и содержания военнопленных, по использова-

нию трудоспособных в промышленности, на торфяных разработках для получения энергосырья для электростанций Свердловской области, по подразделению военнопленных на группы в зависимости от их физического состояния, по перечню болезней и физических недостатков для отнесения к соответствующей группе трудоспособности, по порядку содержания раненых и больных в госпиталях Народного комиссариата здравоохранения СССР и Народного комиссариата обороны СССР (НКО СССР), по санитарному обеспечению при железнодорожных перевозках пленных, по изменению норм их продовольственного снабжения и снабжения предметами хозяйственного обихода, а также совместный приказ НКВД СССР и начальника тыла Красной Армии о вещевом имуществе.

Таким образом, эти документы касались самых разнообразных проблем. Прежде всего, речь в них шла о традиционных вопросах условий содержания и охраны пленных, их трудового использования, медицинского обслуживания и продовольственного обеспечения. Но вместе с тем в них затрагивались и новые вопросы. Из-за огромного роста масштабов проблемы во время Великой Отечественной войны, больших потерь в людских и материальных ресурсах советское правительство вынуждено было не просто вносить в действовавшие нормативные акты существенные уточнения по условиям и нормам содержания военнопленных, но и реагировать на новые моменты.

В частности, в документах времен Великой Отечественной войны более подробно рассматривались вопросы репатриации военнопленных, захоронения умерших в плену и порядка их учета. Большое внимание уделялось культурно-массовой работе в лагерях, вопросам советской пропаганды в различных местах пребывания военнопленных, антифашистской работы идеологических подразделений лагерей с пленными из разных национальных армий, воевавших на стороне Германии (Италии, Венгрии, Румынии и т. д.), а также об агентурной работе среди военнопленных. В частности, агентурной работе, то есть вербовке людей для прове-

дения разведывательных операций спецслужб Советского Союза в европейских странах после Второй мировой войны, была посвящена специальная директива НКВД СССР от 7 октября 1943 года.

Из общей массы нормативных документов этого периода целесообразно особо выделить утвержденные Министерством внутренних дел 7 августа 1941 года «Инструкцию о порядке учета военнопленных в лагерях НКВД» и «Инструкцию о порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД». Эти инструкции существенно дополняли «Положение о военнопленных» 1941 года. В частности, они урезали права военнопленных на обращение в государственные органы, соответственно им запретили подавать жалобы и заявления в адрес Президиума Верховного Совета СССР, СНК СССР, НКВД СССР и в партийные инстанции. Согласно внесенным изменениям, количество обязанностей пленных несколько увеличилось. Однако в целом можно констатировать, что и эти документы соответствовали принципам международного права.

Итак, правовой статус финских военнопленных Зимней войны и войны Продолжения, содержащихся на территории СССР, был довольно подробно разработан в советских нормативно-правовых документах. Он несколько раз изменялся, но в основных моментах всегда соответствовал статусу пленных, определенному Женевскими конвенциями 1929 года. Отдельные права финских военнопленных в советской трактовке сужались, как это было, например, с отменой льгот, связанных с социальным происхождением военнопленного. Между тем некоторые права пленных, признанные мировым сообществом, в постановлениях правительства, приказах, директивах, инструкциях и других документах Министерства внутренних дел Советского Союза и других государственных органов, отвечавших за судьбу финских военнослужащих, были расширены в направлении большего уважения прав человека.

Разумеется, понятие «права человека» употреблено мной не в сегодняшнем его содержании и объеме, а в качестве фиксации общего направления движения.

Конечно, предпринятые шаги в этой области были непоследовательны, часто совершались лишь под давлением международного сообщества. Разумеется, советское видение прав человека во многом тогда было не таким, каким оно сформировалось в европейских странах, в частности, из-за разницы в идеологиях, господствовавших в СССР и Европе. Все это так. Но несмотря на это, по моему мнению, в СССР было продемонстрировано стремление государства идти в правильном направлении, решать проблему военнопленных в правовом аспекте.

А теперь посмотрим, как обстояли дела в Финляндии. Здесь в годы, предшествовавшие Зимней войне, правительство страны уделяло мало внимания развитию внутренней нормативно-правовой базы решения проблемы военнопленных. Очевидно, здесь полагали, что эта проблема обойдет страну стороной, что уже ничего не нужно менять в имеющемся опыте содержания пленных. А он был приобретен во время Гражданской войны 1918 года, когда Финляндия столкнулась с проблемой содержания около 80 тысяч красных финнов, потерпевших поражение и оказавшихся в различных лагерях и тюрьмах.

Однако это не означало, что финское правительство не уважало международное право. Как только в ноябре 1939 года начались боевые действия на финско-советской границе, Суоми заявила через Международный Красный Крест, что будет придерживаться основных норм ведения войны, выработанных мировым сообществом, и будет соблюдать Женевскую конвенцию 1929 года об улучшении участи больных и раненых в действующих армиях.

Поскольку правительство Финляндии намеревалось выполнять требования международного права, то возобладало мнение, что нет особой нужды создавать единый комплекс нормативных документов, который стал бы просто дубликатом Женевских конвенций. Финны, в основном, ограничились небольшими, но очень конкретными инструкциями и комментариями к международным документам. Например, в «Инструкции по внут-

ренному распорядку в сборном лагере для военнопленных № 1», подписанной подполковником Б. Бьёрклундом, в специальных подразделах регулировались вопросы лечения в лагере больных, работы военнопленных, их питания, обеспечения некоторых их прав и обязанностей.

То есть, несмотря на отказ подписывать Женевскую конвенцию о военнопленных 1929 года, Финляндия брала на себя обязательство гарантировать права пленных, признанные мировым сообществом. И это было вполне добровольно принятое решение государства, поскольку в то время не существовало эффективной системы международных санкций, применявшихся в случае несоблюдения мировых стандартов и правил в обращении с военнопленными.

СИСТЕМА УПВИ НКВД СССР В 1939–1953 ГОДАХ

Создание и задачи УПВ НКВД СССР

Начало Второй мировой войны и переход частями Красной Армии 17 сентября 1939 года советско-польской границы вынуждает НКВД создать новую организацию, отвечающую за прием и содержание иностранных военнопленных на территории СССР. Действительно, счет пленных уже шел не на десятки и сотни, как это было в 1938–1939 годах, когда в ходе конфликтов с Японией на озере Хасан и реке Халхин-Гол количество военнопленных не было значительным. Российский историк Михаил Семиряга, со ссылкой на Ю. Мацкевича, отмечает, что в ходе наступательной операции в Польше части Красной Армии взяли в плен свыше 230 тысяч солдат и офицеров польской армии³⁸

Изменение геополитической обстановки в Европе приводит и к некоторым изменениям в законодательстве Советского Союза в отношении пленных. Напомним, что с 1931 года в СССР действовало «Положение о военнопленных», замененное на новое, менее дета-

лизированное «Положение» 1939 года. За день до того, как этот документ был утвержден Экономическим советом, народный комиссар внутренних дел Лаврентий Берия своим приказом № 0308 от 19.09.1939 года «Об организации лагерей для военнопленных» учреждает Управление по делам военнопленных (УПВ НКВД СССР). В декабре 1939 года оно было переименовано в Управление по делам военнопленных и интернированных (УПВИ НКВД СССР). Возглавил новое структурное подразделение Наркомата внутренних дел капитан государственной безопасности П. К. Сопруненко. Комиссаром Управления, то есть ответственным за идеологическую составляющую решения всех вопросов жизни военнопленных, стал полковой комиссар С. В. Нехорошев³⁹. Заместителями начальника Управления были назначены лейтенант государственной безопасности И. И. Хохлов, отвечавший за оперативную работу, майор И. М. Полухин, ответственный за охрану и учет военнопленных, и старший лейтенант М. А. Слуцкий, в чьем ведении находились хозяйственные и финансовые вопросы.

УПВ состояло из нескольких отделов: первый – режима и охраны (во главе с А. В. Тишковым); второй – учета и регистрации военнопленных (начальник – И. Б. Маклярский); третий – снабжения; четвертый – санитарный (Н. В. Соколов) и политический отдел (полковой комиссар С. В. Нехорошев). Снабжение лагерей для военнопленных всеми видами довольствия осуществлялось через Главное управление лагерей НКВД СССР. К началу Зимней войны штат УПВ насчитывал 56 человек⁴⁰. Контроль над работой УПВ НКВД СССР осуществлял заместитель наркома внутренних дел комдив В. В. Чернышев.

Важен тот факт, что значительное количество сотрудников УПВ ранее работали в системе Главного управления лагерей, являвшегося, по сути, «кузницей кадров» для УПВ. Данное обстоятельство является весьма закономерным, так как к моменту приема первых значительных партий иностранных военнопленных у сотрудников системы ГУЛАГа уже имелся богатый опыт

работы с заключенными. Так, например, тот же Чернышев, осуществлявший контроль за УПВ, одновременно являлся и начальником ГУЛАГа. Из этого ведомства были направлены на работу в УПВ И. Хохлов, бывший до этого в 1938–1939 годах старшим инструктором, а затем начальником мобилизационной секции ГУЛАГа; М. Слуцкий, до 22.09.1939 года исполнявший обязанности начальника отделения продфуражного снабжения ГУЛАГа и некоторые другие сотрудники.

На УПВ возлагались следующие задачи:

- организация приемных пунктов, лагерей-распределителей и лагерей для военнопленных;
- прием военнопленных от частей Красной Армии и эвакуация их в тыл с приемных пунктов в лагеря;
- установление внутреннего распорядка и режима содержания в приемных пунктах и лагерях для военнопленных;
- обеспечение военнопленных жильем, вещевым имуществом, продовольствием, предметами первой необходимости;
- установление норм денежного довольствия военнопленных и денежных сумм, которые разрешается иметь пленным;
- установление ассортимента и норм питания военнопленных;
- организация трудового использования военнопленных в соответствии с «Положением о военнопленных»;
- организация политпросветительной и культурной работы среди военнопленных;
- установка правил о порядке наложения и отбывания дисциплинарного взыскания на военнопленных в соответствии с дисциплинарным и караульным уставами РККА.

Организация лагерей для военнопленных УПВ НКВД СССР

В соответствии с приказом № 0308 Л. Берии на территории СССР было создано восемь лагерей для размещения всех иностранных военнопленных:

«1. Осташковский – на базе помещений бывшей детской колонии НКВД на острове Столбовое, на озере Селигер (Калининской области), на 7 тысяч человек, с доведением к 1 октября до 10 тысяч человек.

2. Юхновский – на базе помещений санатория «Павищев Бор», на станции Бабынино Западной железной дороги, на 5 тысяч человек, с доведением к 1 октября до 10 тысяч человек.

3. Козельский – на базе помещений дома отдыха им. Горького, на станции Козельск, железной дороги им. Дзержинского, на 7 тысяч человек, с доведением к 1 октября до 10 тысяч человек.

4. Путивльский – на базе помещений бывшего Софроньевского монастыря и торфоразработок, на станции Теткино, Московско-Киевской железной дороги, на 7 тысяч человек, с доведением к 25.9. до 10 тысяч человек.

5. Козельшанский – на базе помещений бывшего Козельшанского монастыря, при станции Козельшино, Южной железной дороги, на 5 тысяч человек, с доведением к 1.10 до 10 тысяч человек.

6. Старобельский – на базе помещений бывшего Старобельского монастыря, при станции Старобельск, Московско-Донбасской железной дороги, на 5 тысяч человек, с доведением к 1.10 до 8 тысяч человек.

7. Южский – на базе помещений детской трудколони НКВД на станции Вязьники, Северной железной дороги, на 3 тысяч человек, с доведением к 5.10 до 6 тысяч человек.

8. Оранский – на базе помещений бывшего Оранского монастыря, при станции Зименки, Казанской железной дороги, на 2 тысячи человек, с доведением к 1.10 до 4 тысяч человек»⁴¹

Нетрудно заметить, что все лагеря располагались в средневропейской части СССР с довольно умеренным климатом, не угрожавшим здоровью военнопленных. Для их обустройства не нужно было производить новые большие материально-финансовые затраты, поскольку будущий контингент размещался в уже имевшихся строениях, на более или менее ухоженной территории. Половина лагерей создавалась на отчужденном имуще-

стве Русской Православной церкви, соответственно право будущих военнопленных на полную свободу отправления религиозных обрядов предполагалось реализовывать при гонениях на церковь и православных верующих.

Таким образом, в преддверии Зимней войны УПВ НКВД предполагало иметь в своем распоряжении лагерь емкостью до 68 тысяч человек. Но не стоит забывать и о количестве плененных польских военнослужащих, которое в несколько раз превышало вместимость существующих лагерей. В связи с этим было принято решение создать дополнительные лагеря в Вологодской области (Вологодский и Грязовецкий). Но даже это не решило проблему переполненности лагерей и приемных пунктов для военнопленных.

Иностранные военнопленные в системе УПВ НКВД СССР

Ситуация с польскими военнопленными вообще была достаточно парадоксальна, ведь *de jure* Советский Союз не находился в состоянии войны с Польшей, и содержание ее граждан в лагерях в качестве пленных не соответствовало пунктам «Положения о военнопленных». Ведь согласно этому документу военнопленными признавались граждане и военнослужащие армий иностранных государств, *находившихся* (выделено автором. – Д. Ф.) в состоянии войны с СССР. Скорее всего, именно эти два обстоятельства – переполненность лагерей и неопределенный статус поляков вынудили советское государство подойти к данной проблеме нетрадиционно. Во-первых, не всех военнослужащих польской армии направляли в лагеря и приемные пункты, часть просто отпускали домой. Во-вторых, 3 октября 1939 года Совет народных комиссаров СССР принял «Постановление о военнопленных» за № 1626-390сс, в соответствии с которым военнопленные рядового состава украинцы, белорусы и другие национальности, родиной которых являлись территории Западной Украины и Западной Белоруссии, были отпущены из лагерей и приемных пунктов домой.

Однако в связи с производственной необходимостью, а именно: со строительством дороги Новоград – Волинский – Корец – Львов, 25 тысяч военнопленных из вышеупомянутой категории были оставлены в лагерях до конца декабря 1939 года. На практике они оставались на строительстве вплоть до нападения Германии на Советский Союз в 1941 году, после чего часть их была эвакуирована в глубь страны и вместе с другими польскими военнопленными передана на формирование Польской армии генерала В. Андерса. В соответствии со справкой начальника отдела учета ГУПВИ НКВД СССР «О количестве военнопленных поляков, содержащихся в лагерях НКВД СССР в 1939–41 гг.» от 1.11.1945 года на формирование армии Андерса были переданы 25 115 человек.

Остальных рядовых, чье местожительство находилось в немецкой части Польши, предполагалось выделить в отдельную группу и содержать в лагерях вплоть до окончания переговоров с Германией и решения вопроса их отправки на родину. До выяснения этого вопроса их содержали в Козельском (Смоленская обл.) и Путивльском (Сумская обл.) лагерях для военнопленных. В середине октября такая договоренность была достигнута. И 14.10.1939 года СНК СССР принимает постановление № 1691-415, обязующее УПВ НКВД СССР в октябре – ноябре того же года передать немецкой стороне 43 054 человека. Германия также передала в СССР в период с октября 1939 года по весну 1941 года 13 757 бывших польских граждан.

Кроме того, на территории Польши в районе с. Раковцы 18 сентября 1939 года были интернированы 803 военнослужащих чешского легиона. Это воинское формирование было создано из числа чехов-эмигрантов после оккупации Чехословакии Германией. В соответствии с «Постановлением о военнопленных» эту категорию пленных было решено отпустить, взяв с каждого подписку, что он не будет сражаться против Советского Союза. На деле решение этого вопроса растянулось на долгое время. Часть чехов (176 человек) в апреле – июле 1940 года было решено передать Фран-

ции, где формировалась чешская воинская часть. После капитуляции Франции правительство Чехословакии в эмиграции просило посольство Великобритании в Москве взять на себя заботу об отправке legionеров за границу. В феврале 1941 года нарком государственной безопасности Меркулов дал чешским военным служащим разрешение на выезд. И в мае того же года 643 legionера покинули пределы СССР. После нападения Германии на Советский Союз, в феврале 1942 года, 88 военным служащих этого подразделения были направлены из Суздальского лагеря НКВД в Бузулук (Чкаловская обл.), где в то время формировалась воинская часть Людвика Свободы⁴²

Остальные польские военнопленные были разделены на несколько групп и подлежали направлению в различные лагеря. Рядовые и унтер-офицеры должны были содержаться в отдельном от офицеров лагере. Эта группа военнопленных содержались в Ровнинском лагере, а также в распоряжении Наркомчермета. Сопруненко в своей сводке о количестве военнопленных, находившихся в СССР на 19 ноября 1939 года, отмечал, что в распоряжении Народного комиссариата черной металлургии были 10 400 человек младшего и рядового состава польской армии, а в Ровнинском лагере — 14 200 человек. При этом старший и высший офицерский состав, а также крупных государственных и военных чиновников также предписывалось содержать отдельно от остального офицерского состава. (По данным М. Семиряги, в плен попали 10 генералов, 52 полковника, 72 подполковника.) Эту категорию военнопленных направляли в Старобельский лагерь НКВД.

Другую категорию военнопленных, а именно: разведчиков, контрразведчиков, жандармов, тюремщиков и полицейских направляли в Осташковский лагерь НКВД Калининской области.

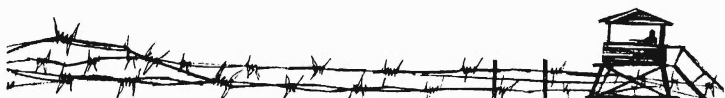
Судьба военнопленных, содержавшихся в Старобельском, Осташковском и Козельском лагерях НКВД, сложилась трагически. В марте 1940 года нарком внутренних дел СССР Лаврентий Берия пишет на имя Иосифа Сталина записку с предложением «расстрелять

польских офицеров, жандармов, полицейских, осадников и других из трех спецлагерей для военнопленных и заключенных тюрем западных областей Украины и Белоруссии». Берия мотивировал свое предложение тем, что все они, находясь в лагерях, пытались продолжать контрреволюционную работу и антисоветскую агитацию и являлись заклятыми, неисправимыми врагами Советской власти. В связи с этим было принято решение рассмотреть дела военнопленных и арестованных в особом порядке, «с применением к ним высшей меры наказания – расстрела. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения...» Была создана специальная «тройка» высокопоставленных сотрудников НКВД, ответственных за рассмотрение дел и принятие решений, то есть фактически лиц, ответственных за вынесение приговора. В состав «тройки» вошли: 1 заместитель наркома НКВД В. Меркулов⁴³, начальник Главного экономического управления (ГЭУ) НКВД Б. Кобулов⁴⁴ и майор госбезопасности, начальник 1-го Специального отдела НКВД СССР Л. Баштаков⁴⁵

Записка была передана на рассмотрение Политбюро ЦК ВКП (б). В соответствии с решением от 5 марта 1940 года свыше 15 тысяч польских граждан были расстреляны в апреле – мае 1940 года. Одновременно с этим в решении Политбюро было предложено применить высшую меру наказания к арестованным и содержащимся в различных тюрьмах Украины и Белоруссии «членам различных контрреволюционных шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков».

Основным местом расстрелов польских граждан, оказавшихся под юрисдикцией УПВ НКВД, являлся Осташковский лагерь НКВД (Калининская область), где за указанный период были уничтожены свыше 6 тысяч человек. Но символом польской трагедии стала деревня Катынь, расположенная недалеко от Смоленска. Катынская трагедия изучается уже свыше ше-

сти десятилетий как зарубежными, так и российскими исследователями. Перечисление публикаций по данной теме займет много места. Ведущий российский специалист по данной теме Н. Лебедева отмечает, что только в изданной польским историком М. Харцем библиографии по этому вопросу насчитывается 2026 названий ⁴⁶

22 марта 1940 года Л. Берия подписал приказ о «Разгрузке тюрем НКВД УССР и БССР». Н. Лебедева отмечает, что основную часть заключенных этих тюрем составляли польские офицеры и полицейские. Параллельно с мероприятиями по разгрузке тюрем и лагерей на основании «Указания НКВД СССР № 892/Б» наркомам внутренних дел Белорусской и Украинской ССР было отдано распоряжение о выселении в Казахстан членов семей бывших офицеров польской армии. Окончательное решение было принято Политбюро ЦК ВКП (б) и Советом народных комиссаров 10 апреля 1940 года. Для проведения данной операции СНК Казахской ССР и соответствующим наркоматом было предписано выделить 81 эшелон по 55 вагонов в каждом, выделить питание на время пути, а на месте — обеспечить жильем и работой переселенцев. Наркомат финансов выделил на это 30 млн рублей. Депортация была проведена в несколько этапов и закончилась уже после начала нападения Германии на Советский Союз в июне 1941 года. Н. Лебедева, ссылаясь на А. Я. Вышинского и справки НКВД и конвойных войск, приводит данные о том, что в результате «освободительного похода» с бывших польских территорий были выселены 388 тысяч человек.

Безусловно, решение судьбы польских военнопленных и членов их семей подобным образом было преступлением советского политического руководства. Однако подобные действия полностью укладываются в общую картину репрессий, проводимых в СССР в это время. В тоталитарном государстве любые проявления инакомыслия, самостоятельности, независимости и инициативы жестоко карались. В 30–40-е годы было уничтожено подавляющее большинство советских во-

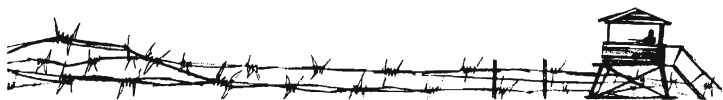

еначальников и политработников, занимавших высшие руководящие посты в РККА. Например, из пяти маршалов Советского Союза были расстреляны три; из 15 командармов – 13; из 57 комкоров – 50; из 186 комдивов – 154; из 16 армейских комиссаров – 16; из девяти флагманов флота – восемь; из 28 корпусных комиссаров – 25⁴⁷

Поляки разделили судьбу военной элиты Советского Союза. Использовать их в интересах СССР не представлялось возможным. Польские офицеры, даже пробыв около полугода в советском плену, в большинстве своем не изменили политических взглядов, не отказались от своих моральных ценностей, а следовательно, в определенной степени представляли «потенциальную угрозу» для существующего в Советском Союзе режима.

Впрочем, не все военнопленные бывшей польской армии были уничтожены органами НКВД. Исследователь Катынской трагедии Н. Лебедева, опираясь на документы из российских архивов, приводит данные о том, что 395 полякам сохранили жизнь. В справке, составленной начальником УПВ НКВД СССР Сопруненко, отмечалось: «Всего отправлено в Юхновский лагерь 395 человек. Из них: а) по заданию 5-го отдела ГУТБ – 47 чел.; б) По заданию германского посольства – 47 чел.; в) По запросу литовской миссии – 19 чел.; г) немцев – 24 чел.; д) По распоряжению зам. народного комиссара внутренних дел союза ССР тов. Меркулова – 91 чел.; е) Прочих – 167 чел.» То есть в живых оставили людей, ценных в качестве источников информации, которые выразили готовность сотрудничать с властями СССР и дали согласие воевать против Германии в случае ее нападения на Советский Союз, от которых надеялись получить или уже получили интересующие сведения. Кроме того, сохранили жизни людей, заявивших о своих коммунистических убеждениях, а также тех, кто сотрудничал в качестве осведомителей с администрацией лагерей.

Как ни парадоксально это звучит, но начало Великой Отечественной войны облегчило положение быв-

ших польских военнопленных и интернированных в СССР. Российский исследователь Станислав Куниев в книге «Шляхта и мы» отмечает, что «постановлением ГКО от 16 августа 1941 года предписывалось НКВД СССР при освобождении из лагеря польских военнопленных и интернированных выдавать единовременную денежную помощь: генералам – по 10 тысяч, полковникам – 5 тысяч, подполковникам и майорам – 3 тысячи, остальным офицерам – 2 тысячи, младшим командирам и рядовому составу – по 500 рублей». 500 рублей – это месячная зарплата высококвалифицированного московского рабочего того времени⁴⁸. Подобное решение, как мне кажется, объясняется в первую очередь изменением самого статуса бывших польских военнопленных. С началом войны они перестают быть «врагами» и становятся союзниками по антигитлеровской коалиции.

Существует несколько версий причин уничтожения польских военнопленных в СССР. Английский посол при лондонском правительстве В. Сикорского⁴⁹ сэръ Оуэн О'Маллей (Sir Owen O'Malley) отмечал, что поляки усматривали причину уничтожения офицеров и полицейских в желании разрушить фундамент, на котором впоследствии могла возродиться польская государственность, в подрыве основы польской нации⁵⁰. Российские исследователи М. Мельтюхов и Н. Лебедева отмечают, что решение судьбы польских офицеров подобным способом было предопределено всем ходом советско-польских взаимоотношений 1918–1939 годов, в том числе и гибелью в польских лагерях в 1919–1921 годах 60 тысяч советских военнопленных, а также мотивы личной ненависти Сталина к польскому офицерству за поражение в 1920 году⁵¹.

Впрочем, объяснение может быть и более прозаичным, как ни цинично это звучит. Отнюдь не оправдывая действия сталинского окружения в отношении польских военнопленных, необходимо учитывать то обстоятельство, что под физическое устранение польских офицеров уже в 20–30-х годах была подведена правовая база, служившая «юридическим фундамен-

ем» к проведению кровавых репрессий против народа. В действовавшем тогда УК РСФСР существовала пресловутая 58 статья, предусматривающая высшую меру наказания за антисоветскую деятельность.

С середины 20-х в СССР постепенно начинает изменяться внутривнутриполитическая обстановка. Борьба с разного рода политическими уклонами привела к тому, что в стране постепенно стала нагнетаться обстановка всеобщего недоверия, подозрительности и шпиономании. Все это естественным образом нашло отражение и в Уголовном кодексе СССР. В практике советского правосудия того времени становится доминирующим обвинительный уклон.

Формальная логика советского руководства была достаточно проста и понятна. После вступления германских и советских войск на территории Польши она перестала существовать как государство. Таким образом, население отошедших к СССР территорий *de facto* попадало под юрисдикцию Советского Союза, сначала как лица без гражданства, а затем и как граждане СССР. Следовательно, на них распространялось советское уголовное законодательство со всеми вытекающими отсюда последствиями. Аналогично поступили и с военнопленными. Несмотря на то что СССР не находился в состоянии войны *de jure* с Польшей, на первом этапе кампании поляков расценивали как пленных. После ликвидации Польши как субъекта международного права руководство Советского Союза сочло возможным не распространять на поляков международные договоры об обращении с военнопленными. Логика проста: нет государства, нет армии, значит, соответственно нет и военнопленных.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: готовил ли СССР аналогичные действия в отношении Финляндии? На него нет точного ответа. Можно лишь строить предположения на основании некоторых известных историкам документов и хода исторических событий. Как мне кажется, в случае оккупации Финляндии значительная часть государственных чиновников, полицейских, офицерского корпуса и прочих «не-

благонадежных и вражеских элементов», с точки зрения СССР, обязательно была бы уничтожена. В случае же установления пусть марионеточного, но все же формально независимого правительства Куусинена чистки и репрессии, очевидно, были бы, но все же не в таких масштабах, как при прямой оккупации и присоединении к СССР.

Во всяком случае, мной были обнаружены некоторые данные, свидетельствующие о репрессиях против граждан Финляндии во время Зимней войны. Часть финских военнопленных, проживавших во временно оккупированных или отошедших к СССР районах страны, были расстреляны или приговорены к различным срокам исправительно-трудовых работ в лагерях системы ГУЛАГа⁵²

Я считаю важным так подробно остановиться на ситуации с приемом и содержанием польских военнопленных в системе УПВ НКВД СССР, так как именно в этот период закладываются основные принципы обращения с иностранными военнопленными в СССР. Опыт УПВ НКВД СССР, полученный в результате данной работы с поляками, применялся в более позднее время, а именно в интересующий нас период – во время Зимней войны и войны Продолжения. На польских военнослужащих был впервые опробован метод деления на разные группы в соответствии с их воинским званием. В дальнейшем мы увидим, какое было деление уже непосредственно финских военнопленных на группы во время Зимней войны и войны Продолжения. Также впервые были созданы и отдельные лагеря для содержания пленных в соответствии с их воинским званием.

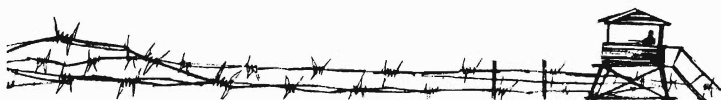
Структура УПВ менялась несколько раз за все время существования этой организации, но цели и задачи этого подразделения НКВД оставались практически без изменений. Незначительным отличием было лишь упразднение, а затем воссоздание Политического отдела УПВ, отвечавшего за агитационно-пропагандистскую и культурно-просветительскую работу среди военнопленных.

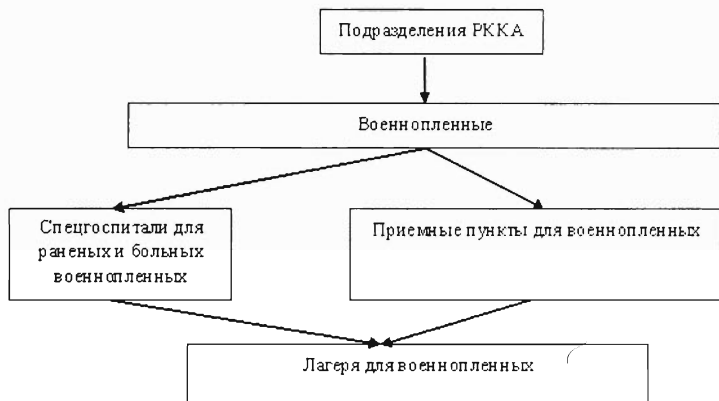
Кроме того, в середине войны Продолжения после принятия в августе 1942 года «Положения об Управлении НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных» был создан Организационно-производственный отдел. На этот узкоспециализированный отдел возлагалась вся ответственность за трудовое использование пленных. Основной его задачей являлась «организация трудового использования военнопленных, интернированных и спецконтингентов в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве», руководство производственной деятельностью лагерей, проверка выполнения договоров, заключенных между лагерями и государственными хозяйственными органами, учет и отчетность по трудовому использованию контингентов, проверка порядка использования пленных на производстве.

Система УПВ НКВД СССР в преддверии Зимней войны

Пакт Молотова – Риббентропа и Секретный протокол, включивший Финляндию в сферу территориальных интересов Советского Союза, практически не оставлял Финляндии шансов избежать войны с СССР. Хотя, как мне кажется, вплоть до последнего момента Сталин надеялся на то, что в сложившейся геополитической обстановке в Европе финское правительство будет более сговорчивым, следуя примеру Эстонии, Латвии и Литвы, и тем самым вооруженного противостояния с Финляндией удастся избежать. Тем не менее руководство УПВ НКВД СССР получило приказ Берии и в спешном порядке начало создавать новые лагеря и приемные пункты уже непосредственно для военнопленных финской армии. Именно в период советско-финляндской войны 1939–1940 годов происходит становление и отработка системы передачи военнопленных от передовых частей Рабоче-крестьянской Красной Армии в тыловые стационарные лагеря для пленных.

Система передачи военнопленных в лагеря НКВД СССР

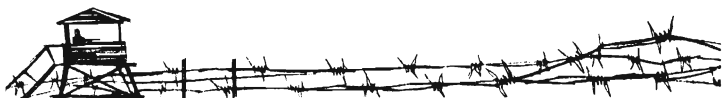
В этот период действовали восемь приемных пунктов и шесть лагерей для финских пленных. Во время Великой Отечественной войны эта схема несколько изменилась за счет включения в нее сборных пунктов для военнопленных и фронтовых приемно-пересылных лагерей (лагерей-распределителей).

Впрочем, Зимняя война практически не отразилась на численности контингента лагерей НКВД, так как количество финских военнопленных было незначительным.

Развитие системы УПВИ НКВД СССР в 1941–1953 годах

В межвоенный период, с марта 1940-го по июнь 1941 года в лагеря системы УПВИ НКВД СССР поступало лишь незначительное количество военнопленных бывшего Польского государства, интернированных в прибалтийских государствах.

К моменту начала Великой Отечественной войны система УПВИ располагала восемью лагерями для приема и содержания военнопленных: Грязовецкий (Вологодская обл.), Суздальский, Юхновский и Козельский (Смоленская обл.), Львовский (Львовская обл.), Старо-

бельский (Сумская обл.), Козельшанский (Полтавская обл.) и Путивльский (Сумская обл.). Общая вместимость лагерей составляла 40 тысяч человек. Причем, как следует из «Отчетного доклада о работе УПВИ НКВД СССР с июня 1941 по март 1944 г.», эти лагеря были мало приспособлены по санитарно-бытовым условиям для содержания военнопленных.

Начальный период войны складывался неудачно для Красной Армии и в результате советские войска были вынуждены отступать. Часть территории СССР была оккупирована немецкой армией. В связи с этим некоторые лагеря были расформированы или переведены в другие области Советского Союза. Эвакуация проходила в спешке и с большими потерями контингента лагерей. Только от бомбардировки немцами эшелонов с военнопленными, эвакуировавшимися из Львовского лагеря, погибли 1082 человека⁵³. Кроме того, быстрое продвижение частей вермахта значительно затрудняло открытие пунктов для приема пленных. УПВ НКВД развернуло лишь 19 приемных пунктов для военнопленных из 30 предполагавшихся ранее. Дислокация этих приемных пунктов не удовлетворяла нужду фронтов по эвакуации пленных.

К 1 августа 1941 года в распоряжении УПВИ оставалось только три лагеря: Старобельский, Суздальский и Грязовецкий емкостью на 8000–9000 человек. УПВИ НКВД, обеспокоенное таким положением дел, к концу 1941 года создало еще три лагеря для содержания военнопленных.

Осенью 1942 года ситуация меняется коренным образом. Красная Армия переходит в наступление. В результате удачных войсковых операций частей Воронежского, Юго-Западного и Донского фронтов количество пленных увеличивается, что в свою очередь приводит к увеличению количества лагерей военнопленных с шести (в начале 1942 г.) до 31 (к 1 января 1943 г.). По состоянию на 1 марта в составе УПВИ НКВД СССР было 35 лагерей: шесть офицерских, 20 для военнопленных рядового состава и 10 приемно-пересыльных лагерей.

В 1943 году количество лагерей, готовых к приему военнопленных армий противника, увеличивается еще на 10 единиц. Они были построены силами самих военнопленных. Вновь созданные лагеря способны были принять 45 тысяч пленных. Помимо этого, вместимость семи ранее существовавших мест для содержания военнопленных увеличилось с 24 тысяч до 35 800. Более того, в освобожденных районах СССР были восстановлены 18 городков, предназначенных для создания фронтовых приемно-пересыльных лагерей вместимостью более 42 тысяч мест. Таким образом, в результате строительства новых пунктов размещения пленных и приспособления старого жилого фонда для этой цели вместимость лагерей увеличилась на 156 400 мест (или на 247% к 1941 году) и составила 201 400 мест. К 1944 году лагеря располагались уже в 35 областях и районах Советского Союза.

В июне 1942 года начальник УПВИ майор государственной безопасности Сопруненко подписал «Временное положение о лагерях-распределителях НКВД» и «Временное положение о пунктах НКВД по приему военнопленных». Стоит отметить тот факт, что во время Зимней войны лагерей-распределителей не существовало. Объясняется это небольшим количеством военнопленных. А в лагерях-распределителях во время войны Продолжения предполагалось содержать до 3,5 тысячи пленных. Срок пребывания пленных здесь ограничивался трехдневным карантином, после чего военнопленных направляли в производственные лагеря. Распределители создавались во фронтовом тылу и меняли свою дислокацию в зависимости от обстановки на фронте. Для приема военнопленных каждый лагерь-распределитель имел в своем подчинении приемный пункт. В задачи приемного пункта входило:

- прием военнопленных от воинских частей;
- первичный учет пленных;
- временное содержание пленных и доставка их в лагерь-распределители.

«Временное положение о лагерях-распределителях НКВД» и «Временное положение о пунктах НКВД по

приему военнопленных» регламентировали содержание пленных в лагерях и распределителях для военнопленных перед их отправкой в производственные лагеря. Этими же положениями были установлены и нормы продовольственного снабжения военнопленных для различных категорий пленных (больных, находящихся в оздоровительных командах лагерей и т. п.).

В июле 1942 года НКВД СССР издало приказ № 001156 «Об изменении организационной структуры лагерей и приемных пунктов НКВД СССР для военнопленных». В соответствии с этим приказом начальнику УПВИ предписывалось создать на базе ранее существовавших лагерей шесть лагерей-распределителей для карантина и временного содержания пленных. Для удовлетворения нужд Карельского и Волховского фронтов предназначался Череповецкий лагерь (г. Череповец Вологодской обл.), для Северо-Западного и Ленинградского фронтов – Боровичский лагерь (г. Боровичи Ленинградской обл.).

Одновременно с этим продолжала развиваться сеть приемных пунктов для военнопленных. Если в 1941 году их было 19, то в 1942 году количество приемных пунктов увеличивается до 33. На 1 января 1943 года их было уже 44, а к 1944 году, в соответствии с обстановкой на фронтах, количество приемных пунктов, расположенных в тыловых районах действующей армии, возрастает до 68 единиц. Причем УПВИ НКВД СССР на достигнутом не останавливается – дальнейшее продвижение на запад частей Красной Армии вело к расширению сети мест сбора и временного содержания военнопленных. Увеличение их количества позволило УПВИ удовлетворить потребности фронтов и более или менее успешно решать задачи, связанные с приемом пленных от передовых подразделений армии, распределением их по различным лагерям в соответствии с их воинскими званиями и национальностью.

Схема приема и передачи военнопленных в приемные пункты и лагеря для военнопленных была такова: сначала пленных передавали на *приемные пункты военнопленных* (ППВ), находившиеся в 20–30 км от ли-

нии фронта. Далее их передавали на *сборные пункты военнопленных* (СПВ), располагавшиеся в 50–70 км от переднего края. После первичной санитарной обработки пленных транспортировали во *фронтовые приемно-пересыльные лагеря* (ФППЛ), дислоцированные в 100–150 км от фронта. Затем после непродолжительного нахождения в ФППЛ и оформления соответствующей документации военнопленных направляли уже непосредственно в тыловые стационарные лагеря, где их распределяли по различным лагерным отделениям.

Несмотря на то что УПВИ НКВД СССР не претерпело серьезных структурных изменений вплоть до конца 1944 года, кадровых перестановок избежать не удалось. В июле 1941 года происходят первые кадровые изменения в руководстве Управления. В результате слияния народных комиссариатов внутренних дел и государственной безопасности в один наркомат обязанности по наблюдению за деятельностью УПВИ были возложены на И. А. Серова. 12 февраля 1943 года начальником УПВИ НКВД СССР был назначен генерал-майор И. А. Петров, ранее возглавлявший войска НКВД Западного фронта. Полковник государственной безопасности П. К. Сопруненко с 12.02.1943 становится заместителем начальника УПВИ НКВД СССР. В том же 1943 году вновь происходит замена куратора УПВИ – на место Серова назначается заместитель народного комиссара внутренних дел СССР С. Н. Круглов.

Произведенные перестановки должны были улучшить координацию действий Красной Армии, УПВИ и НКВД по доставке пленных из приемных пунктов в тыловые лагеря и улучшить положение с военнопленными в самих лагерях НКВД, которое в это время было катастрофическим из-за высокого процента заболеваемости и смертности контингента.

Следующим этапом изменений в структуре УПВИ было переименование 11 января 1945 года данной организации в Главное Управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ). В связи с этим произошли очередные кадровые перестановки. Начальником ГУПВИ был назначен генерал-лейтенант

И. А. Петров. 2 февраля 1945 его сменил генерал-лейтенант М. С. Кривенко, бывший до этого заместителем начальника Главного управления пограничных войск НКВД СССР. Первым заместителем и начальником оперативно-чекистского отдела был назначен комиссар госбезопасности 3-го ранга Б. З. Кобулов. Заместителями стали: комиссар госбезопасности Н. Т. Ратушный, комиссар госбезопасности С. И. Шемен, полковник И. П. Воронов (начальник фронтового отдела ГУПВИ). Было создано еще восемь отделов: общий, охраны и режима, трудового использования, санитарный, квартирно-эксплуатационный, материально-технического обеспечения и отдел по вопросам интернированных. Создание последнего отдела было продиктовано необходимостью – в сентябре 1944 года Финляндия выходит из войны, а в октябре 1944 года советские войска выходят на границу Восточной Пруссии. В октябре 1944 года принимается решение о создании дополнительных, фронтовых сборно-пересыльных пунктов уже не только для приема бывших военнопленных, но и репатрируемого гражданского населения. В их задачу входила, помимо медико-санитарной, политико-воспитательной и просветительской работы с поступающим контингентом, фильтрация, то есть отделение бывших военнопленных РККА от гражданского населения с последующей передачей первых в распоряжение действующей армии.

20 февраля 1945 года в ГУПВИ происходят очередные структурные изменения. В соответствии с приказом НКВД СССР № 00 100 в составе ГУПВИ были организованы три новых управления:

Управление по делам военнопленных. Начальником назначен комиссар госбезопасности Ратушный;

Управление по делам интернированных и мобилизованных – начальник – комиссар госбезопасности Шемен;

– Оперативное управление. Его начальником был назначен по совместительству комиссар госбезопасности 3-го ранга Кобулов. Вновь созданное Управление ранее было Оперативным отделом ГУПВИ.

Помимо этого, Отдел спецлагерей НКВД СССР был переименован в Отдел проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР. Соответственным образом изменили названия и лагерям.

В результате этих организационных изменений было утверждено «Временное положение об Управлении (Отделе, Отделении) НКВД союзных и автономных республик и УНКВД краев и областей по делам военнопленных и интернированных».

В соответствии с «Временным положением» на НКВД–УНКВД возлагались следующие задачи:

- организация новых лагерей, лагерных отделений и спецгоспиталей для военнопленных и интернированных;
- организация режима и охраны в лагерях и спецгоспиталях, обеспечение строгой дисциплины среди военнопленных и интернированных;
- размещение и материальное обеспечение военнопленных в спецгоспиталях и лагерях;
- организация в лагерях подсобных хозяйств и подсобных производств;
- организация и правильное трудовое использование военнопленных и интернированных;
- организация санитарных, профилактических и противоэпидемических мероприятий для обеспечения нормального физического состояния контингента лагерей;
- организация персонального и статистического учета военнопленных и интернированных;
- организация, постановка и проведение оперативно-чекистской и антифашистской работы среди контингента лагерей и спецгоспиталей;
- организация железнодорожных перевозок военнопленных и интернированных.

Как видно, данный документ во многом схож с предыдущими «Положениями о военнопленных» и другими нормативными актами НКВД СССР. Отличительной чертой является уделение существенного внимания интернированным гражданским лицам, которых передавали в лагеря НКВД после перехода частями Красной Армии государственной границы СССР в 1944 году. В декабре

1944 года Постановлением ГКО № 7161сс предписывалось интернировать и направлять в Советский Союз всех трудоспособных немцев – мужчин и женщин, находящихся на территории Румынии, Венгрии, Чехословакии, Болгарии и Румынии. В феврале 1945 года аналогичное постановление было издано в отношении всех трудоспособных немцев-мужчин, находящихся в тылу Красной Армии в Верхней Силезии и Восточной Пруссии. Во исполнение данных приказов интернировали и перевезли в СССР свыше 208 тысяч мужчин и женщин. И хотя это положение практически не коснулось финнов, оно во многом определило политику в отношении военнопленных и интернированных на дальнейший послевоенный период.

Последние месяцы Великой Отечественной войны значительно увеличили количество пленных. Для удовлетворения нужд фронтов в системе ГУПВИ действовало 174 места для приема военнопленных: 72 ППВ, 56 СПВ, 34 ФППЛ и 12 спецгоспиталей. Одновременно с этим после окончания войны фронтовая сеть по приему пленных постепенно сворачивается, однако же количество производственных лагерей для иностранных пленных на территории СССР постоянно растет. Разворачивается и сеть лагерей на территории европейских стран – в Германии (2 лагеря) и в Румынии. Цель этих лагерей – сбор иностранных военнопленных перед отправкой их на территорию СССР.

Заключительный этап Второй мировой войны – война с Японией. После ее окончания в системе ГУПВИ действовало 267 лагерей для военнопленных.

По мере репатриации пленных происходит и сокращение аппарата Управления. В июне 1951 года в связи с уменьшением количества лагерей и содержащегося в них контингента ГУПВИ реорганизуют в Управление МВД СССР по делам военнопленных и интернированных. Начальником назначается генерал-лейтенант Кобулов. В составе УПВИ оставляют всего три отдела: учетно-справочный, организационно-хозяйственный и оперативный, штат Управления сокращают до 39 человек.

В октябре 1950 года в составе Управления создаются девять специальных лагерей МВД для осужденных военнопленных и интернированных. К августу 1951 года завершается основной этап репатриации пленных и интернированных. В СССР остается около 22 тысяч бывших пленных и гражданских лиц, в отношении которых решается вопрос об их репатриации.

20 апреля 1953 года в связи с завершением репатриации военнопленных и гражданских лиц Управление по делам военнопленных и интернированных МВД СССР было ликвидировано, а его функции передали Тюремному управлению МВД СССР.

Итак, УПВИ НКВД с момента своего образования являлось главной организацией, от которой зависели судьбы миллионов людей. Организацией, отвечающей за прием и содержание всех пленных, захваченных Красной Армией и находящихся как на территории Советского Союза, так и за его пределами. Более того, УПВИ отвечало и за фильтрационные проверки граждан СССР – бывших советских пленных, вышедших из окружения бойцов и командиров РККА, а также репатрируемых гражданских лиц. Несмотря на то что Управление несколько раз меняло название и менялись его руководители, его задачи и функции практически не изменялись. За время существования УПВИ НКВД через его лагеря прошли свыше 5 млн человек, представителей 37 национальностей.

ГЛАВА 3

СОДЕРЖАНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ

В предыдущем разделе освещалась история развития прав военнопленных, зафиксированных в международных актах и внутренних нормативно-правовых документах СССР, раскрыто содержание и объем прав, которые государство готово было соблюдать при решении проблем жизнедеятельности финских граждан в плену. Однако провозглашение намерений, юридическое признание прав насильственно удерживаемых людей и обещания их соблюдать – это только начало, хотя и очень важное. Ибо по этому пути должна идти без отклонений сама практическая реализация высказанных намерений таким образом, чтобы действия уполномоченных государством организаций и людей максимально способствовали реальному осуществлению прав пленных. Далее я рассмотрю практику применения нормативно-правовых документов, разработанных Советским Союзом и Финляндией, по отношению к финским и русским военнопленным.

Зимняя война.

Историческая справка

Вторая мировая война и пакт Молотова – Риббентропа коренным образом изменили политическую обстановку в Европе и явились решающими факторами в вооруженном конфликте между СССР и Финляндией. В соответствии с Секретными протоколами к этому пакту Финляндия, Эстония, Латвия и Литва вошли в сферу территориальных интересов Советского Союза. Западные страны вели боевые действия против Германии, и это обстоятельство фактически давало СССР свободу действий. Советское давление на прибалтийские государства вынудило Эстонию в сентябре 1939 года подписать Договор о взаимопомощи с СССР. В соответствии с

ним Советский Союз получил право размещать военные базы на территории этой страны. В октябре 1939 года аналогичные договоры были заключены с Латвией и Литвой.

Советско-финляндские переговоры 1938–1939 годов закончились безрезультатно. Финляндия отвергла советские предложения передать СССР стратегически важные финские территории в обмен на часть русской Карелии, так как данный шаг мог угрожать независимости страны.

После провала переговоров СССР приступил к планированию боевых операций, с целью разгрома финской армии и установлению в Финляндии марионеточного просоветского Терийокского правительства под руководством О. В. Куусинена. На границе была развернута группировка войск, насчитывавшая свыше 425 тысяч человек, свыше 1,5 тысячи танков, около 2,4 тысячи самолетов и 2,7 тысячи орудий. Сухопутные войска поддерживали Балтийский и Северный флоты. Им противостояла хорошо обученная, но слабо вооруженная армия Финляндии: около 320 тысяч человек при 500 орудиях, 10 танках и 114 самолетах.

30 ноября 1939 года после артподготовки советские войска начали боевые действия на всем протяжении линии госграницы – от Балтийского до Баренцева моря. Армия Финляндии, несмотря на численное превосходство противника, упорно сопротивлялась.

Ход боевых действий в Финляндии можно условно разделить на два этапа: первый с 30 ноября 1939 по 10 февраля 1940 года, второй – с 11 февраля 1940 по 13 марта 1940 года. Первый этап характеризовался ожесточенными боями на Карельском перешейке. Советские войска прорвали сильноукрепленную оперативную зону заграждений, начинавшуюся от линии государственной границы и включавшую целую систему опорных пунктов и оборонительных полос, и к 12 декабря 1939 года вышли непосредственно к основной оборонительной полосе линии Маннергейма, которая состояла из 22 основных узлов сопротивления, а ее ширина достигала 110 км. Попытка прорвать с ходу этот укрепленный район не

увенчалась успехом. Сил оказалось недостаточно. Атаки частей Красной Армии велись зачастую без соответствующей подготовки и невзирая на колоссальные потери.

Военные атташе Германии, Италии, Великобритании и Франции после окончания Зимней войны единодушно отмечали крайне низкий уровень дисциплины в войсках, непрофессионализм командиров Красной Армии и их безответственность в отношении потерь и здоровья красноармейцев.

Войска 14-й армии в декабре при содействии кораблей Северного флота с боями овладели полуостровами Средний и Рыбачий и городом Петсамо, чем полностью перекрыли выход Финляндии к Баренцеву морю.

Менее удачно складывалось наступление частей 8-й и 9-й армий, имевших задачу разрезать Финляндию пополам, выйдя к Ботническому заливу. Перед началом боевых действий штабом 9-й армии (командующий комкор М. П. Духанов, с 22 декабря комкор В. И. Чуйков) были разработаны «Соображения по проведению операций 9-й армии» (за подписью командарма М. П. Духанова, члена военного совета П. С. Фурта, начальника штаба А. П. Соколова). Сопоставляя соотношение сил финнов и подразделений 9-й армии, они пришли к выводу о возможности проведения операции и выходу к г. Оулу за 20 дней. Считалось, что среднесуточная скорость движения войск будет 22 км. Соппротивление финской армии не учитывалось. Необходимо отметить, что Оперативный отдел Ленинградского военного округа, рассмотрев «Соображения...», нашел много недостатков в этом документе. В частности, не было предусмотрено, что коммуникации армии могут быть нарушены подвижными финскими соединениями, и подразделения армии могут оказаться без подвоза продовольствия и боеприпасов. Кроме того, предполагалось, что финны не будут принимать открытого боя. Майор С. Г. Чернов отмечал: «...При расчетах противник, видимо, вообще в расчет не брался и бездорожье не учитывалось, это грубый просчет... за это можно поплатиться срывом всей

операции в самом ее начале, особенно если противник окажет хотя бы небольшое сопротивление путем заграждений и прикрытия их погранчастями, не говоря уже о переброске полевых войск...

Коммуникации их будут перерезаны диверсионными группами противника, и они могут оказаться без питания и боеприпасов, причем тактика финнов к этому в основном и будет сводиться»⁵⁴

Оперативный отдел считал, что крайне необходимо обеспечить красноармейцев лыжами и создать лыжные отряды. В противном случае войска будут привязаны к дорогам, а это лишит их свободы маневра. Но Военный совет Ленинградского военного округа не учел замечания Оперотдела, предпочтя действовать по старому плану, дабы не сбавлять темпы операции.

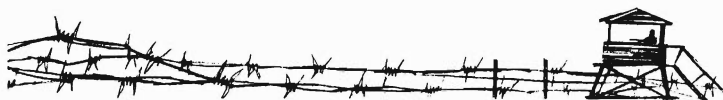
Наступавшая на ребольско-кухмонском направлении 54-я стрелковая дивизия Особого корпуса к 6 декабря 1939 года достигла развилки дорог у Расти и угрожала коммуникациям финнов, идущим с севера на юг. Финское командование остановило наступление дивизии, а затем, перейдя в контратаку, финны окружили подразделения Красной Армии. Части с большими потерями вынуждены были оттягиваться к государственной границе. Лишь из-за отсутствия достаточного количества артиллерии финнам не удалось разгромить 54-ю дивизию. Но все же ее подразделения оставались в окружении вплоть до окончания войны. Были предприняты попытки деблокации дивизии лыжными бригадами. Одна из них под командованием полковника В. Долина была полностью уничтожена. Павел Шилов, доброволец из 17-го отдельного лыжного батальона, сформированного в Шуе и действовавшего для поддержки 54-й дивизии, вспоминал о плохих подготовке и снаряжении бойцов. «Наши командиры плохо знали свою задачу, ни теоретического, ни практического опыта у них не было. Была бестолковщина. Узнав смутно, где противник, лезли ему в лоб, а он, умный и опытный, хорошо знавший местность, косил наших наступающих. Нам, рядовым бойцам, было трудно с такими командирами, мы находились в полной растерянности».

Наиболее драматично события разворачивались в 44-й стрелковой дивизии им. Щорса, 54-й и 163-й стрелковых дивизиях. Наступавшие из Ухты (Калевала) на Суомуссалми подразделения 163-й сд 8 декабря 1939 года соединились в с. Суомуссалми. Но с 11 декабря финны, получив подкрепление, перешли в контратаку и перерезали коммуникации дивизии. Подразделения 163 сд были вынуждены перейти к обороне. Только за время боев у Суомуссалми с 18 по 20 декабря потери составили 443 человека убитыми, 810 ранеными и 226 обмороженными.

Информацию о противнике командование 9-й армии получило лишь после 7 января 1940 года, то есть уже после разгрома большинства частей армии. 27 декабря 1939 года финские войска начали наступление на части 163-й сд. Опорные пункты дивизии были уничтожены. Дивизия потеряла много военного имущества и техники, так как была вытеснена с дороги.

В это же время на помощь подразделениям 163-й сд в спешном порядке была переброшена 44-я стрелковая дивизия им. Щорса. Дивизия была кадровая, сформированная на Украине, в Киевском военном округе. Командовал дивизией комбриг А. И. Виноградов, начальник штаба полковник О. И. Волков. Дивизия изначально не была достаточным образом подготовлена к боевым действиям на северном участке фронта. Ни рядовые бойцы, ни командный состав не были ознакомлены с особенностями финского театра военных действий, в частях дивизии не хватало теплого обмундирования, валенок и маскировочных халатов. Ощущалась нехватка лыж, да и личный состав не имел необходимой лыжной подготовки. Хотя дивизия считалась кадровой, большинство личного состава было призвано на действительную военную службу непосредственно перед началом кампании. Соответственно это были плохо обученные красноармейцы. Так, из 3229 человек 25-го стрелкового полка только 900 были кадровыми, то есть 30% личного состава. В дивизии ощущалась нехватка транспортных средств, поэтому было принято решение перебрасывать подразделения как на машинах, так и пешком

порядком. Это привело к тому, что части 44-й сд были растянуты на дороге к Раате и вступали в бой с марша.

В результате успешных действий финской армии положение дивизии становилось все более угрожающим, и комбриг Виноградов просит штаб 9-й армии оказать немедленную помощь и разрешить отход подразделений. Кроме того, командование запрашивает, что делать с материальной частью и техникой. Чуйков в своем донесении на имя наркома обороны К. Е. Ворошилова от 4 января 1940 года сообщал о сложившейся ситуации в 44-й сд, о проблемах с подвозом питания. Он, считая положение 44-й дивизии очень тяжелым, просил разрешения на отвод ее частей. 7 января первые разрозненные группы людей из 44-й стрелковой дивизии вышли из окружения.

Дивизия понесла огромные потери в живой силе и технике: лишь за время боев с 1 по 7 января 1940 года были убиты 1001 человек, ранены 1430, обморожены – 82, пропали без вести – 2243 бойца и командира. Всего 4756 человек, или 30% личного состава 44-й дивизии. Потери материальной части: винтовки – 4340, пистолеты – 1235, ручные пулеметы – 251, станковые пулеметы – 97, 45-мм пушки – 30, 76-мм – 40, 122-мм гаубицы – 17, 82-мм минометы – 14 шт. Командующий 9-й финской дивизии полковник Х. Сииласвуо писал: «Паника окруженных все росла, у противника не было совместных организованных действий, каждый пытался действовать самостоятельно, чтобы спасти свою жизнь... В полдень 7 января противник начал сдаваться, голодные и замерзшие люди выходили из землянок...»

Сразу же после выхода из окружения командование 44-й дивизии было арестовано. Военный трибунал 9-й армии вменял им в вину невыполнение поставленных задач, большие потери среди личного состава, утерю материальной части, почти полностью доставшейся финнам, трусость и паникерство. Командование обвинялось в том, что они раздробили «части дивизии на отдельные отряды и группы, между собой не связанные» и «спасая свою шкуру, позорно бежали с небольшой группой людей в тыл»⁵⁵ Комдив Виноградов, начальник

штаба Волков и начальник политотдела дивизии Пахоменко были приговорены к расстрелу, приведенному в исполнение перед строем дивизии 11 января 1940 года.

В результате неудачного планирования операций и упорного сопротивления частей финской армии советское наступление было приостановлено. К февралю 1940 года РККА получила подкрепления, увеличив свою группировку до 1,5 млн человек, 3,5 тысячи орудий, 1,5 тысячи танков и 3 тысяч самолетов. К этому времени, призвав резервистов и получив вооружение из Англии, Франции, США, Швеции и ряда других стран, Финляндия увеличила свою армию до 600 тысяч человек, 600 орудий и 350 самолетов. В страну прибывали иностранные добровольцы из Скандинавских и европейских стран.

Второй этап войны начался 11 февраля 1940 года. Однако на северном участке фронта ситуация продолжала оставаться чрезвычайно тяжелой. Здесь советские войска несли большие потери в живой силе и технике. Многие подразделения были окружены и почти полностью уничтожены. Еще в январе 1940 года 8-ю армию разделили на две группировки. 10 января командующим 8-й армии был назначен командарм 2-го ранга М. Штерн. Южная группировка переименовывалась в 15-ю армию под началом командарма 2-го ранга М. Ковалева. В феврале комиссар Н. Вашугин провел расследование действий армии и нашел много недостатков и упущений в организации и дисциплине. 25 февраля 1940 года Ковалев был отстранен от командования армией и на его место был назначен командарм 2-го ранга В. Курдюмов, ранее заместитель командующего 8-й армией.

Обстановка в полосе наступления 15-й армии была наиболее сложной. К моменту формирования многие части и соединения, входившие в нее, были разбросаны отдельными полками, батальонами и ротами по разным направлениям и участкам фронта. Еще в январе 1940 года были окружены 18-я и 168-я стрелковые дивизии. Если связь с 168-й дивизией удалось восстановить 6 марта после наступления 37-й дивизии, то 18-я стрелковая дивизия была почти полностью уничтожена и ее остат-

ки были деблокированы лишь в самом конце войны. Неумелое руководство подразделениями армии привело к тому, что ее части, наступавшие колоннами, попали под огонь противника и были расчленены на 13 гарнизонов вдоль дороги от Уома до Лемети (южное). Людской состав был истощен и неспособен к активным боевым действиям. Техника стала обузой для частей и не была ими использована. Положение в гарнизонах было очень тяжелое. Ощущалась острая нехватка продуктов питания и боеприпасов. Среди окруженных царила паника. Командарм 2-го ранга Курдюмов отмечал, что особенно плохая ситуация сложилась в гарнизоне Лемети (южное), где в два месяца были блокированы, по разным данным, от 3000 до 3200 человек. Гарнизон располагался на площади 600–800 × 1500 метров. Господствующие высоты были заняты финнами, а в районе обороны не были даже отрыты окопы полного профиля. Фактически отсутствовало руководство обороной. Аналогичная ситуация сложилась и в других окруженных гарнизонах.

В 168-й дивизии обстановка была несколько лучше, но, потеряв около 6 тысяч человек, она была уже неспособна к наступательным действиям. Ситуация осложнялась еще и тем, что в распоряжении 15-й армии была лишь одна дорога, по которой подвозили необходимое продовольствие и боеприпасы. Она проходила вдоль побережья Ладожского озера по льду. Эта магистраль находилась под огнем финнов, и снабжение было нерегулярным. В 168-й дивизии ощущался недостаток в продуктах питания. Другие дивизии, входящие в состав армии, в результате неумелого командования тоже оказались частично или полностью небоеспособны.

В результате этих обстоятельств войска 15-й армии понесли наибольший урон в живой силе из армий, не входящих в состав Северно-Западного фронта. С 12 февраля по 13 марта 15-я армия потеряла 49 795 человек, из них 18 065 убитых и пропавших без вести.

За время боевых действий на этом участке фронта было полностью разгромлено или окружено пять советских дивизий, которые понесли огромные потери в

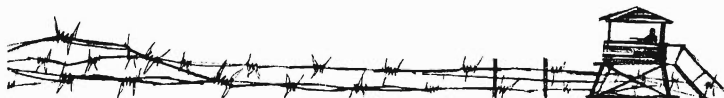
живой силе и технике. По данным О. Маннинена, за весь период боев финнам досталось в качестве трофеев 40 500 винтовок, 3900 ручных пулеметов, 200 автоматов, 900 станковых пулеметов, а также 138 полевых орудий, 125 противотанковых орудий, 131 танк, 9 бронемашин, 329 грузовых машин и другая техника⁵⁶

11 февраля 1940 года советские войска после мощной артиллерийской подготовки перешли в наступление, прорвали основную полосу обороны финнов и повели наступление на двух направлениях: на Выборг и Кексгольм. Полностью преодолеть все полосы обороны удалось лишь в марте 1940 года.

Финляндия оказалась в достаточно сложной ситуации, осознавая, что продолжение войны приведет к тяжелым потерям. В связи с этим 12 марта 1940 года финская делегация подписала в Москве мирный договор, по которому боевые действия прекращались 13 марта. В соответствии с этим договором граница на Карельском перешейке была отодвинута от Ленинграда на 120–130 км. СССР получил часть территории Восточной Карелии, острова в Выборгском заливе, полуострова Рыбачий и Средний и арендовал полуостров Ханко. Нерешенность территориального вопроса явилась одной из причин войны Продолжения между СССР и Финляндией в 1941–1944 годах.

Территориальные приобретения облегчили оборону Ленинграда во время войны 1941–1945 годов. Однако в результате войны ухудшилось международное положение СССР: он был исключен из Лиги Наций, обострились взаимоотношения с Великобританией и Францией. Союзники готовили высадку экспедиционного корпуса в районе г. Петсамо и бомбардировки нефтедобывающих районов в г. Баку. Планы не были реализованы из-за сопротивления Скандинавских стран и выхода Финляндии из войны.

Война вскрыла серьезные недостатки в подготовке и организации РККА, приведшие к большим потерям: свыше 130 тысяч безвозвратные, около 265 тысяч – санитарные, свыше 5,5 тысячи – военнопленные. Финляндия также понесла потери, существенные для насе-

ления столь маленькой страны: безвозвратные – около 48 тысяч человек, санитарные – 43 тысячи человек, около тысячи – военнопленные.

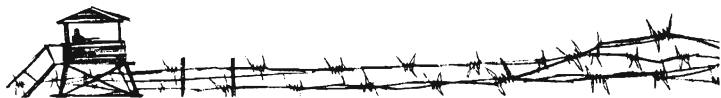
Система расположения лагерей и охрана мест пребывания военнопленных на территории СССР и Финляндии во время Зимней войны

Как мы помним, еще 19 сентября 1939 года нарком внутренних дел Л. П. Берия подписал приказ «Об организации лагерей военнопленных», по которому ответственность за прием и содержание финских военно-служащих, попавших в руки Красной Армии, было возложено на НКВД СССР. Однако во время советско-польской кампании 1939 года Управление по делам военнопленных не полностью справилось с возложенными на него задачами и из-за нехватки мест не смогло разместить всех военнослужащих польской армии в лагерях для пленных. Опасаясь повторения подобной ситуации во время Зимней войны, было принято решение существенно увеличить вместимость лагерей и их количество.

Помимо существовавших стационарных лагерей к 30 ноября 1939 года были созданы временные лагеря и приемные пункты для военнослужащих финской армии. Приемные пункты действовали в следующих северных городах СССР, находившихся недалеко от советско-финской границы: Мурманск – на 500 мест; Кандалакша – на 500; Кемь – на 500; Сегежа – на 500; Медвежьегорск – на 800; Петрозаводск – на 1000; Лодейное Поле – на 500; Сестрорецк – на 600. Таким образом, их общая вместимость составила 4900 мест.

Кроме того, для приема военнопленных финской армии были подготовлены шесть тыловых лагерей: Южский – 6000; Юхновский – 4500; Путивльский – 4000; Грязовецкий – 2500; Оранский – 4000; Темниковский – 6000 мест. Их общая вместимость, следовательно, составляла 27 000 мест.

Но и это еще не все. Военные стратеги СССР прогнозировали быстрый, полный и окончательный разгром

финских вооруженных сил Красной Армией, при котором будут взяты в плен в большом количестве финские военнослужащие. Исходя из этого прогноза было принято решение создать резервные лагеря: г. Тайшет – 8000 мест; г. Караганда – 5000; г. Великий Устюг – 2000. Итак, общая вместимость лагерей, созданных для финских военнопленных, была 46 900 мест.

Упорное сопротивление финской армии, сопровождавшееся малым количеством взятых в плен, было полной неожиданностью для РККА. Обескураженные отсутствием наплыва военнопленных, начальник Управления майор госбезопасности П. К. Сопруненко и комиссар Управления полковой комиссар С. В. Нехорошев направили замнаркома внутренних дел комдиву Чернышеву запрос:

«На 28 декабря на приемных пунктах и в Грязовецком лагере находится 150 человек военнопленных. Ввиду незначительного поступления военнопленных прошу Вашего разрешения:

1) оставить с полным штатом Грязовецкий и Юхновский лагерь;

2) в остальных лагерях оставить не больше 15–20% штатного состава людей...»⁵⁷

В то же время люди из руководства Наркомата внутренних дел продолжали верить в изменение ситуации в пользу Красной Армии. Поэтому предполагалось договориться с районными военными комиссариатами, что в случае необходимости по первому требованию УПВИ НКВД все приписники (то есть советские военнослужащие, использовавшиеся в местах содержания финских военнопленных в качестве охранников и обслуживающего персонала) явятся в лагерь, а автотранспорт предполагалось оставить на прежнем месте.

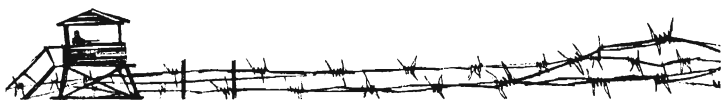
Управление направляло все усилия на выполнение завышенной разнарядки по количеству развертываемых лагерей для финских военнопленных и уделяло мало внимания качественной стороне их обустройства. Большинство лагерей не было готово к приему спецконтингента. Даже в Грязовецком лагере, специализировавшемся на содержании только военнослужащих финской

армии, положение было довольно плачевным. Об этом, в частности, докладывал 16 января 1940 года старший инструктор 4-го отдела УПВ НКВД Кальманович заместителю начальника Управления лейтенанту госбезопасности Хохлову.

В период советско-финляндского вооруженного конфликта 1939–1940 годов Грязовецкий лагерь был крупнейшим местом содержания финских военнопленных. Здесь в конце Зимней войны размещались 600 человек финских пленных. Лагерь был организован на базе дома отдыха в 7 км от станции Грязовец Вологодской области. Территория лагеря занимала около 5 тысяч кв. м. Под расселение были отведены клуб, три двухэтажных дома и помещение бывшего монастыря Святого Корнилия. В переоборудованных помещениях размещались стационар и амбулатория, в часовне – баня и прачечная, в остальных зданиях – управление лагеря, конвойная рота, столовая и клуб. Финские военнопленные содержались в здании монастыря и двухэтажных корпусах. Но их общая площадь была явно мала. Поэтому в бывшем монастыре нары (грубо сооруженные из дерева спальные места) располагались в три яруса с узкими проходами между ними. Нары располагались слишком близко к дверям, из-за чего их нельзя было полностью открыть. Спавшим близко к дверям было холодно. Не соблюдались нормы противопожарной безопасности. Не лучше было положение и в других помещениях. Двухэтажные корпуса были ветхими, поэтому на первом этаже нары соорудили в два яруса, а на втором – в один, так как устроители боялись, что пол может рухнуть.

Помимо Грязовецкого лагеря НКВД СССР, военнотружущие финской армии, захваченные в плен, находились в Сестрорецком приемном пункте (в некоторых документах его называют лагерьем). Через него, по разным оценкам, за время Зимней войны прошли 107 финских пленных. По воспоминаниям финских военнопленных, Сестрорецкий лагерь занимал площадь 2000 кв. м (по другим сведениям, 2400 кв. м). Финны жили в бывшем складском помещении – сколоченном из досок бараке размером 10х6 метров. Это строение отапливалось дву-

мя печками-«буржуйками», дрова для которых пленные сами приносили из леса. Спальных мест в бараке не было, и ночевать приходилось на соломе, разбросанной на полу и прикрытой сверху брезентом. Помещение было холодное, по нему гуляли сквозняки. По мнению самих пленных, условия размещения в Сестрорецком лагере были отвратительные. И хотя чистоты в данном месте размещения военнопленных не было, но финны упоминали, что в баню их водили регулярно. Одежду отдавали на дезинфекцию, и вшей было мало. Однако есть и другое мнение: в лагере полностью отсутствовала санитарно-гигиеническая служба, дезинфекция вещей не производилась и у всех пленных было много вшей. Сейчас, по прошествии более 60 лет после окончания Зимней войны, достаточно сложно определить, чем вызвано такое расхождение во мнениях. Однако вполне очевидно, что люди субъективны, и каждый по-разному воспринимает условия плена. Человеческая память избирательна и в стрессовой ситуации, которой является плен, фиксирует все в черно-белом цвете, не признавая полутонов. К моему большому сожалению, в ходе подготовки данной книги в архивах Российской Федерации мной не было обнаружено документов, которые могли бы подтвердить или опровергнуть эти мнения.

Другим местом временного содержания финских военнопленных был Петрозаводский приемный пункт, расположенный на берегу Онежского озера в двух-этажном здании размером 20 x 40 м. Помещение пункта было окружено колючей проволокой. При размещении военнопленных руководство придерживалось одного из основных принципов «Положения о военнопленных», то есть раздельного содержания солдат и офицеров. Так, в Петрозаводске рядовой состав содержался на втором этаже здания, а командный состав – на первом. По разным оценкам, всего здесь содержались 58 пленных, из них 54 рядовых и сержантов и четыре офицера. Санитарно-бытовые условия содержания финских военнопленных здесь тоже были не на высоте. Так, например, группа финских военнопленных, пе-

реведенных в Грязовецкий лагерь в середине декабря 1940 года, в течение двух недель не была в бане. Некоторые не проходили санобработку, и практически у всех были вши.

По свидетельству финских военнопленных, вернувшихся после Зимней войны на родину, на фронте местом временного содержания служили чердаки, бани, свинарники, хлева и т. п. В этих неотопливаемых помещениях пленным приходилось проводить по несколько суток до передачи их в приемные пункты НКВД СССР. Сохранившееся после пожара каменное здание аптеки в м. Райвола, по мнению финских пленных, также использовалось как временный пункт содержания пленных. Эти данные подтверждаются и советскими документами – здесь располагался эвакогоспиталь № 1872, в котором находились финские пленные⁵⁸

Как уже отмечалось, существовало несколько приказов и инструкций по приему финских военнопленных, организации и работе таких приемных пунктов, их охране, отправке пленных финнов в лагерь. Согласно этим документам, УПВ руководило всем, что происходило в этих пунктах, через управления НКВД республик, краев и областей, на территории которых размещались финские военнопленные. Этим региональным органам предписывалось осуществлять строгую изоляцию спецконтингента от местного населения, исключать не только любую возможность побега, но и любые попытки общения гражданского населения с пленными. Подчеркивалось, что такие попытки влекут за собой уголовную ответственность. Выполнение этой задачи и охрана военнопленных на приемных пунктах возлагалась на части конвойных войск НКВД. Главное управление конвойных войск НКВД СССР (ГУКВ НКВД СССР) было создано 8 марта 1939 года, после разделения Главного управления пограничных и внутренних войск. Его возглавил В. М. Шарапов. Первоначально в задачи этой организации входило конвоирование и охрана осужденных и подследственных, а с появлением военнопленных – конвоирование и охрана плен-

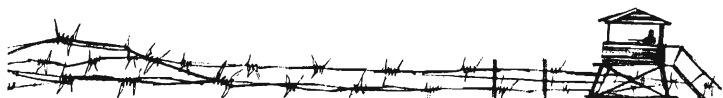
ных. Они же осуществляли конвоирование военнопленных на работы вне территории лагерного пункта.

7 декабря 1939 года П. К. Сопруненко приказал разослать в лагеря «Временную инструкцию о войсковой охране лагерей военнопленных (приемных пунктов) частями конвойных войск НКВД СССР», в которой регулировались взаимоотношения между охраной лагерей и пленными, в частности при их выводе на работу. В этом документе устанавливались правила применения конвоирами оружия, определялась система охраны лагерей и предотвращения побегов.

Для охраны лагерей и предотвращения побегов военнопленных лагеря и приемные пункты обносились со всех сторон деревянными или каменными заборами с колючей проволокой высотой не менее двух с половиной метров. Дополнительно устанавливались пятиметровые запретные зоны в виде проволочного заграждения (один ряд кольев в три нитки). По периметру лагеря устраивались вышки для часовых, блокпосты и будки для собак. Территория лагеря оборудовалась дублированной системой освещения, между вышками для часовых и караульными помещениями устанавливалась телефонная связь. Для улучшения обзора местность в зоне, прилегающей к ограждению, расчищалась от кустарника и травы на расстоянии не менее 50 метров от линии заграждения.

Временная инструкция особенно тщательно регулировала случаи применения охраной оружия. Причем это было сделано без нарушения правил международного права. В частности, конвоиры и охранники могли использовать оружие лишь в исключительных случаях: а) нападение на часовых, конвой или состав караула — при данных обстоятельствах огонь открывался без предупреждения; б) в случае побега пленного или его проникновения за линию заграждений — огонь открывался только после предупредительного окрика и выстрела вверх.

Категорически запрещалось применять оружие против военнопленных, пытающихся совершить побег, но еще не проникших за линию охраны, а также против

лиц, задержанных охраной с наружной стороны лагеря и пытавшихся скрыться, если их действия напрямую не угрожают охраняющим. Кроме того, воспрещалось применять оружие в местах скопления граждан и пленных, когда возможно ранение лиц, не относящихся к тем, против кого применяется оружие. В этом случае караул или состав наряда должен был провести задержание без применения оружия.

Поскольку по правилам Управления допускалась возможность использования спецконтингента на различных работах вне территории лагеря, во Временной инструкции предусматривалось создание специальных лагерных пунктов для переданных на хозяйственные работы. Такие «рабочие» пункты обносились забором или колючей проволокой высотой не менее двух с половиной метров. В пунктах размещались все военнопленные, поскольку категорически запрещалось их совместное проживание на частных квартирах или в одном доме с рабочими и служащими из местного населения.

Охрана пленных на территории «рабочих» пунктов осуществлялась конвойными войсками, выделявшимися в качестве специальных подразделений (рота или взвод) и называвшимися гарнизонами. Транспортировка спецконтингента к месту работы также возлагалась на конвойные войска НКВД СССР. Но эти подразделения не охраняли пленных на рабочем месте. Они сдавали военнопленных под надзор и ответственность администрации предприятий. Лишь в исключительных случаях охрана на рабочих местах могла быть возложена на конвойные войска, да и то лишь особым распоряжением УПВ НКВД.

Накануне рабочего дня администрация предприятия должна была предоставить начальнику гарнизона (то есть пункта) наряд с указанием нужного числа пленных и продолжительности работ по времени. Конвоирование осуществлялось по заранее составленным спискам рабочих групп (бригад). В каждой группе назначался старший из числа военнопленных. На участках, где они трудились, не допускалось присутствие рабочих из

местного населения. Более того, гражданским лицам, рабочим и служащим, категорически запрещалось останавливаться вблизи участка работ военнопленных, вступать с ними в разговоры, что-либо передавать им или принимать от них. Конвой должен был строго следить за этим и пресекать любые попытки общения с пленными.

В соответствии с данной инструкцией, вывод финских военнопленных на работу и возвращение с нее должны были осуществляться только строем. Пленных собирали в группы не менее 50 человек. Их конвойная охрана определялась из расчета 3–4% от численности выводимых. Допускалась работа в ночное время, но лишь при наличии на участке хорошего освещения, позволявшего постоянно контролировать рабочие действия, передвижение военнопленных. В ночное время охрана увеличивалась до 6–8% от общего количества работавших.

Часы начала и окончания работ устанавливались администрацией предприятия, которые согласовывали временные параметры с управлением стационарного лагеря и начальником гарнизона. Вообще же длительность работ, как и было предусмотрено Женевской конвенцией, не превышала 10 часов (с зачетом времени, необходимого для конвоирования военнопленных к месту работ и обратно).

Несмотря на все перечисленные строгости, были исключения производственного характера. Иногда отдельным, особо проверенным пленным, занимающим средние административные или хозяйственные должности, управление лагеря могло выдать пропуск (с указанием маршрута и часов передвижения) для бесконвойного направления на работу. Разумеется, при нарушении маршрута движения или просроченном времени, отводившемся на дорогу, соответствующие пропуска тут же отбирались. Впрочем, во время Зимней войны в отношении финских военнопленных данная инструкция практически не применялась, из-за того что их труд в этот период широкого распространения не получил. Однако во время войны Продолжения она с некоторы-

ми доработками и исправлениями реализовалась в полной мере.

За все время пребывания финских пленных в лагерях НКВД во время Зимней войны не было серьезных нарушений внутреннего распорядка. Ни один военнопленный не был привлечен к уголовной ответственности. За время существования Грязовецкого лагеря два человека были привлечены к дисциплинарной ответственности за отказ выйти на работу. Так, например, 28 марта 1940 года пленный Петтери Сийтонен (Siitonen Petteri Johannes) отказался носить воду в баню.

«28 марта 1940 г. старший группы 8-го барака военнопленный Луокканен назначил военнопленного Сийтонен Петтера (так в тексте. – Д. Ф.) на подноску воды в баню. Военнопленный Сийтонен на работу не вышел. Тогда же старший 8-го барака военнопленных Ушанов предложил Сийтонену явиться и дать объяснения о причинах невыхода на работу. Военнопленный Сийтонен распоряжения не выполнил и к старшему не явился.

За нарушение дисциплины и отказ от работы военнопленного финской армии арестовать на 10 суток с содержанием на гауптвахте.

Дежурному коменданту приказ привести в исполнение и объявить всем военнопленным лагеря.

Начальник лагеря старший лейтенант госбезопасности (Волков),

Комиссар лагеря старший политрук (Сазонов)»⁵⁹

Вскоре за аналогичное правонарушение был подвергнут аресту Арне Эстерберг⁶⁰ Кроме этих случаев, в приказе №15 по Грязовецкому лагерю НКВД от 29 марта 1940 года отмечено, что «за хулиганское поведение по адресу сотрудницы лагеря тов. Мадановой Марии Васильевны, проявленный со стороны военнопленного Туолайнен Клаус Ялмари⁶¹ арестовать последнего на трое суток с содержанием на гауптвахте лагеря». Еще был зафиксирован один случай игры в карты на деньги. Таким образом, серьезных проступков со стороны финских военнопленных зафиксировано не было. За все время существования Грязовецкого лагеря были отмече-

ны только четыре правонарушения, за которые на виновных наложили дисциплинарное взыскание: содержание на гауптвахте. Случаев побега и серьезных нарушений дисциплины также не было зафиксировано.

А теперь рассмотрим ситуацию с советскими военнопленными в Финляндии во время Зимней войны.

Говоря о советских военнопленных Зимней войны, следует учитывать ряд особенностей: во-первых, боевые действия велись всего 105 дней, и количество советских военнопленных в Финляндии было сравнительно небольшим. Следовательно, страна не испытывала сложности с продовольственным обеспечением пленных, как это было во время второй войны – войны Продолжения.

Во-вторых, важно подчеркнуть одну трудность, с которой впервые столкнулось финское государство. Правительство Финляндии не знало, как поступать с политическим составом Красной Армии, захваченным в плен. Эти советские офицеры отвечали «за социалистическое воспитание рядового и офицерского состава». В данном ракурсе они фактически подчинялись не командирам своих воинских подразделений, а руководителям вышестоящих армейских партийных органов и в таком качестве «боролись за здоровый идейный и моральный облик офицерского и рядового состава».

Таких групп офицеров не было ни в одной армии европейских стран. По задачам, которые они выполняли, их нельзя было приравнивать даже к военным священникам. Поэтому попадавшие в руки противника советские политработники РККА формально не охватывались международным понятием «военнопленный». А раз так, то ни в одной международной конвенции не было указаний о гуманном обращении с этой категорией лиц, захваченных в плен.

Финским властям нужно было решить вопрос: можно ли причислять эту группу лиц к военнослужащим, с вытекающими отсюда всеми защитительными аспектами международного права, или же их, сообразуясь с бытовавшими тогда в обывательской среде понятиями

о СССР, следует рассматривать только как «злых надсмотрщиков, кроважанных комиссаров», осуществляющих слежку за инакомыслящими и расправляющимися за это с невинными жертвами. Вопрос был отнюдь не риторический, ибо от ответа на него зависела судьба пленного человека.

Впрочем, финны приняли соломоново решение – признавая во время обеих войн за политработниками статус военнопленных, распространяли на них более жесткий режим содержания. Здесь правомерно вспомнить печально известный немецкий «Приказ о комиссарах». В отличие от своих союзников-финнов, немцы во время Великой Отечественной войны при выявлении среди советских пленных политработников тут же без суда и следствия расстреливали их. Более того, они часто устраивали охоту за «большевистскими комиссарами», подбывая уставших военнопленных на измену воинскому долгу и человеческому достоинству. То есть немцы решили этот вопрос просто и радикально: эта группа людей в солдатских шинелях при захвате в плен не имела права даже на жизнь, а не то чтобы на какое-либо приемлемое содержание. Причем такое решение вопроса о жизни и смерти этой группы людей, попавших в плен, осталось почти незамеченным в международных кругах. Оно не вызвало четкой и ясной реакции мирового сообщества. Не последовало официального осуждения таких действий на уровне правительств стран-союзников, выступавших совместно с СССР против гитлеровской Германии.

Один из наиболее запутанных и неясных вопросов – количество советских военнопленных в Финляндии. По официальным данным, за 105 дней боев РККА потеряла свыше 39 тысяч только пропавшими без вести. Для сравнения стоит отметить, что в период с 1922 по 1940 год Советский Союз принимал участие в восьми вооруженных конфликтах. Общее количество пропавших без вести в них составило 41 924 человека⁶². Так, во время боев в районе р. Халхин-Гол пропали без вести 2028 военнослужащих РККА. Как мы видим, наибольшее количество приходится именно на Зим-

ную войну. Естественно, что среди пропавших без вести во время боев в Финляндии были и пленные. Данные об их количестве очень противоречивы и колеблются от 5546 до 6116 человек⁶³

Не менее противоречива и информация о содержании советских военнопленных в лагерях Финляндии. Мы основываемся на целом ряде источников. Это и данные официальных финских военных и гражданских властей, в чьем ведении были советские военнопленные, и воспоминания военных полицейских и надзирателей, охранявших пленных, и свидетельства иностранных журналистов, встречавшихся с советскими солдатами в плену, и данные НКВД, полученные в результате допросов бывших советских военнопленных, и воспоминания самих пленных.

В связи с этим определенный интерес представляют материалы русской зарубежной историографии, касающиеся Зимней войны. Полагают, что после революции 1917 года за пределами Советской России оказалось больше двух с половиной миллионов граждан бывшей Российской империи. Среди них, естественно, было много крупных ученых в области гуманитарных наук, видных историков, известных журналистов. Однако они сосредоточили свое внимание прежде всего на сборе, анализе и опубликовании исторических сведений, фактов и материалов, направленных на борьбу с большевизмом. Поэтому из-под пера эмигрантов не вышли более или менее развернутые, обогащающие историческую науку исследования по проблеме советских военнопленных Зимней войны и войны Продолжения. Существует лишь несколько публицистических работ, в которых затрагиваются вопросы судьбы советских пленных в Финляндии.

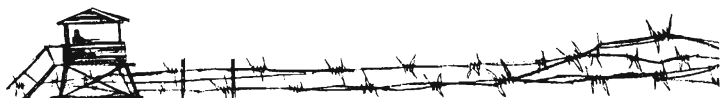
Начало Зимней войны всколыхнуло русские общины, проживающие за рубежом. Отношение русских эмигрантов к нападению СССР на Финляндию было практически везде единодушно отрицательным (в отличие от их взгляда на войну Продолжения). Независимо от идеологических пристрастий почти все – от монархистов до социал-демократов – негативно от-

неслись к вторжению Красной Армии на территорию Финляндии. Многие русские журналисты, проживающие за границей, отправились для освещения событий в Финляндию. Среди них был и Владимир Зензинов. Журналист, с 1905 года член ЦК партии социалистов-революционеров. В 1917 году он был избран в Учредительное собрание от Петербургской губернии. С 1919 году в эмиграции: Прага, Берлин, Париж. Он написал книгу «Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную Армию. 1939–1940»⁶⁴, изданную в Нью-Йорке в 1944 году.

В январе 1940 года В. Зензинов с разрешения властей Финляндии посетил страну. Он был первым русским журналистом, встречавшимся с советскими пленными в лагерях их размещения на территории Финляндии. Содержащиеся в его книге сведения представляют большой интерес не только для воспроизведения истории жизни советских военнопленных в Финляндии, для выявления особенностей их миропонимания и мироощущения, для определения их отношения к существовавшей тогда советской действительности, но и с точки зрения отношения военнослужащих Красной Армии к войне с Финляндией. Для меня важны его констатирующие свидетельства о том, что многие пленные красноармейцы не понимали, в каких целях ведется Зимняя война, что они не готовы были отдавать за их достижение свои жизни.

В. Зензинову была предоставлена также уникальная возможность познакомиться с письмами, подобранными на поле боя советских и финских военных частей в районах Суомуссалми, Лемети и Кухмо. Журналист приводит примеры из 542 писем и дневников. Большинство из писем было отправлено в Красную Армию их родными и близкими. Среди исторических свидетельств, попавших в руки В. Зензинова, были и письма, которые не успели уйти с фронта в Россию. Их география включает в себя практически все регионы СССР, написаны они на украинском, грузинском, татарском и марийском языках. Эти письма представляют особый интерес, так как подтверждают мое мнение о том, что в

преддверии Зимней войны советской пропагандистской машине фактически так и не удалось создать в умах рядовых красноармейцев образ финна как врага. Кроме того, они ценны еще и тем, что, имея в своем распоряжении письма финских солдат и офицеров, можно провести сравнительный анализ с целью изучения вопроса о том, как трансформировалось отношение к войне у граждан СССР и Финляндии.

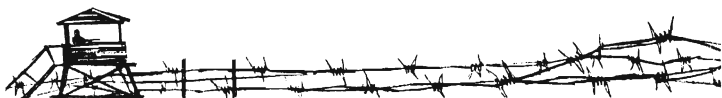
Ценность представляет и наблюдение Зензинова о том, что многие пленные были в общении с журналистами неискренни и подлаживались под вкусы вопрошавших. Это замечание в полной мере подходит к высказываниям финских военнопленных, которых допрашивали сотрудники органов военной разведки и НКВД в Советском Союзе, а также дознаватели в фильтрационных лагерях в Финляндии после окончания Зимней войны и войны Продолжения.

В. Зензинов предлагал В. Таннеру, бывшему во время Зимней войны министром иностранных дел, издать сборник документов, собранных финнами на фронте. Он считал, что такую книгу необходимо было издать как можно скорее на английском языке. Такая публикация не только усилила бы симпатии к Финляндии, но и ускорила бы помощь ей западных государств. Однако книга не была опубликована в Финляндии. Более того, ее издание затянулось до 1944 года.

Стоит отметить и еще одну книгу, вышедшую из-под пера русского эмигранта и издание которой отложилось на несколько десятилетий. В середине 70-х годов известный парижский литературный журнал «Континент», основанный в 1974 году уехавшим из СССР писателем В. Е. Максимовым (Л. А. Самсоновым), опубликовал в нескольких номерах мемуары Б. Г. Бажанова одного из представителей партийной номенклатуры и высокопоставленных сотрудников технического аппарата ВКП (б), бежавшего из СССР в 1928 году в Персию и оказавшегося затем во Франции. Любопытна его биография. Бажанов родился в семье врача в 1900 году в г. Могилев-Подольский. В 1918 году окончил гимназию, и некоторое время учился на физико-математическом

факультете Киевского университета, прервав учебу по причине революционных беспорядков. В 1919 году вступил в РКП (б) и был избран секретарем Могилевского уездного комитета партии. В 1920–1921 годах занимал должности заведующего губернским отделом народного образования, секретаря Ямпольского ревкома и др. В 1920–1922 годах учился в Московском высшем техническом училище, где был секретарём партийной ячейки. Зимой 1922 года принят на работу в организационно-инструкторский отдел ЦК РКП (б). Принимал участие в разработке проекта Устава РКП (б) 1922 г., получившего одобрение руководителей партийного аппарата Л. З. Кагановича, В. М. Молотова, И. В. Сталина. В 1922–1923 годах – секретарь Оргбюро ЦК. С 9 августа 1923 года до конца 1925 года – помощник Генерального секретаря ЦК И. В. Сталина и технический секретарь Политбюро ЦК. Член Президиума Высшего совета физкультуры (ВСФ). К началу 1926 года постепенно освободился от работы в аппарате ЦК ВКП (б) и посвятил себя деятельности в ВСФ, а также в Народном комиссариате финансов. В 1927 году добился направления в распоряжение Среднеазиатского бюро ЦК, откуда направлен в Туркмению на должность заведующего секретным отделом местного ЦК. 1 января 1928 года, воспользовавшись пропуском в погранзону для охоты, бежал в Персию (Иран) в районе Лютфабада. Позднее через Индию выехал во Францию. Занимался работой по технической специальности, сотрудничал в русской зарубежной печати. Избежал несколько покушений со стороны ОГПУ. По собственному признанию, во время советско-финляндской войны 1939–1940 годов находился в Финляндии с поручением от Русского общевойскового союза (РОВС) и других организаций, встречался с маршалом К. Г. Маннергеймом и получил согласие на формирование Русской народной армии (РНА) из пленных красноармейцев при помощи чинов Финляндского подотдела РОВС. Сформировав пять отрядов, был вынужден отказаться от создания РНА ввиду окончания войны. Затем отошёл от активной политической деятельности, работал в области науки и техники.

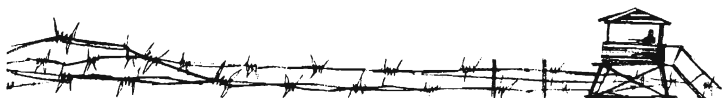

В 1980 году любопытные мемуары Бажанова увидели свет отдельным изданием⁶⁵ В своих воспоминаниях бывший технический секретарь Политбюро сообщил читателю немало важных и познавательных подробностей по истории внутрипартийной борьбы 20-х годов и представил характерные портретные описания лидеров ВКП (б). Но, к сожалению, степень аутентичности сообщенных Бажановым сведений установить крайне сложно. Несомненным фактом остается лишь действительное назначение 9 августа 1923 года автора мемуаров помощником Генерального секретаря ЦК РКП (б) И. В. Сталина и техническим секретарем Политбюро.

В своих воспоминаниях Б. Г. Бажанов впервые рассказал о своей поездке в Финляндию в январе 1940 года с целью формирования антисталинской Русской народной армии из пленных красноармейцев и чинов Русского общевойскового союза, создание которой санкционировал непосредственно маршал К. Г. Маннергейм.

Помимо книг В. Зензинова и Б. Бажанова, определенный интерес представляют собой документы, касающиеся деятельности Русского общевойскового союза во время Зимней войны. Сначала несколько слов об этой организации. Русский общевойсковой союз был учреждён 1 сентября 1924 года в соответствии с приказом № 35 главнокомандующего Русской армией генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля и первоначально объединял в своих рядах до 100 тысяч военнослужащих армии и флота, бежавших из России. В эту цифру включены бывшие чины Дальневосточной армии генерал-лейтенанта Г. М. Семёнова, Северо-Западной Добровольческой армии генерала от инфантерии Н. Н. Юденича и прочих белых частей.

Особенно интересны дневниковые записи и письма генерала А. П. Архангельского (1872–1959), который был председателем Русского общевойскового союза в период с 22 марта 1938 года по 25 января 1957 года, Генерального штаба генерал-лейтенант (1917), участник Гражданской войны, он после эвакуации Русской армии из Крыма, в 1920–1926 годах, был начальником отделения личного состава штаба главнокомандующего гене-

рал-лейтенанта П. Н. Врангеля. Эти дневниковые записи позволяют судить о настроениях русской эмиграции и условиях, на которых она была согласна активно участвовать в Зимней войне.

Однако я вынужден констатировать, что русская эмигрантская историография мало дает нам для углубленного исследования проблемы советских военнопленных в Финляндии во время Зимней войны. Но даже такие скудные сведения нельзя сбрасывать со счетов, так как они помогают исследователям восстановить некоторые неизвестные моменты советско-финляндской войны 1939–1940 годов.

Впрочем, все вышеперечисленные источники информации о советских военнопленных в Финляндии обладают одной отрицательной чертой: к сожалению, ни одному из них нельзя полностью доверять. Финские официальные источники часто выдавали желаемое за действительное, скрывали правду или же трактовали события в своих интересах. Иностранные журналисты, посетившие места размещения пленных, свидетельствовали, что советские военнопленные были дисциплинированы, охотно вступали с ними в разговоры. Многие военнопленные отрицательно отзывались о советских порядках и жизни в СССР. Но здесь тоже необходимо отметить одну особенность. На нее обратил внимание В. Зензинов: «Многие пленные, несомненно, неискренни и явно подлаживались под вкусы вопрошавших». Действительно, во многих случаях так оно и было. Часть военнопленных поверила обещаниям финских властей не возвращать их в СССР. Соответственно они должны были выглядеть лояльными по отношению к Финляндии. Проявить такого рода лояльность можно было лишь путем выказывания негативного отношения к существующему в Советском Союзе строю. Иностранные журналисты интересовались положением дел в СССР. А так как большинство из них отрицательно относились к России и Сталину и, в свою очередь, выполняли заказ своих издательств и стран, то и вопросы, которые они задавали пленным, имели одностороннюю направленность. Естественно, что военнопленные, в большин-

стве своем колхозники, были не всегда довольны положением дел в деревне – большими налогами, голодом, отсутствием товаров первой необходимости (да и в городах были такие же проблемы). Поэтому многие их ответы были под стать вопросам. Кроме того, некоторые пленные считали, что их ответы могут облегчить их положение в плену.

С другой стороны, после возвращения в СССР бывшие военнопленные показывали на допросах в НКВД, что их положение в лагерях в Финляндии было ужасным. То есть давали те сведения, которые от них хотели услышать, и тем самым старались облегчить свою участь.

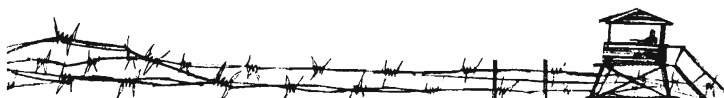
Говоря о размещении советских военнопленных в Суоми, стоит учитывать, что финские военные более реалистично оценивали в преддверии Зимней войны возможности своей армии, ее боевого снаряжения, вообще возможности страны противостоять натиску огромного СССР. Но и они просчитались, занизив численность возможных потерь противника, в том числе военнопленными.

Изначально пленных предполагалось содержать в лагерях и приемных пунктах, расположенных на юго-западе страны и районе Кайнуу, находящегося в центре Финляндии. Именно там содержались в основном финские заключенные. Ответственность за содержание советских военнопленных в Финляндии возлагалась на военные округа, которых в стране насчитывалось около десятка. Впоследствии пленных передали под контроль шюэкоровских районов.

В результате принятых мер на 21 ноября 1939 года Финляндия могла содержать 580 советских военнопленных в местах, предназначенных для отбывания уголовных наказаний:

- 1) запасная тюрьма в Кёюлиё (Köyliö) – 150 мест;
- 2) запасная тюрьма в Карвиа (Karvia) – 230 мест;
- 3) запасная тюрьма в Пелсо (Pelso);
- 4) колония в Линтукумпу (Lintukumpu) – 200 мест.

Однако дальнейший ход событий показал, что количество советских военнопленных существенно превы-

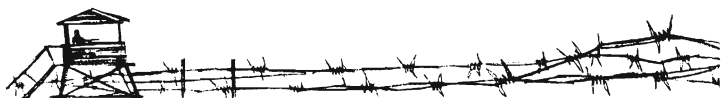
шало количество созданных для них мест в лагерях. Ситуация сложилась критическая. Как и в Советском Союзе, в Финляндии лагеря оказались фактически не готовы к приему советских пленных. Более того, в тюрьмах, в том числе и в Пелсо, где предполагалось содержать военнопленных РККА, находились финские заключенные. Этот вопрос необходимо было решать в спешном порядке. В конце концов руководство тюрьмы нашло выход из положения, отправив часть уголовников в действующую армию. Впрочем, вплоть до конца войны тюрьма в Пелсо так и не избавилась от всех финских заключенных. К марту 1940 года их оставалось около 100 человек. Аналогичная ситуация складывалась и в других тюрьмах Финляндии, где находились советские военнопленные.

Осознавая, что наплыв пленных будет большим, финские власти пошли на увеличение количества мест содержания советских военнопленных. На 3 декабря 1939 года были созданы лагеря на 5800 мест, в том числе:

- сборный (пункт) лагерь № 1 – около 2000
- сборный (пункт) лагерь № 2 – около 1500
- лагерь № 1 – около 500
- лагерь № 2 – около 800
- лагерь № 3 – 300
- лагерь № 4 – 700 мест⁶⁶

При этом предполагалось, что можно увеличить количество мест, по крайней мере в несколько раз, путем сооружения дополнительных ярусов на нарах. Естественно, в данном случае и речи не могло идти о нормальном размещении пленных и соблюдении всех мер противопожарной безопасности и личной гигиены. Впрочем, считалось, что это будет лишь крайняя мера, к которой можно прибегнуть в исключительном случае.

Стоит отметить, что созданные лагеря не были готовы к приему русских. По планам их оборудование должно было закончиться лишь к 7 декабря 1939 года. К этому времени должны были быть назначены начальники лагерей, утверждены штаты охраны, определены нормы продовольственного снабжения, медицинского обслуживания и т. п. То есть только через неделю пос-

ле начала Зимней войны лагеря могли полноценно функционировать.

В Финляндии советские солдаты и командиры содержались как в лагерях для военнопленных, так и в тюрьмах городов Турку, Миккели, Каяни. Режимы содержания в лагере и тюрьме отличались, но везде режим был довольно жестким и выстраивался согласно следующему распорядку дня:

Подъем	в 6 утра.
Утренний чай	с 6 до 7 часов.
Работа	7.15 до 17 часов.
Завтрак	с 11 до 12 часов.
Обед	с 17 до 18 часов.
Прогулки 1/2 часа	с 9 до 10 или с 15 до 16 часов.
Отбой	в 21.00.

Режим, установленный для офицеров и политработников, которых старались разместить отдельно от рядовых, был более жестким. Так, если рядовой состав каждый день выводили на прогулку, то политработники этого права не имели. В редких случаях их выводили под усиленной охраной на улицу на 30 минут. То есть политработники находились скорее на положении заключенных, чем военнопленных. Такой же режим содержания применялся к бойцам-десантникам и к летчикам даже в госпиталях. В. Зензинов в феврале 1940 года посетил одного такого раненого. К сожалению, журналист не называет его имени, упоминая лишь, что это был стрелок-радист бомбардировщика. Его самолет сбили над Финляндией. После того как экипаж совершил вынужденную посадку, их обстреляла финская пехота. Пилот и штурман были убиты, а его, раненного в ногу, взяли в плен. Зензинов отмечал, что летчика содержали в отдельной палате под замком. Для беседы с ним журналисту пришлось получить специальное разрешение из Хельсинки. Беседа продолжалась несколько часов в присутствии офицера финской армии, говорящего по-русски.

Еще тяжелее приходилось советским офицерам и политработникам, которых содержали в тюрьмах. Их не только более строго охраняли и изолировали от насе-

ления, но и по мере возможности старались изолировать даже друг от друга, размещая в одиночных камерах. Впрочем, многие военнопленные были озлоблены на своих командиров, поэтому в некоторых случаях финны были вынуждены изолировать офицеров и политработников по их собственной просьбе.

Остальные пленные, которые находились в тюрьмах, вспоминали так: «Во время войны она (тюрьма) была заполнена военнопленными. Расселяли по отдельным камерам. Скученность была большая. Лежали на голых нарах. Ни матрасов, даже соломы, ни одеял не давали. Курева не давали. Песни петь не разрешали». Впрочем, иногда табак и бумагу военнопленные получали от финских заключенных. Как уже отмечалось ранее, большую часть уголовных преступников финны решили отправить на фронт, дабы освободить места для советских пленным. Однако в тюрьмах и колониях еще оставалось некоторое количество заключенных. Конечно, встречи проходили в обстановке секретности, финны передавали пленным хлеб и табак. Предотвратить контакты между этими двумя группами финны не смогли, а в некоторых случаях и не пытались.

Приемные пункты для военнопленных

Как и в Советском Союзе, в Финляндии были созданы приемные и сборные пункты для временного содержания, регистрации и дальнейшей пересылки пленным к местам их постоянного размещения. Таких мест в Финляндии пять:

- приемный пункт Лиекса;
- приемный пункт Соткамо;
- приемный пункт Хюрюнсальми;
- приемный пункт Тайвалкоски;
- приемно-пересыльный лагерь Контиомяки.

Как правило, каждый из этих пунктов обслуживал определенный участок фронта. Например, через Тайвалкоски проходили советские военнослужащие, взятые в плен в районе Кухмо. Однако основная нагрузка ложилась на Хюрюнсальми, так как в него направлялись все бойцы и командиры РККА, плененные в районе

Раате. Здесь была окружена и почти полностью разгромлена 44-я стрелковая дивизия.

В соответствии с положениями международных конвенций военнопленных необходимо было отправить как можно быстрее от линии фронта. Для конвоирования пленных был создан специальный батальон военной полиции. Однако, как правило, пленные не требовали усиленной охраны. В случае побега или нападения на стражу последним было разрешено применять оружие. Убийство военнопленного при этом расценивалось как вынужденная самооборона, но дело передавалось для расследования в финский военный трибунал. Но побеги были редки и случались лишь на этапе перевозки военнопленного в лагерь. Побег же из лагерей во время Зимней войны не зафиксированы.

Священник из г. Оулу Ханнес Лейнонен, который во время Зимней войны оказывал медицинскую помощь военнопленным, вспоминал это время так:

«Те русские, которые могли самостоятельно передвигаться, — шли пешком. Раненых везли на грузовиках. Во время транспортировки никаких эксцессов не было. Боявшиеся замерзнуть военнопленные не предпринимали попыток к бегству»⁶⁷

Первые советские пленные прибыли в Хюрюнсальми уже в самом начале декабря 1940 года. Их разместили в двухэтажном здании, принадлежавшем фирме *Kajani Oy*, а затем, по мере поступления других групп, советских солдат и командиров распределяли по другим строениям. То есть, как и в СССР, их нередко размещали в зданиях, не предназначенных для содержания пленных. За военнопленными ухаживали женщины, члены организации «Лотта Свярд». Они готовили им еду, оказывали необходимую помощь раненым и больным красноармейцам.

Впрочем, русские пленные в Хюрюнсальми находились сравнительно недолгое время. После проведения предварительных допросов их отправляли в приемно-пересыльный лагерь Контиомяки. Лишь особо важные с точки зрения финнов военнопленные оставались в Хюрюнсальми. Здесь находился штаб командира 9-й фин-

ской дивизии полковника Хъялмара Сииласвуо (Hjalmar Siilasvuo (1892–1947)), который командовал операцией по разгрому 163-й и 44-й стрелковых дивизий. Таких пленных допрашивали с особой тщательностью в надежде получить дополнительные сведения о планах русских.

Крупнейшим местом сбора всех советских военнопленных, захваченных на севере Финляндии, был приемно-пересыльный лагерь Контиомяки. Он располагался в Молодежном клубе в километре от железнодорожной станции. Учитывая непродолжительное время пребывания в этом месте, можно сказать, что здание вполне соответствовало потребностям пленных. Как и в Хюрюнсальми, охрана здесь была малочисленная, но красноармейцы не пытались бежать.

Бывшие военные полицейские Арво Комппа и Олави Килпелайнен, охранявшие русских в Контиомяки, рассказывали:

«Первых советских военнопленных привезли в лагерь 5 декабря 1940 года. Они попали в плен под Суомусальми. Потом каждый день они поступали в Контиомяки группами по 10 человек. Привозили их в основном вечером или ночью.

Одетые в телогрейки, тонкие ватные брюки, на ногах валенки, на головах – буденовки. Словом, они выглядели так, как мы представляли русских по пропагандистским листовкам. Приходилось только удивляться, как таких плохо одетых солдат отправляли воевать. Только у младших командиров и офицеров были овчинные тулупы, в которых точно не замерзнешь. В группе военнопленных была одна женщина. Но так как она была одета в ту же форму, что и остальные русские, выяснилось это только в лагере, когда она вышла по нужде на улицу»⁶⁸

Проблема плохой экипировки военнослужащих Красной Армии, в том числе и нехватки в войсках теплого обмундирования, не была секретом для высшего военного и политического руководства Красной Армии. Этот вопрос поднимался на совещании при ЦК ВКП (б), посвященном итогам войны с Финляндией. Комдив Черняк, командир 136-й стрелковой дивизии, действовавшей на

Карельском перешейке, в своем выступлении отмечал: «13 декабря я и комиссар докладывали Военному Совету 7-й армии... что много бойцов было босыми... потому что разбили обувь. Во многих случаях финнам приходилось одевать красноармейцев, чтобы те не замерзли. В госпиталях взамен испорченной одежды давали и вполне добротную. Выписку из госпиталя один из военнопленных Иван Сидоров, боец-десантник, вспоминал так:

«Передо мной валялся мой полушубок, весь в крови, оба валенка, разрезанные сверху вниз. Вдруг появилась Лизи (медсестра в госпитале, с которой у И. Сидорова завязались приятельские отношения. — Д. Ф.). Она решила меня «приодеть». Не новое, но чистое нижнее белье, наша русская телогрейка и ватные брюки защитного цвета... На ноги она нашла коричневые, еще довольно крепкие пьексы (финские сапоги с крючком на носках для лыж). На голову дала черную круглую меховую шапку, она была мне великовата, спадала иногда на глаза»⁶⁹

Однако некоторые военнопленные, вернувшиеся в СССР, на допросах показывали, что финны издевались над ними: «При обмене изношенной обуви давали нарочно не по размеру. Часто на одну ногу давали сапог, а на другую — дамский туфель». Впрочем, такие случаи были больше исключением, чем практикой.

Как правило, в приемно-пересыльном лагере находились одновременно не более 100 человек военнопленных. Спали на полу. Из-за нехватки места и кратковременного пребывания пленных в этом здании нар решено было не сооружать. Еду для них готовили лотты. По воспоминаниям финнов, в лагере пленным давали: один раз в день суп, сыр, сухари. Разницы между пайком офицера и рядового не было. За этим тщательно следили финны. Еду расфасовывали по пакетам и вручали каждому военнопленному лично.

Война Продолжение 1941–1944 годов.

Историческая справка

Советско-финляндская война 1941–1944 годов, или, как ее принято называть в Финляндии, война Продолже-

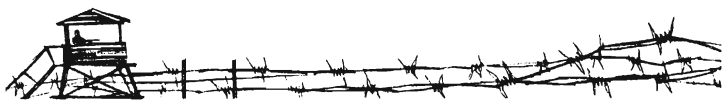

ние – неотъемлемая составляющая часть Второй мировой войны, и ее причинами можно считать нерешенность территориальных вопросов между СССР и Финляндией после Зимней войны, а также военно-политическое и экономическое сближение Финляндии в 1940–1941 годах с Германией.

Начало войны между СССР и Германией 22 июня 1941 года серьезно осложнило взаимоотношения между Советским Союзом и Финляндией, которая предоставила свои аэродромы для немецкой авиации, совершавшей авианалеты на советскую территорию. Бомбардировка советской авиацией финской территории 25 июня 1941 года послужило формальным поводом для вступления страны в войну на стороне Германии.

Начавшуюся войну можно условно разделить на три этапа. Первый – июнь 1941-го – зима 1942 года, когда финские войска, преодолев сопротивление частей Красной Армии, освободили территории, отошедшие к СССР после Зимней войны, а затем, перейдя линию старой государственной границы, захватили часть Восточной Карелии, включая города Петрозаводск и Медвежьегорск. Второй этап, так называемая позиционная война, с весны 1942-го по весну 1944 года. Он характеризовался вялыми позиционными боями на советско-финляндском участке фронта, формированием военной администрации Восточной Карелии. Проводившиеся советскими войсками Кестеньгская и Мурманская операции весной 1942 года, в рамках общего весеннего наступления, не увенчались успехом из-за плохой материально-технической подготовки. Финским и немецким войскам, подтянув подкрепления, удалось остановить продвижение частей Красной Армии. С этого момента на фронте наступило относительное затишье. Позиционная война характеризуется активизацией партизанского движения на территории Карелии, а с 1943 года переносом партизанских операций на территорию Финляндии.

Третий этап войны Продолжения начинается весной – летом 1944 года. Ему предшествовали перегово-

ры финской делегации в Москве, по вопросу о выходе Финляндии из войны, а также жесткое давление со стороны Германии, стремившейся предотвратить сепаратный мир между СССР и Финляндией. Поражение немецких войск под Ленинградом изменило военную обстановку на северо-западном участке советско-германского фронта. В июне 1944 года советские войска перешли в наступление по всей линии советско-финляндского участка фронта. Операцию начинали и наносили основной удар войска Ленинградского фронта на Карельском перешейке при поддержке Балтийского флота и Ладожской военной флотилии. На свирско-петрозаводском направлении в наступление переходили части Карельского фронта. Советские войска превосходили силы финской армии по живой силе в 1,7 раза, по артиллерии – в 5,2, по танкам в 7,3, по самолетам – в 7,3 раза. Несмотря на упорное сопротивление финской армии, наступление остановить не удалось.

Наступление Красной Армии обострило внутривнутриполитическую обстановку в Финляндии. 1 августа президент Рати ушел в отставку. Его сменил маршал Маннергейм. Новое правительство начало переговоры с СССР о выходе страны из войны. 4 сентября Финляндия объявила о прекращении боевых действий на советско-финляндском участке фронта и о разрыве отношений с Германией.

19 сентября 1944 года в Москве было подписано соглашение о перемирии между СССР, Великобританией и Финляндией. На основе соглашения о перемирии 10 февраля 1947 года был подписан Мирный договор между Советским Союзом и Финляндией.

С началом Великой Отечественной войны и ее составной части – советско-финляндской войны 1941–1944 годов ситуация с финскими и советскими пленными в корне изменилась.

Отличия были большие хотя бы уже потому, что Зимняя война длилась всего 105 дней, а не три года, как следующая. Следовательно, увеличивались сроки плена, возрастали объемы материально-финансовых ресурсов,

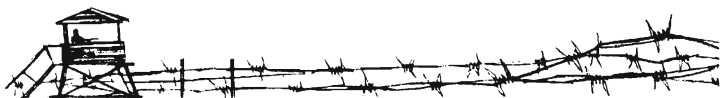
необходимых на содержание военнопленных в лагерях. В Зимнюю войну бои проходили на относительно небольшой территории с использованием обеими сторонами только части имевшихся материально-технических и людских ресурсов. В Великую Отечественную войну 1941–1945 годов Германия, Финляндия и СССР уже с самого начала использовали все свободные ресурсы в объеме, который задавался ходом развития крупных военных операций и военной ситуации в целом. Таким образом, во время войны Продолжения советское государство могло выделить значительно меньшую долю средств на содержание финских военнопленных, чем в Зимнюю войну.

В Зимнюю войну на занятых территориях почти не было местного населения. Во времена Великой Отечественной войны были оккупированы огромные территории с миллионами местных жителей. Отсюда в составе военнопленных было много интернированных, в том числе женщин, детей, стариков.

Поскольку в первую советско-финляндскую войну вооруженное противостояние происходило между двумя странами, состав пленных военнослужащих был в целом относительно однороден по некоторым социально-национальным признакам, например, по языку общения. Во время Великой Отечественной войны состав пленных был подлинно многонационален, многоязычен, представлял все европейские страны, что неизбежно сказывалось на решении всех вопросов жизни людей в лагерях.

Как и в Зимнюю войну, начало Великой Отечественной войны было для СССР крайне неудачным, но масштабы потерь, конечно, были иными. Уже в первые месяцы СССР потерял сотни тысяч убитыми, ранеными, попавшими в плен и пропавшими без вести. А в плену в СССР в первый год находились не более 9000 солдат и офицеров. Из них 513 были военнослужащими финской армии.

Как и в Зимнюю войну, военные стратеги в СССР допустили огромные ошибки в прогнозах развития военных событий войны Продолжения. Как и раньше,

УПВИ вынуждено было значительно корректировать свою деятельность. Оно, как мы помним, развернуло лишь 19 приемных пунктов для новых военнопленных, хотя ранее предполагалось создать свыше 30. Более того, в августе 1941 года в ведении УПВИ НКВД СССР осталось только три лагеря для военнопленных – Грязовецкий, Суздальский и Старобельский.

А тем временем в июне 1942 года, когда постепенно начинает увеличиваться поток военнослужащих противника, захваченных в плен, УПВИ НКВД издает Временное положение о создании лагерей-распределителей, которых не было в Зимнюю войну, и Временное положение о пунктах по приему военнопленных.

В лагерях-распределителях предполагалось содержать до 3,5 тысячи пленных. Срок их пребывания здесь ограничивался трехдневным карантином. После этого военнопленных направляли в производственные лагеря. Распределители создавались во фронтовом тылу и меняли свою дислокацию в зависимости от обстановки на фронте.

Для приема финских военнопленных войны Продолжения каждый лагерь-распределитель имел в своем подчинении приемный пункт. В задачи приемного пункта входило: а) прием военнопленных от воинских частей; б) первичный учет военнопленных; в) временное содержание пленных и доставка их в лагерь-распределители. Об этом пойдет речь в следующем подразделе данной работы.

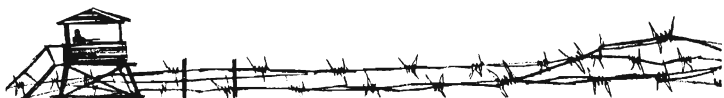
В июле 1942 года Министерство внутренних дел СССР издало приказ «Об изменении организационной структуры лагерей и приемных пунктов НКВД СССР для военнопленных». В соответствии с ним начальнику УПВИ предписывалось создать на базе ранее существовавших лагерей шесть лагерей-распределителей для карантина и временного содержания пленных. Причем в число этих образований для удовлетворения нужд Карельского и Волховского фронтов предназначался Череповецкий лагерь (г. Череповец Вологодской обл.), а для Северо-Западного и Ленинградского фронтов – Боровичский лагерь (г. Боровичи Ленинградской обл.).

Стационарные лагеря для финских военнопленных в 1941–1944 годах

Наличие большого количества военнопленных разных национальностей естественным образом подразумевало, что компактно содержать финских пленных в одном лагере, как это было во время Зимней войны, невозможно. В российских и финских архивах мной обнаружены данные, свидетельствующие о том, что финны прошли через более чем 50 приемных пунктов, сборных и стационарных лагерей, лагерных отделений и т. п. на территории Советского Союза. Точно определить количество мест для временного и постоянного размещения финских пленных достаточно сложно. Естественно, что основную информацию по этому вопросу я черпал из отчетов лагерей НКВД и воспоминаний самих военнопленных. Однако статистический учет и регистрация пленных в лагерях и приемных пунктах НКВД были на недостаточно высоком уровне, о чем речь пойдет ниже. В связи с этим не все финские военнопленные попадали в статистические списки, направляемые в УПВИ по национальной принадлежности, гражданству и армии.

С другой стороны, на допросах в Ханко при установлении мест размещения финских военнопленных в СССР сами финны часто неточно и неправильно называли лагерь, где они содержались. Наиболее распространенной ошибкой было то, что финны вместо номера лагеря называли номер лагерного отделения. Кроме того, как при транскрибировании финских имен в СССР, так и при упоминании трудных и непривычных для финских пленных русских географических названий мест содержания, в них вкрадывались ошибки. Так, например, в некоторых протоколах Потьма превращалась в «Botma» или «Plotma», Боровичи в «Barovets», «Barovits», «Varovits», Тепенсай в Оренбургской области, где располагался эвакогоспиталь №1383, в некоторых финских документах фигурирует как «Derenzait», «Derenskai» и даже «Lerautzein». Таких примеров огромное множество. Подобная неверная транслитерация русских названий нередко существенным образом ус-

ложняет задачу выяснения места содержания и захоронения некоторых финских военнопленных.

На территории Советского Союза в период войны Продолжения существовало несколько лагерей, где в разное время содержались достаточно большие группы финских военнопленных. Это Череповецкий лагерь № 158 (Вологодская обл.), Спасозаводской лагерь № 99 (Карагандинская обл.), Монетно-Лосиновский лагерь № 84 (Свердловская обл., а с 1943 года – Асбестовский лагерь), Оранский лагерь № 74 (Горьковская обл.), Темниковский лагерь № 58 Мордовия, станция Потьма (Темлаг), Красногорский лагерь № 27 (Московская обл.). Конечно, это далеко не полный список мест размещения финских пленных в СССР. В моем распоряжении имеется информация, по крайней мере, о 24 стационарных производственных лагерях, где во время войны Продолжения находились попавшие в плен военнослужащие финской армии.

Во время советско-финляндской войны 1941–1944 годов, впрочем, как и в период Зимней кампании, финские пленные, как правило, размещались в уже приспособленных для этой цели местах заключения: монастырях, трудовых и исправительных колониях НКВД и т. п. Им, в отличие от военнопленных вермахта в период 1944–1945 годов, не приходилось строить новые лагеря при полном отсутствии готовой инфраструктуры.

Особый оперативно-пересыльный лагерь НКВД УПВИ СССР № 27 в г. Красногорске был создан на базе фронтового приемно-пересыльного пункта, входившего в зону оперативной ответственности Западного фронта и 16-й армии. Первоначально он предназначался для сбора и временного содержания пленных, захваченных в боях осенью и зимой 1941/42 года на всем протяжении линии фронта – от Баренцева до Черного моря. С начала 1942 года приемно-пересыльный пункт в Красногорске, а затем стационарный лагерь начинает играть роль основного сборного пункта военнопленных, взятых на центральном участке Западного фронта. В документах НКВД день 7 марта 1942 года фигурирует

как официальная дата создания лагеря. Удобное географическое положение – северо-западная окраина Москвы, близость центра столицы – всего 27 км от Кремля, сеть транспортных развязок, таких как Волоколамское шоссе, Калининская ж/д со станцией Павшино, Тушинский и Ходынский аэродромы и т. д., а также наличие помещений, оборудованных центральным отоплением и канализацией и пригодных для одновременного проживания большого количества людей, выгодно отличали его от других приемных пунктов военнопленных. К 1944 году в лагере № 27 имелось девять филиалов. В протоколах допросов финских военнопленных в Ханко наиболее часто встречается упоминание лагерного отделения на станции Планерная. В марте – ноябре 1944 года все подразделения лагеря позволяли разместить с соблюдением установленных норм 11 850 человек при штате советских сотрудников лагеря в 200 человек⁷⁰. По данным российского исследователя В. Всеволодова, за восемь лет существования лагеря (с 1942 по 1950 г.) через него прошли около 50 тысяч человек, то есть около 1,1% от общего количества всех военнопленных и интернированных, находящихся в СССР. Впрочем, само географическое положение, а также создание в Красногорском лагере Центральной антифашистской школы (создана в феврале 1943 г.) и «Национального комитета «Свободная Германия» (образован в июле 1943 г.) определили не только особый статус лагеря, но и характер направляемого в него контингента военнопленных и интернированных. Большая часть из них могла быть с полным правом названа «элитой» плена. В течение восьми лет через Красногорский лагерь прошли 530 генералов, 7228 офицеров и 48 043 унтер-офицера и рядовых различных национальностей. Соответственно 82% от всех генералов и приравненных к ним категориям, а также 5,8% от общего числа офицеров, попавших в плен в период войны⁷¹.

Однако удаленность от района боевых действий, где Красная Армия непосредственно соприкасалась с армией Финляндии, повлияли на численность финских плен-ных в Красногорском лагере. За время его существова-

ния через него прошли всего около 50 военнослужащих финской армии, из них – пять человек умерло. В сентябре 1944 года содержащихся в лагере № 27 военнопленных финской армии стали постепенно переводить в Череповецкий лагерь НКВД №158, находившийся в Вологодской области. Так, в соответствии с этапным списком, 2 сентября 1944 года 25 человек были направлены на ст. Череповец Северной железной дороги. Данный этап прибыл в лагерь № 158 9 сентября 1944 года.

Череповецкий лагерь №158 организован в г. Череповец Вологодской области в соответствии с приказом НКВД СССР №001 156 «Об изменении организационной структуры лагерей и приемных пунктов НКВД СССР для военнопленных» от 5 июня 1942 года на базе ранее существовавшего спецлагеря НКВД для освобожденных из немецкого плена военнослужащих Красной Армии. Изначально он действовал как лагерь-распределитель, а весной 1944 года преобразован в стационарный лагерь для военнопленных рядового и унтер-офицерского составов. «Лагерь расположен на сухом, здоровом лесистом участке. Почва участка и дорог глинистая, что представляет известные затруднения для транспорта и контингента в весенне-осенний период. Лагерь с трех сторон окружен колхозными полями и только с одной стороны примыкает к ближайшему поселку. В 500 м от лагеря протекает река Шексна...»⁷² Капрал финской армии Лаури Юссила (Jussila Lauri Olavi) описывал Череповецкий лагерь в своей заметке в газете «Sotilaan Ääni»: «Наш лагерь, находящийся в середине березового леса, располагается в прекрасном, здоровом месте. Ребята шутят, что Маннергейм ездит поправлять здоровье в Швейцарию, а мы тут сами, как в санатории»⁷³ Однако в реальной жизни картина была не такой безоблачной – заболеваемость и смертность пленных финской армии была достаточно высокой, что подтверждали и сами руководители этого лагеря. Более подробно я остановлюсь на этом вопросе в следующих разделах данной работы.

Спасозаводской лагерь № 99 был образован на базе Спасского отделения Карагандинского лагеря (поселок

Спасск, Казахская ССР) в июле 1941 года. Он располагался в 45 км на восток от г. Караганды на месте Спасского медеплавильного завода. «Местность преобладающе безлесная, за исключением небольших кустарников, почва преобладает каменисто-песчаная. Поселок, в котором размещен лагерь, расположен в долине, вокруг окружен горными возвышенностями, вследствие чего имеется некоторая защита поселка от северных ветров. Климат в данной географической полосе сухой, с преобладанием сильных ветров, в летнее время с песчаными буранами, а в зимнее время со снежными буранами»⁷⁴ Вместимость лагеря в 1941 году составляла 5 тысяч человек. Военнопленные проживали в бараках, в которых были сооружены двухэтажные нары. Сооружения, предназначенные для размещения пленных, оказались не приспособленными к зиме, завоз продовольствия в лагерь из-за плохого состояния дорог был сорван, в лазарете не хватало мест. Вследствие этих причин, зимой 1942/43 года в Спасозаводском лагере резко выросли заболеваемость и смертность военнопленных, в том числе и финских.

Таково краткое описание мест расположения некоторых стационарных лагерей НКВД СССР, где во время войны Продолжения содержались финские военнопленные. В отличие от некоторых других национальностей, для финнов не старались подобрать подходящие для них природно-климатические условия содержания. Здесь уместно отметить, что австрийский исследователь, сотрудник Института по изучению последствий войны им. Л. Больцмана Стефан Карнер в своей книге приводит данные о том, что уже с 1943 года началось частичное деление военнопленных по национальностям и перевод их в другие лагеря, более подходящие для них по климатическим условиям. Так, итальянских военнопленных перевели из северных районов Казахстана на юг и в Узбекистан, французов отправили в Тамбов. Немцам и австрийцам особых климатических зон не выбирали. Эта мера, по мнению Карнера, противоречит распространенной в СССР практике содержания военнопленных в нечеловеческих условиях⁷⁵ Финские пленные

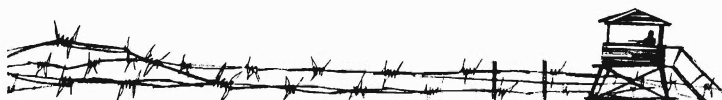

находились в лагерях НКВД, расположенных не только в северных и северо-западных районах СССР, но и в средней полосе, на юге и в Казахстане.

В связи с этим вызывает некоторое удивление высказывание российского исследователя, доктора юридических наук, капитана 1-го ранга В. Галицкого, который в своем интервью говорил:

«Как правило, финские пленные были физически здоровыми. Они содержались в северных районах Советского Союза. Для них эти климатические условия были нормальными, и поэтому среди них не было такой массовой гибели, которая была среди итальянских и даже немецких военнопленных. То есть они были устойчивее, и смертность была очень небольшая среди них. Она была, так сказать, естественная смертность. Кто после ранений, после боевой обстановки, ослабленный там был, или по болезни, а так, чтобы в результате недостаточности питания среди финских военнопленных этого не наблюдалось. Питание было, как у пленных других национальностей, но они были более приспособлены к этой климатической среде, и поэтому они выживали, и в силу этого они знали, как в условиях северных районов России и чем нужно питаться. Хотя бы для того, чтобы восполнять недостаток витаминов»⁷⁶

Исследователь Галицкий прав, что климатические условия не очень влияли на смертность финских пленных в СССР. Хотя очевидно, что климат в северных районах Казахстана мало похож на финский. А именно в Казахстане скончалось наибольшее количество финских военнопленных. Финский журналист Юкка Рислакки и российский исследователь Эйла Лахти-Аргутина пишут в своей книге, что из 338 финнов, находившихся в Карлаге, в живых осталось меньше 30⁷⁷ Смертность пленных военнослужащих армии Финляндии в лагерях НКВД в большей степени была связана с плохим питанием, тяжелой работой, нехваткой витаминов и недостаточным медицинским обслуживанием, что подтверждают имеющиеся в моем распоряжении советские архивные документы. Незнание местной флоры приводило к тому, что в Караганде финны от голода собира-

ли сладкие корнеплоды, которые, как оказалось, были ядовитыми.

Итак, можно отметить, что, как и во время Зимней войны, во время войны Продолжения серьезных нарушений внутреннего распорядка лагерей финские военнопленные не совершали, в отличие от немецких военнопленных, которые за время войны совершили 301 побег из мест заключения⁷⁸ В нашем распоряжении имеется информация лишь об одном подобном инциденте со стороны финнов. В отчете начальника оперативно-чекистского отделения лагеря № 158 майора госбезопасности Кенькина отмечено, что в октябре 1944 года военнопленный финской армии Рюткянен (вероятнее всего, правильное имя Rytkönen Väino Henrik), «будучи совершенно в ненормальном состоянии, перелез через проволочное ограждение и из зоны лагеря совершил побег, но через 3 часа был задержан силами оперативной группы»⁷⁹ Впрочем, это не повлияло на его дальнейшую судьбу, и он вернулся на родину в 1944 году.

Естественно, что нарушений распорядка лагерной жизни и правонарушений избежать невозможно, но сводились они в основном к краже продуктов питания и обмундирования, что вполне объяснимо в условиях плена. Действительно, стремление получить лишний кусок хлеба, а значит, и выжить иногда толкал военнопленных на такие поступки, которые они вряд ли совершили в нормальных условиях.

Советские военнопленные в 1941–1944 годах

А теперь рассмотрим вопросы, связанные с пребыванием советских военнопленных в лагерях на территории Финляндии во время войны Продолжения.

Говоря о советских пленных периода войны 1941–1944 годов, необходимо сделать небольшую ремарку. Еще до начала боевых действий обе стороны проводили разведывательные полеты. Но если финны всегда возвращались на свои базы, то русским пилотам повезло меньше. 24 июня 1941 года два советских гидроплана МБР-2 проводили разведку местности в районе По-

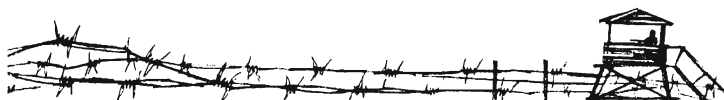

рвоо и совершили вынужденную посадку в территориальных водах Финляндии. Один самолет отправился за подмогой, а второй был захвачен вместе с экипажем – лейтенант Н. А. Дубровин, лейтенант А. И. Корчинский и старший сержант Т. К. Близнецов 41-й авиаэскадрильи 15-го авиаполка ВВС КБФ. Таким образом, еще до начала войны Финляндия *de facto* захватила первых советских военнопленных. К сожалению, дальнейшую судьбу этих летчиков мне установить пока не удалось.

Начавшееся в самом конце июня 1941 года наступление финских войск принесло ошеломляющие успехи. Несмотря на упорное сопротивление частей Красной Армии и пограничников, финны в довольно короткие сроки вышли к линии старой государственной границы.

Отступавшие советские войска несли тяжелый урон в живой силе. Просчеты при планировании операций и стремительное продвижение финнов привели к тому, что большое количество частей и подразделений РККА оказались в «мешках» и «котлах». Выросло и количество пленных бойцов и командиров, плененных финнами. «Котел» (или по-фински «мотти») в районе Порлампи дал более 3000 военнопленных, совместное наступление финских корпусов на побережье Карельского перешейка – 1200, а «мотти» у Инонниemi – 1500 военнопленных. В результате медвежьегорской и олонецкой операций в Карелии осенью – зимой 1941 года в финском плену оказалось более 4000 военнопленных. Только за первые полгода войны были взяты в плен 56 334 военнослужащих Красной Армии. Всего за время войны Продолжения – 64 188 человек.

Естественно, что такое количество военнопленных надо было где-то размещать. Еще до начала широкомасштабного наступления финской армии 1 июля 1941 года страна начала готовиться к приему пленных. 28 июня 1941 года начальник штаба тыловых частей полковник А. Е. Мартола отправляет приказ о формировании лагерей для военнопленных. Согласно приказу, лагеря должны были начать полноценно функционировать к 2 июля. Для советских солдат и командиров вновь были

готовы «гостеприимно» распахнуть двери своих барачных уже известных нам по Зимней войне лагеря в Пелсо, Кёулиё, Карвиа, Хуттинен. Кроме того, были подготовлены и новые места для русских в:

Хейнойоки – на 300 человек;

Ванхала – на 200;

Каркила – на 150;

Перясейняйоки – на 150;

Паавола – на 400;

Лиминка – на 1000 человек.

В распоряжение военнопленных были предоставлены госпитали в Коккола и Лаппеенранта.

Но этого явно было недостаточно. 30 июня 1941 года на территории лахтинской организации шюцкора в местечке Настола открылся пересыльный лагерь № 1 на 2000 военнопленных. Второй такой же лагерь сформировали в Пиексямяки на территории Сайменской организации шюцкора. Принять пленных сразу этот лагерь не смог, поскольку не имел барачных. В результате руководство лагеря было вынуждено обратиться на местную лесопилку с просьбой предоставить строительный материал для помещений. Впрочем, в отличие от других лагерей, оба этих приемно-пересыльных лагеря просуществовали всю войну. Через них прошли десятки тысяч советских военнопленных. В иные месяцы количество обитателей Настола достигало 8019 человек, а Пиексямяки – 7556 пленных. Естественно, что рассчитанные на 2000 мест, эти лагеря не могли обеспечить сколько-нибудь нормальные условия жизни советских военнопленных.

Продвижение частей финской армии в глубь Карельского перешейка и Карелии привело к тому, что поток пленных увеличивался, обгоняя предварительные прогнозы. Штаб тыловых частей объявил о готовности к приему 24 тысяч военнопленных, которые должны были расположиться в следующих лагерях:

Кёулиё – 500 человек;

Карвиа – 700–3000;

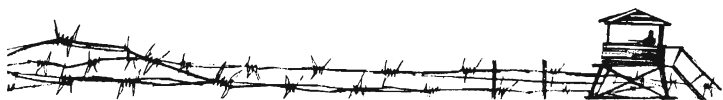
Хуттинен – 2500–4000;

Пелсо – 2000;

Ориматтила – 300;
Туусула – 200;
Карккила – 150;
Колосйоки – 1500;
Кеми – 5000;
Исокюро – 400;
Перясейняйоки – 300;
Рауталампи – 700;
Кяльвия – 200;
Киурувеси – 400;
Паавола – 400;
Лиминка – 1000;
Настола – 2000;
Пиексямяки – 2000 человек.

К концу августа 1941 года пленными были заполнены 18 лагерей по всей Финляндии. Однако наступление финнов на Карельском перешейке закончилось лишь 9 сентября 1941 года. То есть предстояло разместить еще и другие, более крупные партии военнопленных Красной Армии. Еще раз напомним, что только за первые полгода войны в плен было взято свыше 56 тысяч бойцов и командиров РККА. Среди пленных был и единственный генерал-майор Красной Армии, командир 43-й стрелковой дивизии. В сентябре 1941 года, будучи контуженным, он был взят в плен в районе Выборга. Столь ценный «трофей» еще никогда раньше не доставался финнам. На предложение создать и возглавить антисоветское движение среди советских военнопленных генерал Кирпичников ответил отказом и содержался в офицерском лагере для военнопленных № 1 на общих основаниях до выхода Финляндии из войны. Его неоднократно вызывали на допросы в Ставку в Хельсинки. Финнов особенно интересовали его показания о причинах поражения советских войск на Карельском перешейке, методике подготовки командного состава в военных училищах в Советском Союзе. Судьба его сложилась трагически. На следующий день после возвращения в СССР, 20 октября 1944 года Кирпичников был арестован сотрудниками СМЕРШ. После проведения расследования об обстоятельствах плене-

ния был обвинен в измене Родине, осужден в 1945 году и заключен в тюрьму. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР 28 августа 1950 года генерал Кирпичников был расстрелян. До настоящего времени не реабилитирован. Если о других советских генералах, попавших в плен во время Великой Отечественной войны, написано много статей и научных исследований, то ссылок на Кирпичникова в российской историографии практически нет. Пожалуй, единственными являются статьи российского исследователя В. С. Христофорова.⁸⁰

За время войны Продолжения на территории Финляндии находилось 30 лагерей, приемных пунктов и производственных отделений, где содержались советские военнопленные. Лагерь делились на: 1) офицерские; 2) для рядового состава; 3) для «дружественных наций» и 4) лагеря для женщин-военнопленных. Иногда общая территория лагеря была разделена на женскую и мужскую зоны. Кроме того, на оккупированной территории финны создали еще несколько лагерей для гражданско-го населения и военнопленных.

Для гражданского населения:

Город Петрозаводск:

лагерь № 1 1000 человек,

лагерь № 2 – 1500,

лагерь № 3 – 3000,

лагерь № 4 – 3000,

лагерь № 5 – 7000,

лагерь № 6 – 7000,

лагерь № 7 – 3000 человек.

Петровский район, Святнаволок – 1000.

Пряжинский район, Киндосвары – 600.

Кутижма – 200.

Медвежьегорский район – 600.

Олонецкий район, п. Ильинское – 2176.

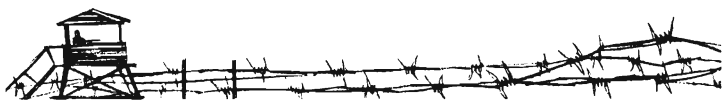
Ведлозерский район – 1000.

Вместимость – 31 576 человек.

Для военнопленных:

Сегозерский район

лагерь № 1 300 человек

лагерь № 2 – 600 человек.

Кондопожский лагерь 8062 – 750 человек.

Лагерь б/н – 70 человек.

Олонецкий район, лагерь № 17 – 1000 человек.

Выборгский район – 500.

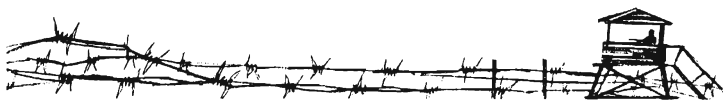
Вместимость – 3220 пленных.

Помимо финских лагерей на территории Суоми действовали и немецкие лагеря для советских военнопленных. Как правило, они размещались на севере страны, в так называемой зоне ответственности немецкого командования. По различным оценкам, таких лагерей было 27. Лагеря были сравнительно небольшими. Численность военнопленных редко превышала 200 человек. Пленные использовались для обслуживания немецких гарнизонов, на строительстве дорог и лесозаготовках. В 1944 году после выхода Финляндии из войны большую часть советских военнопленных перевели в лагерь на территории Норвегии или эвакуировали морем в Германию. Бежавший из немецкого лагеря в Рованиemi советский военнопленный старший сержант Своеволин на допросе в НКВД показывал так:

«Лагеря военнопленных в гор. Рованиеми расположены на северной окраине города, на правом берегу реки Кеми-йоки. Метрах в 150–200 расположен второй лагерь военнопленных. Каждый лагерь занимает площадь длиной до 150 и шириной до 80 метров, обнесенный в два ряда проволочным ограждением, расстояние между рядами до 2 метров. Этот промежуток между проволочными ограждениями забросан спиральной проволокой, на которую подвешены металлические предметы, издающие лязг, в случае если на эту проволоку наступить. По углам двора имеются 4 вышки для постов с прожекторами. Для входа и выхода со двора лагеря имеются одни проходные ворота, в которых стоит часовой.

Охрана лагеря

Лагерь военнопленных, в котором содержался СВОЕВОЛИН, охраняется исключительно немецкими солдатами. Гарнизон охраны состоял до 70 человек из солдат СС.

Солдаты размещены в отдельном помещении в 100–120 метров в 4 бараках. Начальником лагеря был немецкий майор, фамилии которого я не знаю. В помещении, где размещались пленные, начальник лагеря заходил очень редко, не больше как один раз в месяц.

Переводчиков в лагере было двое, оба из числа военнопленных, один из них из немцев Поволжья, второй украинец. Их фамилии также неизвестны.

В дневное время лагерь охранялся одним часовым в воротах и два подвижных поста по одному человеку, которые ходят вокруг двора вблизи проволочных заграждений.

В ночное время охрана усиливается на 2 человека, так что во дворе ночью ходят 4 человека, а в воротах так и остается 1 человек».

Приблизительно такая же система охраны существовала и в финских местах размещения военнопленных. Территории лагерей были обнесены заграждением из колючей проволоки, а по периметру стояли вышки для наблюдения. Структура организации лагерного руководства менялась несколько раз за время войны 1941–1941 годов, но в целом соответствовала следующей модели:

1. Руководство лагеря

- отдел учета и регистрации пленных,
- медицинский отдел,
- разведывательный отдел, в чьем ведении были допросы военнопленных.

2. Отдел обслуживания лагеря.

3. Отдел охраны. В зависимости от величины лагеря пленных охраняли от роты до батальона.

Военнопленные размещались в бараках, как правило, по 150 человек, оборудованных двухъ – или трехъярусными нарами. В производственных лагерях пленные жили по 25–30 человек в дощатых временках или землянках.

Говоря о лагерях для военнопленных в Финляндии, нельзя обойти стороной один немаловажный вопрос, а именно: нарушения лагерной дисциплины и последовавшие за этим наказания. Наиболее распространенны-

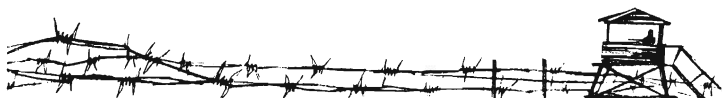

ми проступками во время войны были: кража продуктов питания в лагерях и у гражданского населения, нарушения трудовой дисциплины и отказ от работы, а также побеги. В компетенции начальника лагеря было назначение наказаний провинившимся пленным. Исполнение наказания возлагалось на командира охранной роты. Начальник лагеря имел право посадить провинившегося в карцер сроком на 30 суток, офицер охраны – на 14 суток и офицер барака – на 7 суток.

Тяжелые условия жизни в лагерях, стремление к свободе толкало военнопленных на побеги. По разным данным, за время войны Продолжения из финских лагерей бежали около 700 советских военнопленных. Путь их был разный. Многие, особенно из северной части страны, старались бежать в Швецию. И некоторым это удавалось. Например, брат известного советского поэта А. Твардовского – Иван совершил побег и в 1944 году оказался в лагере для интернированных лиц. Он вернулся в СССР в 1946 году и был осужден к 10 годам исправительно-трудовых работ. Другие старались пробраться в СССР. Некоторым тоже это удавалось: пройдя до 800 км по лесам, они выходили в расположение советских частей. После фильтрационной проверки их направляли в действующую армию.

Побеги были достаточно распространенным явлением среди военнопленных. Закрывать на это глаза руководство лагерей не могло. В 1944 году был издан специальный циркуляр, касающийся мер по поимке беглецов.

«С наступлением лета ожидается увеличение попыток побегов пленных. Для организации быстрой и эффективной погони в случае предпринятой попытки приказываю создать так называемую ударную группу при основных лагерях, а также во всех лагерях-филиалах и трудовых лагерях... У командира ударной группы в планшете всегда должны быть наготове карта округа и компас. В продовольственном складе должен быть всегда наготове 3-суточный паек на каждого члена ударной группы и на собаку. Оружие тоже должно всегда находиться в боевой готовности... По мере необходимости

группа должна сниматься в погоню без особого на то приказа. Время не должно теряться впустую ни капли, ударная группа должна приступать к своим обязанностям мгновенно и выполнять их быстро и на уровне. В случае отбытия в отпуск члена ударной группы начальник лагеря-филиала должен найти на его место подмену. Отличившиеся члены ударной группы могут поощряться отпусками (например, в случае задержания беглого пленного)».

Значительную часть из бежавших, как правило, ловили или убивали во время погони. Это неудивительно: беглецы оказывались в абсолютно незнакомой для них местности, изобилующей водными преградами и лесами. Запасы продовольствия, накопленные к побегу, быстро заканчивались, и они вынуждены были красть еду у местного населения. Это не оставалось незамеченным. Гражданское население охотно помогало властям задерживать пленных.

Пойманных военнопленных возвращали в лагерь. В большинстве случаев беглеца наказывали розгами. Порка была распространенным явлением в финских лагерях. Пленных выстраивали перед бараками. Посередине площади устанавливался помост, на который животом должен был лечь обнаженный до пояса пленный. Пороли розгами, иногда, если попадался охранник-садист, ими служил привязанный к деревянной ручке пучок изолированной медной или стальной проволоки. Количество ударов было заранее известно и провинившемуся, и экзекутору. Бывший военнопленный Ёлкин так вспоминает порку, которой он подвергся вместе со своими двумя товарищами после неудавшегося побега:

«Собрались наши, рядом бараки были. Я-то не кричал, когда били меня, а эти двое кричали. Одного заставили на аккордеоне играть громко. Тот играл на аккордеоне, а в это время били. А внизу на полу стоял офицер, он считал удары. Мне накрыли заднюю часть и спину и двое с обеих сторон лупили. Один солдат, другой сержант. И сержант был русский. Русские тоже были в финской армии. И сержант это русский был. Он звер-

ски бил, что есть силы, а этот – финн – он почему-то слабо. Чувствовалось, что вид делает. Поднимает, а опускает потише».

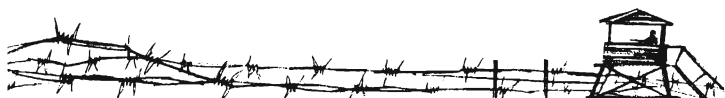
Другим наказанием дисциплинарного плана считалось выдерживание пленных по стойке смирно с тяжелым рюкзаком за плечами. Такое же наказание применялось и к финским солдатам. Естественно, что такую меру взыскания многие военнопленные, ослабленные постоянным голоданием, долго не выдерживали. Кстати, существует легенда о генерале Кирпичникове. Когда он находился в лагере, его адъютант подвергся такому наказанию. Генерал попросил выдать и ему такой же ранец и встал рядом с ним, мотивируя это тем, что он и в плену несет ответственность за своих солдат. Руководство лагеря приняло решение отменить наложенное на военнопленного взыскание.

Если же проступок, совершенный пленным, выходил за рамки компетентности начальника лагеря, последний обязан был передать его в военно-полевой суд. К таким проступкам относили, например, порчу государственного имущества, поддержание связи с находящимися за пределами лагеря лицами с целью ведения шпионажа, распространение большевистской пропаганды, бунт, саботаж и т. п. За некоторые из этих проступков полагался расстрел.

Конвой тоже имел право применять оружие в случае нападения на него или при попытке военнопленного к бегству. Подобное часто случалось в производственных филиалах лагерей, например на лесозаготовках.

«Протокол допроса в Куусиваара 5.12.1941 по поводу смерти пленного А № 1709 Симаква Николая Ивановича. 4.12.1941 в 16 часов при выходе с лесоразработок он напал на рядового Ф., бывшего в конвое. Тот для самообороны выстрелил. Пуля попала пленному в грудь, вследствие чего смерть наступила мгновенно. Другой конвоир партии сказал, что с Ф. все так и произошло. Старший конвоя сержант Сёдерлинг Э.».

Впрочем, вызывает сомнение, что обессиленные голодом военнопленные могли причинить существенный вред здоровью охранников. Однако подобных случаев

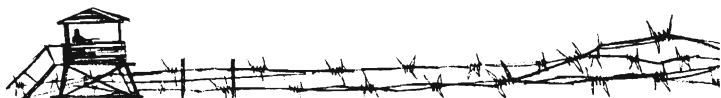
убийства пленных якобы при нападении или при попытке к бегству известно довольно много.

Итак, подводя некоторый итог данной главы, можно заметить, что, как и Советский Союз, Финляндия оказалась не готова к размещению большого количества военнопленных. Так, финский исследователь Пиркка Миккола установил, что уже в начале войны Продолжения проявились существенные изъяны в организации содержания советских военнопленных, которые были связаны с недостаточно четким решением нормативно-правового вопроса о соподчиненности организаций, отвечавших за прием советских военнопленных⁸¹. По сути, структура их приема, учета и обслуживания стала разрабатываться только в 1942 году, а окончательно отладить все моменты соответствующего порядка удалось лишь к осени 1943 года. С этого времени, считают многие исследователи, Финляндия в полном объеме стала соблюдать нормы международного права обращения с военнопленными в части их размещения и продовольственного снабжения.

Порядок первичного учета военнопленных

Во время Зимней войны и финские, и советские власти были заинтересованы в сборе полной и, по возможности, достоверной информации о количественном и качественном составе пленных, находящихся на территориях обеих стран. Финские военные и гражданские власти, в ведении которых находились советские военнопленные, установили довольно простой порядок первичного учета русских пленных. Он сводился к их предварительному допросу и составлению учетной карточки, в которую записывались имя, фамилия, отчество, год и место рождения, семейное положение, сведения о родственниках, национальность и вероисповедание военнопленного.

Во время первичных допросов офицеров и политработников Красной Армии отделяли от основной массы. Эту категорию лиц затем допрашивали более подробно, особенно тщательно. Для общения с военнопленными в качестве переводчиков привлекались как военные

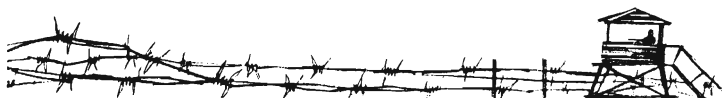
лица (в основном из числа бывших офицеров царской армии), так и гражданское население. Например, финские военные власти из-за нехватки переводчиков были вынуждены привлечь к этой работе директора банка из Кайани Тирранена, который родился в Северной Карелии и понимал русский язык.

Однако на этом простота решения проблемы кончалась. Финские военные и гражданские власти, согласуясь с требованиями Женевской конвенции об учете воинского статуса военнопленных, делили всех пленных на несколько групп для их последующего раздельного содержания в лагерях:

- 1) политическое руководство (независимо от звания);
- 2) офицеры;
- 3) младшие командиры;
- 4) строевой состав;
- 5) доброжелательно относящиеся к Финляндии – национальные меньшинства;
- 6) перебежчики.

Но, таким образом, они решали и прагматические цели создания благоприятных условий для идеологической обработки пленных. Они изолировали советских политработников от основной массы военнопленных, предотвращали влияние советских офицеров на рядовой состав из национальных меньшинств, создавали особую среду для работы с перебежчиками.

Таких специализированных лагерей и сборных пунктов для советских военнопленных в Финляндии было семь: лагерь №1 – Кёюлиё (Köyliö) и лагерь №3 – Пелсо (Pelso), в которых находились политработники, офицеры и младшие командиры; лагерь №2 – Карвиа (Karvia) и лагерь №4 – Линтукумпу (Lintukumpu), где были размещены рядовые военнослужащие, представители национальных меньшинств и перебежчики; лагерь №5 – Хуиттинен (Huittinen), предназначенный для содержания военнопленных 4 и 5 групп; а также сборный (пункт) лагерь в Утти (Utti) и сборный (пункт) лагерь в Париккала (Parikkala)^{1 2}. Впрочем, правило раздельного содержания военнопленных в зависимости от группы не всегда соблюдалось.

Еще при первичных допросах военнопленных финны старались определить национальность красноармейцев. Для этой цели был разработан «Проект руководства по допросу военнопленных. Установление национальности военнопленного». В нем, в частности, отмечалось, что национальность военнопленного необходимо установить еще на стадии первичного допроса. В крайнем случае, по прибытии в лагерь для военнопленных. Это объяснялось тем, что к нерусским пленным «следовало относиться более внимательно, так как уже во время войны их можно использовать в различных целях или же, по крайней мере, подготовить из них людей, которые после обмена военнопленными, вернувшись в Советский Союз, расселятся среди советских людей». С другой стороны, отмечалось, что «во время допроса следует остерегаться давать военнопленному такие представления, из которых он может понять, что принадлежность к нерусской национальности даст преимущества и наоборот».

В отношениях с военнопленными других национальностей финские власти исходили из идеологической доктрины о неразвитости их национального самосознания из-за низкого образовательного и культурного уровня. При этом опирались на тезис-ориентир, согласно которому советская пропаганда, фальсифицируя «даже самые наипростейшие сведения и обстоятельства, задушила самосознание нерусских народов».

К категории национальных меньшинств при делении военнопленных финны относили всех нерусских солдат и командиров Красной Армии. Выделенные в отдельную группу нерусские, по замыслу финских властей и в целом без нарушений международного права, должны были содержаться отдельно от остальных – русских пленных.

По финской классификации, в категорию национальных меньшинств попали люди титульных в СССР наций с численностью в миллионы человек и имевших свои государственно-национальные образования, например: украинцы, татары, белорусы, узбеки и грузины. К последним финны, например, относили людей всех

национальностей, проживающих на Кавказе, что, конечно, не устраивало ни грузин, ни людей других национальностей, тщательно в течение веков оберегавших на Кавказе и за его пределами свое национальное достоинство. Также естественно, что, например, украинцы не могли согласиться с отнесением их к группе национальных меньшинств, под которыми в СССР понимали, прежде всего, малочисленные народы и народности, не имевшие в царской России не только своих национально-государственных образований, но и даже письменного языка, многих видов современного искусства и культуры.

По неполным данным, за время боевых действий были пленены около 1928 человек, явившихся представителями 32 наций и народностей Советского Союза, то есть приблизительно 35% от общего количества военнопленных. Думаю, что эти данные не вполне соответствуют действительности, так как, несмотря на учет, многих нерусских военнопленных записывали русскими. Особенно часто это происходило с украинцами, проживавшими до призыва в армию на территории РСФСР. Всего же в плену находились около 5546 солдат и командиров Красной Армии. Рассматривая эту категорию, стоит отметить, что большинство из них были украинцами, белорусами, карелами и ингерманландцами, татарами, евреями, мордвинами, чувашами, узбеками, башкирами и грузинами.

Лагерная администрация старалась компактно содержать лиц одной национальности, хотя это не всегда было возможно. Впрочем, в тюрьмах иногда и удавалось содержать представителей различных национальностей отдельно друг от друга. Военнопленный Борис Кожевин из 273-го стрелкового полка рассказал следователю НКВД:

«Нас в тюрьме рассаживали по национальностям. Русских отдельно, украинцев отдельно, белорусов отдельно, карелов отдельно. Коммунистов и комиссаров сажали в одиночки».

Считалось, что «национальные меньшинства» должны пользоваться некоторыми привилегиями, как то:

более мягкий режим содержания, добавочное питание и т. п. Но на деле лишь у так называемых дружественных наций (советских ингерманландцев, карел и вепсов) были некоторые привилегии. Только они пользовались особым расположением лагерной администрации, поэтому, в частности, работали помощниками надзирателей и переводчиками.

В разговорах с иностранными журналистами большинство из этой группы военнопленных крайне негативно высказывалось о жизни в Советском Союзе, было недовольно условиями быта и работой в СССР. Журналист из русских эмигрантов В. Зензинов отмечал, что встреченные им в Финляндии в лагере для военнопленных карелы выказывали даже свое желание вернуться на фронт и сражаться против Красной Армии.

Впрочем, по словам вернувшихся из финского плена красноармейцев, привилегии имели не только карелы, но и украинцы. Их содержали лучше, чем остальных военнопленных, они имели относительно большую свободу передвижения по территории лагеря и т. п.

Кроме некоторых послаблений в лагерном режиме и в лагерной работе для военнопленных «дружественных наций» устраивались курсы финского языка, лекции по финской истории и культуре. То есть для них создавались не только лучшие условия для удовлетворения духовных потребностей, но и возможности для более тесного общения с родственными народами.

Порядок первичного учета финских военнопленных во время Зимней войны

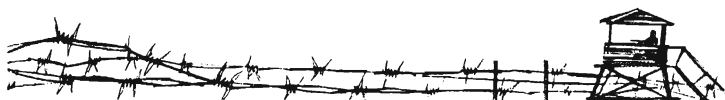
Аналогичные действия по учету финских военнопленных предпринимали и советские военные власти. Необходимо отметить, что у советского государства к началу Зимней войны уже имелся некоторый опыт учета и регистрации иностранных военнопленных. Так, еще во время Гражданской войны Центроплембеж⁸² издал приказ № 300 от 25.05.1919 «О порядке регистрации иностранных военнопленных, взятых Красной Армией». Во время советско-финляндской войны 1939–1940 годов порядок регистрации и учета финских военнопленных

был определен в соответствии с приказом наркома внутренних дел Л. Берии № 0438 от 29 декабря 1939 года. Это была «Временная инструкция о работе пунктов НКВД по приему военнопленных». Анализ этого и других имеющихся в нашем распоряжении документов УПВ НКВД СССР, не вызывает сомнения в том, насколько важны были для данной организации вопросы, связанные с учетом военнопленных. Начальник УПВ НКВД Сопруненко в категоричной форме требовал от руководства приемных пунктов организовать регистрацию прибывших в специальной книге. Кроме того, начальству приемного пункта вменялось в обязанность ежедневно вести строевую записку о движении военнопленных и ежедневно докладывать о ее содержании шифротелеграммами в Москву в УПВ НКВД⁸³

Большое внимание сотрудники органов УПВ НКВД СССР уделяли первичному допросу, в ходе которого задавались вопросы из разных областей жизнедеятельности человека. Таким образом, происходил первоначальный сбор статистической информации о пленных. Ответы затем заносились в карточку учета. В ней, помимо фиксации традиционных данных: имя, отчество, фамилия, год и место рождения, последнее место жительства, национальность, воинское звание военнопленного, — записывались более широкие сведения. А именно: о социальном происхождении (сословие военнопленного), подданство, профессия и специальность, и стаж работы, *принадлежность к политической партии*, общее и военное образование, матрикулярный номер, название части и род войск, в которой находился военнопленный, дата и место взятия в плен, семейное положение, сведения о ранениях, а также информация о том, *что делал военнопленный до призыва в армию*, если работал, то где именно и должность. Всего же карточка содержала ответы на 15 основных вопросов, довольно разнообразно характеризующих прошлую жизнь человека.

Кроме того, существовало и дополнение к указанной учетной карточке, в которой фиксировались сведения для служб, занимавшихся вопросами государственной безопасности: 1) последняя должность военнопленно-

го в финской армии; 2) какими языками владеет военнопленный; 3) *проживал ли он в Советском Союзе* (где, с какого и по какое время и чем занимался), 4) *кто из родственников и знакомых проживает в СССР*, их имена, фамилии, отчества, возраст, места работы и род занятий, местожительство, 5) *был ли военнопленный за границей* (где, с какого и по какое время и чем занимался).

Следовательно, перечень собиравшихся соответствующими советскими органами сведений о военнопленном выходил за рамки, предусмотренные Женевской конвенцией при организации их учета. Но не это главное – некоторые полученные сведения собирались не с целью улучшения организации решения проблемы плена и ускоренного возвращения военнопленных на родину, а ради внутренних государственных интересов СССР и могли быть использованы во вред военнопленному, его родным и знакомым. Ведь вполне очевидно, что, сообщив сведения о родственниках в СССР, военнопленный подвергал их опасности быть обвиненными в связях с иностранцами, а следовательно, и давал повод органам НКВД «раскрыть» еще один случай шпионажа в пользу Финляндии.

Управление по делам о военнопленных настоятельно требовало от руководства лагерей, в том числе и Грязовецкого, самого внимательного и аккуратного заполнения опросных листов (карточек учета пленных). Заместитель начальника Управления лейтенант госбезопасности Хохлов и начальник 2-го отдела Управления лейтенант госбезопасности Маклаковский строго укоряли начальника Грязовецкого лагеря Филиппова в циркуляре от 10 февраля 1940 года за формальный, небдительный подход к этому делу:

«В заполненных Вами опросных листах (графа принадлежность к политпартиям) в тех случаях, когда военнопленные указывают о принадлежности к антисоветским политпартиям, зачастую записано, что работы в партии не вел.

Данные о том, что военнопленные, состоящие в партиях, не вели работы, – явно не соответствуют действительности...

В тех случаях, когда военнопленные сообщают о своей работе в партиях, – эти сведения обязательно должны быть записаны в специальном приложении к опросному листу.

Если же военнопленные отказываются сообщать данные о своей работе в партиях или заявляют, что никакой работы не вели, – ограничиться записью в опросном листе – в какой партии состоял, с какого и по какое время, указывая также наименование населенного пункта»⁸⁴

УПВ НКВД СССР настойчиво требовало от начальников приемных пунктов точно регистрировать сведения о военнопленном в специальной книге. При этом оно разъясняло:

«Особое внимание должно быть обращено на то, чтобы фамилия, имя, отчество заполнялись правильно. Если военнопленный носит несколько фамилий – все они заполняются в книге регистрации. Звание и чин записываются полностью, например, капитан артиллерии, командир такой-то части, рядовой пехоты»⁸⁵

Для лучшей организации учета пленных и управления ими предписывалось всех военнопленных разбивать на сотни и из их числа назначать старших сотен.

Перед процедурой регистрации, до первичного допроса, доставленного на приемный пункт тщательно обыскивали. По списку, утвержденному УПВ, у финских военнопленных изымались: все виды оружия, бинокли, фотоаппараты, игральные карты, финские ножи, спиртные напитки, военные карты (планы местности), литература, служебные документы, электрические фонарики, свистки, компасы, противогазы, военное снаряжение (сверх одного комплекта), лекарства (в порошках и жидкостях), крупные суммы денег (свыше 1000 рублей).

Одновременно финским военнопленным оставляли: обмундирование, постельные принадлежности, котелки и другую посуду, белье, деньги, табак (папиросы), спички (зажигалки), часы, кольца, портсигары, личные письма и фотокарточки (за исключением военных фотографий), предметы религиозного культа, ордена и значки,

предметы туалета, очки, канцелярские принадлежности. Впрочем, насколько точно соблюдался этот пункт, судить достаточно сложно. Например, при обмене военнопленными в 1940 году финские власти заявили, что у финских пленных на территории СССР было отобрано личное имущество – часы, золотые кольца, перья и т. д. на сумму 160 209 финских марок. Однако достаточно сложно сказать, на каком этапе пленения – в момент захвата или при сдаче военнопленного на приемный пункт – пропали эти вещи. Судя по воспоминаниям финских пленных, случаи мародерства среди красноармейцев не были редкостью.

В случае обнаружения при обыске военнопленного предметов и вещей, не включенных ни в один список, вопрос об их изъятии или оставлении у пленного решал начальник приемного пункта.

При конфискации запрещенных вещей военнопленному выдавалась квитанция. На все изъятые вещи составлялся акт в трех экземплярах. Первый экземпляр и изъятые ценности и вещи направлялись в трофейную комиссию районного военного комиссариата (по месту расположения приемного пункта для военнопленных), второй – в УПВИ НКВД СССР, а третий оставался на пункте.

Все это свидетельствует о том, что в СССР были разработаны документы, строго соответствовавшие Женевской конвенции. Однако *de facto* отдельные советские военнослужащие не полностью выполняли предписания государства строго соблюдать те обязательства, которые оно взяло на себя перед мировым сообществом.

При этом прием пленных от частей РККА и РККФ производился в любое время дня и ночи по спискам, утвержденным командованием частей, начальником приемного пункта или его заместителем лично. Раненые и больные военнопленные отправлялись в военные госпитали. Кроме того, запрещался прием беженцев на пунктах для военнопленных.

О всех чрезвычайных происшествиях на территории приемного пункта (случаи побега, смерти военноплен-

ного, пожара, беспорядков и т. п.) администрация последнего была обязана немедленно сообщить начальнику УНКВД и одновременно с этим в УПВИ НКВД СССР.

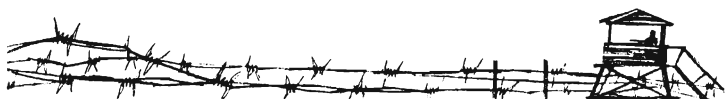
В конце концов удалось наладить систему учета военнопленных. Так, отдел учета пленных Грязовецкого лагеря стал тщательным образом обрабатывать данные о социальном положении и социальном происхождении финских военнослужащих, их возрастные данные, принадлежность к политическим партиям, данные о воинском звании и об образовательном уровне, рабочей специальности и месте рождения. Кроме того, велся учет прибытия и убытия военнопленных, из каких приемных пунктов и госпиталей они попали в лагерь и куда убыли. Данные были сведены в специальные ведомости учета пленных и в апреле 1940 года направлены в УПВИ НКВД СССР.

Благодаря этому мы имеем ценную информацию о финских пленных, содержавшихся в Грязовецком лагере. Например, в строевой записке 2-го отдела лагеря имеются данные о воинских званиях и партийной принадлежности содержащихся здесь финнов. Отдел учета военнопленных свел их в таблицу, выделив при этом в отдельную графу служивших в морской полиции. В графу «прочие» по социальному происхождению и социальному положению была вынесена категория торговцев, фиксировались лица, не имеющие специальности, учащиеся, служившие в армии по найму, работающие в торговом флоте.

В лагере также проводился учет по национальному составу военнопленных. Всего здесь находилось: финнов — 566 человек; карел — 1; финских шведов — 22; шведов, подданных Швеции — 5; русских — 6 человек.

Таким образом, статистический учет военнопленных, находившихся в Грязовецком лагере НКВД, был поставлен хорошо. Данные собирались по всему спецконтингенту. И сегодня возможно восстановить график поступления в лагерь военнослужащих финской армии по месяцам:

График поступления финских военнопленных в Грязовецкий лагерь:

Месяц и год Количество финских военнопленных

Декабрь 1939	98
Январь 1940	103
Февраль 1940	55
Март 1940	340
Апрель 1940	4
За Зимнюю войну в целом	600 ⁸⁶

Увеличение количества военнопленных, поступивших в лагерь в марте 1940 года, связано с переводом в Грязовец финских военнослужащих, содержавшихся в других местах, перед их отправкой в Финляндию.

Вместе с тем можно восстановить и картину убытия военнопленных из Грязовецкого лагеря: в апреле 1940 года на родину были отправлены 599 человек.

Советская идеология рассматривала военнопленных как потенциальных проводников идей коммунизма в их родной стране. Для этого надо было лишь выявить, а если необходимо, и изменить их политические воззрения. Естественно, что для успешного выполнения поставленных задач необходимо было ясно и четко представлять социально-политический портрет пленного. На это было ориентировано указание УПВИ НКВД №25/11805 от 9 декабря 1940 года. Данный документ предписывал аппарату лагерей проводить тщательную работу с военнопленными с целью выявления среди них «социально близких», то есть тех, кого в дальнейшем можно использовать в политической и пропагандистской работе как на родине, так и среди войск противника на фронте.

Учет финских военнопленных во время войны Продолжения

В период войны Продолжения учет финских военнопленных вести было более сложно из-за огромной полосы соприкосновения противников, растянувшейся на тысячи километров, и большого количества многонациональных пленных, прежде всего германской армии и армий стран-сателлитов. Данное обстоятельство

потребовало от советских властей принятия дополнительных мер по налаживанию системы учета и статистической отчетности.

Новая система учета иностранных военнопленных была изложена в приказе НКВД № 0011067 от 7 августа 1941 года – «Инструкции о порядке содержания и учета военнопленных в лагерях НКВД». По сравнению с «Временной инструкцией о работе пунктов НКВД по приему военнопленных» 1939 года порядок регистрации и учета пленных значительно усложнился. Во время войны Продолжения основным документом учета пленного становится «Опросный лист военнопленного». Как и в 1939–1940 годах руководство УПВИ НКВД СССР возлагало на начальников лагерей персональную ответственность за точное и правильное заполнение опросных листов.

По сравнению с аналогичным документом 1939 года, количество вопросов в нем увеличивается с 20 до 25. Помимо традиционных данных о самом военнопленном в карточку теперь вносились точные данные о социальной среде, из которой происходил пленный, – данные о его роде занятий до армии, обо всем движимом и недвижимом имуществе, которым владели его родители, а в случае причисления военнопленного к крестьянству предписывалось подробно указывать, из чего состоит хозяйство: сколько машин, скота, земли, наемной рабочей силы. Кроме того, теперь в опросный лист вносятся точные данные жены и детей – имена, фамилии и адреса жительства. В период с 1941 по 1945 год перечень пунктов «опросного листа» увеличился до 41. Вся информация, вносившаяся в этот документ, визировалась самим военнопленным лично.

В соответствии с «Инструкцией...» данные о военнопленном дублировались в двух экземплярах учетных карточек, один из которых оставался в лагере, а другой направлялся во 2-й отдел УПВИ НКВД.

Однако, судя по имеющимся в распоряжении исследователей документам, обстановка с учетом и регистрацией военнослужащих армий противника, захваченных Красной Армией, была далека от удовлетворительной.

В связи со сложившейся ситуацией руководство УПВИ НКВД вновь вернулось к этому вопросу. Для полного выявления всесторонних данных обо всех категориях военнопленных, содержащихся в лагерях НКВД СССР, начальник УПВИ Сопруненко 4 ноября 1941 года направил начальникам мест содержания пленных директиву № 25/10867 о введении статистических сводок. Этот приказ был разослан в следующие лагеря: Елабужский, Спасозаводской, Суслонгерский, Актюбинский, Оранский, Ореховоярский, Темниковский и Рябовский.

В соответствии с этим документом, руководство лагерей два раза в месяц – 15 и 30 числа, должно было направлять самые последние данные о находящихся в лагере военнопленных. В этой статсводке сотрудники 2-го отдела (отдела учета) обязаны были предоставлять точные количественные данные о пленных, кадровых военнослужащих, призванных из запаса и отставки, добровольцах и гражданских лицах, о родах войск, воинских званиях, национальном составе и подданстве, принадлежности военнопленных к политическим партиям и организациям. Учет надлежало производить отдельно по военнопленным каждой армии.

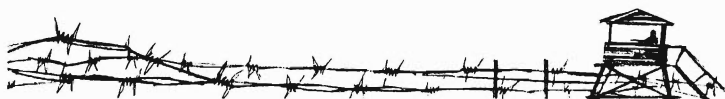
Заполнявшаяся в лагерях учетная карточка военнопленных была существенно короче, чем опросный лист, и насчитывала всего 20 пунктов. Помимо основных данных на военнопленного в ней фиксировались прибытие в лагерь и его убытие, давался его словесный портрет, перечислялись особые приметы, сведения о родственниках, информация о судимости. Кроме того, в карточке учета, как и в «Инструкции...» отмечались национальность, подданство и родной язык военнопленного. Однако формальный подход к заполнению данных пунктов нередко приводил к путанице при регистрации пленных. Конечно, в большей степени это касалось немецких военнопленных, но все же определенные сложности возникали и с финнами. Так, например, существовала проблема при заполнении учетных карточек пленных шведов и этнических русских военнослужащих финской армии. Нередко последние,

особенно в начале войны Продолжения, старались скрыть свою подлинную национальность, опасаясь возможных нежелательных для себя осложнений. Так, русские превращались в финнов или шведов. Иногда так поступали потомки смешанных семей. В середине и конце войны 1941–1944 годов ситуация несколько изменилась. И хотя принадлежность к русской национальности в лагерях для военнопленных не давала никаких привилегий, но знание русского языка в некоторых случаях позволяло, например, устроиться помощником переводчика при враче.

Анализируя «Инструкцию...», необходимо отметить, что в ней присутствуют три основных вопроса, позволяющих достаточно точно идентифицировать государственную принадлежность военнопленного. Этими признаками, по моему мнению, являются: во-первых, национальность пленного; во-вторых, подданство; в-третьих, принадлежность к национальной армии. Казалось бы, проблем с установлением точного количества финских военнопленных, находящихся на территории СССР, возникать не должно. Однако ряд объективных и субъективных причин не позволяют исследователям в полном объеме раскрыть данный вопрос и получить цельную и достоверную информацию. В их числе стоит отметить: 1) значительное количество пленных, поступающих в приемные пункты одновременно и подлежащих учету и регистрации; 2) морально-психологическое состояние солдат и офицеров, попавших в плен, что подразумевает некоторые неточности и нередко умышленные искажения фактов при ответах на вопросы; 3) наличие большого количества распоряжений и инструкций, регулирующих порядок учета и оформления дел военнопленных; 4) недостаток специалистов по регистрации пленных в приемных пунктах и лагерях НКВД и их низкий профессиональный уровень и др.

Руководство УПВИ НКВД СССР принимало различные меры для исправления имеющихся недостатков и ошибок в таком важном вопросе, как учет и регистрация военнопленных. В период войны Продолжения совет-

ское руководство неоднократно принимало новые документы, которые корректировали и исправляли недочеты в этом вопросе. Среди них первым стоит отметить приказ НКВД СССР № 00 404 об упорядочении учета военнопленных и отчетности лагерей для военнопленных от 1 марта 1943 года. Затем, 15 мая 1943 года, была принята директива НКВД СССР № 248 «О необходимости принятия мер по улучшению санитарно-бытовых условий содержания военнопленных», в которой предписывалось «пропустить весь контингент военнопленных через медицинскую комиссию», при этом, естественно, подразумевался и переучет и перерегистрация пленных. В августе 1943 года принята Инструкция № 413 по оформлению документов персонального учета на умерших военнопленных в лагерях и спецгоспиталях НКВД. 16 ноября 1944 года была утверждена Инструкция по персональному переучету военнопленных, содержащихся в лагерях НКВД и в спецгоспиталях НКО и НКЗДРАВА. Все эти нормативные документы должны были упорядочить учет и регистрацию военнопленных. Однако, несмотря на принятые руководством УПВИ нормативные акты, реальная ситуация в местах временного и постоянного размещения пленных оставляла желать лучшего. Нередко руководство лагерей само не могло доложить в УПВИ точное количество содержащегося в их ведении контингента. Ряд директив совершенно не выполнялся, и в первую очередь это касалось учета умерших военнопленных.

В связи с этим много пищи для размышлений дает «Отчет управления по делам военнопленных НКВД СССР о принятии в лагерь и на приемные пункты НКВД в прифронтовой полосе военнопленных на 3 февраля 1943 г.» Документ был подписан Берией и направлен в Государственный Комитет Обороны на имя Сталина и Молотова и содержал сведения о военнопленных, принятых в лагерях и приемных пунктах НКВД в прифронтовой полосе за период от начала Великой Отечественной войны до 3 февраля 1943 года. В нем, в частности, отмечалось, что среди прошедших регистрацию и содержащихся в лагерях и приемных пунктах по наци-

ональному составу были отмечены всего 163 финна и 2 шведа, то есть 165 военнослужащих финской армии. К сожалению, сведения о других финских военнопленных не были дифференцированы по национальному признаку, причем пленные русской национальности в этом отчете вообще отсутствуют. Очевидно, что эти цифры не соответствуют действительности, так как даже по самым скромным подсчетам, не принимая во внимание расстрелянных после получения информации финских военнопленных, к февралю 1943 года в плену находились 758 финнов. Принимая в расчет, что около 32 из них было заброшено в Финляндию с диверсионно-разведывательными целями, а около 387 к этому времени умерли в плену, получается, что из 339 финских военнопленных 174 человека не попали в этот статистический отчет.

Определенный сдвиг в учете финских военнопленных периода войны Продолжения происходит во второй половине 1944 года. За этот период исследователи располагают более или менее полными данными, так как после подписания перемирия между СССР и Финляндией основную часть финских военнопленных перевели в Череповецкий лагерь для последующей отправки на родину. Концентрация пленных в одном месте естественно подразумевала их всесторонний учет и регистрацию как в самом лагере, так и перед отправкой пленных финнов в г. Череповец из других пунктов их постоянного и временного размещения. Именно поэтому в распоряжении историков есть информация, дающая достаточно цельную картину о социальном происхождении и положении, образовательном уровне, политическим взглядам и т. п., по крайней мере, 1806 военнопленных финской армии, находившихся в лагере НКВД СССР № 158.

Архивные данные, имеющиеся в моем распоряжении, дают представление о количестве финских военнопленных, попавших в плен во время войны Продолжения:

1941 – 513 человек;

1942 – 234;

1943 – 220;
1944 – 2023.

Неизвестна точная дата пленения 124 человек.

Сюда включены также расстрелянные при пленении и на этапе эвакуации к сборным пунктам, а также умершие непосредственно сразу после пленения, то есть финские военнопленные, не прошедшие регистрацию в лагерях системы УПВИ НКВД СССР.

По годам и месяцам эти цифры распределяются следующим образом:

1941 год (июнь – декабрь)

Июнь	26 человек
Июль	169
Август	110
Сентябрь	112
Октябрь	– 38
Ноябрь	– 28
Декабрь	24
Неизвестна точная дата пленения	– 6 человек.
<i>Всего 513 человек.</i>	

1942 год

Январь	– 34 человека
Февраль	– 20
Март	– 45
Апрель	17
Май	– 22
Июнь	11
Июль	– 20
Август	19
Сентябрь	20
Октябрь	12
Ноябрь	– 4
Декабрь	10 человек.
<i>Всего 234 человека.</i>	

1943 год

Январь	11 человек
Февраль	– 32
Март	35

Апрель	15 человек
Май	– 9
Июнь	18
Июль	– 26
Август	– 25
Сентябрь	15
Октябрь	7
Ноябрь	– 8
Декабрь	19
<i>Всего 220 человек.</i>	

1944 год

Январь	– 20 человек
Февраль	15
Март	19
Апрель	14
Май	15
Июнь	– 1169
Июль	– 665
Август	– 37
Сентябрь	– 61
Октябрь	– 3
Ноябрь	1
Нет данных	– 4 человека.
<i>Всего 2023 человека.</i>	

Итак, подводя некоторые итоги, необходимо отметить, что, несмотря на обилие нормативных документов, регламентирующих практически все стороны вопроса учета и регистрации иностранных военнопленных в Советском Союзе, до конца решить, поставленную перед сотрудниками 2-го отдела УПВИ НКВД СССР задачу на всем протяжении Второй мировой войны так и не удалось.

Вполне очевидно, что первичную информацию для учета и регистрации финских военнопленных во время Зимней войны и войны Продолжения сотрудники органов НКВД черпали из протоколов допросов пленных. Ведь именно в них содержалась основная информация о военнослужащих финской армии, попавших в плен:

персональные данные, принадлежность к национальной армии, подданство и т. п.

Учет советских военнопленных во время войны Продолжения

Как и во время Зимней войны, так и во время войны Продолжения финские военные власти придерживались одинакового принципа учета военнопленных. Финские власти, согласуясь с требованиями Женевской конвенции об учете воинского статуса пленным, делили их на несколько групп:

- 1) политработники;
- 2) офицеры;
- 3) младшие командиры;
- 4) рядовые;
- 5) национальные меньшинства;
- 6) перебежчики.

На всех военнопленных заводилась учетная карточка, которая не претерпела никаких изменений со времени зимней кампании. Основная регистрация пленным проходила непосредственно в лагерях. Там пленным выдавали так называемые «удостоверение личности военнопленного» и личный опознавательный знак.

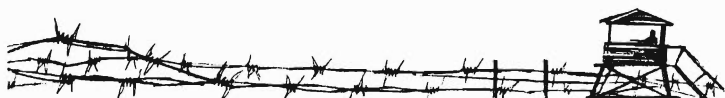
По свидетельству финского писателя, исследователя проблемы военного плена Эйно Пиэтолы (Eino Pietola), каждый лагерь кодировал личные опознавательные знаки по-своему. Первая буква кода обозначала тот лагерь, куда пленный был доставлен. За буквенным обозначением следовал ряд цифр – от единицы и выше. Каждый из двух лагерей, бывших в подчинении у штаба тыловых частей, использовал свое буквенное обозначение. Таким образом, код на личном опознавательном знаке пленного составлялся, например, следующим образом: лагерь для военнопленных в Кёулиё (лагерь № 1) № А 1 – и дальше; лагерь для военнопленных в Карвиа (№ 2) № Е 1 – и дальше; лагерь для военнопленных в Хуйттисет (№ 3) № Р 1 – и дальше; лагерь для военнопленных в Пелсо (№ 4) № Н 1 – и дальше. После того как пленный получал свой личный опозна-

вательный знак, тот следовал за ним повсюду. Знак надо было держать в правом верхнем кармане гимнастерки и ни в коем случае не терять. Код со знака переносился также и на его удостоверение личности. Удостоверение личности военнопленного состояло из двух частей. Часть, на которой были нанесены пометки штаба тыловых частей, хранилась в том же лагере, где находился и сам пленный. На другой же части делались пометки, необходимые для Красного Креста Финляндии. Потом его туда, в отдел по делам военнопленных в Хельсинки, и отправляли. В Красном Кресте находились, таким образом, сведения обо всех пленных в нашей стране, в том числе были ли они ранены, не лечились ли в лазарете⁸⁷ Кроме того, на телогрейках, гимнастерках и галифе писали краской букву «V» (vanki – пленный, заключенный).

Однако во время войны Продолжения основное внимание уделялось не столько воинскому званию военнопленного, сколько его национальности. Как мы помним, во время Зимней войны был разработан проект установления личности пленного. Во время войны Продолжения он действовал в полную силу. Всех советских военнопленных разделили на несколько основных групп. Их опять планировали содержать отдельно друг от друга, но это практически никогда не удавалось. Впрочем, в стране существовало несколько специальных лагерей для говорящих по-фински дружественных наций. (Кто это были такие – читатель поймет из приведенного ниже списка национальностей.) Ингерманландцы и карелы, например, содержались в Савонлинна, лагере № 2 для «дружественных национальностей» и т. д. Паяк в этих лагерях был значительно лучше, чем в других местах размещения советских военнопленных.

Однако была и еще одна группа военнопленных, которых финны фактически изолировали от остальных пленных, – евреи. Существовало несколько лагерных отделений специально для пленных-евреев, а почти в каждом лагере они содержались в отдельном бараке или помещении. Впрочем, такая национальная классификация в Финляндии была значительно мягче, чем в наци-

стской Германии. Однако и финнам, несмотря на их демонстративное дистанцирование от антисемитизма, не удалось избежать печальных инцидентов. Начиная с 1941 года между Финляндией и Германией происходил регулярный обмен пленными. Финны получали от немцев «дружественные нации» (ингерманландцев, карелов и т. д.), а взамен отправляли туда равное количество советских военнопленных других национальностей. Так, с 1941 по 1944 год свыше 3000 пленных были переданы немцам. Среди них были, конечно, и евреи. Думаю, не составит большого труда догадаться, как фашисты поступали с отданными им политработниками, коммунистами и евреями.

Итак, по приказу из Ставки все советские военнопленные были разделены на несколько групп в зависимости от национальности.

А. Славянские народы. Самую большую группу из них составляли великороссы. От них надо было содержать отдельно: а) украинцев (малороссы) и так называемых ругенов; б) белорусов; в) поляков.

Там, где не было возможности разместить группы «а», «б», «в» раздельно друг от друга, разрешалось держать вместе белорусов и поляков.

Б. Тюрко-татарские народы: а) татары (с Волги, Крыма, Кавказа, Сибири и др. районов); б) башкиры; в) киргизы; г) узбеки; туркмены; их и так называемое население Казахстана можно было содержать вместе с названными выше.

В. Финно-угорские народы. 1. Более далекие: а) коми и удмурты могли содержаться вместе; б) черемисы (мари) и мордва (эрзя и мокша) могли в экстремальных ситуациях содержаться вместе, но черемисы могли быть приравнены также и к удмуртам, и к татарам с Волги.

II. Более близкие:

а) карелы, вепсы, водь, ижора могли содержаться вместе; б) ингерманландские саваки и эвремейсы, а также так называемые финны, пришедшие в Ингерманландию из Финляндии в 1600-х годах, а также финны, переместившиеся из Финляндии в Карелию. Этих всех можно было содержать вместе.

Г. Кавказские народы: а) грузины (основная народность — картвелы и мингрелы) — содержать отдельно; б) ингуши, чеченцы, осетины и другие — или вместе, или отдельно от предыдущих, если такая возможность имеется.

Евреи должны были содержаться вместе с великороссами. Приволжские немцы должны быть приравнены к дружественно настроенным малочисленным народностям.

По данным финских архивов, основанных на учетных делах советских военнопленных, за время войны Продолжения в лагерях и больницах страны находились свыше 64 тысяч советских военнопленных 89 национальностей. Согласно статистике, русские составляли около 80–85% от всех пленных, что отвечало целиком и полностью структуре Красной Армии на начало войны.

Протоколы допросов финских военнопленных

Более точно и подробно установить судьбы военнослужащих, попавших в плен, помогают протоколы допросов, опросные листы и учетные дела военнопленных. Этот массив документов можно условно разделить на несколько групп. К первой группе относятся протоколы первичных допросов пленных. Ко второй — опросные листы и учетные дела пленных, содержавшихся в лагерях для военнопленных. К третьей группе можно отнести показания военнопленных в фильтрационных лагерях после их возвращения на родину в соответствии с условиями перемирия.

Особый интерес, как мне кажется, представляют собой протоколы первичных допросов солдат и офицеров финской армии, попавших в плен. Однако необходимо сразу оговориться, что исследователи располагают крайне ограниченным количеством этих документов за период Зимней войны и войны Продолжения. В первую очередь это связано с тем, что протоколов первичных допросов финских военнопленных советско-финляндской войны 1939–1940 годов в архивах Российской Федерации практически не сохранилось. Аналогичная ситуация сложилась и с протоколами допросов фин-

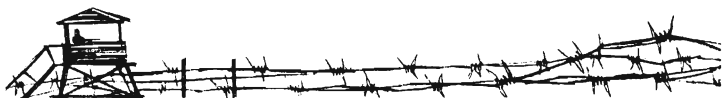

ских пленных периода войны Продолжения. Но об этом речь пойдет ниже.

Зимняя война

Исследуя и анализируя имеющиеся в распоряжении исследователей протоколы допросов финских военнослужащих, логично было предположить, что задававшиеся пленным вопросы должны были основываться на приказе или распоряжении командования РККА, РККФ или руководства НКВД СССР. В результате проведенного в этом направлении поиска в Российском государственном архиве Военно-морского флота наконец был обнаружен соответствующий документ. В преддверии Зимней войны, 27 ноября 1939 года, командующий Краснознаменным Балтийским флотом флагман 2-го ранга Трибуц и член Военного совета бригадный комиссар Яковенко утвердили и приказали довести до сведения командиров кораблей и подразделений «Инструкцию по опросу пленных, перебежчиков, выловленных с тонущих кораблей и раненых»⁸⁸. С достаточно большой долей уверенности можно утверждать, что этот документ предназначался непосредственно для финских пленнх, о чем свидетельствуют следующие факторы: время, место и должности разработавших и утвердивших эту инструкцию. Данная инструкция была одним из первых документов, содержащих основные требования к допросу задержанных военнослужащих финской армии. В ней, в частности, отмечалось, что с целью добывания сведений о противнике командиры соединений, кораблей и частей должны стремиться к захвату пленнх. Командир каждого корабля или части был обязан провести первичный опрос по вопросам, касающимся непосредственно поставленной перед ним боевой задачи. Все действия по допросу и содержанию пленнх и перебежчиков согласовывались с представителем Особого отдела НКВД.

В соответствии с этой инструкцией у военнопленнх отбирались все документы, оружие, пояс, режущие и колющие предметы. Опрос предписывалось производить немедленно после захвата пленнх. При этом на первом допросе рекомендовалось не делать записей в

присутствии опрашиваемого. Допрашивать захваченных в плен должны были не более двух командиров одновременно.

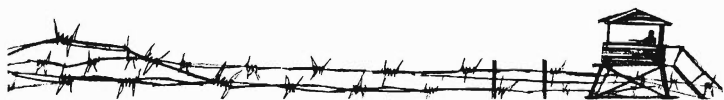
После задержания офицеров, младших офицеров и рядовой состав по мере возможности надо было изолировать друг от друга, а также содержать и допрашивать раздельно. Схему допроса пленных следовало строить так, чтобы ни в коем случае не задавать прямых вопросов, раскрывающих планы и намерения частей РККА и кораблей Краснознаменного Балтийского флота. Однако производившим опрос приказывалось строго и настойчиво добиваться ответов на поставленные вопросы.

Производя допрос, дознаватели были обязаны крайне осторожно подходить к оценке сообщаемых пленными сведений. Особенно это касалось дезертиров и перебежчиков, среди которых, по мнению разведотдела и органов НКВД, обязательно могут быть специально посланные разведчики. Их предписывалось допрашивать с особой тщательностью, вероятнее всего пытаясь поймать на противоречиях в показаниях. Такая, в общем-то оправданная, осторожность на деле нередко приводила к излишней недоверчивости к военнопленным.

Помимо сведений, необходимых для выполнения текущих боевых задач, командиры частей и кораблей особое внимание уделяли другой, не менее важной информации – о местах расположения минных полей финнов, о готовящихся вылетах самолетов, о позициях подводных лодок и другой подобной информации. Такие сведения предписывалось немедленно отправлять в штаб Балтийского флота.

После завершения первичного допроса военнопленного, захваченного частями и подразделениями Балтфлота, его под охраной направляли в Особый отдел НКВД Ораниенбаума. Одновременно с этим начальнику разведывательного отдела Краснознаменного Балтийского флота пересылалась копия первичного опроса и отобранные у пленного документы.

Анализируя «Инструкцию по опросу пленных, перебежчиков, выловленных с тонущих кораблей и ране-

ных», можно отметить, что в ее основу были заложены принципы «Положения о военнопленных» – раздельное содержание офицеров и рядового состава, гарантии вежливого обращения со стороны представителей Советского Союза для всех военнопленных. Некоторые статьи данного документа были дополнены и включены в другие нормативные документы СССР, касающиеся содержания военнопленных армий противника, например, в «Приказ НКВД № 0438 от 29.12.1939 г. об утверждении Временной инструкции о работе пунктов НКВД по приему военнопленных».

Непосредственно сразу после захвата военнопленного передовыми частями РККА с него снимали предварительные показания. Как правило, это были самые общие сведения о пленном: имя, фамилия, номер войсковой части, личный номер, фамилии командиров и количество военнослужащих в подразделении. Затем военнопленного передавали органам военной разведки и только потом сотрудникам НКВД. Именно они должны были получить от него более полные показания. Такая принципиальная схема допроса военнопленных финской армии сохранялась как во время Зимней войны, так и во время войны Продолжения. Однако в период советско-финляндской войны 1941–1944 годов в эту схему добавились еще пограничные части и партизанские отряды. Но об этом речь пойдет ниже.

На первом этапе дознания допрос пленного проводили сотрудники военной разведки с целью получения у задержанного сведений военного характера, на втором – сотрудники органов НКВД. Последних в большей степени интересовали вопросы, связанные с отношением населения Финляндии к войне, политическая ориентация пленного, его партийная принадлежность и т. п. Нередко эти организации вели допросы параллельно, но в большинстве случаев военнопленных передавали сотрудникам НКВД уже после получения информации, имеющей стратегическое значение.

При допросе пленного вся информация, полученная от него, вносилась в «Опросный лист военнопленного», в котором отмечались следующие данные:

Фамилия, имя, отчество, национальность, год и место рождения, место жительства.

Социальное положение, партийность.

Сведения о службе в армии: должность, чин или звание, мобилизованный или доброволец, время службы в армии и с какого времени в боях.

Опрос органами военной разведки проводился с целью получения точной и детальной информации о месте расположения воинской части военнопленного и других подразделений финской армии на данном участке фронта, об их задачах, о соединениях, прикрывающих фланги обороны, и о резервах. Полученные сведения отмечались на карте. Определенный интерес у разведорганов вызвала информация о вооружении частей финской армии, месте расположения артиллерийских батарей, аэродромах и других объектах стратегического назначения. Помимо этого, у военнопленного стремились получить информацию о внутреннем распорядке дня его воинской части – время смены караулов, месте расположения наблюдательных постов, дозоров и секретов. Так, например, в приведенном ниже опросном листе военнопленного Хонганена Алвара⁸⁹ захваченного 9.03.40 г. разведгруппой одного из подразделений Красной Армии, имеется следующая информация о расположении финских частей на острове Койда.

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ ВОЕННОПЛЕННОГО⁹⁰

Фамилия, имя, отчество, социальное положение, откуда родом, должность, чин или звание, национальность, партийность, мобилизован или доброволец, время службы в армии и с какого времени в боях.

Какой части (опрашивать до установления высшего соединения (части), известного пленному).

Хонганен Алвар /отец Кео/; 1916 года рождения, рабочий, родом из местечка Нокия. Рядовой Равило-батальона (самокатного), финн, призван по мобилизации с 13 октября 1939 года. На этом участке (Хапасари) две недели. Прибыл с острова Кемия (район Турку).

Равило-батальон – две роты 4 отделения.

Командир батальона – майор Равило.

Командир роты фендрик Кантониemi.

Командиры взводы – «– Маттила

– « – Пехема

Расположение части (занимаемые районы или пункты), что находится на фронте, что в резерве, где и с кем фланги (сведения отметить по карте), задачи.

Дальнейшие вопросы заполняются производящим опрос.

Батальон расположен на Хапасари. Отдельные взводы несут охранение на островах Аскери, Койдз и др. к ю. от Хапасари. На о. Рейскари стоят другие части. Какие я не знаю. Кто справа и слева не знаю. На Кильмансари есть артилл. и войска, но какие не знаю.

Смена дежурных отделений производится в 18 час. и заступают на трое суток.

Наблюдательные пункты находятся на о. Хапасари.

Батальон вооружен новыми шведскими винтовками и автоматами.

Проводивший допрос Хонганена начальник штаба ОУРа майор Кузьмин помимо данных о расположении частей финской армии внес в опросный лист первичную информацию о настроении в финской армии, распорядке дня и родственниках задержанного:

«Настроение у солдат плохое. Ждут конца войны. Все твердо уверены, что конец Маннергейма близок.

Он воевать в армии финской не хочет, но если разрешат поступить в народную армию, то он воевать будет.

Жена его уроженка Карелии по имени Елена Романова в 1917 году вместе со своей сестрой осталась на границе с Финляндией. Женился на ней недавно в декабре месяце, во время отпуска из армии.

Жена работает на резиновой фабрике в Нокия. Зарабатывает меньше 200 марок»⁹²

Как мы видим из этого протокола допроса, основной упор делался все-таки именно на сведения военного характера. Данный интерес был не случайным. Доподлинно известно, что в период войны с Финляндией зимой 1939/40 года и Рабоче-крестьянская Красная Армия, и Краснознаменный Балтийский флот не сумели успешно решить многие боевые задачи, поставленные перед ними согласно оперативному плану. Одной из основных причин этого, безусловно, стала плохая работа Главного разведывательного управления РККА и разведывательного отдела КБФ. На совещании при

ЦК ВКП (б), состоявшемся 14–17 апреля 1940 года и подводившем итоги войны с Финляндией, в числе прочих выступал начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба Проскурлов⁹³. Он, как и многие другие, отметил недостатки в разведывательной работе, просчеты разведки, проглядевшей оборонительные возможности линии Маннергейма. Зачастую излишняя секретность приводила к тому, что данные о состоянии финских оборонительных узлов не поступали в войска. Кроме того, в Красной Армии практически отсутствовала войсковая разведка. Действительно, большинство сведений о противнике, предоставляемых разведкой накануне и во время войны с Финляндией, либо оказывались устаревшими, либо не соответствовали действительности, а по многим вопросам, относившимся к состоянию Вооруженных сил Финляндии, вообще не имелось никаких разведывательных сведений.

С аналогичными проблемами столкнулось и командование Балтийского флота во время Зимней войны. Совершенно очевидно, что для успешного проведения операций необходимо было иметь в своем распоряжении точные данные о расположении береговых батарей финнов. Петербургский историк, кандидат исторических наук П. Петров приводит сведения о том, что «при определении месторасположения 254-мм батареи финнов Сааренпя на острове Биёрке, Разведывательный отдел КБФ использовал данные времен Первой мировой войны, из-за чего корабли Эскадры в декабре 1939 г. выпустили немало снарядов по пустым местам»⁹⁴. Поразительно и то обстоятельство, что аэрофотосъемка местности была произведена только 21 декабря 1939 года, после проведения четырех крупномасштабных операций линкоров КБФ против батареи Сааренпя. Однако лишь 23 декабря фотоснимки были наконец расшифрованы разведкой и было также установлено примерное расположение орудий неприятельской батареи. Тем не менее состав 10-дюймовой батареи противника все равно был определен РО КБФ неверно – четыре вместо шести орудий.

Пробелы в информации о расположении частей и подразделений финской армии разведотделы Красной Армии и Балтийского флота восполняли именно путем опроса военнопленных. В разведсводке № 83 разведывательного отдела КБФ от 05.12.39 года отмечалось, что в результате допросов пленных финнов установлено наличие огневых бетонированных артиллерийских точек и артиллерийских укреплений в следующих пунктах:

«Мыс СЕЙВИСТО (координаты: 60 12 сев. широты, 29 02 вост. долготы), расположена 1 батарея неустановленного калибра.

Остров БИОРКЕ, расположена батарея, неустановленного калибра, причём все огневые точки бетонированы.

Остров ТОРСААРИ, имеется одна батарея, неустановленного калибра.

Остров ПИТКОПАС, расположена батарея, неустановленного калибра...

...Остров КАУНИСААРИ, имеется арт[иллерийская] батарея, неустановленного калибра.

На берегу залива ХМЕЛЕЦКИЙ, расположена арт[иллерийская] батарея, неустановленного калибра.

На полуострове КОЙВИСТО, расположена арт[иллерийская] батарея, неустановленного калибра».

Разведотдел КБФ достаточно скептически относился к полученным в результате опроса военнопленных сведениям. Нередко на документах имелась резолюция, говорившая, что сведения полного доверия не заслуживают. В большинстве случаев информация была неполная и имела отрывочный характер. Однако даже такие данные нельзя было сбрасывать со счетов. Вся стратегическая информация, полученная от пленных, тщательно проверялась и анализировалась. И уже к 27 декабря 1939 года в результате допросов военнослужащих финской армии были получены сведения о расположении батарей Макилуото, Пуккио и Тиуринсаари, а к 4 января 1940 года – батарей Равансаари, Хармайя, Куйвассаари, Катайялуото, Кустанмиекка и Сантахамина. Кроме того, в январе 1940 года из допроса финского мирного жителя были получены более или менее определенные сведения о финской береговой артиллерии в районе

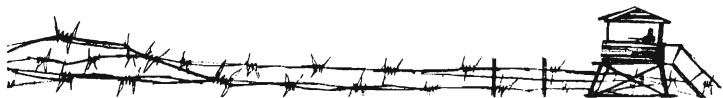

Выборга. Впрочем, насколько эти данные соответствовали действительности, установить достаточно сложно, так как, несмотря на многочисленные обстрелы надводных кораблей и бомбардировки авиации Балтийского флота, ни одна из финских береговых батарей так и не была уничтожена.

Продолжая анализ протоколов допросов финских военнопленных этого периода, целесообразно отметить, что более полную информацию о родственниках и настроениях солдат и офицеров, а также об эффективности советской пропаганды, направленной на военнослужащих финской армии во время Зимней войны, получали после допросов пленных сотрудники органов НКВД уже непосредственно на приемных пунктах или в лагерях для военнопленных.

В результате проведенной работы в архивах Российской Федерации мне удалось обнаружить свыше 30 протоколов допросов финских военнопленных периода Зимней войны. Из них большая часть хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) г. Москвы. Данный массив документов находится в так называемой «папке О. В. Куусинена»⁹⁵ Все финские военнопленные, о которых есть данные в этой папке, были захвачены на втором этапе Зимней войны – после 11 февраля, то есть после начала наступления советских войск на линию Маннергейма. Некоторые протоколы допросов военнопленных финской армии были обнаружены в Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГА ВМФ), в том числе и протокол допроса одного гражданина Эстонии⁹⁶, который, по мнению сотрудников Особого отдела КБФ, мог быть добровольцем финской армии.

Протоколы допросов финских военнопленных, находящиеся в РГАСПИ, представляют собой в большей степени записи бесед, проведенных на Сестрорецком приемном пункте для военнопленных. Беседы велись работниками политорганов РККА, сотрудниками НКВД и отдела по работе среди войск противника 13-й армии, представителями Народного правительства Финляндии

и редактором газеты «Kansan Valta» (Власть народа) Линко⁹⁷ Беседы велись на финском языке, и в архиве сохранились копии этих документов. Затем протоколы опросов переводились на русский язык.

Несмотря на то что в протоколах допросов финских военнопленных на приемном пункте в г. Сестрорецке присутствовали вопросы, имеющие военный характер, – о расположении и вооружении частей финской армии, действиях советской авиации и артиллерии, основной упор в них делался на получение другой информации. Так, в беседах с финскими пленными работников политорганов и органов НКВД в первую очередь интересовали вопросы, связанные с отношением финских солдат и офицеров к войне, об эффективности советской пропаганды, о внутреннем положении дел в Финляндии, структуре, целях, задачах и работе шюцкоровской организации и т. п. При этом, естественно, выяснялась политическая принадлежность военнопленного. Необходимо отметить, что в нашем распоряжении имеются протоколы допросов пленных, представляющих практически весь спектр политической жизни Финляндии: беспартийные, коммунисты, члены социал-демократической партии Финляндии, шюцкоровцы и др. В зависимости от их политической принадлежности они по-разному отвечали на вопросы о правительстве Куусинена, об отношении к войне гражданского населения и военнослужащих финской армии. Например, член социал-демократической партии рядовой Суло Ниємеля⁹⁸ при опросе заявил, что «Народное Правительство – средство пропаганды, употребляемое воюющей стороной» и по его мнению «положение финских рабочих не достигнет того благосостояния, какое было перед войной». Его точку зрения разделяли многие члены социал-демократической партии Финляндии, попавшие в плен, в том числе и капрал Курт Санквист⁹⁹, считавший правительство Куусинена «тенью». Впрочем, были и другие, которые признавали Народное правительство Финляндии законным и защищающим интересы рабочего класса и были готовы вступить в Финскую Народную армию, но

все же таких было явное меньшинство. Как следует из протоколов допросов, это были либо перебежчики, либо члены коммунистической партии Финляндии.

Информация, содержащаяся в протоколах допросов финских военнопленных, не оставляет сомнений в том, что многие пленные не скрывали своей политической ориентации, в том числе и принадлежности к шюцкоровской организации. Так, младший сержант Пююрия Илмари Эльяс¹⁰⁰ 3-й стрелковой роты 3-го батальона 5-го пехотного полка, попавший в плен 17 февраля 1940 года, «на вопрос, почему вступил в шюцкоры ...ответил, что при вступлении им обещали хорошую работу, но после того, как я пробыл, то убедился в том, что работы мне здесь не дали, а много времени наоборот уходило на военные занятия, а за это время мне не платили». Впрочем, многие пленные всячески старались доказать, что активной работы в этой организации не вели. Вообще же сами финские военнопленные по-разному относились к шюцкоровцам: одни положительно, другие крайне отрицательно, и на вопрос, является ли он членом в данной организации, отвечали: «Я еще не военнопомешанный», третьи занимали нейтральную позицию, не ругали, но и не хвалили.

Неоднозначным среди военнопленных было и отношение к войне. Мнения о причинах советско-финляндского конфликта 1939–1940 годов разделились: некоторые считали, что войну развязал Советский Союз, другие обвиняли в этом финские власти, не желавшие решить территориальные вопросы мирным путем. Практически все признавали, что многие солдаты и офицеры устали от войны и боевой дух финской армии уже пошатнулся, но во многих допросах отмечалось, что, несмотря на это, все пленные были уверены в справедливости данной войны, так как финны защищали свою родину от СССР и поэтому сопротивление будет продолжаться.

Не было среди финских военнопленных и единого мнения об эффективности советской пропаганды на фронте. Все пленные утверждали, что читать русские листовки и слушать радиопередачи не запрещалось, но

отношение к ним было различное. Одни им верили, другие сомневались в правдивости сообщаемых сведений, и особенно это касалось выступлений по радио финских военнопленных, третьи же считали это пропагандистским трюком противника.

При анализе имеющихся в нашем распоряжении протоколов допросов финских военнопленных становится очевидным, что задававшиеся вопросы выходили за рамки просто добывания информации военного характера. Одновременно с этим я считаю, что протоколы исполняли и функции регистрационного учета пленных, так как содержали вопросы, помогающие установить политические симпатии пленных финнов. Наряду с этим значительная часть информации, полученной в результате опросов пленных, использовалась в пропагандистской работе, направленной против частей финской армии на фронте. Однако, говоря о протоколах допросов финских военнопленных периода Зимней войны, необходимо отметить, что работа по их поиску предстоит еще очень большая. Это связано с тем, что по прошествии более чем шести десятилетий достаточно сложно определить полный объем данного массива исторических документов и восстановить картину обстоятельств пленения и дальнейшую судьбу военнопленных финской армии, попавших в плен во время советско-финляндского конфликта 1939–1940 годов.

Протоколы допросов советских военнопленных

К большому сожалению историков, в финских архивах практически не сохранилось протоколов допросов советских военнопленных этого периода. Мы располагаем лишь фрагментами и отрывками, то есть «выжимками» из протоколов, посвященных тому или иному событию.

Впрочем, судя по имеющимся в нашем распоряжении «Инструкциям по допросу военнопленных», финны достаточно серьезно подходили к этому вопросу. Да и сами красноармейцы, вернувшись в СССР, на допросах в НКВД показывали, что их допрашивали часто и тщательно. Особое внимание уделялось командирам и по-

литработникам, так как они, несомненно, располагали большей информацией о планах командования РККА, чем рядовые бойцы.

Возвращаясь к упомянутым уже «Инструкциям по допросу военнопленных», надо отметить, что у финнов был вполне профессиональный подход. Инструкции были разработаны практически для всех родов войск: авиации, пехоты, артиллерии, бронетанковых соединений и даже флота.

Допросный лист состоял из нескольких разделов и подразделов. На примере инструкции по опросу летчиков рассмотрим его более подробно. Итак, как правило, допросный лист содержал следующие вопросы:

1. Общая часть.

- Личные сведения.
- Задача пилота и ее исполнение.

Вопросы о дислокации авиационных баз и аэродромах для ремонта.

2. Специальная часть. В ней, в зависимости от воинской специальности летчика, были сформулированы разные вопросы:

- пилотам,
- вопросы для пилотов истребительной авиации,
- для экипажа бомбардировщика,
- для экипажа разведывательного самолета,
- специальная группа вопросов для стрелков-радистов самолетов.

Ниже приведу в качестве примера выдержки из инструкции по опросу летчиков. Орфография и стиль документа сохранены.

«А. Личные сведения.

Фамилия, военный чин и служебное положение (пилот, наблюдатель, пулеметчик, радист, ком. эскадрильи (ком. отряда), нач. звена, полит. комиссар).

Время и место рождения. Образование и гражданское звание.

Когда вступил на военную службу. Военная и летная служба?

Откуда вы улетели? Когда и откуда вы прилетели?

Где, когда и как попали в плен? Тип самолета.

Фамилии и военные чины остального экипажа самолета.

Номер и состав эскадрильи. Фамилии командира, начальника штаба и политического комиссара.

Номер, состояние полка и название его. Фамилии командира, начальника штаба и политического комиссара.

Номер, состояние и название бригады. Фамилии командира, начальника штаба и политического комиссара.

Б. Задача и ее исполнение.

С какого аэродрома и когда (час) самолет поднялся последний раз? Указать на карте.

Какая задача дана самолету? Кто дал ее? Кто был начальником самолета? Сколько самолетов участвовало в исполнении задачи?

Количество бомб и патронов, нагруженных на самолет, и их разновидности?

Маршрут полета, высота и вид полета (также планированное продолжение)?

Входные ворота (прилет и отлет). Высота полета в входных воротах. Лозунги. Нумерация ворот?

Объекты атаки. Цели бомбардировки и пулеметного огня. Высота атаки. Сколько различных бомб на каждую цель и на каждую цель пулеметный огонь? Сколько самолетов сбросило бомбы или выстрелило в ту же самую цель?

Какие указания касающиеся бомбардировки и стрельбы получили и от кого?

Участвовал ли пленный или тот же самолет в предыдущих атаках и каких местностей?

Собственное мнение пленного о действиях бомбардировки и пулеметного огня в данном случае?

Почему бомбардировщик обстреливал (невоенные) объекты и мирных жителей, несмотря на то, что международные соглашения запрещают это делать и каждый человек отлично понимает мирный характер объекта.

А. Пилотам задаются следующие вопросы:

В какой авиашколе учились и когда?

Сколько летных часов имели в школе? (сколько часов пролетали на самолетах У, Р-5, С и др?)

Сколько летных часов имеете в настоящий момент? Сколько часов пролетали а) в январе? б) в феврале?

Сколько часов пролетали на вашем последнем самолете (который употребляли в последнее время). На каких других самолетах совершали полеты?

Совершает ли ваша эскадрилья ночные и слепые полеты? Производятся ли ночные полеты только в лунное время? Могут ли все пилоты вашей эскадрилья летать в тучах?

Сколько летных часов имеет самолет вашей эскадрилья средним в месяц?

Вопросы, которые задаются экипажу бомбардировщика.

Какие сведения имеете о целях и запасных целях бомбардировки?

Где имеется зенитная артиллерия и пр. зенитное вооружение?

С кем имеете радиосвязь во время полета?

Как вам приказано действовать в случае, если ваш самолет будет вынужден снизиться на стороне противника и экипаж уцелеет? Как должны поступать другие самолеты, если ведущий сделал вынужденную посадку напр. на льду озера?

Что ваше начальство сообщает о тех многочисленных самолетах которые не вернулись с полета? Что Ваши товарищи думают о них?

По какой причине на многих аэродромах имеются самолеты ТБ-3?

Какие полеты совершали на самолете «ДС-3» (Дуглас)?

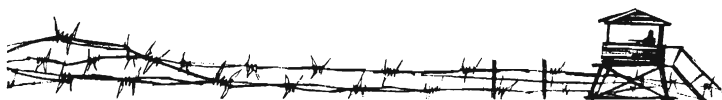
В каком снегу самолеты СБ и ДБ могут двигаться на колесах?

Какого типа самолеты можно грузить 1000 килограммовыми бомбами.

О существовании каких газовых бомб Вы слышали?

Слышали ли Вы, что бы самолеты, поднявшиеся с Вашего аэродрома делали вынужденную посадку на своей стороне, или же близь Вашего аэродрома?

Знаете ли вы такие случаи, чтобы в спустившихся самолетах имелись раненые и убитые пулеметчики, радисты?

Какова причина того, что многие бомбометающие самолеты израсходывают во время боевых полетов весь свой запас бензина?

Сколько самолетов по Вашему мнению у Вас предназначено для войны с Финляндией а) сколько СБ-машин, б) сколько ДБ-машин и в) сколько ТБ-3 машин?

Пилоту истребителя предложить следующие вопросы: Те самые вопросы, которые предлагаются всем пилотам, а кроме того еще следующие:

Практический потолок вашего самолета? Потолок других самолетов (модели: И-15, И-16, И-153 «Чайка»)

Который по Вашему мнению лучше И-16 или же И-153? По каким особенностям?

Что означает например: И-15 «Химмашина»?

Какие типы истребителей у Вас в употреблении и какие изготавливаются? Получаете ли пополнение новыми машинами в замен потерпевших аварии или сбитых самолетов»¹⁰¹

Кроме того, финские власти интересовались вопросами противодействия зенитной артиллерии авианалетам советской авиации. Как оценивали русские пилоты огонь финских зениток? Был он эффективен или нет. Как правило, большинство летчиков были низкого мнения о подготовке финнов.

Помимо четко фиксированных вопросов, которые присутствуют в опросных листах, советским военнопленным предлагалось написать и в «вольной форме» обстоятельства пленения, и состояние их боевого подразделения. В качестве примера позволю себе предложить читателям выдержку из протокола допроса перебежчика Александра Семихина. Сразу оговорюсь: данные, которые он привел в нем, не могли быть использованы финнами, так как Семихин перешел на финскую сторону уже после окончания боевых действий.

Итак:

«Командный состав 420 ГАП

Комполка – майор Осипов, комиссар – бат. ком. Будков, нач. штаба – кап. Азаров, помкомполка по мат. обесп. инт.3 ранга Бельский, помначштаба по строевой ст. л-т Кузнецов, нач. боепитания – техник инт.3 ранга –

Кочерга, начтехчасти – капитан Синицын, начсанслужбы – военврач 3 ранга Шилок, нач.связи – ст.л-т Кононов, нач.разведки ст.л-т Подосиник, начпрод – мл. л-т Стротович, комбат транспорта – ст. лт. Ливадин, п-к – м. п-к Плотников, комбат штабной л-т Беседин, п-к – м. п-к Марьянков. Комендант – мл. лт. Марусов. От секр. партбюро – ст. п-к Антонов, инструктор. проп. ст.п-к Быбков, отсекр комс.бюро мл. п-к Гузынин (? – Д. Ф). 420 ГАП 2х дивизионного состава. 1 Д-н 122мм на конной тяге. Орудие с приц. Зар. Ящиком тянет 6 лошадей. 2 Д-н 152 мм на тракторах. Орудие с прицепом тянет трактор «Сталинец» 1 Д-н имел запасн.зар. ящики распределенные по батареям. Дивизион имеет 3 батареи. Батарея имеет 4 орудия. Дивизионы имеют батарею Управления Дивизионом.

1-Дивизион

Команд. дивизиона капитан Хруцкий

Нач. штаба ст. л-т Эскин

Политр.штаба ст. п-к Павлович

Нач. связи ст. п-к Семенов

Нач. разведки л-т Завалко

Команд. Упр. Д-на л-т Власюк

2- Дивизион

Команд. дивизиона капит. Бондарев

Политр. штаба мл. п-к Иванов

Батареи

Комбаты	Политруки	Комбаты	Политруки
1 л-т Петров	мл. п-к Чепик	3 ст.л-т Гейко	мл. п-к Урбан
2 л-т Куляба	мл. п-к Яценко	4 м. п Ермаков	
5 л-т Скобников		6 м. п Цветков	

Состав батареи 118 чел. Имеет: 2 огневых взвода, 1 взвод Управления. В 1-Д-не, батарея Упр.Д-на, имела 125 ч.+ 250 ч взвод боевого питания. Командный состав батареи: ком.батареи, политрук батареи, 2 ком.огн. взводов, 1 команд. взв. Упр.

Полковой тыл от полка всегда стоял на 8–10 км.

Полковая санчасть стояла от полка на 5–3–2 км.

Подразделения питались с походных кухонь. Продовольствие и фураж получали ежедневно в полковом транспорте.

Были перебои с сеном.

Питание людей состояло: 3 раза в день суп из гороха или пшена, выдавалось с большими перебоями: 50 гр. сахара в день, 100 гр. водки и 50 гр. сала.

В подвозе снаряжения были перебои. Причины неизвестны.

Подвозили на машинах и конной тяге.

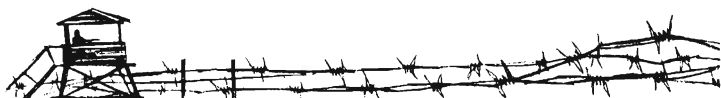
Потери полка: 18 убито. 67 ранено. Лошадей побито 70–75%

420 ГАП обслуживала почтово-полевая станция № 83
Обслуживал Госбанк 7й Армии»¹⁰²

Рассматривая имеющиеся в нашем распоряжении протоколы допросов советских военнопленных, становится видно, что задававшиеся вопросы редко выходили за рамки просто добывания информации военного характера. Более того, они имели достаточно узкую специфическую направленность. Одновременно с этим, как и в СССР, эти протоколы исполняли и функции регистрационного учета пленных, так как содержали вопросы, помогающие установить политические симпатии и антипатии пленных красноармейцев, их отношение к войне с Финляндией и т. п. Наряду с этим значительная часть информации, полученной в результате опросов пленных, использовалась в пропагандистской работе на фронте. Финны активно использовали эти данные в радиообращениях и листовках.

Война Продолжение

Как уже отмечалось выше, вопросы, задававшиеся финским военнопленным на допросах, выходили за рамки необходимости исполнения регистрационных функций. Что же в первую очередь интересовало советские власти, какие специфические сведения они пытались получить у военнопленных войны Продолжения? Ответы на эти и другие вопросы можно получить из сохранившихся протоколов допросов.

Массив исторических документов времен войны Продолжения, как и протоколы допросов и опросные листы финских военнопленных периода Зимней войны, можно условно разделить на три группы: 1) протоколы первичных допросов; 2) опросные листы и учетные дела пленных, содержавшихся в лагерях для военнопленных; 3) показания военнопленных в фильтрационных лагерях после их возвращения на родину. Сведения каждой из групп, отличающейся по своему строению и сути, позволяют раскрыть интересующий нас вопрос не просто с разных сторон, а в совокупной целостности событий.

Однако особое внимание следует уделить именно первой группе, то есть протоколам первичного опроса пленных. Несмотря на то что ситуация в большинстве случаев не способствовала детальному опросу военнопленного, именно в них содержится информация о дальнейшей судьбе пленного. В распоряжении исследователей имеются три вида данных документов. Во-первых, это протоколы первичных допросов военнопленных, захваченных регулярными частями Красной Армии. К сожалению, большая часть этих документов еще не доступна для исследователей. За интересующий нас период, то есть во время войны Продолжения, а особенно во время позиционной войны 1942–1944 годов, имеются в основном протоколы допросов перебежчиков.

Во-вторых, это протоколы допросов финских военнопленных, взятых в плен частями пограничных войск НКВД СССР в 1941 году. Однако полных, развернутых опросов таких пленных мной в результате проделанной работы обнаружено не было. Существуют лишь выдержки из них, включенные в оперативные сводки.

В-третьих, протоколы первичных допросов финских солдат и офицеров, захваченных партизанскими отрядами на территории Карелии и Финляндии в 1941–1944 годах. Фактически они являются одним из основных источников по этому вопросу, так как наиболее доступны для исследователей.

Как и во время Зимней войны, сразу после захвата военнопленного передовыми частями РККА с него снимали предварительные показания. В первую очередь это была информация военного характера и самые общие сведения о пленном: его имя, фамилия, номер войсковой части, личный номер, фамилии командиров и количество военнослужащих в подразделении, их вооружение. Затем пленного должны были передать сотрудникам НКВД на приемные пункты военнопленных, где с него снимались более подробные и тщательные показания по всем интересующим органы НКВД и военной разведки вопросам. Однако, изучив все доступные документы, можно прийти к выводу, что не всегда это выполнялось. Нередко допрос производился в условиях боя, и тогда пленного могли уничтожить сразу же после получения от него необходимых сведений.

Теперь рассмотрим более подробно протоколы допросов перебежчиков. Необходимо сразу оговориться, что мы располагаем достаточно ограниченным количеством протоколов допросов военнослужащих, добровольно сдавшихся в плен. Количество перебежчиков всегда было небольшим. К сожалению, точные цифры установить очень сложно, так как у исследователей до сих пор нет полных, а самое главное, полностью достоверных источников по этому вопросу, указывающих на то, что данный военнослужащий являлся именно перебежчиком.

Что же побуждало военнослужащих переходить на сторону противника? Основываясь на имеющихся в моем распоряжении источниках, я считаю, что можно выделить несколько причин: это идеологические разногласия с существующим государственным строем, усталость от войны, плохое продовольственное снабжение в войсках. Некоторые перебежчики объясняли свой переход на сторону врага боязнь уголовного преследования за те или иные проступки и, конечно, влиянием советской пропаганды. Эти причины являются наиболее распространенными, естественно, существуют и другие обстоятельства, индивидуальные в каждом случае.

Для перебежчиков финской армии периода войны Продолжения наиболее распространенными были следующие мотивы: политические разногласия с существующим в Финляндии строем, нежелание воевать и боязнь уголовного преследования за преступления. Кстати, стоит отметить, что некоторые из них ранее привлекались к уголовной ответственности отнюдь не только за свои политические взгляды. Особенно это относится к перебежчикам периода позиционной войны.

Сопоставляя имеющиеся в нашем распоряжении данные о количестве перебежчиков, протоколы их допросов, ситуацию на фронте и обстоятельства перехода на вражескую сторону, можно прийти к выводам, что количество перебежчиков зависит от многих факторов: это и ситуация на фронте, настроения в стране, и, как это ни странно, время года.

В зависимости от того, наступает ли армия, ведет ли позиционные бои при стабилизировавшейся линии фронта (как это было в 1942–1943 годах на Карельском фронте) или отступает, зависит и количество перебежчиков. Как свидетельствуют цифры, наибольшее количество перебежчиков приходится на период отступления, наименьшее – на время позиционных боев. Естественно, есть и исключения: например, из финского отдельного 21-го батальона (Pärmin Osasto – ErR21) за сентябрь 1941 года на сторону Красной Армии, по данным финского историка профессора Киммо Рентола, перешли 53 солдата¹⁰³. Но такой массовый переход был исключительным случаем. Данное воинское подразделение было сформировано 3 сентября 1941 года. В него зачислили 289 политических и около 400 уголовных заключенных. В их числе были самые видные и опытные представители коммунистической организации Финляндии. Подобное решение было принято под влиянием военных успехов финской армии этого периода. Командиром был назначен майор Никке Пярми. Однако уже во время следования к линии фронта из эшелона сбежали девять человек. К 13 сентября это воинское подразделение прибыло на передовые позиции, а уже через несколько дней начали переходить на сторону Красной Армии.

Профессор Киммо Рентола в своей книге приводит данные о том, что к октябрю 1943 года из финской армии перебежало на сторону противника только 65 человек. Изучая, сравнивая и дополняя данные финских и российских архивов, я пришел к выводу, что на сторону Красной Армии перешел 291 человек. По годам эти цифры выглядят так:

1941 г. – 98 перебежчиков (включая Pärmin Osasto).

1942 г. – 32 перебежчика;

1943 г. – 42 перебежчика;

1944 г. – 119 перебежчиков.

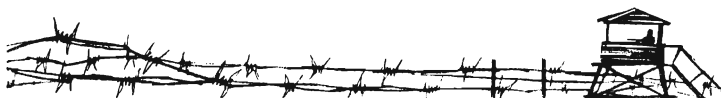
В зависимости от ситуации на фронте менялись и причины перехода на сторону противника. В период наступления основными являются причины идеологического и политического характера. В период позиционных боев на первый план выдвигаются «личные причины», то есть попытки дезертирства, кражи, оскорбление старших по званию, уголовные преступления. На этапе отступления – усталость от войны, плохое продовольственное снабжение. Но именно на этом этапе войны наиболее сложно определить, кто является перебежчиком, а кого нужно просто считать военнопленным, захваченным советскими войсками в результате не зависящих от него обстоятельств. Проблема заключается в том, что в некоторых случаях подразделения финской армии отступали достаточно быстро и не всегда организовано. Некоторые военнослужащие по разным причинам отставали от своих частей (усталость, ранение, потеря ориентации в лесу и т. п.). Не имея достаточных сведений об обстоятельствах пленения, командование подразделений нередко причисляло таких солдат к категории «перебежчики», хотя это и не всегда верно.

Как уже отмечалось, военнослужащие финской армии во время войны Продолжения захватывались и частями погранвойск НКВД СССР. К сожалению, данные о таких пленных крайне скудны – нередко в оперативных сводках фигурировало лишь количество, время и место пленения финнов без указания их имен и фамилий. Так, например, начальник штаба охраны войск тыла Северного фронта полковник Дреев в оперативной

сводке №12 отмечал, что на участке 13-й заставы 29.06.1941 года задержан офицер финской армии. 7 июля 1941 года на участке 5-й заставы взят в плен один легкораненый солдат финской армии. В тот же день группа капитана Болашова из 73-го погранотряда в районе Кимас-озера захватила одного офицера и одного рядового из 15-й пограничной роты финнов. К 12 июля в оперативных сводках отмечалось, что за период боевых действий пограничными частями Карело-Финского округа в плен взяты семь человек. Из них: офицеров – один, сержантов – три, солдат – три¹⁰⁴ Как видим, эти данные не соответствуют приведенным выше цифрам – простой арифметический подсчет показывает, что офицеров, взятых в плен, должно быть, по крайней мере, двое. Вероятнее всего, взятый в плен 29.06.41 года финский офицер либо умер от ран после пленения, либо был расстрелян, и тело его не было захоронено. Сопоставляя данные, находящиеся в Военном архиве Финляндии с имеющейся в нашем распоряжении информацией, можно предположить, что этим офицером, вероятно, является лейтенант пастор Хейсканен Пентти (Heiskänen Pentti Jorma), родился 31.7.1914, который пропал без вести 29.06.1941.

Мной были обнаружены и документы, подтверждающие расстрелы финских пленных военнослужащих частей погранвойск НКВД СССР. Так, во время рейда в тыл финнов, 2 сентября 1941 года в районе поселка Куоску (Кандалакшское направление) разведчики 101-го отдельного стрелкового пограничного полка захватили в лесу мужчину и девушку 15–16 лет, собиравших ягоды. После короткого допроса, в ходе которого им задавались вопросы об отношении гражданского населения к войне, продовольственном положении в стране, расположении финских и немецких гарнизонов, о взаимоотношениях между финнами и немецкими солдатами, «задержанные Алатало и девушка (фамилия не указана. – Д. Ф.) 22.00 2.09.41 были расстреляны в лесу и запрятаны, так как в предвидении предстоящих действий, забрать их с собой не могли, отпуск на свободу грозил срывом операции»¹⁰⁵ Подоб-

ное объяснение неправомерных действий в отношении гражданского населения особенно часто встречается в 1942–1943 годах, в отчетах о проведении боевых операций партизанскими отрядами. Но стоит отметить, что партизанские отряды в Карелии были сформированы именно на базе пограничных частей и истребительных батальонов. Многие кадровые командиры погранвойск НКВД СССР впоследствии стали командирами партизанских отрядов.

Другим примером таких действий является информация, имеющаяся в разведсводках 72-го пограничного отряда за период с 21 июня по 21 сентября 1941 года. В ней, в частности, отмечалось, что в распоряжение отряда 23 июля возвратился пограничный наряд под командой старшего лейтенанта Гужевникова. Это подразделение патрулировало участок государственной границы с 30.06.41. В результате боестолкновения с противником в районе Варталамбино ими был захвачен в плен капрал финской армии (фамилия не указана. – Д. Ф.).

«Наряд Гужевникова находясь в пути с 1.7 по 23.7.41 без продуктов, ослабел. 15.7 на берегу реки Кума /кв. 6408/ пленный был им убит»¹⁰⁶

Не оправдывая эти действия, необходимо отметить, что подобные случаи не были массовыми и, скорее, были вызваны сложившейся обстановкой. Многие пограничные заставы действовали в окружении и с боями пробивались в расположение своих войск, поэтому в некоторых случаях к военнопленным применяли излишне жестокие меры. Стоит еще учитывать и тот факт, что на начальном периоде советско-финляндской войны 1941–1944 годов военнопленных было крайне мало и они представляли собой большую ценность с точки зрения получения от них информации о противнике, таким образом, расстрел пленного мог быть вызван только чрезвычайной ситуацией. В данном конкретном случае мою мотивировку подтверждает и тот факт, что капрала пытались вывести в расположение частей 72-го погранотряда на протяжении почти недели и убили из-за того, что у пограничников не было продовольствия.

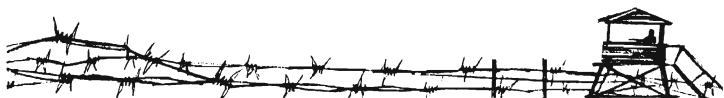

Рассматривая вопрос о финских военнопленных, захваченных пограничными частями, необходимо отметить, что подробные протоколы допросов таких пленных в ходе проведенной работы в российских архивах мной не были обнаружены. В распоряжении исследователей имеются лишь выдержки их показаний, внесенные затем в разведсводки. Естественно, что данные, внесенные в разведсводки, в большей степени имели военный характер, то есть расположение частей, их вооружение, места их постоянной дислокации и т. п., а данные о самом военнопленном отсутствуют.

Протоколы допросов советских военнопленных во время войны Продолжения

Не менее сложно обстоит дело и с протоколами военнослужащих Красной Армии, захваченных во время войны Продолжения. К сожалению, их осталось незначительное количество. Причин этому много, но основной, как мне кажется, может являться следующее. После выхода Финляндии из войны часть финских архивов и особенно то, что касалось национальных воинских формирований из пленных, была вывезена в Швецию. Там следы этих документов теряются. Можно предположить, что многие протоколы допросов советских пленных по разным причинам попали в списки документов, подлежащих эвакуации. Впрочем, может быть и более прозаическое объяснение: их уничтожили, как не представляющие большую ценность.

Как и во время Зимней войны, сразу после захвата военнопленного с него снимали предварительные показания. В первую очередь это была информация военного характера и самые общие сведения о пленном: имя, фамилия, номер войсковой части, фамилии командиров и т. п. Затем пленного передавали на приемные пункты военнопленных, где с ним работали более тщательно. Однако если допрос производился в условиях боя – пленного могли уничтожить сразу же после получения от него необходимых сведений. Иногда так поступали со сбитыми советскими летчиками, их

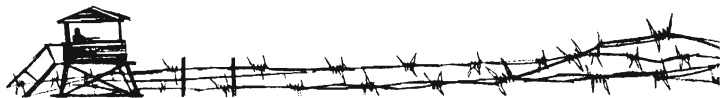
уничтожали по приказу руководителей местных шюц-коровских районов.

В моем распоряжении имеется протокол допроса майора Леоновича Михаила Тарасовича, командира 1-й эскадрильи 13-го авиаполка, написанный им лично на тетрадных листах в клетку за несколько дней до расстрела. 21 сентября 1941 года он получил приказ отправиться с самолетами своей эскадрильи на о. Эзель в распоряжение группы полковника Кудрявцева, которая выполняла задачи по прикрытию острова от налетов немецкой авиации. Два дня спустя, 24 сентября, Леоновича отправили на п-ов Ханко за инструментами для ремонта самолетного вооружения. Над Финским заливом у пилота отказали навигационные приборы, и он потерял ориентацию. Горючее было на исходе, и летчик выбросился с парашютом над финской территорией.

«Место приземления я не знал. Времени было около 9 часов вечера. После приземления я вынул из карманов два блокнота и письмо, адресованное капитану Ильину на Ханко, и, собрав парашют, пошел в лес... Шел я лесом на гору и, достигнув скалы, остановился отдохнуть. И вспомнились мне слова политического начальства, что сдаваться в плен — это подвергать себя всем пыткам: выколют глаза, выдернут ногти, обрежут уши, нос и т. п., да особенно если попадется большой начальник, да и любой командир. Вспомнил все это и решил снять и спрятать свой китель (темно-синего сукна, на обоих рукавах по три золотых нашивки с просветом между ними, на левой стороне груди — парашютный значок), так и сделал. Снял китель и спрятал в 4–5 м от скалы. Сам же пошел дальше»¹⁰⁷

Тут стоит прерваться и отметить, что, сняв знаки различия военнослужащего РККА, Леонович поставил себя в очень плохое положение. При захвате финны приняли его за шпиона, а участь шпионов в военное время печальна. В большинстве случаев их ждал расстрел.

«Селения и озера я обходил. Питался ягодами, и у меня в кармане была плитка шоколада. Так я шел 25 и 26 сентября. 26 сентября я почувствовал себя нездоровым. Был сильный жар, и я решил пойти дорогой... От-

дохнув немного вечером в лесу, я вышел на дорогу и шел все время по ней, никуда не сворачивая, пока меня не задержали в 2 часа ночи 27 сентября. Цель у меня была пройти в Россию, никаких других мыслей у меня в голове не было. После задержания, когда я немного поправился, не осознав, что у меня нет никаких доказательств, что я военный и именно тот, за кого я себя выдаю, я стал вести себя вызывающе, чем еще более усугубил свое положение и в чем сейчас чрезвычайно раскаиваюсь. И надеюсь, что мое это признание и доказательства, которые устанавливают, что я действительно майор Леонович, подтвердят это».

Однако финские власти поступили в высшей степени негуманно. Имея на руках все доказательства того, что майор Леонович является военнослужащим Красной Армии, его расстреляли в ноябре 1941 года. Впрочем, это вызвало серьезные нарекания со стороны военных, которых не поставили в известность. Последние надеялись получить от пленного майора ценные сведения о состоянии советской авиации на Ханко.

Другим видом документов являются протоколы допросов советских перебежчиков. Если говорить о перебежчиках во время войны Продолжения, то надо отметить, что мы располагаем ограниченным количеством таких протоколов. Статистических сведений о перебежчиках из Красной Армии мало. Поэтому пока нельзя выявить динамику добровольной сдачи в плен. Относительно точно известно, что за время военного противостояния в июне – сентябре 1942 года (период так называемой позиционной войны) на сторону финнов перешли около 86 советских военнослужащих. Рассматривая протоколы допросов этой категории пленных, можно выделить несколько основных причин:

- 1) идеологические разногласия с существующим строем в государстве;
- 2) усталость от войны;
- 3) плохое продовольственное снабжение;
- 4) боязнь уголовной ответственности за те или иные проступки;
- 5) результат пропаганды.

Эти пять причин являются наиболее распространенными. Кроме того, существовали и другие обстоятельства, особенные для каждого перебежчика. К вышеперечисленным мотивам можно добавить:

- строгая дисциплина в войсках, суровое обращение;
- желание найти родственников на оккупированной территории; притеснения по национальному признаку (эти причины, в основном, выдвигали ингерманландцы и карелы);

- плохая жизнь в СССР (во всей совокупности факторов – плохое продовольственное снабжение, отсутствие товаров первой необходимости и т. п., репрессии, отсутствие свободы вероисповедания и т. д.).

Естественно, в каждом конкретном случае были свои обстоятельства, причины или даже совокупность причин.

Кроме сведений военного характера, в результате допросов советских военнопленных финские власти получали и информацию о финских пленных, захваченных частями Красной Армии. Так, например, в результате опроса тяжело раненного советского старшины Куприкова, захваченного в плен 7 февраля 1944 года (он умер от тяжелого ранения в позвоночник 8 февраля), были получены сведения о военнопленных Эйно Райале и Нюмане, а также о взводе пропаганды Красной Армии, состоящем из восьми финских военнопленных. Однако показания советских пленных не всегда соответствовали действительности из-за того, что они нередко не знали имен финнов, которых они видели на передовой, а если и знали, то искажали имена и фамилии финнов или путали их с немецкими военнопленными. Впрочем, стоит отметить, что показания советских пленных никогда не являлись основным источником информации для Ставки при составлении списков военнопленных финской армии во время боевых действий.

Партизанское движение в Карелии

В задачу данной книги не входит подробное и скрупулезное описание боевых действий партизанских отрядов. Но говоря о финских военнопленных периода войны Продолжения, я не могу обойти сто-

роной этот вопрос, ведь в отличие от Зимней войны финские солдаты и офицеры захватывались в плен не только частями регулярной Красной Армии, но и партизанскими отрядами, действовавшими в тылу финской армии на территории Карелии, а затем и на территории Финляндии. В данном контексте меня, в первую очередь, интересуют протоколы допросов и дальнейшая судьба финских военнопленных, захваченных партизанами.

Я коротко обрисую создание и задачи партизанских отрядов, действовавших в интересующий нас период в Карелии.

В 1941 году в зоне оперативного действия Карельского фронта под руководством НКВД и Карельского обкома ВКП (б) было создано 17 партизанских отрядов общей численностью 1196 человек. Для большей эффективности проводимых операций к концу 1941 года многие отряды укрупнили и объединили, создав девять формирований по 100–170 человек. К октябрю 1941 года на Карельском фронте действовало 13 партизанских отрядов и одна партизанская бригада общей численностью 1517 бойцов и командиров. Всего же с 1941 по 1944 год было сформировано около 30 партизанских отрядов, численный состав которых приближался к 4000 человек (по некоторым данным – 3912). Штаб партизанского движения Карельского фронта находился в г. Беломорске.

Главными задачами партизанских отрядов были *диверсионные акции в тылу противника*, сначала на временно оккупированной территории, а с 1943 года и на территории Финляндии, а также разведывательные мероприятия и сбор информации в тылу противника и т. п.

Партизанские отряды действовали на всем протяжении Карельского фронта от его южного фланга до Полярного круга включительно. Часто они действовали довольно успешно, и борьбе с ними командование финских вооруженных сил уделяло большое внимание.

Отличительной особенностью «партизанской войны» в Карелии было то, что практически на всем протяжении боевых действий с 1941 по 1944 год партизан-

ские отряды базировались на советской территории, не имея долговременных и постоянных баз во временно оккупированных районах и в Финляндии. То есть, совершая рейды, партизанские отряды неизменно возвращались к месту их постоянной дислокации в тылу Красной Армии. Отсюда вытекает еще одна особенность: партизаны имели возможность захватывать пленных и, что самое главное, доставлять их на советскую территорию. Однако специфика партизанского движения и задачи, ставившиеся перед партизанами, не позволяли полностью соблюдать все нормы права в отношении военнопленных. Кроме того, международные конвенции не определяли термин «партизан». В зависимости от ситуации, а точнее, от того, с какой стороны линии фронта находились участники событий, толкование этого термина разное — от «диверсанта» до «участника вооруженной борьбы на оккупированной противником территории». Причем это толкование характерно для обеих сторон.

В отчетах районных отделов НКВД и истребительных батальонов разведывательные рейды финской армии назывались диверсионными. Аналогичное название применялось и финской стороной к действиям советских партизан. Однако тот факт, что советские партизанские формирования были созданы на основе истребительных батальонов и пограничных отрядов, а кроме того, в них производилась мобилизация военкоматами, позволяет мне сделать вывод о том, что в случае с партизанским движением в Карелии мы в действительности имеем дело с регулярными формированиями Красной Армии, получившими название «партизанские отряды».

Во время войны Продолжения обе стороны и СССР и Финляндия — по многим вопросам точно соблюдали или, по крайней мере, старались соблюдать правовые положения Женевской конвенции 1929 года. Из имеющихся данных следует, что массовых нарушений прав военнопленных в ходе боевых действий не было, хотя, разумеется, военнослужащие обеих армий нарушали иногда «кодекс гуманизма». Но, по-видимому,

наибольшее число нарушений было связано с действиями партизанских отрядов, проводивших операции за линией фронта. Впрочем, было бы неверным утверждать, что только советские партизаны совершали противоправные деяния в отношении военнопленных. Имеющаяся в распоряжении исследователей информация и архивные документы позволяют утверждать, что подобным образом поступали и военнослужащие финской армии. Например: Акт. Обследования трупов бойцов и командиров воинской части, полевая почта №77612. 16-го июля 1944 года в руки финских солдат и офицеров попала группа тяжело раненных бойцов и командиров воинской части полевая почта 77612. Финские бандиты подвергли неслыханным пыткам, зверствам и насилию всех без исключения захваченных ими раненых бойцов и офицеров. После изгнания с участка противника нами обнаружено 17-го июля 1944 года 16 трупов, которые оказались в следующем состоянии:

Лейтенанту АГАПОВУ финны штыком выкололи оба глаза, причем это сделано исключительно зверски, ударами штыка череп пронизан насквозь

Ст. сержанту СЕРГЕЕВУ перерезали горло, ст. сержанту БЫКОВУ разmozжили череп, а затем в упор из автомата выпустили несколько очередей...

Тяжело раненых мл. сержанта ЭСАБУА, красноармейцев ДРОБЫШЕВА, ОВЧИННИКОВА и ГУСЕЙНОВА после издевательств финны бросили всех четверых в воронку от снаряда и забросали гранатами, в результате чего их тела изуродованы до неузнаваемости

Акт подписали: майор ЧЕРТКОВ, ст. лейтенант мед. службы ЦЕХ, ст. лейтенант – ШВЕДОВ, старшина ДУДКИН, сержант ЗУБОВ, мл. сержант АНАНЬЕВ, сержант КУДИНОВ, мл. сержант БОЛЬШИХИН, красноармейцы МАЛЫГИН, ВОРОБЬЕВ. 17 июля 1944 года...

Кроме того, подобная информация содержится и в некоторых допросах финских военнопленных:

«Акт. 1943 г. 26 дня июня месяца, мы, нижеподписавшиеся, командир диверсионной группы Карпин, политрук Матюшкин и медсестра Власова Е. Составили настоящий акт о нижеследующем:

26 июня 1943 г. на хуторе около озера Айто-ярви, был пленен солдат финской армии Кюллонен Юкко, уроженец дер. Суомуссалми (Финляндия) год рождения 1920, который рассказал, что в 1941 году в сентябре месяце (число не помню) будучи в командировке на хуторе Растевара (координаты 9226) финской армией на фронте был пленен раненый красноармеец, с которым, в присутствии меня, произвели чудовищную расправу, связав руки и ноги бросили в горящий костер и заживо сожгли, о чем и составлен настоящий акт. Подписи: командир диверсионной группы Карпин, политрук Матюшкин, медсестра Власова, военнопленный Kyllönen, рождения 1929 года, уроженец дер. Суомуссалми (Финляндия)». Кстати, ни в базе данных погибших финских военнослужащих, которая находится на сайте Национального архива Финляндии, ни в базе данных военнопленных финской армии Реййо Никкиля, в составлении которой принимал участие, нет человека, носящего имя Юкко Кюллонен. Вероятнее всего, если такой человек и существовал на свете, то он был гражданским, не имеющим отношения к армии человеком. Установить дальнейшую судьбу Кюллонена пока не представляется возможным.

Во время войны Продолжения довольно распространены были расстрелы пленных, если они не представляли особой ценности в плане получения разведывательной информации, если рейд партизанского отряда или диверсионной группы не посвящен был добыче языка. Имеются как прямые, так и косвенные доказательства этих фактов, например, данные Военного архива Финляндии (Sota-arkisto) – учетных карточек пропавших без вести солдат и офицеров финской армии.

Есть и другие источники по данному вопросу. Например, протокол допроса, а точнее, рапорт, составленный по дневнику помощника командира по оперативной части партизанского отряда «Красный партизан» лейтенанта государственной безопасности Новикова (командир отряда – Журих, комиссар – Королев), о расстреле военнопленного Хилтунена Онни – так в тексте. Правильное имя Вейкко Хилтунен (Veikko Hiltunen).

«Попал в плен раненым... Расстрелян партизанами 18.06.42. ...Захваченный Хилтунен мною был коротко опрошен. На дороге чего-либо ценного пленный не показал, а так как отряд еще продолжал движение в сторону своего места базирования в тылу противника, то, естественно, его пришлось уничтожить, путем расстрела из винтовки «Гёк»... После недолгого еще разговора с ним комиссар отряда дал приказание расстрелять пленного»¹⁰⁸

Остались также протоколы допросов финских военнопленных, в которых нет точных сведений, были ли эти пленные затем расстреляны или нет, но в картотеке учета пропавших без вести в Sota-arkisto указаны приблизительные даты смерти этих военнослужащих. Так, например, в результате атаки партизанского отряда «Красный онежец» на гарнизон в деревне Кимасозеро были захвачены в плен семь военнослужащих финской армии. В распоряжении исследователей имеются краткие протоколы их допросов. Однако в них допущены ошибки при транскрибировании финских имен, причем, эти ошибки не были исправлены. В протоколе допроса подписанного комиссаром отряда Бесперстовым, отмечено, что «при разгроме Кимасозерского гарнизона отрядом «Красный онежец» были взяты пленными... ХЕЛЕНГУС СУЛО-ЮХАНУС, КАРЬЯЛАЙНЕН УНО-ЭРККИ, ПЕЛТОНЕН ЭМИЛЬ-ИОГАННЕС, СЕНТЕРИ ЭЙНО-КАЛЛА, ХИЙТИ АЛЬБЕРТ, САЛМЕЛА ВИЛЬЕ-ЭРНСТ, МЯКЕЛЯ»¹⁰⁹ Затем в документах отмечено, что пленные отказались назвать номера, имена командиров и вооружение частей финской армии на этом направлении, мотивируя это своим незнанием. Соответственно, вероятнее всего, с этих пленных не снимали повторных показаний в тылу, когда ситуация позволяла в более спокойной обстановке получить необходимые сведения, сопоставляя их с информацией, полученной из других источников. Кроме того, очевидно, что такую большую группу военнопленных было трудно провести через линию фронта. Но до определенного времени их дальнейшая судьба не была ясна. По финским данным, они числились погибшими в бою. Однако новые доку-

менты подтвердили мое предположение, что этим финским солдатам удалось вырваться из окружения и переправиться на другую сторону озера, где они были взяты в плен группой прикрытия партизанского отряда. После допроса финских военнопленных расстреляли «за отказ на допросе давать показания»¹¹⁰

Кроме того, в ГАОПДФК имеются сведения о захвате военнопленных и гражданских лиц, судьбу которых было очень сложно установить. Анализируя обстоятельства, место и время пленения, а также протоколы их допросов, точнее, характер интересующих партизан сведений, можно с большой долей уверенности предположить, что эти военнопленные были также уничтожены партизанами. Так, в июле 1943 года вместе со своими семьями были расстреляны житель деревни Хаутаярви (губерния Оулу) Хаутаярви Херман и житель хутора Сивола Мяяття Вилье Юхо (протоколы их допросов имеются в архиве). Продолжая поиск документов, касающихся этих случаев, весной 2002 года в Российском государственном архиве социально-политической истории (г. Москва) я обнаружил материалы Центрального штаба партизанского движения, подтверждающие мое предположение.

Наряду с этим в российских архивах есть и прямые подтверждения, документально зафиксированные отчеты, направлявшиеся из Карельского штаба партизанского движения в Москву, о расстрелах партизанами гражданского населения Финляндии. В «Докладной записке об итогах партизанского движения в Карело-Финской ССР и Мурманской области с 1 июля 1941 г. по 1 июля 1943 г.» записано, что 24.09.1942 года взвод партизанского отряда «Вперед» вышел к хутору Виксима с целью пополнить запасы продовольствия. Население отказалось дать продукты партизанам, после чего женщин заперли в сарае, а 12 мужчин призывного возраста командир отряда приказал расстрелять. «При расстреле мужчин женщины выскочили из сарая и хотели убежать из хутора, чтобы предупредить полицию. Партизаны оцепили хутор и открыли огонь по убегающим, в результате чего все население хутора 28 человек были уничтожены». В

дальнейшем в отчете о потерях противника они фигурируют как «шюцкоровское население». Подобная ничем не оправданная жестокость к гражданскому населению оставляет много открытых морально-этических вопросов партизанского движения во время войны Продолжения.

В информации, направлявшейся из штабов партизанского движения в разведотдел Карельского фронта, также встречается много косвенных доказательств расстрелов финских военнопленных. В оперативной сводке № 2 штаба партизанского движения за июнь 1944 года указано:

«...захвачено четыре пленных, из них два после допроса расстреляны, а два выведены в наш тыл и переданы Разведотделу Штаба Карельского Фронта...»

В свою очередь разведывательный отдел отмечает:

«...получены предварительные данные допроса двух пленных, захваченных 4.07.1944... Пленные для допроса в РО Штаба Карельского Фронта доставлены не были...»¹¹¹

О том, как обращались тогда с военнопленными, можно судить по резолюциям Штаба партизанского движения и командиров партизанских отрядов, встречающимся на полях протоколов допросов финских военнопленных. К примеру, 9 сентября 1943 года в результате нападения партизанских отрядов «Комсомолец Карелии» и «Красный партизан» на деревню Пахомоваара был захвачен в плен старший сержант финской армии Импонен Эйно (возвращен из СССР 25.12.44 г.). В материалах его допроса имеется следующая резолюция:

«Показания, данные пленным, большей своей частью являются неправдоподобными, многое пленный скрывает. К пленному требуется применить более радикальные меры для получения от него дополнительных показаний»¹¹²

Впрочем, сам Импонен на допросах в Ханко после возвращения в Финляндию по окончании войны говорил, что обращались с ним вполне гуманно и пыток не применяли.

В протоколе допроса перебежчика Осмо Хярмя (перебежал 12.05.43 г.) стоит такая резолюция:

«Показания ХЯРМЯ об обстоятельствах его перехода на сторону Красной Армии сомнительны. Не исключена возможность того, что он переброшен финской разведкой с заданием осесть в лагере в/пленных и проводить разведывательную работу среди солдат. Ведет себя неискренне и его показания о гарнизонах требуют проверки и уточнения»¹¹³

О. Хярмя, судя по всему, смог доказать, что он не является агентом финской разведки, а также свою лояльность к советскому государству, поэтому данная резолюция не повлекла за собой никаких последствий. Уже в июне 1943 года его фотография и обращение к финским солдатам появляются в газете «Sotilaan Ääni». В августе того же года в этой газете печатается его открытое письмо, в котором Хярмя рассказывает, почему он сдался в плен. Данное письмо заслуживает упоминания лишь потому, что оно практически полностью, за исключением малосущественных деталей, повторяет его протокол допроса. Впрочем, судьба Хярмя сложилась трагично: 22 июля 1944 года он умер в СССР.

Проявлявшуюся иногда жестокость к военнопленным и к гражданскому населению советская сторона оправдывала спецификой боевых действий: удаленностью партизанского отряда от места дислокации, при которой ему нельзя было отдать верный приказ; необходимостью далее выполнять основную задачу, поставленную перед отрядом, при которой военнопленные были обузой; предотвращением оповещения военных властей о местонахождении отряда попавшими в плен, а значит, защитой жизни партизан.

Но история и историки свидетельствуют, что всегда находятся, если они кому-нибудь нужны, моральные и иные оправдания неприятного явления, что при констатации какого-либо исторического факта, не вписывающегося в выбранную концепцию, можно найти аргументы, которые позволяют заявить: «Это частность, всего лишь зигзаговый эпизод, а не закономерность. Это исключение из правил, и этому не нужно придавать большого значения». И так далее и тому подобное.

Однако в последнее время в архивах Российской Федерации рассекречено большое количество дел, касающихся действий партизанских соединений во время Великой Отечественной войны. Мне удалось обнаружить документы, связанные с боевыми операциями партизан на территории Карелии и Финляндии в годы войны Продолжения, которые, как мне кажется, заслуживают более подробного рассмотрения.

Анализ приказов и распоряжений Штаба партизанского движения (ШПД) Карельского фронта позволяет сделать вывод о том, что во время войны Продолжения партизанские отряды иногда получали указания об уничтожении военнопленных после получения от них необходимой информации. Так, например, в 1942–1944 годах многие отряды получали боевые приказы, в которых были следующие пункты:

«В ходе выполнения разведывательных задач захватывать пленных, после тщательного допроса и выяснения всей обстановки в районе действия отряда — уничтожать».

Или же:

«Захваченных пленных: рядовой состав — после тщательного допроса и выяснения всех интересующих вопросов уничтожать, особо важный офицерский состав — после допроса немедленно доносить по радио в штаб, указав возможное место посадки гидросамолета для вывозки пленного в наш тыл». ¹¹⁴

Впрочем, такие распоряжения отдавались не всегда. Достаточно часто в приказах ШПД строго указывалось на необходимость захвата и, что немаловажно, доставки в тыл военнопленных финской армии. Нередко и сами партизаны нарушали отданные им ШПД распоряжения и выводили в тыл солдат финской армии, проходя с боями многие сотни километров. Так, например, партизанский отряд «Железняк», совершив почти 300-километровый рейд, доставил на советскую территорию двух пленных Тойво Мартикайнена и Мауно Кикконена. В противовес этому, в отношении советского гражданского населения, оставшегося на оккупированной территории, нередко существовали

несколько другие распоряжения: «население, проживающее в деревнях, вывести в наш тыл, при сопротивлении уничтожать»¹¹⁵

В протоколах допросов финских военнопленных советские следователи и военные дознаватели часто делали упор на аналогичные неправомерные действия, которые совершали и финские солдаты в отношении советских военнопленных, находясь в тылу советских войск. В качестве примера приведем выдержку из протокола допроса военнопленного Матсинена Вилхо¹¹⁶ солдата диверсионно-разведывательного батальона Генерального штаба финской армии, о полученной установке:

«Поход – январь 1944 года... Если захваченные пленные будут иметь лыжи – привести их с собой, в обратном случае допросить и уничтожить на месте».

Подобные сведения содержатся и в воспоминаниях некоторых других бывших солдат финской армии. Есть также документы, собранные специальными комиссиями подразделений Карельского фронта, в которых зафиксированы случаи издевательств, пыток и расстрелов пленных военнослужащих Красной Армии. Так, например, «...пленный солдат Кайвула (правильное имя Kaivola Arvo Onni Aleks, капрал 9./JR 56, попал в плен 27.07.41 в районе Суоярви, умер в СССР 16.06.42 г.) показал, что он видел нескольких русских пленных, из них двух офицеров. Один офицер на допросе в штабе полка отказался отвечать на вопрос. Его вывели за 200 метров и расстреляли. Второй офицер – лейтенант был ранен в ногу, на допросе вообще ничего не отвечал, его отправили в штаб дивизии за 10 км., хотя он и был тяжело ранен».

Таким образом, можно сделать вывод, что обе воюющие стороны в ходе конфликта не всегда соблюдали положения Женевской конвенции и иногда жестоко обращались с пленными и убивали их.

Как во время Зимней войны, так и во время войны Продолжения основной целью протоколов допросов финских военнопленных было установление сведений, представляющих оперативный интерес. Данные вноси-

лись в сводки и регулярно отправлялись в Москву в Центральный штаб партизанского движения. Однако качество оперативных сводок, передаваемых в Москву, не удовлетворяли представителей разведотдела ЦШПД. 1 июля 1943 года заместитель начальника Центрального Штаба партизанского движения полковник госбезопасности Бельченко и начальник разведотдела полковник Анисимов направили начальнику Карельского штаба партизанского движения Вершинину распоряжение, в котором, в частности, отмечалось:

«Разведывательные сводки, представляемые Вами в ЦШПД, имеют существенные недостатки, заключающиеся в том, что разведданные по одному и тому же вопросу разбросаны по всему тексту сводки и, чтобы сопоставить и анализировать данный вопрос на это тратится время совершенно непроизводительно».

Протоколы допросов финских военнопленных в большинстве случаев представляют собой итоговое резюме сведений, которое отправлялось, прежде всего, в Штаб партизанского движения и в разведывательный отдел Карельского фронта с 1942 по 1944 год. В этих документах есть некоторые неточности при изложении отдельных фактов, например обстоятельств пленения, искажения указывавшихся имен и фамилий, географических названий. Это происходило из-за того, что из всех протоколов, имеющихся в нашем распоряжении, около 10% было составлено в форме «вопрос – ответ», но нас сейчас интересует сам характер добывавшихся сведений.

При пристальном рассмотрении можно выделить некоторые различия между протоколами допросов и опросными листами финских военнопленных, несмотря на то, что эти документы на первый взгляд очень похожи. Протоколы первичных допросов выдают стремление допрашивавших выявить какие-либо сведения о составе действующих воинских формирований, особенно о командном составе, о номерах почтово-полевых служб. В свою очередь, опросные листы и учетные дела были направлены на более обширное установление военных характеристик гарнизонов и

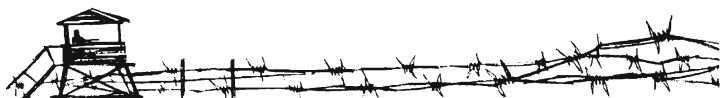
вооружения военных частей, дислокации подразделений армии и военных учебных центров. При этом повышенный интерес проявлялся к транспортным коммуникациям и системе их охраны, материальному обеспечению армии (например, вещевое и денежное довольствие, нормы питания), к распорядку дня в гарнизонах и воинских подразделениях, а также к моральному состоянию армии, например часты ли случаи дезертирства.

Особую группу составляли вопросы, касающиеся взаимоотношений между финскими и немецкими солдатами, отношения гражданского населения Финляндии к немецким войскам, отношения местного населения к советско-финляндской войне. Эту информацию собирали прежде всего для того, чтобы использовать в пропагандистских листовках и радиовыступлениях, рассчитанных на финских солдат, находящихся на фронте.

Немаловажное значение придавалось и уточнению сведений о местонахождении лагерей для советских военнопленных на территории Финляндии и Карелии, выявлению различий между немецкими и финскими лагерями при содержании советских военнопленных, выявлению случаев издевательств над военнопленными, характера работ, на которых они используются. Постоянно пытались выявить предателей из бывших военнослужащих Красной Армии и лиц, сотрудничающих с оккупационными властями. Военные следователи интересовались также мнением пленных о действиях партизан и контрмероприятиях финской (немецкой) армии против партизанских отрядов.

Темой некоторых допросов стала возможность подготовки Финляндии к химической войне. Разведывательный отдел Карельского фронта интересовало наличие в финской армии отравляющих веществ. Это было связано с имевшимися в распоряжении Генштаба РККА сведениями о подготовке Германии к проведению химических атак на Восточном фронте в 1942–1944 годах.

Вопрос о возможном применении боевых отравляющих веществ впервые был затронут послом СССР в Ан-

глии И. Майским¹¹⁷ еще в марте 1942 года в беседе с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем. Во время встречи представитель Советского Союза отмечал, что немецкие войска во время весеннего наступления 1942 года могут использовать ядовитые газы против частей Красной Армии. В дальнейшем этот вопрос неоднократно поднимался в переписке У Черчилля с И. Сталиным в марте – апреле 1942 года. Премьер-министр Великобритании заверил СССР, что его страна создала «колоссальные запасы газовых бомб» и готова применить химическое оружие против Германии как ответную меру в случае использования последней отравляющих веществ против СССР. Англия также заявила о готовности выступить с публичным предупреждением Третьему рейху по этому вопросу, что, по мнению Черчилля, могло бы удержать немцев от подобных действий. Более того, Англия была готова поставить в СССР 1000 тонн иприта и 1000 тонн хлора.

В ответном письме от 29 марта 1942 года Председатель Президиума Верховного Совета СССР И. Сталин сообщил, что, по данным СССР, Финляндия также готова к ведению химической войны против Советского Союза и предложил Великобритании сделать аналогичное предупреждение финнам. Черчилль ответил согласием.

Таким образом, вопрос о возможности ведения Финляндией химической войны против Советского Союза нашел отражение сразу на двух уровнях: на высшем – в переписке глав государств Великобритании и СССР и на низшем – в протоколах первичных допросов финских пленных. В ходе допросов финских военнопленных представители разведывательных органов Красной Армии пытались установить, какие части химических войск противника находятся на Карельском фронте; их состав, нумерацию и вооружение; где расположены склады с химическим имуществом, какое это имущество и в каких количествах. Разведотдел ЦШПД особо требовал установить, какое имущество и в каких количествах находится на складах в Петрозаводске и на аэродроме в семи километрах северо-западнее г. Киркенес.

Однако сведений о реальной готовности применения финской армией боевых отравляющих веществ против Советского Союза ни в финских, ни в российских архивах мной обнаружено не было.

В 1943 году, в соответствии с распоряжением Вершинина, отданным начальнику разведотдела Карельского ШПД Столярову, в протоколах допросов и опросных листах финских военнопленных круг вопросов расширяется, и в них появляются следующие разделы:

- Борьба противника с партизанами.
- Скопление и сосредоточение войск противника.
- Подтверждение ранее установленных частей противника.
- Установление новых частей противника.
- Перегруппировка и смена частей противника.
- Железнодорожные и автомобильные перевозки.
- Аэродромы и посадочные площадки.
- Базы, склады и предприятия.
- Изменнические и полицейские формирования.
- Мобилизация и увод населения в Германию. (Очевидно, что это автоматический перенос из рекомендованных вопросов для партизанских отрядов, действовавших на оккупированной немецкими войсками территории СССР. Разведотдел Карельского фронта интересовали сведения о гражданах Советского Союза, угоняемых или уезжающих в Финляндию.)
- Политико-экономическое состояние оккупированных районов.
- Подготовка к химической войне.
- Новые виды вооружения.
- Строительство оборонительных сооружений.
- Строительство дорог и мостов.
- Состояние железнодорожной сети.
- Система охраны коммуникаций противника.
- Действия советской авиации.
- Организация и численный состав частей и соединений противника.
- Планы и намерения противника.

В дополнение к вышеперечисленным вопросам в том же 1943 году начальник разведотдела Центрально-

го штаба партизанского движения Кудрявцев направляет Вершинину более подробный «Перечень вопросов», которые следует устанавливать путем опроса пленных, разведывательных и диверсионных операций. Этот вопросник предназначался как для финских, так и для немецких военнопленных. Впрочем, несмотря на то, что некоторые вопросы должны были задаваться только военнослужащим вермахта, их задавали и пленным финской армии. Таким образом, логично предположить, что и в данном случае имел место автоматический перенос из вопросника для партизанских отрядов, действовавших против немцев, в вопросник для партизан, действовавших против финской армии.

«Перечень вопросов» включал несколько разделов: вопросы об армии и перебросках войск противника; об автобронетанковых войсках; об артиллерийских частях и их вооружении; о химических войсках; о войсках связи; об имеющихся в наличии у финнов и немцев укреплениях на Карельском фронте; о службе тыла и военных объектах; о транспортных коммуникациях.

В соответствии с этим документом финским военнопленным задавались вопросы о наличии резервов, их составе и численности, о перебросках войск по железным и шоссейным дорогам, о местах расположения и названиях военно-учебных заведений, находившихся на оккупированной территории Карело-Финской ССР. Впрочем, данные по этому вопросу получали и от бывших военнопленных Красной Армии, проходивших обучение в разведшколах у финнов и немцев. Нередко эти сведения были более полные, чем полученные от финских пленных.

Не меньший интерес у разведотдела ЦШПД вызывали подробные сведения об автобронетанковых войсках противника на Карельском фронте. В соответствии с этим предполагалось, что финским военнопленным будут задаваться следующие вопросы:

- Наличие бронепоездов, действующих на фронте и на оккупированной территории Карело-Финской ССР, их вооружение и тактическое применение.

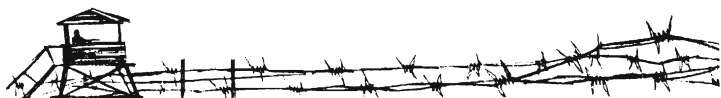

- Передвижение автобронетанковых войск (АБТВ) противника.
- Потери АБТВ противника на Карельском фронте, понесенные им от партизанского движения.
- Организация ремонта танков, бронемашин и автотранспорта в армейских и фронтовых мастерских.
- Где, когда и какие заводы-мастерские производят ремонт автобронетанкового вооружения, какая производственная мощность, метод организации ремонта.

Однако практически во всех имеющихся в моем распоряжении протоколах допросов финских военнопленных данные о танковых частях финнов отсутствуют. Это связано в первую очередь с тем, что ни один военнослужащий финской армии, имевший хотя бы косвенное отношение к автобронетанковым частям, не был захвачен партизанами, и все же некоторым пленным задавались вопросы о ремонтных заводах и мастерских. Недостаток сведений о бронетанковых соединениях финнов восполняли, как и в случае с учебными заведениями, от бежавших из финских и немецких лагерей бывших советских военнопленных. Значительно больше информации разведотдел Штаба партизанского движения Карелии получал при опросах об артиллерийских и зенитных частях финской армии и их вооружении, охране складов, транспортных коммуникациях и их охране и т. п.

В протоколах допросов многих финских военнопленных имеются заявления о хорошем отношении в Финляндии к попавшим в плен красноармейцам, о том, что в финских лагерях условия содержания и обращение с советскими военнопленными лучше, чем в немецких (что подтверждали и некоторые бежавшие из плена красноармейцы). Финские военнопленные рассказывали о приказах по армии, запрещавших негуманное обращение с пленными и предписывавших доставлять всех их, вне зависимости от физического состояния, в тыл финской армии.

Вместе с тем анализ содержания протоколов дает много примеров сознательного искажения выдавав-

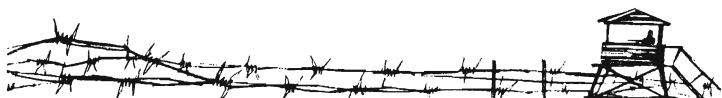

шихся и обрабатывавшихся затем сведений. Так, из протоколов допросов финских военнопленных, из раздела «Обстоятельства пленения» следовало, что в большинстве случаев финны сдавались в плен при первых же выстрелах советского солдата, опасаясь за свою жизнь. В данном случае явно прослеживается стремление допрашивавших продемонстрировать слабость духа финской армии. Это было нужно советским властям для того, чтобы, «опираясь на факты», противопоставить «нежелание рядовых финских военнослужащих воевать за непонятные им цели» самоотверженной стойкости советских воинов и партизан, сознательно сражавшихся до последнего патрона и предпочитавших смерть позору плена.

Финские военнопленные, судя по имеющимся в распоряжении исследователей протоколам допросов, были не совсем искренни. Запуганные своей пропагандой «о зверствах, мстительности большевиков», они, рассчитывая на более снисходительное отношение к себе, подчеркивали, что не успели нанести ущерб Красной Армии.

Разумеется, нельзя полностью доверять свидетельствам людей, находившихся, пусть даже только психологически, в пограничной ситуации между жизнью и смертью, заявлениям, делавшимся под давлением вопрошавших. Многие финские военнопленные, равно как и советские пленные, часто были неискренни и явно подстраивались под вкусы проводивших допросы, стараясь тем самым облегчить свое положение в плену. В свою очередь, после возвращения в Финляндию бывшие пленные показывали на допросах, что их положение в лагерях для военнопленных НКВД СССР было ужасным. То есть давали те сведения, которые от них хотели услышать, и тем самым старались облегчить свою участь.

Как следует из всего вышесказанного, показания военнопленных как вид исторических источников нужно использовать очень осторожно. Однако нельзя отбрасывать полученные даже при таких условиях свидетельства, которые, конечно, нужно перепроверять с помо-

пью других свидетельств, сцеплять с другими, прямыми или косвенными фактами, но игнорировать их нельзя. Только при учете всей совокупности свидетельств и фактов возможно приблизиться к верному описанию хода исторических событий.

Итак, протоколы допросов содержат очень важные сведения по интересующей меня проблеме. Однако многие из этих документов до сих пор находятся под грифом «совершенно секретно» и вследствие этого недоступны исследователям. В первую очередь это касается материалов, хранящихся в архивах Федеральной службы безопасности и Министерства внутренних дел республик и областей Российской Федерации, а также некоторых документов из Российского государственного военного архива (г. Москва) и Центрального архива Министерства обороны РФ (г. Подольск). Надо отметить, что и количество протоколов допросов не соответствует количеству военнопленных финской армии, взятых в плен партизанами и регулярными частями Красной Армии. Однако даже за непродолжительное время работы с ограниченным кругом этих материалов удалось установить судьбу многих финских солдат, считавшихся до этого пропавшими без вести. Впрочем, я убежден, что настоящая работа с протоколами допросов финских военнопленных периода Зимней войны и войны Продолжения еще впереди.

Санитарно-бытовое и продовольственное обеспечение финских военнопленных

Особое значение в жизни военнопленного в лагере имеет санитарно-бытовое и продовольственное обеспечение. От этого зависела жизнь людей в прямом смысле этого слова. Сведения о содержании финских военнопленных в лагерях в Советском Союзе в 1939–1944 годах я черпал из всего многообразия архивных и других источников. Это, в первую очередь, официальная информация советских военных и гражданских властей, ответственных за транспортировку и содержание пленных. Кроме того, в интервью финских плен-

ных в газетах для военнопленных в 1939–1944 годах и протоколах допросов и опросных листах финских пленнх в фильтрационных лагерях в Финляндии содержится много информации по этому вопросу. И наконец, мемуары самих бывших финских военнопленных помогают восполнить некоторые пробелы в данной теме.

Изучение этого массива документов позволило мне воспроизвести довольно подробную картину санитарно-бытовых условий жизни пленнх в лагерях на территории СССР.

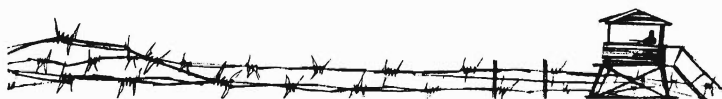
Зимняя война

Финские военнопленные Зимней войны в Советском Союзе содержались, как было отмечено выше, в приемных пунктах и лагерях, практически не готовых к их размещению.

Причем, несмотря на то, что в СССР были приняты нормативные документы по содержанию военнопленнх, созданы специальное Управление в Москве и его региональные органы, которые были призваны обеспечивать на практике нормативный статус военнопленнх, их жизнь в лагерях и пунктах размещения была фактически пущена на самотек и нередко, по воспоминаниям финских пленнх, не соответствовала декларированным нормам.

Условия и режим содержания пленнх на территории приемного пункта были более жесткими, чем в лагерях для военнопленнх, и в связи с тем, что период пребывания там был непродолжительным, имели некоторые отличия. Так, например, свидания, переписка, посылки и передачи находящимся на пункте военнопленнх были запрещены.

Пленные офицеры, государственные чиновники, полицейские, жандармы и члены так называемых «контрреволюционных партий» размещались отдельно от рядового и унтер-офицерского (сержантского) составов. Кроме того, военнопленные женщины размещались отдельно от мужчин.

Распорядок дня на приемных пунктах для финских, впрочем как и для остальных иностранных, военнопленных был следующим:

Подъем	7 ч.
Утренний туалет и уборка помещений	7 ч. 7 ч. 30 мин.
Утренняя поверка	7 ч 30 мин. – 8 ч.
Завтрак	8 ч. 30 мин. – 9 ч. 30 мин.
Работа на территории пункта	9 ч. 30 мин. 16 ч. 30 мин.
Обед	16 ч. 30 мин. 18 ч.
Кульгурно-массовая работа	18 ч. – 21 ч.
Ужин	21 ч. – 22 ч.
Вечерняя поверка	22 ч. – 22 ч. 30 мин.
Отбой	23 ч.

Режим дня устанавливался начальником пункта в зависимости от местных условий, но в целом соответствовал режиму дня в лагерях для военнопленных. Пленным разрешалось играть в шашки, шахматы и в другие неазартные игры, читать газеты и книги. Они имели право свободного передвижения внутри охраняемой зоны от подъема до отбоя. После отбоя любое передвижение военнопленных по территории пункта без разрешения администрации категорически воспрещалось. Для курения отводилось специальное место во дворе, в холодное время – в специально отведенном для этого помещении, снабженном бочкой с водой.

Для поддержания порядка в помещениях и наблюдения за пленными внутри зоны размещения были установлены вахтерские посты. Администрации, сотрудникам и охранникам пункта предписывалось вежливое обращение с пленными, но они должны были пресекать всякую попытку военнопленного установить связь с гражданским населением.

Продовольственное снабжение финских военнопленных на приемных пунктах и в лагерях УПВИ осуществлялось в соответствии с нормами, утвержденными Экономическим советом при СНК СССР 20 сентября 1939 года.

**Нормы продовольственного снабжения
советских заключенных и иностранных
военнопленных в СССР**

Наименование продуктов	Количество в граммах в сутки	Количество в граммах в сутки
	Заключенные ГУЛАГа	Военнопленные
Хлеб из ржаной муки	700	800
Мука пшеничная	10	20
Крупа разная	125	100
Макароны	Нет сведений	10
Картофель и овощи	500	500
Мясо	50	50
Рыба и сельдь	100	75
Масло растительное	15	30
Сахар	25	20
Чай	0,6 г в день	45 г (в месяц)
Соль	20	30
Лавровый лист	0,5	6
Томат-пюре	10	10
Уксус	—	90
Перец	0,5	4
Мыло хозяйственное	Нет сведений	200
Махорка (пачек в месяц)	Нет сведений	5
Сигареты (пачек в месяц)	Нет сведений	5

Простой сравнительный анализ представленных в таблице норм продовольственного обеспечения военнопленных и советских заключенных в лагерях УПВИ НКВД СССР и ГУЛАГа НКВД СССР свидетельствует о том, что снабжение пленных во время Зимней войны в некоторых случаях было лучше, чем граждан СССР, находя-

щихся в заключении. Очевидно, что такие нормы питания, не сопряженные с тяжелой работой, как это было у узников ГУЛАГа, позволяли поддерживать здоровье и жизнедеятельность финских пленных на приемлемом уровне. То есть фактически руководство советского государства с большей жестокостью относилось к своим гражданам, чем к военнопленным противника, с которым Советский Союз находился в состоянии войны. Им уделялось больше внимания и заботы, чем соотечественникам.

Конечно, по прошествии более чем шестидесяти лет достаточно сложно судить, насколько точно соблюдались установленные нормы выдачи продовольствия финским военнопленным. К сожалению, мы не располагаем полным комплексом соответствующих документов. Однако вполне очевидно, что продовольственное обеспечение пленных военнослужащих финской армии, содержащихся во время Зимней войны на приемных пунктах, в госпиталях и в лагерях УПВ НКВД СССР, было на порядок лучше, чем во время войны Продолжения. В период советско-финляндской кампании 1939–1940 годов не зафиксировано ни одного случая смерти финских военнопленных от голода или болезней, вызванных нехваткой продуктов питания.

Мнения возвратившихся из советского плена после Зимней войны военнослужащих финской армии по вопросу о продовольственном обеспечении в лагерях разделились. Однако все они сходились в главном: питание было непривычно для финских военнопленных и не отличалось разнообразием.

В Национальном архиве Финляндии (Kansallisarkisto) мной был обнаружен отчет, составленный на основании допросов финских военнопленных об их пребывании в лагерях на территории Советского Союза во время Зимней войны. В нем имеется информация о продовольственном снабжении финских пленных в Сестрорецком, Петрозаводском и Грязовецком лагерях для военнопленных.

Проводившие допросы финские военные дознаватели обратили внимание на некоторые несоответствия в

высказываниях бывших пленных. Так, одни финские военнопленные говорили, что в Сестрорецком лагере их кормили два раза в день, другие опровергали их и утверждали, что питание было трехразовым. В результате всесторонней проверки этих данных следователи установили, что пищу в этом лагере давали три раза в день.

Основываясь на имеющихся в нашем распоряжении материалах, хранящихся в Российском государственном военном архиве г. Москвы, и сравнивая их с финскими данными, полученными при допросах, я пришел к выводу, что расхождение в показаниях вызвано следующими обстоятельствами. Во-первых, удивительно, что некоторые финские военнопленные не считали за еду на Сестрорецком приемном пункте утренний чай и пайку хлеба. Ведь, судя по некоторым данным, продовольственное снабжение финской армии, по крайней мере на заключительном этапе войны, было плохое. В качестве примера приведу выдержку из протокола допроса финского военнопленного, захваченного в марте 1940 года, который указал, что в его части: «в 7 часов выдают чай, сахар и галеты; в 10 часов – овсяную кашу без масла; в 5 часов – овсяная каша, картошка и немного молока». То есть, даже делая скидку на место получения подобных данных, можно отметить, что как до пленения, так и после него финский солдат получал на завтрак тот же хлеб с чаем.

Во-вторых, в Сестрорецке располагался приемный пункт, а не стационарный лагерь. В соответствии с «Временной инструкцией о работе пунктов по приему военнопленных» выдача горячей пищи на них производилась два раза в день, кипяток же выдавался по потребности. В-третьих, даже в лагерях для военнопленных во время Зимней войны трехразовое горячее питание не выдавали.

На основании имеющихся в нашем распоряжении документов возможно восстановить распорядок приема пищи и рацион питания в лагерях и приемных пунктах для финских военнопленных. Так, в Сестрорецке он был установлен следующий:

Завтрак	8.00 – хлеб 0,5 кг, чай, сахар
Обед	12.00 – суп (из рыбы или макарон), каша (овсяная или из кукурузы)
Ужин	19.00 – та же пища, что и на обед.

В Грязовецком лагере кроме утреннего чая с сахаром и порции хлеба также было двухразовое горячее питание – на обед суп и каша, на ужин – суп. По свидетельству финских военнопленных, им давали «воду, горох и пшенную кашу, и так изо дня в день»¹¹⁸

Питание в свердловском эвакогоспитале № 1170, по заявлениям бывших там пленных, было плохое: дневная порция состояла из гнилой капусты, гречневой каши, в которую добавляли немного растительного масла, похожего на вазелин маргарина и маленького кусочка сахара.

Значительно лучше, по свидетельству самих финских военнопленных, ситуация с питанием обстояла на Петрозаводском приемном пункте. Там вместе с утренним чаем пленные получали два куса белого хлеба. На завтрак – пшенную или гречневую кашу, хлеб с маслом, чай, кофе или какао. На обед обычно давали щи, рассольник или гороховый суп. Супы варили из капусты, консервированного мяса, крупы, макарон, рыбы, лука, огурцов. На второе давали кашу и мясные тефтели, иногда компот из сухофруктов. На ужин – кашу, чай, иногда с белым, иногда с черным хлебом. Однако тут же военнопленные немного корректировали свои показания и добавляли, что продукты были плохими, мясо и капуста гнилыми и т. п., то есть, по всей вероятности, давали те сведения, которые от них хотели услышать.

Из приведенного выше текста становится видно, что некоторые продукты питания, которые давали финским пленным, не входили в список, утвержденный Экономсоветом при СНК СССР в 1939 году, а питание было даже не трех-, а четырехразовым. В связи с этим кажутся довольно странными утверждения практически всех пленных, заявлявших, что питание в лагерях для военнопленных было очень плохое.

Анализируя имеющиеся в нашем распоряжении документы, как я уже не раз отмечал, всегда стоит учиты-

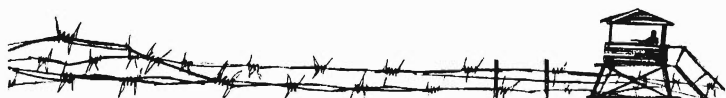

вать, при каких обстоятельствах была получена интересующая нас информация. Сравнивая протоколы допросов финских военнопленных в Финляндии и в Советском Союзе, исследователи находят много противоречий в высказываниях об условиях содержания в лагерях. Это, естественно, касается и вопросов, связанных с питанием в лагерях и приемных пунктах для финских военнопленных.

После окончания боевых действий питание финских военнопленных несколько улучшилось, но не перестало быть однообразным. В целом, на основании имеющихся в распоряжении историков финских и советских документов, я считаю возможным сделать следующие выводы: санитарно-бытовые условия в лагерях во время Зимней войны не всегда соответствовали нормам, разработанным для военнопленных. Продовольственное же снабжение позволяло поддерживать нормальное существование военнослужащих финской армии в условиях плена.

Теперь обратимся к продовольственному обеспечению советских военнопленных в Финляндии во время Зимней войны.

В соответствии с Женевской конвенцией 1929 года (ст. 11–12) ответственность за продовольственное снабжение военнопленных возлагалась на захватившую их сторону. И в Советском Союзе, и в Финляндии норма питания в большинстве случаев не зависела от работы пленного, как это было во время войны 1941–1944 годов. Впрочем, удивительного в этом нет, ведь труд военнопленных широкого распространения во время зимней кампании не получил. Как утверждает финская сторона, военнопленные получали $\frac{2}{3}$ пайка финского солдата (в тюрьмах – $\frac{2}{3}$ пайка финского заключенного). В большинстве случаев паек получали продуктами. В лагерях готовили повара из числа военнопленных. Так же, как и в СССР, продовольственное снабжение в стационарных лагерях для пленных было лучше, чем на сборных пунктах или в приемно-пересыльных лагерях. Данное обстоятельство связано с тем, что на последних пленные находились недолго, следовательно

но, финская сторона старалась сократить расходы по их пребыванию там. Поэтому продукты преимущественно выдавались сухим пайком. В лагерях же ситуация была другая. Питание было лучше и, что немало важно, – трехразовое. Впрочем, и военнопленные проводили здесь гораздо больше времени, ожидая окончания войны.

В лагерный рацион, по утверждениям финской стороны, входили картошка, хлеб (чаще – галеты), крупа, иногда (в зависимости от лагеря) – фруктовые консервы, мясо (в основном конина), масло, жир, мука, сахар, табак. Очевидно, что такой рацион при отсутствии тяжелой физической работы, как это было во время войны Продолжения, позволял поддерживать здоровье и жизнедеятельность советских пленных на достаточно приемлемом уровне.

Однако же у вернувшихся в СССР бойцов и командиров РККА было другое видение этой проблемы. На допросах они рассказывали военным дознавателям, что их морили голодом. Так, в донесении политрука Филимонова, составленном в апреле 1940 года по результатам опросов вернувшихся из плена красноармейцев, отмечалось:

«Политрук тов. Азима, Марк Алексеевич 305сп рассказ: кормили нас отвратительно скверно: утром давали суп, сваренный из отрубной муки, вне всяких жиров и соли. Хлеба давали утром 150 г., на обед давали хлеба 100 г, маргарину давали – кто работал 20 грамм, кто не работал тому 15 грамм. Ужин сельдей 3 штуки маленьких, суп с нечищенной картофелью и кониным мясом. Чаю и кипятку никогда не было». Правда, политрук Азима содержался в тюрьме, а там кормили значительно хуже, и обращение с военнопленным комсоставом было жесточе. Он даже рассказывал, что его «били жандармы, когда он находился в тюрьме. Много раз водили на допросы, все время угрожали расстрелом».

Другие красноармейцы давали приблизительно такие же показания. На завтрак давали кипяток без сахара и две маленькие галеты, изредка 10 граммов маргарина. На обед – суп (мука, разведенная в воде) и на второе

иногда давали гнилые сельди, галеты вместо хлеба. Ужин состоял из супа из брюквы и тухлой конины, в которой попадались осколки снарядов и пули.

«Питание было из гнилой конины, баланды и лепешки с засохшими волосами. Кормили так, чтобы только не помереть с голоду. Кормили гнилыми сельдями, а воды не давали, мерзлой картошкой, болтухой».

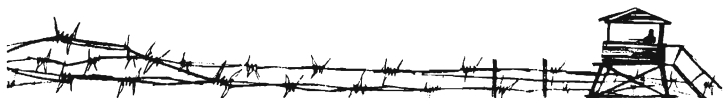
Впрочем, почти все бывшие военнопленные отмечали, что в лагерях у них было трехразовое питание: «Кормили 3 раза в день. Утром – 200 г черного, черствого хлеба, 500 г похлебки (вода с мукой). Обед – 100 г черного хлеба, небольшая кружка разбавленного водой молока, по субботам выдавали 500 г жидкой перловой каши».

И хотя эта информация встречается практически во всех показаниях вернувшихся из плена красноармейцев, относиться к ней стоит довольно осторожно, учитывая, при каких обстоятельствах она получена.

Война Продолжение

С началом Великой Отечественной войны и ее составляющей части – советско-финляндской войны 1941–1944 годов, ситуация с санитарно-бытовым обслуживанием и продовольственным снабжением военнопленных коренным образом изменилась.

Несмотря на то что Советский Союз уже имел опыт содержания военнопленных на своей территории, но, как и во время Зимней войны, органы УПВИ НКВД СССР оказались практически не готовы к приему даже незначительного количества пленных. Уже в августе 1941 года Л. Берия подписал приказ № 0371 «О состоянии лагерей военнопленных», в котором отмечалось неудовлетворительное состояние дел в Темниковском лагере. В результате проверки были обнаружены грубые нарушения в охране, размещении и дисциплине. В соответствии с этим приказом Темниковский и Вологодский лагеря были расформированы, а контингент пленных был разделен на две категории: офицерский и унтер-офицерский состав направлялись в Елабужский лагерь НКВД (Татарская АССР), а рядовой состав размещали в Кара-

гандинском трудовом лагере. Всех поступавших плен-ных второй категории предписывалось направлять именно туда.

Аналогичные проверки были проведены и в других лагерях. Но, несмотря на приказ Л. Берии, спустя полго-да после начала войны состояние дисциплины в неко-торых местах постоянного и временного размещения военнопленных продолжало оставаться неблагополуч-ным. Так, например, после посещения лагеря для фин-ских пленных в местечке Сухое¹¹⁹ (Карело-Финская ССР), 12 января 1942 года, заведующий сектором кадров НКВД оборонной организации ЦК КП (б) КФССР Сафо-нов докладывал секретарю ЦК КП (б) КФССР Варламо-ву следующее:

«Сов. секретно.

Секретарю ЦК КП (б) КФССР

Тов. ВАРЛАМОВУ

Выезжая в лагерь военнопленных (финские), который находится в местечке «Сухое» при проверке оказалось:

1. Военнопленные размещены в центре села в двух домах. Охраны по существу никакой нет. В ночное вре-мя в домах выделяется дежурный из самих военноплен-ных, который и несет охрану.

Выделенный курсант из спецшколы ЦК КП (б) тов. Волков для охраны и дополнительно посланный тов. Вийри после моей поездки по существу никакой роли в охране не играют. Сами они в ночное время спят вме-сте с военнопленными.

15-го декабря 1941 г. в 1 час дня, когда я приехал, на месте т. Волкова не было, уходил в село. Оружие – вин-товка, патроны, гранаты – оставлено на временное хра-нение военнопленным.

2. Вновь назначенный политруком лагеря тов. Пет-ров (секретарь Ругозерского райкома КП (б) взамен снятого тов. Певгонен, уже приступил к работе).

3. Военнопленные занимаются:

а) изготовлением финских ножей, починкой обуви, рыбной ловлей;

б) все сейчас изучают русский язык. Преподавателем выделен курсант спецшколы тов. Артуков. Кроме того,

закончили изучение Конституции СССР и сейчас начали изучать историю ВКП (б), закончили 1-ю главу. Одновременно надо сказать, что проверка показала, что военнопленные не знают государственного устройства СССР, а также и биографии наших вождей т.т. Ленина, Сталина.

4. Питание военнопленных производится наравне с нашими курсантами спецшколы – норма одна и та же.

Весь командный состав, прикомандированный из спецшколы питается из одного котла с военнопленными.

5. Распорядок дня в лагере следующий:

- а) подъем 6 часов утра,
- б) туалет с 6 часов до 6–30,
- в) утренний чай с 6–30 до 7–30,
- г) прогулка с 7–30 до 8–30,
- д) завтрак с 8–30 до 9–30,
- е) подготовка к занятиям с 9–30 до 10–00,
- ж) занятия с 10–00 до 14–00,
- з) самостоятельная работа в классе с 14–00 до 17–00,
- и) обед с 17–00 до 18–00,
- к) отдых с 18–00 до 19–00,
- л) вечерний чай с 19–00 до 20–00,
- м) самостоятельность с 20–00 до 23–00,
- н) отбой в 23 часа.

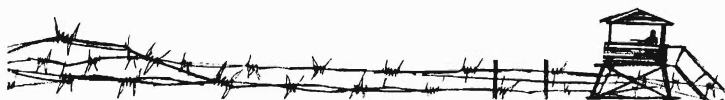
Примечание: При таком распорядке дня и питания по заявлению политрука тов. Петрова, военнопленные чувствуют себя хорошо и крепко прибавляют в весе.

6. В данное время пришлось выделить из спецшколы лошадь с возчиком (курсантом) для подвозки дров и продуктов.

7 В связи с открытием мастерской приходится руководству спецшколы много времени тратить на доставку кожи, металла для ножей, материала для пошивки пьекс и ремонта сапог, спецодежды и прочих материалов, как-то: бумагу, тетради, учебники по русскому языку, учебники по истории ВКП (б), и другой литературы.

8. До последнего времени никакой дисциплины по существу не было, военнопленных можно одних было видеть в клубе и других местах без охраны.

9. Общее назначение этого лагеря неясно. Отсюда нельзя составить программу и план работы.

Должно быть ясно, кого мы готовим и для какой работы. А сейчас никто ничего не знает и никто за лагерь не отвечает, и лагерь превратился в своеобразный дом отдыха.

Выводы:

Несмотря на соответствующий отбор в этот лагерь, все же надо установить специальную охрану в количестве отделения бойцов, только за счет спецшколы нельзя, иначе будут срывы учебы этих курсантов. И сейчас нашу охрану нужно отделить от военнопленных.

1. В связи с тем, что произведенная проверка показала незнание военнопленными государственного устройства СССР и биографии наших вождей, поэтому считаю, что историю ВКП (б) сейчас изучать рано, а надо составить специальную тематику включая в нее в первую очередь изучение государственного устройства СССР, биографии наших вождей Ленина и Сталина, устройство нашей партии и вопросы текущей политики и после этого начать преподавание истории ВКП (б).

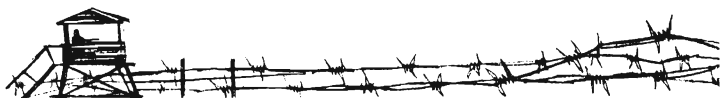
2. По производительности работ надо составить спецплан и нормы выработки продукции, тем самым научить их плановой работе. Перед этим прочитать лекции как строится наше народное хозяйство и какую роль играет план. На производстве развивать социалистическое соревнование.

3. Всех наших курсантов спецшколы, прикомандированных к лагерю, выделить в питание, чтобы они питались отдельно от военнопленных.

4. Распорядок дня в лагере надо изменить, а то получается, что военнопленные до 10 час/ов/ утра занимаются прогулкой и кушаньем и после приступают к занятиям и те делятся всего 7 час/ов/ в день, включая самостоятельную работу в классе – 3 часа.

5. Установить точно, кто должен нести ответственность за лагерь в области охраны, воспитания и другой работы.

Завсектором кадров НКВД
оборонной организации ЦК КП (б)
Карело-Финской ССР /САФОНОВ/
12/1-42 г»¹²⁰

Подобное либеральное отношение к даже «проведенным» финским военнопленным и отсутствие порядка в лагере не устраивало УПВИ, так как на документе имеется резолюция: «Куприянов. Прошу Ваших указаний со своей стороны считаю, что надо передать их органам НКВД поручив последним вести все обслуживание»¹²¹

Потеря значительной части территории СССР в 1941 году, и в первую очередь регионов, снабжавших страну продуктами питания, привела к снижению норм продовольствия как среди гражданского населения СССР, так и среди военнопленных. Уже 6 августа 1941 года были введены новые нормы продовольственного снабжения военнопленных и интернированных¹²² По сравнению с нормами, действовавшими для финских военнопленных во время Зимней войны, помимо сокращения количества хлеба, выдаваемого пленным, с 800 до 400 г в сутки, сокращалась выдача растительного масла с 30 до 20 г, мясо из рациона исчезает совсем, правда, при этом увеличивается выдача рыбы с 75 до 100 г в сутки. Однако были введены дифференцированные нормы продовольственного снабжения военнопленных в зависимости от их физического состояния:

- 1) нормы питания для пленных, находящихся в лечебных заведениях лагерей и приемных пунктов НКВД;
- 2) нормы довольствия находящихся в оздоровительных командах в лагерях НКВД;
- 3) нормы довольствия этапировавшихся военнопленных и интернированных. Это позволяло сохранить жизнь ослабленных военнопленных.

На начальном этапе войны Продолжения, когда военнопленных было еще чрезвычайно мало, нормы их снабжения не очень сильно отличались от продовольственного снабжения военнослужащих тыловых частей РККА. Хотя уже наметились тенденции в сокращении продовольственных пайков.

Нормы суточного довольствия красноармейцев и начальствующего состава в военное время и военнопленных в лагерях и приемных пунктах

Наименование продуктов	Боевые части Красной Армии	Тыловые части Красной Армии	Приемные пункты НКВД	Лагеря НКВД
Хлеб из ржаной муки	850 г	750 г	400 г	800 г
Мука пшеничная (85%)	20	10	20	10
Крупа разная	140	120	100	100
Макароны	30	20	—	10
Соевая мука	15	—	—	—
Мясо	150	120	—	50
Рыба	100	80	100	75
Комбижир и сало	30	25		
Масло растительное	20	20	20	30
Сахар	35	25	20	20
Чай	1	1	0,7	1,5
Соль	30	30	30	30
Картофель/или овощи	820	820	500	500
Лавровый лист	0,2	0,2	—	0,2
Томат-паста	6	6	10	10
Уксус	2	2	0,7	0,3
Горчичный порошок	0,3	0,3	—	—
Перец			0,1	3
Мыло туалетное			3,3	6,7
Махорка (пачек в месяц)			—	5
Спички				5

Сравнительный анализ цифр, приведенных в таблице, позволяет утверждать, что эти нормы питания хотя и отличались от норм питания 1939 года, но все же еще позволяли поддерживать физическое состояние пленных на более или менее сносном уровне. Общая калорийность пайка иностранного военнопленного составляла 2617 килокалорий в день.

Однако на приемных пунктах было более низкое продовольственное обеспечение военнопленных. Это объяснялось тем, что они не привлекались в это время к выполнению каких-либо работ, то есть в меньшей степени расходовали свои «энергоресурсы». К тому же в приемных пунктах пленные находились непродолжительное время.

Неудачи Красной Армии весной – летом 1942 года на южном направлении советско-германского фронта и усилившиеся продовольственные проблемы в стране привели к значительному сокращению снабжения пленными продуктами питания. 25 августа 1942 года НКВД принял решение № 353 об отмене дифференцированных норм питания для военнопленных. Отныне все категории пленных, вне зависимости от их здоровья, снабжались по единой системе. Если в 1939 году пленные получали 800 г хлеба и в их рационе было мясо, то теперь военнопленным выдавали 400 г хлеба в сутки, а мяса не было совсем. Такое же положение сложилось и с выдачей табака – он был заменен на махорку и выдавался лишь работающим пленным. Незначительные послабления были сделаны лишь для больных и работающих, последним выдавали на 100 г хлеба больше.

Были введены нормы замены отсутствующих продуктов на другие. Так, 100 г хлеба могли быть заменены 60 г сухарей или галет, картофель – различными крупами и т. п. Такой рацион в совокупности с работой сильно повлиял на физическое состояние военнопленных. Участились случаи смерти пленных от дистрофии и авитаминоза. 6 ноября 1942 года заведующий отделом физиологии Центрального института питания Наркомздрава СССР профессор Молчанова дала заключение о рационе питания военнопленных и его влиянии на физическое состояние работавших: «Такая калорийность (1945 кал.) может покрыть траты человека, находящегося в полном покое... В настоящее время уже имеется достаточное количество клинических наблюдений, показывающих, что при длительном питании рационом с низким калоражем возникает заболевание, получившее название алиментарной дистрофии... Предлагаемый

набор продуктов беден не только углеводами и жирами, но и витамином А, что может привести к поражению слизистых дыхательных путей и к развитию куриной слепоты... При тяжелой физической работе расстройство наступает значительно быстрее, и часто бывает невозможно уловить те границы, при переходе через которые процесс становится необратимым. Как минимум, калорийность при тяжелой физической работе все же следует считать 3000 калорий, при легкой – 2400 и при так называемом комнатном покое – 2000 калорий»¹²³

Для примера рассмотрим ситуации, сложившиеся со здоровьем военнопленных в 1942 году в Унжлага и Монетно-Лосиновском лагере НКВД СССР. В обоих этих лагерях наряду с другими военнопленными содержались и финны.

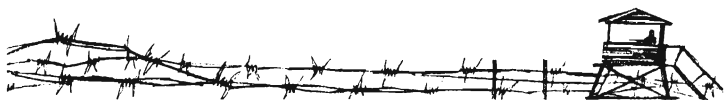
О плачевном состоянии военнопленных свидетельствуют данные, о которых сообщали заместитель начальника управления Унжлага – лагеря военнопленных, располагавшегося в 1942 году на территории Горьковской (ныне Нижегородской) области, лейтенант госбезопасности Кабанов и заместитель начальника санитарного отдела Широков в «Докладной записке начальнику Управления УНЖЛАГА НКВД СССР капитану госбезопасности тов. Автономову». В частности, они писали, что из 1294 военнопленных, находившихся в лагере, 42,3% были тяжело больны. С 30 апреля по 10 мая 1942 года количество стационарных больных возросло в полтора раза. Несмотря на это, на больных стационара экономии. В апреле, отмечается в документе, *по норме* причиталось выдать питания на 55 116 руб. 48 коп., но фактически выдано было 51 705 руб. 14 коп. 123 больным причиталось выдать по 70 г мяса – 86,1 кг. 423 пеллагрикам по 173 г – 731,8 кг. «Требовалось 817,9 кг. Выдано 345,0 кг. Недод. 463,9 кг».

Кабанов и Широков сообщали также, что в 24-м лагерном пункте на 14 апреля 1942 года имелись 152 человека больных, в том числе с авитаминозом – 95, цингой – 2, 51 – хирургических. Но при такой неблагоприятной ситуации, писали Кабанов и Широков, «в лагере-

ном пункте имеется nepозволительная экономия на питании: с 1 апреля по 15 мая полагалось выдать продуктов на 44 376 руб. Фактически выдано на 36 930 руб. Лагерный пункт имеет весьма ограниченный ассортимент продуктов»¹²⁴ То есть в стационаре расходы на питание больных были снижены на 6,1%, а в целом по лагерю – на 16,7%. Неудивительно, что в Унжлага была большая смертность военнопленных, на чем я более подробно остановлюсь в следующих разделах данной работы.

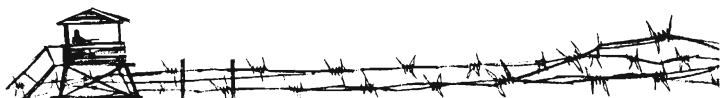
Не менее драматично складывалась ситуация в Монетно-Лосиновском лагере № 84. Он был образован в соответствии с приказом УПВИ НКВД 8 мая 1942 года. Первые партии пленных стали поступать сюда из Оранского, Темниковского, Актюбинского и Унженского лагерей уже в конце мая 1942 года. Месторасположение лагеря в санитарно-бытовом плане было выбрано неудачно – он дислоцировался на двух островах (Лосиновском и Еловом) среди торфяных болот. Военнопленные размещались в деревянных, плохо отапливаемых бараках, в которых были установлены сплошные двухъярусные нары на 200–250 человек. Матрасов и одеял в лагере не хватало, и большинство пленных спали на голых досках. Практически полное отсутствие дезокамер, дезинфицирующих средств и бань резко осложняло санитарно-гигиеническое положение в лагере. Кроме того, отсутствие свежих овощей, зелени, картофеля, свежего мяса и витаминов привело к массовой заболеваемости контингента лагеря цингой и пеллагрой. Ситуация осложнялась нехваткой медикаментов в лазарете. Совокупность данных факторов привела к резкому увеличению смертности военнопленных. За семь месяцев существования этого лагеря в нем умерли 2278 человек, из них 1902 от дистрофии. По данным российской Ассоциации «Военные мемориалы», организации, занимающейся в числе прочего и установлением данных об умерших на территории СССР иностранных военнопленных, с июля по ноябрь 1942 года в Монетно-Лосиновском лагере умерли 53 финских военнопленных.

Обеспокоенный таким положением дел, заместитель наркома внутренних дел Серов направил в лагерь специальную комиссию для расследования причин высокой заболеваемости и смертности военнопленных. В результате проведенной проверки было установлено, что сложившаяся ситуация вызвана плохой организацией и заниженными нормами продовольственного обеспечения, а также неполноценным и недостаточным отдыхом военнопленных. Кроме того, в отчете отмечалось плохое хозяйственно-бытовое обслуживание контингента лагеря. Были намечены мероприятия по исправлению сложившейся обстановки в Монетно-Лосиновском лагере. Руководству лагеря предписывалось в кратчайшие сроки наладить полноценное и своевременное питание военнопленных, в том числе и по нормам, предусмотренным для больных пеллагрой; провести подготовку лагеря к зиме, утеплив и отремонтировав здания; обеспечить полноценный отдых пленных, снабдив всех матрасами или матами; проводить профилактические мероприятия, обеспечив всех военнопленных кипяченой водой и противочинготным хвойным настоем; навести порядок в медицинском секторе, приведя в порядок все лечебные и оздоровительные учреждения, снабдив их посудой, медикаментами и инвентарем; и, наконец, обеспечить госпитализацию всех нуждающихся в стационарном лечении.

Таким образом, несмотря на то, что с начала войны Продолжения прошел уже почти год, санитарно-бытовые условия и продовольственное обеспечение военнопленных в местах их размещения не отвечали требованиям нормальной жизни. Более того, некоторые пленные были переведены из плохих условий Унжлага в еще более худшие Монетно-Лосиновского лагеря.

Ухудшение физического состояния пленных и как результат этого – снижение трудоспособности в какой-то степени вынудило государство уделять больше внимания продовольственному снабжению военнопленных. В связи с этим вновь были введены дифференцированные нормы питания пленных, зависящие от климатических условий, характера выполняемых работ и

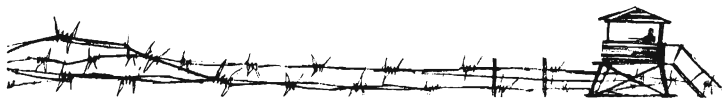

норм выработки. 16 марта 1943 года НКВД установил шесть норм питания для различных категорий военнопленных – для рядового и младшего командного состава; для офицерского состава; для содержащихся на гауптвахте; большичный паек; дополнительный противогинготный паек; противопеллагрозный паек. Также увеличивались нормы выдачи хлеба. Теперь они зависели от выполнения норм выработки и колебались от 400 г (для невыполнявших) до 900 г (для перевыполнявших нормы на 150% и выше). Самый маленький паек был у содержащихся на гауптвахте военнопленных – 300 г.

Вместе с тем УПВИ НКВД стало связывать улучшение продовольственного снабжения с решением *пропагандистских задач и идеологической обработкой военнопленных*. В частности, офицеры и курсанты, которые записывались в антифашистские школы и обучались в них в просоветском духе, получали 700 г хлеба. Кроме того, добровольно сдавшимся в плен солдатам и офицерам выдавали на 100 г хлеба больше. Правда, последнее касалось только сборных пунктов, фронтовых лагерей и лагерей-распределителей. В производственных же лагерях паек военнопленных зависел от норм выработки.

В апреле 1943 года, всего через месяц после предыдущего, произошло очередное увеличение норм продовольственного снабжения военнопленных. Теперь УПВИ НКВД СССР гарантировало всем пленным, вне зависимости от норм выработки, 600 г хлеба в сутки. В июле 1943 года был увеличен дополнительный паек больным и находящимся в оздоровительных командах военнопленным. В соответствии с директивой № 314 НКВД СССР в рацион включили масло (25 г), мясо (40 г), сахар (25 г), сгущенное молоко (30 г) и другие продукты.

Тем не менее ситуация со здоровьем контингента лагерей, несмотря на указанные выше меры, почти не улучшалась из-за сбоев в механизме доставки пищевых продуктов в лагеря и их дальнейшей переработки в лагерных пищеблоках для подачи на обеденные столы. Пленные не получали в полной мере отпускавшиеся на

них продукты и по количеству, и по наименованиям, несмотря на то, что эти параметры были утверждены высокими государственными инстанциями в соответствии с принятыми в военное время нормами питания. В связи с этим 28 января 1944 года НКВД СССР издал циркуляр № 30 «О борьбе с хищениями в лагерях военнопленных». В нем, в частности, отмечалось, что недостатки продовольствия и вещевого имущества «в лагерях стали общими и массовыми». Впрочем, кражи продуктов питания и вещей ради сохранения жизни в условиях лагеря были распространенным явлением и среди военнопленных. Так, например, в личном деле рядового Е/II/JR34 Линдмана Павла-Михаэля (Lindman Paavo Mikael, 12.02.1918–3.11.1942) имеются: приказ об аресте из лагеря №74 в Оранках за кражу муки от 2 марта 1942 года; рапорт о краже из лагеря № 74; приказ из Красногорского лагеря от 27 сентября 1942 года о взыскании на военнопленного «за порчу одеял», из которых он сделал себе кашне.

Вологодские историки В. Конасов и А. Кузьминых приводят в своей книге выдержку из письма немецкого летчика Эриха Хартманна, сбившего во время войны 352 советских самолета: «...Полковники воровали, превращались в предателей, сдавали своих товарищей, становились информаторами НКВД». Австрийский исследователь С. Карнер в своей работе отмечает, что голод приводил к резкому смещению всех ценностей: за кусок хлеба пленный был готов пожертвовать всем¹²⁵

Я считаю, что выпуск специального циркуляра Наркомата внутренних дел свидетельствует о том, что воровство в лагерях приняло угрожающие размеры и наносило значительный вред здоровью военнопленных. Конечно, на циркуляр нужно было реагировать, и поэтому были проведены служебные расследования. По их результатам несколько человек из лагерной администрации за хищения были привлечены к уголовной ответственности. В результате проведенных расследований было установлено, что «в хищениях и злоупотреблениях участвуют лица, непосредственно отвечающие за сохранность и сбережение государственного имуще-

ства: зав. складами, хлебопекарнями, а также некоторые работники из аппарата лагерей»... Так, например, в Рябовском лагере № 75, где содержались финские военнопленные, систематически расхищалось обмундирование, предназначенное для пленных. Это было связано с тем, что по распоряжению заместителя начальника лагеря Хазина «обмундирование было свалено в кучу у склада и в течение 1,5 месяцев никем не охранялось»; в Темниковском лагере № 58 к уголовной ответственности привлечена группа расхитителей, возглавляемая зам. начальника лагеря Голиковым и заведующим складом Фоминым.

В июне 1944 года начальник УПВИ генерал-майор И. А. Петров¹²⁶ и замнаркома внутренних дел В. В. Чернышов отправили Л. Берии докладную записку «О существующих нормах питания и физическом состоянии военнопленных», в которой отмечали, что калорийность рациона пленных, установленная в 1942 году, не обеспечивала работоспособности военнопленных и вела к истощению и заболеваниям. Увеличение продовольственного пайка на 25% в апреле 1943 года позволило снизить смертность пленных, но не решило вопроса трудоспособности контингента лагерей. Особенно тяжелая обстановка со здоровьем военнопленных сложилась в Тагильском, Асбестовском и ряде других лагерей. В феврале 1944 года до 47% пленных находились в оздоровительных командах или были больны.

Поскольку почти у половины военнопленных были проблемы со здоровьем, сложившееся положение не устраивало НКВД, перед которым ставилась задача более широкого применения труда пленных. СССР был заинтересован в повышении производительности их труда и увеличении числа способных работать, так как нужно было восстанавливать огромное количество разрушенных войной промышленных объектов и две трети жилья. В связи с этим было принято очередное решение об увеличении продовольственного пайка на 25%.

Очередное повышение норм котлового довольствия военнопленных произошло 18 октября 1944 года (приказ НКВД СССР № 001 282 «Об изменении норм

продовольственного снабжения военнопленных»). Для занятых на тяжелых работах увеличивался хлебный паек от 650 г и выше в соответствии с нормами выработки. В рацион включались мясо, рыба, различные крупы и т. д.

Итак, по данным архивов Российской Федерации, в которых имеются многочисленные конкретные сведения о нормах питания военнопленных финской армии периода войны Продолжения, в суточный рацион контингента лагерей должны были входить: ржаной хлеб (около 400 г), мука и крупы (около 100 г в сутки), рыба (преимущественно сельдь – около 100 г), растительное масло и жир, сахар, картофель и овощи (около 500 г в сутки), соль, уксус, перец, лавровый лист и чай. Однако этот среднестатистический рацион питания финских военнопленных на практике не соответствовал реальности. Фактически неизменной была лишь пайка хлеба, остальные продукты отпускались либо по заниженным нормам, либо их не было совсем. Более того, часто практиковалась «равноценная» замена отсутствующих продуктов. Например, 100 г рыбы могли заменяться на 65 г мясных консервов или различными крупами, свежий картофель и овощи – сушеным картофелем и соевыми или квашеными овощами и капустой, хлеб – сухарями или галетами и т. п.¹²⁷ Естественно, что такое питание уже не могло способствовать поддержанию военнопленных в хорошем или даже удовлетворительном физическом состоянии.

В связи с этим руководство лагерей было вынуждено организовывать подсобные хозяйства. Например, в Спасозаводском лагере № 99 уже в 1942 году сначала при оздоровительном лагерьном отделении № 1, а затем и в других лаготделениях, с целью развития животноводства, создания кормовой базы и частичного обеспечения военнопленных мясом, овощами и молоком, было организовано подсобное хозяйство. Исследователь Л. Носырева отмечает, что в 1942 году лагерем было приобретено 6 коров, 50 овец и 4 свиньи. Карлаг предоставил в распоряжение Спасозаводского лагеря 48 га земли. В результате этих мероприятий оздоровительное

отделение полностью обеспечивало себя овощами и картофелем, а также получало от подсобного хозяйства свежее молоко, мясо и масло. Однако, несмотря на создание подсобного хозяйства, заболеваемость и смертность в лагере была очень высокой. К концу 1942 года в нем умерли 1901 человек, в том числе 1556 от дистрофии. В соответствии со списком бывшего военнопленного, члена Ассоциации Sotavangit r.y. прапорщика Олави Маргикайнена, составленным в 1990 году, за означенный период в лагере № 99 скончались 142 финских военнопленных.

Подсобные хозяйства были организованы практически во всех лагерях, где содержались финские пленные в период войны Продолжения. В Череповецком лагере НКВД № 158 для пополнения рациона контингента была создана рыболовецкая артель, в которой, например, работали финские военнопленные Колехмайнен, Мяннистё, Рейникайнен, Липпонен и некоторые другие.

Распорядок дня в Череповецком лагере, как, впрочем, и в остальных лагерях, зависел от времени года. Например, в весенне-летний период он был следующим:

Подъем – 5.00.

Физзарядка – 5.10.

Утренний туалет – 5.25.

Утренний осмотр и поверка – 5.35.

Завтрак – 5.50.

Построение к разводу – 6.20.

Развод на работу – 6.30.

Обед – 13.00.

Конец рабочего дня – 18.00.

Прием с работы – 18.30.

Вечерняя поверка – 19.00.

Ужин 19.15.

Текущий ремонт обмундирования – 19.45.

Личное время военнопленных – 20.00.

Подготовка ко сну – 20.50.

Отбой – 21.00.

В зимнее время года подъем и отбой, как правило, были на час позже. Однако в ноябре 1942 года началь-

ник лагеря №158 капитан госбезопасности Королев решился на экстраординарный поступок: в нарушение инструкций УПВИ он разрешил производить подъем пленных не в шесть часов утра, а в семь; отбой не в 22-00, а в 21-00¹²⁸ Подобный шаг был вызван плохим общим самочувствием военнопленных. Тем самым Королев предвосхитил предложение заместителя министра внутренних дел СССР С. Круглова, высказанное им на совещании министров внутренних дел республик и начальников краевых и областных управлений МВД в марте 1946 года. «Внутренний распорядок лагерей надо упростить и подчинить его интересам трудоустройства и сохранения физического состояния военнопленных. Если военнопленному надо на работу идти к 8 часам, то не надо его поднимать в 5 часов, пусть он дольше лежит, ведь вы знаете, что чем больше человек лежит, тем меньше ему надо есть». ¹²⁹ Вот такое оригинальное решение проблемы продовольственного снабжения военнопленных!

Помимо прочего, пленные привлекались к сбору хвой для изготовления противочинготного отвара, а для пополнения витаминного рациона – клюквы и других ягод. Администрация лагеря, по словам самих финских военнопленных, не чинила этому препятствий, так как прекрасно осознавала, что имеющимися в их распоряжении средствами достаточно трудно справиться с ростом заболеваемости в лагере.

О санитарно-бытовом обслуживании и продовольственном снабжении финских военнопленных в лагере № 158 г. Череповца существуют достаточно противоречивые сведения. Одни финские пленные на допросах в Ханко часто говорили о неустроенности жизни в лагере, занижении норм продовольственного снабжения и завышении продолжительности рабочего дня. Сержант Эско Боксберг (Esko Boxberg), попавший в плен в июле 1941 года и прошедший через многие лагеря, рассказывал, что в Темлаге (лагерь № 58, ст. Потьма, Мордовия), где он содержался с августа по ноябрь 1941 года, работа была необременительная, но рацион крайне скудный: 400 г хлеба и два раза в день водянистый суп. В Елабужском лагере, в котором Боксберг пробыл до

января 1942 года, он работал в прачечной, производственные нормы были завышены, и пленные не справлялись с работой. Еда была такая же плохая, как и в Потьме, но кормили только два раза в день: в шесть часов утра на завтрак давали 100 г хлеба и суп. В шесть часов вечера выдавали хлеб, суп и кашу. Нередко хлебные нормы произвольно сокращались, и военнопленные получали только 100 г хлеба в день. Прапорщик О. Мартикайнен, бывший в Череповецком лагере до декабря 1942 года, рассказывал, что питание было недостаточным: в день давали 400 г хлеба, 10 г сахара, два раза в день водянистый суп и два черпака каши, две небольшие (размером примерно 10 сантиметров) рыбины. Такое положение с продовольственным снабжением финских военнопленных объясняется тем, что, как отмечалось выше, именно в это время происходит сокращение норм питания в лагерях УПВИ НКВД СССР.

Другие пленные давали иные показания. Например, сообщения, публикуемые в газете «Sotilaan Ääni», рисуют вполне приемлемые условия жизни в лагере. В связи с этим необходимо отметить, что в ней, начиная приблизительно с января – февраля 1943 года, появляется специальная рубрика «Жизнь военнопленных в Советском Союзе. Лагерь №158». Учитывая предназначение этой газеты, жизнь в лагере рисовалась в «розовых тонах» – идеальное месторасположение лагеря в здоровом, чистом месте, прекрасное питание и медицинское обслуживание. В коллективном обращении, которое подписал 41 финский военнопленный в июне 1943 года, помимо призывов сдаваться в плен приводятся и сведения об условиях содержания в Череповецком лагере. Пленные размещались в чистых помещениях, раз в неделю их водили в сауну. Рабочий день – восемь часов. В свободное от работы время военнопленные играют в шашки и шахматы. Хлеба давали от 600 до 1200 г, в зависимости от выработанных норм, сахара – 60 г, масла 30 г. Естественно, что нельзя полностью доверять такому одиозному источнику, как эта газета, так как она была предназначена именно для того, чтобы склонить военнотружущих финской армии к сдаче в плен. Однако, изучая это перио-

дическое издание, можно прийти к выводу, что даваемая в нем информация о продовольственном снабжении, трудовом использовании и санитарно-бытовом обслуживании военнопленных полностью соответствовала тем нормам, которые были установлены директивами УПВИ НКВД СССР в данный период времени. То есть *декларированным, а не реальным нормам*. И менялась эта информация по мере изменения самих норм.

Вполне вероятно, что и первые, и вторые правы. Анализируя протоколы допросов финских пленных, имеющиеся в распоряжении исследователей проблемы военного плена, стоит учитывать не только то, при каких обстоятельствах получены данные сведения, но и еще одно, по моему мнению, немаловажное обстоятельство. А именно: когда, откуда прибыли и как долго были опрашиваемые военнопленные в Череповецком лагере. Это, впрочем, касается и других мест постоянного содержания финских пленных. На основании документов, имеющихся в моем распоряжении, я пришел к выводу, что нередко наиболее полную картину жизни в лагере дают те военнопленные, которые находились в плену достаточно долгое время, прошли через несколько лагерей УПВИ НКВД СССР и имели возможность сравнивать одно место содержания с другим. Действительно, все познается в сравнении: прибывшие в Череповец из Монетно-Лосиновского или Спасозаводского лагерей НКВД, где, как уже отмечалось выше, отсутствовали элементарные санитарно-бытовые условия жизни, оценивали условия содержания в 158-м лагере как вполне удовлетворительные. Попавшие же в Череповецкий лагерь в конце войны прямо из приемных пунктов, где они содержались сравнительно недолгое время, придерживались противоположного мнения. Упомянутый уже прапорщик Мартикайнен отмечал, что с января 1943 года снабжение в Оранском лагере, куда он был переведен из Череповца, улучшилось. То есть изменилось время и место содержания, а вместе с ними изменились и нормы продовольственного снабжения.

В оздоровительных командах, куда направляли ослабленных и больных военнопленных, условия содер-

жания и питания были намного лучше, чем в производственных лагерях УПВИ НКВД СССР. Еще лучшее санитарно-бытовое обслуживание (насколько вообще возможно употреблять слово «лучший», говоря о плене) было в оздоровительных лагерях и лагерных отделениях. В конце войны Продолжения, в соответствии с приказом НКВД № 0219 от 5.10.1944 г., 15 производственных лагерей были реорганизованы в оздоровительные лагеря, а во всех остальных были созданы оздоровительные лаготделения. Там в паек иногда входило мясо и масло, а кроме того, устанавливался особый режим содержания и медицинского обслуживания, позволявший в некоторой степени восстановить здоровье военнопленных.

Итак, можно сделать следующие выводы: санитарно-бытовое обслуживание финских военнопленных во время обеих войн не отвечало необходимым требованиям. Несмотря на имевшийся опыт размещения иностранных пленных, лагеря для финнов не были должным образом подготовлены для их содержания.

Продовольственное снабжение военнопленных на всем протяжении Зимней войны полностью соответствовало нормам, установленным УПВИ НКВД СССР. Питание военнослужащих финской армии во время первого вооруженного конфликта 1939–1940 годов было значительно лучше, чем в 1941–1944 годах. Не испытывавшее серьезных затруднений с продовольствием в этот период, советское государство могло поддерживать жизнедеятельность финских военнопленных в лагерях на достаточно приемлемом для здоровья уровне, конечно, при этом необходимо учитывать особенности военного времени.

Во время войны Продолжения, в связи с указанными объективными трудностями, продовольственное обеспечение финских и других иностранных пленных было недостаточным для поддержания нормального здоровья и жизни. Однако, как пишет в своей работе австрийский исследователь С. Карнер, военнопленные отмечали, что мирное население СССР страдало от нехватки питания гораздо сильнее, чем они сами, «у русских было еще меньше, чем у нас»¹³⁰

Нельзя не отметить тот факт, что руководство УПВИ НКВД СССР осознавало и признавало возникшие проблемы и по мере своих сил и возможностей старалось принять соответствующие меры для исправления ситуации с плохим питанием военнопленных, увеличивая рацион пленных несколько раз на всем протяжении войны.

Советские военнопленные в Финляндии

Сведения о продовольственном обеспечении советских военнопленных в Финляндии периода войны Продолжения противоречивы. Данные официальных властей и воспоминания самих военнопленных расходятся во многих деталях. Впрочем, это вполне логично и закономерно.

Начиная с июля 1941 года в Финляндии решением Ставки вводятся дифференцированные нормы снабжения военнопленных. Подобная практика, как мы помним, существовала и в Советском Союзе. Однако стоит учитывать, что Суоми была гораздо меньше по территории и обладала меньшими сельскохозяйственными мощностями, чем СССР. Более того, уже во время Зимней войны была введена карточная система продовольственного снабжения гражданского населения, а во время войны 1941–1944 годов список продуктов, подлежащих нормированию, значительно расширился. Таким образом, Финляндия не располагала достаточными запасами продовольствия для нормального снабжения своего населения, что уж тогда говорить о советских пленных.

Итак, 1 июля 1941 года Ставка отправляет в лагеря инструкцию, касающуюся норм питания военнопленных. Приказ подписали начальник интендантского отдела подполковник К. Саурио и начальник 1-го интендантского отдела подполковник Э. Хеуден. Паек «А» выдавался пленным, не занятым физическим трудом. Паек «Б» выдается занятым физическим трудом пленным и пленным, относящимся к старшим бараков и т. п. Им выдавались еще и по три сигареты в день на одного человека.

Из-за большого наплыва пленных и нехватки продовольствия в лагерях практически всех, даже работающих военнопленных, перевели на паек «А». В период с 2.07.1941 по 12.09.1941 года в Финляндии действовали следующие нормы продовольственного снабжения советских военнопленных:

Паек «А»	в граммах	кิโลкалории
Галеты или сухари	200	540
Сухое молоко	200	80
Маргарин	20	148
Картофель	500	400
Рыба/мясо	75/150	100
Крупа	50	170
Мука	15	51
Сахар	10	39
Чай	0,5	
Соль	15	

1508 килокалории

Однако ни один советский военнопленный не помнит, чтобы они получали молоко в финских лагерях. Напомню, что в СССР в это же время калорийность питания военнопленных приближалась к 2000 килокалориям, но все равно считалась недостаточной для поддержания нормального самочувствия пленных.

Естественно, что подобное сокращение продовольственного снабжения не могло не сказаться на состоянии пленных. В лагерях начала увеличиваться смертность от голода и сопутствующих ему болезней. Однако, справедливости ради, необходимо отметить, что в финских лагерях питание было значительно лучше, чем в немецких. Российский исследователь П. Полян отмечает, что особенно тяжелая ситуация сложилась с питанием советских военнопленных в немецких лагерях в 1941–1942 годах, когда хлеба выдавали только по 200 г. Изнурительная работа и голодный режим содержания приводил к таким крайностям, как каннибализм. Например, в Бобруйском лагере за это были расстреляны 28 человек. В Минском лагере зимой 1941/42 года от голода и болезней умерли не менее 40 тысяч человек¹³¹

С сентября 1941 года в Финляндии изменяются нормы продовольственного снабжения пленных. Для сравнения приведу и данные о пайке финского солдата.

Продукты	Рацион «А»/день	Рацион «Б»/день	Пайк финского солдата
Сухари или галеты	150 г	250 г	350 г
Мука	150 г	250 г	350 г
Маргарин	20 г	20 г	30 г
Сахар	10 г	10 г	40 г
Мясо	50 г	50 г	100 г
Картофель	500 г	500 г	600 г

Качество продуктов было не самым высоким. Свинины не было, ее полностью заменяла конина. Конина часто была совсем испортившейся, поэтому сваренный из нее суп приводил к болезням. Впрочем, как и в СССР, в Финляндии часто заменяли один продукт на другой. Мясо заменялось рыбой, маргарин – жиром и т. п.

Низкое качество продуктов питания отмечали и сами финны. В своем рапорте военный инспектор полковник Споре 6 сентября 1941 года отмечал: «Как военнопленные, начальники лагерей, так и работодатели жаловались на скудость пайков в случаях, когда речь идет о тяжелом физическом труде. Начальники лагерей объяснили мне, что до обеда производительность труда гораздо выше послеобеденной – после 14 часов дня бросается в глаза изможденный вид пленных. Я предлагаю поэтому чувствительную добавку в питании на таком тяжелом участке работ. В первую очередь желательно прибавить хлеба и картофеля... Говоря о питании, не могу не упомянуть о том, что в Кеми варили голландское бочковое мясо, которое имеет такой страшный запах, что он не пропал даже после двухсуточного вымачивания. Наша охрана отказалась есть приготовленную из него еду. Но военнопленных заставил это сделать голод».

В связи с этим вызывает большое недоумение высказывание маршала Маннергейма: «Калорийность питания, выдававшегося военнопленным, и калорийность

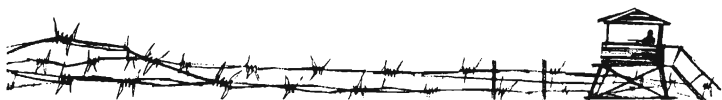

продуктов, которые получали люди физического труда, была почти одинаковой»¹³² Впрочем, надо учитывать, что любая мемуарная литература имеет довольно специфические цели и характер.

Как бы то ни было, продовольственное снабжение советских пленных оставалось критическим. Не имея возможности самим справиться со все возрастающими трудностями, финское правительство обратилось к Международному Красному Кресту (МКК) с просьбой организовать продовольственные посылки для пленных. МКК, при посредничестве американского Красного Креста, организовал доставку этой помощи. По свидетельству маршала Маннергейма, в страну за два года были доставлены 30 тысяч стандартных пятикилограммовых пакетов, в которых были продукты питания и табак. Казалось бы, цифры впечатляющие: 150 тысяч кг продовольствия! Но посмотрим на них под другим углом зрения. В стране находились около 60 тысяч пленных. Простой арифметический подсчет дает нам следующее: на каждого советского пленного приходилось всего по 2, 5 кг продуктов в год, или же по 6,8 г в день! Могла ли такая помощь улучшить физическое состояние военнопленных?

К 1943 году финские власти окончательно поняли, что проблему продовольственного снабжения советских военнопленных надо решать различными способами. Было принято довольно неординарное решение, по которому пленных передавали на работы в сельское хозяйство. Владелец хутора или фермы теперь имел право нанимать батраков или работников в лагерях. Пленные переезжали жить к нему в дом, и на хозяина ложилась ответственность за их питание. Кроме того, владелец хутора выплачивал лагерной администрации около 15 марок за каждого работника. Собственно говоря, этим убивали двух зайцев. Власти снимали с себя ответственность за продовольственное обеспечение военнопленных, а сельское хозяйство получало рабочие руки взамен ушедших на фронт мужчин.

Можно по-разному относиться к этому решению, но скажу лишь одно: оно спасло жизнь большому количе-

ству советских пленных. Взаимоотношения между работниками и хозяевами складывались по-разному. В некоторых домах пленные жили в сараях и хлевах, а в других – почти на правах члена семьи. Бывший военнопленный Ёлкин вспоминал это время так:

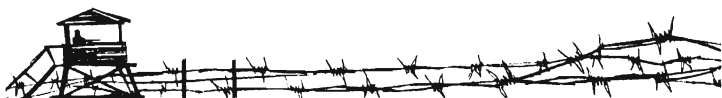
«У крестьян кормили нормально. Там был хозяин, вернее, сын хозяина, мать-старуха и три сына. И один ровесник мне, примерно 20-го года, Ян был без ноги и без глаза после фронта. С одной ногой и одним глазом, он хозяйничал, и мать заставлял: хорошо корми. Я и пахал, и сеял, выполнял различную работу у них в хозяйстве».

Как правило, перед тем как отправить военнопленного на работу, хозяева несколько дней давали ему передохнуть, прийти в себя после лагеря, отъестся. В этом выражался прагматический подход финских крестьян к жизни: голодный и слабый работник – плохой работник.

Впрочем, случались и инциденты. Советские военнопленные были неоднократно замечены в краже продуктов питания, вещей у местных жителей. За это их немедленно отправляли обратно в лагерь, а администрация подвергала телесным наказаниям – порке розгами.

Взаимоотношения между гражданским населением Финляндии и советскими военнопленными – довольно интересная тема, которая требует более глубокого изучения. Лишь вкратце отмечу, что во многих случаях пленные вызывали больше сочувствия, чем ненависти. Кроме того, русская община страны по мере своих сил и возможностей старалась помочь своим соотечественникам выжить в условиях плена. Русские передавали пленным в лагерь масло, табак, молоко и хлеб. В этом проявились отличия в подходе к военнопленным. Русская община уже не воспринимала советских солдат как агрессоров.

И все же, несмотря на принятые меры, нехватка продовольствия в лагерях, отсутствие должного количества витаминов и жиров вели к большому проценту заболеваемости и смертности среди советских военнопленных.

ГЛАВА 4

МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ И СМЕРТНОСТЬ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Продовольственное обеспечение военнопленных, разумеется, являлось одной из главных составляющих качества их жизни в плену. Часто от этого напрямую зависела продолжительность жизни, а также и сама жизнь военнопленного. Однако какая чаша весов судьбы перевесит, когда на одной лежит жизнь военнопленного, а на другой – его смерть, во многом зависело и от системы и состояния медицинского обслуживания пленных в местах их размещения и на этапах эвакуации от линии фронта. Условия жизни в плену никогда не были легкими. Очень часто военнопленные умирали, не дождавшись освобождения после окончания боевых действий. Следовательно, гибель военнопленных в плену обязательно должна приниматься во внимание при подсчете военных потерь армий.

В XVIII–XIX веках основной причиной смертности военнопленных была плохая санитарно-эпидемиологическая обстановка в местах размещения пленных. Эпидемии брюшного тифа и чумы, как результат плохого питания и антисанитарных условий, уносили жизни тысяч пленных.

Но точных данных о причинах смертности в этот период нет. Первые статистические данные по этому вопросу относятся ко времени Гражданской войны в Соединенных Штатах Америки между Севером и Югом¹³³

XX век внес свои коррективы в ситуацию со смертностью военнопленных. Развитие медицины и появление новых лекарств позволило существенно снизить гибель пленных от эпидемических заболеваний в местах их содержания, но все же ситуация оставалась достаточно тяжелой.

Как уже отмечалось, общее количество военнопленных в годы Первой мировой войны приближалось к 7,5 млн человек. Из них на долю германского блока (Германия, Австро-Венгрия, Болгария, Турция) приходилось около 4,5 млн пленных, из которых умерли 386 тысяч человек, то есть приблизительно 9%. Союзники по антигерманской коалиции захватили в плен около 3 млн немцев, болгар, турок и солдат и офицеров австро-венгерской армии. Процент смертности среди них был меньшим около 4%. Во время этой войны происходит изменение причин смертности военнопленных. Б. Урланис приводит данные о том, что основная масса военнопленных в германском плену умерла от туберкулеза и воспаления легких, то есть от болезней, вызванных плохими условиями содержания, питания, недостатком теплых вещей и т. п. Лишь 10% скончались от эпидемических заболеваний. И совсем небольшим был процент смертности в плену от последствий ранений¹³⁴. Таким образом, на первый план теперь выходит проблема недоедания в лагерях и вызванная этим смертность от болезней, а не эпидемии, как это было раньше. Но даже, несмотря на существенное увеличение военнопленных, захваченных противоборствующими сторонами, ни одно государство не уделяло должного внимания разработке вопросов о порядке учета и захоронения пленных.

В начавшейся в 1939 году Второй мировой войне количество военнопленных было на порядок выше, чем во время Первой мировой войны. Достаточно сказать, что только в Советском Союзе, согласно официальным данным, находились около 4,5 миллионов военнопленных, из них – около 3 тысяч финнов. Финская армия за время Зимней войны и войны Продолжения пленила свыше 70 тысяч советских солдат и командиров, из них умерли около 19 тысяч. Данные о пленных в Германии достаточно противоречивы, но, по разным подсчетам, только советских военнопленных в период с 1941 по 1945 год было свыше 5 млн человек, из них около 3,3 млн умерли¹³⁵.

В контексте данной книги меня, естественно, в первую очередь интересуют вопросы медицинского обслу-

живания, регистрации смерти и порядка захоронения финских и советских военнопленных во время Зимней войны и войны Продолжения.

Как Советский Союз, так и Финляндия в обеих войнах в основном придерживались принципов Женевской конвенции 1929 года «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях». Но, несмотря на это, смертность пленных оставалась на достаточно высоком уровне.

Я считаю, что на смертность военнопленных влияло несколько факторов:

- физическое состояние военнопленного на момент пленения, то есть был ли он здоров, болен, тяжело или легко ранен;

- какая санитарно-эпидемиологическая обстановка была в местах размещения пленных;

- насколько медицинское обслуживание в лагерях удовлетворяло потребности военнопленных, достаточность медицинского оборудования и медикаментов;

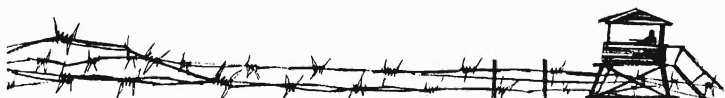
- продовольственное снабжение пленных, то есть соответствие суточных норм питания, необходимых для выполнения работ и поддержания жизни военнопленных;

- условия труда и характер выполняемых работ, к которым привлекались военнопленные;

- климатическая зона расположения мест размещения военнопленных и наличие у пленных зимнего обмундирования;

- условия транспортировки пленных к местам их постоянного размещения в лагерях для военнопленных.

Естественно, в каждом конкретном случае смерти военнопленного были свои обстоятельства, причины или даже совокупность причин и факторов. Болезни, ранения, голод и холод являются основными причинами смертности пленных в лагерях. Но наряду с этими причинами есть еще и второстепенные – несчастные случаи на производстве, казни по приговору военнопольных судов за совершенные преступления и смерть при попытке к бегству из лагерей. Впрочем, стоит отме-

тить, что две последние причины смертности более характерны для советских пленных в Финляндии, чем для финских военнопленных, содержавшихся в лагерях УПВИ НКВД на территории СССР во время Зимней войны и войны Продолжения. Но все же и их нельзя сбрасывать со счетов, так как в нашем распоряжении имеется подобная информация.

Так, например, вероятнее всего младший сержант Пааво Паюнен (Paavo Rajunen), перешедший на сторону Красной Армии 14.12.1939 года на Карельском перешейке, был осужден и расстрелян по решению Особого совещания. Пааво Паюнен, член коммунистической партии Финляндии, принимал участие в Гражданской войне в Испании (1936–1939) на стороне республиканского правительства. В это же время в составе Интернациональной бригады воевал другой финский коммунист, подполковник Тууре Лехен (Tuure Lehen). После победы Франко Паюнен вернулся в Финляндию, а Лехен в Москву. Во время Зимней войны Паюнен был направлен в действующую армию. 14 декабря 1939 года сдался в плен. Сначала он был отправлен для допросов в Сестрорецк, а затем переведен в Териоки. Здесь его следы теряются. Долгое время в Финляндии считалось, что он вступил в Финскую Народную армию и, возможно, его завербовали и готовили отправить в страну как агента. Жена Паюнена, писатель-журналист Йенни Паюнен (Jenny Rajunen), долгое время пыталась выяснить судьбу своего мужа. Изучив все доступные ей советские и финские документы, она считала, что Пааво Паюнен был расстрелян как финский шпион по решению «тройки» в составе трех министров правительства Куусинена: Тууре Лехена, Инкери Лехтинена (Inkeri Lehtinen) и еще одного, чье имя точно не известно, хотя, вероятнее всего, им был Армас Яйкия (Armas Äikiä).

К сожалению, не все архивы Российской Федерации доступны для исследователей, однако хочется надеяться, что имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства о расстрелах финских пленных по решению Особого совещания найдут в скором времени документальное подтверждение.

Зимняя война

Медицинское обеспечение финских военнопленных во время Зимней войны осуществлялось согласно выпущенному 23 сентября 1939 года «Временному положению о медико-санитарном обслуживании военнопленных в системе Управления НКВД СССР по делам военнопленных» за номером 6439/4, утвержденному заместителем УПВ Хохловым и начальником сануправления УПВ Соколовым. Оно было разработано, в частности, потому, что в 1931 году Советский Союз ратифицировал Женевскую конвенцию «Об улучшении участи больных и раненых воинов в действующих армиях». Это положение действовало и во время войны Продолжения. Кроме того, вопросы медицинского обслуживания военнопленных регулировались и статьями 9–10 и 35–39 «Временной инструкции о работе пунктов НКВД по приему военнопленных» (приказ наркома внутренних дел Л. Берии № 0438 от 29.12.1939 г.).

Первую медицинскую помощь большая часть раненых военнопленных получала от санитаров и санинструкторов РККА. Однако на всем протяжении боевых действий на советско-финском фронте во время Зимней войны в войсках ощущался недостаток в санитарях, санитарях-носильщиках, санинструкторах. Это, в первую очередь, было связано с большими потерями среди личного состава медицинской службы РККА. Петербургский исследователь Д. А. Журавлев приводит данные отчета санитарной службы 8-й армии, в которых отмечается, что только в 56-й стрелковой дивизии потери среди санинструкторов по отношению к штатному числу личного состава санитарной службы составили 61%, а санитаров – около 50%¹³⁶. Естественно, что в первую очередь медицинская помощь оказывалась раненым красноармейцам и только затем – военнопленным финской армии.

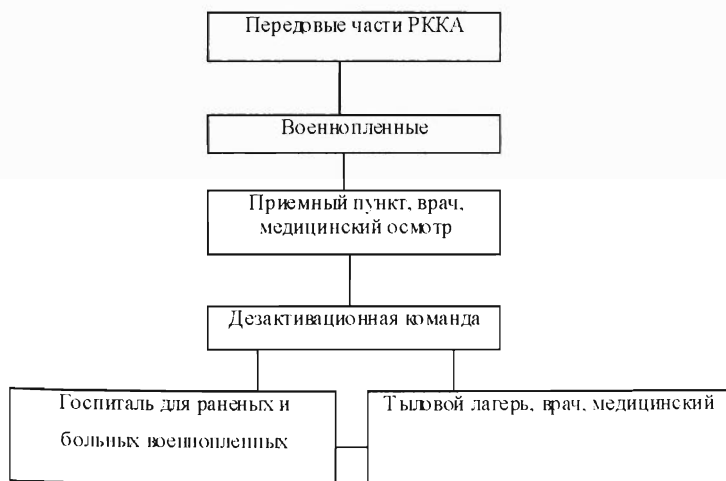
В вышеперечисленных документах закреплялись основные правовые положения в сфере медицинского обеспечения военнопленных в СССР. В них также было определено общее движение военнопленных в системе медицинского обслуживания. После пленения военнослужащих армий противника передавали на приемные

пункты. Затем, после соответствующего медицинского осмотра и дезинфекции, их передавали конвойным войскам НКВД СССР для дальнейшей доставки в лагерь для военнопленных.

В советских регламентирующих документах запрещалось направлять раненых, больных и обмороженных на приемные пункты. Таких военнопленных следовало отправлять в госпитали. Причем раненые и больные сразу дифференцировались на несколько групп: раненые, контуженые, обмороженные, ожоговые, терапевтические и инфекционные больные. Это делалось для того, чтобы при направлении их в тыл можно было, по возможности, учесть необходимый для лечения профиль медицинского учреждения. В соответствии с советскими нормативными актами финские пленные имели право лечиться в гражданских и военных госпиталях и больницах на одинаковых основаниях с военнослужащими РККА, но с соблюдением правил, установленных для военнопленных. После выздоровления пленных передавали в стационарные лагеря НКВД СССР.

Передача раненых военнопленных

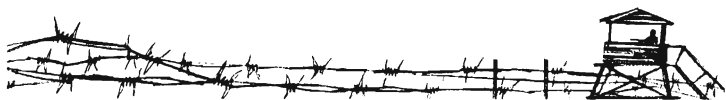
Финские военнопленные в госпиталях

На поступавших в медицинские учреждения Советского Союза во время Зимней войны финских военнопленных заводились госпитальные карты и истории болезней. В отличие от войны Продолжения, в этот период не была разработана особая форма этих документов, и данные вносились в советские карты, предназначенные для «лечебных учреждений войскового и армейского районов», то есть в карты того же образца, в которых делались записи о состоянии здоровья раненых и больных военнослужащих РККА.

Первичная информация о пленном заносилась в госпитальные карты, в которых, помимо номера и места расположения госпиталя, содержались следующие данные:

1. Фамилия.
2. Имя.
3. Отчество.
4. Номер личного знака.
5. Воинское звание (здесь ставилась пометка «пленный»).
6. Род войск (пехота, кавалерия, авиация и т. д.).
7. Год рождения.
8. Место призыва.
9. Фамилия и адрес родных.
10. Когда и откуда поступил.
11. Диагноз:
 - а) с которым поступил;
 - б) установленный в данном лечебном учреждении;
 - в) предварительный;
 - г) окончательный.
12. Осложнения.
13. Сопутствующие заболевания.
14. Внутригоспитальные заболевания.
15. Оперативные вмешательства (какие и по какому поводу).

Далее шли данные о течении болезни, результатах исследований, диагностических и лечебных назначениях и сведения об уходе за больным.

Как правило, в госпитальных картах отмечались лишь фамилия, имя, отчество пленного, диагноз, с которым он поступил в госпиталь, и причины смерти.

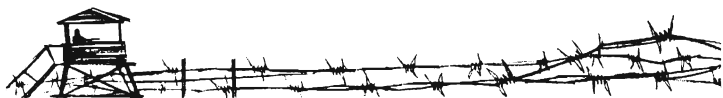
Более полная информация о пребывании военнопленного в госпитале содержалась в истории болезни. Этот документ содержал уже 31 пункт. Изначально он также предназначался для больных и раненых военнослужащих Красной Армии, но в него, как и в госпитальные карты, вносились сведения о финских военнопленных. Анкета была разделена на три основные части: 1. Общие данные. 2. Анамнез¹³⁷ 3. Данные о пребывании в госпитале.

В первую часть анкеты, помимо номера и места расположения госпиталя, фамилии, имени, отчества, адреса родных, года призыва на воинскую службы и звания больного, вносились данные о национальности, партийной принадлежности, основной профессии, месте работы, семейном положении, наличии детей и уровне образования. Эти пункты истории болезни, в отличие от госпитальных карт, заполнялись более тщательно и полно.

Во вторую часть вносились данные о ранении (или болезни) – месте и времени, а также о том, где и когда было проведено предварительное лечение или операция. Сюда же заносились сведения о жалобах больного и о прививках, которые ему были сделаны при первичной медицинской помощи. Как правило, это была информация о введенных противостолбнячной и противогангренозной сыворотках.

В третью часть этой анкеты вносилась следующая информация: откуда и когда прибыл пленный в госпиталь; диагноз, с которым поступил; осложнения и сопутствующие заболевания (в том числе и внутригоспитальные заболевания); оперативные вмешательства. Далее шли сведения о дальнейшем движении военнопленного: сколько дней он пробыл в госпитале, был ли переведен в другое медицинское учреждение, выписан по выздоровлению или скончался (с указанием причин и времени наступления смерти).

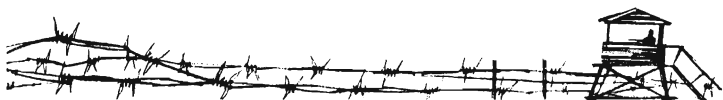
В приложение к истории болезни вносились более полные, чем в госпитальной карте, данные о течении

болезни, результатах исследований, диагностических и лечебных назначениях и сведения об уходе за больным.

Анализируя имеющиеся в моем распоряжении документы, я пришел к выводу, что финские военнопленные во время Зимней войны поступали в госпитали уже в крайне тяжелом состоянии, с ранениями и обморожениями, в основном рук и ног. Действительно, влияние климатического фактора во время зимней кампании было значительным. Суровые погодные условия привели к тому, что среди военнослужащих обеих армий было много обмороженных. Так, только в Красной Армии количество обмороженных составляло 6,7% от общего числа санитарных потерь и 9,4% от санитарных потерь хирургического профиля, то есть почти каждый десятый из получивших холодовую травму нуждался в помощи хирурга. Естественно, что этот вид санитарных потерь особенно часто сочетался с ранением, причем все самые тяжелые и распространенные случаи обморожений приходились на тяжелораненых. Кроме того, низкий уровень первой медицинской помощи (например, перевязок), а также необорудованный транспорт приводили к тому, что на этапе санитарной эвакуации, то есть при транспортировке военнопленных в госпитали, пленные также получали обморожения.

В связи с этим нужно отметить и еще одно обстоятельство: эффективного способа и медикаментов для лечения обморожений в то время не существовало. Не было и необходимых знаний и практики у медицинского персонала Красной Армии, оказывавшего первую медицинскую помощь военнопленным на передовой, поэтому более квалифицированный уход мог быть осуществлен только в стационарных госпиталях. Но, как свидетельствуют документы, путь от момента захвата пленного до попадания в тыловую госпиталь мог растянуться на многие сутки. Так, например, в истории болезни № 1086 младшего офицера 68-го полка Рантанена Куста Адольфа (Rantanen Kustaa Adolf) отмечено, что он получил ранение в живот 29.2.1940 года и только 1.3.1940, то есть спустя два дня (!) был прооперирован в полевом госпитале № 15. В тыловой эвакуогоспи-

таль № 2019 г. Боровичи он поступил 17 марта 1940 года с диагнозом «Послеоперационная рана в области брюшной стенки. Свищ мочевого пузыря. Слепое огнестрельное ранение правой ягодицы. Обморожение 2-й степени в области тыльной поверхности правой стопы. Осложнения – восходящий уросепсис». Через семь дней после прибытия в госпиталь у Рантанена развилась гипостатическая пневмония. 5 апреля 1940 года в 20.00, не приходя в сознание, больной скончался¹³⁸. Свидетельство о смерти подписали начальник 2-го отделения Стлебова и ординатор Григорьева. В этом конкретном случае с момента ранения до направления раненого военнопленного в тыловое медицинское учреждение прошел почти месяц.

Всего в 1939–1940 годах в советских госпиталях находилось свыше 70 военнослужащих финской армии, то есть около 8% всех находившихся в плену. Согласно отчету начальника УПВИ НКВД СССР Сопруненко, направленному наркомму Берии 28 апреля 1940 года, 58 финских военнопленных, из них – два офицера, восемь младших командиров и 48 рядовых, состояние здоровья которых не позволяло передать их Финляндии, все еще оставались в госпиталях СССР к моменту окончания работы Совместной комиссии по обмену военнопленными.

Источники о пребывании финских военнопленных в госпиталях и больницах во время Зимней войны ограничены лишь официальной информацией – историями болезней, госпитальными картами и отчетами УПВИ НКВД СССР. В соответствии с этими документами в госпиталях, где содержались финские военнопленные, им оказывали квалифицированную медицинскую помощь. В истории болезни того же Рантанена записано, что «у постели больного проведены неоднократные консультации с хирургами и урологом. Больной получал все необходимые лечения – внутривенные вливания уротропина, переливание крови, вливание жидкой глюкозы, физиологического раствора»¹³⁹.

Для проведения консультаций и оказания помощи врачам госпиталей к раненым приглашались специали-

сты из учреждений органов здравоохранения, то есть гражданские врачи. К сожалению, мы не можем опровергнуть или подтвердить это воспоминаниями самих финских пленных, бывших в медицинских учреждениях СССР из-за того, что в распоряжении исследователей нет подобной информации.

Финские военнопленные на приемных пунктах

Если же военнослужащий финской армии в момент пленения был здоров, то его направляли на приемный пункт военнопленных. Все прибывающие на пункт пленные должны были пройти обязательную санитарную обработку (то есть баню и дезинфекцию). Но на деле данный пункт и некоторые другие пункты «Временной инструкции о работе пунктов НКВД по приему военнопленных» не всегда соблюдались. Даже в лагеря военнопленных поступали раненые и больные финские солдаты и офицеры, не прошедшие соответствующую санитарную обработку.

Так, 14 января 1940 года в Грязовецкий лагерь из Петрозаводского приемного пункта была доставлена группа военнопленных финнов в количестве 44 человек (из них одна женщина). Фельдшер лагеря Таничева и дежурный комендант Скворцов произвели приемку и осмотр вновь поступивших пленных (в их числе, видимо, были и заболевшие во время следования в лагерь) и записали:

«При осмотре оказалось

1. Раненых – 5 чел/овека/. 2) Ожогов III степени – 1 человек. 3) Обморожений – 6 человек (2 чел/овека/ III ст/епени/).

26 человек в Петрозаводске 31 декабря 1939 года проходили через баню и дезокамеру, без смены белья. Остальные 18 человек не были в бане и не проходили через сан/итарную/ обработку.

Белье на всех грязное. Имеется небольшая завшивленность.

Все небритые и нестриженные»¹⁴⁰

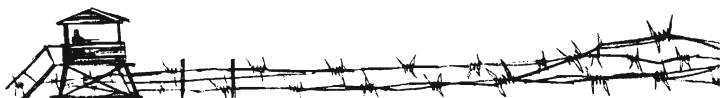
Особое внимание уделялось предотвращению в лагерях эпидемий. Все пленные, заявившие о плохом

самочувствию, немедленно должны были подвергнуться медицинскому осмотру. В случае если среди группы военнопленных, поступивших на приемный пункт, выявлялся больной эпидемическим заболеванием или же эта группа имела контакт с таким больным, для нее предписывался карантин. На пункте в обязательном порядке должны были проводиться противоэпидемические мероприятия. О каждом таком случае администрация должна была докладывать в Москву, в УПВИ. Отправление пленных с приемных пунктов, где установлен противоэпидемический карантин, прекращался впредь до указаний из УПВИ НКВД СССР.

Врачи приемных пунктов были обязаны проводить ежедневный обход помещений, осуществлять санитарный надзор за состоянием здоровья военнопленных, оказывать медицинскую помощь нуждающимся и следить за приготовлением пищи. Кроме того, в обязанности врача входило медицинское освидетельствование пленных перед отправкой их к местам постоянного размещения. Он должен был отсеивать тех, кто в силу своего физического состояния не мог быть направлен в лагерь. Врач составлял также справку об отсутствии на приемном пункте эпидемических заболеваний.

При транспортировке военнопленных из приемного пункта в стационарный лагерь эшелон обязательно сопровождал врач и подчиненный ему медицинский персонал. В его распоряжении был специальный вагон-изолятор на восемь коек. Начальник санитарного отдела УПВИ НКВД СССР Соколов утвердил список медицинского оборудования и медикаментов, которыми должны были снабжаться эшелоны за счет приемных пунктов. Помимо предметов первой необходимости — одеял, подушек, простыней и т. п., в список вошли 26 наименований медицинских инструментов и предметов ухода за больными: термометры, шприцы, скальпели, пузыри для льда, грелки, шины для верхних и нижних конечностей и т. д. Кроме того, вагоны-изоляторы снабжались соответствующими медикаментами — аспирином, таблетками и порошками от кашля, камфарой, ватой, марлей, бинтами, индивидуальными пакетами и

т. д. Всего в этом списке 44 наименования, необходимых для нормального обеспечения 120 амбулаторных посещений и восьми стационарных коек в течение суток. Эти нормы медикаментов и перевязочных средств соответственно увеличивались в прямой зависимости от времени пребывания эшелона в пути. Кроме того, начальник санотдела УПВИ Соколов распорядился иметь необходимый резерв на двое–трое суток и варьировать его в зависимости от количества военнопленных, следовавших эшелоном.

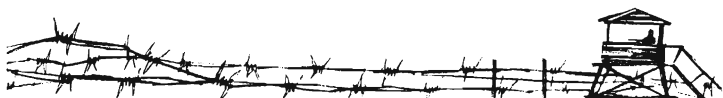
Видимо, многие положения нормативного документа Народного комиссариата внутренних дел все же соблюдались в полной мере. Косвенным подтверждающим свидетельством этого служит тот факт, что за время боевых действий был выявлен только один случай заболевания финского военнопленного эпидемическим заболеванием – скарлатиной¹⁴¹. Более того, за время Зимней войны не было зафиксировано ни одного случая смерти военнопленных от инфекционных заболеваний.

В соответствии с «Временным положением о медико-санитарном обслуживании военнопленных в системе Управления НКВД СССР по делам военнопленных» в лагерях для военнопленных создавались специальные санитарные службы. На эти органы возлагалась ответственность за медицинский и санитарный надзор в местах размещения пленных, профилактику и лечение заболеваний, в том числе и эпидемических, и т. п.

Санитарные службы лагерей возглавлялись начальниками санотделений, подчиненных начальникам лагерей для военнопленных, а по некоторым специальным вопросам непосредственно начальнику Санитарного отдела УПВ НКВД СССР. В состав санотдела лагеря входили:

- центральный лазарет;
- центральная амбулатория;
- аптечный склад с аптекой;
- дезотряд.

При создании лагерных отделений в них также создавались собственные санитарные части, в которые включались следующие подразделения:

врачебная амбулатория или фельдшерский пункт (в зависимости от численного состава лагерного отделения);

приемный покой;

дезопункт.

Эта структура медико-санитарного обслуживания военнопленных в лагерях НКВД сохранилась практически без изменений и во время войны Продолжения.

Положение с медицинским обслуживанием финских военнопленных во время Зимней войны существенно отличалось от ситуации, сложившейся во время войны Продолжения. Вполне очевидно, что скоротечность военного конфликта и соответственно краткосрочное пребывание финнов в плену сказалось на причинах смертности пленных. Именно из-за этого полностью исключаются случаи смерти от авитаминоза, пеллагры¹⁴² и дистрофии. Как уже отмечалось выше, случаев массовых эпидемических заболеваний в лагерях и приемных пунктах зафиксировано не было, следовательно – исключается возможность смертности от эпидемий. Таким образом, единственной причиной остается смерть от ранений и вызванных ими осложнений.

Смертность военнопленных

Окончательных цифр умерших в советском плену финских военнопленных во время Зимней войны пока нет. По данным, которые приводит российский исследователь В. Галицкий, в плену умерли «около» 13 человек, или же 1,5% от общего количества финских военнопленных. К сожалению, исследователь приводит фамилии только трех финнов, скончавшихся 14 марта 1940 года в эвакогоспитале № 2019 г. Боровичи¹⁴³

Финский исследователь, капитан Реймо Хелминен из высшей военной школы Финляндии (Maanpuolustus Sotakorkeakoulu), в своей дипломной работе упоминает только одного военнопленного финна, умершего в СССР во время Зимней войны – рядового Ноусияйнена, попавшего в плен 2.12.1939 года¹⁴⁴

В ходе подготовки данной работы, а также при подготовке к изданию книги о финских военнопленных

в СССР во время Зимней войны и войны Продолжения мной были обнаружены сведения о 16 военнослужащих финской армии, скончавшихся на территории Советского Союза¹⁴⁵ Сопоставляя все имеющиеся в нашем распоряжении данные из финских и российских архивов, я считаю, что эта цифра является наиболее точной в настоящее время.

Основным источником, позволяющим установить причины смерти военнослужащих финской армии в СССР, являются истории болезней и госпитальные карты, хранящиеся в Военно-медицинском музее Вооруженных сил Российской Федерации. В 90-е годы часть материалов была передана в Ассоциацию военнопленных Финляндии (Sotavangit r.y.) и находится в ее архиве.

Таким образом, в нашем распоряжении имеются ценные данные, раскрывающие причины смерти некоторых финских пленных в СССР. Приведем несколько примеров.

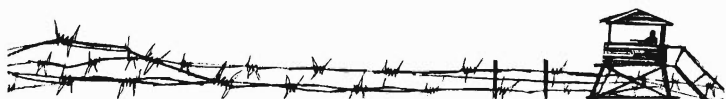
В госпитальной карте военнопленного Алайоки Урхо Алекси¹⁴⁶ записано, что он поступил в госпиталь со сквозным пулевым ранением правого плеча. В акте патологоанатомической экспертизы отмечено:

«Сквозное пулевое ранение правого плеча с раздроблением кости. Двухсторонняя нижнедолевая острая катаральная пневмония. Облитерация правой плевральной полости. Резкое малокровие внутренних органов».

В истории болезни и карте патологоанатомического исследования рядового 1-го батальона 68-го пехотного полка Тансканена Вяйно Рейно, поступившего в эвакогоспиталь № 1170 15 марта 1940 года, записано:

«Огнестрельное слепое (по-видимому, осколком снаряда) ранение правой тазобедренной области с осколчатым повреждением крыла правой тазовой кости и кровоизлиянием в бедренные мышцы. Газовая гангрена правого бедра и передней брюшной стенки».

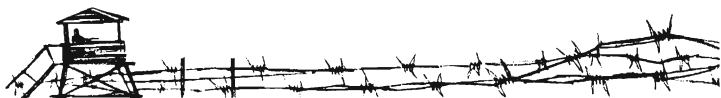
Несмотря на оказанную ему необходимую и квалифицированную медицинскую помощь, ранение оказалось слишком тяжелым и врачи оказались бессильными помочь ему. Больной скончался 15 марта 1940 года в 3 часа 25 минут.

Военнопленный Кейнонен Эйно Пекка поступил в эвакогоспиталь № 1872 м. Райвола 19 марта 1940 года раненым и с обморожением обеих стоп. Осложнения – воспаление правого легкого, от которого он и умер 27 марта 1940 года. В истории его болезни есть странная пометка: «военнопленный числится за военной прокуратурой 7-й армии». К сожалению, мне не удалось установить, что это означает и по каким причинам Кайнонен был передан в распоряжение военной прокуратуры. Как правило, подобные случаи означали, что пленный совершил какие-либо противоправные, с точки зрения советского законодательства, деяния или представлял интерес для дознавательных органов с целью получения информации о советских военнопленных в Финляндии.

К сожалению, данные об умерших в СССР финских военнопленных периода Зимней войны до сих пор остаются неполными. Это в первую очередь связано с тем, что информация о причинах смертности и количестве умерших до сих пор не полностью доступна исследователям. Некоторые документы по этому вопросу подпадают под действие закона Российской Федерации о тайне личной жизни. Места захоронения финских военнопленных периода Зимней войны также установить практически невозможно из-за отсутствия в госпитальных картах указания места погребения. Можно лишь высказать предположение, что, вероятнее всего, они были похоронены либо на городских кладбищах в районе дислокации госпиталей, либо на госпитальном кладбище. Последнее, впрочем, представляется маловероятным, так как приказ об открытии мест для погребения военнопленных при госпиталях был издан только в середине Великой Отечественной войны. Но речь об этом пойдет ниже.

Ранения, обморожения и связанные с ними различные осложнения, наиболее распространенным из которых являлось воспаление легких, были главными причинами летальных исходов среди финских военнопленных во время Зимней войны. Впрочем, это было характерно и для советских военнопленных, оказавшихся

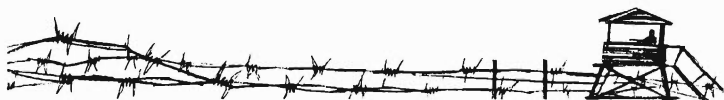
в лагерях на территории Финляндии во время советско-финляндской войны 1939–1940 годов.

В целом, все же, по моему мнению, медицинское обслуживание военнопленных финской армии в Зимнюю войну соответствовало их потребностям и нормам международного права. Раненые и больные финны содержались во Владимирской хирургической больнице, Вологодском эвакуационном госпитале № 1185, эвакуационном госпитале № 2019 г. Боровичи, эвакуационном госпитале № 1872 м. Райвола, госпитале № 17/06 г. Свердловска, эвакогоспитале № 1170 и других.

Были, конечно, отдельные нарушения норм международного права в отношении военнопленных финской армии, но они не были массовыми. Нарушения можно объяснить неподготовленностью кадров для работы с пленными, а не позицией советского правительства. Тем более что и в Красной Армии в период боевых действий практически повсеместно ощущался недостаток хирургов и операционных сестер, что было связано с ошибками в мобилизационной работе, а также несовершенством существовавшей системы подготовки кадров. Войска РККА также несли большие санитарные потери¹⁴⁷ – за время Зимней войны общее число санитарных потерь составило 264 908 человек, из них раненых и обожженных – 188 671, получивших обморожения – 17 867 и больных 58 370¹⁴⁸

Медицинское обслуживание советских военнопленных

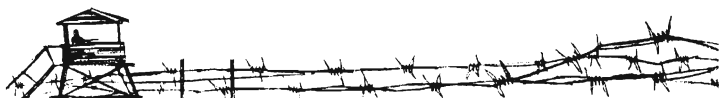
Финская сторона при освещении вопроса о медицинском обеспечении советских пленных всегда подчеркивала вполне гуманное обращение с ранеными и больными рядовыми и командирами Красной Армии. Хотя были и отдельные случаи жестокого обращения с нуждающимися в медицинской помощи. Например, расстрел неспособных передвигаться раненых, больных и обмороженных военнопленных. Впрочем, и сами финны не отрицали подобные эксцессы. В воспоминаниях участников Зимней войны можно найти подобные рассказы. Так, врач госпиталя в Кайаани запретил по-

могать трем «рюсся» (презрительное прозвище русских в Финляндии. – Д. Ф.). Правда, медицинскую помощь раненые получили от младшего медперсонала. Другой случай описывал Ханнес Лейнонен, вывозивший пленных от линии фронта в Хюрюнсальми. Двое финнов выясняли, кто из военнопленных сильнее всех обморожен. Узнав, они отвели этих пленных в лес и там расстреляли¹⁴⁹ В показаниях вернувшихся из финского плена красноармейцев тоже присутствуют упоминания о подобных случаях. Замполитрука из 18-й дивизии В. А. Репринцев рассказал, что в районе Суваниеми в сарае были расстреляны три политрука, в том числе и политрук 8-й батареи 3-го артполка 18-й стрелковой дивизии Лепатов.

Были и другие случаи негуманного, жестокого обращения с ранеными пленными красноармейцами. В апреле 1940 года в Москве прошло Сопровождение при ЦК ВКП (б), на котором затрагивались вопросы боевых действий в Финляндии. На нем выступил корпусной комиссар Вашугин со следующей информацией. Во время боев у Леметти попавшие в окружение части 18-й стрелковой дивизии и 34-й легкотанковой бригады при отходе бросили 120 тяжелораненых бойцов и командиров. После ликвидации гарнизона финны сожгли эти землянки вместе с ранеными. Попытавшихся выбраться наружу – добивали. На многих трупах были обнаружены следы пыток¹⁵⁰ Пожалуй, этому «происшествию» стоит уделить некоторое внимание. Слишком много этот случай вызывает споров и спекуляций и по сей день.

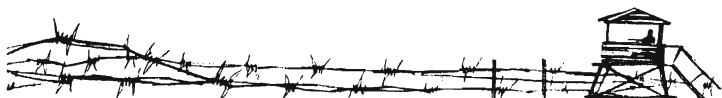
Попавшие в январе 1940 года в окружение и раздробленные на отдельные гарнизоны подразделения 18-й Ярославской стрелковой дивизии (комбриг Г. Ф. Кондрашев) и 34-й танковой бригады (комбриг С. И. Кондратьев) вплоть до конца февраля оставались в окружении. Ситуация в частях складывалась критическая. С конца января в штаб 8-й армии стали поступать тревожные донесения: «Люди голодают, доедаем последнюю лошадь без соли и хлеба, началась цинга, больные мрут, нет патронов и снарядов, вырубайте». В это же время

финны методично и планомерно уничтожали окруженные гарнизоны. Первыми погибли солдаты в районе Лемети (северное). Из 800 человек к своим удалось прорваться лишь 30 бойцам.

Далее события развивались следующим образом. 5 февраля из гарнизона, занимавшего развилку дорог, в штаб 8-й армии поступила радиограмма: «Положение тяжелое. Лошадей съели, сброса не было. Больных 600 человек, голод, цинга, смерть». 12 февраля финны уничтожили остатки трех батальонов 208-го и 316-го стрелковых полков 18-й стрелковой дивизии. 14.02.40 гарнизон Луоярви, уничтожив орудия и материальную часть, начал пробиваться из окружения. 16 февраля они с минимальными потерями вышли в расположение частей 15-й армии. 15 февраля финны атаковали гарнизон командного пункта 18-й сд. Оставив для прикрытия подразделения 179-го мотострелкового и 224-го разведывательного батальонов и несколько танков 34-й танковой бригады, окруженные стали пробиваться в расположение 168-й сд. В районе станции Рускасет эта группа была уничтожена противником. Из 2800 человек к своим вышли лишь несколько десятков. Прикрывавшие отход погибли все.

Критическое положение сложилось с продовольствием. Все попытки наладить снабжение по воздуху не увенчались успехом. В штаб армии поступали панические радиограммы. Из Лемети (южное), 18.02: «Почему морите голодом, дайте продуктов». Из гарнизона у развилки дорог: «Положение тяжелое, несем потери, здоровых 360, больных 750, срочно помогите, держаться нет сил». 24 февраля: «Окружены 40 дней, не верится, что противник силен. Освободите от напрасной гибели. Люди, матчасть фактически лагерь больных. Здоровые истощены». В тот же день от 18-й сд и 34-й тб поступила следующая радиограмма: «Помогите, штурмуйте противника, сбросьте продукты и покурить. Вчера три ТБ развернулись и улетели, ничего не сбросили. Почему морите голодом. Окажите помощь, иначе погибнем все». Посланные 26 февраля на помощь окруженным два лыжных батальона были уничтожены финнами.

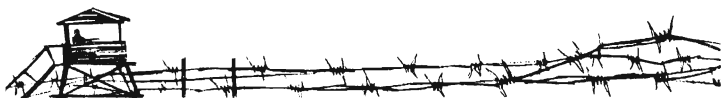

В ночь с 28 на 29 февраля гарнизон Лемети южное начал выход из окружения, разделившись на две группы: первая под командованием начальника штаба 34-й тб Смирнова (по другим сведениям, командира 34 тб комбрига С. А. Кондратьева), вторая – под руководством начальника штаба 18-й стрелковой дивизии полковника Алексева (командир 18-й сд комбриг Г. Ф. Кондрашев был ранен 26.02.1940). Группа Алексева, состоящая в основном из раненых и больных (всего около 1200 человек), двигаясь в южном направлении, прорвала кольцо окружения и вышла в распоряжение 15-й армии, группа Смирнова – Кондратьева (примерно 1500 человек), шедшая на север, была почти полностью уничтожена.

Военный совет 15-й армии, давая разрешение на выход из окружения, ставил, по словам корпусного комиссара, члена Военного совета 15-й армии, два условия: уничтожить материальную часть и забрать с собой всех раненых. Материальная часть не была уничтожена, даже три танка 34-й тб с экипажами, прикрывавшие отход частей, были забыты начальством во время отхода. Почти все вооружение было брошено и досталось противнику. Более того, при отходе были оставлены на произвол судьбы в землянках 120 больных и тяжело раненных бойцов и командиров.

Судьба командования 18-й сд и 34-й лтб была трагической. Командир 34-й танковой бригады С. И. Кондратьев, комиссар бригады И. А. Гапанюк, начальник штаба полковник Н. И. Смирнов и комиссар 18-й стрелковой дивизии М. И. Израецкий, опасаясь ареста, покончили жизнь групповым самоубийством. 4 марта 1940 года раненого командира 18-й дивизии Кондратьева арестовали прямо в госпитале. 8 марта покончил жизнь самоубийством командир 56-го корпуса комдив И. Н. Черепанов.

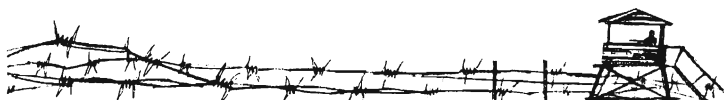
Итак, попробуем проанализировать ситуацию с оставшимися в землянках ранеными. Что мы имеем? Кажется бы, неоспоримый факт бесчеловечной расправы над ранеными красноармейцами. Но некоторые обстоятельства все же настораживают. Во-первых, в финских архивах, а именно в дневниках боевых действий фин-

ских частей, принимавших участие в разгроме гарнизонов 18-й дивизии, мной не было обнаружено ни одного факта, хотя бы косвенно подтверждающего эти события. Более того, и в мемуарной финской литературе также нет упоминаний об этом. Да и в частных беседах с финскими ветеранами я не смог получить ответа на этот вопрос. Во-вторых, был ли смысл уничтожать раненых красноармейцев? Думаю, что нет. Конец войны, Великобритания и Франция активно обсуждают вопрос об оказании военной помощи Финляндии, вплоть до высадки экспедиционного корпуса и бомбардировок нефтедобывающих районов Баку. Симпатии мирового сообщества на стороне маленькой страны, героически сражающейся против «красных когтей сатаны-Сталина». Если бы эти события действительно имели место, то слухи о них дошли бы и до ушей иностранных журналистов, которые, кстати, посещали места боев. А столь сенсационная информация не осталась бы без их внимания. Отсюда вывод: финны не причастны к уничтожению 120 раненых красноармейцев.

Теперь давайте рассмотрим другой вариант развития событий. Некоторые российские историки обвиняют работников НКВД, которые якобы и совершили этот бесчеловечный поступок, свалив всю вину на финнов. Их аргументация такова: советское руководство, а точнее руководство НКВД, отдало СЕКРЕТНЫЙ приказ или распоряжение об уничтожении раненых. При этом они ссылаются на выступление корпусного комиссара Васьугина на апрельском 1940 года совещании при ЦК ВКП (б), на котором он впервые озвучил данный факт расстрела. Якобы начальник особого отдела 18-й дивизии Московский и его заместитель Соловьев настойчиво добивались разрешения на выход из окружения. Увидев, что выполнить требования командования об эвакуации раненых не удастся, они предпочли уничтожить их, чтобы не оставлять врагу, а потом свалить всю ответственность на финнов.

Однако данное утверждение не соответствует действительности. Читаем стенограмму совещания: «...начальник особого отдела 18-й дивизии Московский и

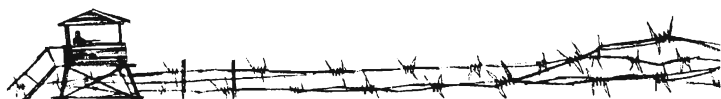

Соловьев – его заместитель, сообщают – погибаем, просят выплатить зарплату семьям за март, передать привет от нас и т. п. На следующий день два шифровальщика передали свои радиogramмы такого содержания: все кончено, погибаем, всем привет. Наконец, 27 февраля Кондрашев и Кондратьев присылают такую радиogramму: «Вы нас все время уговариваете, как маленьких детей, обидно погибнуть, когда рядом стоит такая большая армия. Требуем немедленного разрешения о выходе. Если это разрешение не будет дано, мы примем его сами или примут его красноармейцы»¹⁵¹ Что мы видим? Оказывается, не Московский и Соловьев, а Кондрашев и Кондратьев требуют разрешения о выходе из окружения. Думаю, сотрудники НКВД хорошо представляли, что их ждет, если они пробьются к своим.

Далее. Осознавая, что российские архивы не доступны в полном объеме для исследователей, надо отдавать себе отчет в том, что документы не находятся только в одном месте хранения. Существует «дублиаж» материалов, при котором некоторые документы НКВД могут оказаться в многочисленных бывших партийных архивах. Ведь перед тем как осудить коммуниста по той или иной статье уголовного кодекса, его **ОБЯЗАТЕЛЬНО** исключали из партии. Но документов нет...

Более того, 18-я дивизия не погибла полностью. Из окружения вышли свыше тысячи человек, среди которых были раненные. Я имел честь беседовать с некоторыми бывшими бойцами дивизии, и ни один не упоминает об этом инциденте. А ведь свидетели должны были быть. Уничтожение 120 человек в окруженном гарнизоне не могло было пройти незамеченным.

Конечно, опровергнуть или подтвердить этот факт даже сейчас, по прошествии более 60 лет, мы не можем. Но все же я склоняюсь к такой версии. В том хаосе и суматохе, которые царили в последние дни и часы в окруженном гарнизоне, раненых, как ни цинично это звучит, просто забыли взять с собой или преднамеренно их оставили, так как они затрудняли движение прорывающихся из окружения солдат. Вошедшие в расположение русских финны, не зная, что и кто находится

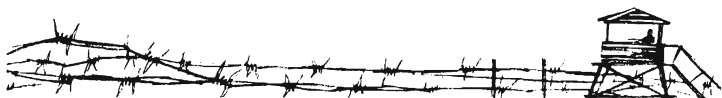

в землянках, забросали их гранатами. Остальные попросту замерзли без помощи. Косвенно это предположение подтверждает и высказывание комбрига 39-й танковой бригады Лелюшенко на апрельском совещании: «Я сужу по опыту первой конной, там ни одного погибшего не оставляли... а если ранен, то его обязательно подберут. Это имеет большое моральное значение на войне... Мы наблюдали такие недочеты. Это нужно учесть»¹⁵² То есть фактически признается, что в РККА по ряду причин могли оставить своих раненых военнослужащих на поле боя, не заботясь об эвакуации.

Итак, подводя итог этой трагедии, считаю вправе заявить, что раненых забыли или бросили в расположении гарнизона при отходе. Осознав абсурдность подобного поступка, высшее руководство армии попыталось свалить вину на финнов, обвинив их в пытках и уничтожении раненых военнопленных и использовав для этого пропагандистские штампы вроде «связанных ключей проволокой рук» и т. п.

Возвращаясь к тем красноармейцам, кто попал в плен к финнам, надо отметить, что выявление больных и раненых в Зимнюю войну начиналось уже при первичных допросах советских военнопленных. В случае необходимости нуждавшихся в медицинском обслуживании уже с передовых позиций отправляли в военные госпитали или гражданские больницы, например в Коккола. В этом городе во время Зимней войны было несколько госпиталей. Именно здесь располагались основные лечебные учреждения, которые специализировались на оказании медицинской помощи военнопленным. Причем эти госпитали функционировали и во время Зимней войны, и войны Продолжения. Однако в первую кампанию медицинский персонал был преимущественно финским, в то время как в 1941–1944 годах в Коккола трудились и советские военнопленные врачи.

Итак, первый госпиталь был организован в бывшем клубе. Он был способен принять до 130 больных. По разным оценкам, во время Зимней войны в нем проходили лечение около 80 раненых бойцов и командиров Красной Армии.

Под второй госпиталь отвели помещение начальной школы. Для больных выделили 350 косок, но фактически было занято только 150.

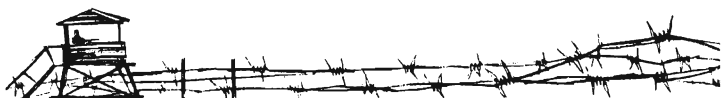
Третий – также здание школы. По словам вернувшихся на родину советских военнопленных, «учительницы работали медсестрами, а 13-летние школьники стояли с винтовками без штыков часовыми при школе». Такая же практика была и во время войны Продолжения, когда учеников привлекали к охране раненых пленных. Однако подобная охрана была номинальной – военнопленные не делали попыток бежать.

Основным диагнозом, с которым отправляли в госпиталь бойцов и командиров Красной Армии, было обморожение. Это связано прежде всего с тем, что в подразделениях Красной Армии часто не хватало зимнего обмундирования. По воспоминаниям финских военных полицейских, помогавших грузить красноармейцев в машины, у многих были настолько сильно обморожены стопы ног, что они не могли уже самостоятельно передвигаться. Их приходилось носить на носилках. Почти у всех были обморожены пальцы.

Как правило, первую медицинскую помощь таким военнопленным оказывали пленные советские военные врачи. Но, как говорится, в семье не без урода. Один русский военврач отказался, к немалому удивлению финнов, оказывать помощь раненым красноармейцам, хотя у него и были при себе необходимые медикаменты и перевязочный материал. Он потребовал от финнов, чтобы его изолировали от рядового состава, что и было сделано.

Другой случай зафиксирован советскими военными дознавателями в протоколах допросов вернувшихся военнопленных в апреле 1940 года.

«Военврач 2-го ранга Варашкин, 246 ОСБ питался хорошо, жил в отдельном домике, к нашим раненым относился варварски, если, например, медсестра давала освобождение, то он рвал это освобождение и посылал пленных работать. Сам военврач Варашкин во время беседы с ним говорит, что в плену заботился о раненых. Одет очень хорошо и не отощал, как другие

пленные. Все это очень подозрительно». Сложно судить из-за отсутствия достоверной информации, идет ли речь об одном и том же враче, или же это два разных случая.

Советские врачи лечили больных в лагерях, работая под началом главного врача-финна. Им помогали санитары из числа пленных, а также финские медсестры. Однако часто у врачей не хватало медицинских средств и медикаментов для лечения тяжелораненых и больных. Поэтому руководство лагерей настоятельно просило военную полицию направлять раненых, больных и обмороженных прямо в госпитали.

В лагерях больные советские военнопленные содержались в специально отведенных бараках или барачных помещениях. Режим содержания их в лагерях был более мягким, чем у остальных пленных. На врачей возлагалась обязанность следить за гигиеной, чистотой и порядком в лагере. Прием больных осуществлялся ежедневно с восьми часов утра. Пленные врачи докладывали о своих действиях и лечении главному врачу-финну лично или посредством медсестры-финки один — два раза в неделю. В январе 1940 года Ставка разослала в лагеря памятку, в которой оговаривались условия содержания и оплаты труда военнопленных врачей и санитаров. В этом документе, в частности, говорилось:

«Международный договор о способах ведения войны, который включен в постановление от 31 мая 1924 года, содержит главу III в статье 9 о гуманном отношении к персоналу, занимающемуся перевозкой раненых и больных. В случае пленения рассматривать их в качестве военнопленных. По статье 13 им следует выплачивать денежное довольствие, равное денежному довольствию военнослужащего своей армии соответственно их званию.

Медицинскому персоналу противника, попавшему в плен, не следует платить такую же зарплату, как и нашему медицинскому персоналу. Но предлагаю смягчить их режим содержания в лагере».

В соответствии с этой инструкцией предполагалось выплачивать: младшему медицинскому персоналу

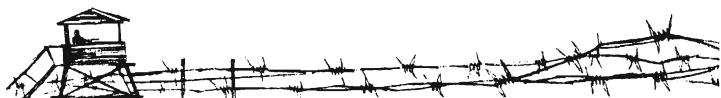

10 марок в день, а врачам 25–40 марок в день. Но было ли это исполнено, архивные документы умалчивают.

В финских госпиталях советские военнопленные содержались под усиленной охраной в отдельных палатах, в строгой изоляции от остальных пациентов. Доступ к ним тех, кто желал ознакомиться с ситуацией, был крайне затруднен. Иностранные журналисты отмечали, что для бесед с ранеными военнопленными требовалось специальное разрешение из Хельсинки. Как я уже отмечал ранее, В. Зензинов посетил одного такого раненого в ногу советского летчика. Несмотря на то что летчик был практически полностью изолирован от окружающего мира и с ним не разрешалось даже беседовать, на обращение с ним персонала госпиталя он не жаловался. Питание и уход за ним был такой же, как и за финскими ранеными. Зензинов отмечал, что летчик был фактически не восприимчив к финской пропаганде. Хотя в его комнате была установлена радиоточка, пленный не слушал передач финского радио на русском языке, считая их лживыми. Он, по словам журналиста, был уверен, что Финляндию втянули в войну Франция и Великобритания. Пленный лишь жаловался на скуку и просил выслать ему книги на русском языке.

Многие советские пленные, лечившиеся в финских госпиталях, отмечали хороший уход за ними. По их одобрительным рассказам, медицинскую помощь им оказывали такую же, как и финским раненым и больным солдатам. Впрочем, были и другие свидетельства. Некоторые вернувшиеся из финского плена бойцы Красной Армии показывали, что «больным помощи никакой не оказывали. У кого рана большая, тот умирал». Или же: «Пленных раненых привозили в конюшню, и они лежали по 10–12 дней, перевязывали раны не бинтом, а бумагой, часто финские медсестры оборачивали раны калькой из-под кофе и продуктов, что вызывало возмущение у пленных. На жалобы раненых офицеры отвечали зуботычинами и пинками».

По рассказам военнопленного Григория Андреевича Дьяченко, «в госпитале кормили, как свиней. В госпитале нисколько не лечили, рука чуть ранена, пилили пря-

мо, палыцы отрубали с кистями, перевязывали сами себя».

Военнопленный Иван Петрович Долгачев заявлял: «Видел, как был пристрелен тяжело раненный в живот заместитель политрука Баев 316 стрелковый полк 18 дивизии. Больных не лечили, финские санитары относились грубо и помощи не оказывали. Только от санитаров из военнопленных можно было получить помощь».

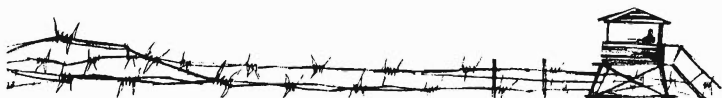
Военнопленный Хальза Ахметов, из 2-го батальона 984-го стрелкового полка 86-й дивизии утверждал:

«Лично видел пять случаев, когда в госпитале тяжело раненных выносили в коридор за ширму и делали им смертельный укол. Один из раненых кричал: «Не носите меня, я не хочу умирать». В госпитале неоднократно применялось умерщвление раненых красноармейцев путем вливания морфия. Так были умерщвлены военнопленные Терентьев и Блинов. Особенно финны ненавидели советских летчиков и над ними издевались, тяжело раненных держали без всякой медицинской помощи, отчего многие умирали. Когда больные просили воды, финны не давали, угрожая оружием».

Военнопленный Николай Семенович Филюта, кандидат в члены ВКП (б) из 220-го стрелкового полка 44-й стрелковой дивизии рассказывал:

«При отражении из станкового пулемета финнов 31.12.39 был ранен, гранатой оторвало левую руку и ослепило на оба глаза, был взят в плен. С меня стащили телогрейку, брюки и валенки и везли почти голого в 35–40 градусов мороза за 40 километров и бросили на ночь в холодную избу. Пришел в сознание в госпитале города Выборга, были обморожены у ног пальцы. До 8 февраля 1940 года на ногах ходил. Когда потребовали отдать партийный документ, я не отдавал, сопротивлялся. В издевательство надо мной отняли выше лодыжек обе ноги 8.2.40».

Полагаю, что эти рассказы военнопленных о жестокости не полностью соответствуют действительности. Еще раз хочу обратить внимание на то, где и при каких обстоятельствах давались эти показания. Но даже если в них есть большая доля правды, все-таки подобные

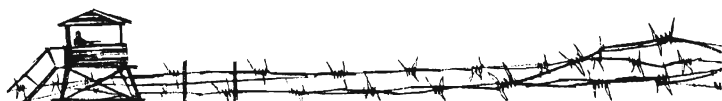
случаи убийств и издевательств над пленными красноармейцами не были массовыми. Скорее всего, эксцессы жестокости были вызваны личной ненавистью отдельных финских солдат к русским, а не политикой военных властей по отношению к военнопленным. Это подтверждают, в частности, данные о том, что за время Зимней войны в финском плену умерли всего 113 советских военнопленных.

События же войны Продолжения развивались по худшему сценарию. По свидетельствам финских исследователей, цифра смертности советских военнопленных только за первый год войны достигла 12 тысяч. Общая статистика еще более печальна – за время этой войны в финских лагерях и госпиталях скончались около 18 700 советских военнопленных. Если исходить из того, что общая численность советских военнопленных составляла 72 тысячи человек (самая высокая цифра, называемая исследователями), то, следовательно, почти каждый четвертый из них был зарыт в финскую землю. Это, конечно, очень большая доля. И она свидетельствует о больших нарушениях в сфере продовольственного и медицинского обеспечения военнопленных, об имевшихся многочисленных недостатках при соблюдении международных правил содержания военнопленных.

Медицинское обслуживание финских военнопленных во время войны Продолжения

Во время советско-финляндской войны 1941–1944 годов организация медицинского обслуживания военнопленных строилась в соответствии с постановлением Совнаркома Союза ССР №1798-800с от 1 июля 1941 года. В этом документе были прописаны основные принципы обслуживания пленных армий противника на территории СССР. В частности, в нем отмечалось:

«Раненые и больные военнопленные, нуждающиеся в медицинской помощи для госпитализации, должны быть немедленно направлены командованием частей в ближайшие госпитали, откуда они передаются в лагеря и приемные пункты НКВД – лишь после выздоровления.

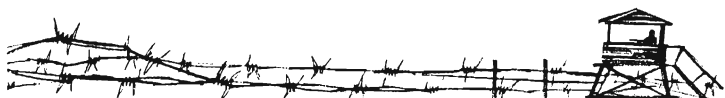

Военнопленные в медико-санитарном отношении обслуживаются на одинаковых условиях с военнослужащими Красной Армии».

Отбор больных и раненых военнопленных осуществлялся уже на этапе первичного учета пленных, то есть при передаче их на приемные пункты для военнопленных. После чего их направляли в эвакуационные и специальные госпитали.

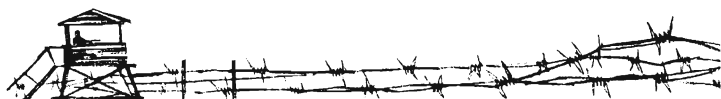
Во время войны Продолжения финские военнопленные содержались в следующих медицинских учреждениях на территории СССР в 1941–1944 годах:

№	Номер госпиталя	Место дислокации
1	1440	г. Кандалакша
2.	Э/г 1011	г. Ленинград, Кобоны, Ржев, Гатчина: июнь 1944 – октябрь 1945
3	1700	г. Иваново
4	Э/г 1035	ст. Мартук, Актюбинская обл., Казахстан
5	Э/г 1383	Теренсай, Оренбургская обл.
6	С/г 1773	ст. Быстрыги, Кировская обл.
7	С/г 1825	г. Череповец, Вологодская обл.
8	С/г 2074	ст. Пинюг, Кировская обл.
9	735	ст. Оять, Кировская обл.(Алеховщина)
10	Сэг 2222	г. Ленинград
11	С/г 2851	г. Уста, Горьковская обл.
12	С/г 2754	г. Онега, Архангельская обл.
13	С/г 2989	п. Камешково, Ивановская обл.
14	С/г 3007	ст. Фосфоритная, Кировская обл.
15	3064	Козловка, Чувашия, ст. Тюрлема
16	С/г 3757	ст. Шумиха, Челябинская обл.
17	Э/г3808	г. Бокситогорск, Ленинградская обл., ФППЛ №157
18	С/г3810	г. Боровичи, Новгородская обл., ФППЛ № 270
19	Сэг 4370	г. Рига, Латвия
20	С/г 5091	г. Череповец, Вологодская обл.
21	С/г 1631	п. Зубова-Поляна, Мордовия
22	С/г3171	п. Рудничный, Кировская обл.
23	Э/г 1327	г. Череповец, Вологодская обл.
24	Э/г 267	Ленинградская обл.
25	Асг 257	Ленинградская обл.
26	4252	Ст. Пага
27	1054	Госпиталь лагеря для военнопленных № 84, Свердловская обл.
28	1770	г. Архангельск
29	3888	Можга, Удмуртия.
30	Госпиталь №91	Карельский фронт

В продолжение ранее разработанных нормативных документов 6 октября 1943 года начальник УПВИ НКВД СССР генерал-майор Петров после согласования с наркомом здравоохранения Митеревым, начальником Главного военно-санитарного управления Красной Армии Смирновым и начальником врачебно-санитарного управления Наркомата путей сообщения Соколовым утверждает «Инструкцию о санитарном обеспечении военнопленных и спецконтингентов при поступлении на приемные пункты и фронтовые приемно-пересыльные лагеря НКВД и при железнодорожных перевозках». В соответствии с этим документом военнопленные в целях предотвращения проникновения в лагеря разного рода инфекционных заболеваний подвергались несколько раз медицинскому осмотру и санитарной обработке: на приемном пункте (со стрижкой волос, а при большой завшивленности и остальных волосистых частей тела), во фронтовом лагере, где пленные подвергались повторному медосмотру, полной санобработке и профилактическому карантину. Карантинный период устанавливался сроком на 21 день, во время которого военнопленным делали прививки против паратифа¹⁵³ брюшного тифа, холеры, дизентерии и оспы. Отправка контингентов до полного истечения карантинного срока была категорически запрещена. Затем партии пленных этапами отправлялись в тыловые лагеря. Но на практике в большинстве случаев эти положения инструкции не соблюдались. Примером тому может служить тот же Череповецкий лагерь, в который прибывали партии военнопленных, обросшие волосами и завшивленные.

Для транспортировки пленных в стационарные тыловые лагеря выделялся специальный эшелон, снабженный, как и во время Зимней войны, вагоном-изолятором. Санитарное обеспечение военнопленных в пути следования возлагалось на медицинский персонал лагеря-отправителя. В зависимости от количества этапируемых пленных варьировалось и количество медработников. Так, при численности эшелона до 250 человек их сопровождала одна медсестра. От 250 до 500 человек –

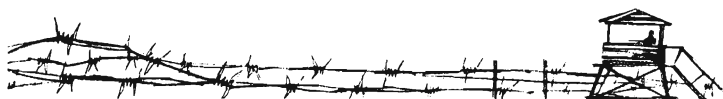

один фельдшер, от 500 до 1000 пленных – один врач и одна медсестра, свыше 1000 человек – один врач, один фельдшер и одна медсестра. В целях лучшего хозяйственного обеспечения и санитарного обслуживания УПВИ НКВД СССР рекомендовало не отправлять партии свыше 500 человек.

Заболевших в пути и требующих оперативной медицинской помощи военнопленных предписывалось сдавать, после оформления соответствующих документов, в лечебные учреждения системы Наркомата здравоохранения СССР на ближайшей станции следования эшелона. Так же поступали и с умершими в пути военнопленными. После оформления акта о смерти труп передавали органам милиции для погребения.

И хотя инструкция предписывала создавать для этаплируемых нормальные санитарно-бытовые условия, в реальной жизни этот приказ зачастую не выполнялся. По свидетельствам бывших финских военнопленных, условия в пути следования к лагерю были далеки от нормальных. Нередко пленных гнали пешком по 200–300 км до ближайшей железнодорожной станции. Из-за того, что снабжение продуктами питания не было достаточно хорошо организовано тыловыми подразделениями Красной Армии, были случаи, что военнопленные по двое – трое суток вообще не получали никакой пищи. Вагоны, предназначенные для перевозки пленных в лагеря, были переполнены и не были оборудованы нарами для сна. Часто вместо положенных 75–80 человек в них сажали гораздо больше людей. Нередко единственным отверстием в вагоне была дырка в полу, служившая одновременно и окном, и туалетом. В вагонах стоял смрад, так как многие пленные страдали диареей.

Вместо положенных нескольких дней следования до лагеря эшелоны нередко находились в пути по несколько недель. Один из составов добирался до места назначения около 53 суток, подолгу останавливаясь на станциях. Военнопленные получали недостаточное количество пищи и воды, и таким образом, в лагеря прибывали уже в значительной степени ослабевшие люди. Некоторые, не выдержав таких условий транспортировки,

умирали. В нашем распоряжении имеются данные, по крайней мере, о нескольких финских военнопленных, умерших во время пути следования до стационарного лагеря: Р. Леппянен (попал в плен 1941 в Lutto. Умер 25.11.1941, похоронен на ст. Карабас), А. Нурминен (попал в плен 17.12.1941 в районе Äänisjärvi. Умер 28.05.1942, похоронен в г. Молотов), Э. Пелконен (попал в плен 21.09.1941 в районе Vilmajoki. Умер 14.03.1942, ст. Всполье), У Соткасиира (попал в плен в октябре 1941 в районе Akonlahti. Умер 25.12.1941, Рузавка), П. Суугари-нен (попал в плен 20.08.1941 в районе Hiitola. Умер 4.12.1941, Бузулук), В. Вест (попал в плен 26.11.1941 в районе Jandeba. Умер 12.10.1942, Юдино).

Впрочем, советская сторона признавала плохие условия транспортировки военнопленных к местам их постоянного размещения. В докладной записке заместителя наркома внутренних дел Серова на имя Берии от 30.12.1942 года объяснялись причины большой смертности пленных на пути в лагерь. Причем, они полностью совпадают с причинами, упомянутыми выше. Интересна резолюция Лаврентия Берии на этом документе: «Прошу срочно наметить мероприятия и решить их»¹⁵⁴. Однако вплоть до окончания войны Продолжения серьезных улучшений условий транспортировки военнопленных так и не произошло.

В время войны Продолжения в стационарных медицинских учреждениях на финских военнопленных заводили документы по той же схеме, что и во время Зимней войны, то есть госпитальную карту и историю болезни, хотя их форма и претерпела некоторые изменения. Так, например, помимо общих данных в историю болезни теперь вносилась информация, откуда и когда поступил военнопленный, сколько дней пробыл в медицинском учреждении, когда, куда и каким транспортом убыл из госпиталя и, что немаловажно, когда умер и где погребен.

Затем по прибытии в лагерь в соответствии с директивой УПВИ НКВД СССР № 28/7309 от 17 июля 1942 года «О подразделении военнопленных на группы в зависимости от их физического состояния» на каждого воен-

но пленного заводилась медико-санитарная карта, в которую вносились следующие сведения:

Фамилия.

Имя.

Отчество.

Год рождения.

Национальность.

Чин и звание.

Дата взятия в плен.

Когда и откуда прибыл.

Вес.

Рост.

Мышечная система, подкожный жировой слой.

Состояние кожи, кожные заболевания.

Санитарное состояние (завшивленность, стрижка).

Физическое состояние (здоров, болен).

Предположительный диагноз (при болезни).

Нуждается в: 1) Стационарном лечении... да, нет...

2) амбулаторном лечении... да, нет...

«.....»194.. г.

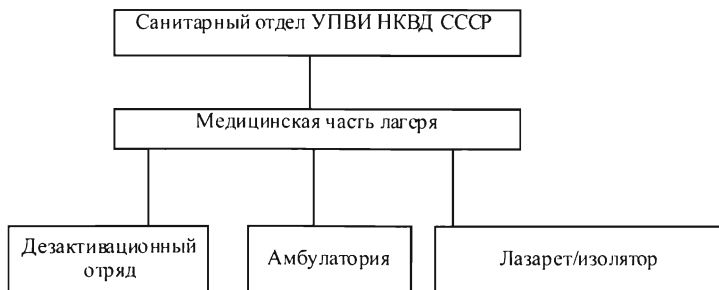
Подпись представителя сан. службы.

(заполняется при поступлении)

Эта карта заполнялась в лагерных лазаретах и медицинских пунктах.

Для медицинского обслуживания военнопленных непосредственно в лагерях были созданы:

Структура медицинского обслуживания в лагерях

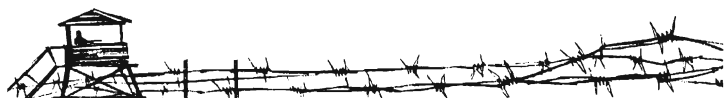

При организации лагерей предполагалось, что количество больных пленных не будет превышать 1,5% от общего их количества, содержащегося в лагере. Этот процент был рассчитан на относительно нормальную заболеваемость пленных. Именно с этим и были связаны основные проблемы, возникшие с медицинским обслуживанием военнопленных в лагерях. Тем более что с осени 1941 года и особенно зимой 1941/42 года в лагеря стали поступать пленные, чье физическое состояние было далеко от нормального. Суровая зима и отсутствие у военнослужащих армий противника достаточного количества теплого обмундирования привело к тому, что среди военнопленных этого периода войны увеличилось количество больных. Ситуация еще больше ухудшилась после Сталинградской битвы, зимой 1942/43 года. В лагеря стало поступать большое количество раненых, больных, истощенных и обмороженных военнопленных. Увеличилась и смертность пленных. УПВИ НКВД СССР, обеспокоенное этими обстоятельствами, направило лагерям предписание создавать дополнительные места в лазаретах, в зависимости от фактической потребности.

В 1941–1942 годах в тыловых районах Советского Союза действовало всего два спецгоспиталей Наркомата здравоохранения СССР (НКЗ СССР). Вплоть до 1943 года во фронтовых районах и в районах действий армий спецгоспиталей не было. К 1943 году вопрос о необходимости создания данных медицинских учреждений встал очень остро, так как только после Сталинградской битвы и Воронежской операции января – февраля 1943 года количество военнопленных, нуждавшихся в госпитальном лечении, приближалось к 40 тысячам. Исходя из возникших потребностей, УПВИ НКВД СССР приняло решение о создании 31 спецгоспиталя с общим количеством коек – 19 100. В зоне действия фронтов были выделены госпитали для обслуживания военнопленных, которые закрепили за приемно-пересыльными лагерями. В каждом таком госпитале было около 300 мест.

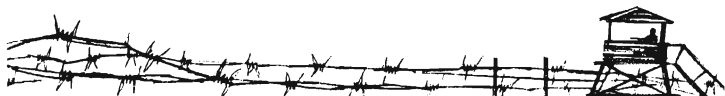
Основной проблемой изучения вопроса медицинского обслуживания финских военнопленных в СССР во

время войны Продолжения является то обстоятельство, что они не выделялись в отдельную группу учета, как это было с немцами. Это, в первую очередь, вызвано тем, что количество финнов в советском плену было незначительным по сравнению с немецкими военнопленными. Статистические данные, приведенные в «Отчетном докладе о работе УПВИ НКВД СССР с июля 1941 по март 1944 г.», дают лишь общую картину о количестве пленных, находившихся в СССР в спецгоспиталях, в том числе и финских.

Количество иностранных военнопленных в спецгоспиталях

Периоды	Поступило	Выписано
1941–1942	4500	3862
1943		
январь	2340	560
февраль	18 079	1423
март	20 851	2049
апрель	5169	1213
май	7364	3688
июнь	2447	5474
июль	3544	2638
август	5457	1867
сентябрь	4366	4248
октябрь	2445	3160
ноябрь	2930	2718
декабрь	2994	2 285
ИТОГО за 1943	77 886	31 323
1944		
январь	5589	1525
февраль	2874	2215
ИТОГО за 1944	8463	3740

В соответствии с данными этого же отчета к марту 1944 года через спецгоспитали прошли 90 909 военнопленных, из которых:

- выписались по выздоровлению – 38 925 человек;
- умерли от болезней и ран – 34 623 человека;
- находились на лечении на 1.03.44 – 1230 человек.

Установить точное количество финских военнопленных, прошедших через систему спецгоспиталей УПВИ НКВД СССР, достаточно сложно из-за отсутствия полной и достоверной информации в российских архивах.

Финский исследователь Тимо Малми приводит данные о том, что в госпиталях системы УПВИ НКВД СССР в период войны Продолжения скончались 79 военнопленных финской армии¹⁵⁵. Думаю, что эти данные явно занижены. Например, только в ноябре 1944 года в спецгоспитале № 1825, обслуживавшем Череповецкий лагерь № 158, умерли 30 финских военнопленных¹⁵⁶ (Череповецкий лагерь № 158 УПВИ НКВД СССР обслуживало два медицинских учреждения: спецгоспитали № 5091 и 1825.) Трудно поверить, что лишь за один месяц смертность финских военнопленных составила почти половину всех смертей финнов в госпиталях системы УПВИ. Кроме того, необходимо отметить и то обстоятельство, что в некоторых случаях умерших в первые часы прибытия в госпитали не всегда регистрировали.

Анализ имеющихся в нашем распоряжении медицинских карт и историй болезней за 1941–1944 годы показывает, что наиболее распространенными заболеваниями, с которыми финны поступали в госпитали, являлись: дизентерия и сопутствующие ей заболевания – колит, энтероколит и гемоколит; дистрофия, пневмония и заболевания, связанные с недостатком витаминов. Причем нередко военнопленный поступал в стационарные медицинские учреждения с совокупностью болезней: дистрофией, дизентерией и авитаминозом.

В 1941–1942 годах в большинстве случаев при госпитализации ставился диагноз «дизентерия», в 1942–1943 годах – дистрофия, пеллагра, дизентерия и туберкулез.

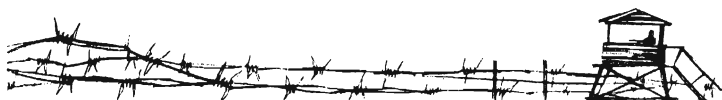
В конце войны ситуация практически не меняется. Так, из 58 случаев в июле – августе 1944 года причиной госпитализации военнопленных были дизентерия, гемоколит, энтероколит.

Таким образом, на протяжении всей войны Продолжения основным поводом для госпитализации были заболевания, вызванные некачественным питанием и невозможностью соблюдения в полной мере правил личной гигиены в лагерях.

Необходимо сразу оговориться, что имеющиеся в нашем распоряжении документы отражают картину заболеваемости только поступивших в госпитали. Данные о причинах заболеваемости финских военнопленных, содержащихся в лагерных лазаретах и больницах, практически полностью отсутствуют. И нередко восстановить ее можно только по актам патологоанатомических экспертиз, то есть после смерти пленного. При этом при подсчете заболеваемости и смертности военнопленных во внимание принимался лишь наиболее тяжелый диагноз. Если военнопленный поступал в госпиталь с диагнозом: дистрофия и дизентерия, то нередко причиной смерти отмечалась дистрофия.

На всем протяжении войны Продолжения ситуация со здоровьем военнопленных оставалась достаточно тяжелой. Но если в госпиталях пленные финны получали квалифицированный медицинский уход и подавляющее большинство вернулось в лагерь по выздоровлении, то в лагерных медицинских учреждениях положение было на порядок хуже.

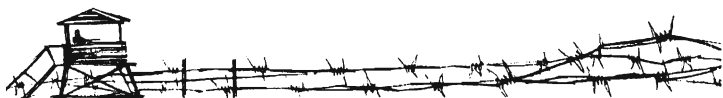
В первую очередь, это было связано с нехваткой квалифицированных медицинских кадров. Так, например, в отчете о работе Череповецкого лагеря №158, где в период войны Продолжения было сконцентрировано подавляющее большинство финских военнопленных – около 1800 человек, отмечалось, что медико-санитарная служба лагеря была организована на базе медицинского пункта Отдельной исправительно-трудовой колонии. К моменту прибытия первой партии военнопленных в июле 1942 года она состояла всего из четырех человек – начальника и трех медицинских

работников с незаконченным средним специальным образованием выпуска военного времени. То есть квалификация персонала была на очень невысоком уровне. Помимо этого, нехватка медработников стала очевидной в связи с открытием лагерных отделений. Так, комплект врачей к 1944 году составлял 21 человек, фармацевтов – четыре человека, фельдшеров – четыре человека, медсестер – 10 человек.

В связи с нехваткой медперсонала в лагере достаточно широко использовался труд военнопленных врачей и санитаров. В их задачу, в основном, входило осуществление санитарного надзора в бараках, других местах расположения пленных, то есть первичный контроль за состоянием здоровья военнопленных. Однако к медицинскому освидетельствованию контингента лагеря врачи из числа пленных не допускались. Им было запрещено выдавать справки, освобождающие от работы, они не принимали участия в заседаниях врачебных комиссий, устанавливающих группу трудоспособности, а также на всем протяжении существования лагеря они не допускались к работе в санитарном отделении управления лагеря.

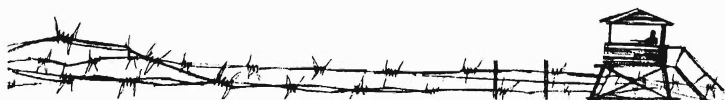
Администрация лагеря столкнулась еще с одной проблемой: использование военнопленных-врачей осложнялось незнанием ими русского языка. В данной ситуации приходилось прикреплять к ним советского врача-переводчика и медицинского работника, ведущего записи в книгах амбулаторных посещений на русском языке. Нередко это приводило к тому, что хотя бы немного знающие русский язык военнопленные, как это было с Тойво Ярвеля, становились помощниками медперсонала. Впрочем, их использовали на самых черных, не требующих специальных навыков, работах по уходу за больными: мытье, помощь несходячим и т. п. В 1944 году у работников лазарета появилось право вести записи на родном языке, что существенно упростило дело и высвободило некоторое количество советского медперсонала для других целей, но все же нехватка врачей чувствовалась. В связи с этим было принято решение наиболее опытных и профессиональ-

но подготовленных фельдшеров использовать в качестве врачей.

Снабжение лагерей медикаментами вплоть до апреля 1943 года осуществлялось через местные органы Народного комиссариата здравоохранения по специальным нормам, установленным УПВИ. Но эти нормы не выдерживались, и снабжение медикаментами не удовлетворяло штатные потребности лагерей. Кроме того, ввиду военного времени, во многих лагерях не хватало самых простых перевязочных материалов, не говоря уже о дефицитных медикаментах. С апреля 1943 года лагеря для военнопленных были прикреплены для снабжения медикаментами к санитарным управлениям фронтов и санитарным отделам военных округов. Однако на деле это не повлекло существенных изменений в снабжении медикаментами, как предполагалось руководством УПВИ. Так, например, Череповецкий лагерь изначально снабжался медсредствами за счет вологодских аптечных баз. В апреле 1944 года, в связи с передислокацией аптекобаз, санитарное обеспечение лагеря перешло под контроль санитарного отдела Архангельского военного округа. Переподчинение привело к тому, что заявки на медикаменты удовлетворялись на 70–75%, что не соответствовало реальным потребностям лагеря. Особенно плохо обстояло дело с поставками дифтеритной сыворотки, дизентерийной вакцины и сыворотки, бактериофага — эти лекарства перестали присылать в лагерь. В результате, к третьему кварталу 1944 года в сануправлении Череповецкого лагеря запас данных медикаментов не превышал 20% от требуемого количества. Это в конце концов фактически привело к эпидемии данных заболеваний в лагере, о чем речь пойдет ниже.

Ситуация в Череповецком лагере осложнялась еще и тем, что, несмотря на распоряжение УПВИ НКВД СССР, не только на приемные пункты для сбора военнопленных, но и в сами лагеря прибывали пленные, состояние здоровья которых внушало серьезные опасения. В первом же этапе, прибывшем в лагерь, было до 75% больных дистрофией II и III степени, все были небритые, нестриженные и завшивевшие.

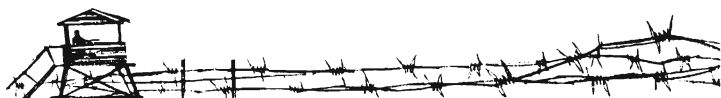

Особенно тяжелая ситуация в Череповецком лагере сложилась в 1942–1943 годах. К месту постоянного размещения пленных конвойные войска НКВД доставили даже инфекционных больных. Особенно много было больных дизентерией: 1942 год – 13 человек, 1943 год – 140, 1944 год – 1458 человек. Но особенно большой процент заболеваемости этой болезнью был среди немецких военнопленных.

Дизентерия и другие кишечные заболевания стали настоящим бичом Череповецкого лагеря. Общее количество заболевших достигало 7% от учетного состава лагерного контингента. Администрация и санитарное управление по мере своих сил и возможностей старались изолировать больных кишечными заболеваниями от остальной массы военнопленных. При наличии необходимых медикаментов делались профилактические прививки. Сами военнопленные также старались найти свои способы борьбы с этими заболеваниями. Одним из таких эффективных способов борьбы с диареей пользовался финский военнопленный Эско Луостаринен. В своих воспоминаниях он упоминает, что всегда носил в карманах кусочки угля. По мере необходимости он их сосал и тем самым в какой-то степени смог справиться с этой болезнью.

Нередко дизентерия сопровождалась тяжелой формой пневмонии. Особенно это было характерно для поступавших в лагерь ослабленных военнопленных из фронтовых приемных пунктов. Клиническая картина в таком случае была очень тяжелая – смертность доходила до 7%. Однако, несмотря на принимаемые профилактические меры, ситуация с данными заболеваниями оставалась крайне тяжелой на всем протяжении существования лагеря.

Другим заболеванием, которое существенно увеличивало процент смертности среди военнопленных, была дифтерия. Как и в случае с дизентерией, она в основном заносилась из фронтовых приемных пунктов. Лишь только за июль – сентябрь 1944 года в Череповецкий лагерь поступили 172 военнопленных, больных дифтерией. Пик поступления заболевших пришелся как раз

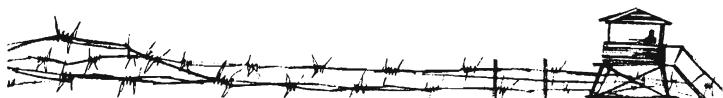

на тот период, когда в лагере сложилась катастрофическая ситуация с противодифтерийными сыворотками. И именно в это время в лагерь стало прибывать особенно большое количество финских военнопленных. Отсутствие эффективных медицинских препаратов для профилактики и борьбы с дифтерией в лагере привело к большому проценту смертности среди финнов. К сожалению, установить точное количество умерших от этого заболевания финских пленных очень сложно, так как мы не располагаем всеми необходимыми данными.

Отсутствие нужных для борьбы с дифтерией медикаментов резко увеличило смертность пленных до 17,9% от общего количества заболевших. Для сравнения примем к сведению доклад начальника управления Череповецкого лагеря № 158 капитана Тимошенко, в котором отмечалось, что в начале 1944 года при наличии вакцин против дифтерии смертность не превышала 0,18% от общего количества заболевших¹⁵⁷. После выздоровления, в целях обеспечения профилактических мер, переболевших военнопленных изолировали от остального контингента лагеря в отдельном бараке.

Кроме инфекционных больных, в Череповецкий лагерь с этапами постоянно прибывало большое количество и больных дистрофией. Лагерная администрация была вынуждена госпитализировать их сразу же после прибытия. С момента прибытия первой партии пленных на всем протяжении функционирования лагеря ситуация не менялась в лучшую сторону. Так, например, в 1942 году в лагерь поступили 93 дистрофика, в 1943 – 259, в 1944 – 1294 человека, больных дистрофией. Нередко в лагерь доставлялись уже трупы.

Военнопленных, больных инфекционными заболеваниями, срочно госпитализировали, но избежать смертности среди них, несмотря на усилия медперсонала, не удавалось. За интересующий нас период с 1942 по 1944 год в лазаретах санитарных частей и в лазарете управления лагеря от разных болезней, преимущественно от дистрофии, дизентерии, брюшного и сыпного тифа, умерли 586 военнопленных. По годам эти данные распределяются следующим образом:

1942 – 15 человек,
1943 – 29 человек,
1944 – 542 человека¹⁵

Эти данные приводятся в «Истории лагеря МВД № 158 для военнопленных г. Череповец 1942–1948 гг.», датированной 29 марта 1948 года. Впрочем, в другом документе, «Докладе о деятельности расформированного лагеря МВД для военнопленных № 158, дислоцировавшегося в Вологодской области» от 10 января 1949 года, информация об умерших здесь приводится несколько иная. Так, за весь период существования лагеря, скончались 2 130 военнопленных. Из них:

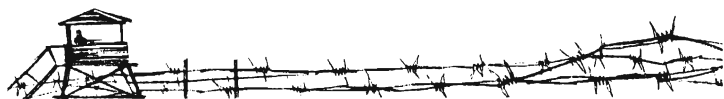
в 1943 – 32 человека,
в 1944 – 600 человек.

Среди них, по свидетельству Т. Малми, умерли 103 военнопленных финской армии. По данным череповецкого журналиста В. Кононова, составившего на основании данных архива МВД Вологодской области список умерших финских военнопленных, в лагере №158 НКВД СССР скончались 110 финнов.

Руководящие работники лагеря вполне объективно оценивали недостатки и просчеты в организации медицинского обслуживания военнопленных. Более того, они всерьез были обеспокоены таким положением вещей. Естественно, во многом это было вызвано не столько гуманизмом и человеколюбием, сколько требованиями УПВИ НКВД СССР о трудовом использовании пленных и выполнении ими производственных заданий.

На основании приведенных выше примеров можно сделать вывод о том, что общий процент заболеваемости и смертности военнопленных существенно зависел от того, в каком состоянии прибывали этапные эшелоны с фронтовых приемных пунктов.

Ситуация с плохим медицинским обслуживанием сложилась не только в Череповецком лагере № 158, но и в других местах размещения военнопленных. Например, в докладной записке заместителя начальника управления Унжлага (Горьковская обл.) лейтенанта госбезопасности Кабанова и заместителя начальника

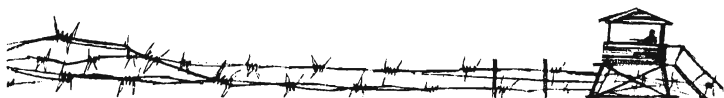

санитарного отдела этого лагеря Широкова на имя начальника управления Унжлага Автономова от 15.05. 1942 года отмечалось, что состояние здоровья лагерного контингента по сравнению с концом апреля 1942 года резко ухудшилось. В этот момент в лагере находились 1294 человека. Если в конце апреля медицинская комиссия определила годными к физическому труду 527 человек, то в середине мая трудоспособных было всего 223 человека. Остальные военнопленные страдали, в основном, от авитаминоза, с превалированием пеллагры, с характерными для нее признаками: отеками нижних конечностей, сухостью кожи, пигментацией, специфическими сыпями, резким истощением и понижением интеллекта.

В этом документе, в частности, отмечалось, что, несмотря на освобождение от работ и помещение в стационары больных, цифра первично обращающихся за медпомощью не снижалась, а наоборот росла. Так, по сравнению с 20 апреля 1942 года количество госпитализированных военнопленных увеличилось на 34,2%. Если 30 апреля 1942 года на стационарном лечении находились 485 человек, то 10 мая – 548 военнопленных. Кроме того, к пеллагре, по свидетельству Кабанова и Широкова, добавилось бессимптомно протекающее воспаление легких, дававшее 100% смертности. Таким образом, количество госпитализированных больных нарастало за счет военнопленных, страдающих авитаминозом и пневмонией.

Руководство лагеря в своей докладной записке выделяло несколько основных причин, вызвавших массовое заболевание желудочно-кишечными инфекциями в мае 1942 года:

- неправильное трудоиспользование военнопленных,
- плохие бытовые условия,
- весенне-летние инфекции,
- недостаток квалифицированных медицинских кадров,
- обострение пеллагрозных заболеваний,
- недостаток питания.

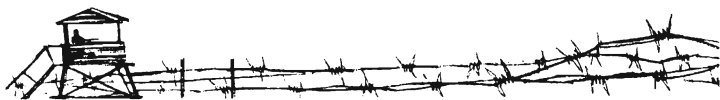

Если с первыми четырьмя причинами санитарный отдел лагеря мог справиться своими силами, то последние связанные между собой два обстоятельства – пеллагра и недостаточное питание военнопленных вызывали тревогу у администрации Унжлага. Существовавшая система замены недостающих продуктов на другие привела к тому, что в рационе пленных не хватало витамина РР – никотиновой кислоты. Для уже больных пеллагрой и другими заболеваниями требовалось мясо, но его не хватало.

Так, по расчетам санотдела лагеря, данной категории больных пеллагрой (423 человека) и других ослабленных пленных (123 человека) необходимо было в день по 173 г и по 70 г мяса соответственно. То есть потребность составляла 817,9 кг в месяц, а реально было выдано только 345 кг.

Вышеперечисленные причины и нехватка медикаментов в Унжлаге привели к тому, что только за первые две недели мая 1942 года в лагере скончались 25 военнопленных, из них 21 от пеллагры.

Аналогичная ситуация складывалась и в Оранском лагере НКВД № 74. В декабре 1942 года начальник лагеря лейтенант госбезопасности Кузнецов и начальник санотделения Файнберг докладывали Сопруненко о плохом состоянии здоровья военнопленных, поступающих в Оранки. В рапорте, в частности, отмечалось, что из прибывших 18 декабря 1942 года в лагерь 3469 пленных 1345 человек, или 38,2%, оказались больными. Руководство лагеря было вынуждено сразу после прибытия госпитализировать 236 человек. Медицинская служба лагеря оказалась не подготовленной к такому количеству ослабленных военнопленных: корпуса медчасти были переполнены, что не могло не сказаться на физическом состоянии контингента. Кроме того, многие пленные, требующие госпитального лечения, оставались в бараках. Вследствие этого только за две недели, с 18 декабря 1942 по 1 января 1943 года, в Оранках скончались 215 военнопленных. Причинами смерти были дистрофия, пеллагра и понос, то есть, вероятнее всего, дизентерия.

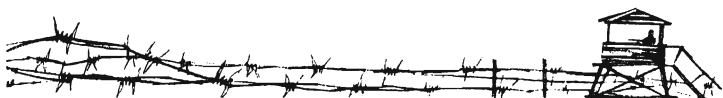

В докладной записке на имя начальника УПВИ руководство лагеря отмечало, что для улучшения медицинского обслуживания военнопленных были созданы дополнительные места в лазарете, вместимость которого была увеличена до 330 коек. Кроме того, в январе 1943 года развернули филиал лазарета на 180 коек. Таким образом, медицинская часть лагеря могла принять на стационарное лечение около 500 больных одновременно. Это несколько исправило ситуацию со смертностью военнопленных.

Так, в соответствии со «Списком военнопленных, захороненных в общих могилах на старом кладбище лагеря № 74 МВД СССР с начала его организации до получения директивы ГУПВИ МВД СССР № 28/2/23 от 24 августа 1944 года об установлении квадратов и могил на кладбищах для военнопленных», составленным в 1949 году управлением лагеря, мы видим, что если в 1942 году скончались 302 пленных, то в 1943 году – около 240 человек. Среди умерших в 1942 году было 19 финнов, в 1943 – пять. Данные за 1944 год о захороненных на этом кладбище финских военнопленных в списке отсутствуют.

К марту 1943 года руководству УПВИ становится очевидно, что ситуация с медицинским обслуживанием в лагерях складывается не лучшим образом. В результате проведенных проверок мест размещения пленных УПВИ издает директиву № 120 от 16 марта 1943 года «О мероприятиях по улучшению физического состояния военнопленных», в которой, в частности, отмечалось, что в некоторых лагерях нарушаются приказы НКВД СССР о содержании пленных и не обеспечены надлежащие санитарно-бытовые условия для контингента лагерей.

В соответствии с этим документом в местах постоянного размещения военнопленных предписывалось наладить тщательный осмотр контингента лагеря с целью своевременного выявления среди них больных, в первую очередь дистрофиков и больных начальной формой пеллагры. Эту группу военнопленных следовало немедленно направлять на стационарное лечение в лазареты и госпитали.

Санитарным отделам лагерей предписывалось обеспечить регулярную дезинфекцию вещей и постельных принадлежностей, организовать профилактические мероприятия по предупреждению острых желудочно-кишечных заболеваний, особо обратив внимание на брюшной тиф, паратифы, холеру и дизентерию. Для этого приказывалось навести санитарный порядок на территории лагерей, то есть своевременно производить очищение от нечистот, не допускать загрязнения водоемов, производить заливку гашеной известью выгребных ям и уборных. Этой работе предписывалось уделить особое внимание в связи с приближением весенне-летнего периода.

Ответственность за проведение вышеперечисленных мероприятий заместитель народного комиссара внутренних дел Круглов возложил на народных комиссаров республик, начальников УНКВД краев и областей, на территории которых размещались лагеря для военнопленных.

В связи с этим необходимо отметить то обстоятельство, что учет умерших военнопленных велся беспорядочно и хаотично вплоть до 13 августа 1943 года, когда заместитель народного комиссара внутренних дел СССР Круглов подписал директиву НКВД СССР № 413 «О порядке учета умерших военнопленных». Этот документ был адресован начальникам УНКВД-НКВД, начальникам лагерей НКВД и начальникам госпиталей военнопленных и предлагал во всех лагерях и госпиталях наладить персональный учет умерших военнопленных, поэтому официальная статистика УПВИ НКВД СССР существенно отличается от цифр, выявленных в последнее время. Так, на основании данных УПВИ за годы войны Продолжения в СССР скончались 403 финских солдата и офицера. Как уже отмечалось, по данным Т. Малми – 1388. Существенное расхождение в цифрах можно объяснить тем, что советские данные принимают в расчет только тех пленных, которые умерли в госпиталях и лагерях для военнопленных, то есть были поставлены на учет в УПВИ НКВД СССР. Те же данные не учитывают пленных, захваченных в плен партизанами, разведкой и т. п.

и расстрелянных после получения от них информации. Так же нередко не учитываются данные об умерших от ран на пути к сборно-пересыльным пунктам и лагерям.

В распоряжении исследователей тем не менее имеются данные о количестве умерших и о причинах смерти военнопленных в спецгоспиталях. Несмотря на то что это общие данные о военнослужащих всех армий противника, в общем и целом, причины смерти и процент смертности характерен и для финских военнопленных этого периода войны. Эти цифры подтверждает и анализ госпитальных карт и историй болезней финских военнопленных. Есть, правда, одно исключение: в имеющихся в нашем распоряжении документах не такой высокий процент смертности от ранений, обморожений и их последствий. Процентный рост по данной категории учета среди всех военнопленных вызван большим процентом летальных исходов среди немецких военнослужащих.

Отчет УПВИ НКВД СССР дает такие данные по диагнозам и удельному весу (приняв общую смертность военнопленных за 100%).

Смертность военнопленных в СССР в 1941–1942 годах:

Дистрофия – 61,0%.

Ранения – 22,0%.

Обморожение и его последствия – 9,0%.

Туберкулез и плеврит – 2,5%.

Сыпной тиф – 2,0%.

Дизентерия – 1,0%.

Воспаление легких – 1,0%.

Прочие – 1,0%.

Смертность военнопленных в СССР в 1943 году:

Дистрофия и авитаминозы – 66,5%.

Туберкулез и плеврит – 9,2%.

Воспаление легких – 4,0%.

Сердечная недостаточность – 3,9%.

Ранения и хирургические заболевания – 3,7%.

Обморожения и его осложнения – 2,8%.

Дизентерия – 2,8%.
 Сыпной тиф – 2,7%.
 Брюшной тиф – 0,3%.
 Прочие заболевания – 4,1%.

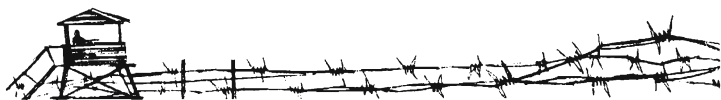
Смертность военнопленных в СССР в 1944 году:

Диагноз	январь	февраль
Дистрофия	62,3%	61,2%
Туберкулез	18,7%	17,2%
Сыпной тиф	6,2%	4,1%
Воспаление легких	4,2%	3,6%
Сердечнососудистая недостаточность	3,4%	5,3%
Дизентерия	2,5%	2,3%
Ранение	1,1%	1,0%
Обморожение	0,2%	0,3%
Прочие	1,4%	5,0% ¹³⁹

Эти данные подтверждаются информацией о смертности финских пленных в лагере для военнопленных № 27 в г. Красногорске. На кладбище похоронены пятеро бывших военнослужащих финской армии – четверо финнов и один швед.

Финские военнопленные, умершие в Красногорском лагере № 27:

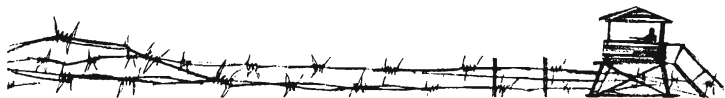
Ф.И.О.	Год рождения	Звание	Дата смерти	Причина смерти
Неваранда Вяйно Илмар	1910	Солдат	24.07.42	Пеллагра и гемоколит
Вестерхольм Хелге Альфред	1912	Солдат	20.09.42	Декомпрессия сердца
Линдман Павел-Михаель Карл-Август	1918	Солдат	03.11.42	Пеллагра, развившаяся на фоне дистрофии
Кейнонен Матвей Матвеевич	1911	Сержант	4.12.42	Правостороннее воспаление легких
Лайне Эйно Фридрих	1917	Капрал	26.07.43	Туберкулез

1. Лайне Эйно Фридрих (Laine Eino Fredrik). Капрал 7./III/KTR 2, 26.10.1917 г. р., проживал до призыва в деревне Кирхункиоля, Эспоо, электромонтер по гражданской специальности, с семью классами образования, с 1936 по 1938 год член демократической партии молодежи, разведен, матрикулярный номер 999837, служил в 3 полку, 7 батарее. Полевая почта – 4073. Был осужден в штрафбат 10 января 1942 года. Попал в плен 2 мая 1942 года у деревни Осто Свирского направления. Прибыл в лагерь № 27 5 мая из лагеря № 158. В лагере № 27 находился в лазарете, где и умер 26 июля 1913 г. от туберкулеза. Похоронен 27 июля 1943 г. на северной окраине города Красногорска (ныне кладбище не существует). В деле имеется фотография профиль и анфас. Дело № 59240

2. Кейнонен Матвей Матвеевич (Keinonen Matti). Сержант 3.KKK/JR 31, 05.06.1911 г. р., из деревни Хемоя Сортовальского р-на Выборгской губернии, плотник, 6 классов образования, беспартийный. Был призван в армию 26 июня 1941 года, служивший пулеметчиком в 3 батальоне 3 пулеметного взвода. Пленен 31 мая 1942 года у Беломорска. В лагерь № 27 прибыл 5 октября 1942 года из лагеря № 158. Умер 14 декабря 1942 г. от правостороннего воспаления легких. Похоронен 15 декабря 1942 г. на северной окраине г. Красногорска (ныне кладбище не существует). В деле имеются: фотография профиль и анфас; медико-санитарная карта № 152; производственно-бытовая характеристика от сентября 1942 г., акт о смерти из лагеря № 27 и фотография профиль и анфас. Дело № 39275

3. Линдман Павел-Михаэль Карл-Август (Lindman Raavo Mikael). Рядовой Е/II/JR 34, 12.02.1918 г. р., уроженец деревни Иоэн-Сункартано, провинции Халикко Абобернборской губернии, крестьянин с 6-ю классами образования, имел жену Эльви 20-ти лет, был членом демократической партии молодежи с 1932 г., служил в 17 пд, 34 пп, 2 батальон, в разведвзводе. Полевая почта – 7656. Пленен 11 октября 1941 года в р-не Коковичи. В деле имеются: протокол допроса № 186 от 2 ноября 1941 г.; протокол допроса из Особого Отдела 7-й Армии

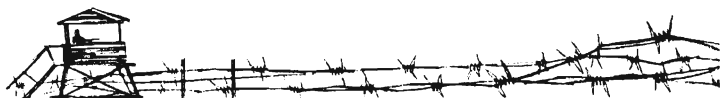

от 2 ноября 1941 г.; приказ об аресте из лагеря № 74 в Орансках за кражу муки от 2 марта 1942 г.; рапорт о краже из лагеря № 74; приказ из Красногорского лагеря от 27 сентября 1942 года о взыскании на военнопленного «за порчу одеял», из которых сделал себе кашне. Акт о смерти от 3 ноября 1942 года из лазарета лагеря № 27 за подписью врача Нацвишвили. Скончался от пеллагры развившейся на фоне дистрофии. Похоронен 4 ноября 1942 г. на северной окраине г. Красногорска (ныне кладбище не существует). В деле имеется фотография профиль и анфас. Дело № 57280.

4. Вестерхольм Хелге Альфред (Westerholm Helge Alfred Birger). Рядовой 15.Torj.K, швед. Родился 23.02.1912 в деревне Сколе, уезд Таммисаари, 6 классов образования, беспартийный, кузнец. До призыва проживал в деревне Ооминнефоре, уезд Пуде, губерния Ууденмаа. Призван в армию 21 июня 1941 г. и служил пулеметчиком в 2 взводе, 15 роте. Женат на Ольге (29 лет), имел дочь Суулвей (1,5 года). Акт о смерти от 20 сентября 1942 г. из лазарета лагеря № 27. Скончался от декомпрессии сердца. Похоронен 21 сентября 1942 г. на северной окраине г. Красногорска (ныне кладбище не существует). В деле имеется фотография профиль и анфас, дополнение к опросному листу, характеристика из Спасозаводского лагеря от 4 февраля 1942 года и постановление о передаче дела в архив. Дело № 14207

5. Неваранда Вяйно Илмар (Nevaranta Väinö Armas). Рядовой 2./Ег.Р 21, 10.08.1910 г. р., Нурмиярви. Опросный лист пустой (не заполнен ввиду болезни военнопленного), но в деле имеются: акт о вещах, сданных на склад; акт о смерти от 24 июля 1942 г. из лазарета лагеря № 27; история болезни № 50. Скончался от пеллагры и гемоколита в 8 часов 55 минут по московскому времени 24 июля 1942 г. Похоронен 25 июля 1942 г. на Пенягинском кладбище при селе Павшино (кладбище существует). Регистрационно-учетный № 1520. Дело № 90520¹⁶⁰

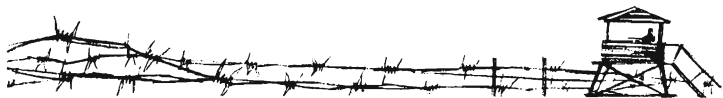
С 1943 года, когда проблема со здоровьем военнопленных стала особенно острой, в местах постоянного размещения пленных начали создавать оздоровительные команды. В них направлялся наиболее ослабленный

контингент. Практически все финские военнопленные, попавшие в лагеря до середины 1944 года, прошли через систему оздоровительных команд. В октябре 1944 года, в соответствии с приказом НКВД СССР № 0219, 15 производственных лагерей были реорганизованы в специальные оздоровительные, а во всех других были открыты оздоровительные лаготделения на базе наиболее благоустроенных помещений. В соответствии с распоряжением заместителя наркома внутренних дел Круглова оздоровительные отделения должны были принимать до 10% от численного состава лагеря.

Однако, в отличие от Зимней войны, во время войны Продолжения было не только худшее продовольственное снабжение финских военнопленных, но и гораздо более плохое их медицинское обслуживание. В связи с этим смертность финских пленных была довольно высокая как во время следования в лагеря, так и в самих лагерях. Только по официальным данным, предоставленным финской стороне на основании статьи 10 Соглашения о перемирии между СССР и Финляндией, на территории Советского Союза скончались 403 человека. Однако вряд ли мы можем принять в качестве окончательного этот количественный параметр, учитывая то обстоятельство, что за последние десятилетия открылись новые архивные материалы. В базе данных Ассоциации «Военные мемориалы» (Россия), составленной в 90-е годы, имеется информация о 662 могилах граждан Финляндии на территории бывшего СССР, умерших, в том числе, и во время следования из одного лагеря в другой. Впрочем, и эти списки не являются точными и окончательными, так как в них, например, включены гражданские лица.

В ходе подготовки данной работы было выявлено 997 фамилий финских военнопленных, умерших в Советском Союзе во время войны Продолжения. Однако я считаю, что эти цифры также не являются окончательными и могут быть изменены в связи с открывшимися новыми архивными документами. Целесообразно отметить, что финские и советские (российские) данные о количестве умерших в СССР финских военнопленных суще-

ственно различаются. Финский исследователь Тимо Малми приводит следующие цифры: из 3402 финских военнопленных в плену умерли 1388 человек, то есть около 40%.

Однако составленная им база данных финских пленных требует некоторой корректировки. Это касается, в том числе, и информации об умерших. Например, уважаемый коллега без достаточных доказательств и тщательной проверки включает в категорию «умершие» некоторых военнослужащих финской армии, которые на основании списков, составленных после войны финской стороной, числятся «захваченными врагом» и не вернувшимися на родину после окончания боевых действий. Впрочем, необходимо отметить то обстоятельство, что некоторые фамилии были изначально неправильно записаны финскими официальными лицами, имевшими в качестве источников лишь советские радиообращения и листовки, а также показания бывших военнопленных.

Пропагандистские органы Красной Армии часто использовали фамилии погибших финских солдат, о чем речь пойдет в следующих разделах данной книги. Таким образом, совокупность этих обстоятельств приводит к тому, что в списки Тимо Малми невольно попали «мертвые души», то есть те военнослужащие, которые никогда не попадали в плен, а в некоторых случаях в списке один и тот же человек фигурирует под разными фамилиями.

При подготовке книги о финских пленных в СССР¹⁶¹ была составлена база данных (Sotavankimatrikkeli), включающая в себя 4044 фамилии финских военнопленных, захваченных подразделениями Красной Армии, пограничными частями и партизанскими отрядами в период с 1939 по 1944 год. В соответствии с ней во время войны Продолжения были пленены 3073 военнослужащих финской армии, из которых 689 человек умерли в СССР. В базу данных не включены солдаты национальных воинских формирований, действовавших в составе вооруженных сил Финляндии во время войны Продолжения (эстонский JR200, ингерманланд-

ский Неймор3 и др.), в связи с тем, что, в большинстве своем являясь гражданами СССР, они, в соответствии с советским законодательством того времени, считались не военнопленными, а коллаборационистами, сотрудничавшими с врагами Советского Союза. Соответственно такая категория людей не регистрировалась в лагерях системы УПВИ НКВД как иностранные военнопленные, а в большинстве своем они осуждались, как изменники родины, и передавались в систему ГУЛАГа.

В базу данных включены все военнопленные Зимней войны и войны Продолжения, а также военнослужащие финской армии, захваченные в плен в период перемирия 1940 года. Данные составлялись на основе финских и российских источников и тщательно проверялись. Это позволило избежать повторов в фамилиях. Исключение сделано для одного гражданского лица – Кари Руотсалайнена (Kari Ruotsalainen), родившегося в Череповецком лагере НКВД №158. Он, по советскому законодательству, являлся «интернированным», но поскольку он не был отделен от своей матери лотты Кирсти Руотсалайнен (Kirsti Ruotsalainen), было сочтено возможным оставить его в базе данных военнопленных.

Однако на основании новых материалов, обнаруженных в российских и финских архивах, упомянутая выше база данных претерпела некоторые изменения. Во-первых, было уточнено количество военнослужащих финской армии, попавших в плен во время войны Продолжения. В список теперь внесены 3114 фамилий. Во-вторых, цифра финских пленных, скончавшихся на территории СССР, также претерпела некоторые изменения. В настоящее время с наибольшей долей уверенности можно говорить о 997 погибших финских военнопленных.

По годам смертность финских военнопленных распределяется следующим образом:

Смертность финских военнопленных в 1941–1950 годах (кол-во чел.)

1941 г. – 57

1942 г. – 320

1943 г. – 76

1944 г. – 208

1945 г. – 35

1946 г. – 3

1950 г. – 1

Неизвестна точная дата смерти – 297 человек.

Всего – 997 человек.

На основании имеющихся в нашем распоряжении данных можно распределить смертность военнопленных по годам и месяцам следующим образом.

Смертность финских военнопленных в 1941 г. (июль–декабрь) (кол-во чел.)

июль – 1

август – 0

сентябрь – 3

октябрь – 9

ноябрь – 10

декабрь – 34

Всего – 57 человек.

Смертность финских военнопленных в 1942 году (кол-во чел.)

январь – 28

февраль – 18

март – 22

апрель – 10

май – 13

июнь – 22

июль – 46

август – 33

сентябрь – 37

октябрь – 31

ноябрь – 34

декабрь – 22

Неизвестна точная дата смерти – 4 человека.

Всего – 320.

Смертность финских военнопленных в 1943 году (кол-во чел.)

январь – 10

февраль – 8

март – 8

апрель – 8

май – 7

июнь – 6

июль – 7

август – 3

сентябрь – 6

октябрь – 2

ноябрь – 1

декабрь – 5

Неизвестна точная дата смерти – 5 человек.

Всего – 76 человек.

Смертность финских военнопленных в 1944 году
(кол-во чел.)

январь – 1

февраль – 2

март – 0

апрель – 2

май – 4

июнь – 26

июль – 25

август – 9

сентябрь – 6

октябрь – 26

ноябрь – 68

декабрь – 29

Неизвестна точная дата смерти – 10 человек.

Всего – 208 человек.

Из приведенных выше данных видно, что наиболее тяжелыми для военнопленных периодами, характеризовавшимися большим количеством смертей, были 1942 год и осень 1944 года. В первом случае увеличение процента смертности военнопленных финской армии связано с общим ухудшением продовольственного положения в СССР. Как мы помним, именно в этот период пайки военнопленных были уменьшены до минимума. Несмотря на попытки УПВИ НКВД СССР нормализовать ситуацию в этом вопросе, о чем я писал ранее в главе о санитарно-бытовом и продовольственном снабжении военнопленных, смертность от голода и вызванных им болезней не сократилась. Лишь в 1943 году, после много-

кратных увеличений норм питания, а также создания оздоровительных лагерей и команд, ситуация со здоровьем пленных несколько улучшилась.

Во втором случае, то есть осенью 1944 года, резкий скачок смертности финских военнопленных вызван двумя обстоятельствами. Во-первых, в 1944 году было принято решение сконцентрировать финнов в одном лагере для последующего возвращения на родину. Именно в этот период произошло переподчинение ведомств, снабжавших Череповецкий лагерь медикаментами, из-за чего там возникло критическое положение с вакцинами и сыворотками против дизентерии и дифтерии. В результате этого в лагере № 158 сложилась предэпидемическая ситуация. К сожалению, именно в это время в Череповец стали прибывать большие группы финских военнопленных. А если учитывать, что они были ослаблены постоянным недоеданием, то процент заболевших и умерших среди них значительно вырос. Во-вторых, стоит учитывать и то обстоятельство, что во время летнего наступления частей Красной Армии на Карельском фронте довольно большое число военнослужащих финской армии были расстреляны в момент пленения, на этапе транспортировки к месту сбора, а также умерли от ранений непосредственно после пленения.

Таким образом, в Советском Союзе во время войны Продолжения скончались 997 военнослужащих финской армии, то есть смертность финских военнопленных составляла 32%.

Сюда включены все военнопленные, умершие от ран и болезней в лагерях системы УПВИ, а также те, кто был расстрелян частями Красной Армии, подразделениями пограничных войск и партизанскими отрядами при захвате в плен или вскоре после него.

Недостаток информации, в том числе и закрытость некоторых российских архивов, не позволяют нам с точностью до последнего человека подсчитать, сколько финских пленных было уничтожено на этапе «пленение – передача в сборные пункты УПВИ НКВД». Нередко поведение тех, в чьих руках оказывался военнопленный, зависело от многих факторов и обстоятельств.

Например, был ли пленный взят в составе группы солдат или в одиночку; произошло ли это после тяжелого и кровопролитного боя; потерял ли советский солдат в этот день своего товарища и был поэтому особенно озлоблен; насколько далек и опасен был путь транспортировки военнопленного до ближайшего сборного пункта; был ли пленный ранен и мог ли он самостоятельно передвигаться; был ли дан приказ в этот день вообще не брать пленных?

В нашем распоряжении имеются, например, документы подтверждающие случай расстрела капрала финской армии в 1941 году подразделением пограничных войск¹⁶² В 1942 году только в отчетах партизанских отрядов зафиксировано восемь подобных случаев (семь военнослужащих гарнизона в Кимас-ярви и капрала Вейкко Хилтунена.). В 1943 году – около пяти случаев, подтвержденных документами из российских архивов и показаниями бывших финских военнопленных в Ханко. В 1944 году в рапортах партизан отмечено, по крайней мере, семь таких случаев и еще несколько десятков рассказов о расстрелах при пленении на фронте можно найти в фильтрационных делах в Финляндии.

Всего на основе всех указанных выше источников мы можем с большой долей уверенности говорить, что 124 военнослужащих финской армии были убиты при пленении и на этапе транспортировки от линии фронта в приемные пункты. Однако я считаю, что данные цифры могут не соответствовать действительности, так как не все случаи расстрелов нашли свое документальное подтверждение и могли быть замеченными и отложиться в памяти свидетелей (если таковые оставались) – финских военнопленных.

Так, например, упомянутые уже мной военнослужащие гарнизонов Кимас-ярви, Кууттиваара и В. Хилтунен в Финляндии числились погибшими. И только спустя почти 60 лет, в рамках подготовки данного исследования, мной в ГАОПДФК и РГАСПИ были обнаружены документы, подтверждающие, что эти солдаты были сначала взяты в плен и только затем расстреляны.

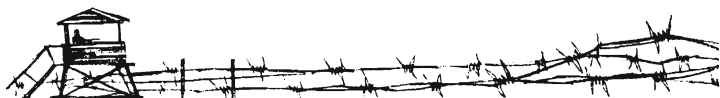

В международных документах были подробно оговорены все процедуры, связанные с похоронами умерших военнопленных. К сожалению, в СССР они почти не соблюдались. Поэтому точное место захоронения некоторых финских военнопленных войны Продолжения установить сейчас очень трудно. И все потому, что вплоть до 1943 года учет мест погребения пленных был плохо налажен.

Положение нужно было исправлять, и 13 августа 1943 года, в условиях количественного роста взятых Красной Армией в плен, заместитель народного комиссара внутренних дел СССР Круглов подписал директиву НКВД СССР № 413 «О порядке учета умерших военнопленных». Этот документ был адресован начальникам УНКВД-НКВД, начальникам лагерей НКВД и начальникам госпиталей военнопленных и предлагал во всех лагерях и госпиталях оформлять персональный учет умерших военнопленных.

Однако директива НКВД, видимо, мало способствовала улучшению дел, поскольку через год, 24 августа 1944 года, в лагеря и госпитали для военнопленных была направлена новая директива ГУПВИ НКВД СССР № 28/2/23 «О захоронении военнопленных». В ней, в частности, констатировалось, что существовал не только неудовлетворительный порядок учета умерших, но и захоронение пленных производится в случайных местах. В связи с этим начальникам лагерей и госпиталей предписывалось найти участки земли в непосредственной близости от места размещения пленных, огородить их колючей проволокой и производить там захоронение умерших.

Для учета умерших военнопленных и мест их захоронения предписывалось завести «кладбищенскую книгу», в которую должны вноситься следующие данные: номер военнопленного; его имя, фамилия, отчество; национальность; год рождения; воинское звание; дата смерти; дата захоронения; номер могилы и номер квадрата, в котором похоронен умерший. В «кладбищенской книге» должен был быть представлен план кладбища с указанием квадратов и номеров могил. Умерших по пути

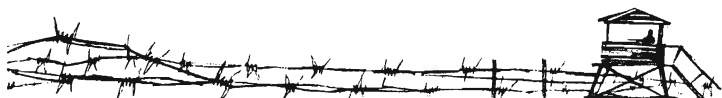

в лагеря и госпитали военнопленных нужно было передавать для захоронения администрациям железнодорожных станций. Но во многих случаях и во многих местах дело до конца так и не было доведено.

Проблема с установлением мест захоронения финских военнопленных связана еще и с тем, что после войны многие кладбища по различным причинам, чаще всего при строительстве промышленных объектов, были уничтожены. При этом перезахоронение умерших не производилось, поскольку на такие работы местным органам власти деньги не отпускали. К тому же власти на местах или вообще не получали от лагерей и госпиталей соответствующие документы о кладбищах военнопленных на подведомственной им территории, или плохо хранили их, так как это не контролировалось вышестоящими органами. Так что теперь часто приходится рассчитывать только на память оставшихся в живых местных старожилов, на отдельных энтузиастов краеведения, которые, пытаясь выявить все затертые страницы истории родного края, еще могут что-то восстановить в нашей исторической памяти.

Жительница г. Череповца Л. Синявина рассказывала, что на могилах военнопленные разных национальностей ставили свои отличительные знаки. Немецкие пленные, как правило, устанавливали деревянный крест. Финны – вкапывали в землю деревянный чурбак, на котором писали имя и фамилию похороненного. Но по прошествии времени дерево сгнило и, кто теперь там захоронен, установить практически невозможно.

Существовала, конечно, и языковая проблема. Сегодня определенные трудности возникают с установлением подлинных имен пленных, и не только умерших, так как в официальные документы и в кладбищенские книги их личные данные нередко вносились с искажениями из-за сложности транскрибирования финских имен и фамилий. Теперь часто нужно проводить настоящую высококвалифицированную фонетическо-лингвистическую экспертизу, чтобы расшифровать записи-головоломки, содержащие неумышленные искажения.

В отношении условий пребывания финских военнопленных в медицинских учреждениях Советского Союза во время Зимней войны и войны Продолжения нет единой точки зрения. Многие финские пленные, побывавшие в советских госпиталях, отмечали хороший больничный уход. Особенно много сохранилось информации об этом в период войны Продолжения. Так, например, рядовой Холаппа Тойво Йоханнес (Holappa Toivo Johannes), попавший в результате ранения в плен в декабре 1942 года, говорил, что медицинская помощь ему оказывалась такая же, как и русским раненым и больным солдатам. Аналогичное мнение высказывалось и о медицинском обслуживании в лагерных лазаретах. Капрал Лаури Юссила (Jussila Lauri Olavi) отмечал, что в госпитале лагеря № 158 уход за больными был очень хорошим. Больным выдавали дополнительное питание: пол-литра молока, 50 г масла, ягоды и т. п.

Большое количество таких свидетельств публиковалось в газете для военнопленных "Sotilaan Ääni". Можно по-разному относиться к публиковавшимся в ней статьям. Вполне естественно, что практически все из них были пропагандистского толка. Но все-таки какая-то доля правды в этих заметках была. Хороший уход за ранеными и больными отмечали сами бывшие финские пленные на допросах в Ханко после возвращения на родину. Так, на допросе рядовой Пентти Ала-Ниссиля (Ala-Nissilä, Pentti) показывал, что он пробыл в больнице Волосовского лагеря три недели с диагнозом «дизентерия». При этом он отмечал хороший уход и питание. И таких высказываний было немало¹⁶³

Впрочем, были и другие свидетельства. Вернувшиеся из советского плена военнослужащие финской армии показывали, что больным в госпиталях помощи никакой не оказывали. Раненые часто умирали. И таких свидетельств огромное количество. Правда, стоит отметить, что эти заявления сделаны во время допросов. Как уже отмечалось, в данной ситуации стоит учитывать морально-психологическое состояние самих военнопленных. Многие из них старались давать «нужные» показания

военным дознавателям и тем самым создать о себе благоприятное впечатление и облегчить свое положение. Так, например, опрошенные после возвращения в Финляндию пленные единодушно показывали, что медицинский уход в Сестрорецком приемном пункте был скверный, лазарет был грязный, врача не было, его заменяла медсестра¹⁶⁴

Аналогичные свидетельства присутствуют в опросных листах финских военнопленных периода войны Продолжения. Например, бывший военнопленный Франс Ахо на допросе в Ханко рассказывал: «Раненых финнов разместили в трехэтажном здании больницы в Ленинграде. Медицинское обслуживание и питание было плохим. У многих были гноящиеся раны, но бинты не меняли. У многих заходились в ранах черви. Медсестры же говорили, что эти черви очищают раны. Через три недели всех финнов, находящихся в той больнице, отправили в госпиталь города Гатчины. Условия там были намного лучше. Уход был лучше, а еда значительно сытнее, хотя и давали ее не очень много. Из-за скудного питания раны плохо заживали».

Существует еще одна группа свидетельств, достоверность которых сложно установить. В марте 1945 года в Финляндию была возвращена партия из 89 военнопленных и 35 интернированных. На допросах, проводившихся чиновниками финской государственной полиции (VALPO), в числе прочих присутствовали вопросы, касающиеся медицинского обслуживания в госпиталях и больницах СССР. Один из пленных рассказал, что в Череповецкой больнице в январе–марте 1945 года медицинская сестра делала уколы какого-то препарата, в результате чего человек умирал в течение 15 минут. Так, скончались семь – восемь человек из находившихся с ним в одной палате¹⁶⁵

Установить, соответствует ли этот рассказ действительности или является вымыслом, очень сложно, но интересно одно обстоятельство, а точнее, совпадение. Напомню читателям, что в апреле 1940 года финская сторона передала в СССР в числе бывших советских военнопленных Хальзу Ахметова. На допросе он «заявил,

что, лично видел пять случаев, когда в госпитале тяжелораненых выносили в коридор за ширму и делали им смертельный укол...» Стоит отметить, что, сравнивая протоколы допросов финских и советских военнопленных после возвращения их на родину, в них обнаруживается множество похожих историй. Например, что квалификация медперсонала была низкой, что раненых не лечили, о беспричинных ампутациях нижних конечностей и т. п. Подобные рассказы обнаружены мной как в российских, так и финских архивах: РГВА, Sota-arkisto, Kansallisarkisto.

Не обвиняя этих военнопленных в преднамеренном искажении правды, стоит сделать предположение о том, что, очевидно, пребывание в такой стрессовой ситуации, как плен, рождало у пленных массу рассказов, которые, имея под собой какую-то реальную основу, трансформировались в сознании пленных и превращались в своего рода легенды. В качестве примера можно отметить, что как среди финских, так и советских военнопленных ходили легенды о каком-то лагере, где и содержание и питание было очень хорошее и пленные жили там как в санатории. К сожалению, такая интересная тема, как фольклор военнопленных, совершенно не разработана исследователями. Хотя некоторые работы в этом направлении уже есть. Финский ученый-фольклорист Улла-Майя Пелтонен в своей книге "Punakaripin muistot" («Воспоминания о красном восстании») исследует подоплеку, реальную основу бытующих в народе «страшных» историй о зверствах как белых, так и красных финнов во время Гражданской войны в Финляндии.

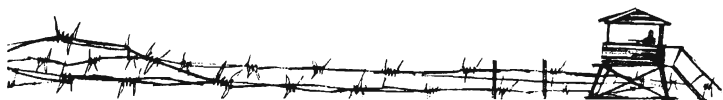
Подводя некоторые итоги главы о медицинском обслуживании финских военнопленных, необходимо отметить, что и во время Зимней войны, и во время войны Продолжения медицинская помощь финским военнопленным оказывалась наравне с ранеными военно-служащими Красной Армии. В госпиталях и лечебных учреждениях пленные получали надлежащий уход. К отрицательным моментам необходимо отнести недостаточную квалификацию медицинского

персонала, нехватку медикаментов и перевязочных средств, что вполне объяснимо трудностями в Советском Союзе во время войны Продолжения. Постоянно увеличивающийся приток военнопленных, особенно начиная с 1942 года, существенно усложнил задачи, стоявшие перед медицинскими службами приемных пунктов и лагерей. Поступавшие в места постоянного размещения военнопленные нередко находились в ослабленном состоянии. В самих же лагерях катастрофическим образом не хватало витаминных препаратов, в первую очередь никотиновой кислоты и дрожжей для лечения пеллагры. Нередко не хватало вакцин против дифтерии и дизентерии. С питанием военнопленных в госпиталях дело обстояло также не лучшим образом.

Все эти недостатки и тяжелый физический труд серьезным образом влияли на смертность финских военнопленных. Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют сделать вывод о том, что финские пленные во время войны Продолжения в основном умирали от дистрофии, дизентерии, пеллагры, дифтерии. То есть от болезней, спровоцированных недостаточным и некачественным питанием. Таким образом, можно поставить под серьезное сомнение высказывание Владимира Галицкого, утверждавшего, что смертность финских пленных в СССР в 1941–1944 годах не связана с недостаточностью питания¹⁶⁶

Смертность финских военнопленных в СССР во время войны Продолжения составила 32%. Для сравнения: в Финляндии скончались 29,1% от общего количества советских пленных, а в Германии – 57% пленных. На первый взгляд, кажется, что процент умерших в Советском Союзе превышал количество умерших в Финляндии. Однако чрезвычайно важно отметить, что в используемую мной базу данных, кроме скончавшихся в лагерях и госпиталях финских военнопленных, включены также финские военнослужащие, расстрелянные при пленении, во время транспортировки на сборные пункты, и умершие от ран непосредственно после захвата.

В свою очередь, в базу данных умерших советских военнопленных в Финляндии вошли только те, кто скончался в лагерях и госпиталях на территории страны, то есть только официально зарегистрированные и учтенные военнопленные. В настоящее время, на основе материалов финских и российских архивов, документов частных коллекций России и Финляндии, а также воспоминаний бывших солдат финской армии и советских пленных, мной установлено свыше 130 имен советских военнослужащих, которые в разное время при различных обстоятельствах попали в плен, были расстреляны или умерли от ран, но не были включены в списки военнопленных. Я уверен, что более глубокое и скрупулезное изучение данного вопроса в значительной степени поможет установить имена многих погибших, но не прошедших регистрацию советских военнопленных периода Зимней войны и войны Продолжения.

Имевшие место недостатки в медицинском обслуживании пленных во время войны Продолжения учитывались руководством УПВИ НКВД СССР. По мере своих сил и возможностей его санитарный отдел старался исправить сложившуюся ситуацию. Естественно, забота о здоровье пленных во многом была связана с необходимостью использования их на физических работах. Для восстановления физического состояния и скорейшего возвращения в ряды трудоспособных в производственных лагерях для военнопленных создавались специальные оздоровительные команды. Таким образом, УПВИ НКВД старалось прилагать максимум усилий для того, чтобы улучшить физическое состояние военнопленных, в том числе и финских, и не допустить большого процента смертности среди них. Нарушения, имевшие место в медицинском обслуживании пленных, не являлись целенаправленной политикой геноцида в отношении военнопленных. Хотя у финнов, прошедших через транспортировку в лагеря, нередко складывалось другое мнение. Некоторые считали, что долгий, изматывающий путь в лагеря был придуман специально для того, чтобы ослабить человека, лишив его воли и желания жить.

Медицинское обслуживание советских военнопленных в Финляндии

Финские военные и гражданские власти во время войны Продолжения столкнулись с серьезной проблемой медицинского обслуживания советских военнопленных. Дело было не только в том, что большой приток раненых с фронта осложнялся нехваткой медикаментов и перевязочных средств, но и с путаницей и неразберихой, которая возникла у штаба тыловых частей при транспортировке раненых красноармейцев в госпитали и больницы. Так, в первые дни войны несколько эшелонов с ранеными были направлены вместо госпиталя в Коккола в лагерь Настола. Естественно, что некоторые пленные попали в госпиталь уже в таком состоянии, что врачам спасти их не удалось.

После прекращения летнего наступления и перехода к позиционной войне приток пленных сократился. Пленных добывали теперь лишь случайно, порой целые недели проходили без их поимки. А они нужны были Ставке для получения важной оперативной информации. Солдаты, захватившие «языка», поощрялись, например, дополнительным отпуском домой. Естественно, охотников на это дело оказывалось много. Пленных старались доставить в тыл любой ценой. Бывший военнослужащий финской армии рассказывал мне, что однажды в засаду попала группа красноармейцев. После скоротечного боя русские отошли, а в плен попал раненый боец РККА. Финны, перевязав его, стали отходить к своим позициям. Несколько раз пленный терял сознание, фактически находясь при смерти. Тогда сержант приказывал остановиться, останавливал кровь, менял повязки, делал искусственное дыхание русскому и приводил его в сознание. Через некоторое время выяснилось, что состояние пленного не позволяет переносить его на самодельных носилках. Последние несколько километров финны несли его на руках, по очереди меняясь. В результате пленный был доставлен живым в распоряжение финских частей, а солдаты получили кратковременный отпуск.

О подобных случаях вспоминали и советские военнопленные. Николай Дьяков раненным в грудь попал

в финский плен летом 1941 года. В своих мемуарах он пишет:

«Появились брезентовые носилки. Теперь я увидел уже четырех чужих солдат. У двоих санитарные повязки на рукаве. Подменяя друг друга, они тащили носилки через заболоченные ложбины, тащили долго, с отчаянием вырывая сапоги из цепкой грязи. Где-то по соседству трещали автоматы, слышались одиночные выстрелы. Когда над головами финнов свистели пули, они нараспев ругались «Са-а-та-на!». Во время этого перехода опять и опять впадал в беспамятство. А когда на какие-то минуты сознание приходило, думал: «Несут... А почему не сбросят в болото?»¹⁶⁷

Впрочем, картина не всегда была столь идиллической. Финны, как и русские, расстреливали раненых пленных, если они не способны были передвигаться или затрудняли движение подразделения.

Как и во время Зимней войны, финны старались как можно скорее отправить раненых военнопленных в госпитали. Еще в самом начале войны, 3 июля 1941 года, 28-й военный госпиталь в Коккола был передан под больницу для военнопленных. Больница подчинялась отделу по делам медицины при Ставке, и ее штат был набран из финских медицинских работников, причем гражданских. Однако уже через несколько месяцев в госпитале начали работать и врачи-военнопленные. Им помогали санитары, набранные из выздоравливающих пленных.

Госпиталь состоял из нескольких отделений, которые занимали различные жилые строения в городе: первое отделение находилось в народной школе, второе в здании школы Ренлунда, третье в шведской школе совместного обучения, четвертое в финской народной школе, пятое в рабочем доме, шестое в лицее. Впрочем, помещения подходили для содержания, а главное для оказания нормального ухода за ранеными и больными военнопленными. По свидетельству инспектора из Ставки, «везде было очень чисто и хороший порядок, и больные, судя по всему, получают хороший и квалифицированный уход, хотя врачей и медицинских сестер работает

сравнительно немного. Больные были довольны, благодарили за хороший уход, и, надо думать, что выздоровление им теперь обеспечено».

И это было действительно так. В воспоминаниях бывших советских военнопленных содержится немало хороших высказываний в адрес медицинского персонала госпиталя. Особенно много добрых и теплых слов сказано о враче больницы, русском эмигранте докторе Николае Григорьевиче Черных и его жене Ольге Федоровне, работавшей библиотекарем в госпитале. Она сама создала библиотеку и вела активную переписку с русскими, проживающими в Суоми. Последние присылали в библиотеку книги, подарили балалайки, баян, домбры и другие музыкальные инструменты. Это дало возможность О. Черных организовывать самодеятельные концерты.

В госпитале было довольно мягкое обращение с пленными, охрана их была номинальной. К несению службы были привлечены подростки 15–17 лет. Один из них, Лео Беркович, сделал много фотоснимков военнопленных в Коккола. Малочисленность охраны, а также доброжелательное отношение к пленным со стороны медперсонала и охраны позволяли пациентам Коккола общаться с другими пациентами больницы и городскими жителями.

Естественно, что такая охрана пленных не могла не вызывать нареканий со стороны военных. Приезжавший инспектировать больницу полковник Споре пришел к выводу, что охрана и дисциплина среди военнопленных во многом оставляли желать лучшего. В своем рапорте полковник Споре утверждал, что, хотя больница и предназначалась только для раненых и больных военнопленных, все же она должна была быть приравнена скорее к лагерю, ведь подчинялась же она до сих пор медицинскому отделу Ставки, как и другие военные госпитали Финляндии. Предложение полковника было принято, и режим содержания военнопленных в госпиталях был ужесточен. Впрочем, это почти не отразилось на пациентах госпиталя в Коккола. На протяжении всей войны он славился среди советских пленных хорошим уходом и мягким отношением.

Помимо госпиталя № 28 в Коккола, советские военнопленные лечились в 65-м госпитале в Лаппеенранта и с 63-м в Утти. По разным оценкам, через них за время войны Продолжения прошли несколько тысяч больных и раненых военнопленных. Только на октябрь 1944 года, то есть к моменту передачи пленных в СССР, в Коккола и Лаппеенранта находилось около 1500 пациентов. Несмотря на надлежащий уход, ранения, голод и болезни сделали свое дело – в этих госпиталях скончался 2001 человек, что составляет приблизительно 11% от общего количества умерших в Финляндии военнопленных. Остальные – в лагерных лазаретах, на этапе транспортировки к местам содержания и госпиталям, а также расстреляны по приговору военного суда, убиты при попытке к бегству или во время побега.

И все же основной причиной смертности военнопленных в Финляндии были: некачественное питание, нехватка нужного количества витаминов, голод и связанные с ним болезни. Все это, наложенное на тяжелый физический труд, дало 29% смертности советских пленных в стране. По годам эти данные распределяются следующим образом:

1.7.41—31.12.41	2369 умерших военнопленных
1.1.42—30.6.42	11863
1.7.42—31.12.42	3063
1.1.43—30.6.43	521
1.7.43—31.12.43	210
1.1.44—30.6.44	185
1.7.44—25.11.44	116
Дата смерти неизвестна	около 350

Как видно из приведенной выше таблицы, наиболее тяжелая обстановка со смертностью пленных сложилась зимой 1941/42 года. Причиной тому была неподготовленность Финляндии к ведению продолжительных боевых действий с СССР, а именно: неподготовленность лагерей, просчеты в нормах продовольственного снабжения пленных, несвоевременная доставка больных

в госпитали и плохой медицинский уход в лагерных лазаретах.

В отчетах властей Финляндии признаются многие недостатки.

«У нас нет никаких причин предлагать пленным излишнее питание, когда его в обрез для своего народа, но раз уж мы их в плен берем, то мы не должны дать им погибнуть от холода и голода, как дело, по сути, в эту зиму и обстояло. В этом плане расчеты на калорийность продуктов совершенно не совпадают с калорийностью на практике. Кроме того, уже в момент своего появления в лагерях многие пленные пребывают в таком плачевном физическом состоянии, что на восстановление их здоровья требуется гораздо больше продуктов, нежели для здорового организма. А на этот момент внимание обратили слишком поздно».

Как правило, финны постоянно ссылаются на то обстоятельство, что к моменту пленения большинство советских военнопленных уже находились в ослабленном состоянии. Это не совсем соответствует истине. Действительно, некоторые пленные, особенно те, кто попал в руки финнов в результате осеннего и зимнего наступления в Карелии после разгрома окруженных частей Красной Армии, были истощены. Но их было сравнительно немного. Основная часть попала в плен после относительно недолгого пребывания в «котлах» летом – начале осени 1941 года. Соответственно особо оголодать они не могли, так как у окруженных были запасы продовольствия. Сдававшиеся в плен солдаты были, как правило, мужчинами в расцвете сил, которые начинали по-настоящему голодать только в финских лагерях, поскольку снабжение продовольствием в них не было налажено даже согласно инструкциям. Об этом говорят факты выбивания дополнительного питания для пленных среди финских работодателей по личной их инициативе. Это же подтверждают рапорты военного инспектора полковника Споре. Высокой смертности способствовало также слабое медицинское обслуживание, так как лишь ничтожная часть страдающих от голода попадала в больницы¹⁶⁸

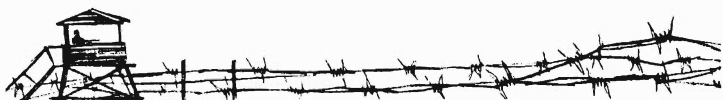

Финны не могли не отреагировать на сложившуюся ситуацию. Было предпринято несколько попыток исследовать причины высокой смертности в лагерях. Особенно плохими условиями содержания отличался лагерь № 9. Он был организован в июле 1941 года и прекратил свое существование в ноябре 1944 года. В этом лагере была самая высокая смертность военнопленных.

Так, по результатам проверки лагеря для военнопленных № 9, одного из самых крупных в Финляндии во время войны Продолжения, в котором содержались около 4200 пленных, было получены данные о смерти 221 человека только за октябрь – декабрь 1941 года. В отчете отмечалось, что военнопленные скончались от следующих причин: понос – около 55% от всех случаев, «общая слабость» – 35%, заболевание мышцы сердца – 5%, голод и измождение – 2%, заболевание легких – 1%, грипп – 1%, заражение крови – 1%. Как видно из этих цифр, смертность от голода сравнительно невелика. Однако финские врачи почему-то «перепутали» для отчета первичную и вторичную причину смерти. Первичной был голод, а «общая слабость» и понос лишь являлись его следствием.

Финский исследователь П. Миккола отмечает, что на высокую смертность в этом лагере существенно повлияли голод и тяжелая физическая работа. Он обнаружил, в частности, что качество и количество еды не соответствовали нормам, установленным на производственных работах, что явилось одной из косвенных причин повышенной смертности пленных. К тому же нужно учитывать отрицательное воздействие суровых природно-климатических условий места расположения лагеря, а также плохое отношение работодателей, использовавших труд военнопленных.

Ситуация со смертностью пленных в некоторых лагерях была настолько критической, что власти были вынуждены даже идти на крайний шаг – закрывать лагерь. Так, например, был закрыт лагерь № 11, который существовал всего несколько месяцев с 12 августа 1941 по 17 января 1942 года. Впрочем, этот лагерь был сравни-

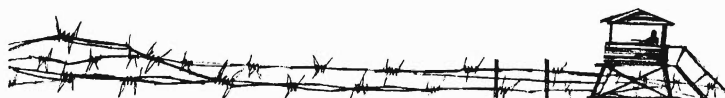

тельно небольшим. В пик прибытия военнопленных его численность не превышала 350 человек. В остальное время – гораздо меньше. За время его существования здесь скончались 27 человек. Оставшихся в живых распределили по другим лагерям. Однако 60 человек бывших узников этого лагеря умерли при транспортировке сразу же по прибытии на новые места.

Этот лагерь интересен тем, что он обслуживал химический завод в Валкеаоски, владельцем которого был министр обороны Финляндии генерал Рудольф Валден. Еще в июле 1941 года руководство завода обратилось с письмом в правительство с просьбой прислать сюда военнопленных, так как в этот момент завод выполнял важные заказы немцев и производству нужны были рабочие руки.

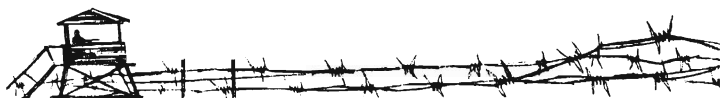
Под размещение советских военнопленных был отведен полуподвальный гараж 11×14 м. В нем соорудили двухъярусные нары и установили две печи. Охрана была жестока к военнопленным. Несколько человек покончили жизнь самоубийством, некоторых застрелили охранники. Так, был убит Мсаков Турдику из Узбекистана, боец 147-го пехотного полка. Охранник Ээро Хиттунен застрелил его у склада, когда тот хотел украсть кости, предназначенные для производства клея, чтобы приготовить себе и своим товарищам еду. После окончания боевых действий двое охранников этого лагеря были приговорены к тюремному заключению на сроки шесть и семь лет за негуманное обращение с военнопленными.

В отличие от Советского Союза, где за время Великой Отечественной войны находились миллионы иностранных военнопленных и в этой связи места захоронения умерших довольно сложно точно определить, в Финляндии есть данные о месте и количестве похороненных красноармейцев. В стране имеется около 170 братских захоронений советских военнопленных. Стоит отдать должное муниципалитетам Финляндии и Министерству обороны страны, которые поддерживают их в хорошем состоянии. Итак, советские пленные похоронены:

Хельсинки, Малми	– 33 военнопленных;
Лаппеэ, Туомиоя	– 39
Ханко	153
Лаппеенранта	1352
Карьяя	112
Куопио, Кеттулахти	– 21
Карвиа	– 269
Юука	– 29
Пори	– 319
Валкеакоски	– 27
Кеулие	122
Лянгелмяки	197
Юлямаа	137
Оривеси	– 85
Руохолахти	– 92
Настола	1055
Турку	– 36
Ямся	– 31
Коккола	– 649
Ваала, Пелсо	133
Кяльвия	– 35
Суомуссалми	– 103
Каннус	184
Тайвалкоски	– 99
Вааса	75
Энонтекиё	– 24
Керимяки	– 97
Кеми, Валлитунтури	– 162
Пиексямяки	– 2813
Кеми, Айоссаари	1671
Миккели	– 23
Рованиemi	– 277
Юливиеска	120
Кемиярви	– 485
Куусамо	– 365
Соданкюля	– 268
Оулу	100
Салла	– 76.

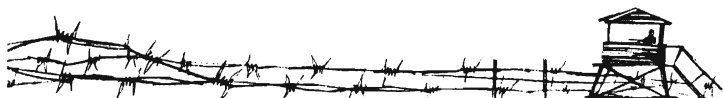
Конечно, сейчас, почти через 70 лет после окончания войны Продолжения, уже трудно установить все имена

похороненных там. К сожалению, многие списки не сохранились. Но даже такое уважение к бывшему противнику заслуживает признательности.

Итак, за первые полгода войны были взяты в плен 56 334 военнослужащих Красной Армии. Всего за время войны – 64 188 человек. За первый год войны с июня 1941 по май 1942 года в Финляндии умерли свыше 13 тысяч человек. Всего за годы войны в лагерях для военнопленных на территории страны скончались свыше 18 700 человек.

В связи с этим вызывает некоторое недоумение высказывание российского историка Н. Барышникова о том, что «в Финляндии в годы войны в плену погибло больше людей в процентном отношении, чем в какой-либо другой стране». Причем сам исследователь называет цифру 29,1%¹⁶⁹ Надо отметить, что в российских и немецких работах по проблеме военного плена наиболее часто встречаются данные о том, что в немецкий плен попали 5,7 млн советских военнопленных, а к концу войны остались в живых 2,4 миллиона. Таким образом, в Третьем рейхе погибли 3,3 млн советских пленных, или же 57 %, причем около 2 млн только до февраля 1942 года.¹⁷⁰ Следовательно, в Финляндии с 29,1% смертности никак не могло скончаться больше советских военнопленных, чем в Германии.

ГЛАВА 5

ОРГАНИЗАЦИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА ПОПАВШИХ В ПЛЕН

В предыдущих главах я уже отмечал, что физическое состояние пленных зависело не только от продовольственного снабжения и медицинского обслуживания. Здоровье и самочувствие военнопленных зависели также от того, на каких объектах им приходилось работать, как был организован производственный процесс.

Зимняя война

Из-за скоротечности Зимней войны труд военнопленных широко не использовался ни в Финляндии, ни в Советском Союзе. Однако война продемонстрировала, что в данной сфере обе страны должны были решить некоторые сложные проблемы.

Так, у Финляндии существовала особая проблема. Она фактически не была готова к трудовому использованию около 6000 советских пленных на работах в государственном секторе по объективным причинам. Ведь для этого требовалось в короткий срок определить конкретные объекты приложения труда военнопленных, учесть их профподготовку и уровень мастерства, разработать много технико-экономических документов проектного характера, принимая во внимание в том числе и специфику доставки пленных к рабочим местам, найти необходимые дополнительные финансовые средства в госбюджете для проработки указанных вопросов, заключить соответствующие договоры с нужными организациями, соглашавшимися использовать труд военнопленных, решать вопросы эффективности производств, и т. д. и т. п.

Для использования пленных в более динамичном частном секторе необходимо было также в короткие

сроки решать массу сложных законодательных и нормативных вопросов в сфере регулирования отношений между государством и коммерческими организациями, в том числе по вопросам охраны труда и здоровья, медицинского обслуживания пленных. Ибо надо иметь в виду, что полную ответственность за их судьбу несло финское правительство.

В Финляндии при использовании труда советских пленных выполняли положение Гаагской (1907) и Женевской (1929) конвенций. Однако в связи с тем, что Советский Союз не подписал конвенцию о военнопленных, у финских военных властей возник ряд проблем. Во-первых, не было ясно, как производить оплату труда военнопленных или не оплачивать их труд вообще. В конце концов, было принято решение, что труд пленных должен быть оплачен: 1–5 марок в день, в зависимости от выполненной работы. Впрочем, архивные документы умалчивают о том, производились ли выплаты всем военнопленным или только отдельным лицам. Во-вторых, денежное довольствие командиров. По Женевской конвенции, попавшим в плен офицерам полагалось выплачивать денежное довольствие, соответствующее их званию в той стране, против которой они воюют. Но поскольку СССР не присоединился к этой Конвенции, вопрос остался открытым. В-третьих, согласно Гаагской и Женевской конвенциям о содержании военнопленных привлекать к физической работе офицерский состав разрешалось лишь с его письменного согласия. Как правило, это положение соблюдалось, но, пожалуй, только из-за того, что администрация лагерей стремилась изолировать командиров и особенно политработников от основной массы военнопленных. Если же офицеры работали, то финские власти предполагали оплачивать их труд, как и рядовому составу.

Военнопленных можно было использовать на работах вне территории лагеря. Для этого необходимо было представить руководству лагеря (начальнику или его заместителю) заявку на группы рабочих. Все виды работ выполнялись под надзором охранников: в дневное вре-

мя на территории лагеря один охранник на 40 пленных, вне территории лагеря один охранник на 20 пленных; в темное время суток охрана удваивалась.

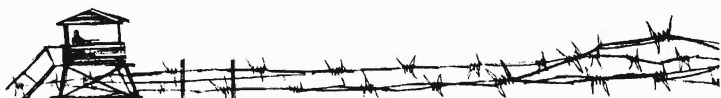
Использовать военнопленных на работах вне помещения при температуре ниже минус 25 градусов было запрещено. В другие дни разводили костры, и пленные могли греться у огня. Рабочий день длился 10 часов. Наиболее четко основополагающие моменты трудового использования советских военнопленных прописаны в «Инструкции по внутреннему распорядку в сборном лагере для военнопленных № 1».

Как в СССР, так и в Финляндии труд пленных широкого распространения во время Зимней войны не получил. Причин тому несколько: кратковременность вооруженного конфликта; малое количество военнопленных и неустойчивость их в промышленности и сельском хозяйстве.

В Зимнюю кампанию по заявлениям финских властей советские военнопленные использовались в основном на работах по благоустройству лагерей – расчистка снега, строительство бараков и т. п. В некоторых случаях они принимали участие в рытье траншей, строительстве и ремонте дорог и на лесозаготовках. Исключением может служить лишь перевод в феврале 1940 года 30 пленных из лагеря Пелсо на мраморные разработки в Рускела.

Как следует из рассказов иностранных журналистов и прошений финским военным и гражданским властям, некоторые советские военнопленные сами просили разрешить им работать, выполнять хоть какую-нибудь работу. По их словам, это могло хоть как-то разнообразить их жизнь в лагере.

В показаниях же бывших советских пленных нередко утверждается, что их использовали и на работах оборонительного характера, что было категорически запрещено Гаагской и Женевской конвенциями о военнопленных. Так, советских пленных использовали при строительстве бомбоубежищ, работали они и на аэродроме в районе Утти, а также рыли противотанковые рвы и окопы.

При этом, по рассказам советских военнопленных, охранники и офицеры издевались над ними, что категорически было запрещено международными конвенциями: избивали палками и прикладами, заставляли работать даже раненых. Некоторые охранники запрягали пленных в сани и ездили за дровами за пять – шесть километров.

После окончания боевых действий, в мае 1940 года, по результатам опросов вернувшихся из финского плена бойцов и командиров Красной Армии советская сторона предъявила финнам претензии. Их суть сводилась к следующему. В нарушение женевских соглашений Финляндия использовала русских военнопленных на работах оборонительного характера. Ставка приказала незамедлительно провести расследование. Соответствующие приказы были отправлены командирам всех армейских корпусов.

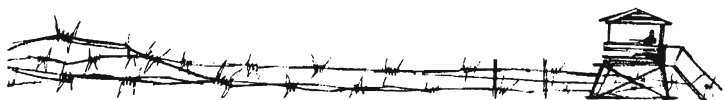
15 мая в числе прочих был получен ответ из IV армейского корпуса, которым командовал генерал Хэгглюнд (Johan Woldemar Hägglund (1893–1963).

«Штаб сухопутных сил.

Настоящим извещаем, что IV Армейский Корпус в Локко в военное время не использовал русских военнопленных ни на каких работах.

Вместо этого русские военнопленные некоторое время использовались на строительстве убежищ для гражданского населения на станциях Янис-ярви и Маткаселькя. Работа выполнялась в течение неполных двух недель. Кроме того, работы в районе железной дороги велись только в лагере для военнопленных в Вяртсиля. Эти работы были направлены на поддержание и содержания лагеря в порядке, а также, в течение короткого времени в целях защиты больницы производилась набивка предназначенных для этого мешков с песком, обмотка колючей проволокой и другие работы по обороне больницы.

Командир Корпуса
Генерал-майор В. Хэгглюнд.
Начальник штаба
Полковник А. Килстио».

Исходя из этой информации, финская сторона на поставленный вопрос советскими представителями Смешанной комиссии дала отрицательный ответ. Такой ответ, по моему мнению, в данном случае был в целом достаточно обоснован.

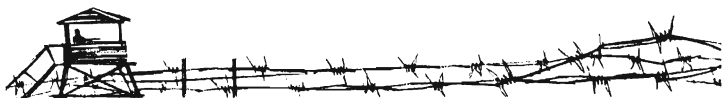
Конечно, убежища, в строительстве которых принимали участие советские военнопленные, могли быть использованы и вооруженными силами Финляндии. Следовательно, отступление от Женевской конвенции было. Однако надо иметь в виду, что решение о привлечении пленных к строительству, по-видимому, принималось лишь на местном уровне, а не в качестве общей государственной политики. Участие военнопленных в этой работе было кратковременным, а главное, строительство данного объекта не было напрямую связано с выполнением задач ведения непосредственных боевых действий.

По второму факту нужно заметить, что небольшие работы, производившиеся советскими военнопленными по защите больницы, вряд ли можно рассматривать в качестве возведения серьезных военных укреплений. Они осуществлялись к тому же с учетом того, что подобные объекты находились под защитой международно-го права и Красного Креста.

Конечно, колючая проволока является атрибутом войны. Но ее установку в данном случае вряд ли можно рассматривать в качестве возведенного фортификационного сооружения, которое могло бы остановить советские танки. Поэтому речь могла идти лишь о каком-то не совсем корректном в этическом аспекте использовании труда военнопленных.

Впрочем, никаких последствий подобное расследование не повлекло. Советская сторона не требовала никаких компенсаций и даже не использовала этот случай в пропагандистской кампании против Финляндии.

В СССР картина была несколько иная. Во-первых, в Зимнюю войну части Красной Армии взяли в плен около тысячи финских солдат и офицеров. Труд такого количества людей большой стране организовать было гораздо легче, чем трудоустроить 6000 человек в стране со значительно меньшими ресурсами. Тем более что

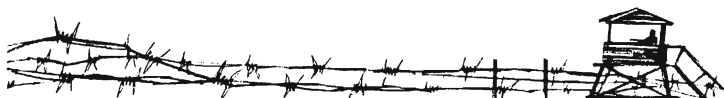
в СССР власти не придавали почти никакого значения вопросам рентабельности производимой военнопленными продукции, а также экономической эффективности их труда.

Во-вторых, в силу специфики политического и экономического устройства советского общества власти в предвоенное десятилетие не очень были обеспокоены и мало занимались правовыми вопросами регулирования внутренней жизни Советского Союза, трудовой деятельности граждан, что имело непосредственное отношение и к организации труда военнопленных.

Так, частный сектор к этому времени в СССР был фактически сведен к нулю и, следовательно, не нужно было разрабатывать соответствующие дополнительные регулирующие правовые механизмы. Вместе с тем в государственном секторе партийные органы запускали в действие так называемые «командные методы» управления. Таковые использовались даже при регулировании деятельности кооперативных организаций и предприятий. Конечно, в таких условиях можно было легко, с помощью приказа, определить рабочие места для финских пленных, а нормативно-правовые вопросы использования их труда решить гораздо проще и скорее, чем в странах с рыночной экономикой.

При описании правового статуса финских военнопленных я охарактеризовал трудовые аспекты советского нормативно-правового документа «Положение о военнопленных» и отметил несоответствие его некоторых норм Женевской конвенции 1929 года. Если в конвенциях международного сообщества было сформулировано положение о возможности привлечения офицеров к работам лишь с их согласия, при этом выполняемые работы должны были соответствовать их званию и возможностям (ст. 27), то в советском Положении эта категория военнопленных могла использоваться на работах вне лагеря без их согласия по особому распоряжению УПВ НКВД СССР (ст. 21).

Но как расходились содержание сформулированных правовых норм и практика их реализации? Советский вариант открывал широкие возможности использова-

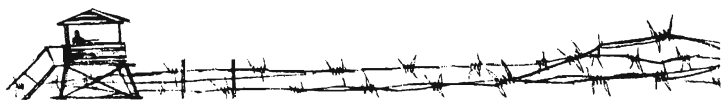
ния труда офицеров, обладавших высокой не только военной, но и специализированной технической подготовкой. Тем не менее случаи массового привлечения офицерского состава к выполнению работ мне не известны.

Другое отличие Положения состояло в том, что унтер-офицерский состав мог использоваться на работах наравне с рядовыми (ст. 21), в то время как по Женевской конвенции пленные унтер-офицеры должны были выполнять функции надсмотрщиков за работами (ст. 27). На практике, однако, и эти различия были лишь на бумаге.

Важно подчеркнуть, что любое использование труда финских пленных в личных целях, прием подарков или услуг от них в иной форме сотрудниками приемных пунктов и лагерей для военнопленных категорически воспрещались и расценивались как связь с военнопленными «со всеми вытекающими отсюда последствиями»¹⁷¹

Финских военнопленных можно было привлекать к работам по хозяйственному обслуживанию пункта. Разрешался и вывод пленных под конвоем на работы вне приемного пункта, но на деле таких случаев зафиксировано не было. Например, во время Зимней войны финские военнопленные вообще не использовались на работах вне территории лагеря, в сельском хозяйстве или промышленности, а выполняли, в основном, работы по благоустройству лагеря и своего быта. Их вывод на работы вне зоны лагеря был категорически запрещен директивой УПВ.

В докладной записке администрации Грязовецкого лагеря в УПВ НКВД СССР начальник лагеря Волков, комиссар Сазонов и начальник 2-го отдела лагеря докладывали, что труд пленных финнов использовался исключительно на хозяйственных работах и по обслуживанию лагеря (плотницкие и печные работы ремонтного характера, устройство клозетов вне казарм, строительство караульных вышек, проходных будок, колка дров, расчистка дорог от снежных заносов и ремонт барачных помещений). Кроме того, военнопленных

финнов использовали на работах по самообслуживанию – хлебопечение, кухня, баня, в столярных, портновских и сапожных мастерских. За все время существования лагеря были зафиксированы только два случая отказа от выхода на работу. На отказников было наложено дисциплинарное взыскание. В докладной записке отмечалось, что количество привлеченных к работе военнопленных не превышало 35% от всего числа содержащихся в лагере финнов¹⁷²

То же самое косвенно подтверждают и фотографии, сделанные в лагере по распоряжению комиссара УПВИ НКВД Нехорошева. В телеграмме от 8 февраля 1940 года Филиппову приказывалось произвести несколько групповых фотоснимков военнопленных, показывающих их быт: обед, работу в сапожной, портновской, столярной мастерских, прогулки по лагерю, а также их культурные развлечения: чтение газет, получение книг в библиотеке, присутствие на политбесedah, кино, игра в шахматы.

Требовавшиеся снимки были с нарочным отправлены в Москву и впоследствии их использовали в пропагандистских листовках, распространяемых среди финских частей на фронте. Российский исследователь, доктор исторических наук В. Конасов отмечает, что в общей сложности было сделано 610 фотоснимков, запечатлевших жизнь финских военнопленных в Грязовецком лагере¹⁷³

Несмотря на то что в «Положении о военнопленных» была зафиксирована статья, регламентирующая размер заработной платы иностранных военнопленных, а именно: не ниже заработной платы советских граждан, выполняющих ту же работу, Советский Союз во время Зимней войны так и не решил, как ему производить оплату труда финских пленных. В российских архивах не было обнаружено ни одного документа, касающегося данного вопроса. Информация отсутствует и в протоколах допросов вернувшихся из СССР военнослужащих финской армии. Однако поскольку труд финских пленных широкого распространения не получил, тем более что УПВИ НКВД СССР вообще не

считало целесообразным использовать финских плен-ных из-за их малочисленности на работах вне лагеря, то этот вопрос отпал сам по себе. Ведь на хозяйствен-ные работы по обслуживанию лагеря финские пленные могли быть привлечены без их согласия, лишь на осно-вании статей «Положения о военнопленных». И соот-ветственно денежное вознаграждение за это не предус-матривалось.

Поэтому тезис о труде финских военнопленных во время Зимней войны кандидата военных наук, сотруд-ника Военно-морского инженерного института Ирюти-на вообще не выдерживает никакой критики. Он, в ча-стности, заявил, что «труд стал средством выживания и стимулировался администрацией лагерей. За выполне-ние нормы улучшалась продовольственная норма, вво-дилось денежное вознаграждение. За невыполнение норм вводились сверхурочные работы до 2 часов, на-лагались дисциплинарные взыскания – гауптвахта до 20 суток, строгий арест до 10 суток, дифференцирова-лась норма отпуска продовольствия от 81 до 100%»¹⁷⁴ Здесь присутствует автоматическая трансформация си-туации с трудовым использованием польских военно-пленных, работавших на предприятиях Народного ко-миссариата черной металлургии, и финских пленных, существовавшей во время войны Продолжения, на Зим-нюю войну. Действительно, всем работающим польским военнопленным предполагалось выплачивать 20 рублей в месяц на личные расходы плюс 30 рублей в месяц при выполнении производственных норм от 81 до 100%, пе-ревыполнявшим плановые нормы – выдавать весь зара-боток, предварительно вычтя из него расходы на содер-жание пленного.

Война Продолжение

Однако война Продолжение, в отличие от Зимней, по-настоящему сформировала практическую потреб-ность использования труда военнопленных. Разумеется, это относится в большей мере к СССР, чем к Финляндии. И разумеется, степень реального использования и польза такого труда были различны в обеих странах.

Напомню, что СССР уже в первый год Великой Отечественной войны понес огромные людские потери, в армию была мобилизована большая часть населения трудоспособного возраста, поэтому в стране стала возникать проблема нехватки рабочих рук. В 1941–1942 годах в Советском Союзе были разрушены не отдельные предприятия, села и жилые дома, а крупные промышленные регионы, ведущие сельскохозяйственные области, многомиллионные города и тысячи поселков городского типа. Была дезорганизована работа большинства народнохозяйственных отраслей производства, поэтому труд военнопленных мог быть действительно экономически оправдан и соответственно принести значительную пользу разоренной и разорявшейся далее стране.

В годы Великой Отечественной войны военнопленные в СССР были заняты практически во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства. Но особенно широко пленные использовались на лесо- и торфоразработках, добыче угля и асбеста.

В январе 1942 года вышел циркуляр НКВД СССР № 5 «Об использовании всех трудоспособных военнопленных на работах в промышленности». 24 марта 1942 года Наркомат внутренних дел утвердил «Инструкцию НКВД СССР о порядке охраны военнопленных, занятых на работах вне лагеря». В соответствии с этим документом все трудоспособные военнопленные привлекались к работам вне лагеря в промышленности и сельском хозяйстве. Исключение делалось лишь для офицеров – их нельзя было использовать на производстве вне лагерной зоны. Согласно инструкции, рабочий день увеличивался с 10 до 12 часов. Конвой получил право использовать оружие без предупреждения в случае нападения или попытки побега.

Во время войны Продолжения появился документ, регулирующий взаимоотношения советского государства и финских военнопленных в отношении оплаты их труда. 25 августа 1942 года вступает в силу уже упомянутый выше циркуляр НКВД СССР №353, в соответствии с которым в числе прочего были установлены нормы

денежного довольствия пленных. Этот документ предписывал выплачивать военнопленным для приобретения предметов первой необходимости денежное довольствие в соответствии с их воинским званием. Так, рядовому и сержантскому составу выдавали по 7 рублей в месяц, среднему начсоставу – 10 рублей, старшему начсоставу – 15 рублей и высшему начальствующему составу – 30 рублей в месяц. По Женевской конвенции, попавшим в плен офицерам полагалось выплачивать денежное довольствие, соответствующее их званию в той стране, против которой они воюют. В соответствии с «Положением о военнопленных» деньги выплачивались и рядовому составу. Однако очевидно, что данные положения выполнялись не в полном объеме, если рядовые получали денежное содержание, эквивалентное их званию в Красной Армии, то офицерский состав – нет.

Этот же документ регулировал и вопросы оплаты труда финских военнопленных, занятых на производстве. Ее размер колебался от 10 рублей для выполнявших нормы на 40–50% до 50 рублей для перевыполнявших производственные нормы. Бригадиры и десятники также получали денежное вознаграждение в зависимости от выполнения плана их бригадой. Сумма варьировалась от 30 до 100 рублей в месяц. Однако я считаю, что основным стимулирующим средством для выполнения и перевыполнения производственных норм во время войны Продолжения было увеличение хлебного рациона. Ведь даже получавшие деньги из-за их мизерного количества ничего не могли на них приобрести. Кроме того, покупать все равно было нечего, хотя работающим пленным в качестве поощрения и в зависимости от норм выработки разрешалось приобретать махорку.

Немаловажным было и положение циркуляра об оплате труда медицинского персонала из числа военнопленных. Так, врач получал 40 рублей, фельдшер – 20, хозяйственно-санитарная обслуга – 10 рублей в месяц.

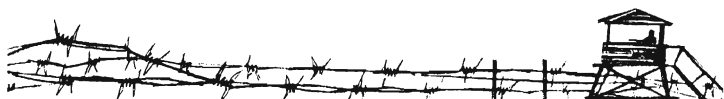
Как уже отмечалось, на всем протяжении войны Продолжения руководство УПВИ НКВД СССР старалось наладить всесторонний учет военнопленных. Это каса-

лось и трудового использования пленных. 2 октября 1942 года ведомство Сопруненко разослало в лагеря, в которых в числе прочих содержались финские пленные, распоряжение, в котором предписывалось один раз в пять дней направлять в Управление сведения о работах, выполняемых военнопленными. В сводке требовалось указывать все виды и общий объем работ, выполненных пленными, количество отработанных человекоднев и процент выполнения плана. Кроме того, должны были быть перечислены все неработающие группы военнопленных и объяснены причины невыполнения плана по определенным видам работ и принятые лагерем меры к выполнению плана.

Продолжительный рабочий день и заниженные нормы продовольственного снабжения вели к большому проценту заболеваемости и смертности среди военнопленных. Проработав несколько недель, пленные практически теряли трудоспособность. Особенно высока была смертность в Монетно-Лосиновском и Спасозаводском лагерях (практически половина смертей была вызвана дистрофией). По сведениям УПВИ НКВД СССР, к 1 сентября 1942 года из содержащихся в лагерях 17 459 военнопленных всех национальностей из всех воевавших против СССР стран умерли 5158 человек (то есть 29,5%).¹⁷⁵

УПВИ НКВД было обеспокоено таким положением дел. Наряду с увеличением норм продовольственного снабжения пленных, в апреле 1943 года вышел приказ НКВД № 00675 «Типовой договор УПВИ НКВД СССР, директивы о порядке трудового использования военнопленных, интернированных и спецконтингентов и табель срочных донесений по трудовому использованию». В соответствии с этим документом всех поступавших в лагеря военнопленных подвергали тщательному медицинскому осмотру для определения группы трудоспособности. Руководству лагерей предписывалось использовать пленных на работах, соответствующих их физическому состоянию и профессиональным навыкам. Продолжительность рабочего дня была снижена и устанавливалась в зависимости от здоровья военно-

пленного. Но она не должна была превышать восьми часов. При этом гарантировались четыре выходных дня в месяц и восьмичасовой ночной отдых.

Еще 17 июля 1942 года директива УПВИ № 28/7309 «О подразделении военнопленных на группы в зависимости от их физического состояния» установила четыре группы трудоспособности пленных. К первой группе относили практически всех здоровых; ко второй – ограниченно годных к труду; к третьей – пленных, годных только для выполнения легких работ; к четвертой – инвалидов и имеющих хронические заболевания. Был утвержден также «Перечень болезней и физических недостатков для отнесения к соответствующей группе трудоспособности».

С начала 1942 до февраля 1943 года реальная ситуация была такова, что труд для военнопленных стал средством выживания, так как за выполнение и перевыполнение производственных норм они получали немного увеличенный продовольственный паек.

В феврале – апреле 1944 года НКВД СССР издал несколько распоряжений и указаний о трудовом использовании военнопленных. В соответствии с распоряжением НКВД СССР № 142 «О порядке использования военнопленных на работах различных категорий трудоспособности» для всех пленных первой и второй группы устанавливался восьмичасовой рабочий день; для третьей группы – шестичасовой; для четвертой продолжительность рабочего дня устанавливал санитарный отдел лагеря.

Одновременно с этим руководству лагерей предписывалось строго следить за состоянием трудовой дисциплины среди военнопленных, соблюдать условия режима содержания, обеспечивать изоляцию от гражданского населения и не допускать случаев умышленного членовредительства.

Летом 1944 года лагерям для военнопленных были установлены планы работ. При этом денежные средства, полученные за их выполнение, должны были максимально покрывать расходы, необходимые на содержание пленных в Советском Союзе. То есть была предпри-

нята попытка волевым путем, с помощью приказных методов перевести лагерь для военнопленных на самофинансирование и самоокупаемость.

Вполне очевидно, что незначительное количество финских военнопленных, зарегистрированных в лагерях НКВД во время войны Продолжения, не могло оказать существенного влияния на экономику Советского Союза. Не могли они и кардинальным образом изменить положение в той или иной отрасли народного хозяйства. Однако сейчас, в свете темы данного исследования, это не очень важно, для нас важно, где и какую работу выполняли финские пленные. Вполне очевидно, что трудовое использование финских военнопленных во время войны Продолжения было обусловлено тем, в каком лагере они находились и какие доминирующие производства были вблизи лагеря.

Можно выделить несколько основных отраслей народного хозяйства, где в разное время были заняты более или менее значительные группы финских военнопленных. В 1941-м – середине 1942 года военнотружущие финской армии, попавшие в плен, использовались в горно- и угледобывающей промышленности. В 1942 году – в основном на добыче торфа и угля. В 1943–1944 годах финские военнопленные использовались на торфо- и лесозаготовках. Помимо этого, на всем протяжении войны Продолжения финские пленные работали на строительстве дорог и в сельском хозяйстве. Однако работа в последнем ограничивалась подсобным хозяйством лагеря.

В зависимости от лагеря финские военнопленные работали и на различных предприятиях. Например, в Спасозаводском лагере № 99 они трудились на предприятиях Шахтстроя – цементном и кирпичном заводах и изготовляли товары широкого потребления. Монетно-Лосиновский лагерь был ориентирован на добычу торфа. В Елабужском лагере финские военнопленные добывали известняк и трудились в порту на погрузочно-разгрузочных работах. В Череповецком лагере трудились на торфоразработках, строили судоремонтный завод, речной порт и занимались погрузочно-разгрузочными

работами в нем, трудились на лесоразработках, строительстве шоссейной дороги Вологда – Ярославль, возведении моста через реку Мологу.

Помимо прочего, финские военнопленные занимались изготовлением товаров широкого потребления. Вообще же, изготовление ширпотреба играло значительную роль в жизни Череповецкого лагеря. Это объясняется следующими обстоятельствами: во-первых, позволяло пополнить лагерный бюджет за счет продажи изделий. Во-вторых, позволяло отчитываться перед УПВИ НКВД СССР о выполнении производственно-финансового плана. И в-третьих, что на самом деле являлось, как я считаю, главным – позволяло трудоустроить и трудоу использовать военнопленных третьей группы, то есть годных только для выполнения легких работ. Таких в лагере в 1944 году было около 20% от общего контингента лагеря. В отчете начальника управления лагеря капитана Тимошенко, направленном в УПВИ НКВД СССР, отмечалось, что около 6% финнов принадлежали как раз к третьей группе трудоспособности¹⁷⁶

Вначале в лагере изготовлялись кадушки, деревянные ведра, мелкие бочонки, портсигары, трубки и т. д. Затем производство было механизировано. Военнопленные установили токарный станок, циркулярную пилу, фрезерный станок и станок для производства дранки – финской стружки. Это позволило существенно расширить ассортимент выпускаемых изделий.

В показаниях подавляющего большинства финских военнопленных на допросах в Ханко отмечается, что работа, которую они выполняли, была тяжелая, нормы – завышены и им не всегда удавалось их выполнить. Впрочем, даже при перевыполнении производственных заданий пленные не получали дополнительного хлебного рациона. Иногда это объяснялось тем, что в лагере не хватало продуктов питания. Тяжелая физическая работа, использование на вредных для здоровья производствах при нехватке продуктов значительно увеличивали процент заболеваемости и смертности финских военнопленных. В связи с этим руководство лагерей

вынуждено было переводить их на более легкие работы по хозяйственному обслуживанию мест содержания, в мастерские по производству ширпотреба и т. п.

Однако нехватка рабочих рук заставляла использовать ограниченно годных пленных и на тяжелых работах. Имеющиеся в нашем распоряжении советские архивные документы не позволяют сделать вывод о том, сколько человекодней отработали финские военнопленные на производстве, сколько денег они заработали и какой вклад внесли в выполнение финансово-производственных планов лагерей во время войны Продолжения. Исследователи располагают лишь общими цифрами по этим вопросам, без выделения пленных в разные группы по национальностям.

Говоря о трудовом использовании военнопленных во время войны и после ее окончания, необходимо отметить, что этот вопрос прямо или косвенно поднимался на конференциях Великобритании, СССР и США в Тегеране (1943), в Ялте (1945) и Потсдаме (1945). Впрочем, решения этих конференций были больше связаны с Германией, хотя на них также поднимались и вопросы, касающиеся Финляндии, в том числе и вопросы репараций. Именно они, а особенно «репарации трудом» явились краеугольным камнем восстановления советской экономики. Что же, собственно, подразумевалось под этим термином — «использование немецкого труда», вопрос о котором с завидной настойчивостью поднимался советской стороной на заседаниях в Ялте? Собственно говоря, то же самое, что вкладывали в это понятие и в Третьем рейхе — депортацию части гражданского населения и военнопленных на территории своей страны. Аналогичные вопросы поднимались и на Потсдамской конференции 1945 года.

Впрочем, вопрос использования иностранной рабочей силы на стройках народного хозяйства СССР был решен еще задолго до начала этих конференций. 16 декабря 1944 года Государственный Комитет Обороны обязал НКВД мобилизовать и интернировать всех трудоспособных немцев, мужчин и женщин, находящихся на освобожденной Красной Армией территории

Румынии, Югославии, Венгрии, Болгарии и Чехословакии. В принятом ГКО 3 февраля 1945 года Постановлении № 7467сс предписывалось интернировать всех годных к физическому труду мужчин из Верхней Силезии и Восточной Пруссии. Во исполнение данных распоряжений в январе – апреле 1945 года на территорию СССР вывезли 208 239 интернированных (или, по классификации НКВД, – мобилизованных) немцев и лиц других национальностей¹⁷⁷. Помимо этого, к восстановлению народного хозяйства страны было принято решение привлечь еще бывших советских военнопленных и гражданских лиц, служивших в частях вермахта и войск СС, а также эмигрантов, покинувших Россию после революции. Этот чрезвычайно болезненный для США и Великобритании вопрос обсуждался на Ялтинской конференции. Впрочем, первые принудительные репатриации начались уже в 1944 году, после выхода Финляндии из войны.

Однако резолюции Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференций коснулись Финляндии лишь в рамках решения вопросов о наказании военных преступников и послевоенных репараций. Впрочем, из всех финских военнопленных только один человек был осужден «за злодеяния на оккупированной территории». Кроме того, в рамках соглашений Ялтинской конференции Финляндия выдала Советскому Союзу несколько старых эмигрантов, среди которых были генерал Добровольский и Степан Петриченко, руководивший в 1921 году Кронштадтским восстанием. Что касается «репараций трудом», то данное положение в меньшей степени затронуло финских военнопленных и гражданских лиц. Это связано, в первую очередь с тем, что Финляндия не была оккупирована советскими войсками, а большинство финских военнопленных уже были репатрированы после окончания войны.

Итак, можно отметить, что в связи с незначительным количеством финских военнопленных во время Зимней войны их трудовое использование сводилось лишь к работам по самообслуживанию в лагерях и приемных пунктах НКВД СССР. На первом этапе Великой Отече-

ственной войны и ее составной части – войны Продолжения в связи с малочисленностью пленных, в том числе и финских, их трудоиспользование было существенно ограничено. Наибольший размах использование труда военнопленных приобретает в конце войны Продолжения, когда количество пленных уже измеряется сотнями тысяч, а своего апогея достигает после поражения гитлеровской Германии. Однако в это время уже большая часть финских военнопленных вернулась на родину. Оставшиеся же по своему физическому состоянию не могли использоваться на работах по восстановлению экономики СССР.

Трудовое использование советских военнопленных в Финляндии

Во время войны Продолжения трудовое использование советских пленных было более активным, чем во время Зимней войны. Конечно, территория и промышленность Суоми были несопоставимы с Советским Союзом, но страна также остро ощущала нехватку рабочих рук. Напомню, что численность финской армии на начальном этапе войны Продолжения составляла около 600 тысяч человек. После перехода старой государственной границы и началом позиционной войны армия была сокращена. Из нее отозвали в запас военнослужащих старших и младших призывных возрастов. Но и это мало помогло промышленности и сельскому хозяйству. Слишком велика была потребность в дешевой рабочей силе.

Во время войны Продолжения сфера применения советских военнопленных в различных отраслях экономики Финляндии была чрезвычайно широка. Помимо работ в сельском хозяйстве (которые были фактически элитной работой, так как пленные могли получить дополнительное питание), русские использовались на лесозаготовках и лесосплаве, деревообрабатывающей промышленности, на дорожных и ремонтных работах, а также в порту г. Вааса на погрузочно-разгрузочных работах. Но наибольшего распространения получили именно лесозаготовительные работы и лесосплав. Здесь,

по разным подсчетам, трудились свыше 50% всех военнопленных. Конечно, место расположения лагеря влияло на специфику работ, выполняемых советскими пленными.

Так, осенью 1941 года группу советских военнопленных перевели на золотодобывающий рудник барона фон Аминова под г. Тампере. Раньше на этом руднике добывали железную руду, но из-за ее бедности и большого процента других примесей рудник сочли нерентабельным и закрыли. Во время войны выяснилось, что тонна руды содержит до 2 г золота. Таким образом, руда после соответствующей обработки могла дать до 150 кг золота в год. Для строительных и прочих работ барон Аминов получил партию военнопленных. Кстати, пленные, работавшие на руднике, хорошо отзывались о нем. Охрана была незначительная. Жили они в коттеджах, обнесенных колючей проволокой. Питание было очень хорошим. Впрочем, такая жизнь продолжалась только до января 1942 года, когда военнопленных отозвали обратно в лагерь в Карвиа.

Придерживаясь принципов Женевской конвенции, Финляндия должна была оплачивать труд военнопленных. Как и во время войны, по этому вопросу развернулась жаркая дискуссия в кабинетах штаба тыловых частей при Ставке. В конце концов, было принято решение, что труд пленных должен оплачиваться. Размер заработной платы варьировался от 50 до 70 марок в день, в зависимости от выполняемой работы. Однако несколькими неделями позже зарплату решили сократить. Теперь советским пленным предполагалось платить не более 30 марок в день. И к этому вопросу финны подошли прагматично: было заявлено, что находящимся в побеге пленным заработная плата выплачиваться не будет. Более того, из зарплаты беглеца вычитали сумму, потраченную на его поимку. Лишь в 1943 году зарплату военнопленным вновь увеличили до 45 марок. Но документы умалчивают о том, повлекло ли это увеличение производительности труда пленных.

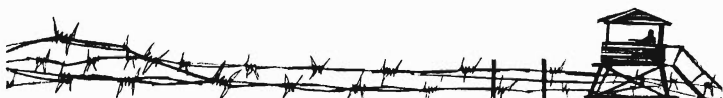
Впрочем, денежное выражение оплаты труда пленных было лишь на бумаге. Еще в июле 1941 года приня-

ли решение максимально использовать труд военнопленных, дабы он приносил реальную прибыль государству. Фактически это означало, что при минимальных затратах на содержание пленного (пак, медицинское обслуживание, затраты на строительство лагерей) Финляндия хотела получить максимальную прибыль. То есть лагеря были переведены на самоокупаемость. Однако в этом не было ничего удивительного. Вспомним, что и в Советском Союзе во время войны стремились к этому.

Финляндия столкнулась еще с одной проблемой при трудовом использовании пленнх. Уже в первые полгода войны в стране находилось достаточное количество военнопленных, чтобы использовать их в промышленности. Мы помним, что именно из-за малого числа пленнх финнов и русских обе страны сочли невыгодным использовать их на производстве во время Зимней войны. Теперь ситуация коренным образом изменилась. Однако профессиональная подготовленность военнопленных как раз не отвечала требованиям тех работ, которые были им уготованы. Кроме того, из-за неэффективного руководства работами и плохого питания производительность труда была низкой. Да и сам подневольный труд отличается низкой производительностью и вряд ли его вообще можно сравнить с трудовым вкладом свободного финского рабочего в экономику страны.

Имеющиеся в моем распоряжении протоколы допросов бывших пленнх в СССР и их воспоминания не дают точного представления о том, получали ли пленные деньги за работу. Естественно, какие-то денежные средства у них на руках были. Пленные получали их в качестве подарка от финнов, но основной твердой валютой в лагерях были хлеб и табак. Для увеличения своего скудного рациона пленные нелегально изготавливали разного рода поделки: шкатулки, курительные трубки, мундштуки и т. п. Потом, при посредничестве охранников, их выменивали на хлеб и табак у гражданского населения. До сих пор в Финляндии сохранилось много таких безделушек, сделанных руками военнопленных. Но хлеб – хлеб был всем. Он был тем продук-

том, от которого часто зависела жизнь пленного в лагере. Неслучайно и финские, и советские военнопленные периода войны Продолжения брались за любые работы ради куска хлеба.

Конечно, финские военные власти старались пресечь непредусмотренные работой контакты военнопленных с гражданским населением. Охране было строго приказано, что подобное будет сурово караться. Однако сами охранники (как правило, это были люди старших призывных возрастов, годные только к несению службы в тыловых частях) помогали пленным. В одном из циркуляров, который был разослан в лагеря, отмечалось:

«Замечено, что служащие сил обороны заговаривают с военнопленными и делятся с ними едой и табаком... Это оскорбляет чувство национальной гордости и не способствует поддержанию дисциплины и порядка среди пленных. Начальников лагерей заставляют проверять выполнение запретов, которые предусматривают исключение всякого общения с военнопленными без дела и соответствующее наказание провинившихся в этом». Документ подписали военный чиновник Э. Хайкамо и старший сержант Л. И. Ахтовуо. В имеющихся в распоряжении историков документах упоминаются десятки однотипных наказаний и угроз, которым подвергались дававшие пленным еду охранники. Этого нельзя было делать даже в том случае, если пленный оказывал конвоиру какую-либо услугу в свободное от работы время или прислуживал в бараке для охраны. Начальство лагерей не поощряло проявлений гуманизма, которые часто наблюдались в отношениях охранников с изголодавшимися пленными.

ГЛАВА 6

ВОЙНЫ 1939–1944 ГОДОВ И ОТНОШЕНИЕ К НИМ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СССР И ФИНЛЯНДИИ

Любой вооруженный конфликт отражается не только на людях, призванных по своему статусу защищать родину, то есть на кадровой армии, но и на тех, кто составляет резерв вооруженных сил, а также обеспечивает поддержку фронта в тылу – на гражданском населении. Впрочем, по моему мнению, было бы неверно проводить резкую грань между военными и гражданскими людьми во время войны. Все взаимосвязано. Как военные не могут успешно сражаться без поддержки тыла, так и тыл не может уверенно себя чувствовать без веры в свою армию. И первые и вторые черпают силу друг в друге. Эта тема интересная и заслуживает отдельного исследования. Однако я хочу хотя бы коротко осветить вопрос отношения гражданского населения к войнам. Важно выяснить, влияли ли настроения родственников и друзей в тылу на отношение военнослужащих к военнопленным, на сдачу в плен и поведение в плену?

Любая война обостряет старые и создает много новых проблем и сложностей во взаимоотношениях государства и населения. Вынужденное переселение с обжитых мест, адаптация экономики к условиям военного времени и, как следствие этого, ухудшение снабжения товарами первой необходимости и продуктами питания, снижение уровня жизни и т. п. сказывается больше всего на тех, кто не принимает непосредственного участия в сражениях. Как результат этого появляется так называемый «неустойчивый элемент» – то есть люди, которые в мирное время проявляют лояльность к правительству, государству, его политическому и экономическому устройству, а с началом войны занимают выжидательную пози-

цию. Вынужденное изменение привычного уклада жизни нередко вызывает у населения всякого рода недовольство, порождает слухи и неуверенность.

Пропаганда и агитация на территории и в армии противника рассчитана в первую очередь на таких людей, количество которых значительно увеличивается в связи с войной. Противоборствующая сторона старается воспользоваться сложившейся ситуацией и, используя пропагандистский аппарат, изменить мировоззрение людей, склонить их на свою сторону. Государство, в свою очередь, по мере сил и возможностей старается пресечь эти неблагоприятные тенденции в обществе. Для предотвращения вражеской пропаганды и агитации вводятся различные ограничения в свободе слова и действия, в том числе и цензура. Не были исключением и Советский Союз и Финляндия в период их вооруженного противостояния 1939–1944 годов.

Я уже отмечал, что исследователи проблемы отношения гражданского населения СССР и Финляндии к событиям советско-финских кампаний 1939–1944 годов располагают достаточно обширными материалами.

Если говорить о Советском Союзе, то по этому вопросу наибольший интерес представляют следующие источники. Во-первых, *документы партийных и комсомольских органов СССР и политических органов Красной Армии*. Это политдонесения о настроениях населения в тылу и на оккупированной территории, отчеты районных комитетов партии, комсомольских организаций в вышестоящие органы и т. п., донесения о морально-политическом состоянии в частях РККА и РККФ. Документы партийных и комсомольских органов позволяют наиболее полно осветить изменения настроений членов ВКП (б) и ВЛКСМ.

Во-вторых, *сведения органов НКВД СССР*: информационные и докладные записки органов НКВД о настроениях населения и т. п., а также письма в партийные органы и органы НКВД. В отличие от партийных документов, здесь наиболее широко представлены материалы, отражающие негативные настроения населения СССР. Политорганы СССР интересовались откликами

граждан на происходящее в стране и настоятельно требовали от низовых органов НКВД предоставлять им информацию о политико-моральных настроениях населения.

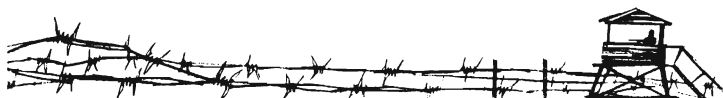
В-третьих, *письма в Красную Армию и из нее, дневниковые записи военнослужащих и гражданских лиц и основанные на них материалы военной цензуры.* В них, как и в документах органов госбезопасности, находили свое отражение не только положительные, но и отрицательные высказывания о войне и ситуации в Советском Союзе.

Не менее разнообразную картину об отношении гражданского населения Финляндии к событиям Зимней войны и войны Продолжения дают документы и материалы, находящиеся в финских архивах и частных коллекциях. В первую очередь, это материалы *официальных средств массовой информации – газет и радио.* Как и в Советском Союзе, они подчеркивают *лояльные настроения* населения Финляндии в этот период, то есть дают представления об общих тенденциях в финском обществе.

Материалы *государственной полиции Финляндии (Valpo)* и цензурных комитетов отражают не только положительные, но и негативные настроения населения страны. Следовательно, иногда рисуют более полную картину того времени.

Не меньший интерес представляет *переписка военнослужащих финской армии со своими родственниками, друзьями и знакомыми, дневниковые записи солдат и офицеров.* Такого рода документы восполняют пробелы и помогают восстановить такие стороны социальной жизни общества, которые не могут найти отражения ни в каких других материалах.

Кроме того, *агентурная и разведывательная информация финской армии о настроениях в частях Красной Армии и в ее тылу* дает иную картину ситуации в СССР, чем отражено в официальных советских источниках и в документах НКВД. Следовательно, это позволяет в некоторой степени понять, какими видели финны русских солдат и гражданское население.

С документами разведывательных органов Финляндии перекликается и другой вид – *материалы Отдела пропаганды Ставки*. Укрепить уверенность населения в победе, противостоять вражеской агитации и стараться изменить мировоззрение армии противника и гражданского населения – все эти задачи были в арсенале пропагандистских органов и Финляндии, и Советского Союза во время Зимней войны и войны Продолжения.

Все указанные документы о внутреннем положении в СССР и в Финляндии в этот период интересны как дополнительные источники информации.

Зимняя война. Советский Союз

Зимняя война вызвала неоднозначную реакцию в советском обществе. С одной стороны, большинство населения страны целиком и полностью поддерживало позицию Сталина и советского правительства в отношении северного соседа. С другой – были и недовольные. Физическое истребление национальной интеллектуальной, военной и хозяйственной элиты по социальному признаку, расказачивание и раскулачивание, насильственная коллективизация и последовавший за ней искусственный голод 1932–1933 годов, многолетнее терроризирование населения, бытовая нищета и создание системы принудительного труда в государственном масштабе привели к известной деградации традиционной для России системы ценностей. В сознании части общества укоренилось резкое неприятие советской действительности во всем ее многообразии – быта, условий труда, постоянного страха перед возможными репрессиями, всевластия партийно-административной номенклатуры и органов НКВД. Во многих случаях подобное инстинктивное неприятие системы усиливалось чувством личной мести за пережитые страдания, потерянных близких, разрушение привычного уклада жизни, тотальную ложь пропаганды и крушение иллюзий.¹⁷⁸

Первые признаки недовольства системой проявились уже в самом начале советско-финляндской войны 1939–1940 годов. Именно в период «зимнего противостояния» произошел ряд событий, предвосхитивший

в известной степени масштабное сотрудничество с врагом в 1941–1945 годах. В некотором смысле боевые действия в Финляндии стали своеобразным индикатором, выявившим наличие в обществе и в Красной Армии безусловных протестных настроений по отношению к советской действительности. Интересно, что их катализатором служили поражения на фронте и быстро выявившийся диссонанс между уверениями пропаганды о «непобедимости Красной Армии» и реальным положением, особенно в декабре 1939-го – первой половине января 1940 года.

Одновременно с этим большинство населения страны целиком и полностью поддерживало позицию Сталина и советского правительства в отношении Финляндии. Еще до начала боевых действий в советской официальной прессе развернулась пропагандистская кампания с целью дискредитации Финляндии. Финское правительство обвинялось в нежелании идти на уступки Советскому Союзу. Политика Финляндии называлась «провокационной и агрессивной». Объявлялось, что финское правительство идет на поводу у «мировой буржуазии» в лице Великобритании, Франции, США и других капиталистических стран.

Инцидент в Майнила вызвал бурю негодования в советской прессе. По всей стране прошли митинги, осуждающие Финляндию и призывающие советское правительство и Красную Армию дать отпор финской военщине. С началом боевых действий ситуация в стране накалилась еще больше. Пресса, а также выступающие на митингах ораторы уже не стеснялись в выражениях в адрес Финляндии.

В стране шла разъяснительная работа о политике правительства в отношении Финляндии, о целях и задачах, стоящих перед Красной Армией и советским народом. Наиболее распространенными были высказывания о том, что Советский Союз *«чужой земли не хочет ни пяди, но и своей земли не отдаст ни вершка»*, что СССР *«не покушается на национальную и политическую независимость финского народа»*, что *«Красная Армия оказывает братскую помощь финским рабочим и кре-*

стьянам в их борьбе с теми, кто вверх страну в войну с Советским Союзом»¹⁷⁹.

На предприятия, заводы, фабрики, в деревни и в части Красной Армии направлялись опытные пропагандисты, политработники и агитаторы. Известные писатели, поэты, композиторы активно выступали в печати и на радио, объясняли гражданам страны причины войны.

Начало боевых действий вызвало небывалый энтузиазм масс, особенно среди молодежи. Только в Ленинграде на войну добровольцами ушли около 4000 человек. Из них были сформированы лыжные отряды. Такие же добровольческие отряды формировались по всей стране.

Между тем еще перед началом боевых действий у некоторой части населения, проживавшей в Карелии, Ленинграде и Ленинградской области, то есть в районах, прилегающих к линии фронта, появилось недовольство сложившейся ситуацией в снабжении товарами первой необходимости. В докладных записках районных отделов НКВД СССР отмечалось, что *«распространившиеся слухи о войне у населения вызвали опасения срыва снабжения, в связи с чем наиболее отсталая часть населения занялась скупкой продуктов, создавая себе запасы»*¹⁸⁰ Но если в ноябре – декабре 1939 года в Ленинграде продукты еще имелись, то с февраля 1940 года в письмах в действующую армию появились многочисленные жалобы на их нехватку и дороговизну.

Отсутствие у людей достоверной информации и развернутая советской прессой кампания против Финляндии порождали у населения массу слухов и «антисоветских» высказываний. Антисоветские настроения, по мнению сотрудников органов НКВД, проявлялись и в призывах некоторых граждан к свержению колхозного строя. Родные репрессированных и трудпоселенцы выражали надежду на то, что начало войны поможет их близким остаться в живых.

Начавшаяся война, в общем и целом, не изменила сложившейся ситуации. Недовольство, вызванное перебоями со снабжением, не исчезло, а недостаток инфор-

мации порождал самые разнообразные слухи. Например, ходили слухи о нападениях в Медвежьегорске финских диверсантов на бойцов и командиров РККА, появлениях финских подводных лодок в Онежском озере, передачи территорий Карелии вместе с населением Финляндии и т. п. Районные отделы НКВД отмечали, что среди населения наблюдаются настроения панического и пораженческого характера, «неуверенности в мощи Красной Армии и успешном окончании этой войны». Часть жителей Медвежьегорска даже в спешном порядке продавали свои дома и уезжали из города. Эти факты, по мнению сотрудников спецорганов, были связаны с отсутствием должной политико-массовой и воспитательной работы среди населения. Одновременно с этим работники НКВД отмечали усиление «антисоветских» высказываний, особенно среди той части населения, которая имела связи с Финляндией или родственников среди репрессированных.

Целесообразно отметить, что не менее тревожная обстановка складывалась и в Ленинграде. Еще перед самым началом войны в городе была введена светомаскировка. Это было связано как с близостью фронта, так и с нехваткой электроэнергии. И как следствие этого — с началом войны был отмечен значительный рост уголовных преступлений, прежде всего случаев злостного хулиганства. Во многих письмах, приходящих в Красную Армию, писалось об этом факте. В беседе с сотрудником «Ленинградской правды» прокурор города Н. Ф. Попов заявил, что «всякое посягательство на спокойствие ленинградцев, на их достоинство, жизнь и имущество, всякое проявление хулиганства в настоящих условиях являются тягчайшими преступлениями. Эти преступления должны немедленно пресекаться и караться по всей строгости советского закона».

14–17 декабря 1939 года состоялось несколько показательных судебных процессов. Коллегией Областного суда был рассмотрен ряд дел по обвинению группы лиц в совершении хулиганских действий, повлекших за собой нанесение тяжких телесных повреждений. В народном суде Выборгского района состоялось слушание по

делу некоего В. Зудилина, который из хулиганских побуждений не затемнил окно своей квартиры и всячески препятствовал представителям общественности в его затемнении. Областной суд приговорил трех человек к высшей мере наказания – расстрелу, а остальные преступники получили от 6 до 10 лет лишения свободы. Что касается злостного нарушителя светомаскировки, то он был осужден на 6 лет («Ленинградская правда», 14, 15, 16, 17 декабря 1939 г.).

В конце декабря в горкоме партии было рассмотрено спецсообщение начальника ленинградского управления НКВД С. А. Гоглидзе, где отмечалось, что «увеличение преступности и хулиганства в городе принимает политический характер». В сообщении приводилась и статистика роста правонарушений по сравнению с 1938 годом. Если в 1938 году было отмечено всего четыре вооруженных грабежа с убийствами, то в 1939 году – уже шесть случаев, невооруженных грабежей соответственно – 16 и 57, краж со взломом – 70 и 94. Общее количество уголовных проявлений всех видов составило в 1938 году 8571, а в 1939 – 13 740.

30 декабря 1939 года в горкоме партии состоялось совещание «По укреплению общественного порядка в Ленинграде». Горком признал целесообразным дальнейшее проведение показательных процессов, предложил органам суда и прокуратуры принимать самые суровые меры к нарушителям общественного порядка, а также «во время затемнений ежедневно выделять 600–700 комсомольцев для поддержания общественного порядка; организовать патрулирование на вокзалах и сопровождение товарных железнодорожных поездов; предусматривать привлечение родителей к ответственности за хулиганское поведение детей; запретить подросткам до 16 лет появляться на улицах после 21 часа без сопровождения взрослых; ввести для всех школьников ученические билеты». Необходимо отметить, что принятые меры сыграли положительную роль в укреплении правопорядка в Ленинграде.

В самих войсках также наметились тревожные тенденции. Особенно явно недовольство стало проявлять-

ся с января – февраля 1940 года, когда война стала приобретать затяжной характер, а части Красной Армии понесли большие потери. Беспокойство и паника отражались в письмах из тыла на фронт, что, несомненно, оказывало негативное влияние на морально-психологическое состояние бойцов и командиров РККА. Многие не до конца понимали официальные цели и задачи данной кампании и считали, что «противоречий с Финляндией можно было избежать». В войсках наблюдались случаи отказа воевать, дезертирства, бойцы и командиры нередко самовольно оставляли поле боя и уходили в тыл.

Первые критические высказывания в адрес советского режима провоцировались сравнением бытовых условий колхозной жизни и хуторских сельских хозяйств и проявились еще во время «освободительного похода» РККА в Западную Украину и Западную Белоруссию в сентябре 1939 года. Аналогичная реакция возникала при виде деревень, оставленных финским населением при эвакуации из сопредельной полосы в глубь страны в октябре – ноябре 1939 года. Традиционные утверждения советской пропаганды о «невыносимой эксплуатации трудящихся» и «крестьянской нищете» в Финляндии оказались несостоятельными при первом же знакомстве красноармейцев с бытом и условиями труда на многочисленных хуторах Карельского перешейка.

Одновременно с протестными настроениями «экономического характера» в войсках участились случаи и политического протеста. В основном они проявлялись в призывах убивать коммунистов, политработников и командиров. Взятые особыми отделами НКВД армий и дивизий в оперативно-агентурную разработку, такие выявленные красноармейцы по мере накопления компрометирующего материала арестовывались за высказывание «контрреволюционно-повстанческих и террористических настроений» и в подавляющем большинстве случаев приговаривались к расстрелу. Все дела обвиняемых по подпунктам знаменитой ст. 58 УК РСФСР слушались на закрытых заседаниях. Публичному расстрелу, например в 9-й армии, подверглись

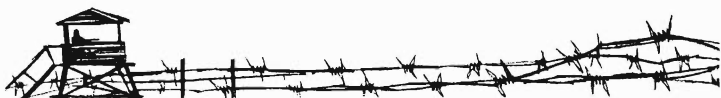

16 бойцов и командиров, из них девять – осужденных за «контрреволюционные преступления».¹⁸¹

Всего за время боевых действий только военной прокуратурой 9-й армии было рассмотрено 700 уголовных дел. Вместе с тем официально опубликованные сведения сообщают о 843 бойцах и командирах, осужденных только по ст. 58–10 УК РСФСР по всем войскам действующей армии за период боевых действий. Однако российский исследователь К. Александров на основании имеющихся в его распоряжении статистических данных считает, что эта цифра явно занижена. Всего за 105 суток боевых действий за политические преступления были осуждены до 1100 военнослужащих РККА, а с учетом бывших советских военнопленных, возвращенных из Финляндии, – около 1500 человек.

Целесообразно отметить еще один парадокс Зимней войны. Активно внедрившийся в сознание населения советского народа лозунг о помощи рабочим и крестьянам Финляндии сыграл свою роль в отношении к финским военнопленным. В отличие от войны Продолжения, в Зимнюю войну серьезных нарушений прав пленных зафиксировано не было. В ходе подготовки данного исследования мною, например, не было обнаружено ни одного случая расстрела финнов при пленении, как это было в 1941–1944 годах. Советская пропаганда преподносила военнослужащих финской армии как насильственно мобилизованных, обманутых правителями «рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели финской белой армии». Советская пресса всячески поддерживала этот пропагандистский штамп, описывая военнопленных как плохо одетых, голодных и испуганных людей, с радостью принимающих хлеб и табак от красноармейцев. Соответственно у населения к пленным было больше сочувственное, нежели враждебное отношение.

Впрочем, во время Зимней войны гражданское население практически не имело возможности общаться с финскими военнопленными. В соответствии с советскими нормативными документами любое общение с пленными было категорически запрещено. Соответственно

круг лиц, контактировавших с финнами во время Зимней войны, был весьма ограничен и сводился лишь к гражданским служащим лагерей НКВД – медперсоналу, техническим работникам и т. п. Как отмечает российский исследователь В. Конасов, во время работы смешанной советско-финляндской комиссии по обмену военнопленными взаимоотношения между военнопленными, содержащимися в Грязовецком лагере, и его сотрудниками значительно улучшились. От былой вражды не осталось и следа¹⁸²

Вместе с этим пошатнулась и дисциплина. Подъем пленных стал производиться в 7.30 вместо 6 часов утра. Один финский военнопленный был арестован и отправлен на гауптвахту за хулиганские действия в отношении сотрудницы лагеря. Служащие появлялись на территории в нетрезвом виде. Вернувшийся из служебной командировки начальник Грязовецкого лагеря старший лейтенант госбезопасности Волков, проработавший несколько дней в Смешанной комиссии, принял крутые меры. Некоторые сотрудники были привлечены к административной ответственности, а других пришлось уволить и даже привлечь к уголовной ответственности.

Итак, картина морально-политического состояния советского общества и его армии во время Зимней войны была далека от идиллической. Рассмотренные выше факты не позволяют согласиться с выводами наркома обороны маршала К. Е. Ворошилова, заявившего вскоре после окончания боевых действий о повышавшемся «с каждым днем в войсках» советском патриотизме, который «не ослабевал в самые трудные моменты боевой страды». Ворошилов предложил ЦК ВКП (б), Совнаркому и Сталину «гордиться высокой политической и моральной стойкостью» РККА.

В обществе сохранялся внутренний конфликт, порожденный многолетней репрессивной политикой государства по отношению к собственному народу. Кратковременная, но кровопролитная Зимняя война выявила такое специфическое явление советской действительности, как стихийный антисталинский протест.

Он принял характерные очертания в условиях непопулярных боевых действий, сопряженных с военными поражениями, и имел различный характер: от жалоб и выражения частичного недовольства до открытой агитации, высказываний террористических намерений, случаев перехода на сторону противника и вступления в вооруженные антисоветские формирования. Однако факты недовольства войной так и не переросли в открытый протест, как на это рассчитывали представители русских эмигрантских организаций. В этом заключался парадокс времени. Публично заявлять о своем несогласии с «мудрой сталинской политикой» было чревато суровыми последствиями. Информация о недовольных постоянно стекалась в органы государственной безопасности со всех уголков СССР.

У людей выработалось чувство «внутренней» цензуры. Это касалось самых разнообразных сфер жизнедеятельности человека – от простых разговоров до похоронных обрядов, как это было, например в Карелии. Известный карельский фольклорист А. Степанова отмечает, что, «полностью отсутствуют зафиксированные материалы о погребальных обычаях в 1930–1940-е гг. Можно только догадываться, что в состоянии всеобщего страха, когда все старые обряды и религия отрицались, считались идеологически вредными, реакционными, упростились и похороны. В отношении причитаний не было таких жестких и прямых запретов, но люди сами могли осуществлять «внутреннюю» цензуру и на всякий случай не рисковать»¹⁸³

И все же большинство советских граждан верили в необходимость войны с Финляндией. Люди были убеждены в том, что победа в ней отодвинет границу от Ленинграда и тем самым обеспечит его безопасность. Многие верили в правильность позиции, занятой СССР по территориальному вопросу. Да и официальная пропаганда говорила о войне как об освободительной миссии: Красная Армия шла в Финляндию не как захватчик, а как друг, способный оказать помощь трудящимся Финляндии в их борьбе против ига помещиков и капиталистов.

Одновременно с этим у населения СССР не был создан единый образ финна как врага. Объяснить это обстоятельство можно, как мне кажется, не только прямолинейностью и неповоротливостью пропагандистских органов страны, но в том числе и тем, что в советской прессе усиленно рисовался облик финского солдата как запуганного и обманутого, то есть вызывавшего больше сочувствия, чем ненависти и вражды. Кроме того, часть населения осознавала, что фактически Советский Союз выступает в роли захватчика, так как боевые действия велись только на территории Финляндии. Во время войны Продолжения, в отличие от кампании 1939–1940 годов, ситуация некоторым образом изменилась. Советский народ чувствовал себя жертвой агрессии со стороны Финляндии, вступившей в коалицию с Германией.

Зимняя война. Финляндия

Население Финляндии, в отличие от жителей Советского Союза, заняло практически единодушную позицию в отношении к войне с СССР. Однако было бы наивно предполагать, что единение общества перед лицом угрозы со стороны восточного соседа произошло быстро и сразу. Здесь для более полного раскрытия темы необходимо сделать историческое отступление. Как мы знаем, Финляндия, став независимой, практически сразу же вступила в период Гражданской войны. Страна разделилась на белых и красных. Германия, на которую Финляндия тогда ориентировалась в своей внешней политике, поддерживала законное правительство страны, поставляла оружие и способствовала подготовке национальных военных кадров. Советская Россия, со своей стороны, поддерживала социал-демократов и Красную Гвардию. В боевых действиях на стороне красных принимали участие до 10 тысяч русских. Гражданская война носила чрезвычайно жестокий характер. Как мы помним, в 1918 году около 80 тысяч красных финнов содержались в лагерях и тюрьмах страны.

После окончания Гражданской войны и в 1920-е годы тысячи финнов бежали в РСФСР. По оценкам рос-

сийского исследователя Эйлы Лахти-Аргутиной (Eila Lahti-Argutina), в это время в Советскую Россию перешло свыше 10 тысяч финнов¹⁸⁴. Одновременно с этим продолжался отток некоторой части населения в более благополучные в экономическом отношении страны, в том числе в США. Впрочем, существовало и обратное движение населения. После экономического кризиса в Соединенных Штатах некоторые финны вернулись на родину.

В декабре 1918 года в Москве была создана Финская Коммунистическая партия, которая изначально действовала нелегально на территории Финляндии, стремясь распространить свое влияние на все социальные круги общества страны. В 20-е партия вышла из подполья и участвовала в парламентских выборах вплоть до запрета в 1930 году. В противовес этому финская социал-демократическая партия оказалась более дееспособной и на протяжении предвоенного десятилетия оказывала серьезное влияние на политическую жизнь страны, в том числе формировала и участвовала в работе правительства Финляндии.

Таким образом, политическая обстановка в стране в преддверии Зимней войны была достаточно стабильной. Однако ухудшение взаимоотношений между СССР и Финляндией несомненно отразилось на внутривнутриполитической ситуации в стране. Угроза войны сказалась и на жизненном уровне населения. Уже осенью 1939 года было введено частичное нормирование отдельных продуктов питания, например сахара и кофе. Из продажи исчезла пшеничная мука¹⁸⁵. По мере того как становилось понятно, что переговоры между двумя странами могут зайти в тупик по вине обоих участников (из-за жестких требований территориальных уступок со стороны СССР и несговорчивости Финляндии), в стране были проведены превентивные меры подготовки к войне. Провели мобилизацию, и около 300 тысяч человек были поставлены под ружье. Кроме того, Финляндия приступила к эвакуации гражданского населения, в связи с чем почти треть миллиона гражданских лиц сменили постоянное место жительства. Только из

Хельсинки в октябре 1939 года уехали около 100 тысяч человек.

Как уже отмечалось выше, подобные вынужденные изменения привычного уклада жизни могли отрицательно сказаться на настроениях в обществе. Как отмечает финский исследователь М. Йокипии, в рамках подготовки к войне «6 октября 1939 г. был принят второй, так называемый закон о защите республики, который предоставил президенту полномочия издавать в случае необходимости указы, ограничивающие свободу личности и свободу слова»¹⁸⁶. Кроме того, для предотвращения негативных тенденций, в том числе и для борьбы со слухами, в Финляндии была создана добровольческая организация «Защита страны» (Maan Turva – Hembygd-sfronten). В конце октября 1939 года ее членами были около тысячи человек. Профессор Хельсинкского университета Тимо Вихавайнен отмечает, что донесения этой организации свидетельствовали о поддержке подавляющим большинством населения чрезвычайных мер правительства. Но в отношении переговоров в Москве общество занимало не столь жесткую позицию, как руководство Финляндии.

Однако было бы неправильно утверждать, что единодушие в обществе было стопроцентным. В любой стране и в любое время существует определенная группа людей, выступающая против действий государства или занимающая нейтральную позицию. Не была исключением и Финляндия. В стране существовала коммунистическая партия, которая пользовалась определенной поддержкой в обществе. И хотя влияние коммунистов на политическую обстановку и жизнь в стране было незначительным, министр внутренних дел Урхо Кекконен (Urho Kekkonen) провел превентивные меры – 272 активиста были арестованы. Позже под давлением социал-демократов их большая часть была освобождена. Лишь 13 человек остались под стражей.

Начало Зимней войны объединило практически все слои общества и политические партии под единым лозунгом защиты независимости страны. Советская пропаганда периода 1939–1940 годов не оказала долж-

ного воздействия на гражданское население Финляндии. Ее неповоротливость и оторванность от жизни, а также способ распространения листовок, которые сбрасывали на города вместе с бомбами, по свидетельству маршала Маннергейма, «не могли вызвать ничего, кроме смеха»¹⁸⁷ По сути, эта пропаганда только укрепляла внутренний фронт финнов.

Финляндия также вела пропаганду на войска РККА и территорию Советского Союза. Радиовещание велось на русском, татарском, украинском языках эмигрантами, проживающими в Финляндии. В связи с тем что во время Зимней войны радиоприемники у населения СССР не изымались, как это было в период Великой Отечественной войны, эти передачи можно было слушать, не только в Ленинграде, но даже в Азербайджане. Как отмечает в своей работе профессор Тимо Вихавайнен, подобная «радиоинтервенция» вызывала беспокойство председателя Ленинградского радиокомитета Нахимовича, поэтому все радиоприемники в Ленинграде старались мобилизовать для глушения финских передач.

Целесообразно отметить, что и в Финляндии, и в Советском Союзе под влиянием пропаганды господствовало далекое от реальности мнение о силе своих армий. Поэтому неудачи на фронте негативно влияли на моральные настроения некоторой части общества. И наоборот, успехи на фронтах расценивались как переломные моменты, способные приблизить победу и окончание войны. В целом можно отметить, что во время боевых действий у большей части финнов было сформировано мнение о русских как о врагах и агрессорах.

Наиболее ярко и открыто недовольство политикой СССР высказывалось населением на оккупированной Советским Союзом территории Финляндии. Здесь остались свыше 2000 человек, в основном на территории Суоярвского района, островах Финского залива, Салми, Суомуссалми и Петсамо. В своих донесениях органы внутренних дел и НКВД сообщали, что «большинство финнов крайне враждебно настроено к СССР... высказы-

вают националистические чувства и ненависть к русскому населению».

Условия мирного договора 1940 года шокировали большую часть населения страны. Недовольство проявилось не только по поводу утраты значительной части финской территории, которая не была оккупирована частями РККА в ходе боевых действий, но и бездействием Англии и Франции, готовивших высадку экспедиционного корпуса, но так и не осуществивших ее. Разочарование вызвала и позиция Швеции. Несмотря на то что она оказала значительную гуманитарную помощь Финляндии во время войны, то обстоятельство, что правительство этой страны не разрешило транзит англо-французского корпуса через свою территорию, вызывало у финнов чувство горечи и недоумения. Претензии были и к Германии. Считалось, что ее войска активно участвуют в боях на стороне русских. В связи с этим, как отмечает профессор Тимо Вихавайнен, лиц, говоривших на немецком языке, подвергали оскорблениям, флаги Германии были объектом надругательств, а товары немецкого производства игнорировались.

Впрочем, сейчас, почти через 70 лет после окончания Зимней войны, сложно подсчитать в процентном соотношении, население чьей страны было более единодушно. Сколько людей поддерживало политику правительства, а сколько нет. На основании имеющихся в моем распоряжении источников считаю правомерным заявить, что и в СССР, и в Финляндии были группы людей, которых не устраивал государственный строй и политика, проводимая правительством.

Более явное недовольство войной проявлялось в СССР. Поводом к этому послужила репрессивная политика советского государства в отношении своего народа. В свою очередь, в Финляндии можно говорить о достижении почти полного единства финской нации во время Зимней войны, подтверждением чего могут служить следующие обстоятельства. Финны осознавали справедливый характер кампании – нация объединилась для сохранения своей независимости, несмотря на свои политические симпатии и антипатии. Например,

во время Гражданской войны в Испании на стороне республиканских войск воевали и финны. После окончания боевых действий некоторая часть из них вернулась на родину. Во время Зимней войны они пошли в финскую армию добровольцами.

Более того, «внутренний фронт» в Финляндии был настолько силен, что ни о каком массовом переходе на сторону Красной Армии финских военнослужащих под влиянием настроений родственников, оставшихся в тылу, говорить некорректно. Влияние советской пропаганды было незначительным, мировоззрение финнов изменить не удалось. Настрой общества был такой, что даже среди населения на территории Финляндии, попавшего под оккупацию СССР, нельзя говорить о массовых случаях коллаборационизма. Естественно, были и исключения. Например, перебежчики и финны, изъявившие желание служить в Финской Народной Армии (ФНА). Но их количество во время Зимней войны было незначительным.

Межвоенный период 1940–1941 годов. Советский Союз

После Зимней войны Советский Союз начал обживать «новые территории» Карельского перешейка и Карелии. 16 марта в Выборг прибыл первый поезд из Ленинграда с представителями новой власти. В первое время в новых районах действовали городские и районные временные управления, которые выполняли функции органов советской власти. В их задачу входило тщательное обследование территорий, восстановление промышленных предприятий и учет оставшихся ценностей. Временные управления были упразднены после выборов в местные Советы.

Надо отметить, что после окончания войны в «освобожденных» районах началась «эпидемия» мародерства, причем в кражах и расхищении трофейного имущества были замечены не только красноармейцы, но и командиры. Случаи мародерства были настолько массовыми, что просто закрывать на это глаза уже не было никакой возможности. Военный трибунал Краснознаменного

Балтийского флота приговорил нескольких человек к тюремному заключению на срок от одного до четырех лет¹⁸⁸ Более того, когда начался вывод войск с «новых территорий», то «всех обыскивали, чтобы не вывозили трофеи. На станции Рауту висел большой плакат, а на нем написано: «Ты воин-освободитель, а не грабитель!»¹⁸⁹

Одновременно с выводом войск и личным досмотром военнослужащих РККА началась выдача денежного вознаграждения участникам боевых действий. Рядовой состав получал по 300 рублей, младший командирский – 500 рублей, офицерский – месячный оклад. Добровольцам выплачивали до 500 рублей плюс стипендия или заработная плата за период нахождения на фронте и, кроме этого, талоны на водку и талоны на пошив верхней одежды или обуви. Но последнее, как отмечает российский исследователь В. Степаков, всецело зависело от щедрот местных властей того города, где формировался батальон¹⁹⁰

До вывода войск необходимо было решить одну первоочередную задачу, невыполнение которой грозило возникновением эпидемий. В марте на всем протяжении бывшей линии фронта стали находить тела погибших солдат. Как уже отмечалось, во время Зимней войны, впрочем как и во время войны Продолжения, в финской армии действовали «эвакуационные центры погибших» (kaatuneiden evakuoimiskeskus – КЕК), задачей которых был сбор, идентификация и погребение погибших солдат и офицеров. Уникальной особенностью боевых действий 1939–1944 годов являлось то обстоятельство, что финская армия по мере возможностей старалась эвакуировать тела своих погибших военнослужащих и захоронить их в Финляндии.

Красноармеец А. Клименко из 43-й стрелковой дивизии описывал виденное так: «В конце марта в нескольких местах из снега вытаяли трупы убитых финнов и еще один труп находился в сарае. В эту деревню приехала, в сопровождении пограничников, машина с двумя финнами и двумя финками. Спросили, есть ли где трупы? Им показали. Они подобрали и уехали»¹⁹¹

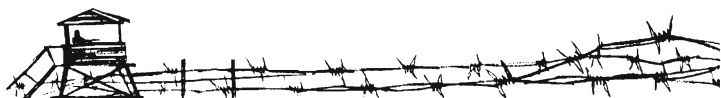

В отличие от финской армии, в ходе Зимней войны командование РККА не уделяло должного внимания вопросам погребения павших, поэтому советских военнослужащих либо не хоронили вообще, либо их похороны проходили крайне поспешно, непосредственно на месте гибели. В результате этого советской стороне пришлось пожинать скорбные плоды боевых действий вплоть до лета 1940 года. Специальные команды занимались похоронами останков до начала августа. При этом из-за сильного смрада красноармейцам приходилось работать в противоопытных защитных костюмах и противогазах¹⁹²

Одновременно с выводом войск в СССР стала набирать силу кампания по вербовке в «новые районы» рабочих, инженеров, техников, врачей, учителей и других специалистов. Данное мероприятие проходило под руководством обкомов и горкомов ВКП (б). В апреле временные управления были буквально завалены потоком писем и телеграмм от добровольцев, желающих переселиться на бывшие финские территории. В связи с этим СНК Карельской АССР дал разъяснение, что «направление на работу в новые районы производится только путем отбора необходимых квалификаций»¹⁹³

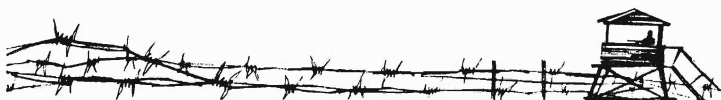
13 апреля 1940 года делегаты III внеочередной сессии Верховного Совета Карельской АССР, руководствуясь решением IV сессии Верховного Совета СССР (ВС СССР), приняли закон о преобразовании КАССР в Карело-Финскую ССР. Двумя днями позже, 15 апреля появился Указ ВС СССР «О дне выборов депутатов в Верховный Совет от Карело-Финской ССР». Одновременно с этим был обнародован Указ о выборах в Верховный Совет Карело-Финской ССР. Данный указ был направлен на включение в активную политическую жизнь новых районов.

16 июня 1940 года состоялись выборы в ВС КФССР. Согласно официальным данным, в них приняли участие 99,6% от общего количества избирателей, причем за кандидатов блока коммунистов и беспартийных проголосовало 98,5% населения. Впрочем, такие цифры были характерны для того времени и определялись безальтернатив-

ностью голосования и жестким контролем над избирателями. В результате выборов в новых районах было создано семь районных, семь городских, 81 сельский и шесть поселковых Советов депутатов трудящихся.

Впрочем, освоение новых территорий проходило не всегда гладко. 28 мая 1940 года появилось Постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О мероприятиях по восстановлению хозяйства в новых районах Карело-Финской ССР и Ленинградской области». В Постановлении предусматривалось оказание новым территориям дополнительной помощи строительными материалами, техникой и сельскохозяйственными машинами. Кроме того, было намечено переселение на новые земли 40 тысяч семей колхозников из Белорусской и Украинской ССР, Мордовской, Татарской, Чувашской автономных республик, Вологодской, Калининской, Кировской, Пензенской, Рязанской, Смоленской и Тульской областей РСФСР. Первые колхозники (60 семей) появились на бывшей финской территории в начале июня 1940 года. Впрочем, фактически на этом процесс приостановился. Крестьяне не хотели бросать обжитые места и переезжать в новое место. Однако с этой проблемой Советский Союз столкнулся уже во время Зимней войны и сразу же после ее окончания. В докладных записках РО НКВД Карельской АССР отмечалось, что среди вопросов о послевоенном устройстве территорий, отошедших к СССР по итогам войны, наиболее часто задавался вопрос о переселении и создании колхозов на новых землях. При этом колхозники явно не выражали желания переселяться. 9 июля 1940 года коллегия Наркомата земледелия СССР признала, что «важнейшее решение партии и правительства выполняется неудовлетворительно». Решение коллегии было направлено на исправление сложившейся ситуации. Результат, как отмечает петербургский исследователь В. Степаков, последовал достаточно быстро. Первым колхозом, в полном составе прибывшим на Карельский перешеек, стал колхоз «Дудино» Череповецкого района Вологодской области. Однако переселение шло с большими трудностями: не хватало транспорта, снабжение

людей товарами первой необходимости и продуктами было неудовлетворительным, не хватало жилья.

Несмотря на трудности, к концу 1940 года переселение рабочих, колхозников и технических специалистов в новые районы было практически завершено. На восстановлении промышленных объектов работали 15 тысяч человек, а в созданных колхозах – 32 тысячи. К концу 1940-го – началу 1941 года население этих территорий составило 188 тысяч человек¹⁹⁴

Таким образом, можно отметить, что переселенческая политика Советского Союза не была достаточно успешной. И хотя в межвоенный период промышленность «новых районов» была практически полностью восстановлена, оставалось немало неясных моментов именно в отношении людей к этим территориям. В городе процветало мародерство, грабили могилы на городском кладбище в поисках золота¹⁹⁵. Да и само создание новой республики вызывало у людей немало вопросов. Советские пропагандистские органы так и не смогли вразумительно объяснить населению, что стало с правительством Куусинена. В спецсообщении Ребольского РО НКВД от 14.04.1940 года отмечалось, что «больше всего неправильных и враждебных высказываний встречается при обсуждении последних международных событий». Об окончании войны говорили: «Испугались иностранной армии и заключили договор. Теперь иностранные государства будут смеяться над трусостью Советского Союза. Насколько будет соблюдать этот договор Финляндия, это еще неизвестно. Может быть, с помощью Англии и Франции снова пойдет войной и выберет для этого удобный момент. Тогда будет хуже».

«Välirauha». Финляндия

Московский мирный договор положил конец длившейся 105 дней Зимней войне. В отличие от Советского Союза, в Финляндии межвоенный период 1940–1941 годов рассматривался и рассматривается лишь как временное перемирие между двумя военными кампаниями 1939–1940 и 1941–1944 годов. Отсюда и термин – Välirauha (перемирие).

Финское правительство, осознавая, что продолжение боевых действий может катастрофически сказаться на суверенитете страны, было вынуждено подписать тяжелые условия мирного договора. Финляндия лишилась почти 15% посевных площадей, до трети водных ресурсов, пятой части торговых путей и значительной доли промышленности страны. Кроме того, несколько крупных городов – Выборг, Кякисалми, Сортавала – отошли к Советскому Союзу. Важный в стратегическом и экономическом отношении портовый город Ханко был также передан в аренду СССР. Помимо территориальных уступок, свыше 420 тысяч человек потеряли жилье и рабочие места. К маю 1940 года еще около 350 тысяч переселенцев жили на пособие по бедности. Впрочем, как отмечает профессор Тимо Вихавайнен, парламент и правительство страны приняли необходимые меры, чтобы смягчить в обществе последствия социального напряжения, вызванного вынужденным переселением. Были приняты законы о наделении этой категории населения земельными участками и о компенсации ущерба, причиненного войной.

Существовала еще одна немаловажная проблема – демобилизация армии могла вызвать массовую безработицу. Однако и этот вопрос был благополучно разрешен путем привлечения бывших военнослужащих к послевоенному восстановлению страны, а также к строительству новых укрепленных районов. В том числе и так называемой линии Salpa (Замок). Для ее строительства было создано Фортификационное бюро. Бюджет организации составил 716 млн марок. Кроме того, с сокращением армии до норм мирного времени в Финляндии не спешили. Это было вызвано в первую очередь тем, что новая советско-финская граница была менее защищена, чем старая. Как отмечает финский исследователь Мауно Йокипии, в конце 1940 года в армии находилось около 109 тысяч военнослужащих, что в три раза превышало штаты мирного времени.

Параллельно с сокращением численности вооруженных сил прошла реформа территориальной воен-

ной организации. Маршал Маннергейм разделил страну на 16 военных округов, которые подразделялись на 34 шюцкоровских района. Каждый военный округ формировал одну дивизию, количество которых теперь равнялось 16 против прежних девяти. Одновременно с этим происходило и перевооружение страны. В результате военных поставок из-за рубежа, в том числе из Великобритании, Франции и Германии, Финляндия смогла значительно улучшить свою обороноспособность. Впрочем, принятые меры имели и оборотную, негативную сторону. Страна нуждалась в иностранных займах. Кроме того, правительство и парламент были вынуждены пойти на чрезвычайную меру – начать эмиссию денег. Подобные шаги привели к инфляции и падению жизненного уровня населения на 25% по сравнению с довоенным уровнем.

Руководство страны предприняло шаги по выводу Финляндии из кризиса, вызванного Зимней войной. Восстанавливались старые и налаживались новые экономические связи. Постепенно, в силу различных причин и обстоятельств, основным торговым партнером страны становится Германия. Одновременно с торговыми отношениями происходит сближение двух стран в военно-политических вопросах. Одной из форм данного сотрудничества можно считать создание в структуре *Waffen SS*¹⁹⁶ финского подразделения¹⁹⁷. Финский батальон принимал участие в боевых действиях против Красной Армии во время Великой Отечественной войны. Кроме того, перед началом войны Продолжения на территории Финляндии были размещены немецкие войска, а военно-воздушные силы Третьего рейха получили возможность базироваться на аэродромах страны.

Как бы то ни было, несмотря на все сложности, связанные с Зимней войной, – падением жизненного уровня населения, проблемами с трудоустройством и обеспечением жильем вынужденных переселенцев, инфляцией – экономика и общество страны сумели избежать социального потрясения и подготовиться к боевым действиям войны Продолжения.

Война Продолжение. Финляндия

Как уже отмечалось, ни в Советском Союзе, ни в современной России не принято выделять войну, получившую название в Финляндии «война Продолжение», в самостоятельную кампанию. Ее принято рассматривать лишь в контексте Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Обе страны еще до официального вступления в войну проводили разведывательные полеты над территориями друг друга, а финские военнослужащие даже совершили диверсионный рейд на Беломорский канал. Кроме того, подводные лодки ВМФ Финляндии проводили минирование вод Финского залива. Профессор Мауно Йокиппи считает совершенно невероятным, чтобы высшее руководство страны, включая маршала Маннергейма, не было бы в курсе подобных действий вооруженных сил страны¹⁹⁸

22 июня 1941 года войска Германии вторглись на территорию Советского Союза. Однако фактически вплоть до 25 июня 1941 года Финляндия оставалась нейтральной. Боевые действия в месте ближайшего соприкосновения советских и финских войск – в районе военно-морской базы (ВМБ) Ханко – не велись. (Оборона Ханко продолжалась с 25 июня по 4 декабря 1941 года. После чего оставшиеся защитники были эвакуированы в Ленинград.) Утром 25 июня 1941 года советские военно-воздушные силы нанесли авиаудар по финским аэродромам и гражданским объектам. Данное обстоятельство послужило формальным поводом для вступления страны в войну на стороне Германии – вечером этого дня парламент признал Финляндию находящейся в состоянии войны с СССР.

В отличие от Зимней войны, когда симпатии Запада были на стороне Финляндии, во время войны Продолжения ситуация коренным образом изменилась. Союз с Германией и оккупация территорий Советского Союза, а также стремление немецких войск соединиться с финскими и замкнуть кольцо блокады Ленинграда существенно осложняли международное положение страны. Великобритания вступила в войну против Фин-

ляндии и даже, как я уже отмечал выше, была готова в случае необходимости применить химическое оружие против финнов¹⁹⁹

На первом этапе войны Продолжения (июнь 1941-го – зима 1942 года) успех был на стороне финской армии. Преодолев сопротивление частей Красной Армии, финны освободили территории, отошедшие к СССР после Зимней войны, а затем, перейдя линию старой государственной границы, захватили часть Восточной Карелии, включая города Петрозаводск и Медвежьегорск. В результате наступательных операций финские войска помимо военных трофеев захватили также большое количество военнопленных.

Вполне естественно, что чувство разочарования, вызванное потерей территорий по условиям мирного договора 1940 года, а также бомбардировки финских городов советской авиацией в июне 1941 года не могли не вызвать жажду отмщения у значительной части населения Финляндии. Не вызывало сомнения и то, что вернуть утраченную часть страны можно лишь военным путем. Более того, приобретение такого мощного в военном плане союзника, как Германия, а также быстрое продвижение войск на восток вызвало чувство эйфории. В общественном мнении страны сложилось убеждение, что война быстро закончится и солдаты вернутся домой к уборке урожая. Неслучайно вначале эта кампания называлась «летняя война». Название «война Продолжение» появилось несколько позже, и у большинства населения Финляндии она должна была ассоциироваться с продолжением борьбы, начатой во время Зимней войны.

Уже в самом начале кампании в финской армии наметились некоторые тревожные тенденции. Во-первых, это отказ некоторых военнослужащих переходить старую линию границы, во-вторых, массовый переход на сторону Красной Армии военнослужащих батальона Пярми ("Pärmin osasto"). Кроме того, и в самой Финляндии не было полного единства по поводу расширения территории страны. С одной стороны, знаменитый приказ маршала Маннергейма по армии, в котором он

заявил о том, что не вложит саблю в ножны, пока не освободит Восточную Карелию, а с другой – предостережения Таннера от увлечения планами расширения территорий.

В ходе продвижения в глубь территории Советского Союза на захваченной территории Карело-Финской ССР была образована военная администрация Восточной Карелии. Первым командиром военной администрации стал полковник (горный советник) В. А. Котилайнен (V. A. Kotilainen), бывший директор-распорядитель предприятия Энсо Гутзейт Оу (Enso Gutzeit Oy). В планах оккупационных властей было воспитание карелов добропорядочными гражданами Финляндии. С осени 1941 года в Карелии были созданы школы по финской модели образования, преподавание в которых велось на финском языке.

Однако война стала принимать затяжной характер и вступила в фазу так называемой позиционной войны (Asema sota) – с весны 1942 года по весну 1944 года. Этот этап характеризовался вялыми позиционными боями на советско-финляндском участке фронта и активизацией партизанского движения на территории Карелии, а с 1943 года переноса партизанских операций на территорию Финляндии. Проводившиеся советскими войсками в рамках общего весеннего наступления Кестеньгская и Мурманская операции весной 1942 года не увенчались успехом из-за плохой материально-технической подготовки. Финским и немецким войскам, подтянув подкрепления, удалось остановить продвижение частей Красной Армии. С этого момента на фронте наступило относительное затишье.

Зимой 1941/42 года начинает ухудшаться ситуация с продовольственным обеспечением в стране. Об этом свидетельствуют письма, получаемые солдатами от своих родственников. Как уже отмечалось выше, в Финляндии было введено нормирование практически на все виды продовольственных товаров, более того, постепенно эти нормы снижались. В письмах финских женщин своим родственникам на фронт этот факт нашел свое отражение.

Письмо солдату ПАРТАНЕН ЮНО от жены из Лаурицала от 7.11.41 ППС 2/2965:

«Я купила 38 кг. брюквы по 2 марки и пеку из нее пирожки, так как хлеба не хватает. Масла получаем 100 грамм на человека и маргарина 100 грамм /в 10 дней/ Взрослые получают молока по 0,2 литра».

Письмо солдату НЮНЯНЕН ЛАУРИ от дочери НЮНЯНЕН ЭЛЬЗЫ из Гельсинки от 30.10.41. ППК 2.1450:

«Теперь выдают меньше масла и к тому же половину его заменяют маргарином. Белую муку выдают только по детским карточкам. Даже в пекарнях не дают белого хлеба».

Письмо солдату ЯЛМАРИ СЕЛЕНИУС от жены МАЙИ из г. Торнео от 17.11-41 г ППС 2.1991:

«Норма продажи молока уменьшена, уменьшена также выдача масла и жиров. Посмотрим, как мы проживем зиму. Войне пора бы уже закончиться. Да, и, наверное скоро кончится. Придет голод, который заставит плясать под свою дудку, чтобы эта карусель скорее закончилась. Становится страшно, когда подумаешь об этой войне. Лучше, конечно, когда не думаешь, а живешь так, по одному дню».

Причем снабжение продуктами питания ухудшилось не только в тылу, но и на фронте. В своих воспоминаниях маршал Маннергейм отмечает, что «мы вынуждены были сокращать даже пайки наших солдат, а состояние с продуктами питания гражданского населения вообще было тревожным»²⁰⁰

Об ухудшении питания в финской армии свидетельствуют показания военнопленных финских солдат и офицеров.

«Финский солдат, пленный РЕНКО ЮХО (фамилия искажена, вероятнее всего, Rento Urho. – Д. Ф.) рассказывает: «Пища в армии за последнее время еще более ухудшилась. Жиров и сахару дают мало. Хлеб сухой и затхлый. Наблюдаются частые случаи, когда по несколько дней сидим без горячей пищи. Это особенно болезненно сказывается на старших возрастах, которые слабы здоровьем».

Пленный финский солдат из 1-го егерского батальона ВИРТАНЕН ЭРККИ (Virtanen Erkki, попал в плен

20.12.1941, умер в 6.07.1942 г. – Д. Ф.) на допросе от 22 декабря 1941 г. сообщил: «Питание в армии неважное. На 2 дня дают 1,5 плитки сухого хлеба, 15 кусочков сахара, около 50 гр. масла. Иногда кусочек колбасы. Когда взвод находится на отдыхе, дают два раза в день горячую пищу».

По мере того как становилось ясно, что война принимает затяжной характер, а соответственно увеличивается и количество убитых, раненых, пропавших без вести и попавших в плен, у некоторой части гражданского населения страны стало проявляться недовольство политикой правительства. Однако хотя подобные высказывания были нередки в письмах на фронт, открытых массовых выступлений протеста не было. Государство старалось пресечь эти неблагоприятные тенденции в обществе. Служба пропаганды финского государственного радио YLE вела мощную пропагандистскую работу в этом направлении. Во всех проблемах и трудностях военного времени обвинялись русские (ryssät) и Советский Союз.

В связи с этим целесообразно отметить, что русскоязычное население Финляндии оказалось между двух огней. С одной стороны – слежка, недоверие со стороны финнов, перлюстрация корреспонденции. И, кроме того, усложнилась работа благотворительных и культурно-просветительских обществ. И это несмотря на то, что финские русские служили в финской армии. С другой стороны, СССР не рассматривал эту категорию населения Финляндии как возможный плацдарм для агентурной работы в стране. Русскоязычные военнопленные представляли лишь интерес для НКВД при выяснении деятельности белоэмигрантских организаций в Финляндии – РОВС, НТСНП²⁰¹, Младороссы и т. п. Более того, практически все эмигранты расценивались как «враги народа», со всеми вытекающими отсюда последствиями. После окончания войны Продолжения Финляндия была вынуждена выдать СССР нескольких представителей эмигрантских организаций. Среди них – руководителя финляндского отделения РОВС генерала С. Ц. Добровольского²⁰²

Однако у русскоязычной диаспоры Финляндии сложились достаточно хорошие отношения с советскими военнопленными, несмотря на все бывшие и настоящие противоречия с СССР. Русские по мере своих сил и возможностей помогали своим соотечественникам в лагерях для пленных — передавали продукты, табак, одежду²⁰³

Необходимо отметить, что моральное состояние финского общества во время войны Продолжения несколько отличалось от Зимней войны. С середины 1943 года становится очевидным, что союзник Финляндии Германия рано или поздно потерпит поражение в войне. В связи с этим лозунг «Великая Финляндия» у финского населения не вызывал такого воодушевления, как это было в начале войны. В Финляндии теперь понимали, что это будет стоить бесконечных жертв. Большие потери на фронте, а также ухудшение питания вызвали случаи дезертирства из финской армии. Несмотря на строгую цензуру, о фактах дезертирства сообщается во многих письмах. Кроме того, участились случаи совершения уголовных преступлений с целью уклонения от воинской службы.

Вместо того чтобы сдаваться в плен под влиянием трудностей в тылу и на фронте, как на это рассчитывал СССР, некоторые военнослужащие финской армии предпочитали дезертировать из армии и уходить в «лесную гвардию». Некоторые партизанские отряды даже получали специальные задания разыскивать и устанавливать контакты с лесогвардейцами с целью привлечения их на свою сторону²⁰⁴. Впрочем, деятельность партизан в тылу, а точнее, их методы ведения боевых операций не вызывали у финнов ничего, кроме гнева.

Третий этап войны Продолжения начался весной — летом 1944 года. Ему предшествовали переговоры финской делегации в Москве по вопросу о выходе Финляндии из войны, а также жесткое давление со стороны Германии, стремившейся предотвратить сепаратный мир между СССР и Финляндией. Поражение немецких войск под Ленинградом изменило военную обстановку на северо-западном участке советско-германского

фронта. В июне 1944 года советские войска перешли в наступление по всей линии советско-финляндского участка фронта. Операцию начинали и наносили основной удар войска Ленинградского фронта на Карельском перешейке при поддержке Балтийского флота и Ладожской военной флотилии.

Наступление Красной Армии обострило внутривойсковую обстановку в Финляндии. 1 августа президент Рюти ушел в отставку. Его сменил маршал Маннергейм. Новое правительство начало переговоры с СССР о выходе страны из войны. 4 сентября Финляндия объявила о прекращении боевых действий на советско-финляндском участке фронта и о разрыве отношений с Германией.

19 сентября 1944 года в Москве было подписано соглашение о перемирии между СССР, Великобританией и Финляндией. Его условия были несколько мягче, чем мирный договор 1940 года. Однако некоторые требования были очень жесткими. Это в первую очередь относится к требованию осудить военных преступников и виновников войны с СССР. По мнению профессора Вихавайнена, цель подобного шага была ясна: расколоть финское общество и привести к власти новые просоветские силы. Впрочем, не менее тяжелым был вопрос о послевоенных репарациях Финляндии Советскому Союзу, которые легли тяжким бременем на финскую экономику. Кроме того, СССР, в нарушение международного права, выставил Финляндии счет за репатриацию финских военнопленных и интернированных.

В целом, можно сделать вывод, что моральное состояние финского общества во время войны Продолжения несколько отличалось от периода Зимней войны. Это было вызвано в первую очередь тем, что изменился сам характер боевых действий. С переходом старой государственной границы изменилось отношение к стране со стороны западных держав. Финляндия становится агрессором по отношению к Советскому Союзу, что не могло не сказаться на тематике, например, английской пропаганды на страну. Затяжной характер боевых действий тяжелым бременем лег на экономику Финляндии.

Уровень жизни населения снизился, в стране было введено нормирование продуктов питания и одновременно с этим выросли цены. Однако пропаганда внутри страны успешно справилась с трудностями, и моральный дух населения продолжал оставаться на достаточно высоком уровне.

Более того, на основании всех имевшихся в моем распоряжении документов из российских и финских архивов, а также из частных коллекций считаю, что настроения гражданского населения и его отношение к событиям войны Продолжения никак не влияли на сдачу военнослужащих финской армии в плен. Дезертирство – да, уклонение от службы в армии – да, но сдача в плен – нет. В этом, пожалуй, заключалось существенное различие между отношением к войне в СССР и Финляндии.

Война Продолжение. Советский Союз

Начавшаяся 22 июня 1941 года война была для советских солдат и гражданского населения войной против агрессоров независимо от того, на каком фронте и против какого противника велись боевые действия. Однако, несмотря на то что большинство советского народа полностью поддерживали и осознавали справедливый характер войны, нельзя сбрасывать со счетов и сотрудничество граждан СССР с оккупантами, а также участие граждан Советского Союза в боевых действиях на стороне противника. Масштабность этого явления опровергает распространенные представления о «морально-политическом единстве советского общества» в 1939–1945 годах. Но если во время Зимней войны создание вооруженных воинских формирований из бывших военнослужащих Красной Армии ограничилось лишь РНА Б. Бажанова, то во время Великой Отечественной войны сотрудничество с противником было на несколько порядков выше. По нашим оценкам, граждане СССР, находившиеся в разнообразных частях и формированиях германских вооружённых сил в 1941–1945 годах, составили не менее 15 % от всех людских ресурсов Германии, мобилизованных для военной

службы² В свою очередь, сотрудничество с Финляндией не отличалось таким размахом. Хотя только за июнь – сентябрь 1942 года войска V и VI армейских корпусов зафиксировали 86 случаев перехода на финскую сторону военнослужащих Красной Армии. Впрочем, в составе финской армии действовало лишь несколько воинских формирований, набранных по национальному признаку.

В отличие от европейского коллаборационизма, разносторонняя поддержка, оказанная противнику гражданами Советского Союза, обуславливалась внутренними пороками сталинского общества. Поэтому, изучая различные аспекты поддержки, оказанной советскими гражданами противнику в годы войны, мне кажется, необходимо рассматривать этот процесс в качестве стихийного протеста части общества против внутренней террористической политики советского государства, усугубленной режимом личной власти И. В. Сталина. При этом стоит отметить, что в сознании участников антисталинского протеста личность Сталина нередко олицетворяла собой все общественное зло даже в большей степени, чем аббревиатура НКВД²⁰⁶

Начало войны вынудило руководство вышеупомянутого ведомства пойти на превентивные меры обеспечения безопасности во многих регионах Советского Союза. Так, например, из Ленинграда в 1941–1942 годах были эвакуированы лица немецкой, финской, прибалтийских национальностей, судимые в прошлом по ст. 58 УК РСФСР, часть была физически уничтожена. Аналогичные действия были предприняты и в Карелии. Бывших финских военнопленных периода Зимней войны, находившихся в Петрозаводске, «ввиду того, что часть из них ведет подозрительный образ жизни и может быть использована финразведкой», предполагалось интернировать²⁰⁷

Критическая ситуация, сложившаяся в первые месяцы на фронтах Великой Отечественной войны, и отсутствие достоверной информации привело к тому, что среди населения стремительно распространялись различные слухи и домыслы, причем нередко они исходи-

ли от противника. Таким образом, нейтрализация пропаганды противника и борьба с разного рода негативными настроениями среди населения были важнейшими задачами того времени. К тому же, как отмечает петербургский исследователь Н. Ломагин, «чрезмерный оптимизм, характерный для выступлений советских средств массовой информации в первые два месяца войны, резко контрастировал с тяжелейшими боями, отступлением советских войск, вызвал определенное недоверие к сообщениям газет и радио»²⁰⁸

В такой обстановке возникла особая нужда всеми доступными способами отслеживать общественные настроения. Впрочем, необходимо отметить, что для этого, уже начиная с первых лет советской власти, была создана развернутая система контроля за настроениями в стране. Наиболее подробные материалы, отражавшие общественные настроения, готовили органы госбезопасности. В ГПУ подготовкой таких материалов занимался созданный в 1921 году Информационный отдел; moreover, материалы для него предоставляли и другие отделы, например Особый, Секретный, Контрразведывательный, Восточный и др. В 1931 году Информационный отдел вошел в состав Секретно-политического отдела. В годы войны его функции выполняло 3-е управление НКВД СССР, а с апреля 1943 года, когда был создан Народный комиссариат государственной безопасности, 1–5-й отделы 2-го управления НКГБ (возглавлял управление комиссар ГБ 3-го ранга П. В. Федотов).

В годы войны отчеты сводились в спецсводки или спецсообщения. Их обычно составляли по откликам на ситуацию на фронте, международные события, выступления И. В. Сталина. Сводки, как отмечает российский исследователь В. Голубев, составлялись по традиционной схеме: вначале делался почти обязательный вывод о массовой поддержке того или иного решения, выступления и т. п., затем приводились примеры, это подтверждающие. Далее приводились примеры «негативных», «враждебных», «фашистских» или «пораженческих» высказываний, причем часто в этот разряд попадали достаточно осторожные и вполне обоснованные сомнения

в результативности тех или иных международных соглашений или в справедливости отдельных сообщений советской пропаганды, тем более – в исходе войны²⁰⁹

В годы Великой Отечественной войны повысилась роль военной цензуры. Возросло количество перлюстрированных писем. Например, в 1941 году военная цензура Москвы и Московской области проверила 5 132 374 письма (то есть 100% всех писем, отправленных на фронт и с фронта), причем было конфисковано 6912 писем (0,13%), частично вычеркнут текст в 56 808 письмах (1,1%). При этом нередко в раздел «антисоветских высказываний» попадали жалобы на высокие цены, плохое снабжение или питание, не сопровождавшиеся никакими комментариями политического характера и полностью соответствовавшие действительности. На основе материалов перлюстрации составлялись обзоры о морально-психологическом состоянии и настроении войск и населения, которые направлялись в контрразведку и по особым запросам в политотделы.

Впрочем, рисовать картину войны только в черных красках, естественно, нельзя. Нельзя говорить и о тотальном сотрудничестве населения СССР с противником. Не стоит забывать о сопротивлении оккупантам во всех его формах: от активного (саботаж, создание партизанских отрядов и т. п.), до пассивного (нежелание работать на врага и заблаговременная эвакуация). В связи с этим, например в Карелии, многие деревни были захвачены пустыми, без жителей. Всего из республики эвакуировались свыше 500 тысяч человек. Например, в Ребольском районе практически не осталось гражданского населения. Всего на оккупированной территории Восточной Карелии остались примерно 85 тысяч человек, половину которых составляли русские, а другую половину – карелы и вепсы.

Взаимоотношения гражданского населения с финнами складывались по-разному. Перед началом генерального наступления 8 июля 1941 года вышел приказ, в котором было определено обращение с населением, остававшимся на занятой территории. Финский иссле-

дователь доктор Антти Лайне отмечает в своем докладе, что согласно этому приказу русские должны были быть арестованы и переправлены в концентрационный лагерь. Всего в лагерях содержались примерно 24 тысячи человек. Смертность среди заключенных была достаточно высока – от 4000 до 7000 человек. Пик пришелся на весну–осень 1942 года и был вызван проблемами с продовольственным снабжением не только на оккупированных территориях, но и в самой Финляндии. Когда союзники по антигитлеровской коалиции стали готовиться к встрече в Тегеране, Советский Союз начал активную пропагандистскую кампанию против захватнической политики финнов. Как следствие, концентрационные лагеря были переименованы в лагеря для перемещенных лиц. Кроме того, были устранены различия в заработной плате и продовольственных пайках, установленные по национальному признаку осенью 1943 года.

В отношении родственного финнам населения проводилась более мягкая политика. Впрочем, так же как и в Финляндии, в оккупированной Карелии была введена трудовая повинность для всех в возрасте от 16 до 65 лет. Однако уровень пайка и заработной платы зависел от национальности. Самые маленькие пайки выдавались русскоязычному населению республики и заключенным концентрационных лагерей. На начальном этапе меньшие заработки русских обосновывали тем, что они не нуждаются в большем, поскольку вскоре будут высланы.

В 1943 году в Карелии ввели систему деревенских старост. В их задачи входили наблюдение за населением, осведомление, контроль над порядком и безопасностью. Впрочем, случаи доносов со стороны карел, связанных с партизанами, были крайне редки. Равно как и помощь партизанам не получила того размаха, как на оккупированной территории Украины, Белоруссии и России. Подпольные организации также не отличались большим количеством членов. Всего на подпольную работу с начала войны и до конца 1943 года были направлены около 120 человек.

Таким образом, гражданское население коренных национальностей Карелии было настроено в отношении

к финнам нейтрально. Помощь партизанам оказывалась больше спонтанно, на основе сильно развитых родственных отношений, нежели чем по идейным соображениям. Кроме того, когда в 1944 году начался отход финских войск из республики, вместе с ними эвакуировались в Финляндию на добровольной основе 2799 человек. В отличие от этого, русскоязычное население Карелии из-за проводимой финнами национальной политики не питало к ним никаких добрых чувств.

В связи с вопросом об отношении гражданского населения к финнам целесообразно отметить еще один момент. Речь идет о военнопленных. Уже отмечалось, что пленные работали на стройках народного хозяйства, в портах и на лесозаготовках. В отличие от Зимней войны, во время войны Продолжения контактов у советских граждан с военнопленными было гораздо больше и органы НКВД, ввиду экономической необходимости, не могли их пресечь. Жители Вологодской области, где находился Череповецкий лагерь НКВД, отзывались о финнах как о дружелюбных и работающих людях. Иногда пленные, в обход существующих правил, помогали местным жителям по хозяйству, получая за свою работу еду. Впрочем, известны и другие случаи, когда пленные делились своим скудным хлебным пайком с гражданским населением.

Кроме того, финские военнопленные находились на излечении в госпиталях и больницах. Соответственно контактов с гражданским персоналом и охраной, состоявшей, как правило, из военнослужащих старших возрастов из запасных частей (то есть фактически мало чем отличавшихся от вооруженной гражданской охраны), и там невозможно было избежать. В госпиталях, как отмечает бывший военнопленный Теуво Алава, к финнам относились гораздо лучше, чем к немцам.

В советской пропаганде *на все* население Советского Союза не был создан образ финна как главного врага. Да – враг, но враг второстепенный, ничем не отличающийся от итальянцев, румын или венгров и других союзников Германии. Только в Карелии и Ленинграде, то есть в оккупированных районах и близких к линии фронта, где действовали финские войска, у населения

такое представление о финнах было сформировано. Отсюда и известные нам случаи проявления жестокости к пленным. В тылу отношение к ним было более лояльное.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Картина морально-политического состояния советского общества и его армии во время Зимней войны и войны Продолжения была далека от идиллической, как это представлялось в советской пропаганде. Однако, несмотря на недовольство политикой государства, оно так и не переросло в открытый протест. В этом заключался парадокс времени. Публично заявлять о своем несогласии с «мудрой сталинской политикой» было чревато последствиями. У людей выработалось чувство «внутренней» самоцензуры. Впрочем, нередко настроения родственников и друзей в тылу влияли на сдачу в плен и поведение в плену. Это более отчетливо проявилось во время Великой Отечественной войны в РККА, когда на сторону немцев и их союзников переходили целые подразделения Красной Армии.

В Финляндии и во время Зимней войны и войны Продолжения моральный дух населения страны продолжал оставаться на достаточно высоком уровне. Пропаганда внутри страны успешно справилась с трудностями военного времени. Был сформирован образ русского как врага, покусившегося на территориальную целостность и независимость страны и которому надо дать решительный отпор.

Настроения гражданского населения и его отношение к событиям войны Продолжения никак не влияли на сдачу военнослужащих финской армии в плен. Ни в одном из имеющихся в моем распоряжении протоколов допросов финских военнопленных нет даже намек на то, что он сдался в плен под влиянием этих обстоятельств. Дезертирство – да, уклонение от службы в армии – да, но сдача в плен – нет. В этом, пожалуй, заключалось существенное различие между отношением к войне в СССР и Финляндии.

Таким образом, я считаю правомерным заявить следующее. Сдача в плен – это сиюминутное, сиюсекунд-

ное решение каждого военнослужащего, которое он принимает под влиянием различных обстоятельств. Часто солдату приходилось выбирать: умереть сейчас или пытаться сохранить себе жизнь, сдавшись в плен врагу. Причем пленение, вызванное чрезвычайными обстоятельствами, с моей точки зрения, это не преступление и не позор. Естественно, в любой ситуации могут быть исключения, например перебежчики. Люди, которые имеют цель, желание и иногда достаточно долго вынашивают планы перехода на сторону противника. Однако, в общем и целом, таких людей в Финляндии было не так много, как на это рассчитывал Советский Союз. Большая часть финских солдат принимала решение сдаться в плен именно под угрозой неминуемой смерти.

ГЛАВА 7

ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ДУХОВНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА В ЛАГЕРЯХ

Всеми признается, что не хлебом единым жив человек. Особенно современный человек. Особенно в исключительных условиях серой, занудной повседневности лагерной жизни, лишенной информационного разнообразия и потому отравляющей душу военнопленного, превращающей его в аморфное существо. Без духовной, культурной работы, пусть даже в пределах небольшой общеобразовательной подготовки, человек перестает быть человеком. Вот почему финское и советское правительства, взявшие на себя определенные обязательства перед мировым сообществом, должны были уделять большое внимание важнейшей составляющей нормального содержания военнопленных – предоставления им возможности хотя бы минимального удовлетворению их духовных потребностей. Вполне очевидно, что в силу различия в политическом устройстве Финляндии и Советского Союза государственные органы, ответственные за прием военнопленных, подходили к этой проблеме с разных позиций.

Зимняя война

Составляющей частью боевых действий была пропаганда не только среди военнослужащих армии противника, но и среди гражданского населения. В Финляндии для этой цели был создан Отдел пропаганды Ставки. Возглавлял его лейтенант резерва Рейно Кастрен.

Задачами группы «А» этого отдела были:

«а) Изменение настроения гражданского населения в тылу врага в Карелии и Ингерманландии. Политическая работа среди гражданского населения.

б) Подготовка в сотрудничестве с Разведывательным отделом Ставки материалов, направленных на *нерусские* подразделения вражеских войск.

в) Поддерживание связей с беженцами из Восточной Карелии и Ингерманландии, проявляя интерес к их делам, а также поддерживание отношений со всеми кругами *нерусских* беженцев из Советского Союза.

г) Подбор и обучение персонала для выполнения вышеуказанных работ».

Кроме этого отделом велась пропагандистская работа среди бойцов и командиров Красной Армии.

Финская агитация на фронте

Необходимо отметить, что бойцам и командирам РККА запрещалось читать финские листовки. До сведения личного состава подразделений доводилась информация о том, что «если кто найдет листовки и будет читать сам и другим, пойдет под суд реввоен трибунала». Кроме того, создавались «специальные бригады из активных комсомольцев по розыску листовок».

Анализируя листовки и брошюры, распространяемые финнами на фронте, можно отметить, что, во-первых, листовки, в основном, были рассчитаны на рядовой состав; во-вторых, листовки обращены к красноармейцам, бывшим рабочим и крестьянам, которые, как предполагалось, не имеют ничего общего с коммунистами; в-третьих, считалось, что большинство красноармейцев ненавидят существующий строй в СССР (почти все листовки антисоветского содержания); в-четвертых, большинство листовок, предназначенных для нерусских солдат, имеет яркую националистическую, антирусскую направленность («русских» обвиняют в притеснении «национальных меньшинств»); в-пятых, некоторые листовки имеют антисемитский характер. Во всех бедах обвиняются «жиды-комиссары», «посылающие солдат на убой»; в-шестых, особенностью листовок является то, что они оправдывают Сталина. Войну развязал не он, а Молотов, Жданов, командование Ленинградского военного округа и финские коммунисты во главе с Куусиненом (Только в ли-

стовках для «красных командиров» открыто говорится, что война начата Сталиным. Кроме того, из-за более высокого, по мнению финнов, образовательного уровня краскомов им можно было сообщить правду и о войне, и о Сталине.); в-седьмых, во всех листовках указывалось на бессмысленность сопротивления окруженных частей, призывы сложить оружие, перейти на сторону финнов, сдаться в плен. При этом обещалось гуманное отношение к военнопленным, хорошая еда, теплое жилье и возможность уехать на Родину или в любую другую страну по окончании боевых действий (это противопоставлялось тому, что советское военное командование бросило окруженных на произвол судьбы, не доставляет им продовольствие и отдало приказ уничтожить попавших в окружение и тех, кто решил сдаться в плен. Естественно, что такая информация пагубным образом сказывалась на морально-психологическом состоянии бойцов, по несколько суток не получавших питания и вынужденных ночевать в снегу.); в-восьмых, во многих листовках противопоставляются «хорошие» рядовые бойцы и «плохие» командиры и политруки, посылающие солдат на смерть, или же «хорошие» красноармейцы и командиры и прячущиеся за их спинами (или стреляющие в спину) кровожадные политруки. В то же время абсолютно не было листовок, обращенных к политическому составу РККА. Наоборот, почти во всех листовках присутствует призыв убивать политруков и комиссаров.

Кроме того, стоит обратить внимание на манеру написания листовок: во многих из них сохраняется старый стиль письма. Часто употребляются устаревшие слова комиссар (вместо политрук), ЧК, ГПУ, ЧОН и т. п.

Листовки, брошюры и буклеты по их направленности можно разделить на несколько групп.

1. К разным нациям и народностям Советского Союза или же, следуя финской классификации, – к «национальным меньшинствам»:

а) «родственным национальностям» – карелам и финнам. Этих листовок было большинство. Печатались листовки на русском, карельском и финском языках;

б) к грузинам и жителям Кавказа – на русском, грузинском и арабском языках;

в) к украинцам – на украинском и русском;

г) к белорусам – на белорусском и русском;

д) к татарам и тюркам – на русском, татарском, арабском;

е) к коми – на коми и русском.

2. Красноармейцам и младшим командирам.

3. Командному составу РККА (краскомам).

4. К разным родам войск:

а) пехота;

б) авиация – краслетам;

в) бронетанковые части.

В последних двух группах представлены преимущественно брошюры и иллюстрированные листовки с фотографиями сбитых самолетов, разбитых, сожженных и брошенных танков.

5. Обращения к народу России:

а) к крестьянам;

б) к молодежи.

6. Религиозные листовки.

Нельзя с уверенностью сказать, что для попавших в плен бойцов и командиров Красной Армии информация, приведенная в листовках, была главным фактором для сдачи противнику. Большинство попадало в плен лишь тогда, когда избежать этого уже не было возможности. Лишь те военнопленные, которые не хотели возвращаться в СССР после войны, в своих прошениях на имя финского правительства в большинстве случаев указывали на идеологические разногласия с существующим режимом в Советском Союзе. При этом они почти слово в слово цитировали содержание этих листовок.

Были, конечно, и такие, кто более или менее искренне верил в возможность свержения существующего строя в СССР. К этой категории можно отнести тех, кто выказал желание служить в Русской Народной Армии, кто был корреспондентом в газетах «Милый Друг» и «Друг Пленных». Кроме того, сюда можно включить перебежчиков и тех, кто добровольно сдался в плен.

Перебежчиков было очень мало. Но был случай, когда помощник политрука А. Семихин перешел к финнам 14 марта 1940 года. Интересно его прошение на имя Таннера:

«Цель моего побега из России и пребывания за границей – таковы:

Правдиво писать о жизни в СССР. Бороться за свержение Советской власти.

Я начал разрабатывать программу воззвания к правительствам и партиям иностранных государств «Россия должна быть спасена»

Что привело меня к подобным мыслям.

Живя в России, наблюдая жизнь, пропаганду и действия советского правительства, еще в возрасте 11–12 лет, когда я был свидетелем системы насильственной коллективизации крестьянских хозяйств – ...у меня зародилась мысль повести борьбу против Советской власти.

В России диктаторской власти не должно быть. Это убеждение. У меня не было и не будет в мыслях того, чтобы принести вред стране, которая окажет мне убежище от преследования моих идей в СССР.

«...Я хочу и буду бороться за освобождение России, чтобы создать там власть, которая бы приносила пользу всей России и миру, но не группе и партии, которая следует утопическим учениям Маркса – Энгельса – Ленина и диктаторству – Сталина»²¹⁰ Напомню еще раз, что Семихин сумел снискать расположение финских властей и не был выслан из страны после войны. Известно, что во время войны 1941–1944 годов он работал помощником диктора на финском радио.

Пропагандистская работа среди советских военнопленных в Финляндии не отличалась особой эффективностью. Как и любая пропаганда, она имела перед собой цель изменить мировоззрение и политические убеждения противника, попавшего, пусть и на короткое время, в состояние полной физической и моральной зависимости. Однако финские власти пошли на поводу у русской эмиграции, которая считала, что религия сможет изменить отношение красноармейцев к советскому режиму.

Кратковременность советско-финляндского вооруженного конфликта 1939–1940 годов наложила отпечаток на культурный аспект пребывания военнопленных в лагерях как в Финляндии, так и в Советском Союзе. В связи с тем, что военнопленные практически не использовались на трудовом фронте, у них потенциально было больше возможностей для удовлетворения своих духовных нужд и потребностей. Однако, взяв за основу данное общее положение, необходимо отметить, что существовало и принципиальное отличие. В Финляндии во время Зимней войны в культурно-просветительской работе среди русских военнопленных преобладал религиозный аспект. Как мы помним, в соответствии с Женевской конвенцией 1929 года, которую финские власти признавали, пленные имели право свободно исповедовать свои религиозные убеждения.

Представители различных религиозных конфессий старались наладить работу среди советских военнопленных и просили оказать им содействие в доставке в лагерь соответствующей религиозной и другой литературы. Генеральный секретарь Русской национальной лиги Байкалофф (Великобритания), обращаясь к епископу Кентерберийскому, просил оказать содействие в доставке в лагерь для военнопленных соответствующей религиозной литературы. Из Франции было аналогичное послание к епископу Лондонскому от Ассоциации английских и восточноевропейских церквей, в котором отмечалось, что Ассоциация разработала схему доставки религиозной и прочей литературы для распространения среди русских пленных.

Им было оказано содействие прежде всего в доставке в лагерь подобных произведений. Считалось, что такая литература будет полезна военнопленным, многие из которых были выходцами из рабочих и крестьян, а значит, по господствовавшему тогда определению, ничего не имели общего с «коммунистами-поработителями». Рядовые Красной Армии ведь ненавидят советский режим.

Однако практическая реализация в Финляндии этого права выявила довольно низкую степень интереса большинства советских военнопленных к вопросам

религии. Обилие религиозной литературы, которую доставляли в лагеря представители различных неправительственных организаций, вызывало у многих реакцию отторжения. Она оставалась почти невостребованной (за исключением литературы для мусульман).

Доставка же научной и иной образовательной, развивающей литературы была довольно незначительна. Считалось, что ее не надо поставлять в лагеря, поскольку большинство советских военнопленных все равно вернется в Советский Союз.

Помимо религиозной литературы для военнопленных издавались две газеты: «Милый Друг» и «Друг Пленных». По задумке их издателей, газеты должны были вызывать к христианским чувствам пленных, объяснять им несправедливый характер войны и т. п. Однако газеты не пользовались особой популярностью среди пленных. Впрочем, находились и такие, кто становился их корреспондентами и печатал там заметки и стихи.

Думаю, читатели старшего поколения помнят знаменитую песню «Принимай нас, Суоми-красавица». Для читателей, кто не знаком с ней, приведу ее текст полностью. Эта песня интересна еще и тем, что санитар 3-го артиллерийского полка 18-й стрелковой дивизии Левин по ее мотивам опубликовал в газете «Друг Пленных» свое стихотворение.

Принимай нас, Суоми красавица
Музыка: Дм. Покрасс Слова:
А. Д'Актиль

Суоми.
Борис Савченко. (Псевдоним
санитара 3 артполка Левина).

Сосняжком по откосам кудрявится
Пограничный скупой кругозор.
Принимай нас, Суоми красавица,
В ожерелье прозрачных озер!

Мне страна эта мирная нравится
И куда я ни кину свой взор
Расцветает она, как красавица
В ярком блеске зеркальных озер.

Ломят танки широкие просеки,
Самолеты кружат в облаках,
Невысокое солнышко осени
Зажигает огни на штыках.

Реки, горы, леса и равнины,
Этой маленькой мирной страны
Стали мощной стеной исполина
Против красных когтей сатаны

Мы привыкли браться с победами
И опять мы проносим в бою
По дорогам, исхоженным дедами,

Весь народ от велика до мала
Встал в защиту отчизны своей,
Мир прогресса во что бы ни стало,
Призывает о помощи ей.

Много лжи в эти годы наверчено,
Чтоб запутать финляндский народ.
Раскрывай же теперь нам доверчиво
Половинки широких ворот!

Ни шутам, ни писакам юродивым
Больше ваших сердец не смутить.
Отнимали не раз вашу родину
Мы приходим ее возвратить.

Мы приходим помочь вам
расправиться,
Расплатиться с лихвой за позор.
Принимай нас, Суоми красавица,
В ожерелье прозрачных озер!

1939

Я уверен, что крепость Суоми,
Закаленной в боях – не секрет,
Никогда и никто не подломит,
Коль не страшен восточный сосед.

С первых дней наглых действий на
фронте,
Средь озер, занесенных лесов,
Облик славы погас в горизонте
Расхваленных советских бойцов.

Мне страна эта твердая нравится
И куда я ни кину свой взор,
В крепкую спайке Суоми-красавица
Отражает бандитский напор.

1 марта 1940 г.
(орфография и правописание
сохранены – Д. Ф.)

Кроме администрации лагерей в идеологической и культурной работе с советскими военнопленными различных национальностей старались принять активное участие разнообразные эмигрантские организации, действовавшие в странах Западной Европы. Они пытались склонить военнопленных к невозвращению на родину. Украинские, грузинские, мусульманские эмигранты даже запрашивали МИД Финляндии о возможности невозвращения своих соотечественников в СССР и высылке их в другие страны. Например, украинские эмигранты просили предоставить возможность всем военнопленным-украинцам выехать во Францию или Канаду. За пленных-мусульман (вне зависимости от их национальности) ходатайствовали как представители эмигрантских мусульманских организаций, так и Мусульманская община Финляндии (Suomen Muhamettilainen Seurakunta) и даже частные лица. Они просили предоставить этим военнопленным вид на жительство и разрешение на работу.

В архиве Министерства иностранных дел Финляндии находится большое количество подобных телеграмм и запросов. Например:

«Париж, 30/1-40

Представитель Туркестанских эмигрантов Мустафа Чокайоглы интересуется, есть ли среди военнопленных узбеки, киргизы, казахи, туркмены. Хочет прибыть в Финляндию для общения с ними.

Или же:

«Мусульманская община Финляндии просит Министерство Иностранных Дел освободить следующих военнопленных и предоставить им вид на жительство и разрешение на работу.

1. Абдулла Зекерий год рождения 7.01.1916, Башкирия, деревня Сабалак.

2. Рахман, Ибрахим год рождения 20.04.1918, Самарканд, деревня Тюняк.

3. Утарбай, Халидулла год рождения 10.03.1917, Гурьев, деревня Заберн.

4. Захидулла Салих год рождения 13.09.1916, Башкирия, деревня Кёсён».

Помимо запросов эмигранты напрямую встречались с военнопленными в лагерях и тюрьмах Финляндии. Пленный Андрей Колынюк показывал:

«Каждый день агитировали остаться в Финляндии. Особенно украинцев. Говорили нам, что все равно вас расстреляют».

Хильченко Иван: «Украинцев агитировали остаться в белогвардейском отряде Французской армии (вероятнее всего, имеется в виду Иностранный легион. – Д. Ф.). Последний раз приезжал полковник и перед строем украинских красноармейцев требовал вступить в отряд».

Военнопленные Дуговой, Лоушников, Мазура, Снегуров показали, что к ним «в камеру заходил одетый в штатское преклонного возраста человек и рекомендовал себя бывшим министром в России проф. Шульгиным, беседовал с пленными и предлагал воевать против СССР». Такие же показания дал и бывший военнопленный Ходаковский И. С.: «Бывший украинский капиталист Шульгин агитировал военнопленных ехать во Францию и готовиться к борьбе за отторжение Украины».

Все же большинство военнопленных не сотрудничало с финнами. Они относились настороженно к фин-

ской пропаганде или даже, как отмечали и сами финны, не были к ней восприимчивы. Более того, в лагерях и тюрьмах, где содержались советские пленные, существовали подпольные комсомольские и партийные ячейки. Проводились собрания, выпускались и распространялись рукописные листовки.

«Товарищи!

Не поддавайтесь наглой пропаганде белофиннов и их наемной сволочи. Помните, что Родина дороже всего. Пустая болтовня, что нас расстреляют на своей территории. Это только оружие в их руках для вербовки слабохарактерных товарищей. Но мы верим, что среди нас такие не найдутся... Помните, что Родина примет нас как своих сынов, участвовавших в борьбе с белофиннами. Так что лучше смерть, чем измена Родине... Сидя под замком и решетками, мы не падаем духом, мы уверены в победе Красной Армии... Да здравствует коммунизм во всем мире. Да здравствует Сталин».

Хотя партийные и комсомольские ячейки были немногочисленны, но влияние на военнопленных они оказывали. Неслучайно советские пленные переходили границу с возгласами:

«Наконец-то мы вырвались с каторги», «Теперь-то мы дома».

Как в СССР, так и в Финляндии власти нарушали статьи Женевской конвенции (ст. 38–40) о праве военнопленных отправлять письма на Родину, получать почтовые посылки и денежные переводы. Зачастую лагерная администрация и Ставка чинили этому препятствия. Что касается писем, то и здесь информация достаточно противоречивая. Финские власти говорили, что из Финляндии в СССР отправлялось много писем, а по другим данным, сами военнопленные отказывались писать на родину из-за боязни навредить себе и своим близким: «Писать нам домой нельзя – своим же повредить можем. Пусть лучше думают, что убиты или померзли. Если от нас письма получают, могут для них выйти большие неприятности – пособий лишат, а то и сослать могут».

Хотя Финляндия и признавала Женевскую конвенцию о военнопленных, но все же, в нарушение между-

народного права, финские военные власти препятствовали Красному Кресту оказывать гуманитарную помощь военнопленным, также запрещалось получать посылки. Кроме того, финская сторона, в нарушение своих же гарантий советским пленным, отказала Международному Красному Кресту в его просьбе переправить военнопленных в другие страны, мотивируя это тем, что их мало, а финским властям необходимо продемонстрировать миру гуманное отношение к пленным.

Кардинально противоположной точки зрения придерживались сотрудники политотдела УПВИ НКВД СССР в своей работе с финскими военнопленными. В СССР основной упор делался на культурно-воспитательную и политическую работу среди военнопленных, при полном игнорировании вопросов религии. Хотя по своему правовому статусу финские пленные имели право свободно исповедовать религиозные убеждения. Библия и другие предметы религиозного культа не подлежали конфискации на приемных пунктах военнопленных. Однако данных, подтверждающих или опровергающих это, ни в российских архивах, ни в воспоминаниях самих финских военнопленных обнаружено не было. Впрочем, российский исследователь профессор В. Коносов, говоря о Грязовецком лагере, отмечает, что «проявляя служебное рвение, начальство изъяло у военнопленных Евангелие и шовинистическую литературу»²¹¹. Думаю, что это утверждение вполне соответствует действительности, так как, исходя из задач и целей культурно-просветительской работы среди пленных, можно сказать, что реальная обстановка в местах временного и постоянного размещения финских пленных отличалась от декларируемого положения.

Помимо политической работы в лагерях для финских военнопленных была налажена культурно-просветительская работа. Впрочем, достаточно трудно провести четкую грань между тем, где заканчивалась культура и начиналась политика, – эти две области были очень тесно переплетены между собой в СССР. Однако ситуация, особенно в начале Зимней войны, осложнялась тем, что в лагерях отсутствовала литера-

тура на финском языке. Хотя 25 января 1940 года для Грязовецкого лагеря был составлен список книг, в котором, по свидетельству инструктора политотдела Сенкевича, было свыше 30 наименований книг и брошюр общим количеством 101 экземпляр. Наряду с произведениями Бальзака, Джерманетто, Сиадли, Андреса, Толстого, Пушкина, Чехова, Новикова-Прибоя, Горького, Фадеева и других, то есть художественной литературой, в библиотеке, естественно, должны были находиться книги классиков марксизма-ленинизма и советских партийных и государственных деятелей: Маркса, Энгельса, Ленина, Крупской, Молотова, Кагановича, Берии, Микояна и других авторов. Кроме того, в список литературы было включено несколько русско-финских словарей. Однако в этом списке ощущается доминирование книг идеологического содержания – из 31 наименования 18 было политического характера, соответственно из 101 экземпляра 57 принадлежали к последней группе. Впрочем, очевидно, что эти книги не были направлены в Грязовецкий лагерь, так как его начальник в телеграмме от 27 января 1940 года в Москву в УПВИ НКВД все еще просил оказать содействие в приобретении литературы и газет на языке военнопленных²¹²

К концу февраля ситуация несколько изменилась: в лагерь стали регулярно поступать газеты на финском языке. Но ситуация с библиотекой продолжала оставаться неясной. В докладной записке от 29 февраля 1940 года начальнику УПВИ Сопруненко старший инструктор политотдела УПВИ батальонный комиссар Лисовский отмечал, что в лагере необходимо создать библиотеку на финском языке, однако за две недели до окончания Зимней войны библиотека все еще не была создана. Вероятнее всего, литературу в лагерь направили, если направили вообще, не раньше марта 1940 года, то есть перед прибытием сюда основной массы финских военнопленных в количестве 340 человек из Сестрорецкого и Петрозаводского приемных пунктов.

В распоряжении исследователей есть еще один перечень книг на финском языке, предназначенных для Гря-

зовецкого лагеря, который несколько отличался от предыдущего. Во-первых, количество наименований книг было сокращено до 30. Во-вторых, сократилось и количество экземпляров – со 101 до 38. В-третьих, претерпел изменения список книг, он был пополнен художественной литературой: книгами русских, советских и иностранных авторов на финском языке – Салтыкова-Щедрина, Тургенева, А. Толстого, Гайдара, Кассиля, Иванова, Н. Островского, Сервантеса, Гете и других. В-четвертых, сократилось количество книг классиков марксизма-ленинизма и советских партийных и государственных деятелей до 11 наименований (14 экземпляров). Так, из списка были исключены книги Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», И. Сталина «Письмо с Кавказа» и «Речь на совещании первых комбайнеров и комбайнерок», А. Микояна «Вопросы пищевой промышленности в связи со стахановским движением», Н. Крупской «Ленин, как редактор и организатор партийной печати». Наряду с этим, в нем остались и были добавлены такие работы, как: «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и «Крестьянская война в Германии» (Ф. Энгельс), «Классовые бои во Франции в 1848–1850 гг.» (К. Маркс), «Государство и революция» и «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» (В. Ленин), «О некоторых вопросах истории большевизма» и «О проекте конституции Союза ССР» (И. Сталин), «Стахановско-Кривоносовское движение» (Л. Каганович) и ряд других. Сокращение данной литературы связано с тем, что из списка были исключены некоторые произведения, не имеющие и не несущие никакой идеологической нагрузки в свете работы с финскими военнопленными. Включенные же книги, очевидно, должны были стимулировать рост сознательности финских военнопленных в свете борьбы за строительство нового, коммунистического общества в Финляндии под руководством Народного правительства О. Куусинена.

Вообще же, информация о библиотеке в Грязовецком лагере весьма неполная. Кроме имеющихся в нашем распоряжении списков литературы, утвержденных УПВ НКВД СССР, и данных, приведенных в статьях Т. Малми

и Л. Носыревой²¹³, других сведений об этой библиотеке, в ходе подготовки данной работы, в российских архивах не обнаружено. Нет упоминаний о ней и в воспоминаниях бывших финских военнопленных.

Вполне очевидно, что создание библиотеки на финском языке было необходимо для проведения просветительской работы среди финских военнопленных, так как каждый человек, с точки зрения советской идеологии, обязан был стремиться к повышению своего культурного и образовательного уровня. С последним, по мнению работников Грязовецкого лагеря, у финских военнопленных дело обстояло не лучшим образом.

Образовательный уровень военнопленных финской армии, содержащихся в Грязовецком лагере в 1940 году:

Образование	Количество человек
Неграмотные	5 человек
Малограмотные	78 человек
1 класс	16 человек
2 класса	43 человека
3 класса	38 человек
4 класса	310 человек
5 классов	1 человек
6 классов	81 человек
5 классов ср. школы	7 человек
Окончившие гимназию	5 человек
Окончившие учительский семинар	3 человека
Окончившие лицей	13 человек
ВСЕГО	600 человек

Как видно из приведенной выше таблицы, 13,8% финнов, находящихся в лагере, были неграмотными и малограмотными, 16,1% имели начальное образование, 51% имели образование 4 класса, 14,8% – окончили пять или шесть классов, и лишь 3,5% окончили гимназию, лицей или учительские курсы. В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос: могло ли большинство финских военнопленных самостоятельно прочитать и

в полной мере понять и осмыслить книги библиотеки Грязовецкого лагеря?

К большому сожалению, ни в российских архивах, ни в воспоминаниях финских пленных мной не было обнаружено никакой информации о культурно-просветительской работе среди финских военнопленных на приемных пунктах НКВД. Я считаю, что, вероятнее всего, именно из-за краткосрочного пребывания пленных в данных местах политотдел УПВИ не считал необходимым проводить там данные мероприятия, предпочитая сконцентрировать свое внимание на этом вопросе в месте, где было собрано наибольшее количество военнопленных. Однако по указанию политотдела УПВИ среди пленных уже на приемных пунктах проводилась политико-идеологическая работа.

В советских лагерях и приемных пунктах для финских пленных администрация поощряла разговоры на любые темы. Это делалось для того, чтобы как можно скорее выяснить политическую принадлежность военнопленного и в соответствии с этим заняться его идеологической обработкой. С этой целью регулярно проводилась «разъяснительная работа» по общим вопросам жизни советских и финских людей, устраивались читки газет на финском языке, показ советских кинофильмов с финскими субтитрами. При этом, конечно, давались соответствующие пояснения и комментарии. Однако, как справедливо отмечает профессор В. Конасов, эти кинокартины какого-либо всплеска политических эмоций у военнопленных не вызывали²¹⁴

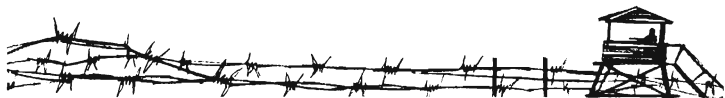
Пропагандистская и агитационная работа с финскими военнопленными Зимней войны, судя по имеющимся в нашем распоряжении протоколам допросов, велась по достаточно прямолинейной и упрощенной схеме. Финское общество было условно разделено на три категории людей – к первой относились лояльно настроенные в отношении Советского Союза, его экономического и политического строя и т. п. Ко второй группе причислялись негативно относящиеся к СССР, русским и т. п. К третьей группе советские военные и гражданские органы относили тех, кто был нейтрально настро-

ен в отношении Советского государства или же не определился в своих политических симпатиях. В соответствии с этим строилась политработа с финскими военнопленными.

Вполне очевидно, что такое деление ни в коей мере не соответствовало реальному положению дел. Также не вполне корректно было деление финских военнопленных на такие категории, как коммунисты, социал-демократы и шюцкоровцы. Если с первой группой было все достаточно просто и серьезных корректировок их политических убеждений не требовалось проводить, то с последними двумя возникали достаточно большие сложности. Например, шюцкоровцами, в советской трактовке, априори были приверженцы идеи Великой Финляндии, те, кто поддерживал безоговорочно всегда и во всем независимость страны от влияния соседних стран, отстаивал подавляющее положение в экономике частной собственности. Соответственно они враждебно относились к идеям социализма, организациям и движениям рабочего класса, жестоко преследовали коммунистов. К ним причислялись члены различных движений и партий, например Карельского академического союза, Народно-патриотического союза и многих других. При этом иногда ставился знак равенства между шюцкоровцами и фашистами и отнюдь не учитывалось, что многие сторонники национально-патриотических течений не имели ничего общего с фашистами. То есть в СССР существовал ярко выраженный идейно-политический стереотип, установившийся еще в конце 20-х годов и просуществовавший в умах советских людей несмотря ни на какие изменения в политической трактовке этого термина. Таким образом, из всего вышесказанного видно, в чем особенно наглядно выражался упрощенный, схематизированный подход советской пропаганды.

В связи с этим необходимо сделать одно немаловажное замечание: во время Зимней войны советские власти крайне осторожно оперировали термином «фашист», так как после подписания пакта Молотова–Риббентропа Германия стала стратегическим союзником

СССР. Поэтому в отношении попавших в плен военнослужащих финской армии практически никогда не употребляли термины «фашист» и «антифашист». В советской пропаганде они были подменены понятием «белофинн» или более широким – «шюцкоровец».

Однако и социал-демократы из числа финских военнопленных не были однородной массой. Они также придерживались идеи национальной независимости Финляндии, но в то же время были сторонниками западной социал-демократической ориентации. И хотя эта группа пленных и выступала за более тесные контакты с Советским Союзом в культурном, экономическом и политическом плане, но, как и шюцкоровцы, и некоторые лояльно относящиеся к СССР военнопленные, опасалась советизации и большевизации Финляндии, установления колхозного строя и т. п. Расхождения были и в подходе к такому принципиальному, с точки зрения СССР, вопросу, как отношение к частной собственности на землю и средства производства. Так, например, во время допроса на Сестрорецком приемном пункте упоминавшийся уже член социал-демократической партии Финляндии Суло Ниемеля «заявил, что коммунисты для того хотят отобрать землю и предприятия у богатых, в том числе и социал-демократических вождей, как, например, у Таннера, что они завидуют их благосостоянию»²¹⁵ Вообще же, на основании имеющихся в распоряжении исследователей проблемы финских военнопленных документов, в том числе и протоколов допросов, можно сделать заключение о том, что финские социал-демократы из числа пленных в основной массе полностью поддерживали политику Финляндии в отношении войны с СССР. Как справедливо отмечает профессор университета Т. Вихавайнен, во время Зимней войны произошло единение нации перед лицом советской угрозы и «социал-демократы значительно сблизилась с буржуазными слоями Финляндии»²¹⁶ Это обстоятельство в значительной степени раздражало политорганы УПВИ НКВД СССР, так как приходилось уделять внимание работе не только с шюцкоровцами, но и с социал-демократами, которые в большинстве своем по

социальному происхождению и положению являлись «социально близкими элементами».

Была и еще очень маленькая прослойка финских военнопленных, в основном относящихся к беднейшим слоям населения или придерживающихся коммунистических идей. Эта группа военнопленных считала необходимым установление в Финляндии советской власти или даже присоединения ее к Советскому Союзу.

Всего, по подсчетам лагерной администрации, из 600 финских военнопленных, находившихся в Грязовецком лагере на 17 апреля 1940 года, было: членов шюцкора – 72 человека, членов социал-демократической партии – 64, членов коммунистической партии – 13, членов союза молодежи – 3, беспартийных – 448 человек²¹⁷

Всех финских военнопленных разбивали на группы в зависимости от отношения к СССР. К первой относили всех, кто положительно или лояльно относился к экономическому и политическому строю в Советском Союзе. По подсчетам лагерной администрации, таких было около 20%. По моему глубокому убеждению, такое процентное соотношение неверно. Я считаю, что лагерная администрация преднамеренно завышала количество военнопленных, «лояльно» относящихся к советской власти, основываясь на любых положительных высказываниях пленных в адрес СССР или против войны.

Ко второй группе причисляли негативно относившихся к СССР и русским, даже если они не были сторонниками и членами шюцкоровской организации. Считалось, что таких было 15–20%. К третьей группе советские военные и гражданские органы относили тех, кто был нейтрально настроен к Советскому государству или же не определился в своих политических симпатиях (приблизительно 60%). Именно для последней группы военнопленных предлагалось организовать активные занятия по политическому просвещению (политзанятия), которые должны были изменить их мировоззрение. Ведь еще со времен Гражданской войны и иностранной интервенции военнослужащие армий против-

ника и, конечно, пленные рассматривались как потенциальные проводники идеи мировой революции. Еще В. Ленин в своих речах в 1920 году называл солдат стран Антанты, вернувшихся на родину, «большевистской заразой»²¹⁸

В лагерях развернулись своеобразные идеологические бои. Основное идейное противоречие сводили, по существу, лишь к разному ответу на вопрос о том, какое государственно-политическое устройство будет у Финляндии, как она будет развиваться после войны. Но самое главное, принципиальное идеологическое расхождение было связано с будущими взаимоотношениями с Советским Союзом.

Лидеры первой и второй групп старались перетянуть на свою сторону представителей наиболее многочисленной категории военнопленных. Администрация же лагерей старалась членов шюцкоровской организации изолировать от остальных пленных с целью не допустить их влияния на настроенных к СССР нейтрально. Но старания и той, и другой стороны так и не увенчались значительным успехом. Искусственное вычленение шюцкоровцев, положительно относящихся к СССР и нейтральных не давало полного представления об истинном мировоззрении военнопленного. Большинство финнов в плену, вплоть до окончания боевых действий между двумя странами, продолжали занимать нейтральную позицию.

Основная масса военнопленных финнов, так и не высказавшая своих истинных политических симпатий, часто поддерживала ту или иную группу в зависимости от ситуации на фронте и в лагере. Некоторых беспокоила их дальнейшая судьба в Финляндии. Они опасались преследований со стороны финских властей. На их отношении к поднимавшимся в ходе дискуссий и на политзанятиях вопросам сказывалось желание скорейшего окончания войны и возвращения на родину²¹⁹

В докладных записках об индивидуальных и групповых беседах с рядовыми военнопленными политические инструкторы Грязовецкого лагеря отмечали, что большинство финских военнопленных слабо

разбираются в политике. (Впрочем, это только с точки зрения советских идеологических работников. Насколько правомерно такое утверждение – судить сложно. Вообще же, понятие «хорошо» или «плохо» разбираться в политике – субъективно и зависит от критериев, предъявляемых к этому вопросу той или иной стороной.) Поэтому основными моментами в пропагандистской работе с финскими военнопленными были: разъяснение причин начала войны и доказательство преимущества советского образа жизни. В проводимых беседах военнопленных пытались убедить в том, что основная задача, возложенная на РККА в ходе Зимней войны, – это ликвидация военного плацдарма и войны на Севере Европы, ликвидация угрозы безопасности Ленинграду и «освобождение финского народа от гнета капиталистов». Основной упор при этом делался на тезис об оказании помощи Народному правительству Финляндии и освобождении финских рабочих и крестьян. При этом политработники лагеря «все время старались показать правительство Маннергейма в самых черных красках, посеять недоверие к этому правительству»²²⁰

Военнопленные же, в основном рядовые, в беседах с политинструкторами лагеря часто говорили примерно так, как военнопленный Кемпонен:

«Для нас всех тем лучше, чем быстрее продвигалась бы Красная армия вперед, все мы ждем конца войны. Я знал, когда сдавался в плен, что ничего плохого там не будет, так как я жил в Советском Союзе в 1918–1919 году, но конечно, нам в Финляндии говорили все плохое о Советском Союзе, и им, конечно не верили»²²¹

Такие военнопленные, особенно из бедных семей, были довольны условиями содержания в лагере, поскольку под влиянием финской пропаганды ожидали гораздо худшего. Например, военнопленный Нюрхелен (Nyrhinen Elis) заявлял:

«Я очень доволен тем условиям, в которых мы проживаем, и никогда не предполагал, что пленные могут иметь такие условия. Если бы знали наши семьи о наших условиях, то было бы не о чем беспокоиться, так как мы

большинство семейных и думаем, что они о нас ничего не знают. И мы не знаем, живы ли они»²²²

Попутно хочу обратить внимание на слова Нюрхелена о том, что военнопленные не знают ничего о своих семьях. Это еще одно косвенное подтверждение того, что финны, несмотря на декларируемые Женевской конвенций и «Положением о военнопленных» права на отправление почтовой корреспонденции, не имели возможности свободно посылать из лагерей и получать из Финляндии почтовые отправления. Впрочем, сложности и проблемы с перепиской военнопленных армий противника со своими родственниками были не только во время Зимней войны и войны Продолжения. Как отмечает петербургский исследователь С. Фирсов, еще во время Первой мировой войны, несмотря на то что Российская империя присоединилась к Гаагской конвенции 1907 года, иностранные пленные были лишены регулярной переписки с родными. В первую очередь, это, конечно же, было связано с огромными расстояниями и неудовлетворительной работой почтового ведомства России в условиях военного времени. Переписка осложнялась еще и требованиями ее ведения только на русском, немецком или французском языках. Таким образом, получалось, что письма были привилегией только офицерского корпуса, а большинство рядовых не могло воспользоваться услугами российской военной почты²²³. Однако финские военнопленные периода Зимней войны и войны Продолжения были фактически лишены права на переписку скорее по идеологическим и политическим мотивам, чем по причинам лингвистического характера. Ни в одном советском документе того времени не оговорено, на каком языке предписывается вести переписку военнопленным.

Что касается распространявшихся на фронте обращений финских военнопленных к своим однополчанам в виде писем, то большинство солдат им не верило, считая их «поддельными». Впрочем, и сами политработники признавали, что видимого эффекта советская пропаганда не приносила. Например, начальник отделения

по работе среди войск противника политотдела 13-й армии М. Бурцев отмечал, что финны не были восприимчивы к пламенной агитации, не подкрепленной убедительными аргументами: «Они любили размышлять самостоятельно и приходили к заключению на основе серьезных доказательств»²²⁴

Здесь необходимо сделать небольшое отступление и упомянуть некоторые нюансы советской пропаганды на фронте. Как мы помним, Советский Союз вступил в Зимнюю войну под лозунгом освобождения финских рабочих и крестьян от гнета помещиков и капиталистов. Эффективно действовавший во время польской кампании в сентябре 1939 года тезис «освобождения» не сработал во время советско-финской войны. Тому было множество причин, но основной, по моему мнению, все же было упорное сопротивление частей финской армии. Бойцы и командиры РККА недоумевали: почему лозунги, с которыми они вступали на территорию Финляндии, не оказывали должного воздействия на войска и население противника. В связи с этим в феврале 1940 года заместитель начальника Политуправления Красной Армии бригадный комиссар Ф. Кузнецов подписал директиву № 29 о задачах агитационно-пропагандистской работы в связи с советско-финляндским конфликтом. Старые пропагандистские лозунги были подвергнуты остракизму, как свидетельство «схематизма» и «книжности» комиссаров и политруков, а на их место пришел новый – обеспечение безопасности северо-западных границ и Ленинграда. Подобная смена лозунгов позволила после окончания боевых действий заявить, что цели, стоявшие в войне с белофиннами, были достигнуты: безопасность границ и города на Неве обеспечены.

Для осуществления пропагандистской работы, направленной на войска противника, в политуправлении Ленинградского военного округа создали специальный отдел, в ведение которого входило издание газет и листовок. Аналогичные подразделения были созданы во всех четырех действующих армиях. Как отмечает российский исследователь Н. Волковский, за время Зимней

войны было издано 89 наименований листовок тиражом около 31 млн экземпляров, среди них 52 обращения финских военнопленных²²⁵

Впрочем, и Финляндия, и Советский Союз вели в своих войсках контрпропаганду, одной из задач которой было предотвратить сдачу в плен. Соответственно в обеих армиях насаждался тезис, что пленение неминуемо повлечет за собой пытки и смерть. В связи с этим некоторые финские военнослужащие кончали жизнь самоубийством.

Об этом, в частности, речь шла в докладной записке «О партийно-политической работе и политико-моральном состоянии Грязовецкого лагеря НКВД» в УПВИ от 21 февраля 1940 года.

Об этом же рассказывал военнопленный Никкенен Ойво (Nikkinen Oiva), 1917 года рождения:

«Нам, солдатам, офицеры говорили: «Лучше покончить жизнь самоубийством, нежели попасть в плен Красной Армии» Когда троих солдат и одного младшего командира (в том числе Никкенена) взяли в плен, то один из них покончил жизнь самоубийством. «Теперь же он сам убедился в противоположном отношении Красной Армии к военнопленным, понял, «как клеветали офицеры на Красную Армию»²²⁶

Не думаю, что это явление было «массовым» среди солдат финской армии, хотя, вероятно, отдельные случаи были. В противовес этому мы располагаем большим количеством документов и воспоминаний бывших военнослужащих РККА и военнопленных, в которых рассказывается о том, что солдаты и командиры кончали жизнь самоубийством, дабы не попасть в плен. Впрочем, здесь необходимо учитывать и специфику советского законодательства того времени, о котором я говорил ранее, то есть все пленные априори считались изменниками родины, и перед солдатами нередко вставала дилемма: умереть, как герой, или стать «врагом народа», попав в плен.

В доверительных беседах с этой группой военнопленных представители НКВД получали также первичную информацию о советских пленниках, содержавших-

ся в Финляндии. Так, 2 марта 1940 года военнопленный Исай К. Ойтинен (имя искажено, правильно – Oittinen Iisakki. – Д. Ф.) показывал:

«Нужно предупредить Красную Армию и военно-воздушный флот, чтобы напрасно не бомбардировали «Утый» аэродром, около ст/анции/ «Уты» (Utti) ввиду того, чтобы там находятся военнопленные Красной армии. Это место расположено от аэродрома по шоссе к местечку Коуволла (Kouvola) 4 километра»²²⁷

В арсенале идеологической работы были постоянно устраивавшиеся лекции о международном положении и ходе боевых действий, беседы о внутреннем положении в Советском Союзе и его борьбе с международной реакцией. Об интенсивности этой работы можно судить по упоминавшейся нами выше докладной записке в УПВИ НКВД СССР за январь 1940 года. Начальник Грязовецкого лагеря, в частности, докладывал:

«В январе проведено с военно-пленными всего 16-ть читок и бесед на следующие темы:

а) Война в Европе и взаимоотношение СССР с Прибалтийскими государствами. Проведено 4 беседы, присутствовало 132 человека.

б) Мирные предложения СССР и позиция бывшего правительства Финляндии. Проведено 3 беседы, присутствовало 132 человека.

в) Материалы XVIII съезда ВКП (б). Проведено 2 беседы, присутствовало 54 человека.

г) Проведено читок газет по текущим событиям – 7, присутствовало 132 человека.

Политические настроения пленных.

Рядовой состав (резервисты) настроены демобилизационно: «Скорее бы кончилась война». Сочувственно относятся к демократическому народному правительству Финляндии»²²⁸

Беседы с военнопленными тщательно фиксировались, и на их основании печатались листовки-обращения финских военнопленных к солдатам финской армии. В них говорилось о хорошем обращении с финнами в плену. Этот тезис был в ряду главных содержащих-

ся в листовках призывов прекратить сопротивление и переходить на сторону правительства Куусинена и Финской Народной армии (ФНА).

На беседах военнопленные наиболее часто задавали следующий вопрос: с каким правительством будет заключен мирный договор, со старым или с правительством Куусинена? Лагерные пропагандисты Зимней войны, как уже отмечалось, так старались очернить Маннергейма, что многие сочувствовавшие СССР не понимали, как можно подписывать договор со старым правительством Финляндии. Обманутые люди недоумевали:

«Как это можно, чтоб этот прохвост Маннергейм и ему подобные остались в правительстве, если они так обманули финский народ и являются агентами Английской и Французской буржуазии. Они пожимают плечами и говорят, что какое угодно правительство, но не Маннергейм»²²⁹

Автору этого высказывания как бы вторил военнопленный Лявявари²³⁰, который говорил, что раз заключен после войны мирный договор, «Красная Армия не довела до конца начатое дело, не освободила финский народ, а стало быть, не подтверждается политика СССР о построении коммунизма»²³¹

Однако основную массу военнопленных не интересовали судьбы мирового коммунизма. Их умы занимали прежде всего вопросы собственного существования, послевоенного мирного труда в Финляндии. Их политические симпатии были довольно просты: «Нам бы работа и хлеб, а кто будет управлять страной, все равно. Раз правительство приказывает воевать, мы поэтому воюем»²³²

Тем не менее некоторые военнопленные понимали, что послевоенный мир, в котором им придется жить, будет несколько иным. Они полагали, что победитель в этой войне, а им все же, по их мнению, будет СССР, навяжет Финляндии новые условия существования, неравные отношения во взаимоотношениях двух соседних стран. Такие равнодушные, но плохо разбиравшиеся в развитии современной им истории задавали

на беседах следующие вопросы: будут ли выселять финнов с территории, которая после войны отойдет к Советскому Союзу; кто станет создавать в Финляндии колхозы; защитит ли правительство СССР бывших финских военнопленных, если их начнут притеснять в Финляндии; примет ли таких военнопленных СССР, если они решатся перебежать в Советский Союз; можно ли записаться в Финскую Народную армию. Людей интересовали также вопросы взаимоотношения СССР с Прибалтийскими государствами и в этой связи возможность установить переписку с родственниками через Эстонию или Латвию.

В указанном нами перечне вопросов не случайно прозвучала тема Финской Народной армии. В этом отразилась реакция на усилия политического руководства лагерей по пропаганде создания воинских формирований из финских военнопленных. Но из-за скорого прекращения войны эта сложная задача не была выполнена. Хотя в докладной записке из Грязовецкого лагеря в УПВИ НКВД СССР от 29 февраля 1940 года старший инструктор политотдела УПВИ, батальонный комиссар Лисовский подчеркивал, что у некоторых пленных из рядового состава есть желание вступить в ФНА. Однако необходимо отметить, что политотдел все же был недостаточно оперативен в своей работе среди военнопленных. Дело заключается в том, что материалы на финском языке, призывающие пленных вступать в ФНА, прибыли в лагерь с явным опозданием — 4 марта 1940 года, то есть когда правительство Куусинена фактически прекратило существование. Комиссар УПВИ НКВД Нехорошев направил в Грязовецкий лагерь следующие документы: 1. Декларацию народного Правительства Финляндии — 2 экземпляра; 2. Договор о взаимопомощи и дружбе между СССР и Финляндской Демократической Республикой (ФДР) — 3 экземпляра; 3. Карта Финляндии, составленная по договору, заключенному между СССР и ФДР, — 3 экземпляра; 4. Обращения солдат и начсостава 1 корпуса ФНА к солдатам финской белой армии (так в тексте. — Д. Ф.) — 2 экземпляра; 5. Обращение бойцов РККА Ленинградского военного округа к солдатам фин-

ской армии – 50 экземпляров; 6. Лозунги различного содержания – 14 экземпляров (7 наименований).

Необходимо заметить, что пропагандистская работа с военнопленными была малоуспешной в том числе и потому, что среди политических инструкторов не хватало людей, владевших финским языком.

Работа велась и с офицерами, и с членами шюцкоровской организации. Если в январе 1940 года в Грязовецком лагере из 99 человек военнопленных были 27 шюцкоровцев (27,2%): 3 офицера, 12 человек младшего командного состава и 12 рядовых, то в апреле из 600 военнопленных содержались уже 72 члена шюцкоровской организации (12%). Но, конечно, значительное сокращение шюцкоровцев нельзя расценивать только как успех идеологического воздействия на людей. Простое количественное увеличение военнопленных, следуя советской терминологии, «иной политической принадлежности», неминуемо ведет к сокращению числа шюцкоровцев. Об этом свидетельствуют цифры, приведенные в «Сводной строевой записке Грязовецкого лагеря НКВД военнопленных финской армии за период с 20.12.39 по 22.5.40 г.»²³³

Однако шюцкоровцы находились и под административным давлением, насильственно вытеснялись из среды военнопленных как изгои. Так, первоначально они содержались в одной комнате с рядовым составом, или, если следовать лагерной классификации, – с нейтрально настроенными пленными. После проверки лагеря 7–11 января 1940 года старшим инспектором УПВИ НКВД СССР Кальмановичем их изолировали от основного контингента военнопленных²³⁴

Любые контакты офицеров с рядовыми расценивались как попытка взять последних под свой контроль. Поэтому, когда офицеры подали ходатайство об увеличении норм хлебного довольствия, мотивируя это тем, что они должны заботиться о своих солдатах и в плену, им в достаточно жесткой форме разъяснили, что никакие коллективные ходатайства администрация лагеря рассматривать не будет. При этом было подчеркнуто, что содержание военнопленных возложено на совет-

ское правительство и, таким образом, нет никакой необходимости в заботе о рядовых со стороны бывших командиров.

Во время регулярно проводившихся бесед шюцкоровцы и офицеры держались гордо, даже вызываясь, говоря: «Красная Армия напала на Финляндию, и мы защищаем свою родину, сжигание населенных пунктов делается в интересах обороны страны, распоряжением высшего командования». Они высказывались против демократического правительства Финляндии, называя его самозванным, пришедшим к власти с помощью СССР. Виновником войны шюцкоровцы считали Советский Союз и восхваляли жизнь финского народа, заявляя, что «жили плохо только те, кто не хотел работать»²³⁵ При этом они в частности, летчик Лааксо (вероятнее всего, Laakso Eino Johannes, лейтенант. – Д. Ф.), офицер Тайвола (вероятнее всего, Taivola Unto Kullervo, прапорщик. – Д. Ф.) задавали провокационные, с точки зрения сотрудников НКВД, вопросы: «а) Будут ли колхозы в Финляндии, если победит демократическое правительство; б) Будут ли оказывать помощь инвалидам войны», а мирные предложения СССР рассматривали «как предлог для захвата Финляндии»²³⁶

Настроение контингента лагеря никогда не было одинаковым. Так, по прибытии в лагерь военнопленные неохотно вступали в разговоры, явно чувствовались их недоверие и отчужденность. Об этом, в частности, лагерное начальство докладывало в Москву следующим образом: «Настроение пленных подавленное и враждебное к администрации лагеря, что видно из отдельных случаев нежелания разговаривать, приветствовать, уклонение от уборки своих помещений и прочее». Хотя «жалоб и заявлений на условия содержания, питание, на грубость обращения со стороны в/пленных не поступало». В этот период они на политзанятиях отмалчивались.

В конце февраля – начале марта 1940 года, по данным тех, кто проводил с ними занятия, активность военнопленных, особенно рядового состава, заметно возросла. Видимо, политработникам удалось расшевелить

людей. Они задавали много вопросов, проявляли интерес к различным темам, высказывали иногда свое мнение.

Однако после заключения мирного договора активность в задавании вопросов спала. Появилась настороженность. Если военнопленные и задавали на занятиях вопросы, то не называли свои фамилии и старались, чтобы лектор их не заметил. Они жили в преддверии грядущего освобождения. Оно поглощало все их мысли. И многих из них мучил вопрос: как с ними поступит финское правительство? Четверо из находившихся в лагере финнов даже подали прошения не высылать их из СССР при обмене пленными. Однако, как отмечал комиссар Грязовецкого лагеря, как было видно из разговоров этих пленных, заявления они подали не только потому, что ненавидели существующий в Финляндии политический строй, а главным образом из-за боязни возможных репрессий за проявленную ими якобы лояльность по отношению к Советскому Союзу.

Культурная работа в Грязовецком лагере была организована не на очень высоком уровне. Вплоть до конца февраля в распоряжении политотдела лагеря не было ни достаточной литературы на финском языке, ни библиотеки, ни киноаппарата для демонстрации фильмов. Досуг финских военнопленных сводился в основном к чтению книг, игре в шашки и шахматы.

В свете всего вышеизложенного становится ясно, что во время Зимней войны советская политико-массовая работа в лагерях и приемных пунктах для военнопленных была малоэффективной. Политуправлению УПВИ так и не удалось добиться выполнения своей основной задачи: изменить мировоззрение и мироощущение военнопленных так, чтобы они стали сторонниками Советского Союза. Как мне кажется, можно выделить несколько, на наш взгляд, основных причин этого. Во-первых, осознание военнослужащими финской армии справедливого характера войны, а следовательно, неэффективности советского лозунга об оказании помощи правительству Куусинена. Во-вторых, недостаточный профессиональный уровень политработников и агита-

торов, незнание ими финского языка и нехватка переводчиков. Эти обстоятельства существенно осложнили общение даже с таким малым количеством финских военнопленных, захваченных войсками Красной Армии. Тем более что пропагандистская работа велась слишком прямолинейно, без учета индивидуальных особенностей характера военнопленного. В-третьих, недостаточное количество пропагандистской и агитационной литературы в лагерях для военнопленных.

Война Продолжение

С началом войны Продолжения цели и задачи советской пропагандистской работы, направленной на финские войска на фронте, изменились. Они были подчинены общей стратегии советского правительства – как можно скорее вывести Финляндию из войны, а также создать массовое антифашистское движение. Изменилась и сама пропаганда, которая постепенно становилась все более эффективной. Конечно, это происходило не сразу и не вдруг. Для улучшения пропаганды требовалось время и изменение стратегического положения на фронте во время войны Продолжения. Постепенно в пропагандистской работе стало использоваться больше выступлений военнопленных и конкретных материалов, а не расплывчиво-туманных пропагандистских штампов времен Зимней войны.

Теперь советская пропагандистская машина старалась внушить общественному мнению Финляндии тезис о том, что страна фактически находится под немецкой оккупацией, так как Финляндия вступила в войну с СССР на стороне Германии, посеять недоверие и вражду между финским населением и германскими войсками. Соответственно в советских листовках наиболее часто встречался текст: «Финские солдаты! Пока вы находитесь на фронте, немцы грабят ваши дома и насилуют ваших жен и дочерей!»²³⁷ Вполне очевидно, что вопросы взаимоотношений между финнами и немцами как на фронте, так и в тылу очень интересовали НКВД и разведорганы фронтов. Полученную в результате допросов военнопленных любую информацию о бесчинствах

немцев в Финляндии тут же включали в разведсводки и политдонесения.

Однако часто результаты советской пропагандистской работы, особенно в начале войны Продолжения, были малоэффективны, поскольку она велась в грубой, примитивной форме. Как справедливо отмечал профессор Тимо Вихавайнен, «пропаганда оставалась настолько схематичной, что она совершенно не отвечала местным условиям и оставляла впечатление откровенной лжи»²³⁸ Однако данное утверждение, по моему мнению, верно только отчасти. Меня, прежде всего, интересует вопрос: насколько влияли пропагандистские листовки на желание финского солдата сдаться в плен?

Можно с уверенностью утверждать, что на первом этапе войны Продолжения, то есть до перехода старой границы, большинство населения страны прекрасно понимало, что вернуть утраченные территории можно только в результате войны с СССР. Имея такого мощного в военно-техническом плане союзника или, как часто называют в Финляндии, «собрата по оружию», как Германия, финны рассчитывали закончить войну достаточно быстро. Однако война затягивалась, и с середины 1943 года у некоторой части населения страны пропадала уверенность в военной победе.

Вообще же, уверенность в справедливом характере войны Продолжения и у гражданского населения, и у военнослужащих финской армии, судя по письмам, захваченным в ходе боев, снятым с убитых солдат и офицеров, а также отобранным у военнопленных, несколько ослабла. В связи с этим предпринятые советской пропагандистской машиной некоторые шаги подтолкнули определенную часть финских солдат сдаваться в плен. Конечно, в большинстве своем это были перебежчики, то есть люди с давно устоявшимися политическими симпатиями к Советскому Союзу. Однако, даже несмотря на это, переход в августе – сентябре 1941 года нескольких десятков военнослужащих 21-го батальона майора Пярми ("Pärmin osasto") вызвало беспокойство у военного руководства страны.

Изучая, сравнивая и анализируя различные финские и советские документы, касающиеся обстоятельств пленения военнослужащих финской армии, можно сделать вывод о том, что советская пропаганда в незначительной степени влияла на желание финских солдат сдаться в плен. В основном на это обстоятельство указывали перебежчики периода позиционной войны. Однако в результате проделанной работы мной замечено одно немаловажное обстоятельство: листовки, передаваемые по радио призывы сложить оружие и сдаться в плен и обещания гуманного обращения с военнопленными сформировали у некоторых финских пленных своего рода убеждение, что советские солдаты их не расстреляют в случае пленения. Это предположение подтверждает информация, зафиксированная в протоколах допросов финских пленных в разделе «обстоятельства пленения», и воспоминания самих бывших военнопленных. Но все же большинство военнослужащих финской армии были уверены в обратном.

Как Советский Союз, так и Финляндия во время войны Продолжения использовали в своем арсенале идеологической борьбы вербальный и оральный методы пропаганды. Первый включал в себя листовки, обращения военнопленных финнов к своим однополчанам на фронте. Кроме того, на смену газете «Kansan Valta» («Народная власть») издававшуюся для финских военнопленных под редакцией Ю. Линко, приходит газета «Sotilaan Ääni» («Голос солдата»). Ее редактором был известный финский коммунист Тууре Лехен. Газета издавалась в Беломорске. На начальном этапе войны Продолжения она выходила раз в декаду, а с 1943 года – два-три раза в неделю.

Помимо листовок и газеты «Sotilaan Ääni», советские органы агитпропа значительное внимание уделяли радиопропаганде. Она велась как среди военнослужащих финской армии на фронте, так и среди гражданского населения в тылу. Радиовещательные станции находились в Москве, Ленинграде и Беломорске. Радиопередачи выходили ежедневно, несколько раз в день. Напри-

мер, председатель Радиокomiteта КФССР Шаломаяв в «Докладной записке о работе Карело-Финского радиокomiteта с июня 1941 по апрель 1942 года» отмечал, что, «кроме местных передач, с января работает станция по вещанию для фронта и Финляндии. До 15 апреля велась передача 4 раза в день, а сейчас 12 раз на финском и 12 раз на немецком языках»^{2,39}

Кроме того, стоит упомянуть и такой аспект, как устная пропаганда. На протяжении всей войны Продолжения советские органы разведки и политотдела Карельского фронта специально отпускали некоторых финских военнопленных, ставя им одно условие – они должны были вернуться в расположение своей части и агитировать солдат сдать в плен. Впрочем, я глубоко убежден, что эффект от такой «агитации» был мизерный. Некоторые финские солдаты, пробыв несколько дней в плену, принимали предложение органов НКВД о «сотрудничестве». После перехода линии фронта они незамедлительно докладывали об этом командованию своих частей. Иногда после допроса и соответствующей проверки их возвращали в действующую армию. Например, младший сержант Арво Матиас Ууси-Каккури (Uusi-Kakkuri Arvo Matias) из Куриikka попал в плен 5.11.1941 в Лиинахамари. Скрыв от советских военных свою принадлежность к Шюцкору, Ууси-Каккури удалось добиться того, что его в конце зимы 1942 года отправили из Мурманска на финскую сторону в качестве «шпиона». Ориентируясь по звездам, на исходе сил Ууси-Каккури добрался до немецкой заставы, где его приняли за настоящего шпиона и бросили в сорокаградусный мороз в яму к русским пленным. Позже в ходе допросов в обстоятельства дела была внесена ясность, и по прошествии времени Ууси-Каккури вернулся на фронт, когда за него поручился некий капитан из Куриikka. Однако трудно обвинить органы НКВД в наивности, вполне очевидно, что они предполагали такое развитие событий. Я считаю, что подобная «вербовка» преследовала совершенно иную цель: такая наглядная агитация, как возвращение живых и невредимых солдат из плена, должна была опровергнуть

мнение финнов о том, что в СССР убивают и пытаются всех военнопленных.

Следует также остановиться и на некоторых нюансах русской пропаганды среди финских солдат на фронте и военнопленных в лагерях и приемных пунктах НКВД. Если говорить о печатных изданиях, то, к сожалению, исследователи не располагают точными данными о количестве листовок, брошюр и обращений, изданных специально для агитационной работы среди финнов. Но вполне очевидно, что тираж исчислялся десятками миллионов. Российский исследователь Ю. Басистов отмечает, что только за время боев на Карельском перешейке с 1941 по 1944 год было распространено 32 млн листовок 624 наименований²⁴⁰. Для сравнения: в СССР было напечатано свыше 3 млрд листовок для немецких военнослужащих и военнопленных.

Советскую листовочную пропаганду можно условно разделить на несколько тематических групп. Однако все они были подчинены единой задаче: склонить военнослужащих финской армии к прекращению сопротивления и сдаче в плен. К первой группе относятся листовки, посвященные разъяснению несправедливого и агрессивного характера войны Продолжения. Ко второй — листовки-обращения финских военнопленных к своим товарищам на фронте с призывами сдаваться в плен. К третьей группе следует отнести листовки, рассказывающие о хорошей жизни в лагерях для военнопленных на территории СССР.

С этой тематической группой перекликается информация, публикуемая в газете «Sotilaan Ääni». Особенностью этого издания являлось то, что оно было не для военнопленных, а о военнопленных и распространялось не в лагерях, а среди военнослужащих финской армии на фронте. В ней печатались фотографии пленных и письма к родным и близким с указанием адресов и просьбой сообщить им о том, что их сын (брат, муж, дочь) находятся в плену в Советском Союзе и чувствуют себя хорошо. Кроме того, газета реагировала на текущие международные события и обстановку на фрон-

те. Например, после подписания и ратификации договора между СССР, Великобританией и США (апрель – июнь 1942 г.) «О союзе в войне против гитлеровской Германии и ее союзников и о помощи в войне» в «Sotilaan Ääni» началось настоящее психологическое давление на солдат и офицеров финской армии. На протяжении нескольких месяцев газета постоянно публиковала данные о количестве людских резервов, танков, артиллерии и самолетов у стран – участников антигитлеровской коалиции, сравнивая их с аналогичными цифрами у Германии и Финляндии.

Кроме того, в «Sotilaan Ääni» достаточно часто печатались высказывания немецких военнопленных, попавших в плен или перешедших на сторону Красной Армии. Они призывали прекратить войну и установить в Германии новый порядок – «За Германию без Гитлера». Вполне очевидно, что такая информация должна была, по мнению политорганов СССР, подтолкнуть финнов к прекращению военного сотрудничества с Третьим рейхом.

После поражения в 1943 году немецких войск под Сталинградом в газете печатается большое количество материалов, фотографий и статей по этому поводу. Приводятся высказывания немецких пленных о гуманном отношении к ним со стороны советских властей. Кроме того, в публикациях использовались фотографии плененных под Сталинградом генералов с соответствующими комментариями. Впрочем, не менее подробно освещались последние события и ход боевых действий на советско-финском фронте.

Во время войны Продолжения Советский Союз часто использовал в пропагандистских листовках и брошюрах, распространявшихся на фронте среди частей Красной Армии и в тылу, письма и дневники, взятые у финских погибших солдат и офицеров, в разное время захваченные партизанскими отрядами и диверсионными группами при разгроме гарнизонов, деревень, автоколонн, а также изъятые у пленных. Эти письма также использовались для внутренней пропаганды в СССР, чтобы показать, насколько слаб боевой

дух финской армии. Это делалось специально по заказу политуправления и разведотдела Карельского фронта.

Эти письма можно разделить по характеру вопросов, на которые советские органы хотели найти ответ и соответственно использовать в своей пропаганде: 1) внутренняя ситуация в Финляндии – фиксация нехватки товаров первой необходимости и продуктов питания, 2) усталость населения от войны, 3) нежелание солдат воевать, ожидание скорейшего прекращения боевых действий, 4) взаимоотношение с немецкими частями, расквартированными на территории страны, – практически во всех приведенных высказываниях есть информация о бесчинствах немцев на территории страны, 5) описание действий партизан – во многих письмах фронтовиков и их родных выражается тревога по поводу активности партизанских отрядов на территории Карелии и Финляндии. Несмотря на тенденциозность составления таких подборок писем, они позволили мне установить некоторые новые фамилии финских военнопленных, которые числились в Финляндии пропавшими без вести.

Радиовещание на фронте не всегда было эффективным. Как во время Зимней войны, так и во время войны Продолжения радиоустановки нередко дислоцировались на достаточном удалении от линии фронта, и выступлений не было слышно. Кроме того, иногда радиообращения делались от имени убитых финских солдат. Советские пропагандисты использовали для этой цели личные данные погибших. Нередко, особенно при изменявшейся линии фронта, дело доходило до своеобразных «курьезов». Так, в 1944 году финские солдаты слышали привет от своего, днем ранее похороненного ими же самими, товарища. Дело заключалось в том, что при отступлении его тело не успели предать земле. Затем, после контратаки, финны обнаружили труп этого солдата, но без личных документов. Впрочем, такие случаи, по воспоминаниям самих финских солдат, были достаточно часты и во время позиционной войны.

Культурная и пропагандистская работа с советскими военнопленными

Казалось бы, что продолжительность второй войны с СССР должна была внести изменения в культурно-просветительскую и пропагандистскую работу финнов среди советских военнопленных. С одной стороны, так и было. Пропагандистская машина страны сумела перестроить свою работу. Радиопропаганда на фронте приносила свои результаты, ведь теперь в ней были задействованы не только эмигранты, которые на протяжении десятков лет имели довольно смутное представление о происходящих в СССР делах, но и бывшие пленные, оставшиеся в Финляндии после Зимней войны. Упомянутый уже Александр Семихин читал радиообращения к бойцам и командирам Красной Армии, используя не избитые штампы, а собственный опыт. Он знал, как и что надо говорить красноармейцам.

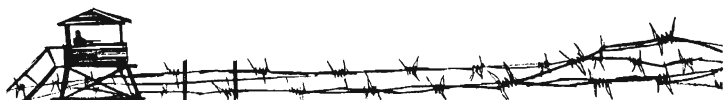
Созданные в межвоенный период пропагандистские роты использовали в своей работе пленных бойцов и командиров РККА. Нередко давших согласие на радиообращение к товарищам неделями не отправляли в лагерь для военнопленных. Полевые типографии тысячами печатали листовки, которые разбрасывались над позициями русских. Например:

«Красноармеец-фронтовик!

Ты можешь остаться жить, если последуешь нашему совету. Запомни, что все находящиеся на нашей стороне бойцы и командиры живут в хороших условиях. Кроме того, все добровольно перешедшие получают и различные льготы. Они работают по своей специальности. Например, крестьяне работают на крестьянских полях, живут у крестьян и получают хорошую еду. Рабочий день всего только 8 часов, после чего все свободны и могут заниматься своим делом. В общежитиях организованы различные кружки самодеятельности. Все имеют возможность свободно слушать радио.

Товарищи! Не медлите. Не бойтесь. Переходите на сторону финнов».

Главным отличием финской пропаганды во время войны Продолжения от пропаганды 1939–1940 годов –

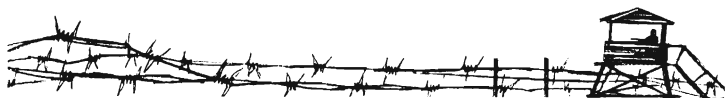
полное отсутствие антисемитских листовок и радиообращений. Слово «жид» полностью исчезает из лексикона финских пропагандистов. В редких случаях употребляется слово «еврей» в связке с «политруком», но в большинстве случаев политический состав упоминается без национальности. Более того, финны не делали разницы между политсоставом РККА и командирами. Отношение к ним при захвате в плен было одинаковым. В связи с этим стоит отметить, что, в отличие от финнов, их союзники расстреливали политработников. Вспомним известный немецкий «Приказ о комиссарах».

Однако в лагерях дело с культурно-просветительской работой среди военнопленных складывалось не лучшим образом. Фактически она была пущена на самотек. В отличие от Зимней войны, когда священники и иностранные журналисты могли общаться с пленными, во время войны 1941–1944 годов такого практически не было. Впрочем, вероятнее всего, финны учли прошлый урок, когда обилие религиозной литературы, распространяемой в лагерях, вызывало отторжение, крайне негативную реакцию у пленных.

Свой досуг военнопленные организовывали сами. Лагерная администрация не мешала проведению концертов, а в некоторых случаях оказывала посильную помощь. Наилучшим образом складывалась ситуация в госпитале для военнопленных № 28 в Коккола. Там, как помнит читатель, работала русская чета из эмигрантов – доктор Николай Черных и его супруга, заведующая библиотекой, Ольга Федоровна.

Чета Черных оказала большую помощь советским военнопленным в организации концертов, читательских конференций, лекций, которые скрашивали безрадостную жизнь советских пленных. Более того, главный врач этой больницы Педер, поддавшись уговорам, купил на свои деньги гармонику и подарил ее военнопленным.

В личном архиве бывшего военнопленного Николая Дьякова, который, к сожалению, недавно ушел из жизни, сохранилось большое количество рукописных программ концертов и лекций. Например:

«Программа лекций «Прогулки по старому Петербургу».
Лектор С. М. Хейфиц.

Коккола, SS/28 (госпиталь для военнопленных № 28 –
Д. Ф.), 1942 г.

1-я лекция. 3 декабря. – Основание города и застройка его в 18 веке.

2-я лекция. Развитие города в 19 и 20 вв.

3-я лекция. – 11 декабря. Васильевский остров.

4-я лекция. 14 декабря. Район между Невой и Мойкой.

5-я лекция. 17 декабря. Район между Мойкой и Фонтанкой.

6-я лекция. Невский проспект.

7-я лекция. Район между Невой, Фонтанкой и Невским проспектом

8-я лекция. Московский и Невский районы.

9-я лекция. Петроградский, Выборгский и Лесной районы».

Военнопленный Хейфиц выступал также с циклом лекций по истории России: «Начало Руси»; «Русь под игом татар»; «Великий князь Иоанн III». Были и лекции «Уход за пчелами» (лектор Ерошкин), «Жизнь и творчество И. С. Никитина» (лектор Кудрявцев) и др.

Сами пленные организовывали выступления на концертах. Особенно много подобных вечеров проводилось в госпиталях, где военнопленных не выводили на работы и у них было гораздо больше свободного времени. В лагерях складывалась несколько иная ситуация. Это было связано с тем, что пленные целыми днями были на работе, а когда возвращались в бараки, им было уже не до музыки.

Совсем другой была обстановка в лагерях, где содержались военнопленные так называемых «дружественных наций» – ингерманландцы, карелы, вепсы, мордвинны. Таких лагерей в стране было несколько. Там в полную силу работали школы, курсы по изучению финского языка и культуры, действовали просветительские секции и т. п. В остальных лагерях просветительская работа сводилась, в основном, к прослушиванию радиопередач на русском языке и концертам, организованным силами самих пленных.

Помимо этого, для удовлетворения читательских нужд военнопленных в стране издавался ряд газет. Например, в оккупированном Петрозаводске выходила газета «Северное слово». Из Берлина присылали газету «Заря». Для пленных украинцев печатали «Украинец в Финляндии». Помимо этого, из Польшы в лагеря Финляндии иногда доставляли и другую украиноязычную газету – «Новая доба». Однако по содержанию и стилю они мало чем отличались от аналогичных по направленности печатных изданий периода Зимней войны – «Милый Друг» и «Друг Пленных».

Существенным отличием в содержании финнов в СССР и советских пленных в Финляндии было то обстоятельство, что во время войны Продолжения русские военнопленные имели право, а главное, имели возможность отправлять письма. Да, эта возможность в некоторой степени была ущербна, так как письма отправлялись только по территории Финляндии или на оккупированную территорию. Но для некоторых пленных это была возможность и шанс оповестить своих друзей, родственников и знакомых о том, что они живы и находятся в плену. По некоторым данным, пленные отправляли письма в Карелию и даже на оккупированную немцами Украину. Для переписки был предназначен письмо-конверт, который не клеивался, так как военная цензура проверяла их. На конверте стояла пометка: «Почта военнопленного».

Итак, культурно-просветительская работа в лагерях для советских военнопленных в Финляндии не отличалась большим размахом. Более того, проводилась она силами самих военнопленных при некоторой помощи и содействии администраций лагерей и военных госпиталей для пленных.

Политическая работа и вербовка агентов в лагерях

Как во время Зимней войны, так и во время войны Продолжения начавшаяся на фронте идеологическая обработка военнослужащих финской армии продолжалась в приемных пунктах и лагерях для военнопленных.

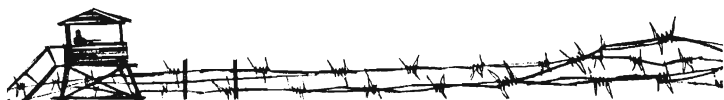

Однако в зависимости от контингента лагеря по-разному строилась их идеологическая обработка. Так, например, в лагере для военнопленных в м. Сухое, где, как мы помним, содержались, по крайней мере, несколько переребечиков из Ер21, политзанятия длились семь часов в день и включали изучение русского языка, Конституции СССР и истории ВКП (б). Впрочем, проверка показала, что «военнопленные не знают государственного устройства СССР, а также и биографии вождей т. т. Ленина, Сталина». В связи с тем, что произведенная проверка показала незнание военнопленными государственного устройства СССР и биографии руководителей СССР, посетивший этот лагерь завсектором кадров НКВД оборонной организации ЦК КП(б) Карело-Финской ССР Сафонов считал, что историю ВКП (б) им изучать рано, а надо составить специальную тематику, включая в нее в первую очередь изучение государственного устройства СССР, биографии вождей Ленина и Сталина, устройство партии и вопросы текущей политики и после этого начать преподавание истории ВКП (б).

В январе 1942 года это лагерь посетил Отто Вилле Куусинен, который рекомендовал перевести в Москву нескольких человек из числа военнопленных. Впоследствии они учились в специальной школе разведки в подмосковной деревне Дубки.

Однако такой тематических подбор занятий и их интенсивность могли быть использованы только в случае с «особо проверенными» военнопленными, направлявшимися в специальные подготовительные центры с целью заброски их в Финляндию с диверсионными, разведывательными и шпионскими заданиями.

Органы НКВД и УПВИ уже с декабря 1941 года стали проявлять повышенный интерес к военнопленным русской национальности. Анализ протоколов допросов этой группы пленных выявляет некоторые вопросы, особо интересовавшие НКВД: членство военнопленного в различных белоэмигрантских организациях (РОВС, НТСНП, Младороссы и т. п.); работа этих организаций в лагерях для военнопленных на территории Финляндии; руководящий состав и активные члены этих организа-

ций и т. п. При этом НКВД СССР предписывало администрациям лагерей «обеспечить активную агентурную разработку военнопленных русской национальности, произведя из их числа вербовку осведомления».

Но в октябре 1943 года НКВД СССР и УПВИ НКВД СССР отправили наркомам внутренних дел союзных и автономных республик и начальникам Управления НКВД краев директиву № 489 «Об агентурной работе среди военнопленных», в которой агентурная работа среди пленных признавалась неудовлетворительной. В этом документе, в частности, отмечалось, что работа среди военнопленных, несмотря на неограниченные возможности, не была налажена в должной степени. Руководство НКВД указывало на следующие недостатки: оперативные отделы лагерей не выявляют среди пленных лиц, которые могут быть использованы для выполнения «агентурно-политических заданий крупного государственного масштаба»; несоблюдение конспирации и привлечение агентов, завербованных для выполнения конкретных задач в будущем, к внутрилагерной работе; темпы вербовочной работы не отвечали требованиям задач и обстановки. Отмечалось, что при вербовке и работе с агентами не учитывались особенности психологии военнопленных, такие как оппозиционные настроения некоторых пленных. Сотрудникам оперативных лагерей рекомендовалось использовать и материальную заинтересованность, и такие обстоятельства, как нахождение в плену близких родственников (отцов, сыновей, братьев).

Руководство НКВД резюмировало, что вербовка агентов из числа военнопленных требовала иного подхода, чем «вербовка агентуры из советской среды»²⁴¹. Кроме того, в директиве отмечалось, что обязательства агентов часто носят формальный и примитивный характер и ничем не связывают их с органами НКВД в будущем. В связи с этим от сотрудников оперативных отделов настоятельно требовали точно оформлять вербовочные обязательства агентов.

Вышеперечисленные недостатки, по мнению руководства Наркомата внутренних дел, приводили к прова-

лу агентуры и внедрению в нее сотрудников разведорганов противника.

В результате сложившейся ситуации возникла необходимость кардинальной перестройки агентурной работы с военнопленными. Конечной целью должно было стать создание агентурой сети среди пленных и внедрение «этой агентуры во все каналы политико-экономической жизни страны, в ее учреждения, военный аппарат, армию, промышленность, органы разведки и т. д.».

Информацию обо всех представляющих интерес военнопленных офицерах и специалистах и т. п. предписывалось немедленно доводить до сведения УПВИ НКВД СССР. В случае необходимости таких военнопленных срочно переводили в Москву или направляли «в оперативный лагерь» для «проведения с ними работы Оперативно-чекистским отделом УПВИ НКВД СССР».

Однако среди финских военнопленных таких людей почти не было. Это с сожалением отмечает начальник УНКВД по Вологодской области полковник госбезопасности Свиридов. В распоряжении, адресованном начальнику оперативного отдела Череповецкого лагеря майору госбезопасности Ленькину, он высказывал предположение, что финны стремятся скрыть свое прошлое, общественное положение, работу в государственных, административных, политических, военных (особенно в разведывательных и контрразведывательных) органах, связи в Финляндии и в других странах мира. Однако некоторые положения распоряжения Свиридова противоречат друг другу. С одной стороны, руководство УНКВД из отчетов администрации безусловно имело полные данные о социальном статусе содержавшихся в Череповецком лагере финских военнопленных и знало, что он невысок. Соответственно вряд ли эти пленные могли иметь серьезные, представляющие оперативный интерес связи в Финляндии и за ее пределами. С другой стороны, отмечалось, что развитое национальное самосознание ограничивает их использование в качестве агентуры. Но на распоряжение из Москвы, надо было немедленно реагировать и проявлять хотя бы видимость работы. Так родилось расплыв-

чатое и лишенное всякой конкретики распоряжение: «настойчиво добиваться путем выполнения даваемых заданий, выявляя этим путем рабочие качества и перспективность использования каждого агента в будущем». При этом не рекомендовалось раскрывать агенту планы в отношении него на послевоенный период.

Анализируя данный документ, можно в очередной раз убедиться в том, что он представляет собой «адаптацию» документа, посвященного всем иностранным военнопленным, к «финской действительности». Как мы знаем, упомянутую уже директиву № 489 «Об агентурной работе среди военнопленных» разработали в большей степени для немецких военнопленных, среди которых было немало генералов и старших офицеров, занимавших высокое положение в Третьем рейхе и имевших связи с политической и экономической элитой страны, а соответственно представлявших большой агентурный и оперативный интерес в будущем. Среди финских военнопленных не было ни одного человека, который бы подходил под указанные в директиве критерии для послевоенного использования агентов.

УПВИ НКВД СССР настоятельно предписывало руководству лагерей не подходить к вербовке военнопленных формально, ради отчета. Для успешного выполнения поставленной задачи оперативным отделам лагерей рекомендовалось: тщательно изучать каждого военнопленного, не ограничиваясь анкетными данными и вопросами пленных; для каждого агента составлять отдельный план использования как при внутрилагерной работе, так и в будущем; перспективных агентов запрещалось использовать во внутрилагерной общеосведомительской работе; особо обращать внимание на «подозрительных по обстоятельствам пленения, выдающих себя за перебежчиков и могущих быть специально направленными с разведывательными целями в лагеря для военнопленных» лиц.

Возможность проникновения таких пленных в агентурный аппарат НКВД через лагеря для военнопленных давно волновала сотрудников органов госбезопасности. Как мы помним, например, перебежчика Осмо Хярмя —

солдата 34-го отдельного саперного батальона, подозревали в том, что он переброшен финской разведкой с заданием осесть в лагере для военнопленных и проводить разведывательную работу среди солдат.

Нельзя сказать, что агентурная работа с финскими военнопленными с целью вербовки из них агентов была успешной. Как отмечает профессор В. Конасов, на сотрудничество с лагерной администрацией по идейным соображениям из числа финнов шли единицы²⁴² Более того, многие из числа прошедших специальную подготовку и заброшенных в Финляндию были задержаны органами контрразведки и помещены в тюрьмы. Некоторые покончили жизнь самоубийством или были расстреляны финскими властями по обвинению в шпионаже. Например, перебежчик Борис Репин (Repin Boris), сдавшийся в плен 10.07.1942 в районе Куоккала, был заброшен в Финляндию. После ареста во время следствия он 4.11.1942 года повесился в камере. Перебежчик из ErP21 Аалто Паули Эмиль (Aalto Pauli Emil) сдался в плен 17.09.1941, возвратился в Финляндию 1.12.1942. Арестован и расстрелян 28.05.1944 года.

Однако вернемся к политической работе в лагерях НКВД среди финских военнопленных. В обыкновенных, производственных лагерях, где содержалась основная масса финнов, она кардинально отличалась от политзанятий в лагере «Сухое» и велась, хотя и в прежних формах, но с другими целями и задачами. Об этом, в частности, свидетельствуют такие документы, как ориентировка УПВИ НКВД СССР №28/322 от 21 января 1942 года «О необходимости проведения политико-воспитательной работы среди военнопленных» и указание УПВИ НКВД СССР № 28/4240 от 25 апреля 1942 года «О работе фашистских элементов среди военнопленных и мерах ее пресечения».

В ходе работы с военнопленными политинформаторы и лекторы старались внушить им прежде всего тезис о том, что Финляндия фактически находится под немецкой оккупацией, хотя и вступила в войну с СССР на стороне Германии. На политзанятиях в лагерях всегда ставился вопрос о взаимоотношениях между финна-

ми и немцами как на фронте, так и в тылу. Однако практически совсем не изученным остается вопрос о взаимоотношениях финских и немецких военнопленных в лагерях НКВД. Неизвестно, была ли такая антигерманская пропаганда причиной стычек, столкновений и драк, возникавших среди финских и немецких пленных, или же подобные эксцессы возникали на бытовой почве. К сожалению, в российских и финских архивах не было обнаружено документов, разъясняющих этот вопрос. В воспоминаниях бывших финских военнопленных тоже нет соответствующих подтверждений – как правило, они лишь констатировали, что драка была, не упоминая о ее причинах.

5 февраля 1943 года выходит Постановление секретариата Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ), подписанное Георгием Димитровым. В нем рекомендовалось увеличить число слушателей, уже работавших в лагерях *антифашистских школ*, организовать специальные семинары для офицерского состава военнопленных. Для успешного руководства этой работой среди пленных Димитров предлагал создать «единый руководящий центр при политуправлении Красной Армии из представителей Политуправления, Агитпропа ЦК, Главного Управления лагерей военнопленных и комиссии ИККИ по работе среди военнопленных». Принятые в соответствии с Постановлением меры усилили антифашистскую направленность идеологической работы в лагерях.

Первая антифашистская школа была открыта в Оранском лагере № 74 (Горьковская область), а антифашистские курсы и кружки были организованы при каждом лагере для военнопленных. На них, по мнению российского исследователя В. Галицкого, политическую подготовку получили около 30% финских военнопленных²⁴³

Центральная антифашистская школа была создана по решению ЦК ВКП (б) и ИККИ в феврале 1943 года в Красногорском лагере № 27 (Московская обл.). В период с 1943 по 1950 год она подготовила около

4300 антифашистов различных национальностей²⁴⁴ По свидетельству российского исследователя В. Всеволодова, финские военнопленные в лагере № 27 хотя и были объектом всех форм политико-массовой работы среди военнопленных, вместе с тем не дали повода рассматривать их как потенциальных идеологических и пропагандистских союзников. Поэтому даже в Центральной антифашистской школе, которая функционировала на правах отдельной зоны лагеря № 27, специального финского национального сектора, в отличие от других национальностей, организовано не было.

Вообще, достаточно сложно судить, насколько правомерно употребление термина «антифашистская работа» в контексте изучения проблемы финских военнопленных во время войны Продолжения. Во-первых, как мы помним, во время Зимней войны в советских пропагандистских материалах термин «фашист» практически всегда был заменен на «шюцкоровец» или «белофинн». Аналогичная картина наблюдалась и в самом начале войны Продолжения. Лишь только с конца августа – начала сентября 1941 года в листовках появляется словосочетание «финско-фашистские захватчики», по аналогии с «немецко-фашистскими». Во-вторых, целью проводимой антифашистской работы среди пленных было: перевоспитание военнопленных и превращение их в друзей СССР; подготовка кадров, готовых в интересах своей родины всемерно содействовать поражению «гитлеровской клики и ее вассалов» и помогать Красной Армии; подготовка активных участников борьбы против фашизма после возвращения в свою страну.

Формами и методами антифашистской работы были: индивидуальные и групповые беседы; лекции, обращения и конференции; издание газет, журналов и другой политической литературы, выпуск стенных газет и клубная работа.²⁴⁵ Очевидно, что все то, что во время войны Продолжения называлось «антифашистской» работой среди финских военнопленных, во время Зимней войны называлось «политико-массовой и культурной» работой. Кроме того, достаточно спорным кажется вывод советских пропагандистских органов о том, что в ре-

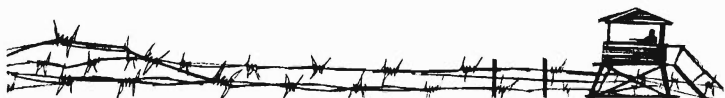
зультате военного союза с Германией в Финляндии мог установиться фашистский режим. Таким образом, как мне кажется, в случае с финскими пленными корректнее употреблять термин «политико-просветительская» работа, нежели «антифашистская».

Однако поскольку и в советской, и в финской историографии достаточно прочно установился термин «антифашистская» работа с финскими военнопленными, то и я буду употреблять его, чтобы не возникло путаницы, новых понятий. В целом, стоит отметить, что антифашистская работа с финнами в лагерях и приемных пунктах НКВД была недостаточно эффективной. И не случайно большинство из них участвовало в работе антифашистских школ не столько из-за своих политических убеждений, а поскольку за это давали дополнительный продовольственный паек.

Вместе с тем сегодня трудно судить о степени влияния антифашистской пропаганды на финских военнопленных. Сдвиги в сознании, миропонимании, мироощущении, психике человека замерить довольно сложно. На глазок ведь не определишь, в какую сторону качнулся внутренний мир человека, какие идеи ему стали чуть-чуть ближе в результате идеологического воздействия на него. А социологические обследования, массовые опросы в лагерях не проводились. И конечно, без таких научных замеров наши сегодняшние выводы строятся на вероятностной основе. Ясно лишь одно: поднимавшиеся на политзанятиях вопросы так или иначе заставляли военнопленных задуматься над ними. Пусть даже не глубоко, но задуматься.

Очевидно, что какие-то положительные результаты, с точки зрения советских властей, все же были, что позволило организовывать многочисленные выступления финских военнопленных по радио, подписание ими разного рода листовок и обращений к военнослужащим финской армии и интервью военнопленных, опубликованных в газете «Sotilaan Ääni».

В январе 1942 года в Карагандинском лагере УПВИ НКВД СССР № 99 состоялась I Конференция финских военнопленных, на которой 144 финна подписали Дек-

ларацию «К народу и армии Финляндии». Содержание этого документа вкратце таково: финские военнопленные призывали своих товарищей на фронте повернуть оружие против немцев, дезертировать из армии, так как развязанная война не принесет финскому народу ничего хорошего, кроме бед и страданий. Тем более что на стороне СССР против фашистов воюют США и Великобритания. Несколько десятков финских военнопленных нашли в себе мужество и отказались подписывать это обращение. Кроме того, советские пропагандистские органы использовали подписи уже умерших к этому моменту финских военнопленных.

Эта конференция широко освещалась в советской прессе. В частности, как положительный пример в идеологической работе. Газета «Правда» № 49 (8820) от 18 февраля 1942 года поместила текст декларации и фотографии 40 военнопленных. Из них домой вернулись только пять человек, а остальные умерли в СССР.

В июне 1942 года в Унжлаге состоялась Первая интернациональная конференция военнопленных. В конференции принимали участие 856 человек, в числе которых были и финны. Собравшиеся на ней обратились «к солдатам фронта всех национальностей» с призывом о прекращении войны, который подписали 791 человек. К сожалению, точное количество финских пленных установить сложно, так как они были объединены в одну группу с румынами. В тексте отмечено – «румыны и финны – 518 человек»²⁴⁶

Наряду с этим проводились и другие пропагандистские акции. Уже 24 августа 1941 года в газете «Лоухский большевик» было помещено письмо-обращение лейтенанта Ахблада²⁴⁷, захваченного в плен 16 июля 1941 года «на острове Моргонланд близ Ханко». Он писал, что советский народ не питает ненависти к финнам и что Финляндия втянута в войну с СССР на стороне Германии против своей воли. Это письмо потом распространяли в лагерях военнопленных и на фронте среди солдат и офицеров Красной Армии. Кроме того, изображение лейтенанта Ахблада очень часто встречается в фотолистовках 1941-го – начала

1942 года, когда он был чуть ли не единственным финским офицером, попавшим в плен.

Руководство лагерей обязано было регулярно в докладных записках в Москву отчитываться о проделанной идейной и культурно-массовой работе в лагерях. Судя по этим отчетам, в местах постоянного размещения военнопленных выпускались соответствующие стенные газеты и информационные листки. Кроме того, пленные принимали участие в самодеятельных концертах и спектаклях, устраивали музыкальные вечера и т. п.

Если говорить об антифашистской работе в лагерях, то стоит отметить, что наиболее полной информацией мы располагаем по Череповецкому лагерю НКВД № 158. В соответствии с отчетом о деятельности этого лагеря, за время его существования с финскими военнопленными было проведено:

- собраний и митингов – 87;
- докладов и лекций – 117;
- конференций – 25;
- политических бесед – 484.

Помимо этого, только в течение 1944 года финские пленные написали 67 обращений к военнослужащим финской армии (подписали 3800 человек), воззваний – 14 (1080 человек), листовок – 68 (подписали 704 человека).

Одновременно с этим наблюдался и рост числа «солидирующихся с антифашистским движением» финских военнопленных в Череповецком лагере. Если в январе их было 261 человек, то в октябре их количество выросло вдвое и составило 425 человек. Активистов было 27 человек.

По моему глубокому убеждению, рост числа антифашистски настроенных финских военнопленных был связан не столько с успешной пропагандистской работой политотдела лагеря, сколько с тем, что финнам предстояло возвращение домой. Пленные прекрасно осознавали, что их скорейшее возвращение на родину напрямую зависит от активности на разного рода собраниях и митингах. То есть финские военнопленные готовы были подписать любые обращения и воззвания,

стать «солидирующими с антифашистским движением», лишь бы ускорить возвращение домой.

Сегодня к таким пропагандистским акциям относиться можно по-разному. Но полагаю, что все это понятно, допустимо и вполне оправданно стремлением военнопленных скорее вернуться на родину. Более того, мы не вправе судить людей, исследуя проблему войны и военнопленных в теплом и светлом, отгороженном от мира кабинете. Даже попытавшись поставить себя на их место, мы вряд ли сможем установить те мотивы, которые двигали военнопленными при подписании пропагандистских листовок и обращений. Сами бывшие финские пленные отмечали, что большинство из них даже не особо обращали внимание на то, что они подписывают.

Во время обеих войн финские пленные в нарушение «Положений о военнопленных» 1939 и 1941 годов были лишены возможности переписки со своими родственниками. Более того, даже обмен списками военнопленных, что предусматривалось нормативными документами СССР, не осуществлялся, хотя в «Положениях о военнопленных» 1931 года (ст. 42) и 1941 года (ст. 30) говорилось, что обмен списками пленных с иностранными государствами осуществляется при посредничестве Организации Красного Креста и Красного Полумесяца.

Уже в самом начале войны между СССР и Германией президент Международного комитета Красного Креста (МККК) д-р Макс Хубер (Max Huber) направил правительствам этих стран телеграммы с предложением организовать обмен сведениями о погибших, раненых и пленных. 27 июня 1941 года В. Молотов принял это предложение от имени советского правительства с условием, что так же поступит и противник. Впрочем, тот же Молотов распорядился не отправлять этих списков и не отвечать немцам на их запросы. В свою очередь, 9 августа 1941 года немцы провели пропагандистско-показательную акцию, разрешив *неофициальное* (!) посещение лагеря в Хаммерштайне двум представителям МККК – К. Я. Бурхардту и Э. де Галлеру, и передали им

неофициальный (!) список 300 советских военнопленных²⁴⁸

17 июля того же года СССР при посредничестве Швеции сообщил, что *de facto* присоединяется к Гаагской конвенции 1907 года на условиях взаимности со стороны Германии. Власти Третьего рейха отклонили это предложение. После этого советская сторона потеряла всякий интерес к переговорам по этому вопросу, сочтя любую информацию о корректном обращении немцев с советскими пленными вредной, так как она могла способствовать росту числа последних²⁴⁹. Впрочем, насколько «корректным» и «гуманным» было обращение немцев с советскими военнопленными, широко известно. Более 3,5 млн погибших пленных – цифра, говорящая сама за себя.

В следующем, 1942 году, Макс Хубер от имени финского правительства вновь обратился к советским властям с предложением произвести обмен списками военнопленных. На этот раз президент МККК напоминал, что Советский Союз признал Гаагскую конвенцию и Женевскую конвенцию о раненых и больных 1929 года²⁵⁰ и обязан выполнять положения этих международных документов на основе взаимности²⁵¹. При этом Красный Крест готов был взять на себя роль посредника в деле передачи списков советских военнопленных в обмен на списки финских пленных. Однако Советский Союз ответил очередным отказом.

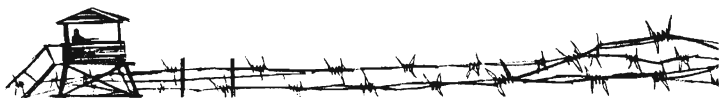
Впрочем, нельзя говорить, что СССР был так категоричен в своем упрямстве. По инициативе УПВИ НКВД при Исполкоме Союза Красного Креста и Красного Полумесяца СССР была создана информационная служба по иностранным военнопленным. В конце 1942 года при посредничестве МККК в Германию, Венгрию и Румынию были отправлены свыше 24 тысяч писем. Три тысячи открыток через Турцию попали в Германию, вызвав у родственников форменный переполох. В ответ получено около 11 тысяч посланий. В 1943 году было достигнуто соглашение с Румынией об обмене корреспонденцией, и оттуда в лагеря стали приходить письма. Однако неверно предполагать, что СССР заботился о

соблюдении права военнопленных на переписку. Тем более что ни одно из них не было доставлено адресату – они оседали для хранения в недрах НКВД и подшивались к личному делу пленных. Таким образом, налицо явно пропагандистские акции, цель которых – вызвать у родственников и близких военнопленных недоверие к своим органам власти, сообщавшим о гибели их родных, опровергнуть слухи о том, что в СССР убивают и мучают пленных, и, в конечной степени, создать атмосферу недовольства действиями правительств и изменить отношение гражданского населения к войне.

В отличие от Германии, Румынии и Венгрии, Советский Союз решил не применять подобную акцию в отношении Финляндии и предпочел ограничиться лишь письмами, показательно опубликованными в газете «*Sotilaan Ääni*». Эту одностороннюю «переписку», конечно же, нельзя признать соответствующей нормам международного права, так как письма несли только пропагандистскую нагрузку.

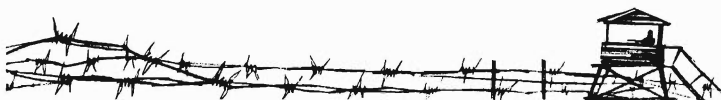
Официальное разрешение на переписку, как отмечает российский исследователь профессор В. Конасов, финские военнопленные получили лишь после выхода Финляндии из войны. На открытках Красного Креста полагалось писать не более 25 слов. Категорически запрещалось упоминать о месте расположения лагеря, смерти товарищей и критиковать условия жизни в плену. Однако ни один из бывших финских военнопленных не упоминает в своих интервью, что воспользовался этим правом или знал о нем. Вероятнее всего, это право осталось лишь на бумаге. Думаю, что данное обстоятельство вызвано тем, что пленным не сочли необходимым сообщить о возможности переписки. Пропагандистского значения эта акция не имела, так как значительная часть финнов была в скором времени возвращена на родину, а оставшиеся ввиду плохого состояния здоровья и других причин не могли написать ничего положительного об условиях жизни в СССР. Как и в случае с немецкими и румынскими пленными, корреспонденция родственников, посылавшаяся в СССР, не доходила до адресатов и подшивалась к личным делам

финнов. Не давались ответы и на письма, пришедшие на имя умерших военнопленных.

Итак, можно отметить, что во время войны Продолжения культурная работа среди финских военнопленных, несмотря на их более долгое пребывание в плену, так и не была налажена подобающим образом. Культурные мероприятия в большинстве случаев подменялись идеологическими. Финские пленные, в нарушение норм международного права и внутреннего законодательства, были лишены возможности переписки со своими родственниками. Исключение составляли лишь письма к родным, показательно опубликованные в газете для пленных периода войны Продолжения «*Sotilaan Ääni*». Эти письма являлись больше пропагандистскими посланиями, нежели приватной корреспонденцией. Естественно, что такую одностороннюю «переписку» нельзя признать действенной и удовлетворительной. Однако газета, в совокупности с радиотрансляциями передач на Финляндию, в которых были упомянуты имена, фамилии и адреса пленных, иногда помогала родственникам узнать судьбу своих родных, пропавших без вести. Тем более что некоторые финны специально слушали трансляции Московского, Ленинградского и Беломорского радио, а затем рассылали по указанным в них адресам родственникам информацию о пленных.

По моему глубокому убеждению, изучение целей и методов советских пропагандистских органов в отношении финских военнопленных периода Зимней войны и войны Продолжения должно стать темой отдельного исследования или книги. Я лишь в общих чертах наметил ее общие контуры. Однако, анализируя имеющиеся в моем распоряжении документы о советской пропаганде, я считаю, что ее нельзя рассматривать только в черно-белых тонах. Наряду с явными поражениями и провалами было и много положительных и эффективных моментов, главный из которых – появление у военнослужащих финской армии некоторой доли уверенности в гуманном обращении с военнопленными в Советском Союзе.

Вербовка советских военнопленных

На фоне активной вербовочной работы с военнопленными в Советском Союзе аналогичные мероприятия в Финляндии были более скромными. Однако это не означало, что их эффективность была незначительной.

Финские разведывательные органы требовали предоставить в их распоряжение военнопленных, способных выполнять специфические задания на территории СССР. Кроме того, подбирались и агенты-осведомители из числа пленных, которые информировали бы лагерную администрацию о готовящихся побегах и т. п.

Вербовкой пленных в Финляндии занимались Петрозаводское и Рованиемское отделения финской разведки, а также их германские коллеги – отдел «1-Ц» и разведотдел «Лапландия». Бывший военнопленный Владимир Соколов так описывал свою вербовку в лагере:

«Вечером я был вызван в отдельную комнату лагеря, где был встречен очень вежливо финским офицером. Пригласив сесть, финский офицер предложил мне сигарету...

После этого он спросил, хотелось бы мне жить, ни в чем себе не отказывая? Я ответил, что вряд ли можно отказаться от такой жизни.

В начале беседы офицер мне заявил, что... если я соглашусь принять участие в разведработе, то финское командование щедро отблагодарит меня за оказанную помощь, ибо дни существования Советской власти, как он заявил, не долги»²⁵²

Если пленный соглашался, то его направляли в одну из разведывательных школ. Подготовка агентов проводилась, как правило, в индивидуальном порядке. Им давался общий инструктаж о способах внедрения в ряды Красной Армии, способы выведывания информации. Кроме того, отрабатывались и навыки работы на радиостанциях и т. п.

Летом 1942 года органами советской контрразведки был задержан разведчик, заброшенный финнами в СССР. В качестве примера и для описания финской разведшколы я использую выписку из протокола его допроса, датированную 27.7.42.

«Разведпункт находится в 4-х километрах от Суомусалми на южном берегу озера Кианта Ярви, справа от шоссе на Каяни в 2 километрах от парома и шлакбаума. Занимает 3 небольших досчатых барака. В первом бараке размещены: одна комната под канцелярию, в которой работают Каломая и Иитонен. Во второй комнате живут Каломая и Иитонен. В третьей комнате радиостанция, и там живет радист Элоранта.

Во втором бараке кухня, столовая и маленькая кладовая. Там же есть три жилых комнаты. В одной из них живут кухарка и уборщица. Две комнаты постоянно не заняты, используются для приезжающих. В этих комнатах до 30 мест. В них живут при возвращении из похода диверсионные группы.

В третьем бараке 2 комнаты и кухня. Кухня используется под склад обмундирования, белья, оружия, гранаты, мины. В одной из комнат жили мы пятеро курсантов. В другой комнате жил собаковод Ложкин и с ним шофер Мендель Рейно.

Ночью разведпункт охранялся двумя – тремя собаками, которых пускают по блоку с трех сторон. Личный состав дежурства не несет, так как ложатся они очень поздно, часа в 2–3 ночи.

Западнее разведпункта в 1 километре расположен небольшой военный лагерь, состоящий из 10 одноэтажных и двух двухэтажных домов. Оба двухэтажных дома и 4 небольших барака заняты под жилье. В них размещены до роты солдат, назначение которых борьба с партизанами. Остальные 6 бараков – склады обмундирования. Лагерь обнесен колючей проволокой в один ряд. Охраняется часовыми. Вблизи шоссе около парома имеется 3 небольших домика в одном из них телефонная станция, через которую ведутся междугородние переговоры. При станции живут до 5 телефонисток, которые часто в свободное от работы время бывают в разведпункте.

Там же живут до 15 финских солдат.

Во втором домике помещение кофейни и в третьем – пункт военной полиции, которые проверяют документы у шлакбаума на шоссе.

Дежурство у шлакбаума одновременно несут 3–4 человека.

Между полицейским постом и разведпунктом слева от дороги есть два барака и 2 палатки, в которых живут финские солдаты до 40 человек.

В одном километре от переправы слева от шоссе на Каяни расположен лагерь военнопленных, состоящий из 12–15 бараков на 400 человек. Часть бараков занята под служебные помещения и охрану.

В 100 метрах от этого лагеря около шоссе находится бензиновая заправочная станция. Напротив ее по другую сторону расположена кофейня для солдат.

Личный состав школы:

1. Каллома Вайно – начальник разведотделения, лейтенант. Руководит подготовкой разведчиков. Хорошо владеет русским, французским и немецким языками. Со слов его матери, которая проживает на Вилле, известно, что у Каллома отец русский, родом якобы из Минска. До революции работал в генеральном штабе русской армии. Эмигрировал до революции, мать финка, но до революции жила в России.

В возрасте около 30 лет. Часто пьет водку, часто приводит к себе женщин.

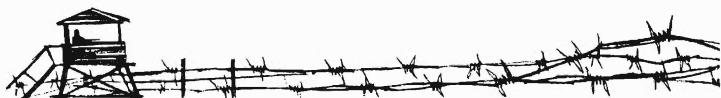
2. Иитала Пекка 53–54 лет – военный чиновник, занимается допросами военнопленных, в школе преподавал топографию, типы немецких танков и самолетов. Русский, сын попа, сам служил где-то дьячком. Участник мировой войны. Во время войны окончил школу прапорщиков, потом имел звание поручика. Имеет жену и двое детей.

Трус, пьяница.

3. Комонен Сантту – военный чиновник финской армии, русская фамилия Жидов, работал около 25 лет фельдфебелем финской армии. В возрасте около 50 лет.

4. Пейстонен Матти – сержант. Отвечает за хозяйство разведотделения. 30 летнего возраста. Алкоголик. Русского языка не знает.

5. Ложкин Ииво, уроженец Кестеньгского района, капрал финской армии. В пьяном виде рассказывал, что в 1934, 1936 годы бывал в Советском Союзе с целью

шпионажа. Русским языком владеет плохо. Имеет железный крест за участие в диверсионных отрядах. 38 летнего/возраста.

Проводник собаки.

Пьяница. Тип хулигана-задиры. Глуп.

6. Мянтюля Рейно – капрал, шофер разведотделения 24-хлетнего возраста.

7. Элоранта Войтто – мл/адший/ сержант, радист, специалист. Занимается раскрытием русских шифров. Учился в Англии, владеет английским, немецким и финским языками. 36 летнего возраста.

8. Сетара Грета (лотта) кухарка отделения 45 летнего возраста.

9. Мянненен Тюне (прачка) лет 28, легкого поведения.

10. Мартина – майор, руководитель разведотдела, расположенного в Каяни, ему подчинен Калома и все диверсионные группы, высылаемые в Советский тыл»²⁵³

Переброска агентов осуществлялась под видом бежавших из плена красноармейцев, для чего создавались все подходящие условия, например групповой побег. При этом разведорганы тщательно следили за тем, чтобы эта группа беспрепятственно перешла линию фронта и т. п. Гражданское население, завербованное финнами, возвращали в СССР под видом переселенцев или бежавших из финских лагерей для гражданских лиц.

Кроме вербовки в разведорганы, в лагерях для военнопленных в Финляндии постоянно осуществлялись попытки набрать из пленных национальные воинские формирования. В отличие от Зимней войны, во время войны Продолжения эти акции увенчались успехом. В боевых действиях против Красной Армии принимали участие «Хеймобатальон» (набранный из ингерманландцев, Эстонский 200-й батальон и ряд других менее крупных подразделений).

Кроме того, лагерь для военнопленных посещали эмиссары генерала Андрея Власова. Однако финская сторона проигнорировала их предложения создать воинские подразделения из бывших советских военнопленных в составе «Северного рога РОА». По свидетельству бывших советских пленных, лагерь регулярно по-

сещались представителями Русской Освободительной Армии (РОА). Офицеры армии Власова проводили опросы и составляли списки желавших бороться против коммунизма. Но дальше этих разговоров дело не пошло. Хотя после них определенное количество советских пленных – татар, украинцев, русских были переведены из лагерей и больниц в другие места. Не исключено, что именно их передавали немцам. Ведь, в отличие от финнов, вермахт широко использовал советских коллаборационистов в своих частях.

В связи с этим целесообразно отметить еще один нюанс войны Продолжения. В соответствии с договоренностью между Финляндией и Третьим рейхом, около 3000 человек, в том числе и советские военнопленные: евреи, политработники и командиры, были переданы Германии²⁵⁴. Я думаю, что прелюдией к обмену пленными между Финляндией и Германией стоит все же считать события декабря 1941 года. Теплоход «Иосиф Сталин», потерявший ход во время эвакуации остатков советского гарнизона в Ханко, был захвачен и отбуксирован в Эстонию. По словам бывшего советского военнопленного Самуила Тиркельтауба, после непродолжительного пребывания в лагере всех пленных поделили почти поровну – часть отправили в Германию, часть в Финляндию. Тиркельтаубу повезло, он попал в «финскую» группу и избежал неминуемой смерти в Германии. В дальнейшем практика обмена получила большее распространение: финны отбирали для себя «дружественные нации», отправляя немцам представителей других национальностей СССР. Причем и путь «дружественных наций», по словам бывшего военнопленного, тверского карела Владимира Ёлкина, не был прямым. Сначала их отправили в Данциг, а уже оттуда вместе с вепсами, мордвинами, коми, удмуртами и ингерманландцами в Финляндию.

Однако необходимо отметить и еще одну категорию советских военнопленных, переданных Германии во время войны Продолжения. Речь идет о тех, кто добровольно изъявил желание служить в немецкой армии. На основании протоколов допросов бывших советских

военнопленных, бежавших в СССР из лагерей на территории Финляндии и Норвегии, следователи НКВД составили отчеты о передаче советских военнопленных финнами немецкой стороне для использования их в военных подразделениях. Наиболее известными являются так называемая «ОСТ-компания» и 427-й дорожный батальон; четыре роты (свыше 400 человек) дислоцировалась в районе Куусамо.

Вербовочная работа имела свои поражения и провалы – не все пленные соглашались сотрудничать с финнами. Однако были и победы – финнам удалось сформировать национальные воинские подразделения из числа советских военнопленных.

ГЛАВА 8

ПУТЬ ДОМОЙ

Ни одна война не может длиться вечно. Однажды наступает тот момент, когда смолкают выстрелы и представители противоборствующих сторон садятся за стол переговоров. Но не только политические и территориальные вопросы должны решить высокие договаривающиеся стороны, на каждой из них лежит еще и ответственность за своих граждан, волею обстоятельств оказавшихся в лагерях для военнопленных. Ведь как бы ни было тяжело в плену, но у человека всегда теплится надежда, что государство помнит о нем и настанет тот день и час, когда он вернется домой. Эта вера помогала военнопленным пройти через муки пребывания в лагерях.

Выше рассматривались вопросы, касающиеся условий содержания, учета, медицинского обслуживания и трудового использования военнопленных в лагерях во время Зимней войны и войны Продолжения. Затрагивались некоторые аспекты политической работы с военнопленными и возможности реализации их духовных нужд в условиях плена. Теперь пришел черед поставить финальную точку в истории пребывания финских и советских пленных в лагерях в СССР и Финляндии и рассмотреть вопросы, связанные с их репатриацией

Деятельность комиссии по послевоенному обмену военнопленными. 1940 год

12 марта 1940 года между Советским Союзом и Финляндией было подписано соглашение о прекращении боевых действий. Впрочем, сразу же возникли некоторые осложнения: несмотря на перемирие, отдельные группы финских военнослужащих, не успевших отойти за линию соприкосновения войск, брались в плен час-

тиями РККА. Такие действия продолжались, по некоторым сведениям, до апреля – мая 1940 года. Уже после прекращения огня РККА захватила в плен по меньшей мере 30 военнослужащих финской армии, а на сторону финнов добровольно перешли не менее трех бойцов и командиров Красной Армии²⁵⁵

Как мы помним, оба государства в целом придерживались Гаагской 1907 года и Женевской 1929 года конвенций о военнопленных. В соответствии с этими международными правовыми документами и внутренним законодательством обеих стран, в мирный договор вошло положение, предусматривающее возвращение всех военнопленных на родину в кратчайшие сроки.

8 апреля народный комиссар иностранных дел Союза ССР Вячеслав Молотов уведомил уполномоченного правительства Финляндии Юхо Кусти Паасикиви о согласии советской стороны на создание Смешанной комиссии по обмену военнопленными между Советским Союзом и Финляндией.

«Господину Паасикиви
Уполномоченному Правительства
Финляндской Республики
Москва, «8» апреля 1940 года.

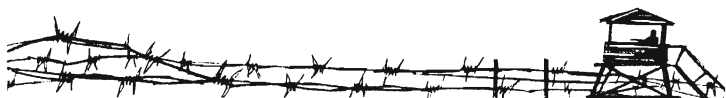
Господин Уполномоченный,

Имею честь уведомить Вас, что Правительство Союза Советских Социалистических Республик согласно на нижеследующий порядок взаимного возвращения военнопленных – советских граждан и финляндских граждан:

1. Возвращение военнопленных будет начато 15 апреля сего года и должно быть закончено в возможно короткий срок.

2. Передача тяжело раненных или серьезно больных, состояние здоровья которых не позволяет перевозки с одного места в другое, будет произведено по мере выздоровления этих лиц; стороны немедленно сообщают друг другу списки, с указанием имен и фамилий этих лиц.

3. Немедленному возвращению подлежат также военнопленные, совершившие всякого рода наказуемые деяния.

4. Для практического проведения в жизнь возвращения военнопленных в городе Выборг учреждается смешанная комиссия из трех представителей СССР и трех представителей Финляндской Республики.

5. Вышеупомянутая комиссия имеет право посылать своих уполномоченных на места для содействия скорейшего отправления военнопленных на Родину.

6. Смешанная Комиссия установит регламент своих работ, определит, через какие пограничные пункты будет происходить возвращение военнопленных, и установит порядок и условия эвакуации военнопленных.

7 Смешанная Комиссия приступает к своей работе 10 апреля сего года.

Примите, господин Уполномоченный, уверения в моем совершенном к Вам уважении.

/В. Молотов/».

В задачу этого межправительственного органа входило: 1) утверждение регламента своей деятельности; 2) определение пограничных пунктов, через которые будет происходить возвращение военнопленных; 3) установление порядка и условий эвакуации военнопленных²⁵⁶

Для содействия скорейшего отправления пленных в СССР и Финляндию комиссия была наделена полномочиями посылать своих представителей в места содержания военнопленных. Впрочем, обмен пленными проходил довольно гладко и без осложнений, в связи с чем ни СССР, ни Финляндия не считали целесообразным контролировать отправку военнопленных на месте и удовлетворились списками, представленными обеими сторонами.

Однако не все советские военнопленные стремились вернуться в «ласковые объятия» своей родины. На всем протяжении финского плена советским бойцам и командирам предлагали остаться в Финляндии или выехать за ее пределы после окончания боевых действий, ссылаясь на то, что пленных в СССР все равно расстреляют. Эмигранты рисовали перед красноармейцами заманчивые картины жизни в свободной Финляндии.

«...Поп сказал, что после 5 лет батрачества вы получите гражданство. Вам дадут 4 коровы, дом, землю, 3 лошади с выплатой их стоимости в рассрочку. Нежелающие остаться в Финляндии могут поехать в любую другую страну»²⁵⁷

Те, кто не хотел возвращаться в СССР, писали прошения. Характерными чертами обращений и петиций военнопленных в адрес финских властей являются, во-первых, стремление писавших доказать, что они идеологические противники существующего в Советском Союзе режима: («Будучи подданным СССР, живя там со дня своего рождения, я на всем протяжении своей сознательной жизни в понимании политического строя в СССР, не разделял и не разделяю свои личные убеждения и взгляды с государственно-политическим строем СССР» (прошение А. Семихина)⁵ Во-вторых, ссылки на обещания финского правительства и Красного Креста оправдать их в любую другую страну, либо оставить в Финляндии. В-третьих, опасения, что в СССР их ждет смерть как предателей родины, и они призывают к гуманным чувствам финнов («Если решите чтоб я небыл тут прошу вас лучше забейте на мести если в расею там всё-дно забьют но хоть ни буду Я там стродать в тюрьме <...>

Я только одно думал что если уdasца перейти к Финам то сколько буду жить то буду приять и благодарить всему Финскому Провительству и всему народу<...>

Но только прошу не отправляйте Мине в С.С.С.Р.» (прошение Н. Губаревича)⁷

Вот несколько примеров подобных прошений и петиций (орфография и стиль сохранены. – Д. Ф.).

«Финскому обществу красного креста от русских в/пленных невозвратившихся на родину.

Прошение.

В Марте сего года перед обменом в/пленными нам было предложено через представителей Красного Креста и финских в/властей право на невозвращение на родину и попутно с этим было предложены условия. И обещали отправить в другую страну согласно нашего желания. Мы-же будучи далеко нерасположены к совецкому провительству охотно воспользовались пред-

ложением. Но с тех пор прошло 5-6 месяцев и сегодня 21/VIII-40 г. к нашему несчастью мы еще находимся в стенах тюрьмы и некто не берется предсказать нашу судьбу.

К тому же мы утратили родину и подданство и таким образом очутились совершенно беспомощными. Но несмотря на все это мы еще не утратили человеческий облик и мы еще живые существа а потому прибегаем к обществу Красного Креста к организации справедливо защищающей человеческую жизнь ее интересы. И убедительно просим Вашего вмешательства и вашего ходатайства перед Финским правительством освободить нас из тюрьмы.

Где определить место жительства мы сейчас ничего не можем просить и доверчиво поручаем вам и Финскому Правительству.

Убедительно просим неотказывать в просьбе по поручению от всех в/пленных

/ Грошницкий /
/ Лузин /»

В мае 1940 года военнопленные составили список тех, кто отказывается возвращаться в СССР, и передали его финнам.

«Список пленных, которые не желают вернуться в СССР.

- 1) Горбуянов, Василий А. солдат
- 2) Граммик Константин Д.
- 3) Ерофьев, Дмитрий Д.
- 4) Завитсков Николай.
- 5) Зубаев, Макар.
- 6) Иванков, Василий Т.
- 7) Кадулин, Захар, В.
- 8) Ксенонтов, Николай, К
- 9) Кумеда, Антон, Т.
- 10) Ладовский, Алексей, Ф.
- 11) Лугин, Александр, Т.
- 12) Маликов, Александр Т.
- 13) Малястров, Василий, П.
- 14) Мезгов, Андреевич, И.
- 15) Попов, Степан, И.

- 16) Николаев Яков, А.
- 17) Рахманин, Иван, С.
- 18) Светсов, Игнат, А.
- 19) Утарев, Халидулла.
- 20) Хренов, Матвеев (? – Д. Ф.), К.
- 21) Шадагалин, Селим.
- 22) Шемна, Михаил, В.
- 23) Яблоновский, Андрей, И.»

Однако решения по их прошению не последовало вплоть до августа 1940 года. Тогда они написали повторную петицию:

«Его Превосходительству !!!

Премьер Министру Финляндии

От Русских в/пленных не изъявивших свое желание возвратиться в Россию

Прошение.

Изволим сообщить Вашему Превосходительству что в Марте месяце сего года перед отправкой Русских в/пленных на родину Нам было предложено через Финских в/властей и через организацию красного креста, права оставаться в Финляндии или уезжать в другую страну по своему выбору, попутно с этим было обеща-но ряд условий.

Имея достаточную ненависть к своему правительству (Советскому) мы с большой радостью встретили предложение Финского Правительства не возвратиться на родину, в надежде скоро устроить свою жизнь под защитой справедливых Законов Финляндии или другой страны. Но с тех пор прошло 5-6 месяцев и 8/VIII 40 г. мы еще находимся в стенах тюрьмы и некто неберется предсказать нашу судьбу и что ожидает нас завтра. Ктому же и на сегодняшний день мы испытываем отношения к нам что внашем лице только и видят врагов своих, которые пришли вместе с войной раззорить Финляндию. Хотя это и правда но мы просим поверить что мы в этом меньше всего виноваты что вина этому государства и Ф.Правительства. И что мы сами пострадали в этом больше чем Финский народ, что и заставило нас оказаться от своей родины и питать отвращение к Советскому правительству. А посе-

му учитывая все выше изложенное и наше страдания в тюрьме убедительно просим обратить внимание Вашего Превосходительства и Финского правительства освободить нас из заключения. Определить наше место жительства оставить в Финляндии или отправить в другое государство в этом полагаемся на Вашу милость и как будет угодно Вашему Превосходительству и Финскому правительству.

Убедительно просим не отказать в просьбе. По уполномочению от 23 Русских в/пленных

Подписи:

- 1) Громицкий,
- 2) Горбунов,
- 3) Ксенофонов.

8/VIII.40 г.

И еще убедительно просим ответить на наше прошение в возможно короткий срок, т. к. от этого зависит много наших переживаний»²⁵⁸

Оставшиеся в Финляндии советские военнопленные еще достаточно долго находились в лагерях и тюрьмах страны, ожидая решения своей судьбы. Во время войны Продолжения некоторые из них работали переводчиками, санитарями, врачами в лагерях для военнопленных (Карвиа, Кеми, Коккола и др.).

Местом работы Смешанной комиссии по обмену военнопленными обе стороны определили г. Выборг. В комиссию делегировали по три представителя от каждой из сторон. Еще перед началом заседаний СССР и Финляндия договорились о некоторых нюансах возвращения пленных. Во-первых, передача тяжело раненных или серьезно больных военнопленных, состояние здоровья которых не позволяет перевозки с одного места в другое, будет произведена по мере выздоровления этих лиц. При этом обе стороны должны были незамедлительно передать друг другу списки с указанием имен и фамилий этих пленных. Во-вторых, советская сторона настоятельно требовала немедленно передать военнопленных, совершивших разного рода уголовно наказуемые деяния. Я считаю, вероятнее всего, СССР опасал-

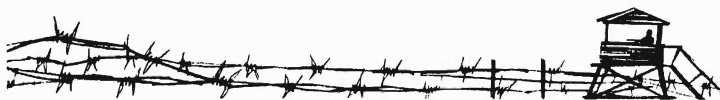

ся, что эти пленные откажутся возвратиться в Советский Союз после отбытия наказания в Финляндии. На практике во время работы Смешанной комиссии этот вопрос поднимался и прямо, и косвенно несколько раз. В-третьих, СССР и Финляндия договорились о том, что возвращение военнопленных должно быть закончено в возможно короткий срок.

Первоначально в соответствии с нотой Молотова работа комиссии должна была начаться уже 10 апреля, а первая партия военнопленных передана уже 15 апреля. Но по взаимной договоренности начало деятельности этого межправительственного органа было отодвинуто на более поздний срок – 14 апреля. Именно в этот день состоялось первое заседание. В состав комиссии от финской стороны входили: генерал Уно Койстинен, подполковник Матти Тийайнен и капитан Арво Виитанен. Советскую сторону представляли комбриг Евстигнеев (представитель РККА), капитан госбезопасности Сопруненко (начальник УПВИ НКВД СССР) и представитель Наркомата иностранных дел (НКВД) Тункин. Таким образом, СССР делегировал для работы в комиссии уполномоченных тех структур, которые по роду своих занятий были тесным образом связаны с военнопленными. Армия захватывала в плен военнослужащих финской армии, УПВИ отвечало за их содержание в лагерях и приемных пунктах, а НКВД регулировал международно-правовые аспекты приема и репатриации финских пленных.

В связи с тем, что комиссия работала на советской территории, большую часть расходов по ее содержанию взял на себя СССР. 14 апреля 1940 года комбриг Евстигнеев направил в Москву телеграмму, с просьбой перевести 15 тысяч рублей для содержания штаба работы комиссии. В отчете о работе комиссии отмечалось, что сотрудники советской делегации получали 30 рублей в день на питание и 15 рублей на командировочные расходы. На пять завтраков (по 250 рублей каждый) для представителей финской делегации было выделено 1250 рублей²⁵⁹

Смешанная комиссия по обмену военнопленными между СССР и Финляндией осуществляла свою деятель-

ность с 14 по 28 апреля 1940 года. За время работы было проведено шесть заседаний – 14, 15, 16, 18, 27, 28 апреля 1940 года, на которых были предприняты попытки решить следующие вопросы:

- порядок передачи пленных обеих армий;
- возвращение военнопленных финской армии, захваченных после 12 часов 13 марта 1940 года, то есть после прекращения боевых действий;
- наведение справок о пропавших без вести;
- сроки передачи больных и раненых военнопленных.

На первом заседании комиссии обе стороны обменялись данными о количестве военнопленных, содержащихся на их территории. Советский Союз объявил о 706 финских военнопленных, а Финляндия о 5395 советских пленных. На этом же заседании члены комиссии установили приблизительные даты передачи пленных. Советский Союз заявил, что готов осуществить репатриацию финских военнопленных 16 апреля 106 человек и 20 апреля – 600 человек. Финская сторона обязалась передать советских военнопленных в установленные сроки:

17 апреля – 800

20 апреля – 800

21 апреля – 800

22 апреля – 800

23 апреля – 800

24 апреля – 800

25 апреля – всех остальных военнопленных, кроме больных и тяжело раненных, которые должны были передаваться по мере их выздоровления.

На пятом заседании комиссии (27 апреля 1940 года) стороны договорились и о сроках возвращения последней категории военнопленных. Первая передача должна была состояться 10 мая. По оценкам комиссии, финская сторона могла вернуть в СССР группу в 70–100 человек, Советский Союз – около 40 финских больных и тяжело раненных военнопленных. Следующий обмен предусматривался 25 мая, когда должны передаваться все остальные пленные, состояние здоровья которых допускало транспортировку. Как видно из приве-

денных выше цифр, обе стороны еще не имели полных сведений о точном числе находящихся у них военнопленных. Но данные уточнялись, и к моменту прекращения работы Смешанной комиссии стороны уже располагали более полной и точной информацией о количестве военнопленных.

Помимо обмена военнопленными комиссия занималась розыском пропавших без вести военнослужащих РККА, финских солдат, офицеров, иностранных добровольцев, служивших в финской армии, а также гражданских лиц.

Перед последним, шестым заседанием Смешанной комиссии (28 апреля 1940 года) комбриг Евстигнеев получил телеграмму-молнию за подписью Деканозова²⁶⁰ В ней, в частности, отмечалось несколько моментов, на которые следовало обратить особое внимание советской делегации:

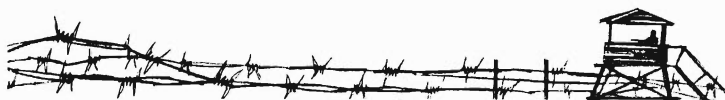
1. В соответствии с принципами международного права Гаагской конвенции 1907 г. «О законах и обычаях войны» и Женевской конвенции 1929 г. о военнопленных потребовать от финской стороны вернуть все личные документы, личное имущество и деньги советских военнопленных;

2. Вернуть в СССР всех военнопленных, находящихся под судом, следствием, находящихся в тюрьмах и других местах заключения;

3. Добиться внесения в протокол заседания фактов использования финской стороной советских военнопленных на работах оборонительного характера в Финляндии;

4. Потребовать от финнов справку о всех еще не возвращенных, умерших и не пожелавших вернуться в СССР советских военнопленных²⁶¹

Целесообразно также отметить, что в процессе работы комиссии и обмена пленными решались вопросы, связанные с возвращением личного имущества и денежных средств, изъятых у пленных на приемных пунктах и в лагерях для военнопленных на территории СССР и Финляндии. Советская сторона заявила, что у русских военнопленных в Финляндии были отобрааны:

денег – 285 604, 00 рублей;
паспортов – 180;
комсомольских билетов – 175;
партийных документов – 55;
профсоюзных билетов – 139;
военных билетов – 148;
трудовых книжек – 12;
часов – 305;
удостоверений личности – 14.

Кроме того, во время обмена военнопленными в СССР в составе одной из групп было передано 25 бывших советских пленных, которые заявили, что в Финляндии у них конфисковали 41 374 финских марки. Вероятнее всего, судя по отобранному у них специальному снаряжению и экипировке, некоторые из них были членами диверсионных и разведывательных групп, агентами разведывательного отдела Северо-Западного фронта. Это подтверждают и вернувшиеся из финского плена красноармейцы:

«Когда нас готовили к отправке на родину, мы видели наших парашютистов... 21 человек переодетые в финскую форму... Эти товарищи просили передать нас, чтобы мы передали своему правительству о них...»

14 мая 1940 года на имя капитана госбезопасности Сопруненко пришла телеграмма из Ленинградского военного округа за подписями начальника ЛВО комбрига Евстигнеева и комиссара РО ЛВО батальонного комиссара Гусакова:

«Прошу Вашего распоряжения о допуске к опросу возвратившихся из Финляндии военнопленных, бывших агентов разведотдела Северно-Западного Фронта и армий, в различное время задержанных в Финляндии при ходке на выполнение спец. заданий, что крайне необходимо для выяснения причин провала и учета недостатков в подготовке. Для проведения опроса командирован майор тов. Померанцев. Основание: Телеграфное распоряжение Заместителя Наркома Оборонны комдива тов. Проскурова».

Финская сторона, в свою очередь, заявила, что у финских военнопленных на территории СССР бы-

ло отобрано личное имущество – часы, золотые кольца, перья и т. д. на сумму 160 209 финских марок и деньги 125 800 финских марок. Всего на сумму 286 009 финских марок.²⁶² 21 апреля 1940 года советский уполномоченный комиссии старший политрук Шумилов передал финской стороне 19 873 марки 55 пенни²⁶³ Таким образом, каждый их финнов к моменту пленения должен был иметь при себе в среднем около 150 марок. Однако несмотря на то, что по существующим в СССР инструкциям личные вещи, валюта и ценные предметы должны были регистрироваться и храниться, в недрах НКВД таинственным образом исчезло свыше ста тысяч финских марок. Впрочем, неизвестно, осели ли деньги в НКВД или у мародеров, или финны завышали суммы отобранных у них вещей. Целесообразно также заметить, что и финская сторона передала в СССР до окончания работы Смешанной комиссии лишь малую толику из отобранных у советских пленных личных вещей. К сожалению, исследователи не располагают точными сведениями о возврате остального имущества финским и советским военнопленным после Зимней войны.

Организация возвращения на родину (Зимняя война)

Основной обмен пленными производился на станции Вайниккала. За это время на родину вернулись 847 финна (20 остались в СССР) и 5465 советских солдат и командиров (по данным В. Галицкого – 6016).

Говоря о советских военнопленных периода Зимней войны, надо отметить, что проблема взаимоотношений советского государства со своими соотечественниками, оказавшимися в плену, прошла несколько этапов. Российская империя в XIX–XX веках подписала все основные конвенции об обращении с военнопленными. При этом немаловажное внимание уделялось и своим солдатам и офицерам, захваченным противником. Вернувшихся на родину встречали как героев. После революции 1917 года ситуация постепенно начинает меняться. Россия заявляет о своем выходе из войны, но пробле-

ма пленных остается. Советское государство заявило об ответственности за судьбы военнопленных, и уже в апреле 1918 года в соответствии с декретом Совета народных комиссаров создается Центральная комиссия по делам пленных и беженцев (Центропленбеж) при Народном комиссариате по военным делам.

В июле 1918 года на V Всероссийском съезде Советов делегаты приняли «Приветствие русским военнопленным, находящимся в различных местах». В этом документе предписывалось всем губернским советам создать специальные отделы по организации помощи пленным, которые должны были вести свою работу в тесном контакте с Центропленбежом. Отделы должны были немедленно начать сбор хлеба и предметов первой необходимости для отправки их военнопленным²⁶⁴. Более того, Совет народных комиссаров в своих постановлениях от 16 ноября 1918 года, 18 мая 1919 года, 9 июня 1920 года и 5 августа 1920 года назначил денежную компенсацию русским военнопленным Первой мировой войны и военнослужащим Красной Армии и флота, вернувшимся из вражеского плена. Денежная помощь оказывалась и членам семей пленных.

Однако Гражданская война внесла свои коррективы, и несмотря на то, что РСФСР гарантировала гуманное отношение к военнопленным независимо от государственной и национальной принадлежности, данное положение не всегда соблюдалось. Крайне ожесточенный характер войны, в которой обе стороны понесли колоссальные потери²⁶⁵, бескомпромиссность политической борьбы зачастую не позволяли соблюдать самые элементарные нормы обращения с военнопленными. И красные, и белые допускали массовые убийства и пытки пленных.

С середины 20-х годов в СССР сложилась обстановка всеобщего недоверия, подозрительности и шпионмании. Все это естественным образом нашло отражение и в Уголовном кодексе СССР в отношении к военнопленным. Уже с 20-х годов в советском уголовном законодательстве появляются статьи, предусматривающие ответственность за сдачу в плен. В этом случае на во-

еннослужащих Красной Армии и Рабоче-крестьянского Красного Флота распространялись действия 58-й и 193-й статей Уголовного кодекса РСФСР, предусматривавшие смертную казнь с конфискацией имущества за измену родине – шпионаж, выдачу военной и государственной тайны, побег за границу, переход на сторону противника и вторжение на территорию СССР в составе вооруженных банд²⁶⁶ Репрессиям подвергались и члены семьи военнослужащего, если они знали о его намерениях, но не довели это до сведения властей. В этом случае они осуждались на срок до пяти лет с конфискацией имущества. Остальные члены семьи лишались избирательных прав и подлежали высылке в отдаленные районы Сибири сроком на пять лет.

Более детально аналогичные действия, совершенные военнослужащими, прописывались в 193-й статье УК РСФСР, предусматривающей наказания за воинские преступления. В соответствии с этой статьей воинскими преступлениями признавались деяния, направленные против установленного порядка несения военной службы, совершенные военнослужащими и военнообязанными запаса Рабоче-крестьянской Красной Армии, а также гражданами, состоящими в особых, образуемых в военное время командах для обслуживания тыла и фронта.

Попавшим в окружение рядовым и младшим командирам периода Зимней войны часто инкриминировали «самовольное оставление части или места службы», «побег из части» или «самовольное оставление части или места службы в боевой обстановке» (ст. 193-7–193-9). Офицеры и политработники попадали под действие статьи 193-21 – «самовольное отступление начальника от данных ему для боя распоряжений, в целях способствованию неприятелю».

Статья 193-22 предусматривала расстрел за самовольное оставление поля боя, отказ действовать оружием во время боя, сдачу в плен и переход на сторону противника. Здесь существовала оговорка: «сдача в плен, не вызвавшаяся боевой обстановкой». Таким образом, подразумевалось, что существовали некоторые обстоя-

тельства, например ранение и т. п., при которых пленение не рассматривалось как уголовно наказуемый поступок. Но на деле все оказывалось не так. Даже ранение нередко не влекло за собой освобождения от ответственности за сдачу в плен.

Уголовная ответственность, а точнее, расстрел предусматривался статьей 193-20: «Сдача неприятелю начальником вверенных ему военных сил, оставление неприятелю, уничтожение или приведение в негодность начальником вверенных ему укреплений, военных кораблей, военно-летательных аппаратов, артиллерии, военных складов и других средств ведения войны, а равно непринятие начальником надлежащих мер к уничтожению или приведению в негодность перечисленных средств ведения войны когда им грозит непосредственная опасность захвата неприятелем и уже использованны все способы сохранить их, если указанные в настоящей статье действия совершены в целях способствованию неприятелю...»

Можно еще долго перечислять части и параграфы статьи 193 УК РСФСР, но результат будет один: в большинстве случаев она предусматривала «высшую меру социальной защиты с конфискацией имущества» за совершенные проступки.

Анализируя 193-ю статью, можно прийти к интересному выводу: предусматривая жесткие меры наказания за сдачу в плен военнослужащих Красной Армии, она в то же время делала более защищенным положение иностранных военнопленных. Так, параграф 29 (пункты А и Б этой статьи) предусматривал лишение свободы на срок до трех лет или применение наказания в соответствии с правилами дисциплинарного устава РККА за «дурное обращение с пленными, или сопряженное с особой жестокостью или направленное против больных и раненых, а равно небрежное исполнение обязанностей в отношении указанных больных и раненых лицами, на которых возложены их лечение и попечение о них»²⁶⁷ Таковы вкратце основные положения статей Уголовного кодекса РСФСР, касавшиеся наказаний за воинские преступления, если пленение вообще можно

считать преступлением. Но советскому законодательству того времени был присущ обвинительный уклон. После окончания Зимней войны практически всех бывших советских военнопленных решением Особого совещания НКВД СССР осудили к заключению в исправительно-трудовых лагерях системы ГУЛАГа. Таким образом, изначально советское государство рассматривало своих граждан, оказавшихся во вражеском плену, как уголовных преступников.

С момента пересечения линии государственной границы с бывшими советскими пленными проводились беседы и допросы специальными группами военных дознавателей, состоящими из политруков. Анализируя «Акты санитарного состояния военнопленных, донесения о беседах с ними и сведения о количестве отобранных ценностей и документов финскими властями», можно выделить несколько основных групп вопросов, с особой тщательностью выяснявшихся у бывших советских пленных:

1. Нормы продовольственного снабжения советских военнопленных в Финляндии, питание пленных в лагерях и тюрьмах.

2. Обращение с советскими военнопленными в лагерях, местах временного содержания и тюрьмах Финляндии со стороны гражданских и военных властей.

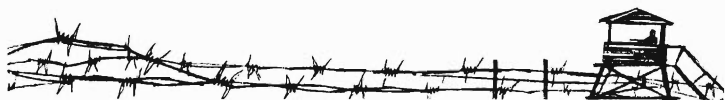
3. Антисоветская работа с военнопленными.

4. Выявление предателей и изменников Родины из числа советских военнопленных.

5. Выяснение имен и фамилий советских военнопленных, не пожелавших вернуться в СССР после окончания боевых действий.

6. Настроения вернувшихся в Советский Союз военнопленных.

Далее события развивались так. 19 апреля 1940 года решением Политбюро (за подписью Сталина) предписывалось всех пленных, возвращенных финской стороной, направлять в Южский лагерь НКВД СССР (Ивановская обл.) ранее предназначенный для финнов. «В трехмесячный срок обеспечить тщательное проведение оперативно-чекистских мероприятий для выявле-

ния среди военнопленных лиц, обработанных иностранными разведками, сомнительных и чуждых элементов и добровольно сдавшихся финнам с последующим преданием их суду». С момента пересечения государственной границы с бывшими советскими военнопленными началась оперативная работа.

Данные о «невозвращенцах» получали от военнопленных. «Военнопленный Михет <...> знает фамилию танкиста, который сдался в плен вместе с танком, без сопротивления». Или же: «Младший лейтенант Антипин... остался и переодет в финскую одежду, отправлен по неизвестному направлению. Дал согласие писать мемуары». Постепенно на основании таких показаний были выяснены фамилии невозвращенцев. 6 июня Сопруненко отправляет в Москву «список лиц, находившихся в плену в Финляндии и отказавшихся вернуться в СССР».

На основании допросов в апреле 1940 года СССР представил Финляндии список своих военнопленных, удерживаемых на ее территории, из 99 фамилий. Однако финские власти заявили, что у них находятся 74 военнопленных. Из них Финляндия передала советской стороне 35 человек. В соответствующем документе финской стороны имелись следующие цифровые данные:

ВОЗВРАЩЕНО		НЕ ВОЗВРАЩЕНО	
Русские	33 чел.	Украинцы	21 чел.
Белорусы	1 чел.	Татары	2 чел.
Грузины	1 чел.	Узбеки	2 чел.
Армяне	1 чел.	Башкиры	1 чел.
Евреи	1 чел.	Карелы	
Латыши	1 чел.	олонецкие южные	1 чел.
Болгары	1 чел.	тверские	1 чел.
Коми	1 чел.	Ингерманландцы	1 чел.
		Поляки	1 чел.
Всего	39 чел.	Всего	35 чел.

Таким образом, Финляндия не спешила отдавать нерусских военнопленных. Русских передавали быстрее.

Видимо, были опасения, что СССР будет настойчиво требовать выдачу именно русских.

Однако в документе была сделана любопытная приписка относительно лиц, не указанных в этом общем списке возвращаемых Финляндией военнопленных:

«Дополнительно примерно 30 русских перебежчиков, которых не возвратят потому, что должностные лица тюрьмы им это обещали, что их не вернут. Капитан Раск объявил о них 15/4-40, министр иностранных дел (неразборчиво) 16/4 пленных направили в Коккола».

То есть в Финляндии находились еще как минимум 30 человек, которые не просто не желали возвращаться в СССР, но которым было дано обещание, что их не выдадут советским властям. Однако советские органы власти это не смущало. Они упорно предпринимали всяческие усилия по их возвращению на родину. В частности, 18 ноября 1940 года в Финскую миссию поступила просьба «довести до сведения Правительства Финляндии, что Советская сторона настаивает на возвращении в Советский Союз оставшихся в Финляндии 20 человек в/пленных из числа военнослужащих Красной Армии».

На этот демарш финны никак не ответили. Но указанные просьбы СССР не прекращались. Он настаивал на выдаче ему не пожелавших возвращаться на родину. И несмотря на то что некоторые советские военнопленные несколько раз подавали прошения в различные государственные органы власти Финляндии о том, чтобы их оставили там, большая часть из них под давлением советских властей была репатриирована в Советский Союз. При этом некоторые из них были просто обменены на граждан Финляндии, оставшихся в СССР.

Последний такой обмен произошел 21 апреля 1941 года. Тогда рядовой Никифор Дмитриевич Губаревич, проживавший до Зимней войны в Белоруссии, находившийся в тюрьме города Миккели с 21 марта 1940 года, несмотря на то, что четырежды подавал про-

шение о неотправлении его в СССР, был обменен на гражданина Финляндии торговца Юрье Николай Ниеминена.

Но только с началом войны Продолжения решилась судьба оставшихся в Финляндии 20 советских пленных. Начальник отдела организации Ставки полковник С. Исаксон и начальник правительственного отдела майор Тапио Тарьянне сообщили в МИД, что так как упомянутые советские военнопленные «не выражали желание возвратиться в СССР в организованном обмене военнопленными после войны 1939–40 гг., то они больше не являются пленными, находящимися в Финляндии. Их следует рассматривать как иностранных граждан, проживающих в стране, о которых Правительство дает распоряжение». При этом, отвечая на возможные упреки СССР по поводу своей национальной безопасности, в документе заранее подчеркивалось: «Ставка также заявляет, что никто из них не может быть использован на работах оборонного назначения».

После того как обмен военнопленными закончился, государственные органы власти и Финляндии и СССР предпринимали много усилий *по расследованию обстоятельств пропажи военнослужащих* и их дальнейшей судьбы на территории воевавших стран. Обе стороны не забывали о тех, кто не вернулся с боевых заданий.

Так, например, 17 июля 1940 года Полномочное Представительство Союза ССР в Финляндии обратилось с просьбой в Министерство иностранных дел Финляндской Республики с просьбой навести справку о нахождении в числе военнопленных летчика М. И. Максимова, совершившего 21 февраля 1940 года «посадку на финском заливе». Аналогичная просьба содержалась и в обращении от 25 ноября 1940 по поводу летчика Н. А. Шалина, совершившего вынужденную посадку на финской стороне 8 марта 1940 года. Но выяснить, что же произошло с этими летчиками, по-видимому, по прошествии времени или из-за отсутствия свидетелей не удалось. На обеих приведенных нами просьбах советской стороны имеется короткая и однозначная по-

метка финских властей: «Сведений о пленении нет». Это и было передано советскому уполномоченному.

Одним из специальных вопросов, которому советские следователи уделяли довольно много внимания, был вопрос об избиениях и издевательствах над красноармейцами в плену. Бывшие пленные рассказывали, что над ними издевались не только финские охранники, но и некоторые свои же товарищи по плену. Особенно свирепствовали, по мнению дознавателей, «военнопленные из числа карел». В политдонесениях отмечалось: «Бывший младший командир, ныне пленный Орехов, попав в плен, был назначен старшиной барака, он безжалостно избивал военнопленных... Дидюк, карел, был переводчиком, избивал военнопленных... Гвоздович из города Калинина, был старшим палаты, избивал своих, отбирал советские деньги, проигрывал их в карты, купил себе комсоставовскую гимнастерку у пленного командира<...>». И таких показаний очень много. Но все-таки это не было системой. Отнюдь не все карелы были предателями. Стоит учитывать, при каких обстоятельствах была получена эта информация. С уверенностью можно сказать, что они действительно пользовались некоторыми привилегиями как «дружественная нация» (по финской классификации). А так как многие понимали финский язык, то их назначали старшими бараков, переводчиками и помощниками надзирателей.

Оперативная работа продолжалась и в Южском лагере. К июню 1940 года в нем находились 5175 красноармейцев и 293 командира и политработника, переданных финнами. В своем докладе Сталину Берия отмечал: «...среди военнопленных выявлено шпионов и подозрительных по шпионажу 106 человек, участников антисоветского добровольческого отряда – 166 человек, провокаторов – 54, издевавшимися над нашими пленными – 13 человек, добровольно сдавшихся в плен – 72». Для чекистов все военнопленные априори были изменниками Родины. Старший лейтенант 18-й стрелковой дивизии Иван Русаков вспоминал об этих допросах так:

«...Следователи не верили, что большинство из нас попали в плен в окружении... Спрашивает:

– Ранен?

– Я контужен и обморожен, – отвечаю.

– Это не ранение.

Говорю:

– Скажите, я виновен в том, что попал в плен?

– Да, виновен.

– А в чем моя вина?

– Ты давал присягу сражаться до последнего дыхания.

Но когда тебя взяли в плен, ты же дышал.

– Я даже не знаю, дышал я или нет. Меня подобрали без сознания...

– Но когда ты очухался, ты же мог плюнуть финну в глаза, чтоб тебя пристрелили?

– А смысл-то в этом какой?!

– Чтоб не позорил. Советские в плен не сдаются».

После расследования обстоятельств пленения и поведения в плену 158 человек, из числа находящихся в лагере бывших военнопленных были расстреляны, а 4354 человека, на которых не было достаточных материалов для передачи их суду, но подозрительных по обстоятельствам пленения, решением Особого совещания НКВД СССР осудили к заключению в исправительно-трудовых лагерях сроком от пяти до восьми лет. Лишь 450 бывших пленных, попавших в плен ранеными, больными и обмороженными, освободили от уголовной ответственности.

Финские военнопленные

Репатриация финских военнопленных началась в соответствии со сроками, установленными на заседаниях Смешанной комиссии. 16 апреля 1940 года первая партия финских военнопленных в количестве 107 человек пересекла линию государственной границы. В тот же день заместитель наркома внутренних дел Чернышов, который, как мы помним, курировал работу УПВИ распорядился подготовить финских военнопленных, содержавшихся в Грязовецком лагере, к отправке в Финляндию. В соответствии с этим приказом комбриг

Евстигнеев отправляет на имя начальника 3-го отдела штаба Ленинградского военного округа комбрига Тулупова телеграмму-молнию следующего содержания:

«Прошу перевести 600 человек военнопленных финнов из лагеря военнопленных в Грязовец. Эшелон подать на ст. Грязовец Северной железной дороги из расчета, что он к 9.00 20.4.40 г. должен быть на черте границы у станции Вайниккала, на железной дороге Выборг – Симола». Конвоирование и продовольственное обеспечение финских пленных при транспортировке в Выборг возлагалось на руководство лагеря.

Через два дня, 18 апреля 1940 года, Евстигнеев приказал не позднее 24 апреля перевести всех здоровых финских военнопленных, находящихся в госпитале г. Боровичи в Сестрорецкий приемный пункт для последующей передачи на родину. Уже к 23 апреля в военном госпитале г. Боровичи финнов ждал конвой из состава войск НКВД, а на железнодорожной станции – четыре вагона-теплушки, которые должны были доставить их к семи часам утра 26 апреля на станцию Выборг. Руководству госпиталя было отдано распоряжение обеспечить пленных продуктами на дорогу из расчета на четверо суток. В составе этой группы переданных Финляндии по условиям мирного договора был 151 человек из военнослужащих финской армии.

Целесообразно также отметить, что в соответствии с «Временной инструкцией о работе пунктов НКВД по приему военнопленных» от 29.12.1939 года и распоряжением Чернышова эшелон с пленными (20 вагонов) из Грязовецкого лагеря помимо конвоя сопровождали начальник лагеря, начальники особого и учетного отделов и сотрудник санитарного отдела лагеря – фельдшер. На дорогу каждому военнопленному выдавался сухой паек. В него входили: 3 кг хлеба, сельди или консервов – 700 г, чая – 6 г, сахара – 150 г, мыла – 100 г, махорки – 1 пачка, спичек – 2 коробка. Как мы видим из приведенных выше цифр, количество продуктов, выданных финнам в дорогу, превышало нормы отпуска продовольствия военнопленным, установленные Экономическим советом при СНК СССР 20 сентября 1939 года. 20 апре-

ля 1940 года группа военнопленных из Грязовецкого лагеря в количестве 575 человек была передана финским военным властям.

Непосредственный обмен военнопленными проводился на границе в одном километре восточнее финской железнодорожной станции Вайниккала. С советской стороны его осуществляли капитан Зверев и старший политрук Шумилов, а с финской стороны – капитан Вайнюля.

10 мая 1940 года советская сторона в соответствии с принятыми договоренностями передала Финляндии пять человек шведских добровольцев²⁶⁸, военнослужащих финской армии, содержавшихся в Грязовецком лагере НКВД: трех офицеров, одного сержанта и одного рядового. А 16 мая 1940 года начальник УПВИ Сопруненко направил распоряжение начальнику Свердловского УНКВД немедленно отправить в сопровождении конвоя и медицинского персонала трех финских пленных, находящихся на излечении в Свердловском госпитале.

Анализируя документы, относящиеся к деятельности советско-финской комиссии по обмену военнопленными, необходимо отметить, что ее работа проходила без особых осложнений. 9 июня 1940 года председатель межправительственной комиссии по обмену военнопленными комбриг Евстигнеев, подводя итоги ее деятельности, представил «Доклад о работе смешанной комиссии по обмену военнопленными между СССР и Финляндией». В этом документе, в частности, отмечалось, что обмен военнопленными проходил в следующие сроки: передача финских военнопленных состоялась 16, 20 и 26 апреля, 10 и 25 мая, 7 июня 1940 года, а прием советских военнопленных – 17, 20, 21, 22, 23, 24, 25 и 26 апреля, 10 и 25 мая, 7 июня 1940 года.

В Финляндию были переданы 838 человек бывших военнопленных финской армии и 20 изъявили желание не возвращаться на родину. Среди переданных в Финляндию военнопленных было:

- начсостава – 8 человек,
- младшего начсостава – 152 человека,
- рядовых – 615 человек.

Среди раненых военнопленных, находившихся в госпиталях на территории СССР:

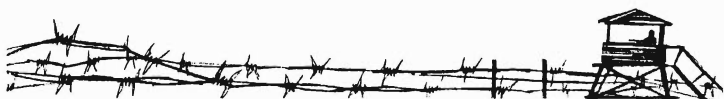
- начсостава – 2 человека,
- младшего начсостава – 8 человек,
- рядовых – 48 человек.

Однако несмотря на то, что комиссия закончила свою работу еще в апреле, обмен бывшими военнопленными и интернированными гражданскими лицами продолжался на всем протяжении межвоенного периода 1940–1941 годов. Обе стороны неоднократно направляли друг другу запросы, пытаясь установить судьбу пропавших без вести. Впрочем, вполне очевидно, что СССР так и не передал Финляндии всех ее граждан после окончания советско-финляндского военного конфликта 1939–1940 годов, так как еще в 50-е годы на родину возвращались финны, взятые в плен во время Зимней войны.

Работа с вернувшимися из плена (Зимняя война)

И вот, наконец, бывшие финские военнопленные пересекли новую линию государственной границы и оказались в Финляндии. Плен окончился. Но домой финские военнослужащие, возвращенные по условиям мирного договора, попали не сразу. Сначала им предстояло пройти проверку в фильтрационных пунктах для бывших военнопленных. В отличие от войны Продолжения, когда все пленные были сосредоточены в лагере г. Ханко, после Зимней войны единого места для фильтрационной проверки не было. Большую часть бывших финских военнопленных допрашивали в Хельсинки. Однако с передаваемых осенью 1940-го – весной 1941 года финских пленных снимали показания, например в Иматре, Коуволе, Миккели и других местах.

С момента пересечения линии государственной границы с бывшими финскими военнопленными проводились беседы и допросы специальными группами военных дознавателей. Можно выделить несколько основных вопросов, которые с особой тщательностью выяс-

нялись у вернувшихся из плена солдат и офицеров финской армии.

1. Обстоятельства пленения.
2. Обращение с военнопленными в момент пленения.
3. Условия конвоирования и охраны при транспортировке к местам временного и постоянного размещения пленных.
4. Условия содержания в лагерях и приемных пунктах для военнопленных.
5. Нормы продовольственного снабжения пленных в СССР, питание финских военнопленных в тюрьмах НКВД СССР.
6. Медицинское обслуживание в лагерях и госпиталях на территории Советского Союза.
7. Конфискованное у военнопленных личное имущество и денежные средства.
8. Использование фотографий военнопленных финнов в листовочной пропаганде Красной Армии.
9. Условия проведения и содержание допросов пленных, проводившихся сотрудниками органов НКВД.
10. Вербовка финских военнопленных органами госбезопасности СССР.
11. Пропагандистская работа с финнами в лагерях и приемных пунктах.
12. Пропагандистская работа финских коммунистов среди военнопленных.
13. Выяснение имен и фамилий финских военнопленных, не пожелавших вернуться из СССР после окончания боевых действий.
14. Выяснение имен и фамилий перебежчиков.
15. Вооружение и количество вражеской армии.
16. Обращение с финскими военнопленными в лагерях, местах временного содержания и тюрьмах со стороны гражданских властей.
17. Настроения вернувшихся в Финляндию военнопленных.

Приведенный выше список не является официальным, он составлен мной на основании наиболее часто задававшихся вопросов. Вполне естественно, что в одних протоколах допросов он представлен целиком, в

других – лишь выборочно. Однако он дает представление о том, что больше всего интересовало финских военных дознавателей.

После расследования обстоятельств пленения и поведения в плену 35 человекам бывших финских военнопленных, возвращенных в Финляндию из СССР, были предъявлены обвинения по подозрению в шпионаже в пользу СССР и измене родине. 30 бывших военнопленных осуждены судом и приговорены к различным срокам заключения – от четырех месяцев до пожизненного. Большая часть осужденных получила срок от шести до 10 лет тюремного заключения. Пять человек были освобождены из-за недостаточности улик против них²⁶⁹

Информацию, полученную в результате опроса бывших финских военнопленных, военные и гражданские власти Финляндии использовали в разных целях, но в основном при разработке и планировании пропагандистской кампании в преддверии и во время войны Продолжения.

Возвращение на родину пленных войны Продолжения

В сентябре 1944 года длившаяся почти три с половиной года война Продолжение закончилась. Союз Советских Социалистических Республик и Финляндия заключили перемирие. Этого события ждали многие люди, но особенно – финские и советские военнопленные, находящиеся в лагерях СССР и Суоми.

Но сначала вернемся немного назад. Итак, как мы помним, большинство советских военнопленных периода Зимней войны решением Особого совещания НКВД СССР осудили к заключению в исправительно-трудовых лагерях сроком от пяти до восьми лет. Военнопленным войны Продолжения в этом смысле повезло несколько больше. Хотя начало войны не предвещало ничего хорошего и для них. Первые месяцы кампании еще раз доказали несостоятельность бытовавшего в то время тезиса военного и политического руководства СССР о ведении боевых действий на чужой территории и ма-

лой кровью. Это же положение подразумевало, что массовое пленение советских солдат и командиров маловероятно. Но история внесла свои коррективы в развитие событий. Ведя тяжелые оборонительные бои, Красная Армия отступала, неся большие потери в живой силе. Огромное количество советских солдат и офицеров попало в плен. Цифры исчисляются миллионами. Только за первые полгода войны в плен попало свыше трех миллионов человек.

В самом начале Великой Отечественной войны, 30.06.1941 года, решением Президиума Верховного Совета СССР был образован Государственный Комитет Оборонны(ГКО), являвшийся в 1941–1945 годах высшим и чрезвычайным органом государственной власти, руководил деятельностью всех ведомств и учреждений Советского Союза. Председателем был назначен И. В. Сталин. Прообразом ГКО являлся Совет Рабочей и Крестьянской Оборонны, действовавший в РСФСР в годы Гражданской войны под руководством В. И. Ленина.

Через три недели после начала войны, 16 июля 1941 года ГКО принял специальное постановление, призывающее уничтожать трусов и дезертиров. Этот документ доводился до сведения личного состава РККА. В нем, в частности, отмечалось, что наряду с тем, что части Красной Армии ведут героическую борьбу против немецких захватчиков, отдельные бойцы и командиры «проявляют неустойчивость, паникерство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушают присягу, превращаясь в стадо баранов, в панике бегущих перед обнаглевшим противником...

...Паникер, трус, дезертир хуже врага, ибо он не только подрывает наше дело, но и порочит честь Красной Армии. Поэтому расправа с паникерами, трусами и дезертирами и восстановление воинской дисциплины являются нашим священным долгом, если мы хотим сохранить незапятнанным великое звание воина Красной Армии.

В связи с этим ГКО требует от командиров и политработников всех степеней...чтобы они не давали паникерам, трусам и дезертирам порочить великое знамя

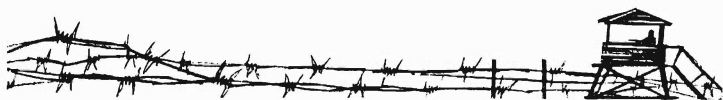
Красной Армии и расправлялись с ними, как с нарушителями присяги и изменниками Родины»²⁷⁰

Таким образом, фактически была узаконена внесудебная расправа не только над дезертирами, но и над военнопленными, бежавшими из плена, так как именно они подходили под категорию «нарушителей присяги и изменников Родины».

Однако таких мер оказалось явно недостаточно. 16 августа 1941 года выходит Постановление № 270 Ставки Верховного Главнокомандования за подписями Сталина, Молотова, Буденного, Ворошилова, Шапошникова, Тимошенко и Жукова. В соответствии с этим постановлением все командиры и политработники, сдавшиеся врагу, сорвавшие с себя во время боя знаки различия и ушедшие с передовой в тыл, считались злостными дезертирами. При задержании их предписывалось расстреливать. Для предотвращения дезертирства и сдачи в плен командирам напомнили, что их семьи также подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров. Если же попавшие в окружение воинские подразделения предпочтут сдаться в плен, вместо того чтобы пробиваться к своим, то их предписывалось «уничтожать всеми средствами, как наземными, так и воздушными».²⁷¹ Семьи попавших в плен рядовых лишались государственного пособия и помощи.

На практике эти постановления очень широко толковались и применялись не только к тем, кто переходил на сторону противника по доброй воле, но и к тем, кто попадал в плен в силу сложившихся обстоятельств, исчерпав все возможности к сопротивлению, без всякого объективного разбирательства обстоятельств пленения. На фронте это привело к тому, что упраздненные после Зимней войны заградительные отряды были созданы вновь и в 1941 году расстреливали рядовых и командиров без суда и следствия. Репрессии и самосуды достигли таких масштабов, что были отмечены даже в приказе наркома обороны № 0391 от 4 октября 1941 года. В нем, в частности отмечалось:

«За последнее время наблюдаются частые случаи незаконных репрессий и грубейшего превышения вла-

сти со стороны отдельных командиров и комиссаров по отношению к своим подчиненным...

...Суровая кара по отношению к злостным нарушителям воинской дисциплины, пособникам врага и явным врагам должна сочетаться с внимательным разбором всех случаев нарушения дисциплины, требующих подробного выяснения обстоятельств дела.

Необоснованные репрессии, незаконные расстрелы, самоуправство и рукоприкладство со стороны командиров и комиссаров являются проявлением безволия и безрукости, нередко ведут к обратным результатам, способствуют падению воинской дисциплины и политико-морального состояния войск и могут толкнуть нестойких бойцов к перебежкам на сторону противника»²⁷²

В соответствии с этим приказом виновных в рукоприкладстве и незаконных репрессиях сурово наказывали, вплоть до предания суду военного трибунала. Трудно установить точно, насколько этот приказ соблюдался. Но само принятие этого документа говорит о тревожной морально-политической обстановке в высших эшелонах власти, о невозможности больше игнорировать проблему попавших в окружение бойцов и командиров Красной Армии и военнопленных.

После тяжелых безвозвратных потерь в живой силе руководству СССР становится очевидно, что для пополнения действующей армии необходимо использовать не только внутренние резервы страны, но и вышедших из окружения и бежавших из плена военнослужащих Красной Армии. Большинство таких солдат и офицеров после соответствующей проверки вернулись в действующую армию.

По накатанному пути в конце декабря 1941 года ГКО принимает Постановление № 1069сс, определившее порядок фильтрации и проверки вышедших из окружения или освобожденных из плена «бывших военнослужащих Красной Армии». На следующий день, 28 декабря 1941 года, нарком внутренних дел Л. Берия издает приказ № 001735 «О создании спецлагерей для бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в пле-

ну и в окружении противника». В нем ответственность за фильтрационную проверку бойцов и командиров возлагалась на УПВИ. Таким образом, не только иностранные, но и бывшие советские пленные были введены под юрисдикцию УПВИ НКВД СССР, которое обладало опытом соответствующей работы.

Для всесторонней проверки вышедших из окружения и бежавших из плена солдат и командиров Красной Армии с целью выявления среди них изменников родины, шпионов и диверсантов приказом Берии предписывалось создать в кратчайшие сроки в системе УПВИ армейские сборно-пересыльные пункты (СПП) и специальные лагеря. Таким образом, общая группа военнопленных пополнились новым спецконтингентом – военнослужащими, большинство из которых не были в плену.

На СПП возлагались функции концентрации всех бежавших, освобожденных из плена и самостоятельно вышедших из окружения военнослужащих Красной Армии, их санитарная обработка и отправка в специальные лагеря НКВД. СПП административно подчинялись Управлению тыла армии, то есть не боевым частям. В частности потому, что спецконтингентом должны были заниматься люди, которыми было легче управлять, поскольку их можно было в случае чего припугнуть отправкой на передовую.

На СПП велся разнообразный предварительный учет поступивших. После прохождения санитарной обработки выявленных раненых и больных отправляли в специальные госпитали, а остальных – в предназначенные для них лагеря. Режим содержания на территории пунктов бывших военнопленных и вышедших из окружения солдат и командиров РККА был довольно жестким. Разумеется, переписка и свидания с родными, а также выход за пределы СПП были запрещены.

Для дальнейшей фильтрации бывших военнопленных и окруженцев (по советской терминологии того времени) УПВИ создало 10 специальных лагерей, многие из которых действовали еще в Зимнюю войну:

– для Карельского, Волховского и Северо-Западного фронтов – Грязовецкий и Череповецкий лагеря в Вологодской области;

– для Западного и Калининского фронтов – Южский (Ивановская область), Рязанский и Суздальский лагеря;

– для Юго-Западного и Брянского фронтов – Тамбовский, Подольский и Острогожский лагеря;

– для Южного фронта – Старобельский лагерь в Ворошиловградской и Новоаннинский в Сталинградской областях.

В середине 1942 года назначение некоторых из этих лагерей было изменено, поскольку надо было где-то размещать военнопленных чужих армий. В соответствии с приказом № 001156 от 3–8 июня 1942 года «Об изменении организационной структуры лагерей и приемных пунктов НКВД СССР для военнопленных» часть из них передали для создания лагерей-распределителей для пленных армий Германии и стран-сателлитов. Советский спецконтингент, судьбу которого дознавательные органы еще не решили, по указанию УПВИ переместили в другие специальные лагеря, уплотнив при этом санитарно-бытовые нормы содержания подневольных людей.

На протяжении всей войны количество специальных лагерей для освобожденных из плена военнослужащих Красной Армии менялось в зависимости от изменения их общей численности: 1942 год – 10, 1943 – 9, 1944 год – 14²⁷³. Увеличение лагерей в 1944 году объясняется в том числе и окончанием советско-финляндской войны. После нее Финляндия передала СССР почти 42,5 тысячи советских военнопленных.

Для тщательной личной проверки содержавшегося в лагере контингента в соответствии с «Временной инструкцией о порядке учета и содержания в специальных лагерях НКВД бывших военнослужащих Красной Армии» создавались особые отделы. Они изобличали изменников родины, дезертиров и шпионов и передавали их Особому совещанию НКВД для последующего наказания. Тех, на кого компрометирующих материалов собрать не удавалось, направляли в действующую армию.

Но в эти годы дознавательные органы действовали не столь примитивно и идеологически заданно, как после Зимней войны. Из 354 592 человек, прошедших фильтрацию к 1 октября 1944 года (без учета возвращенных Финляндией в 1944 году советских военнопленных), в части Красной Армии вернулись 249 416 человек. То есть особые отделы и Особое совещание реабилитировали около 70% бывших военнопленных и вырвавшихся из окружения (правда, не всех полностью, то есть некоторых без восстановления наград и званий).

По результатам проведенных расследований приблизительно 3%, или 11 556 человек, были арестованы. Остальных, прежде всего тех, кто не мог воевать, Особое совещание направило трудиться на производство и в другие хозяйственные органы. Это свидетельствует о произошедшем сдвиге в сторону значительного смягчения юридической интерпретации плена как предательства родины и измены социалистическому строю.

Конечно, в ходе расследования были выявлены и настоящие изменники родины. И в эту войну были перебежчики. Причем с обеих сторон. И ими соответствующие органы интересовались в первую очередь.

В январе 1943 года схема «СПП – специальный лагерь – военкомат действующая армия» претерпела некоторые изменения. Если в 1941–1942 годах специальная проверка на СПП проводилась лишь в редких случаях, в основном ее проводили в лагерях, то теперь она стала первоочередной задачей СПП. Ее осуществляли совершенно разные органы, иногда довольно случайные люди: представители особого отдела, военной прокуратуры, политического отдела армии, отдела кадров, отдела укомплектования армии. После прохождения такой, часто не очень глубокой проверки большинство солдат и офицеров направлялись в запасные полки действующей армии.

Однако эти изменения имели и отрицательные последствия для некоторых проверяемых людей. Так, многие из них с середины 1943 года в нарушение существовавшего нормативно-законодательного опреде-

ления, в частности без соответствующей полномасштабной проверки в специальных лагерях, направлялись в штрафные батальоны и роты. Офицеров разжаловали в рядовые, заявляя, что им вернут звания и должности, если они проявят себя, воюя в штрафных батальонах (конечно, если при этом они останутся в живых).

При специальных проверках были выявлены и те, кто сотрудничал с финскими властями, администрациями лагерей для советских военнопленных. В связи с тем, что российские архивы еще не вполне доступны исследователям, в настоящее время сложно установить точное количество осужденных за сотрудничество с финнами, измену родине и шпионаж в годы войны Продолжения. В нашем распоряжении имеются лишь отдельные протоколы допросов бывших пленных, проходивших фильтрационную проверку после побега из лагерей для военнопленных на территории Финляндии. Этого явно недостаточно.

Видимо, надо исходить из косвенных сведений. Так, по официальным данным, за время войны Продолжения из финского плена бежали военнослужащие Красной Армии и партизаны в количестве 721 человека. В этом пределе уже можно кое-что обнаружить, поскольку все они прошли в СССР соответствующую проверку. При этом надо иметь в виду, что основная масса так называемых фильтрационных дел, по имеющимся у нас сведениям, находится в территориальных архивах Федеральной службы безопасности.

В сентябре 1944 года Финляндия выходит из войны, а в октябре 1944 года советские войска подошли к границе Восточной Пруссии. В октябре 1944 года НКВД принимает решение о создании дополнительных, фронтовых СПП уже не только для приема бывших военнопленных, но и репатрируемого гражданского населения СССР. В их задачу входила медико-санитарная, политико-воспитательная и просветительская работа с поступающим новым контингентом. При этом осуществлялось отделение бывших военнослужащих от гражданского населения с последующей фильтрацией

первых и передачей благонадежных в распоряжение действующей армии.

Первыми начали репатриировать советских военнопленных из Финляндии. Первая партия пересекла линию государственной границы в районе Вайниккала уже 15 октября 1944 года. Согласно официальным советским данным, после войны Продолжения на родину вернулись 42 783 советских военнопленных, умерли в плену свыше 18 тысяч советских солдат и офицеров. По моему глубокому убеждению, репатриация русских военнопленных производилась в первую очередь из-за опасения советских властей, что часть плененных откажется возвращаться на родину. Эти опасения были небеспочвенны. Как во время Зимней войны, так и во время войны Продолжения финские власти обещали предоставить советским пленным убежище или выслать их в любую другую страну. Однако, если в 1940 году это обещание было в большей степени лишь пропагандистской акцией, так как после советско-финляндской войны в Финляндии остались 20 бывших военнослужащих РККА, а сведений о покинувших ее пределы нет, то совершенно иная ситуация складывалась после войны Продолжения. Уже имевшие представление о том, что с ними может случиться после репатриации, многие из советских военнопленных, нередко при попустительстве финских властей, бежали в Швецию. К сожалению, мы не располагаем точными цифрами по этому вопросу. Таким образом, у СССР были причины опасаться, что не все его граждане вернутся домой.

Послевоенная судьба советских военнопленных 1941–1944 годов была несколько «мягче», чем их соотечественников по Зимней войне. Об этом, например, свидетельствуют побывавшие в финском плену Н. Дьяков и В. Ёлкин. Они прошли проверку в 518-м фильтрационном лагере в Ткварчели (Абхазия). Первый, после завершения следствия в марте 1945 года, был направлен на работу в гражданскую, обычную промышленную организацию «Шахтстрой», а второго откомандировали даже в войска НКВД.

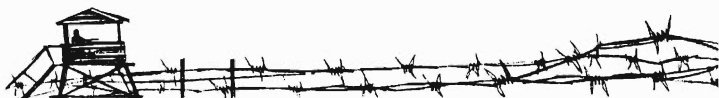

В. Ёлкин вспоминал об этом своем новом, полностью неожиданным для него поле деятельности, о причудливой игре военной случайности приблизительно так:

«Я там (в фильтрационном лагере. – Д. Ф.) попал в группу проверенных, 48 человек нас было, и отправили в Шатуру, в войска НКВД в охрану лагерей. Туда немцев привозили. Новые лагеря открылись, а охраны не хватало. В Шатуре я был еще два года с лишним. Потом лагерь перебросили в Люберцы, под Москву. Завод Ухтомского там есть, такой большой завод. Внутри завода находились. Они (немцы) в Шатуре работали на торфе, на сушке торфа. А с них толку-то, они не приспособлены, не было толку никакого. Теперь мы ролями поменялись. Я никакого, никакого зверства, что-нибудь из издевательства не допускал. Что ж, я знаю, как это, что за жизнь в плену».

Как вспоминают женщины-военнопленные, отношение к ним при возвращении на родину было более мягкое, чем к мужчинам. Военнопленная Васильева свидетельствует так: «...в Выборге вызывали на допросы и ночью и днем и несколько раз, видно, вот хотели что-то узнать. А потом спросили, я даже запомнила фамилию следователя – Мухин, – он спросил, «а куда вы хотите теперь»? То я вот сказала, что я не знаю, куда хотеть, я не знаю, где у меня кто есть. Вот он мне сказал: «Вы такая молодая, неопытная, не надо всем говорить, народ обозленный, не надо всем говорить, что вы были в плену». И отсюда вот я первый раз заполняла когда анкеты, я не писала о том, что была в плену. После прохождения проверки отправили на лесозаготовки в Ефимовский район Вологодской области. Здесь надо было и лес пилить стоя, в повале леса – это очень трудная работа».

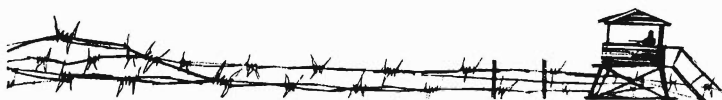
Другая бывшая пленная Евгения Адлер рассказывает: «Женщинам было легче. Женщин они почти всех опросили. Нас сто с чем-то было, так что им там опросить, ерунда. Некоторых отправили в госпитали, а некоторые в Эстонию уехали». Некоторых женщин после прохождения фильтрационной проверки отправили медсестрами в действующую армию.

Итак, военнопленным войны Продолжения в этом смысле повезло больше. Конечно, такого «счастливого» окончания плена не могло быть в Зимнюю войну. Да, определенная часть бывших пленных была осуждена органами НКВД за сотрудничество с администрацией лагерей. Это в большей степени опять коснулось ингерманландцев и карелов, которые, зная язык, были переводчиками, и офицеров Красной Армии, которые, следуя логике сотрудников НКВД, должны были покончить жизнь самоубийством, а не сдаваться в плен. Имели место и расстрелы советских пленных в Выборге. По словам бывшего военнопленного, ингерманландца Юхо Мельникова, из семи человек его группы троих расстреляли за сотрудничество с финнами. Не отрицая этих фактов, на основании документов из российских архивов все же можно отметить, что они не были массовыми. Хотя, разумеется, за каждым таким расстрелом – трагическая судьба конкретного человека.

Остальные военнопленные в большинстве своем достаточно быстро прошли фильтрационную проверку. Тут дело не в гуманности советских властей – в то время шло мощное наступление на Западном фронте и армии требовалось пушечное мясо. Трезво поразмыслив, руководство НКВД сочло возможным дать бывшим военнопленным загладить свою «вину». Тех, кто был относительно здоров, использовали для пополнения маршевых рот. Остальные, чье состояние здоровья не позволяло скорейшей отправки в действующую армию, отправили в глубь СССР.

Однако все равно и после войны Продолжения к пленным в СССР всегда и везде относились настороженно, с подозрением. И прежде всего при их устройстве на работу. Их не брали, в частности, на работу, связанную с зарубежными поездками и с доступом к секретным документам. Плен отрицательно сказывался на их продвижении по службе. Хотя бы уже потому, что им был затруднен прием в коммунистическую партию, от чего напрямую зависел подъем по служебной лестнице. Мало того, многие люди жалели бывших военнопленных, но не прощали им то, что они остались в

живых. Под влиянием общественного настроения бывшие военнопленные невольно испытывали чувство какой-то собственной вины. Они часто не говорили даже своим друзьям и знакомым о том, что находились в плену.

Определенные изменения к лучшему в отношении к этим жертвам войны, испытывшим моральное давление не только со стороны официальных органов, но и некоторой части населения, находившейся во власти неверных, обывательских представлений, наметились только после XX съезда КПСС. 29 июня 1956 года ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли Постановление «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей».

Это был документ, имевший по советской практике того времени нормативно-законодательную силу. В нем осуждались незаконные репрессии в отношении бывших пленных и их родных, практика незаконного разжалования командного состава, а также незаконные и провокационные по методу проводившиеся по их делам следствия. Постановление по-новому показало обществу проблему военнопленных и изменило настроение населения в их пользу.

Важно заметить, что в связи с выходом Постановления уже в 1956 году большинство дел бывших военнопленных было пересмотрено. Многим из них восстановили воинские звания и вернули правительственные награды. Хотя с большим опозданием, но справедливость была восстановлена. Лучше поздно, чем никогда.

Финны

Как и в 1940 году, после заключения перемирия, фактически объявлявшего войну Продолжение законченной, обе стороны, в соответствии с нормами международного права – Гаагской и Женевской конвенциями и межгосударственными соглашениями, объявили о готовности начать обмен военнопленными. В задачи созданной Контрольной комиссии, помимо прочего, входил и вопрос о репатриации пленных. Отличитель-

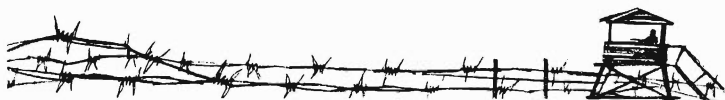

ной особенностью работы данного органа после войны Продолжения было то, что уполномоченные советского государства выезжали в лагеря на территории Финляндии и в значительной степени контролировали процесс подготовки к передаче русских пленных в СССР. Однако финские представители как во время Зимней войны, так и во время войны Продолжения, не были допущены в лагеря для военнопленных на территории Советского Союза.

К осени 1944 года большая часть финских военнопленных была сконцентрирована в одном месте – Череповецком лагере НКВД № 158. Как мы помним, СССР предпринял аналогичные действия в отношении финских пленных периода Зимней войны – тогда 600 человек перед отправкой в Финляндию также собрали в Грязовецком лагере. Однако теперь количество военнопленных было на порядок выше – в Череповецком лагере содержались 1806 военнопленных финской армии.

После завершения репатриации основного количества советских военнопленных настал черед финнов. Собранные в Череповецком лагере, они с нетерпением ждали часа отправления на родину, воспринимая каждую утреннюю поверку как подготовку к нему. УПВИ считало, что в первую очередь следует возвращать в Финляндию активистов-антифашистов и передовиков производства, то есть положительно зарекомендовавших себя военнопленных, а также больных и физически ослабленных пленных. Смысл этого заключается, по моему мнению, в том, чтобы: во-первых, отправить на родину потенциальных «солдат революции», с помощью которых можно донести идеи коммунизма до населения Финляндии; во-вторых, чтобы создать дополнительный стимул у оставшихся повышать производительность и качество труда, и в-третьих, избавиться от тех, чей труд в народном хозяйстве было уже неэффективно использовать.

Однако Советский Союз не мог отправлять в первой партии явно больных пленных, так как это не соответствовало его заявлениям о хороших условиях содержания и медицинского обслуживания в лагерях для воен-

нопленных. Поэтому такую группу следовало хотя бы немного подлечить. Но сами финны думали несколько иначе. Считая, что отправка больных может растянуться на долгое время, они не ходили на прием к врачу, тщательно скрывая свои болезни и отказываясь получать освобождение от работы. Этим, как мне кажется, и объясняется то обстоятельство, что финские военные власти расценивали эту партию как самую неблагополучную по состоянию здоровья.

Перед отправкой на родину финским военнопленным выдали заработанные ими за время пребывания в плену деньги. Но по советскому законодательству рубли нельзя было вывозить за пределы СССР²⁷⁴, а следовательно, их необходимо было потратить еще на русской территории. Так среди финских пленных возникла торговля. Некоторые, например, покупали у немцев газеты на самокрутки. Бывший военнопленный Теуво Алава вспоминает, что истратил имевшиеся у него рубли на покупку половины газеты *Freis Deutschland*. Впрочем, покупательная способность намного превышала предложение, и поэтому некоторые пленные просто выкидывали неистраченные деньги. После прибытия в Выборг финских военнопленных еще раз сверили со списками узнали, нет ли желающих остаться в СССР, после чего ждали отправления через границу.

Первая партия финских военнопленных в количестве 1252 человек, среди которых была лотта Кирсти Руотсалайнен и ее сын, рожденный в Череповецком лагере, пересекла линию государственной границы 23 ноября 1944 года. После краткой остановки на финской территории, приема пищи и медосмотра бывших пленным направили в фильтрационный лагерь в Ханко. Следующая группа финнов прибыла в Финляндию месяц спустя, 25 декабря 1944 года. В этой группе было уже гораздо меньше военнопленных, всего 551 человек.

Состояние здоровья репатрируемых из СССР финских пленным оставляло желать лучшего. 28 марта 1945 года в Финляндию прибыла третья партия — 89 военнопленных и 35 интернированных. Финские военные власти отмечали, что их самочувствие намного

лучше, чем у пленных, поступивших в предыдущих партиях. Однако 63 пленных были сразу же помещены в лагерный госпиталь со следующими диагнозами:

- туберкулез – 18 человек;
- раненые и инвалиды – 15;
- дизентерия – 8;
- истощение – 5;
- малярия – 3;
- гепатит – 3;
- тиф – 2;
- паратиф – 2;
- дифтерия – 1;
- общая слабость и температура – 5 человек.

Характерно отметить, что эти данные практически полностью подтверждают те сведения об общей картине заболеваемости иностранных военнопленных, которые приведены в отчете УПВИ НКВД СССР в 1944 году. Об этом я писал выше.

Четвертая партия военнопленных прибыла в Финляндию только 30 мая 1946 года, то есть спустя почти два года после окончания войны Продолжения. В ней были 34 человека – 18 военнопленных и 16 интернированных. Затем в Финляндию стали поступать отдельные пленные, по разным причинам остававшиеся на территории СССР.

Таким образом, в составе этих четырех партий в Финляндию после войны Продолжения вернулись 1926 человек. Имена вернувшихся объявили по радио, в газетах, а родным были отправлены письма.

Работа с вернувшимися из плена (война Продолжение)

Как и после Зимней войны, возвратившиеся на родину финские военнопленные проходили фильтрационную проверку. Для этой цели был выделен специальный лагерь в Ханко. Все пленные прошли медицинский осмотр, на котором выяснялось состояние их здоровья. Как мы помним из предыдущих глав, физическое состояние военнослужащих финской армии, возвращенных из СССР по условиям мирного договора, было

далеко от идеального. Помимо того, что многие еще страдали от разного рода заболеваний, практически у всех наблюдалась нехватка веса. Некоторые финские пленные весили меньше 40 килограммов. По пересечении границы финнам раздали гороховый суп и галеты, что вызвало у истощенных и изголодавшихся пленных, которые не смогли ограничить себя в еде, различные заболевания. В результате этого несколько человек умерли.

После прохождения медицинского осмотра начиналась непосредственно фильтрационная проверка и допросы у военных дознавателей. Для этой цели была создана специальная группа следователей в количестве 18 человек. Как и после войны, существовала информация, которая особенно интересовала финские военные власти. Военнопленным предлагалось ответить на следующие вопросы:

Какое обращение и какие условия содержания были в лагерях для военнопленных?

Находясь в России, подвергались ли Вы насилию или другому подобному неподходящему обращению? (В случае положительного ответа кратко изложить.)

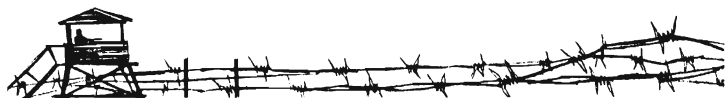
Знаете ли Вы о случаях насилия и издевательств над другими финскими военнопленными? (Опишите подробности, были ли свидетелем или от кого слышали.)

Знаете ли Вы о случаях убийства финских военнопленных в России? (Опишите подробности, были ли свидетелем или от кого слышали.)

Были ли среди финских военнопленных случаи смерти, сколько было смертельных исходов и отчего они происходили, по вашему мнению?

Какой уход был за больными и ранеными финнами в лагерях для военнопленных?

Как видно из приведенного выше текста, подборка вопросов имела достаточно одностороннюю направленность. Соответственно ответы на вопросы подразумевали в большей степени негативные высказывания о пребывании в плену. Вполне естественно, что, учитывая ситуацию, в которой находились финские пленные, они давали ту информацию об условиях содержания в лаге-

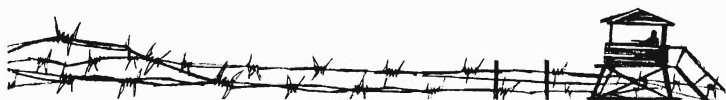

рях на территории СССР, какую хотели услышать от них военные дознаватели.

Вполне естественно, что при проведении допросов военные дознаватели не могли полностью избежать субъективной трактовки показаний бывших пленнх и отношение у следователей к военнопленным было разное. Стоит отметить, что в зависимости от обстоятельств пленения и ответов на заданные вопросы на протоколах допросов финских военнопленных в Ханко появлялись разные резолюции. Например, в протоколах допросов прослеживается различное отношение к офицерам и рядовому составу из числа пленнх. При изучении различных опросных листов бывших пленнх в Ханко, у меня сложилось мнение, что к офицерам было предвзятое отношение. Обладавшие более высоким образовательным уровнем и знаниями, в том числе и военными, они, по мнению дознавателей, должны были любыми способами избежать пленения. Рядовой же состав, подчиняясь воинскому уставу и командам своих начальников, часто попадал в плен именно из-за просчетов своих командиров, то есть по не зависящим от них обстоятельствам. Конечно, это достаточно грубая и примитивная схема, но именно в ней и заключался субъективный подход к оценке показаний военнопленнх. Естественно, были исключения. Отношение к офицерам военно-воздушных сил Финляндии было более благосклонное, так как они попадали в плен, когда их самолеты сбивали во время боевых вылетов, то есть по не зависящим от них причинам.

Например, на протоколе допроса капитана ВВС Финляндии П. (фамилия опущена автором. – Д. Ф.) имеется следующая резолюция: «Показания правдивые. В плену выполнял свои офицерские обязанности и сохранил высокий моральный дух». В противовес этому, на протоколе допроса пехотного офицера, попавшего в плен в Выборге в 1944 году, имеется другое заключение: «Показания фальшивы. Во время допроса что-то скрывает. Кажется, что чувствует за собой какую-то вину».

Отношение к рядовому составу также, конечно, различалось и было связано с их показаниями об обстоя-

тельствах пленения и поведения в плену. В зависимости от этого на протоколах допросов были разные резолюции. Например: «Рассказ правдив. Не похож на коммуниста», «Рассказ правдивый. Тихий и открытый характер. Исполнял все свои обязанности как до момента пленения, так и будучи в плену». Однако нередко встречаются и резолюции такого содержания: «Показания кажутся неправдоподобными», «Полностью доверять нельзя», «Показания требуют дополнительной проверки».

Отдельной группой стоят протоколы допросов перебежчиков и финских солдат, чье имя упоминалось в радиообращениях и листовках. Отношение к ним было априори предвзятое. Их показания тщательно проверяли, пытались поймать на противоречиях, сопоставляли со свидетельствами других военнопленных. Любое упущение в показаниях трактовалось как нежелание говорить полную правду. В связи с этим целесообразно отметить, что финские военные власти на протяжении всей войны Продолжения тщательно отслеживали радиопередачи советского радио, фиксируя любые упоминания о финских военнопленных. Однако советские пропагандисты часто использовали в радиопередачах документы убитых финских солдат и офицеров. Поэтому при внесении имени финского военнослужащего в официальные списки военнопленных, пропавших без вести на территории СССР, стоит очень осторожно использовать такое свидетельство, как выступление по радио.

Основную информацию о финских военнопленных в лагерях на территории СССР получали при опросе вернувшихся из Советского Союза бывших финских пленных. Практически во всех протоколах допросов в Ханко присутствует этот вопрос. Сравнивая протоколы допросов Зимней войны и войны Продолжения, можно отметить, что в последних бывших пленных постоянно расспрашивали об умерших или убитых в плену. На основании этого составлялись списки погибших в СССР солдат и офицеров финской армии.

После завершения фильтрационной проверки значительную часть военнопленных направили на лечение в госпитали и больницы. Однако, несмотря на плохое

самочувствие, все военнопленные в своих показаниях отмечали, что они рады вернуться домой в Финляндию, что содержание и уход за ними в лагере в Ханко были хорошими. И в этом вопросе бывшие финские военнопленные, вернувшиеся из СССР после войны Продолжения, наверняка были искренними.

Финская сторона составляла списки своих граждан, не вернувшихся из плена после войны Продолжения, главным образом на основании показаний бывших пленных. Дольше всех на территории Советского Союза находились военнопленные, осужденные за разного рода преступления. По данным В. Галицкого, после массовой репатриации пленных в 1945 году на территории СССР находились около 100 финских граждан²⁷⁵. Они передавались в Финляндию после отбытия сроков наказания. В справке заместителя начальника УПВИ НКВД СССР И. Денисова, направленной В. Молотову, к апрелю 1952 года в лагерях МВД содержались два финских военнопленных периода войны Продолжения, осужденных за разного рода преступления, и пять неосужденных финских пленных.

Финское правительство настоятельно просило советские власти установить судьбу и по возможности передать на родину всех бывших военнопленных и гражданских лиц. В феврале 1954 года в Финляндию были возвращены 62 финна. Они сообщили, что имеют сведения еще о 88 финнах – гражданских лицах и военнопленных. Последний финский военнопленный вернулся на родину в 1955 году.

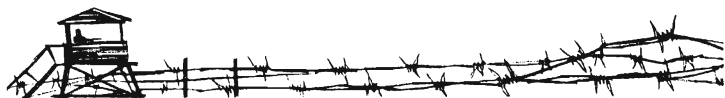
В связи с этим необходимо сделать одну ремарку. В 1949 году Советский Союз впервые проявил повышенный интерес к вопросу возвращения на родину финских военнопленных. Однако интерес был довольно своеобразный. В ноте Министерства иностранных дел СССР от 30 апреля 1949 года советская сторона в нарушение международных соглашений потребовала компенсировать расходы, понесенные Советским Союзом на репатриацию финских пленных и гражданских лиц. В общий счет были включены административно-организационные расходы, вещевое довольствие, питание и т. п.

**Расходы Советского Союза, связанные
с репатриацией финских военнопленных
и гражданских лиц на одного человека:**

Виды расходов	Военнопленные На 1 человека	Гражданские лица На 1 человека
Питание	11 8 руб	830, 22 руб
Перевозка	28, 3 руб	180, 76 руб
Санитарно- медицинское обслуживание	0,5 руб	109,6 руб
Административно- хозяйственные расходы		04 руб
Расквартирование в сборных пунктах		
Топливо на приготовление пищи в пути следования	0,84 руб	
Экипировка (шинель или телогрейка, гимнастерка, паровары, обувь, нижнее белье, носки или портянки)	208, 37 руб	128, 23 руб
Итого	259, 27 руб	2 142, 05 руб ²⁷⁶

В первую очередь вызывает удивление цифра военнопленных, упомянутых в ноте МИД СССР от 1949 года, – 1817 человек. Видимо, чиновники министерства не располагали точными данными. По мере продолжения обсуждения этого спорного вопроса количество пленных уточняется, растет и соответственно увеличивается сумма, подлежащая оплате. В ноте 1952 года фигурируют уже 1906 военнопленных и гражданских лиц. В результате списки более или менее уточнили и предъявили Финляндии окончательный счет, в который, по-видимому, вошли расходы за репатриацию 1926 военнопленных и 107 гражданских лиц. То есть всех воен-

нопленных первых четырех партий. После долгих дебатов и консультаций в парламенте, под давлением Советского Союза, в феврале 1953 года Финляндия была вынуждена выплатить 678 300 рублей в качестве компенсации за репатриацию своих граждан.

Поиски пропавших без вести военнослужащих финской армии, которых финские власти считали попавшими в плен, на официальном уровне продолжались и в конце 50-х годов, когда президент Урхо Кекконен поднял этот вопрос во время своего визита в Москву.

До сих пор остается открытым вопрос о количестве финских военнопленных, не вернувшихся из Советского Союза после окончания боевых действий. Если после Зимней войны у нас есть сведения о примерно 20 финнах, оставшихся на территории СССР, то после войны Продолжения точных данных не имеется. В нашем распоряжении имеется информация о нескольких финских военнопленных, пожелавших остаться в СССР после войны. В октябре 1944 года, по крайней мере, шесть человек из находившихся в Череповецком лагере №158 подали заявление о предоставлении им советского гражданства. Еще один пленный написал аналогичное заявление в ноябре 1944 года. Причины, побудившие их пойти на такой шаг, были разные. Сотрудничавший с администрацией лагеря перебежчик Тойво Рейникайнен в своем заявлении указал, что опасается преследования со стороны властей Финляндии. Такую же причину отметил в своем заявлении Микко (Михаил) Семичев. Два военнопленных в своих заявлениях указали на желание учиться в Советском Союзе, чтобы потом вернуться на родину. Один мотивировал свое прошение нежеланием работать на капиталистическую систему. Один хотел трудиться на советских предприятиях. Последний просто просил не передавать его в Финляндию. Сразу уточню: ни одному из них не было предоставлено советское подданство и всех вернули в Финляндию в ноябре 1944-го – марте 1945 года. Однако если судьба этой группы ясна, то о десятках других финских военнопленных, числящихся пропавшими без вести и не возвратившихся на родину, но которых видели в лагерях

для военнопленных, мы ничего не знаем. Мы не знаем даже реальная ситуация дату их смерти и место захоронения, если они скончались (?) в СССР.

Подводя некоторые итоги, надо отметить, что Советский Союз *de jure* соблюдал взятые на себя, в соответствии с Гагской 1907 года и Женевской 1929 года конвенциями, обязательства по скорейшей репатриации финских военнопленных после Зимней войны и войны Продолжения. Проблема заключалась в том, что, несмотря на, строгий учет пленных в системе УПВИ, советская сторона не имела точных данных об их количестве. Именно этим обстоятельством объясняется появление дополнительных списков и дат репатриации финских пленных. Кроме того, в связи с передачей функций УПВИ НКВД-МВД Тюремному ведомству поиск и выявление финских военнопленных значительно усложнялся, ведь теперь их приходилось искать в лагерях ГУЛАГа.

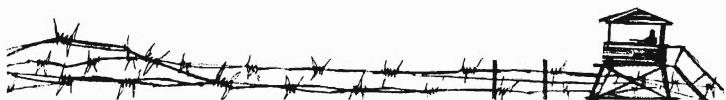
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы проследили путь, пройденный многими военнослужащими Финляндии и СССР во время Зимней войны и войны Продолжения от свободы до плена и от плена до свободы. Если, конечно, у них была свобода по обе стороны плена, выбор в условиях не заданного ими развития военных событий, свобода действий в рамках беспрекословного подчинения военному приказу, загонявшего поведение военнослужащего в узкие рамки дозволенного.

В то время существовало несправедливое мнение, согласно которому плен рассматривался как отклонение от военной нормы, допущенное нерадивым военнослужащим, или как его личное поражение в войне. При такой трактовке ответственность за пленение не распространялась на командира и коллектив различных по количественному составу воинских подразделений и формирований, а целиком возлагалась только на военнослужащего, поскольку считалось, что он закрыл глаза на свои обязанности перед воинским долгом, сдавшись на милость победителя.

Но в ходе исследования нередко возникало ощущение, что военнослужащий не был подлинно свободным. Сильный, а тем более смертельно уставший от тягот войны и поэтому равнодушный даже к возможной своей смерти, он часто вообще не выбирал и не мог выбирать что-либо. Он во многих случаях пытался плыть по течению обстоятельств, а если и выбирал, то сплошь и рядом стоял перед альтернативой быстрой смерти или медленной смерти — плена. Плена, который давал смутные надежды на жизнь, но приносил новые долговременные физические тяготы и душевные страдания и который вновь требовал от него нескончаемого терпения и нестигаемого мужества.

Поэтому я не выдвигал обвинения в адрес военнопленных — на это у меня нет никакого права. Я попытал-

ся разобраться в событиях. Более того, я не выдвигал и не взвешивал аргументы «за» и «против», поскольку старался уйти от черно-белой истории. Историк не судья. Нужно не судить, а стараться понять. Нельзя смешивать страсти прошлого с пристрастиями настоящего. Важны не оценочные суждения, а реальная человеческая жизнь. Только углубление в нее дает нам шанс воспроизвести более или менее точно подлинную картину истории.

Следуя по этому пути, глубоко убежден в верности своего вывода: к пленению военнослужащего нельзя подходить под углом зрения его вины. Плен – неизбежная объективная реальность боевых действий, создающаяся усилиями всех участвующих в военном противоборстве. Это естественное существование и вынужденные действия определенной части военнослужащих во время войны, которые нередко не зависят от принятого ими решения. Плен – такая же составляющая боевых действий, как наступление и отступление. А значит, как ответственность за отступление армии не может нести один ее рядовой солдат, так и плен не может быть поставлен в вину только самому военнопленному. Это вполне закономерный отрезок военной судьбы значительной части людей, защищающих государство, которое отправило их на войну и которое должно защищать их в плену. Да и стойкость, мужество, проявленные в плену, не могут быть более низкой пробы, чем мужество и стойкость на поле брани.

Это, пожалуй, самый главный вывод, к которому я пришел, проанализировав собранный мной исторический материал. Общий, но который, по моему мнению, нужно всегда иметь в виду при конкретном анализе конкретных исторических сведений в рамках исторического исследования проблемы военнопленных.

Исследуя проблему финских и советских пленных, необходимо учитывать, что мы имеем дело лишь с отдельным фрагментом общей проблемы военнопленных. Эта общая проблема была поставлена самим ходом истории и исторически изменялась, поскольку изменялись, в частности, сами люди, оказывавшиеся в плену. И конечно, как свидетельствовали исторические ис-

точники, на различных этапах истории эту проблему развивающиеся государства и общества решали по-разному.

Был пройден определенный исторический путь. Следовательно, тем, кому пришлось решать проблему военнопленных Зимней войны и войны Продолжения, не нужно было начинать все с нуля. Они были звеном в общей цепи, то есть, с одной стороны, цеплялись за прошлое, а с другой – открывали будущее. Это не могло не сказываться на действиях государств, решавших проблему военнопленных в новых исторических условиях.

Однако в полном объеме все статьи и положения Женевской конвенции оба государства в то время реализовать не могли по объективным причинам. Впрочем, ни одна страна, вступившая в войну, никогда не может соблюдать и не соблюдает все положения международных правовых документов. Каким бы демократическим государством она ни являлась, война накладывает определенный отпечаток на внутреннюю жизнь общества, ограничивая многие демократические принципы. Да и реализация любых гуманистических проектов всегда и везде требует дополнительных финансовых и материальных средств, на что правительства и чиновники идут крайне неохотно.

Ни Финляндия, ни СССР не ратифицировали Женевскую конвенцию 1929 года «Об обращении с военнопленными», мотивируя невозможностью точного выполнения некоторых статей и отдельных положений Женевской конвенции и расхождением с внутренним законодательством. Однако при этом обе страны заявили, что в случае возникновения проблемы будут ее решать в духе этого международного акта. То есть, не признавая Конвенцию *de jure, de facto* СССР и Финляндия брали на себя обязательство гарантировать права военнопленных, признанные мировым сообществом. Далее, обе страны подписали другой важный документ – Женевскую конвенцию 1929 года «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях».

В связи с этим я пришел к выводу, что вопрос ратификации данных международно-правовых документов был основан на особенностях национального законодательства СССР, в котором имелись статьи, предусматри-

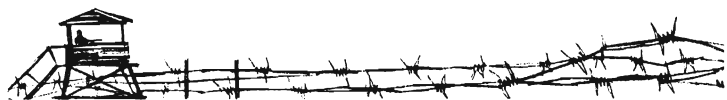

вающие уголовное наказание за сдачу в плен советских граждан. Соответственно, признав права иностранных пленных, СССР вынужден был бы признать и права собственных солдат и командиров, попавших в плен к неприятелю, что было недопустимо и идеологически вредно по представлениям руководства страны. Впрочем, существовали «смягчающие вину обстоятельства» – ранение, болезнь и недееспособность могли освободить советских военнопленных от уголовного преследования. Поэтому СССР в соответствии со своим внутренним законодательством закрепил равные права за своими и иностранными больными и ранеными пленными.

Следовательно, можно сделать вывод: еще за несколько лет до начала вооруженных противостояний между СССР и Финляндией Советский Союз *de facto* признавал основополагающие международные акты, определявшие отношения военнопленного и государства, удерживающего его в плену, и, используя в качестве фундамента внутреннее законодательство, создал правовые рамки при принятии соответствующих практических мер по решению проблемы иностранных военнопленных. Советский Союз подготовил несколько важных, фундаментальных нормативно-правовых документов, регулирующих все стороны жизни финских военнопленных в лагерях НКВД

Финляндия в основном ограничилась небольшими, но очень конкретными инструкциями и комментариями международных документов. Например, такой, как «Инструкция по внутреннему распорядку в сборном лагере для военнопленных № 1», подписанная подполковником Б. Бьёрклундом, в которой в специальных подразделах регулировались вопросы лечения в лагере больных, работы военнопленных, их питания, обеспечения некоторых их прав и обязанностей.

То есть Советский Союз и Финляндия брали на себя обязательство гарантировать права военнопленных, признанные мировым сообществом. Этого, впрочем, и следовало ожидать, поскольку ни Финляндия, ни СССР не хотели выглядеть белыми воронами в глазах европейских стран и международных организаций, мирово-

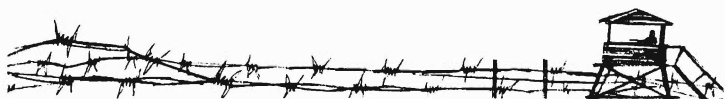
го цивилизованного сообщества в целом. И это были вполне добровольно принятые решения обоих государств, поскольку в то время не существовала эффективная система международных санкций, применявшихся в случае несоблюдения мировых стандартов и правил в обращении с военнопленными.

Однако инструкции по обращению с иностранными пленными, с одной стороны, разрабатывались на основе конвенций, а с другой, вопреки международной практике, межгосударственные соглашения подменялись внутренним законодательством. Это, пожалуй, основной вывод моего исследования, позволяющий понять, почему СССР и Финляндия поступали так, а не иначе во многих аспектах, касающихся взаимоотношения органов власти и военнопленных.

Я рассмотрел историю создания и основные функции специального государственного органа, который был призван практически решать всевозможные проблемы пленных – Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР. Образованное во время польской кампании 1939 года, это учреждение к началу советско-финляндских войн имело свои подразделения во многих регионах СССР.

Опыт УПВ НКВД СССР, полученный в результате данной работы с поляками, применялся во время Зимней войны и войны Продолжения. На поляках был впервые опробован метод деления военнопленных на разные группы и создание отдельных лагерей для содержания пленных в соответствии с их воинским званием. То есть то, с чем столкнулись финские военнопленные во время Зимней войны и войны Продолжения.

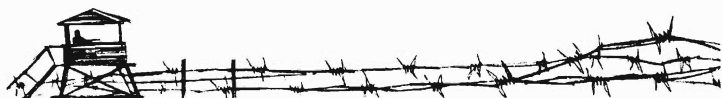
Рассмотрев функции УПВИ с момента его образования, я отметил, что оно являлось главной организацией, от которой зависели судьбы миллионов людей. Учреждением, ответственным за прием и содержание всех военнопленных, захваченных Красной Армией и находящихся как на территории Советского Союза, так и за его пределами. Более того, попутно я подчеркнул, что УПВИ отвечало и за фильтрационные проверки граждан СССР – бывших советских военнопленных, вышедших из окру-

жения бойцов и командиров РККА, а также гражданских лиц, репатрируемых на родину. Несмотря на то что Управление несколько раз меняло свое название и менялись его руководители, задачи и функции, возложенные на него, практически не изменялись.

При изучении многочисленных исторических документов и материалов, содержавших интересные для нас сведения, я пришел к следующему выводу. Ни Финляндия, ни СССР не были полностью готовы к приему на своей территории военнопленных как в Зимнюю войну, так и в войну Продолжения. Из-за просчетов в прогнозах развития военных событий и возможной численности пленных развертывание и обустройство многих лагерей для военнопленных не было завершено до их поступления из действующих армий. Военнопленные часто размещались в плохо приспособленных для жилья помещениях, которые были наспех, кое-как переоборудованы для нового предназначения. Однако несмотря на отмеченные недостатки, я считаю, что во время Зимней войны в приемных пунктах и лагерях были созданы хотя и не совсем хорошие, но более или менее приемлемые санитарно-бытовые условия. И не случайно в лагерях для военнопленных не было эпидемических заболеваний. Кардинально противоположной была ситуация с размещением пленных особенно в начале войны Продолжения. Отсутствие элементарных санитарно-бытовых условий в совокупности с тяжелым трудом, недостаточным питанием и плохим медицинским обслуживанием привели к высокому проценту заболеваемости и смертности среди них.

Во время войны Продолжения, несмотря на соблюдение в определенной мере большинства норм медицинского обслуживания военнопленных, предусмотренных международным правом, значительно выросла численность заболевших и умерших. Но, по моему мнению, в целом и на этом этапе работы с военнопленными оба государства стремились все же как-то учитывать международные правила. Раненым и больным оказывалась по возможности медицинская помощь, и их с передовой отправляли, как было предусмотрено внутрен-

ним законодательством и нормами прав мирового сообщества, в военные госпитали. Недостатки в медицинском обслуживании военнопленных во время Зимней войны и войны Продолжения были связаны с отсутствием у части медицинского персонала необходимой квалификации, нехваткой во время войны Продолжения медикаментов и перевязочных средств. Постоянно увеличивающийся приток военнопленных существенно усложнил задачи, стоявшие перед медицинскими службами лагерей. Поступавшие в места постоянного размещения военнопленные нередко находились в ослабленном состоянии. В самих же лагерях катастрофическим образом не хватало витаминных препаратов, в первую очередь никотиновой кислоты и дрожжей для лечения пеллагры. Нередко не хватало вакцин против дифтерии и дизентерии.

Имевшие место недостатки в медицинском обслуживании военнопленных во время войны Продолжения учитывались руководством УПВИ НКВД СССР. По мере своих сил и возможностей Санитарный отдел этого подразделения Наркомата внутренних дел старался исправить сложившуюся ситуацию. УПВИ прилагало максимум усилий, чтобы улучшить физическое состояние финских военнопленных и не допустить большого процента смертности среди них. Таким образом, я не считаю, что нарушения, имевшие место в медицинском обслуживании военнопленных, являлись целенаправленной политикой геноцида в отношении финских пленных.

Точно соблюдалось самое ценное для пленных правило: они не подвергались пыткам и жестоким издевательствам в лагерях и приемных пунктах для военнопленных. В отличие от Финляндии и Германии, в СССР были запрещены телесные наказания военнопленных. Однако при установлении первичных данных и осуществлении развернутых допросов финские солдаты и офицеры нередко подвергались избиениям и запугиваниям со стороны советских военнослужащих и следователей органов разведки и НКВД.

Анализ исторических материалов показал, что самой острой проблемой, с которой столкнулись военнопленные этой войны, было плохое продовольственное

обеспечение. Особенно тяжелое положение сложилось в советских и финских лагерях в конце 1942-го – начале 1943 года, когда военнопленным выдавали продукты в пропорциональном выражении ниже норм, предусмотренных международными правилами. Суточная выдача хлеба, например, упала до 400 г, а мясо во многих лагерях не отпускалось вообще. Но хотя калорийность рациона питания финских и немецких военнопленных в Советском Союзе превышала калорийность питания советских пленных в Финляндии и в Германии, но все же была недостаточной. Кроме того, в отличие от советских пленных в Финляндии, финны в Советском Союзе не имели возможности работать в крестьянских хозяйствах, а соответственно хоть как-то увеличить свой рацион питания. В связи с этим напомним о моем замечании, сделанном в начале данного раздела, о плене как медленной смерти.

На основании имеющихся в моем распоряжении цифр, характеризующих обстановку со смертностью финских и советских военнопленных, я пришел к выводу, что наиболее тяжелыми для пленных периодами, сопряженными с большим количеством смертей, были 1942 год и осень 1944 года. В 1942 году увеличение процента смертности финских и советских военнопленных связано с общим ухудшением продовольственного положения в СССР и Финляндии и вызванного этим уменьшением пайков пленных. Осень 1944 года была особенно тяжела для финнов. Перед возвращением на родину их собрали в Череповецком лагере № 158. Но переподчинение ведомств, снабжавших лагерь медикаментами, создало критическую ситуацию с вакцинами и сыворотками против дизентерии и дифтерии. Учитывая, что финские пленные были ослаблены постоянным недоеданием, становится понятно, почему процент заболевших и умерших среди них значительно вырос. Таким образом, в Советском Союзе во время войны Продолжения скончались 997 военнослужащих финской армии, то есть смертность финских военнопленных составляла 32%, с учетом расстрелянных в момент пленения. А в Финляндии – 18 700, то есть 29%.

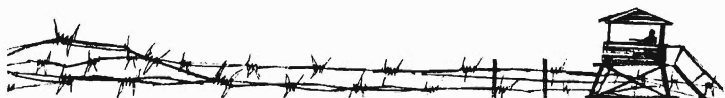
В Германии, для сравнения, умерли в плену 57% советских солдат. Однако указанные страны включали в списки умерших только официально зарегистрированных и учтенных военнопленных, то есть тех, кто скончался в лагерях и госпиталях на территории страны, и не учитывали расстрелянных при пленении, во время транспортировки на сборные пункты и умерших от ран непосредственно после захвата.

Конечно, одной из главных причин отмеченных недостатков являлся острый дефицит продовольственных, материальных и финансовых ресурсов, значительно подорванных Второй мировой войной. Поэтому, констатируя неудовлетворительное, а в некоторые периоды явно низкое продовольственное обеспечение военнопленных, я подчеркиваю, что трудности продовольственного снабжения испытывали не только они, но и мирное население, военнослужащие действующей армии.

В сфере трудового использования военнопленных неукоснительно соблюдался запрет Женевской конвенции на привлечение их к работе, связанной так или иначе с проведением боевых действий или военных приготовлений. В Зимнюю войну, из-за ее скоротечности, военнопленные фактически вообще не работали и использовались, прежде всего, для поддержания нормального состояния санитарно-бытовых условий в лагерях их размещения, в починке одежды и обуви, в самообслуживании.

Во время войны Продолжения труд военнопленных принимал все больший размах. Финны и русские привлекались к работам на лесо- и торфозаготовках, в угольной промышленности, выполняли отдельные сельскохозяйственные работы, трудились на строительстве дорог и жилых помещений. Но труд стал и одной из причин заболеваемости и смертности военнопленных в СССР и Финляндии. Завышенные производственные нормы и недостаток питания приводил к ухудшению физического состояния военнопленных.

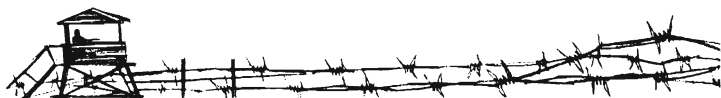
Незначительное количество финских военнопленных, зарегистрированных в лагерях НКВД во время войны Продолжения, не могло оказать существенного

влияния на экономику Советского Союза. Не могли они и кардинальным образом изменить положение в той или иной отрасли народного хозяйства. Поэтому решения Тегеранской, Ялтинской и Потсдамских конференций о «репарациях трудом» затронуло финских военнопленных и гражданских лиц, в отличие от немецких, в меньшей степени. Финляндия не была оккупирована советскими войсками, а большинство финских пленных уже репатриировали после окончания войны. Оставшиеся же в силу своего плохого физического состояния не могли использоваться на работах по восстановлению экономики СССР.

Пропагандистская работа с военнопленными во время Зимней войны и войны Продолжения имела свои победы и поражения. Отсутствие во время Зимней войны квалифицированного персонала, проводящего пропагандистскую работу, незнание им финского и русского языков и отсутствие переводчиков вело к слишком прямолинейному подходу в идеологической обработке солдат и офицеров, без учета их индивидуальных особенностей. Соответственно эффект от такой пропаганды был чрезвычайно мал. Во время войны Продолжения произошли серьезные изменения в пропагандистской работе среди военнопленных, благодаря чему, удалось достичь некоторых успехов. В результате изменений содержания пропагандистской работы у некоторой части военнослужащих финской армии появилась уверенность в гуманном обращении с военнопленными в Советском Союзе. А это, как мне кажется, нельзя сбрасывать со счетов.

Помимо прочего, в своей книге я также обратился к вопросу отношения гражданского населения Финляндии и СССР к войнам. Я отметил, что в Финляндии и во время Зимней войны и войны Продолжения моральный дух населения страны продолжал оставаться на достаточно высоком уровне. Пропаганда внутри страны успешно справилась с трудностями военного времени. Был сформирован образ русского как врага, покусившегося на территориальную целостность и независимость страны и которому надо дать решительный отпор. В противовес этому, картина морально-политического

состояния советского общества и его армии во время Зимней войны и войны Продолжения была не такой идиллической, как ее рисовали в советской пропаганде. Одновременно с этим у населения СССР не был создан единый образ финна как врага.

В отличие от СССР, где настроения родственников и друзей в тылу нередко влияли на сдачу в плен и поведение в плену, что отчетливо проявилось во время Великой Отечественной войны в РККА, когда на сторону немцев и их союзников переходили целые подразделения Красной Армии, Финляндия не столкнулась с такой проблемой в больших масштабах. Естественно, что существовали исключения: перебежчики, то есть люди, которые имели цель, желание и долго вынашивали планы перехода на сторону противника. На основании всех изученных мной источников я пришел к выводу, что настроения гражданского населения и его отношение к событиям войны Продолжения никак не влияли на сдачу военнослужащих финской армии в плен. И в этом, по моему мнению, заключалось существенное различие между СССР и Финляндией.

Попутно я считаю правоммерным заявить следующее: сдача в плен – это сиюминутное, сиюсекундное решение каждого военнослужащего, которое он принимает под влиянием различных обстоятельств. Часто солдату приходилось выбирать: умереть сейчас или пытаться сохранить себе жизнь, сдавшись в плен врагу. Причем пленение, вызванное чрезвычайными обстоятельствами, – это не преступление и не позор. Большая часть и финских и советских солдат принимали решение сдаться в плен именно под угрозой неминуемой смерти.

Рассмотрев различные аспекты пребывания военнопленных в лагерях, я перешел к вопросу о репатриации пленных. Следует с удовлетворением констатировать, что оба государства, в прямом соответствии с духом международного права, незамедлительно после окончания Зимней войны и войны Продолжения предприняли активные усилия по скорейшему обмену военнопленными. Я отметил, что были проведены напряженные, но в целом конструктивные переговоры, на которых было найдено

согласие по всем процедурным вопросам порядка возвращения военнопленных на родину, технической организации их эвакуации. И репатриация подавляющей части советских и финских военнопленных была осуществлена в довольно короткие сроки. Хотя при этом были допущены некоторые отклонения от международных норм в части возврата документов, денег и личных вещей, отобранных ранее у военнопленных.

Труднее решался запутанный вопрос репатриации тех военнопленных, которые не пожелали возвращаться в места довоенного проживания. Но такого рода вопросы сложно рассматривать и в мирное время, не обремененное обидами недавней войны. Ибо договариваются две стороны, одна из которых давала человеку обещание помочь в его противостоянии с государством, гражданином которого он ранее был и в этом качестве имел перед ним определенные обязательства. На решение подобных вопросов всегда затрачивается много дипломатических и иных сил и времени.

Итак, подводя самый общий итог, я считаю, что имею основание заявить следующее.

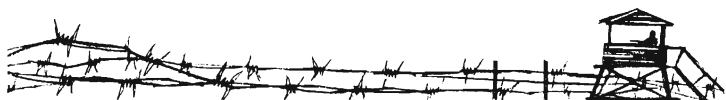
В действиях советского и финского правительств и их уполномоченных органов, решающих вопросы содержания военнопленных, было много ошибок. Были допущены некоторые отклонения от гуманистических норм международного права. Как наиболее серьезные я хочу отметить следующие: во-первых, военнопленные были лишены возможности переписки со своими родственниками; во-вторых, СССР и Финляндия в нарушение международных норм права и собственного законодательства не предоставляли списки пленных, содержащихся на их территории; в-третьих, во время войны имели место расстрелы военнопленных на этапе транспортировки к местам сбора и после получения от них необходимой информации. В случае войны Продолжения последнее более характерно для партизанских отрядов на этапе позиционной войны (Asema Sota 1942–1944 годов). Причем приказы о расстрелах давались на достаточно высоком уровне – на уровне Штаба партизанского движения Карельского фронта. В-четвертых, в Советском Союзе и

Финляндии нормы международного права в отношении пленнных нередко подменялись внутренним законодательством. И в-пятых, Финляндия, в нарушение международного права, была вынуждена компенсировать СССР расходы, связанные с репатриацией финских военнопленных.

Однако Вторая мировая война была отнюдь не малым локальным конфликтом, при котором в ходе вялого ведения боевых действий можно было, да и то с трудом, выполнить все и в полном объеме правила и требования Гаагской и Женевской конвенций. Первые три из перечисленных мной нарушений международного права допускали все страны, вовлеченные в это вооруженное противостояние. Ни СССР, ни Финляндия, ни Германия, ни Великобритания, ни США не были исключением. Ни одна страна не могла во время войны предоставить иностранным военнопленным переписку в том объеме, в котором требовали статьи Женевской конвенции. Существовавшая переписка была крайне ограниченной и нередко действовала только в пределах территории страны. Обмен списками военнопленных нередко носил пропагандистский характер и ничего не имел общего с реальной заботой о нуждах военнопленных и их родственников, так как давал возможность давления на мировое общественное мнение, обвиняя противника в несоблюдении норм международного права. Расстрелы военнопленных были, как ни цинично это звучит, довольно «обыденным явлением» во время войны. Все воюющие страны сталкивались с этим. Поводов, предлогов, причин было множество, и я в своей книге назвал лишь некоторые из них. Однако я глубоко убежден, что объяснить подобные противоправные действия можно, но оправдать их нельзя.

В заключение хочу отметить, что обе страны старались и многое сделали для того, чтобы не усугублять чрезвычайно трудное положение, в которое попали военнопленные в ходе невиданной по жестокости, злу и насилию Второй мировой войны. О целенаправленной политике геноцида в отношении финских и советских военнопленных говорить нельзя. Мы не имеем научного

и морального права не учитывать общие объективные условия действий правительств Финляндии и СССР во время войны, которую фашистская Германия, отбросив все цивилизованные нормы международного права, вела на полное уничтожение многих европейских народов.

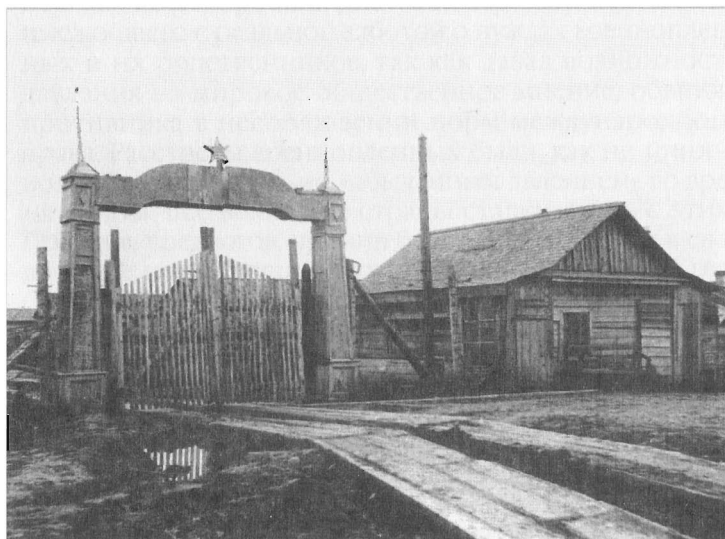
Разумеется, я не в состоянии перечислить все проблемы, касающиеся советских и финских военнопленных периода Зимней войны и войны Продолжения и которые ждут своего дальнейшего изучения. Но это и не надо делать, поскольку каждый историк сам выбирает проблему исследования, ракурс ее рассмотрения, исходя из собственного научного интереса и просто из любопытства, сам выстраивает проблемное поле, отсекая, как ему кажется, все лишнее.

В связи с этим закончу свою книгу последним общим выводом.

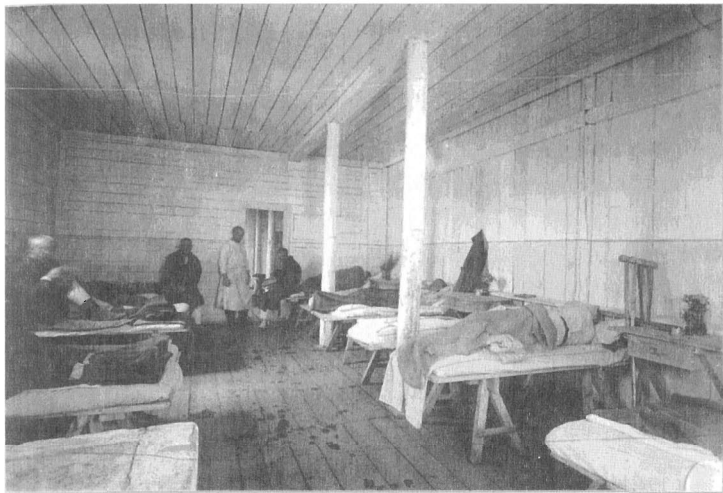
К сожалению, проблема военнопленных не потеряла и не потеряет своей актуальности еще многие и многие десятилетия.

Колонна финских военнопленных. 1944 г.

Лагерь УПВИ НКВД СССР, г. Боровичи. РГВА

Лагерь УПВИ НКВД СССР, г. Боровичи. Лазарет. РГВА

Карагандинский лагерь УПВИ НКВД СССР. РГВА

Пленный Эйно Майниала. ММНА

*Сбитый финский
самолет. ММНА*

*Пленный
Оскар Ярвинен.
Умер в плену 20. 8. 42.*

*Финские военнопленные.
Зимняя война*

*Финские военнопленные в Выборге.
1944 г.*

17-го января 1944 г.
в зале 3-го этажа госпиталя состоится 2^я лекция
цикла **ИСТОРИЯ РОССИИ**

РУСЬ ПОД ИГОМ ТАТАР

СОДЕРЖАНИЕ:

Состояние Руси к концу 13-го века. Татары в Азии и походы их на Русь. Покорение Руси и татарское иго. Укрепление Литвы и Тевтонского ордена. Княжество Московское и его борьба за Русь. Распадение Орды. Содержание ита.

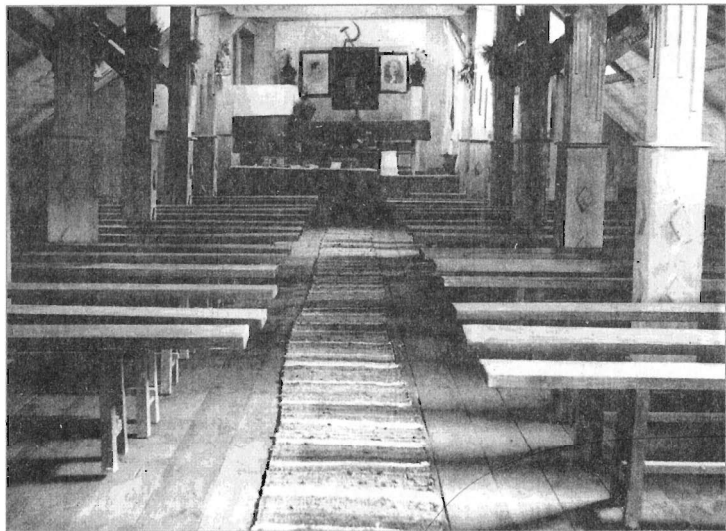
Лектор в/м С.М. Хейфиз

Начало в 17 ч. 30 м.

Объявление о лекции в госпитале
для военнопленных в Коккола

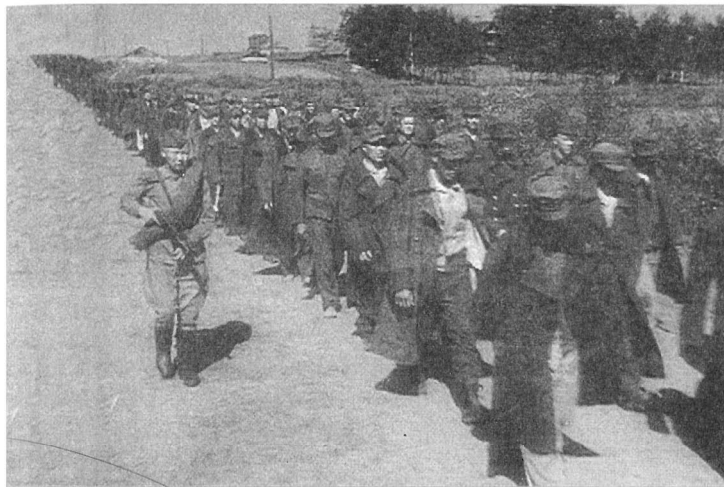
Пленные финны Карельский фронт. 1943 г.
Национальный архив республики Карелии

Лагерь УПВИ НКВД СССР, г. Караганда. РГВА

*Кристо Сииконен.
Умер в СССР 10.4.43.
ММНА*

Колонна финских военнопленных. 1944 г.

*Рядовой
Тауно Кивеля.
Умер в плену
26.11.41. ММНА*

*Финны сдаются
в плен. 1944 г.*

*Мл. сержант
Арво Матиас
Ууси-Каксури. ММНА*

Pyöveli Mannerheim

Советская пропагандистская листовка.
Зимняя война. Из коллекции Д. Фролова

10. I. 44 г.

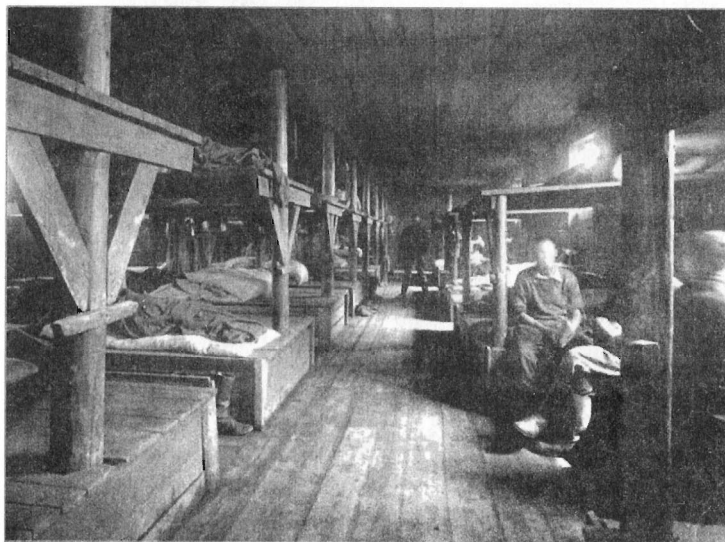
В зале 3 этажа IV отд. 28 военного госпиталю в 17½ ч

состоится
лекция из цикла **"РУССКАЯ ИСТОРИЯ"**

которую прочтет в/п С.М. Хейфиц
на тему:

"НАЧАЛО РУСИ"

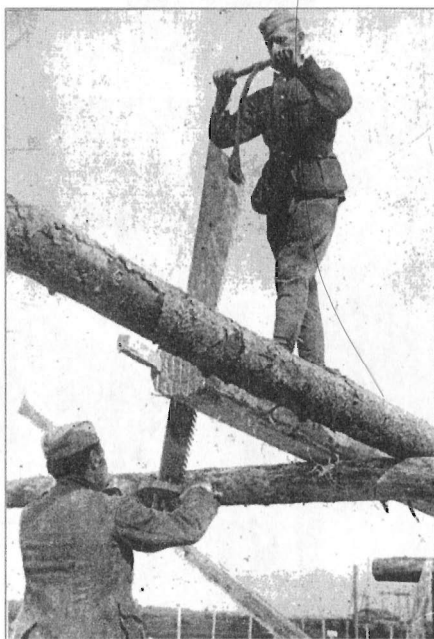
Объявление о лекции в госпитале
для военнопленных в Коккола

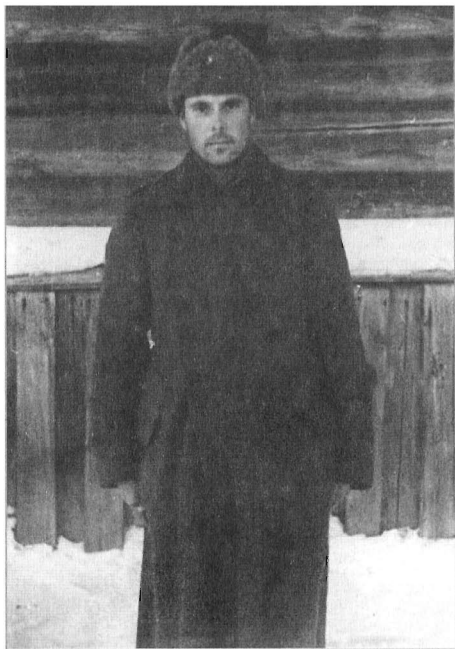
Лагерь УПВИ НКВД СССР, г. Боровичи. РГВА

Лагерь УПВИ НКВД СССР, г. Боровичи. РГВА.

*Лагерь УПВИ
НКВД СССР,
г. Боровичи. РГВА*

*Пленный
Юхо Лиуку.
Умер в плену
8. 8. 42. ММНА.*

*Финские
военнопленные.
1940 г.*

*Пленный финский летчик прапорщик
Теуво Пишранен. Фото из коллекции
Карла-Фредерика Геуста*

Генерал Кирпичников на допросе в Финляндии

*Финские
военнопленные*

*Объявление о лекции в госпитале
для военнопленных в Коккола. 1943 г.*

НКВД СССР

СОВ. СЕКРЕТНО

РАСКРЕЩЕНО

Главное Управление по делам о военнопленных и интернированных

Арх. № 12895

УЧЕТНОЕ ДЕЛО

На военнопленного _____

Дата входа в лагерь или поселок	Дата выхода из лаг. или пос.

Дело закончено в св. _____

УПРАВЛЕНИЕ НКВД СССР
ПО ДЕЛАМ О ВОЕННОПЛЕННЫХ

УЧЕТНОЕ ДЕЛО
№ 8943

Дата прибытия в лагерь
2.5 1944 г.

(наименование лагеря)
Лагерь №158

Место для
фотографирования

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ

1. Фамилия	_____
2. Имя и отчество	_____
3. Год и место рождения	<u>19</u> г. <u> </u>
Последнее местожительство перед приволом	<u>г. Москва</u>
Точный адрес, состав семьи (фа- милия, имя и отчество жван, детей или родителей, род за- ватий)	<u>Москва по новому адресу</u> <u>г. Москва</u>
Сос. происхождения — сословие (имущественное положение ро- дителей)	<u>неизвестно</u> <u>неизвестно</u>
Имущественное положение воен- нопленного	<u>неизвестно</u>
Исключительность	<u>неизвестно</u>
Родной язык	<u>русский</u>
Подлинство	<u>неизвестно</u>

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Нормативные акты 1931-44 гг., касающиеся финских военнопленных

Дата принятия	Номер и кем принят	Название документа
19.03.1931 г	№46, Постановление ЦИК и СНК	Положение о военнопленных
19.09.1939 г	№0308 Приказ НКВД СССР	Об организации Управления по делам о военнопленных при НКВД СССР
19.09.1939 г	№0308 Приказ Наркома Внутренних дел СССР	Об организации лагерей военнопленных
20.09.1939 г	Решение Экономического Совета СНК СССР	Положение о военнопленных
20.09.1939 г	Выписка из протокола № 37 заседания Экономсовета при СНК СССР	О нормах продовольственного снабжения военнопленных.
23.09.1939 г		Временное положение о медико-санитарном обслуживании военнопленных в системе Управления НКВД СССР по делам военнопленных.
28.09.1939 г		Временная инструкция о порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД
28.09.1939 г		Правила внутреннего распорядка лагеря для содержания военнопленных.
3.10.1939 г.	№ 001177 Приказ НКВД СССР	Об объявлении Положения о военнопленных.
8.10.1939 г.	Директива НКВД СССР	По оперативно-чекистскому обслуживанию военнопленных в лагерях НКВД СССР.
19.11.1939 г	№ 0390 Приказ НКВД СССР	Временная инструкция о войсковой охране лагерей (приемных пунктов) частями конвойных войск НКВД.
27.11.1939		Инструкция по опросу пленных, перебежчиков, выловленных с тонущих кораблей и раненых.

Дата принятия	Номер и кем принят	Название документа
1.12.1939 г.	№ 001445 Приказ НКВД СССР	Об организации приемных пунктов (лагерей) для военнопленных.
27.12.1939 г.	№ 001525 Приказ НКВД СССР	О порядке отправки военнопленных из лагерей и приемных пунктов НКВД СССР.
29.12.1939 г.	№ 001534 Приказ НКВД СССР	Об объявлении штатов пунктов НКВД по приему военнопленных.
29.12.1939 г.	№ 0438	Временная инструкция о работе пунктов НКВД по приему военнопленных
16.01.1940 г.	№ 0064 Приказ НКВД СССР	Объявление штатов лагерей для военнопленных.
16.03.1940 г.	№ 00330 Приказ НКВД СССР	О ликвидации приемных пунктов (лагерей) для военнопленных.
27.04.1940 г.	№ 0051 Приказ НКВД СССР	О ликвидации приемных пунктов (лагерей) для военнопленных.
5.08.1940 г.	№ 00945 Приказ НКВД СССР	О ликвидации Сестрорецкого приемного пункта военнопленных.
1.07.1941 г.	Постановление СНК СССР № 1798-800с	Об утверждении Положения о военнопленных.
4.07.1941 г.		Временная инструкция о конвоировании военнопленных из приемных пунктов в лагеря-распределители частями конвойных войск НКВД.
7.08.1941 г.	Приказ НКВД СССР № 001067	Объявление инструкций о порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД. (Инструкция о порядке учета военнопленных в лагерях НКВД. Инструкция о порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД.)
8/13.01.1942 г.	Циркуляр НКВД СССР № 5	Об использовании всех трудоспособных военнопленных на работах в промышленности.
24.03.1942 г.	Инструкция НКВД СССР	О порядке охраны военнопленных, занятых на работах вне лагеря.
8.05.1942 г.	Приказ НКВД СССР № 00928	Об использовании военнопленных на торфоразработках Наркомата Электростанций в Свердловской области.
5.06.1942 г.	Приказ НКВД СССР № 001155	Временное положение о лагерях-распределителях НКВД для военнопленных и временного положения о пунктах НКВД по приему военнопленных.

Дата принятия	Номер и кем принят	Название документа
3-8.06.1942 г.	Приказ НКВД СССР № 001156	Об изменении организационной структуры лагерей и приемных пунктов НКВД СССР для военнопленных.
17.07.1942	Директива УПВИ НКВД СССР № 28/7309	О подразделении военнопленных на группы в зависимости от их физического состояния. (Перечень болезней и физических недостатков для отнесения военнопленных к соответствующей группе трудоспособности.)
25.08.1942 г.	Циркуляр НКВД СССР № 353	О введении норм продовольствия для военнопленных.
28.11.1942 г	Приказ НКВД СССР № 002597	О размещении и трудовом использовании военнопленных.
1.03.1943 г.	Приказ НКВД СССР № 00398	О вывозе военнопленных из лагерей и приемных пунктов прифронтовой полосы. Список лагерей для военнопленных и их дислокация.
6.03.1943		Инструкция о порядке содержания раненых и больных военнопленных в госпиталях Наркомздрава СССР и НКО.
16.03.1943 г.	Приказ НКВД СССР № 00488	О порядке обеспечения лагерей НКВД военнопленных и спецконтингентов. (Нормы суточного довольствия военнопленных.)
7.04.1943 г.	Приказ НКВД СССР № 250	Объявление временных норм снабжения военнопленных вещевым имуществом и предметами хозяйственного обихода.
9/10.04.1943 г.	Приказ НКВД СССР № 00683	Об изменении норм продовольственного снабжения для военнопленных.
9/11.04.1943 г.	Приказ НКВД СССР № 00689	О расширении и строительстве новых лагерей НКВД для военнопленных и спецконтингента.
13.08.1943 г	Директива НКВД СССР № 413	О порядке учета умерших военнопленных.
6.10.1943 г.		Инструкция о санитарном обеспечении военнопленных и спецконтингентов при поступлении на приемные пункты и фронтовые приемно-пересыльные лагеря НКВД и при железнодорожных перевозках.

Дата принятия	Номер и кем принят	Название документа
7.10.1943 г.	Директива НКВД СССР № 489	Об агентурной работе среди военнопленных.
28.02.1944 г	Указание НКВД СССР № 28/4/4583	О борьбе с членовредительством среди военнопленных
24.08.1944 г.	Директива ГУПВИ НКВД СССР № 28/2/23	О захоронении военнопленных.
18.10.1944 г	Приказ НКВД СССР № 001282	Об изменении норм продовольственного снабжения военнопленных.
19.10.1944 г	Приказ НКВД СССР и начальника тыла Красной Армии № 001286/0023	О порядке обеспечения вещевым имуществом военнопленных.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Инструкция по опросу пленных, перебежчиков выловленных с тонущих кораблей и раненых

27 ноября 19[39] г.

№ Р/0408

г. Кронштадт

Команд[ованию] Ладужской флотилией

При этом препровождается Инструкция по опросу пленных, перебежчиков, выловленных с тонущих кораблей и раненых, в количестве «5» экз. с № 13 по № 17 включительно.

Помощник начальника отделения РО КБФ
Лейтенант/Зайков/

Для командиров соедин[ений], частей и кораблей. «Секретно»
Экз. № 13

«Утверждаю»
Командующий КБФ Член Военного Совета
Флагман 2 ранга Бригадный комиссар
/Трибуц//Яковенко/

ИНСТРУКЦИЯ

По опросу пленных, перебежчиков, выловленных с тонущих кораблей и раненых

С целью добывания сведений о противнике командиры соединений, кораблей и частей должны стремиться к захвату пленных.

У задержанных отбираются все документы, оружие, пояс, режущие и колющие предметы.

Командир каждого корабля, части обязан при захвате пленных произвести первичный опрос по вопросам, непосредственно интересующим его по задаче.

Все действия по опросу и содержанию пленных, перебежчиков согласовываются с представителем ОО НКВД.

Опрос нужно производить немедленно после захвата пленных.

При опросе пленного, перебежчика ни в коем случае не задавать прямых вопросов, вскрывающих планы и намерения наших частей и кораблей.

Опрос пленных должен производиться отдельно с рядовым, младшим офицером и офицером.

Опрос производят одновременно не более двух командиров. В присутствии опрашиваемого лучше не делать записей, особенно при первом опросе.

С пленными следует обращаться вежливо, но строго и настойчиво добиваться ответов на вопросы.

Офицеры, младшие офицеры и рядовой состав по возможности содержится раздельно.

При опросе задержанных осторожно подходить к оценке сообщаемых ими сведений, особенно это касается дезертиров и перебежчиков, среди которых будут специально засланные разведчики.

О наиболее важных сведениях немедленно сообщать в Штаб флота, особенно о местах минных полей, готовящемся вылете самолётов, позициях подлодок и др.

По окончании первичного опроса опрошенный под охраной направляется в ОО НКВД Ораниенбаума, одновременно сообщается об этом начальнику Развед[ывательного] Отдела, которому пересылается копия первичного опроса и отобранные документы.

Начальник Штаба КБФ Военком Штаба КБФ
Капитан 1 ранга Полковой комиссар
/Пантелеев/ /Сидоров/

РГА ВМФ, ф. Р-952, оп. 2, д. 12, л. 31–32.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Карточка учета военнопленного образца 1939 года

1. Фамилия, имя, отчество.	
2. Год и место рождения.	
3. Последнее место жительства.	
4. Социальное происхождение — сословие.	
5. Национальность.	
6. Подданство.	
7. Профессия и специальность (стаж работы).	
8. Принадлежность к политической партии.	
9. Общее образование.	
10. Военное образование.	
11. Последний чин или звание.	
12. Матрикулярный номер, название части и род войск, в которой находился военнопленный, дата и место взятия в плен.	
13. Семейное положение.	
14. Сведения о ранениях.	
15. Что делал до призыва в армию, если работал, то где именно и должность.	

Дополнение к учетной карточке

1. Последняя должность в финской армии.	
2. Какими языками владеет.	
3. Проживал ли в Советском Союзе (где, с какого и по какое время и чем занимался).	
4. Кто из родственников и знакомых проживает в СССР, их имена, фамилии, отчества, возраст, места работы и род занятий, место жительства.	
5. Был ли за границей (где, с какого и по какое время и чем занимался).	

**Сводная строевая записка Грязовецкого лагеря НКВД военнопленных
финской армии за период с 20/XII 39 по 22/V 40 г.**

		военно-финской армии, служащие в морской пехоте							в том числе из оккупации, служащих в морской пехоте						
Дата пробытия в лагерь	Откуда пробытия	о ф и ц е р ы	м л к о м с о с т а в	р я д о в ы е	м л к о м с о с т а в	р я д о в ы е	п р о ч и е	в с е г о	о ф и ц е р ы	м л к о м с о с т а в	р я д о в ы е	м л к о м с о с т а в	р я д о в ы е	п р о ч и е	в с е г о
20.12.39	Из Петрозаводского прием. пункта	3	6	48			1	58	2	4	2				8
27.12.39	Сестрорецкого	1	8	27	2	2		40	1	6	9	1	1		18
07.01.40	Владимирской хирургической больницы			1					1						
13.01.40	Из Петрозаводского прием. пункта	1	4	35			4	44	1		3			1	5
28.01.40	Сестрорецкого		5	24				29		1	2				3
29.01.40	Петрозаводского		4	25				29		4	3				7
19.02.40	Петрозаводского		4	19				23		2	1				3

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Дата прибытия в лагерь	Откуда прибыли	убыли фронтовой армией, служившие в морской пехоты							в том числе из окрестностей, служивших в морской пехоты						
		о ф и ц е р ы	м л к о м с т а в	р я д о в ы е	м л к о м с т а в	р я д о в ы е	п р о ч и е	в с е г о	о ф и ц е р ы	м л к о м с т а в	р я д о в ы е	м л к о м с т а в	р я д о в ы е	п р о ч и е	в с е г о
22.02.40	Сестрорецкого		9	18			5	32		3					3
09.03.40	Сестрорецкого	1	39	119			1	160		7	6				13
10.03.40	Петрозавдского	2	2	12			12	18		1	3				4
24.03.40	Сестрорецкого	1	24	96				121	1	2	1				4
	ВСЕГО	11	111	451	2	2	23	600	6	31	32	1	1	1	72
	УБЫЛО														

		лица фанатской ориентации, служившие в морской пехоте							в том числе несовершеннолетние, служившие в морской пехоте						
Дата привыкания в лагерь	Откуда привыкли	о ф и ц е р ы	м л к о м с о с т а в	р я д о в ы е	м л к о м с о с т а в	р я д о в ы е	п р о ч и е	в с е г о	о ф и ц е р ы	м л к о м с о с т а в	р я д о в ы е	м л к о м с о с т а в	р я д о в ы е	п р о ч и е	в с е г о
27.03.40	В распоряжение НКВД по Ленинградской области	1						1							
07.04.40	ГУГБ НКВД 5 отдел гор. Москва	1						1							
17.04.40	В гор. Выборг по облему военнопленных	9	111	451	2	2	22	597	6	31	32	1	1	1	72
	ВСЕГО	11	111	451	2	2	22	597	6	31	32	1	1	1	72
	Оставлен в лагере как скарлатинозно больной						1								

Примечание. 1. В графе «Офицеры» лейтенантов – 4, прапорщиков – 7; в числе лейтенантов – 1 пилот-наблюдатель, 1 пилот бомбардировщик, в числе прапорщиков – 1 пилот бомбардировщик – пилоты бомбардировщики шведы-добровольцы.

2. В графе «Прочие» – 1 диверсант, 1 кулак, 2 труд.армейца, 2 женщины, 5 чел/овек/ экипаж торгового судна «Ауво» и 11 чел/овек/ не служивших в армии.

3. Из числа 597 чел/овек/, убывших в/оенно/пл/енных по обмену в гор/оде/ Выборге, изъявили желание остаться в СССР – 19 чел/овек/ и снято с эшелона 3 чел/овека/ в/оенно/пл/енных шведов-добровольцев, которые были оставлены в гор/оде/ Выборге, таким образом передано в Финляндию в/оенно/пл/енных по обмену 575 чел/овек/.

4. По графе «Прочие» – оставленный в лагере, как скарлатинозно больной, в настоящее время находится на излечении в городской больнице гор/ода/ Грязовца.

Партийность

Дата прибытия	Откуда прибытия	Штраф-роки	Социал-демократы	Члены компартии	Союз молодежи	Беспартийные
20.12.1939	Петрозаводский приемный пункт	8	4			46
27.12.1939	Сестрорецкий	18	1	1	1	19
07.01.1940	Владимирской хирургической больницы		1			
13.01.1940	Петрозаводский	5	8	—	—	31
28.01.1940	Сестрорецкий	3	1	—	—	25
29.01.1940	Петрозаводский	7	3	1	—	18
19.02.1940	Петрозаводский	3	3	1	—	16
22.02.1940	Сестрорецкий	3	2	1	—	26
09.03.1940	Сестрорецкий	13	20	6	2	119
10.03.1940	Петрозаводский	4	3	—	—	21
24.03.1940	Сестрорецкий	4	15	2	—	100
28.03.1940	Петрозаводский	3	2	1	—	25
09.04.1940	Волгодонского эвакугоспитали №1185					1
13.04.1940	Госпитали гор. Свердловска	1	1			1

Социальное положение финских военнопленных

Дата прибытия	Откуда прибытия	Рабочие	Крестьяне	Служащие	Прочие	Всего
20.12.1939	Петрозаводский приемный пункт	21	25	3	9	58
27.12.1939	Сестрорецкий	18	12	1	9	40
7.01.1940	Владимирской хирургической больницы	1				1
13.01.1940	Петрозаводский	15	24	—	5	44
28.01.1940	Сестрорецкий	14	9	2	4	29
29.01.1940	Петрозаводский	14	10	1	4	29
19.02.1940	Петрозаводский	10	9	—	4	23
22.02.1940	Сестрорецкий	15	11	—	6	32
09.03.1940	Сестрорецкий	65	83	4	8	160
10.03.1940	Петрозаводский	6	18	—	4	28
24.03.1940	Сестрорецкий	54	58	4	5	121
28.03.1940	Петрозаводский	19	10	—	2	31
09.04.1940	Вологодского эвакуогоспиталя №1185	—	1	—	—	1
13.04.1940	Госпитали гор. Свердловска	1	2	—	—	3
Всего прибыло в лагерь		253	272	15	60	600

Дата прибытия	Откуда прибыли	Рабочие	Крестьяне	Служащие	Прочие	Всего
Дата убытия	Убыли из лагеря					
27.03.1940	В распоряжение НКВД по Ленинградской области	—			1	1
07.04.1940	ГУТБ 5 отдел г. Москвы				1	1
17.04.1940	В г. Выборг по обмену военнопленными	253	271	15	58	597
	Всего убыло из лагеря	253	271	15	60	599

Национальный состав

Дата прибытия	Откуда прибыли	Финны	Карелы	Шведы, финские подданные	Шведы, шведские подданные	Русские
20.12.1939	Петрозаводский приемный пункт	58				
27.12.1939	Сестрорецкий	37		2		1
07.01.1940	Владимирской хирургической больницы					
13.01.1940	Петрозаводский	44	—	—	—	—
28.01.1940	Сестрорецкий	27				
29.01.1940	Петрозаводский	28	1			
19.02.1940	Петрозаводский	23	—	—	—	

Дата прибытия	Откуда прибыли	Финны	Карелы	Шведы, финские подданные	Шведы, шведские подданные	Русские
22.02.1940	Сестрорецкий	26	—	4	—	2
09.03.1940	Сестрорецкий	151		9		
10.03.1940	Петрозаводский	26			2	—
24.03.1940	Сестрорецкий	113		5		3
28.03.1940	Петрозаводский	28	—	—	3	
09.04.1940	Вологодского эвакогоспиталя №1185	1				
13.04.1940	Госпиталя гор. Свердловска	3				
Дата убийства	Убийства из лагеря	Финны	Карелы	Шведы, финские подданные	Шведы, шведские подданные	Русские
27.03.1940	В распоряжение НКВД по Ленинградской области				1	
7.04.1940	ГУТБ 5 отдел г.Москвы				1	
17.04.1940	В гор.Выборг по обмену военнопленными	565	1	22	3	6
	Всего убито из лагеря.	565	1	22	5	6

Образовательный уровень военнопленных финской армии

Образование	Количество человек	Передано в НКВД Ленинградской обл.	ГУТБ 5 отдел г. Москвы	г. Выборг/ обмен военнопленными
Неграмотные	5 человек			5 человек
Малограмотные	78 человек			78 человек
1 класс	16 человек			16 человек
2 класса	43 человека			43 человека
3 класса	38 человек			38 человек
4 класса	310 человек			309 человек
5 классов	1 человек			1 человек
6 классов	81 человек			81 человек
5 классов ср. школы	7 человек			7 человек
Окончившие гимназию	5 человек	1 человек	1 человек	3 человека
Окончившие учительский семинар	3 человека			3 человека
Окончившие лицей	13 человек			13 человек
ВСЕГО	600 человек	1 человек	1 человек	597 человек

Один человек (образование 3 класса) находился на излечении в инфекционной больнице города Грязовца.

Возрастной состав финских военнопленных

Год рождения	Количество человек	Передано в НКВД Ленинградской обл.	ГУТБ 5 отдел г Москвы	г Выборг/ обмен военнопленными
1871	1			1
1884	1			1
1888	1			1
1889	2			2
1892	1			1
1895	1			1
1898	16			16
1899	1			1
1900	19			19
1901	16			16
1902	22			22
1903	33			33
1904	28			28
1905	21			21
1906	34			34
1907	22			22
1908	26			26
1909	24		1	23
1910	41			41
1911	38			38
1912	32			32
1913	36			36
1914	35			35
1915	35			35
1916	30			30
1917	26			26
1918	22	1		21
1919	11			11
1920	9			9
1921	7			7
1922	4			3
ВСЕГО	600 человек	1 человек	1 человек	597 человек

Примечание: из числа 597 человек военнопленных финской армии, убывших из лагеря по обмену в Выборге, изъявили желание остаться в СССР 19 человек и снято с эшелона 3 шведов-добровольцев, таким образом, в Финляндию передано военнопленных $597 - (19 + 3) = 575$ человек и 1 человек военнопленный находится на излечении в инфекционной больнице города Грязовца.

Начальник лагеря ст.лейтенант Государственной безопасности
Волков
Начальник 2-го отделения лейтенант
Шахов
РГВА, ф. 1п, оп. 2е, д. 17, л. 91–94.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Инструкция по внутреннему распорядку в сборном лагере для военнопленных №1

Лечение больных военнопленных.

1. Находящиеся в лагере в качестве военнопленных врачи производят прием больных в лагерьном бараке с 8-ми часов утра; в их распоряжении находятся санитары из числа военнопленных и медсестры (финки).

2. Пленный врач распределяет медицинскую одежду и санитаров поровну в каждый барак или барачное отделение.

3. Пленный врач ежедневно осматривает больных, содержащихся в специально отведенной для них части барака, и назначает им необходимое лечение.

4. При необходимости врач из числа военнопленных докладывает о своих действиях и замечаниях лагерному врачу через посредничество медсестры или лично при посещении лагерного врача 1–2 раза в неделю.

5. За содержание и хранение медицинских инструментов отвечает медицинская сестра, заранее заявляя лагерному врачу о необходимости их пополнения.

6. Врачи-военнопленные следят за гигиеной, чистотой и порядком в лагере и на его территории с помощью санитаров. Задачи барачных офицеров. (*старших по барак*).

9. Раздавать табак за хорошо выполненную работу или за другую помощь.

Порция табака не должна превышать 20 г в неделю на одного человека.

Курение разрешено только на улице, но разрешено курить около печей в барачной спальне с 18 до 21 часа.

10. Следить за посещением военнопленными бани/сауны, так чтобы каждый военнопленный, по возможности, раз в две недели ходил в баню.

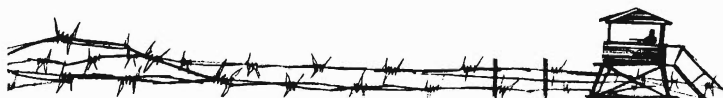
Прогулки 1/2 часа с 9 до 10 или с 15 до 16 часов.

Отбой в 21.00

Спальня и коридоры

1. Температура 14–18 градусов.

2. Генеральная уборка осуществляется раз в неделю.

Питание

1. Утренний чай с 6 до 7 часов.
2. Завтрак с 11 до 12 часов.
3. Обед с 17 до 18 часов (летом с 18 до 19).

Работа

1. Военнопленный должен старательно выполнять порученную ему работу.
2. Работа начинается в 7.15 утра.
3. Работа заканчивается в 17 (летом в 18) часов.
4. Военнопленных нельзя использовать на работах на улице, если температура ниже -25 градусов.
5. Заказы на группы рабочих, по возможности, следует подавать начальнику лагеря или его заместителю заранее (за один день).
6. Охрана военнопленных в дневное время за пределами лагеря – 1 охранник на 20 пленных, на территории лагеря – 1 охранник на 40 пленных.

Охрана в темное время суток
за пределами лагеря – 1 охранник на 10 пленных
на территории лагеря – 1 охранник на 20 военнопленных.
Пленному не разрешается:

1. покидать спальню без разрешения
2. покидать рабочее место без разрешения
3. уходить из поля зрения охранника
4. жаловаться без причины
5. звать охрану без всякой причины
6. быть непослушным и упрямым.

Пленному разрешается иметь:

1. библию
2. расческу
3. зеркало
4. часы
5. кисет для табака
6. принадлежности для шитья

Начальник сборного лагеря для военнопленных №1
подполковник – Б. Бьёрклунд.

Помощник
лейтенант(*неразборчиво*).

(Перевод с финского.)

(Sota-arkisto.)

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Прошения военнопленного Н. Губаревича (Орфография и стиль сохранены. – Д. Ф.)

№ 228 1940 г.

имя заключенного: Губаревич, Никифор Дмитриевич

профессия: солдат

место рождения: Россия

место проживания: СССР

город и т. д: Томельская обл.?

(вероятно, Гомельская. Д. Ф.), Белоруссия

судимости: нет

родился: 9.8.1900

положение: законный, брачный

вера: греческий католик

гражданское положение: холост

Прибыл в тюрьму г. Миккели 21 марта 1940

Содержать Губаревича в тюрьме до принятия решения.

Господинъ Министръ Юстиции
Финскаго Правительства

Господинъ

Прошу вас и много раз прошу так как Я невчом не виновны и не думол быть виновным пред Финским народам

Я только одно думал что если уdasца перейти к Финам то сколько буду жить то буду приять и благодарить всему Финскому Правительству и всему народу.

Предомною только вина одна что перейшол Я к вам

По этому прошу вас если это Я сделал приступления за то что перейшол к вам то отправте Мене Куда на самую Каторжною работу чтоб Я почувствол это преступление

Но только прошу не отправляйте Мне в С.С.С.Р.

Я этого недумол что будет предступлением Я Одного человека с свое месности с Б.С.С.Р. видал в Польше каторгой удрал С росии в Польшу Он в Польше Очень хорошо жил
Господинъ Министръ

Если ищо какая на мене вина ложитца это мне не извесно так как Я невчом больше не виновен и не думол быть виновным

Но не знаю зашто я страдаю в тюрьме пятой месяц
По этому прошу

Господинъ Министръ

Если в чом мене обвинили что мне неведома Прошу по-
есните мне в чом мене Счатаите виновным.

На mine это поевляетца в болезнь. Я очень беспокоюся,
что Я тираю за ничто Свою Молодасть и дни золотыя.
Мне стало от жалости и от скуки ничто ниесца и ни питца

Плывут слезы ручем. что за ни что погибаю в тюрьме

Можа вы Мене счатаите виновным по моих словах

Презнаю Я пред вами чесно. Яб рад былбо лучше и бльше
чего сказать но не могу сам Я незнаю от чего Нито от радости
Нито от испугу как то за коменеет сердце и не могу отвичать
даже на вопросы Лучше, что и знаю так забываю тогда

Господинъ Министръ

Прошу Я вас Много раз вызвольте мене из этого страда-
ния не дайте погибнуть

Моей душе не винной пред Финским народам.

Но есьли пококим делам не лъзя сейчас то прошу вас дай-
те мне ходъ ответ сколько Мне ещо седеть.

Мне очень трудно что не знаю сколько седеть и за что так
долго сежу.

Я каждой стук и звук в Тюрьме все преслухаюсь и думаю
може помине идуть и не как не могу дождатся

Господинъ Министръ

И Все Впровители Финские

Очень прошу Я вас и с ума неспускаго вас и каждой день
Я Молюсь Господу Богу чтоб дал вам здорову и ускорили вы
Мое дело.

Я очень опасаюсь чтоб Мне к своему неспокойствию не
втерять здорове тогда каму Я буду нужен....

Проситель. Губаревич. Никифор Димитриевич.

25 / 7 40

..

Гасподинъ Министръ Юстици

Пожалуйсто Прошу Вас с большой просьбой не откажи-
те Мне просьбе заберите мене ходъ в Хельсинки Можа мне
там будет виселей Я тут погибаю седевши в одиночку от ску-
ки ак скучно что немогу перенести такой скуки Сежу Я неви-

ной неизвесно зашто так долготи на меня забылись ти оставили чтоб Я помер в тюрьме Я даже плохого ничего недумал на Финляндию Я желел Фински народ чтоб непопал под русское мучение Я видел В польше как люди руки свои ломали что попали втакое горе посъле такой доброй жизни. Как делолли землянки и рили окопы так камандири обманули вольных людей подважали лес сказали что за деньги. Потом люди приходили за деньгами так они неплотили Люди ругались и говорили что вы пришли только нас объесть а одна женщина сказала что вы пришли не освободить нас от плахия жизни а пришли только асвободить чтоб у нас не было по 3 да 2 каровы и чтоб мы сало не видели как крестьяне в росии так они яе ористовали

Господинъ Министръ Юстици

Как был Господинъ Следователь он в мене спросил как в колхозе Я что вспомнил сказал и сказал что в нас земля безнавозна только торфом удобряют Это Я ошибся сказатъ Напосле Я сам понял что понять иначе Я хотел скозать что земля без навозна пустая Мало навозу так торфом удобряют. И добовляю ещо про колхозы чего тогда не вспомнел Колхозники держать только по .1. карове и стые молако берут. Сначала колхозники брали 40 литров а понекоторых и больше. Навоз спод каровы забирают в калхоз.

Овец мало хто держит и только по.1. и стые вовну берут 300 грам. Свины тожа мало в каго есть дохнут Мяса берут 32. килограма. до 1939 года опкладали налогом 24 руб. Самапкладоня 15 руб. Культзбор 24 руб. На 1939 год. Налогу 36 руб. Самопкладаня 20 руб. Культзбор 36 руб. А в письмах писали что этот налог и ещо дабавили за карову 60 руб. за Овцу 35 руб. за старою свиню 35 руб. и у каго пчолы есть так за каждый рой 50 руб.

И чтоб отдали за 1939 год и 1940 разам. У калхозников усадьба 50 соток была до 1939 года на 1940 год отмероли по 25 соток. На 50 сотак давали заданя сеить только картошку и здать в государство 6 ценцерей 5 кило. Люди по плану не сеили а сеили хто што хатев и жита и ячмень и лен. Так они берут тую норму картошку и ещо что сеил берут и зато зерном. Колхозники дожили что нейде от дождя сховаца. Хат нечим критъ саломы нет. Дров ненаком привезть топют печки торфом у хату ходъ незаходи зимой запах неприятны и

болят галовы. А в кахози кони воляютца весной такие худые. Калхознику есьли надо сездить на бозар то в месяц один раз и то за деньги 1 руб 50 копеек.

А есьли каму краем нужно 2 раза то 5 руб. Нихто нихоча в калхозах работать Но нейде детца дакументов недают чтоб ни куда не поехал.

А если хто пойдет в лес работать то штрафуют снимают дни. А хто пойдет добывать своей карови сена назиму в лес ил в болоти то отнимают сено и судють.

И ещо спрашивали

Что казали камондири как стала война. Я тогда нимог вздумать. Сейчас я седевши один усе передумал и пишу вам что вспомнил. Как рили окопы и делали зимлянки так Камандир роты сказал дня через .3 или 4 как стала война что русские забрали Финляндию. Заступает месное или временое провительство забыл это слово. Нихто ему ниповерил. После говорили война идет и говорили что Финские салдаты перейшли к руским забыл сколько говорили. Потом говорили что окружили Финляндию помочи нихто недает Финляндии

И говорили что многа в плен берут и бют и самолеты збивают. А мы как ехали так по некоторых станциях долго стояли и видели тых котрие были на войне

Они были ранеты ехали в отпуск. Они говорили не верте этому нихто изнас нивидел ни одного Фина даже битаго. А руские неспровляютца своих битых хавать. И говорили что руские много мерзнуть А как приехали в песочые там сказали что Фины бросились в панику провители хатели втеч на самолетах но не пустили

А на финской земле говорили что Финам помогают Швеция и ещо какоето государство забыл и были разговоры что воевать стало хуже Фины разбились по лесах. А как станет весна то воевать нельзя будя будут тумани Самолеты не полетят А Фины могут потопить

Выежал наш полк с зимлянок не разом а по батальона в 2. потом 1. и 3 бтль. В броелитовку была перегрузка жили там дня 3. выежаали оттуль не знаю ти разам ти не. Но приехавши в Ленинград Я чул что в 2 бтыльон с Ленинграда

забрали на машины и повезли на фронт 3 ишол пешком до Песочных там стояли дня 3 или 4 меняли сапоги и каму нестало в Минску валенак получали валенки и был там 1 бто-

льон. С песочных отправились разом 3 и 1 бтльон пешкомю Я был оставлен по болезни а потом забрали на машину Мине и ещо 3 человека. Приехавши в роту Я услышал что в 2 ботальон был разбит на фронте стояли на отдыхе все и говорили что 8 дивизия уся наотдыхе. Потом пошли усе разам на фронт и 8 марта вступали в бой Я в бой непошел Я думал можа станя весной мир так Я перейду к Фином Я незнал что расставили часовых так Я попался тот жа день вечером и хотели судить. Я вознал что стреляют таких толко перед строем свое роты Я можа и неришил удрать Я боялся и к фином тое время переходить.

Но удрал Я таго что в мине второй роте брат радной Я подумал как брат будет смотреть как мине будут бить. Я подумал так, луче пущай убьют как буду в дирать а можа и вдаста а есьли удасца то Я подумол только по пробать перейти к Фином убьют так убьют.

Попал Я удругой попал на фронт был Я там больш как сутки нельзя было уйти и от русских и нельзя было показатца убивали Фины. Я подумал так, есьли невбст, как станут русские отходить. Так Я врони вснег пока Фини подойдут а потом встану руки подымлю вверх убьют думал так убьют иначе мне спосения небыло.

Втарой раз Я боялся десентиовать каб ещо непоймали Как раз наэто счастья был мир бою небыло стали таскать солому и дрова. Как раз тое время подайшол тот

камондир камне укасторога Я просил завтрикать он не дал тогда. и сказал мне сейчас пойдём обедать с нами. Я остался нипошел Одна роа каторая насила салому и дрова пошел и Я как будтобы саломы Стоял там сарай и где была салома возле сарая была канава а дльше разбитый дом Я с этаго сарая в канаву в канави был местами лед и както подногами отдавался звук Я побоялся чтоб не провалитца вылез к тому дому за дом зайшол чтоб русские невидели и увидел тые следы кудой ишли Фины как кончылся бой Я теми следами пройшол и увидел одного Фина Я ему свиснул и поднял кверху руки. Он подехал стал Я ему говорить Он нипонимал и он говорил Я непонимал пошли дальше зайшли в один дом где было человек 7 или 8 и там нипонимали потом в зимлянку и там нипонимали дали нам спосиба им кушать было в мине рублей 20 денег Я им отдал Яны мне своих дали и пошли

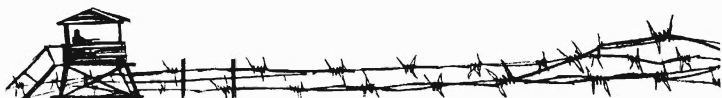
дальше. Зайшли в зимлянку там один Господин понимал. Он спросил куда ты хочеш показал мне карту разделил ее на две стороны и сказал одна русская а одна Финская куда ты хочыш Я показал на Финскую Он тогда дал мне ищо кушать и чтото сказал Мы и пошли. Пришли в полатку на нач по ночавали и Я поехал содним на кони, Заехали в один дом там кармили мине Спосиба им что Я в росии таго не видел в армии

И дали там мне летник рубашку шапку и втиральник и наски Свою Я шапку бросил в печку и были в мине русские сухари дал мне руски салдат и нашол старо потерто писмо все я бросил в печку таго Я несобразил что это письмо будет как документ Я думал что только документ Пашпарт и с сельсовета справка А на дапросе у мене и спрашали и с кем Я седел они мне скозали что в чужих людях каждая бумажка дакумент Потом разложили агонь и стали ворить обед в мине ищо было несколько мелких денег русских и польских Я показал им стали просить Я отдал а мне стали давать свое и довали что мне совисно было брать по 5 марок по 2 и один наверно Офицер две белнньки поясочки на плечах дал 10 марак и стали в мене пытать как завут и фамилия Я долго нипонимал а потом понел Я им писал в их блокнотах.

На завтрага мине позвали Господины в машину и поехали потом пересадили мене на другую приехали в одно местечко слезли подошли к одному старшему

С Господинам и стали они разговарить чтото сурёзна Я спугался думол что мине везут. Тогда он подашол камне и стал поруски спрашать Я говорил как было Он сказал что Я офицер как в расии Маёр. Я на таго сказал этот как камандир роты и сказал что это Офицер говорит что в его много земли Я б его взял к себе ти пошолба ты Я сказал пойду. Потом показали машину на какой поеду и звали в дом кушать Мне было совисна с ними ити Я не пошол сел в машину Они побыли там и принесли мне спосиба им вина что Я сколько живу так такого некушал и хлеба белаго и сыру з маслом и калбасы. И поехали дальше приехали в Иматр зайшли в дом на второй итаж тот скоторим ехали позвал мине

пришли в сталовку попили кофе и пошли пришли так Один Господин дал мне рубашку кальсоны сумочку и наски Я насков нибрал показал что есть Он дал Потом с одним Господином пошли пришли в Полицию там Я и остался Я ра-

ботал было весело насил воду и дрова в сталовку ни хто зам-ной ни следил и никуда Я не втикал не куду мне втикать ужо Я рад что попал сюда. Один Гасподин по руски мог рзговарать. Он дал мне ботинки рубашку харошаю и штаны потом Семи-хина посадили. Стиралаи мы с ним бельё ихнее и своё тапили баню

потом Швецова посадили в другую комнату дал мне Гос-подин один 10 марок один 5 марок показали Швецкого офи-цера Он дал по 2 пуговики швецких.

При отезде нашом была Семихина рубашка мокра Он сказал что будя халодна Я ему дал свою рубашку и тот летни-чак что мне дали а он свою отдал мне в сумочку мокраю.

А тут как посадили так даже и на работу не пуцают Очень плоха

Господинъ Министръ Юстици

Прошу вас с большою просьбой чтоб ускорили маё дело что хотите делойте самной только прошу не отпрояляйте мне в расию

Есьли ришите чтоб я небыл тут прошу вас лучше забейте на мести есьли в расею там всёдно забют но хоть ни буду Я там стродать в тюрьме

Очень тяжело что тут долго сежу. Поверте мне что Я даже не помыслив ничога плохого делоть Как истала война. Них-то ниверил что камандиры гаворили что Фины пошли вой-ной на расию и так ничога ниверили потому что все в види-ли в Польше на факте Я только одно думал как ба скарей помирились и как ба только перейти за гроницу Я как в Польше в видел жизнью так мне с ума не сходила что так ха-рашо а что в росии гаворили что Польша погибая неевши и голая босая. Прошу не допустите чтоб моя душа погибла до-ведите ее чтоб взгленул на Царство вольное...

8/9Проситель. Губаревич Никифор Димитрович

..

Господинъ Министръ Юстици

Прошу Вас Ищо зачто Мне так долго держите Втюрьме сежу 8 месяцев ничога не извесно Ничем Я ни привинивея пред Финляндией но сежу как от бываю какую на пасть без вины

Попал я к вам извесно как я писал вто, и на допроси говорыл. У страха глаза.

велики Я бежал лижбо невидить смерти

Обето Я недумал что Я останусь жив

Вы Сами знаите

Какое было тогда время для миня

Помоей судьбе очень трудно было остатца живому но благодарю Господу Богу. что

Он мне вывел благополучно от мое смерти и благодарю Финским солдатом что они мне доставили живым.

Господинъ Министръ Юстици

Прошу Вас Сделайте милость отправте мне ходъ накокую самою трудною работу.

Очень надоело вжо сидеть так долго.

Буду работать за кусок хлеба.

И буду сколько жить никогда низабуду что ни отправили мне ходъ вросию мне очень страшно было все время чтоб ни отправили Вросию

И прошу чтоб этого Вы инизделоли дальше.

Сколько буду жить буду благодарить всему всему

Провителет.

13/11 Проситель

Губаревич Никифор Димитриевич

..

7.9.40

Господинъ Министръ Юстици

Пишу Я Вам четъвертое Прошение

Просил Я от всей свои души как мог и прошу ищо раз. Просил я Отсибя и Госпадам Богам и никак мне ни допроситца ни домолитца.

Низнаю Я как и каго вже и просить.

Описал Я вам всё подробно чего ни забыл.

Сразу Я всем ни мог вспомнить но за всё время Я описал кажится всё.

Но мне нет никакой помощи и ответу.

Ти мне нихочитя принять что Я мало грамотны ти на mine забыли ти вжо осудили чтоб Я отседив сколько.

Очень мне трудно сежу Я ни вчом нивины пред Финляндияй.

Я даже ни одного разу ни выстролил на вашей земле и не думал Я этого и делоть.

Попался Я к вам Я думал что как лучше пожить насвете и спости свою душу.

Этаго Я низнал что это будет приступлением Я думал что если только не вбьют как буду Потходить так и жив буду

Но просто Я даже ни думал что буду сесть в тюрьме.

И прато что мне сказали Семихин и Шевцов что могут отправить обратно в расею.

Еслиб Я всё время седел один мнеб было легче. Можэ это и ни верно но мне это с головы не выходит.

Господинъ Министръ Юстици.

Если это Я сделал приступление что пришел квам.

То прошу Вас чем только угодно накажите мне зато. Только не отправляйте в Расию мне там все дно вбьют.

Прошу зделайте милость над моей нивиной душой не доведите до смерти.

Хотябы Я посмотрел после таго пекла Рускаго Как люди живут вольно на свете тут.

Если буду жив. Сколько буду жить никогда низабуду что спосите мою душу от моих врагов. Буду благодарить всему. Провительству и солдатам и Лаживши спать и встаючи что спосите мою душу от смерти.

Проситель. Губаревич. Никифор Димитриевич

Господинъ Министр Юстици.

Благодару Вам и всему Провительству что не отправили мне в Росию

И благодару Господу Богу что вывел мне от такой страшной смерти что Я ищю хоть устрошениях но жив. Неперестано прошу Господа Бога и всех Провителей чтоб недопустили мене обратно да той страшной смерти.

Милыя мое Господины очень трудно так сесть за чужие грехи. Чистая моя душа пред вами как ключевая вода.

Ничего Я вам вредного не делав и нидумал Я про это что делоть. Если мне быть натом свете пред Господом богом таким как Я пред вами тут.

Господинъ Министр Юстици.

Если нельзя мне тут выпустить или отправить куда то я согласен быть под заключением пока помру только чтоб Я работал.

Или уничтожьте мне тут то буду благодарен и на том свете что недопустите мою душу куда она не перестанно бойится чтоб не попасть

Я как узнал что некоторых отправили в росию то напала на мене не переносимая тоска сохну как травина в жаркую погоду, от страха чтоб не отправили и мене.

На первый день Рождества получил я кокуюто бумагу за которую благодарю что позаботились об мин она на моё имя и отчество

Она мене подвиселила. Но много Я никак нипойму это Я понял от Светлых Апостолов

И благодарю тому кто научает к истенному путю

И еще какойто Господин мелея мне забрать ссобой на Саламоновы Острова хоть оны для мене не извесны но Я очень рад бы был хоть куда только не в росию. И не как никому Я дожидаться таго обещания.

Если останусь жить где нибудь никому Я и водой незамучу. А буду жить только по Божаму закону как указано в Библии и Благодарить Господу Богу и Финскому Провительству день и ноч как вернувши мене стаго свету.

Прошу что хотите делайте сомной за все буду благодарить только не отправляйте в Росию.

Проситель. Губаревич. Н.Д.

1941 го. 13/1

..

(гриф «аа» – окончательное решение)

Никифор Губаревич 21.4.1941 обменян на гражданина Финляндии торговца Юрье Николай Ниеминена (Yrjö Nikolai Nieminen)

(Перевод с финского.)

(Ulkoasiainministeriön arkisto.)

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

14.5.40.

Список пленных, которые не желают вернуться в СССР

- 1) Горбуянов, Василий А. солдат
 - 2) Граммик Константин Д.
 - 3) Ерофьев, Дмитрий Д.
 - 4) Завитсков Николай.
 - 5) Зубаев, Макар.
 - 6) Иванков, Василий Т.
 - 7) Кадулин, Захар, В.
 - 8) Ксенонтов, Николай, К.
 - 9) Кумеда, Антон, Т.
 - 10) Ладовский, Алексей, Ф.
 - 11) Лугин, Александр, Т.
 - 12) Маликов, Александр Т.
 - 13) Малястров, Василий, П
 - 14) Мезгов, Андреевич, И.
 - 15) Попов, Степан, И.
 - 16) Николаев Яков, А.
 - 17) Рахманин, Иван, С.
 - 18) Светсов, Игнат, А.
 - 19) Утарев, Халидулла.
 - 20) Хренов, Матвеев (? – Д.Ф.), К.
 - 21) Шадагалин, Селим.
 - 22) Шемна, Михаил, В.
 - 23 Яблоновский, Андрей, И.
- (Ulkoasiainministeriön arkisto.)

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

Прошения военнопленного А. Семихина (Орфография и стиль сохранены. – Д. Ф.)

Личное дело военнопленного.
Семихин Александр Титович
Год рождения – 1.06.1918
Помощник политрука.

Господину Министру Суда
Финляндской Республики
Гр-на СССР
Алекс.Титовича Семихина

Прошение

Будучи подданным СССР, живя там со дня своего рождения, я на всем протяжении своей сознательной жизни в понимании политического строя СССР, не разделял и не разделяю свои личные убеждения и взгляды с государственно-политическим строем СССР.

В стране фальшивой «демократии и свободы» – нет хлеба, нет товаров широкого потребления, без которых народ задыхается. Нет свободы слова, печати, вероисповедания. Религия насильственно упраздняется. Десятки миллионов людей лишены свободного вероисповедания, т.к Богослужebные заведения закрыты. Служители религиозного культа физически уничтожаются. Культура, подлинная культура гуманизма и прогрессии также упразднена. Театры, кино, клубы, печать, радиовещание, спорт, демонстрации, собрания – все посвящено обоготворенному Сталину. Все начинается и кончается его именем. Слушать радиостанции иностранных государств – запрещено. Читать иностранные газеты – запрещено. Вести переписку с родственниками, живущими за границей – опасно, т.к. за это преследуют. Пропаганда, которая ведется через радио, печать и агитаторов – превозносит только имя Сталина. Политическое бесправие. Тяжелые бытовоматериальные условия жизни рабочих и крестьян, ставят их в положение молчаливого, полного подчинения диктаторству Сталина. Молодежь в СССР не имеет своих определенных

взглядов на жизнь и политику, ибо ей не дают этого делать, а слепо и покорно вынуждают выполнять все то, что ей диктуется.

Внешне я, так же самое выполнял, все то, чего диктовалось, но вместе с тем, наблюдал, сравнивал факты, жизнь, настроения и отзывы на ту пропаганду, передаваемую через радио, печать и агитаторов. Мои наблюдения – помогли мне разбираться в вопросах политики СССР. Наблюдая политику СССР, пропаганду и жизнь – все больше и больше убеждался в необходимости уничтожения советской власти.

В СССР я оставил 70 летнюю старуху бабушку – мать, которая 20 лет своей тяжелой жизни отдала на воспитание меня. Мне это тяжело. До боли в сердце жалею ее. Но, идею борьбы против существующего гнета в СССР, где стонут миллионы людей – я поставил выше родственных чувств к ней. Насилие, гнет, деспотизм чинимые над русским народом и другими народами СССР, отовсюду несутся глухие стоны, слезы – разве может это пройти мимо человека, которому дороги народ и невыносимы его страдания?

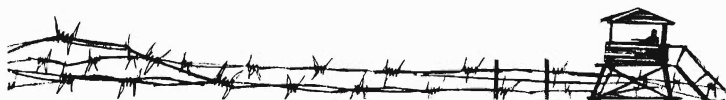
В душе перед крестом я дал клятву не помириться с таким положением. Нужно многое сделать для того, чтобы взорвать и окончательно уничтожить политический строй СССР. Нужно проделать большую работу, для уничтожения той несправедливости, которая сейчас царит в России.

Необходимо поднять мысли крестьян, рабочих и интеллигенции (неразборчиво. – Д. Ф) России. Главную ставку теперь делать на крестьян и интеллигенцию. Я хочу быть полезным там, гдебы можно было вполне правдиво освещать жизнь в СССР, а посему я пришел к следующему выводу: Все мои знания и жизнь должны быть отданы делу борьбы против большевизма. Этому великому делу себя отдаю.

Мой девиз таков:

Распространение учения о социализме, коммунизме пресе вырвать с корнем и уничтожить. Я поведу борьбы против диктатора – Сталина.

14 марта 1940 г. между 17-18 ч. Дня я перешел к финансам. Перешел по собственным личным политическим убеждениям. В СССР возвращаться я не желаю. Ранее деланные мною попытки бежать из СССР не увенчались успехом. Мое желание сейчас осуществлено.

Я пришел не вред делать – а принести пользу. Буду бороться за дело, которое принесет пользу всему миру.

Я буду питать надежду, что справедливый закон Финляндской Республики окажет мне убежище – не выдаст меня в СССР, где ждет меня расстрел, если только туда возвратят меня

При разборе моего дела прошу учесть, что я молод, могу очень многое еще сделать в организации борьбы против существующего строя в России. Этому делу, я отдаю себя в жертву. Прошу не высылать меня в СССР, если невозможным мне будет остаться в Финляндии – прошу выслать меня за границу – уеду в Югославию, к имеющимся там у меня родственникам, для того чтобы закончить разработку программ и обращений к правительствам иностранных государств о необходимости общими силами помочь народам России сбросить правительство диктаторов. Уничтожить Советскую власть. Преобразовать Россию.

Сейчас нахожусь в тюрьме с 21/III-1940 г. в г. Mikkeli.

Отношение и обеспеченность – хорошее.

Когда, где и кем будет разобрано мое дело – на это мне никто не дает ответа.

Долго-ли продлится мое заключение?

Обращаюсь к Вам Господин Министр, надеюсь получить исчерпывающие ответы на прошение и вопросы.

Господин Министр!

(неразборчиво)

Вышеизложенное за правдивость

и честность моих убеждений и

глубочайшее к Вам почтение

Александр Семихин.

Suomi

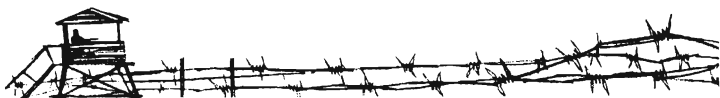
Mikkeli

Vankila 22.4.1940 г. A.T.Semihin.

Жизнь и действия полка.

Ал.Тит.Семихин.

26 сентября 1938 г. прибыл в артиллеристскую часть 51-60. БССР, Могилевская область, г.Быхов, где и простояли по май м-ц 1939 г. В мае месяце полк 51-60 прибыл в лагерь

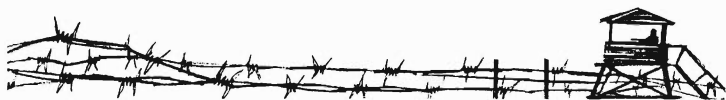
Друть в 80 км от Быхова. 7-8 сентября 1939 г. Весь лагерь выехал по тревоге, по местам зимних стоянок. Полк 51-60 прибыл в Быхов, пробыл там 2 дня и начал передвижение в Друть, к месту сосредоточения всей дивизии, 121-131 (точно не помню)

Командир дивизии комбриг Мавричев, комиссар, полк. ком. Маковоз откуда стали передвигаться к Польской границе. 19 сентября 1939 г. перешли польскую границу в районе Негорелое, стали передвигаться по направлению г. Брест-Литовска. Участия в военных действиях не принимали. В м. Высоко-Литовск (20 км от г. Брест-Литовск) полк 51-60 простояли несколько дней, а потом стали отходить назад. Полк 51-60 возвратился в СССР в г. Бобруйск, Могилевской области БССР, 17 октября 1939 г. где и начал приводить в порядок технику, транспорт, обмундирование до декабря м-ца 1939. В первых числах декабря, начались нормальные занятия, продолжались до 14-15 числа. В это время, на фронт – мурманское направление был отправлен большой СП, сформированный в г.Бобруйске. на второй день отправки СП, стало известно что полк 51-60 переименуется в 420 ГАП, выходит из состава 121-131 дивизии, входит в состав новоформирующуюся 113 дивизию, отправляющуюся на фронт.

Командный состав 420 ГАП

Комполка – майор Осипов, комиссар – бат.ком. Будков, нач.штаба – кап. Азаров, помкомполка по мат. обесп. инт.3 ранга Бельский, помначштаба по строевой –

ст.л-т Кузнецов, нач.боепитания – техник инт.3 ранга – Кочерга, начтехчасти – капитан Сеницын, начсанслужбы – военврач 3 ранга Шилок, нач.связи – ст.л-т Кононов, нач.разведки ст.л-т Подосиник, начпрод – мл.л-т Стротович, комбат транспорта – ст. лт. Ливадин, п-к – м. п-к Плотников, комбат штабной л-т Беседин, п-к – м-п-к Марьянков. Комендант – мл.лт. Марусов. От секр. партбюро – ст. п-к Антонов, инструктор. проп. ст.п-к Быбков, отсекар.комс.бюро мл п-к Гузынин (?– Д. Ф.). 420 ГАП 2-х дивизионного состава. 1 Д-н 122мм на конной тяге. Орудие с приц. Зар. Ящиком тянет 6 лошадей. 2 Д-н 152 мм на тракторах. Орудие с прицепом тянет трактор «Сталинец» 1 Д-н имел запасн.зар. ящики распределенные по батареям. Дивизион имеет 3 батареи. Батарея имеет 4 орудия. Дивизионы имеют батарею Управления Дивизионом.

1-Дивизион 2– Дивизион

Команд.дивизиона капитан Хруцкий капит. Бондарев

Нач.штаба ст.л-т Эскин

Политр.штаба ст.п-к Павлович мл.п-к Иванов

Нач.связи ст.п-к Семенов

Нач.разведки л-т Завалко

Команд.Упр.Д-на л-т Власюк

Батареи

Комбаты политруки комбаты политруки

1 л-т Петров мл.п-к Чепик 4

2 л-т Куляба мл.п-к Яценко 5 л-т Скобников м.п Ермаков

3 ст.л-т Гейко мл.п-к Урбан 6 м.п Цветков

Состав батареи 118 чел. Имеет: 2 огневых взвода, 1 взвод Управления. В 1-Д-не, батарея Упр.Д-на, имела 125 ч.+ 250 ч взвод боевого питания. Командны состав батареи: ком.батареи, политрук батареи, 2 ком.огн. взводов, 1 команд. взв. Упр.

420 ГАП получил пополнение л/с из 33 ГАП, Бобруйск. Подменили конскую тягу и упряж из местного гарнизона г.Бобруйска. обмундировали не полностью в г. Бобруйске. Частично выдали валенки, ватные брюки и поддевки, рукавицы, подшлемники, частично заменили негодные шинели и сапоги. Первая батарея имела 65 винтовок. Имеющие винтовки – получили по 60 патронов. Имеющие наганы – получили по 42 патрона. Каждый взвод имел ракетницу. Каждый получил «НЗ» по 8 пачек галет, 2 банки консервов, пару нательного белья, плащ-палатку, противохимический пакет, противогаз «БС». Много нехватало ружей и ружейных ремней. Имелся один пулемет Дегтерева. Перед выездом был смотр полка – командованием 121-131 дивиз.

420 ГАП ехал побатарейно и дивизионно.

21-XI 1-39 г. Погрузились: штаб полка, штаб 1 Д-на, полностью 1 батар. При погрузке было тяжелое ранение кр-ца Иванова. Состав эшелона 55-60 вагонов с платф. Имелись случаи дезертирства командного и рядового состава. Продукты для питания – были взяты в Бобруйске. Дороги были забиты воен.эшелон.

В пути были базы снабжения – фуражем и продуктами.

25-XI 1-39 г Прибыли на Предпортовыйвокзал г. Ленин-

града. Простояли весь день. Дорога забита. На запасных путях стояло около 30 в.эшелонов. Большинство тяжелой артллекрии и танок. Были эшелоны с пехотой.

26-XII-39 г. Утром прибыли в Левашево. Пути забиты все. Грузили авиабомбы. С Белоострова шли сан.поезда с ранеными. Прибыл эшелон битых танков. Было несколько арторудий. Состав 30-35 вагонов. Стояли эшелоны с пехотой с Горького и Куйбышева. Выгрузились в Левашево часам к 17-18. Пришли в казармы Парголово к 23-24 ч. Войск там не было. Сосредоточено много битых и негодных тракторов. Привозили для похорон убитых командиров. В Парголово сосредотачивался 420 ГАП. Сосредотачивалось 2 СП.

2-1-40 г. полностью сосредоточился 420 ГАП. Дообмундировали: валенками, перчатками, портянками и т. д. Из Ленинграда получили – винтовки, противогазы. Заменяли грязное белье. Пищевблок получил продукты и фураж. Боепитание – боеприпасы. Все это получалось из Ленинграда на грузовых машинах.

Из штаба 113 Дивизии, штаб получил карты Финляндии. Распределяли нач. штаба. выдавались: ком.дивиз., ком.батам, комвзвод., нач.служб, нач штабов, нач.разведок, частично были выданы политрукам.

3-1-40 г. В черной речке было совещание ком состава. Совещание длилось целый день, т.к. с утра поехали а часам к 23 возвратились.

4-1-40 г. Было 2 пробных выезда со всеми службами. Командир полка два раза собирал совещание ком сост. В эти дни, по словам моего знакомого, был получен секретный приказ, чтобы финов в плен не брать, а расстреливать не взирая на возраст и пол. Объяснялось это тем, что финны упорно дрались ножами, будучи ранеными.

Настроение у л/с было неважное. Вести с фронта мало чего хорошего приносили. Больше всего шел разговор, о большом количестве раненых и убитых. Комиссар полка беспрерывно требовал от политруков донесений о политикоморальном состоянии подразделения. Были голоса недовольства, не только рядового состава, но так же и команд. сост. / л-т Беседин, мл.л-т Смирнов, мл.л-т Либертович, ст.п-к Павлович и др./ Эти лица говорили: «Финляндия не Польша, русские головы сломают. Против финов столько русских, значит что

то есть серьезное. Были вполне правильные мнения о «правительстве Куусинена и Народной Армии, что все это создано фиктивно. Конечно, говорили, они между собой шопотом. Все понимали, что малейшая неосторожность повлечет за собой арест.

5-1-40 г. 420 ГАП в полном составе выступил в Финл. Двигался по направлению Черная речка. Впереди 420 ГАП двигались 679 и 725 СП, в пути было задавлено 2 рядовых.

С 5 на 6-1-40 г. Переходили границу. Границей была р.Сестра. мост через р. Ехали прямо по дороге. Налево от дороги мет. 200-250 женский монастырь. Небольшая белая церковь и 2х этажн. дом. Прямо по дороге налево, были каменные надолбы. Вдоль дороги тянулись обугленные большие строения. Будто бы км 5-6 от монастыря повернули влево. В пути перед деревней были большие спуск и подъем. Весь день 6 и пол дня 7 пробыли в дороге.

7-1-40 г 420 ГАП разместился налево в лесу. Направо от дороги два больших озера.

С 7-1-по 25-1-40 Налево одно небольшое. Налево, очень большая гора, вся в надолбах и срубленных деревьях – противотанковым заграждением. По дороге в перед 2-3 км.деревня. Дообмундировались. Беспрерывно проверяли технику, конский состав, частые совещания у командира полка, частые тревоги, пробные выезды. Полк проверяла комиссия из корпуса. Шел разговор, что вся 113 дивизия (размещенная здесь) признается небоеспособной. Почему – нам не говорили. Огневые расчеты тренировались по подготовке артданных. взвод Управления – тренировался – работал на рациях, тел. аппаратах, выезжали в учебную развед-ку. Был суд. За отказ взять винтовку, воентрибунал присудил кр. Ломатченко к расстрелу. Здесь стали получать по 100 гр. Водки и 50 гр. сала. Были слышны свистки поезда. Часто употреблялось название Линкола и ст. Райвола.

26-1-40 г. В дороге.

27-1-40 г. Прибыли в р-н Грушевидной высоты

27-1 по 15-16-II-40 С первого дня приезда 420 ГАП стал принимать участие в военных действиях. Был разговор, что 420 ГАП придали еще 2 дивизиона из 451 ГАПа. В этом р-не было сосредоточено 6 артполков. В разговорах часто употребляли 679, 725, 513 и, 320 СП. В санчасти подчеркнутых

полков я был. Разыскивал раненного кр. 1 бат. Каминера.

11-II-40 г. было большое сражение. Атака русских финами была отбита с большими потерями. Все озеро было усеено трупами пехоты. 420 ГАП, имел большие потери лошадьми. Были и потери людьми. Комиссар полка созвал совещание. Сообщил: «финские самолеты летали над штабом 113 Дивизии. Финны сбрасывали листовки. Если кто найдет листовки и будет читать сам и другим, пойдет под суд реввоен трибунала. Организовать бригады из активных комсомольцев, по розыску листовок в районе расположения полка». Каждый день были разговоры о больших потерях русских. Уничтожены 2 рота 725 СП, 8 рота 679 СП. От посылаемых разведок мало кто возвращался.

Орудия стояли на прицеле 4,2 или 4,8.

Кажется 12-II-40 г. зачитан был приказ командования 7й армии о всеобщем наступлении.

16-II-40. 420 ГАП тронулся в перед. В дороге были 4 дня. Ехали мало больше стояли.

Ехали лесом, с малой на большую дорогу выехали. Перезжали железную дорогу. В пути встретился ДОТ метров 100 вперед разоренный деревянный мост через реку. Выгоревшая деревня. Вторая река. Разрушенный мост. На право от моста за рекой завод 2-х этажные заводские дома. Вперед 4-5 км от завода – свернули налево. Разместились в небольшой деревне. Простояли дней 7.

Стреляли на прицеле 5.6 или 5.8 по каким то островкам. Километр на лево начинался Финский Залив.

1-2-III-40 Приехали на место, где простояли до 2х часов дня 11-III-40 г. проезжали большое озеро. Влево 3 км (неразборчиво. – Д. Ф.) Стреляли здесь беспрерывно день и ночь. Финские снаряды вывели из строя две гаубицы 122 мм одну в 1 БАТ и 1 во 2 батар. Был обстрел минометами. Часто ночью появлялись финские самолеты. Бомбардировали. В разговорах часто употребляли полуостров Турку-саари, где якобы находились фины. По этому полуострову стреляли.

11-III-40 г. выехали с места стоянки. Ехали по финскому заливу. На право от дороги по заливу были видны церковные главы и высокие здания г.Выборг. Место, где до прихода русских находились фины – гористообразное, с большими камнями остров или полуостров, точно не знаю, в длинну боль-

шой, в ширину мал на конечности, за этим островом или полуостровом – залив ширины метр. 200-250 и начало острова или полуострова на котором остановился 420 ГАП.

1 Д-н стоял на конечности. Вдоль залива – деревня. В разговорах красноармейцы и говорили что это и есть полуостров Турку-саари.

Батарея стреляла по месту возвышенности, на которой стояла деревня занятая финами. С места стоянки 420 ГАП, лесом почти вдоль залива извилисто вели дороги по направлению деревни занятой финами.

Дорога проходила через небольшой деревянный мост, связывающий землю через узкий пролив под мостом, который с обеих сторон дороги был очень широк. Дорога почти все время вела вверх. Кажется по этой дороге, есть мост деревянный перед деревней.

13-III-40 г. Когда в 12 ч. перестали стрелять, наступила полная тишина. Все удивлялись, что могло произойти. Каждый придумывал самые разнообразные объяснения. Остановились на том, что повидимому обе стороны изыскивают новые методы для ведения большого огня. О мире, никто из нас ничего не подразумевал. Около 3х ч. дня, политрук приказал старшине выстроить весь личный состав батареи. Батарея выстроилась. Политрук дал пояснение:

«Правительство СССР с правительством Финляндии заключили мир. Война окончилась сегодня в 12 ч. дня. Завоеванные территории отходят к СССР.

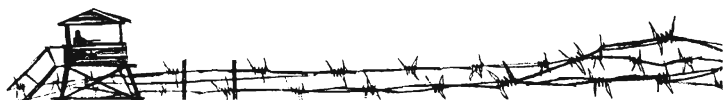
Знаю, у всех вас будет много вопросов. Вопросов мне не задавайте. На них отвечать не могу. Все, можете расходиться».

Посыпалось уйма вопросов. Где правительство Куусинена? Где Народная Армия? Где сам Куусинен? В этой войне, что то непонятное. Политрук, еще раз сказал резко, что на вопросы отвечать не будет, до тех пор, пока сам узнает.

Вечером слышали: комбат давал указания командирам взводов:

огневые расщеты орудий держать в боевой гот./овности/ все отделения взводов управления – тоже самое
сторожевые посты, выставить усиленные

Мир-то мир, но может быть еще какаянибудь случайность со стороны финов. Эти указания были получены из штаба полка.

Войны не было, но все было на местах.

Названия мест остановки и путь движения не знаю. Карты не имел.

Полковой тыл от полка всегда стоял на 8–10 км.

Поковая санчасть стояла от полка на 5–3–2 км.

Подразделения питались с походных кухонь. Продовольствие и фураж получали ежедневно в полковом транспорте.

Были перебои с сеном.

Питание людей состояло: 3 раза в день суп из гороха или пшена, выдавалось с большими перебойми: 50 гр. сахара в день, 100 гр. водки и 50 гр. сала.

В подвозе снаряжения были перебои. Причины неизвестны.

Подвозили на машинах и конной тяге.

Потери полка: 18 убито. 67 ранено. Лошадей побито 70–75%

420 ГАП обслуживала почтово-полевая станция №83

Обслуживал Госбанк 7й Армии

Пример как вначале позже

писали Действующ. Кр. Арм. Действ. Кр. Арм.

адреса почтово-полев. ст. 83п-п. ст. 83

420 ГАП 1 Д-н, 1 БАТ. часть Осипова

Иванову И.И. подр. Петрова

Иванову И.И.

Александр Семихин.

Suomi

Mikkeli

Vankila

1940 г. 22/4

PS. При допросе, мною допущены были некоторые неточности в ответах. За весь этот период времени сидя в тюрьме, я старался вспомнить точнее жизнь полка. Изложенный мною здесь материал более точен и правлен.

Александр Семихин.

..

Автобиография

Александр Титович Семихин.

Родился на Украине, Ворошиловградская область, станция Кагановичево, поселок Кагановичево. 1918 года 1 июня, в семье железнодорожного рабочего. Русский. Вероисповедание – православный. В 1920 году умерла родная мать. На воспитание меня взяла бабушка (мать матери) Коликова Евдокия Парфнутьевна, проживающая с сестрой умершего мужа Коликовой Таисой Ивановной по адресу: Ворошиловградская область, г. Лисичанск, ул. Ленинская №64 /45 км от Кагановичево/. При отце осталось 3 брата, по возрасту старше меня, по имени Михаил, Николай, Гавриил. Отец и братья участие в воспитании меня не принимали. Отец живет Ворошиловградская область, станция Кагановичево, поселок Кагановичево, ул. Нижнепограничная №34. Место нахождения братьев – не знаю. Воспитала меня бабушка, которую я называю матерью. Бабушка работала и работает в прислугах. Образование 6 классов начальной средней школы. После чего учился на вечерних конторских курсах. Владею в совершенстве языком: Русским и Украинским. Место работы: Ворошиловградская область, г. Лисичанск.

С 1932 г. по 1935 г. ученик, а потом счетовод Госбанка

С 1935 по 1938 г. табельщик, а потом конторщик финансового отд. «Подземгаз»

В 1937 г. делал попытку уехать за границу

1. Просил иностранца, чешско-подданного Мартынака выхлопатать визу на выезд за границу. Он пообещал, говоря, что нужны деньги. Продав свои вещи, дал ему 1200 р. Вскоре его выслали из СССР. Деньги пропали.

2. В г. Харькове заходил в германское консульство с вопросом хочу поехать за границу. Кто-то мне грубо ответил – русских паспортов не визируем.

3. Писал на имя правительства СССР, что бы разрешили поехать к родственникам в Югославию. Получил отказ. Родственники живут в Югославии с 1920 г. г.Любляна. Альбин Тому и Соня Романовна Калинина (по девичьей фамилии).

До 1937 г. ни в какой организации не состоял. В апреле м-це 1937 г. вступил в члены профсоюза. Перед отъездом в армию 21-IX-38 г. вступил в члены комсомола. Я не разделял и не разделяю свои личные взгляды с программами существу-

ющих организаций в СССР – все же я решил вступить в члены с целью – точнее и подробнее изучить и присмотреться к жизни и действиям этих организаций. Сравнить их программу и факты действий. Выдавать громко свои личные убеждения – касающиеся политического строя в СССР я не мог. Чтобы не подвергнуть себя опасности.

Тайно, в удобные моменты, я всегда наводил на мысль о необходимости коренного изменения политического строя в СССР.

17 сентября 1938 г был на призыве. 22 сентября 1938 г прибыл к месту отбывания воинской службы. Приписан в артиллерию. По прибытии я был определен рядовым красноармейцем хозяйственного подразделения. Кто был в стороне, чуждался общественности, не читал газет, журналов, литературы, не слушал радио передач, не посещал собраний, лекций и т. д. тот считался политически-морально неустойчивым, обычно за таковым устанавливался надзор.

Внешне, я так же самое все это выполнял, но вместе с тем, наблюдал, сравнивал факты, жизнь, настроения и отзывы на пропаганду, передаваемую через радио, печать и агитаторов. Мои наблюдения помогали мне разбираться в вопросах политики СССР. По этим мотивам – общественности я не чуждался.

Не зная глубины моей души, за внешнюю «прилежность» в мае 1939 г. мне присвоили звание «заместитель политрука» (заместителями политрука назначаются рядовые красноармейцы, могущие вести читку газет, литературы, организовывать игры, спектакли. Административных прав не имеют. Выполняют только указания и приказания политрука подразделения).

Будучи на положении вруна, передавая неправду во время читки газет и книг, я всегда старался в разъяснениях наводить мысли слушающих на размышления о власти, существующем строе. Делал я это осторожно, чтобы нечем себя не скомпрометировать. В процессе моих наблюдений и работ, я делал вид, что с полным желанием и прилежностью работаю в роли заместителя политрука. Но, я изучал глубины лжи и обмана, наблюдал методы воспитания в армии, настроения командного и рядового состава, их отношение к пропаганде. Я видел несправедливость и недовольство масс – армейской. Мои

наблюдения мне подсказывали и окончательно убеждали, что в СССР построено все на фальшивой манете. Я видел людей, которые внутри себя недовольны советской властью, но они ни единым звуком не могут этого произнести в слух. Родители – колхозники, пишут своим сыновьям – мрем с голоду, а в армии, красноармейцу колхознику говорят – твои родители и ты сам живете прекрасной жизнью «сталинской эпохи». Это один пример из миллионов подобных несправедливостей. В процессе моих наблюдений у меня вырабатывалось тысячу разнообразных планов – создать ядро борьбы против существующего строя. Поведать откровенно свои мысли комунибудь, это значит пойти под растрел. Но, отказаться от зародившихся мыслей – не мог и не могу.

Примерно в августе м-це 1939 г был переведен в батарею. Работа та же. Все то-же. Своих мыслей и работ я не прекращал. Переход польской границы в сентябре м-це 1939 г – скрыто. Я так же объяснял, что это предлог для захвата бывшей Польской территории. Осторожно, но я старался вполне правдиво об этом говорить. В период марша в Польше соприкасаться в разговорах с населением нам было запрещено. Но, по мере возможности, я старался вполне справедливо освящать жизнь в СССР.

Подробно раскрывал методы преследования религии в СССР. Останавливался на вопросах полного отсутствия товаров широкого потребления, голодной жизни крестьян в колхозах и т. д. Несколько раз я был замечен политруком, что разговариваю с жителями, за это мне было вынесено взыскание – выговор. Меня никогда не покидала мысль уехать за границу. В период прибывания в Польше, свое желание хотел осуществить. Будучи в мест. Высоко-Литовск, в одну из ночей, я готовил побег за реку Бут, что бы потом уехать в Югославию, но в ночь в которую я решил бежать – меня поставили в наряд. Своего побега выполнить я не мог. Надежду бежать из России я не терял. Эта мысль у меня в голове была всегда на первом месте, хотя я возвратился в СССР и жили до момента приезда полка на фронт в Финляндию в январе м-це 1940 г. Моя работа в роли заместителя политрука, за весь период вышеизложенного времени, заключалась в исполнении приказаний политрука. Политруком давались мне указания издавать в подразделении стенгазету.

Этих приказаний я не выполнял. За это так же получил предупреждение. Радио и печать подготавливали общественное мнение СССР о якобы готовящемся нападении на СССР со стороны Финляндии. По указанию политрука, я конечно читал красноармейцам газетные статьи, но то же самое по мере возможностей, старался одиночкам говорить, что это вновь как предлог для войны, что бы захватить Финляндию. После начала войны, сообщения в печати о создании «Правительства Куусинена» и заключения «о взаимной помощи» пакта, было мною разгадано как маневр правительства СССР.

Некоторые военные старались так же найти истину сего. Были вопросы комиссару полка – как же так, «правительство Куусинена» создано в 20-25 км от советской границы? Подобных дел в истории государств никогда не было? Но нас заставляли верить и говорить об этом другим. Прибыв на фронт, моя работа заключалась аналогично предыдущей. Я все время пассивничал, даже в вывешивании газет на витрину.

Мысли красноармейцев, всегда наводили на то, что в Финляндии жили хорошо. Об этом можно было судить по постройкам и оставленным в них вещам. Указывал так же на то, что финны дерутся как львы – значит любят свою родину.

Политрук батареи, стал меня подозревать в том, что я разлагаю массы. Всегда свои замечания он кончал фразой «тебе будет плохо». Все время я искал удобного момента – перейти на сторону финнов. Но меня никуда не пускали. Всегда меня держали на огневой позиции. Иногда мне удавалось уйти на передовую позицию, чтобы осуществить свое желание – бежать к финнам. Но, обычно всегда были большие расстояния до места нахождения финнов. Беспрерывное ведение огня с обеих сторон, так же самое не давало возможность перебежать.

Была в голове еще и такова мысль – получу ранение – русские захватят и все равно убьют. Я, обдумывал самые разные планы побега. Когда неожиданно для нас, был заключен мир, а политрук давал пояснения личному составу батареи о заключении мира – в присутствии красноармейцев я стал ему говорить о несуществовавшем «правительстве Куусинена», «народно-революционной армии», что все это было создано фиктивно. Война затеяна СССР для захвата Финляндии. Печать и радио ввали. Нас заставляли верить и другим говорить

неправду. Приказал мне замолчать политрук. Сказав, что я окончательно разлагаю массу, об этом будет доложено комиссару полка, а потом добавил, про тебя давно известно, как политически неблагонадежном, на тебя полно материалов для расследования. В ответ я ему сказал, сколько угодно материалов могут посылать, но неправда вылилась наружу ясно. Стоящим бойцам я также объяснил о причинах войны. Всю ночь не спал. Обдумывал план побега. Я решил уйти навсегда, чтобы окончательно повести борьбу против советской власти. После завтрака 14 марта 1940 г. я сказал политруку, что мне нужно сходить в 3-ю батарею по делам. Получив разрешение на недолго – я ушел. Пошел по направлению места расположения русской пехоты, знал, что где-то поблизости должны быть финны. Вошел в деревню, я уяснил, что деревня не вся была занята русскими. В разговоре со встретившимися русскими – запасниками я узнал где расположены финны. По этому направлению вела колесная дорога, которая потом оборвалась, и дальше пошла лыжная дорога.

Я забежал за деревья и лыжным следом бежал вперед все время пригинаясь, пока не подошел к месту срубленного дерева – где стояли финские часовые.

Подошел к ним, наган и наганные патроны положил у их ног, а потом перешли за срубленное дерево. Вызванный часовым переводчик, узнав мои намерения – отправил меня в какой-то штаб (оттуда) потом в следующий, на второй день я отходил вместе с обозом какого-то штаба. Вечером был отправлен в 3-й штаб, где были сняты с меня допросы.

Цель моего побега из России и прибывание за границей – таковы:

Правдиво писать о жизни в СССР, Бороться за свержение советской власти.

Я начал разрабатывать программу воззваний к правительствам и партиям иностранных государств «Россия должна быть спасена».

Что привело меня к подобным мыслям.

Живя в России, наблюдая жизнь, пропаганду и действия советского правительства, еще в возрасте 11-12 лет, когда я был свидетелем системы насильственной коллективизирования крестьянских хозяйств – в этот период времени, у меня зародилась мысль повести борьбу против советской власти.

В России диктаторской власти не должно быть. Это убеждение. У меня не было, нет и не будет в мыслях того, чтобы принести вред стране, которая окажет мне убежище от преследования моих (моих) идей в СССР.

Я чист в моем переходе в Финляндию. Других грязных мыслей у меня нет, не было и не будет никогда. Я хочу и буду бороться за освобождение России, чтобы создать там власть, которая бы приносила пользу всей России и миру, но не группе и партии которая следует утопическим учениям Маркса-Энгельса-Ленина и диктаторству Сталина.

Александр Семихин

Suomi

Mikkeli

Vankila

1940 г. 22/4.

(Ulkoasiainministeriön arkisto.)

Государственная полиция

Хельсинки

Март 10, 1942

№ 10425/V

Настоящим государственная полиция с уважением возвращает в министерство сопроводительное письмо № 17153 от 7 мая 1940 г. и прилагающиеся к нему документы, касающиеся прошения о предоставлении вида на жительство советскому гражданину Семихину Александру, которые по досадному недоразумению попали в архив государственной полиции.

Семихин получил вид на жительство 30/10-40 г. по просьбе статистического отдела главного штаба вооруженных сил.

С начала нынешней войны он работает помощником диктора в русскоязычных радиопередачах.

Заместитель директора/ подпись /

Референт / подпись /.

(Перевод с финского.)

(Ulkoasiainministeriön arkisto.)

ПРИЛОЖЕНИЕ 9

Проект руководства по допросу военнопленных

Секретно.

Проект руководства по допросу военнопленных.

Установление национальности военнопленного.

К представителям *нерусских* национальностей (список и различные языковые группы в приложении №1) следует относиться более внимательно, чем к русским, так как уже во время войны их можно использовать в различных целях, или же, по крайней мере, подготовить из них людей, которые после обмена военнопленными, вернувшись в Советский Союз, расселятся среди советских людей.

Нельзя утверждать, что у *нерусских* военнопленных разбужено чувство национального самосознания. Попавшие в плен красноармейцы являются представителями низшего слоя жителей Советского Союза, в кругу которого низкий образовательный уровень. Фальсификация советской пропагандой даже самых наипростейших сведений и обстоятельств задушила самосознание *нерусских* народов.

Хорошее владение русским языком совсем не означает, что военнопленный автоматически является *русским*, он может происходить из того региона, где русское влияние сильно, или он попал в русский район, куда обычно расселяют *нерусских*. Национальность все-таки необходимо выяснить, и сделать это нужно на ранней стадии допроса, или же в крайнем случае, при отборе в лагерь для пленных.

Во время допроса следует остерегаться давать военнопленному такие представления, из которых он может понять, что принадлежность к *нерусской* национальности дает преимущества, и наоборот.

Допрос вообще проводится на русском языке. Если пленный плохо говорит или совсем не говорит по-русски, тогда следует спросить – на каком языке он говорит лучше. Пленного, заявившего, что язык, на котором он говорит, – не русский, следует заставить врасплох, задав ему вопрос на его языке, и проследить его реакцию. Если допрашиваемый придет от это-

го в изумление и его речь станет многословной на своем родном языке, то вопрос о его национальности разрешен. Потом можно успешно допрашивать его на русском языке дружеским тоном. Выяснить национальное самосознание военнопленного, упомянув при допрашиваемом важные исторические события его народа, героев освободительной борьбы, великих поэтов или других героев его народа. В приложении № 2 содержатся эти фразы и события. Результат следует отметить в карточке допроса военнопленного в графе «национальность». Отдельно отметить знание языка и степень развития национального самосознания военнопленного.

Если военнопленный свободно говорит по-русски, выявить его национальность более осторожным способом. Далее, следовало бы лучше спросить сначала о месте жительства или рождения. В каком регионе это находится (республика, область или край). Если он точно не знает, следует спросить, какие большие города там есть и на каком они расстоянии от его места жительства или рождения. В приложении № 3 есть таблицы, из которых допрашивающий узнает, к какой национальности может принадлежать военнопленный.

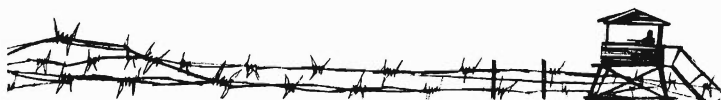
Прямым вопросом или наблюдением за реакцией на фразу, заданную на родном языке, можно определить принадлежность военнопленного к какой-либо национальности. Однако из-за произошедшего переселения народов военнопленный может принадлежать и к другой национальности.

Способом ведения допроса, а также установления национальности, является вопрос к допрашиваемому – верующий ли он. Если он ответит, что «неверующий» (какими являются многие граждане Советского Союза), то следует выяснить, какую религию исповедуют его родители. Вероисповедание различных национальностей отмечено в приложении № 1.

Ниже приведены некоторые внешние признаки для выявления *нерусских* военнопленных, а также их отличие от русских и евреев.

Родственные финнам национальности. Несмотря на многие внешние черты, схожие с русскими, есть и много одинаковых с финнами черт характера, которые требуют другого, нежели чем к русским, отношения.

Украинцы – славяне, отличаются живостью нрава, но не такие чувствительные и покорные, как русские. Их внешний

вид – смуглое вытянутое лицо и карие глаза. Тогда как русские – невысокие и светлые. Украинцы произносят русское «Г» как «Х».

Башкиры – невысокие, монголоидный тип лица, цвет кожи – смуглый, темные волосы. Произносят «С» как «Х». Внешне трудно увидеть проявление национального самосознания.

Татары – значительно выше и стройнее, чем башкиры, а также значительно более подвижнее и стоворчивее.

Грузины и другие кавказские горцы – вообще имеют смуглый общий вид и тонкие черты лица. У них свободолюбивый характер и сильно развитое чувство собственного достоинства. Из этого следует, что они чувствительны ко всем проявлениям давления и грубости.

Азербайджанских тюрков из-за их внешнего вида часто путают с евреями. Их носы все-таки отличаются от еврейского типа носа с горбинкой и их глаза не так «выпучены» как у евреев. Они также способны произносить трудные слова, содержащие «Р», которые для евреев являются камнем преткновения. Во время собственной независимости, 30 лет назад, азербайджанцы использовали хороший способ для распознавания евреев: вставить в предложение слово «кукуруза» (русское название маиса). Евреи всегда «картавили» букву «Р». Черты характера такие же, как и у других тюрков-татар.

Приложения:

№ 1. Список национальностей, их группы, название различных языков и вероисповедание.

№ 2. Фразы на языках различных национальных групп (финская транскрипция); другие национальные отличия.

№ 3. Национальности, проживающие в различных республиках и районах Советского Союза.

(Перевод с финского.)

(Sota-arkisto.)

ПРИЛОЖЕНИЕ 10

22/7-41

Министерству Иностранных Дел

В связи с вышеуказанным заявлением Министерства Ставка заявляет, что так как упомянутые в нем советские военнопленные не выразили желание возвратиться в СССР в организованном обмене военнопленными после войны 1939–40гг., то они больше не являются военнопленными, находящимися в Финляндии. Их следует рассматривать как иностранных граждан, проживающих в стране, о которых Правительство дает распоряжение. Ставка также заявляет, что никто из них не может быть использован на работах оборонительного назначения.

Начальник отдела организации полковник С. Исаксон.

Начальник правительственного отдела майор Тапио Тарьянне.

(Перевод с финского.)

(Ulkoasiainministeriön arkisto.)

Памятная записка.

Ссылаясь на ноту МИД Финляндии, адресованную Полпредству СССР в Хельсинки от 12 октября 1940 г., НКВД просит Финляндскую Миссию довести до сведения Правительства Финляндии, что Советская сторона настаивает на возвращении в Советский Союз, оставшихся в Финляндии 20 человек в/пленных из числа военнослужащих Красной Армии. «18» ноября 1940. (Ulkoasiainministeriön arkisto.)

ПРИЛОЖЕНИЕ 11

Памятная записка.

Полномочное Представительство Союза ССР в Финляндии полагает, что Министерство Иностранных Дел Финляндской Республики не откажет в любезности навести справку, не находится ли в числе военнопленных летчик МАКСИМОВ Михаил Иванович 1914 года рождения, уроженец Рязанской области, Захаровского района, село Котогоща.

По сведениям, которыми располагает Полпредство, летчик МАКСИМОВ Михаил Иванович 21 февраля 1940 года совершил посадку на Финском заливе и, по всей вероятности, был захвачен в плен финляндскими войсками. Полпредство надеется, что соответствующие власти окажут необходимое содействие и наведут справку о летчике МАКСИМОВЕ Михаиле Ивановиче.

«17» июля 1940 года.

Пометка финских властей на документе «Сведений о пленении нет»

(Ulkoasiainministeriön arkisto.)

№41/2357

26/11-40.

Памятная записка.

Полномочное Представительство Союза ССР в Финляндии полагает, что Министерство Иностранных Дел Финляндской Республики не откажет в любезности навести справку не находится ли в числе военнопленных летчик ШАЛИН Николай Александрович 1909 года рождения.

По сведениям, которыми располагает Полпредство, летчик ШАЛИН совершил 8 марта 1940 года вынужденную посадку на Финляндской стороне линии фронта и возможно, что оказавшись в плену, он может быть как тяжело больной, находится на территории Финляндии.

Полномочное Представительство Союза ССР надеется, что соответствующие власти окажут необходимое содействие и наведут справку о летчике ШАЛИНЕ Николае Александровиче «25» ноября 1940 года.

Пометка финских властей на документе «Сведений о пленении нет».

(Ulkoasiainministeriön arkisto.)

ПРИЛОЖЕНИЕ 12

Финские листовки

(Орфография и стиль сохранены. – Д. Ф.)

Красноармейцы!

Вождь Советского Союза СТАЛИН не хотел завоевания Финляндии. В эту военную авантюру вас вовлекли ваши политруки и военный совет Ленинградского военного округа, для удовлетворения своего военного честолюбия.

Теперь вы, красноармейцы, совершенно зря гибнете. Многие ваши полки уже полностью уничтожены. Подвоз пищевых продуктов прерван, и поэтому перед вами голодная смерть. Добавьте к этому мороз и снежные заносы.

Если вы хотите среди всего этого ужаса уцелеть – СДАВАЙТЕСЬ! Опусть винтовку на плечевом ремне дулом вниз! Мы тебе не сделаем ничего дурного, стрелять мы не будем. Получишь пищу и тепло. Перед сдачей не забудь ухлопать своих политруков.

(Sota-arkisto.)

Жид – изменник –
доносчик – скотина.

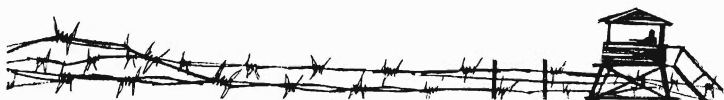
Вот кто ваш новый командующий

Григорий Михайлович Штерн.

Вся его жизнь один сплошной обман и как боец он ничего не сделал. Уже его имя обман. Он не Михайлович, а **Исаакович**. Это поганый жид! Он прошел пять классов школы, дальше не хватило ума. Он политический игрок и достиг чинов благодаря тому, что он лизал задницу Ворошилова. Уничтожение фельдмаршала Тухачевского его важнейшая победа. Или отчего его оставляли в живых, когда других «ликвидировали»? Из-за чрезвычайных заслуг? Чтобы скрыть свои преступления в качестве начальника штаба Восточной Красной Армии он донес на своего командующего, фельдмаршала Блюхера.

Спросите у чекиста Лушкова, который теперь живет в Японии, он тоже предатель? Спросите у вашего политрука, правда-ли это? Если он не даст ответа, спросите-ка у вашего командира. Если он будет говорить о победе у озера Хасан знайте, что этой лжи они и сами не верят!

(Sota-arkisto.)

Краслеты.

Освободитесь из рабства чекистов и политруков. Спускайтесь на лед любого из озер ФИНЛЯНДИИ и сдайте самолет нашим солдатам. За каждый самолет финны платят 5,000 – 10,000 долларов, другими словами, такую сумму денег на которую в Финляндии можете купить хотя бы 2,000 пар сапог. Кроме того получите возможность даром уехать за границу. На нижней части этой листовки напечатан для вашей безопасности пропускной билетъ со следующими словами по фински: красноармеец, предъявитель сего билета сдается в плен добровольно. С ним нужно обращаться хорошо и препроводить к ближайшим военным или гражданским властям.

(Sota-arkisto.)

..

Бойцам Красной Армии с УКРАИНЫ.

Украинцы. Обитатели хлебной житницы Русской земли. Судьба опять готовит вам уничтожение.

В царское время золото ваших полей питало колоссальное бюрократическое хозяйство. Вы платили ваши налоги пшеницей. Уже тогда народ временами голодал, хотя все время потоки зерна текли за границу с его полей.

И сейчас ваша участь все та же, вас, наиболее трудолюбивых земледельцев мира. Теперь ваши поля в колхозах. По-прежнему грабят ваше зерно, и народ гибнет от голода.

Куда деваются деньги, полученные за хлеб. – На поддержку большевистской империалистической войны.

Что делают с лучшими людьми Украины. – Бросают их на фронт, как пушечное мясо.

Ваш хлеб служит для целей войны и смерти, хотя он должен был бы служить для питания. Кто своей лживой пропагандой поднял вас на борьбу против мирного рабочего и крестьянина Финляндии. – Это комиссары – бисово семя. А ведь их власть держится на вашем хлебе и кровавых жертвах, которые вы несете.

БЕЙТЕ КОМИССАРОВ – ОНИ – причина всех ваших страданий. Давите их как клопов, так как свою силу они получа-

ют, высасывая вашу кровь. Комиссары льют кровь Украинского народа. Чем скорее вы их прикончите, тем лучше будет для вас. Не мешкайте, приступайте к действиям.

Подумайте о страданиях Украины. Отомстите комиссарам.
(Sota-arkisto.)

..

Товарищи карелы, находящиеся на финском фронте!

Вас, как и всех красноармейцев, гонит командование на войну, якобы, для освобождения финского народа. Но мы не нуждаемся ни в чем освобождении – мы живем свободно и счастливо и, как вы уже убедились, встали как один на защиту своей родины.

Вы, карелы, обмануты своим правительством. Не против финнов, своих кровных братьев, должны вы воевать, а против своих угнетателей русских большевиков, напавших, для удовлетворения своих захватнических, империалистических целей, на нашу страну.

Вместо обещанной по Тартовскому договору автономии и полного самоуправления, вас, карелов, на протяжении 20 лет держали в полном угнетении и подчинении русским; над вами надсмехались и издевались; вас десятками тысяч в последние годы пересажали в тюрьмы и, наконец, вам преподнесли недавно вместо своего родного языка, изобретенный русским проф. Бубрихом язык, которого никто из вас и не понимает.

Не Финляндию вы должны освобождать, а свою родину – Карелию – от преступной, антинародной коммунистической власти.

Поднимайтесь, Карелы! Поднимайте всех остальных честных бойцов и мл. командиров и кончайте эту войну!

Карелы и финны должны быть свободны. Сдавайтесь в плен, переходите к нам и мы совместно освободим Карелию от большевистского ига и заживем свободной жизнью в единой братской республике.

(Sota-arkisto.)

..

Братья – карелы!

Вас посылают на смерть ваши вожди, чтобы освободить Финляндию. Неужели для вас еще не ясно, что освобождать

нужно не Финляндию, а свою родную Карелию от антинародной большевистской власти, которая пограла и затоптала все, что для вас дорого – свой язык, культуру, свободу.

Кончайте войну, сдавайтесь в плен, бросайте оружие! Ваше место – рядом с братьями, финскими рабочими и крестьянами, отстаивающими свою свободу и независимость.

(Sota-arkisto.)

..

Северные карелы, соплеменники! Возродите освободительную идею! Нападение русских на Финляндию положит начало свершению великих событий!

Поднимите втоптанные в землю мечты об освобождении Северной Карелии и воссоединении с Финляндией. Воплотите их в жизнь и начинайте действовать в тылу. Вредите военным действиям русских всеми способами – и делом, и словом.

Тогда вы сделаете и свое будущее хорошим.

(Перевод с финского.)

(Sota-arkisto.)

..

Воззвание к народу Восточной Карелии.

Братья карелы! Ваша жестокая участь под большевистским гнетом известно лучше нас: вы испытали ее на своей спине. Вас много лет терзали – или изменники своему народу вроде Пюллинга, или назначенные Москвой русские, большевистские комиссары. Сколько вас погибло, сколько сослано в Сибирь и в отдаленные края Советского Союза!

Сейчас комвласть опять затеяла в отношении вас очередное преступление. Она решила бросить Вас в войну против родного Финского народа, против ваших братьев – наших карел. Как обычно, свои преступления комвласть прикрывает обманом. Она образовала для Финляндии поддельное «правительство» красного палача и предателя финского народа Куусинена в Териоках. Она заключила с этим «правительством» фиктивный договор о соединении Советской Карелии с красной республикой Куусинена. Это значит, что всем тем ужасам и гнету, которые вы испытали от большевистской власти, московские комиссары собираются сейчас подвергнуть ваших братьев здесь в Финляндии.

Финский народ как один человек встал на защиту своей родины.

Братья карелы! Поднимайтесь и вы против московских угнетателей. Каждый делай то, что можешь, для освобождения от красного ярма.

Разваливай красную армию с тыла! Помогай своей родной финской армии в ее борьбе с врагом финского и карельского народов.

(Sota-arkisto.)

..

ДОБЛЕСТНЫЕ ПОТОМКИ ВЕЛИКОГО ШАМИЛЯ!

Горцы Кавказа!

Русские уничтожили вашу тысячелетнюю свободу! Они втоптали в грязь ваши национальные достоинства, вашу священную веру и Коран! Они ограбили ваше отечество, уничтожили ваши аулы и дома, обесчестили ваших жен и дочерей!

Теперь они хотят поработить и нас, свободных финнов! Они стремятся уничтожить нашу свободу и национальные достоинства. Вас принуждают сражаться против нас – ваших друзей.

Черкесские аскеры! Этого ли вы хотите? Безбожные политруки ведут лживую пропаганду, якобы мы финны напали на Россию. Это один из многочисленных большевистских вымыслов. Это явная ложь. Мы ничего не требуем от России! Мы только желаем жить свободно и мирно на своей Родине, так же как и вы на вашей, подобно свободным орлам на вашем райском Кавказе. Вам, равно и вашему Кавказу нет никакой пользы от этой войны против нас. Красная Москва опирается на ваше рабство, на кровавые жертвы и зиждится на ваших трупах и костях. Она хочет поглотить весь мир. Адскими способами она стремиться установить дьявольскую власть во всем мире.

Черкесские аскеры! Бесстрашные орлы Кавказа!

Бейте дьявольских наемников – политруков! Вернитесь на ваш цветущий Кавказ, где вас ожидают ваши пламенно любящие жены и невинные дети. Ибо здесь на суровом севере вас ожидает лишь неизбежная смерть.

Пробил час и вашего освобождения от невынасиമാго ярма безбожных комиссаров!

Вонзите острый кинжал в грудь политруков, которые причинили вам безмерные страдания.

Мы ваши друзья! Мы готовы оказать вам помощь.
(Sota-arkisto.)

..

Записано 10/12 (1939 г).

Кавказцы Красной Армии!

Для чего вы покинули ваши прекрасные горы, цветущие долины, горячих лошадей и жирных баранов?

Почему вы пришли с другой половины земного шара сюда на север терпеть голод, холод и смерть?

Потому, что преступное безумие большевистских комиссаров не знает границ. Вас они пригнали сюда с ваших прекрасных гор и долин, чтобы из ваших трупов сделать мост, по которому эти звери могут перейти для обращения в рабство Финского народа.

Кавказцы! – Весь старинный строй вашей жизни в горах был разрушен большевиками. Неужели вы по приказу комиссаров пойдете разрушать святую для нас свободу НАШЕГО НАРОДА? – Неужели вы забыли старинный горский закон: Свобода выше всего, орел выше ворона? – Правильно ли это, что большевистские вороны растащили в горах ваши орлиные гнезда? – Никогда не поверим. Почему же вы наступаете на Финляндию? – Потому, что вы отравлены коммунистической пропагандой и вас гонят в бой пулеметами. – Почему комиссары с таким остервенением гонят вас в бой? – Потому, что на вашем порабощении держится их шайтанова власть. Власть, которая хочет поглотить весь мир. И вы находитесь в подчинении у такой власти.

Горные ОРЛЫ ! – УБИВАЙТЕ коммунистов, этих каркающих воронов. ГРОМИТЕ их так же, как раньше громили их в своих горах.

КОЛИ комиссаров штыком, отстаивай свою свободу.

Бейте комиссаров и возвращайтесь в горы, где вас с нетерпением ожидают!

Здесь вас ждет ВЕРНАЯ СМЕРТЬ. – Одетые в теплые шубы комиссары пинают ногами ваши трупы. Не допустите этого, бейте их раньше.

ДОЛОЙ КОМИССАРОВ!

(Sota-arkisto.)

..

ПРИЛОЖЕНИЕ 12

Список мест содержания финских военнопленных и интернированных периода войны Продолжения

Номер лагерь	Название лагеря	Время существования лагеря	Место расположения
№27	Красногорский	1942–1950	г. Красногорск, ст. Павшино, Московская обл.
№45			
№58	Темниковский, Темлаг	1941–1947	ст. Потьма, Zubovo-Полянский р-н, Мордовия.
№67	Басьяновский	1942–1943	п. Басьяновский, Свердловская обл.
№68	Потанинский		Челябинская обл.
№74	Оранский	1939–1950	с. Оранки, ст. Шониha, Горьковская обл.
№75	Рябовский	1942–1947	д. Рябово, ст. Ува, Увинский р-н, Удмуртия
№76	Актюбинский	1941–1942	г. Актюбинск, Оренбургская обл.
№82	Усманский Воронежский	1942–1944 1944–1950	г. Усмань, Воронежская обл. г. Воронеж
№84	Монетно-Лосиновский Асбестовский	1942–1943 1943–1948	п. Монетный, Свердловская обл. г. Асбест, Свердловская обл.
№89		03.08.1942– 12.12.1942	п. Козловка, ст. Гюлерма, Чувашия
№95	Елабужский	– 1943	г. Елабуга, Татария
№95	Усманский	1944–1946	г. Усмань, Воронежская обл.
№97	Елабужский	1943–1948	г. Елабуга, Татария
№99	Спасо-Заводской	1941–1950	г. Караганда, Казахстан
№100	Суслонгерский	?–1943	Марийская АССР
№101	Вятский	1943–1945	п. Вятские Поляны, Кайский р-, Кировская обл.
№126		1943–1944	г. Шадринск, Курганская обл.
№135	Волосовский	4.11.1943– 13.12.1944	п. Волосово, Ленинградская обл.
№150	Грязовецкий		г. Грязовец, Вологодская обл.

Номер лагеря	Название лагеря	Время существования лагеря	Место расположения
№ 157	Бокситогорский	1943–1947	г. Бокситогорск, Ленинградская обл.
№ 158	Череповецкий	1941–1948	г. Череповец, Вологодская обл.
№ 160	Суздальский		Владимирская обл.
№ 211	Соломбальский	1944	Архангельская обл.
№ 224	Вельский		Архангельская обл.
№ 241			Половинка, Кизильское, Челябинская и Курганская области.
№ 254	Сестрорецкий		Ленинградская обл.
№ 260	Орский	1943–1949	г. Орск, Оренбургская обл.
№ 270	Боровичский	1942–1952	г. Боровичи, Новгородская обл.
№ 339	Ленинградский	1945–1946	г. Ленинград
	Унжлаг		ст. Сухобезводная, Горьковская обл.
	Вологодский		ст. Явеньга, Вожегородский р-н Вологодская обл.
	Лагерь «Сухое»	1941–?	Сухой Наволок, г. Беломорск, Карелия
	Приемный пункт №3		Карельский фронт
	Лагпункт		г. Петрозаводск, Карелия
	Партийная школа		г. Уфа
	Лагпункт		г. Кемь, Карелия
	Тюрьма г. Петрозаводска		г. Петрозаводск
	Петропавловская крепость		г. Ленинград
	Шпалерная?		г. Ленинград
	«Дума»? "Duma"?		г. Ленинград
	«Женская тюрьма»?		г. Ленинград
	Тюрьма г. Ярославля		г. Ярославль
	Тюрьма г. Архангельска		г. Архангельск
	Тюрьма г. Беломорска		г. Беломорск
	Бутырская тюрьма		г. Москва
	Лубянская тюрьма		г. Москва
	Тюрьма г. Свердловска		г. Свердловск

Номер лагеря	Название лагеря	Время существования лагеря	Место расположения
Лагеря системы ГУЛАГ НКВД-МВД СССР			
	Востокураллаг		
	Вятлаг		
	Интлаг		
	Иркутлаг		
	Краслаг		
	Норильлаг		
	Севжелдорлаг		
	Устьвымлаг		
	Ухтоижемлаг		

Таблица составлена по: РГВА, ф. 1п, оп. 3з, д.1; РГВА, оп. 1а, оп. 35, д. 26; РГВА, ф. 1а, оп. 11, д.5; РГВА, оп. 11а, д. 4; Архив Sotavangit r.y.; Sota-arkisto T26073/1-21, Протоколы допросов возвращенных финских военнопленных 1944-45; Военнопленные в СССР, 2000; Ассоциация «Военные мемориалы».

ПРИЛОЖЕНИЕ 13

Выборочные данные о местах захоронения финских военнопленных периода войны Продолжения

Архангельская область

– д. Новая, Соломбальский район

Вологодская область

– г. Череповец

Горьковская область

с. Оранки

ст. Уста

ст. Сухобезводная,

Карагандинская область

– п. Спасск

Кировская область

пос. Рудники, Кайский район

ст. Има

пос. Пинюг

ст. Бостряки

Ленинградская область

– Бокситогорск

Московская область

– г. Красногорск

Новгородская область

пос. Устье

г. Боровичи

с. Елга

д. Опочно

Свердловская область

г. Краснотурьинск

г. Реж

п. Басьяновский

Тамбовская область

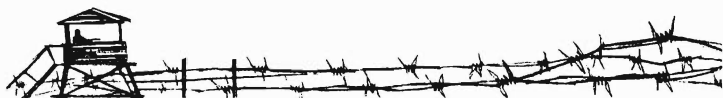
– г. Кирсанов

Удмуртская республика

– пос. Рябово, Увинский район

Чувашская республика

с. Беловежск, Козловский район

Сталинградская область

– Сталинградский пересыльный пункт

Оренбургская область

г. Актюбинск

Составлено по: Архив Sotavangit r.y; Ассоциация «Военные мемориалы»; РГВА, оп. 1а, оп. 35, д. 26; РГВА, ф. 1а, оп. 11, д. 4; РГВА, оп. 11а, д. 5; Коллекция Мемориального музея немецких антифашистов (г. Красногорск).

ПРИЛОЖЕНИЕ 14

Опросный лист Сеппяля Севери (Орфография и стиль сохранены. – Д. Ф.)

Сов.секретно.

Опросный лист

Военнопленного финского солдата 11 самокатно-лыжного отряда

Сеппяля Севери Андреевича

Захваченного в плен на Кандалакшском направлении 6.2.43 г. в районе Юлякурти.

СЕППЯЛЯ Севери Андреевич родился в 1920 г. в губернии Оулу волости Пюхяиеки дер. Юппяри в семье сельскохозяйственного рабочего. Отец работал по найму в сельском хозяйстве и на лесозаготовках. Образование – окончил 6 классов начальной школы в дер. Юппяри. Холост. Отец и мать проживают дома, 2 брата служат в финской армии, третий брат убит на фронте в июле 1941 г. на Кестеньгском направлении. В партиях не состоял. Солдат 11 самокатно-лыжного батальона.

Служба в армии

В финскую армию призван 10.4.1940 г. и зачислен солдатом в учебную команду легкого самокатного отряда 18 роту, которая дислоцировалась в гор. Илмаиеки. В этой роте находился около двух месяцев, в июне месяце 1940 г. был переведен в 11 самокатно-лыжный батальон, в котором и находился до момента пленения.

В 1940 г. рота, в которой служил пленный называлась усиленной ротой и находилась она в составе 12-й бригады.

II. Части действующие на Кандалакшском направлении

На Кандалакшском направлении пленному известно, что действуют 2 финских батальона, 3-й легкий отряд и 7-й погранбатальон.

Кроме того на Кандалакшском направлении имеются немецкие части, нумерацию которых и численный состав пленный не знает.

3-й отряд состоит из 4-х рот: 3-х стрелковых и одной пулеметной. В каждой стрелковой роте до 160–180 человек.

Отрядом командует майор, фамилию которого пленный не знает. На вооружении каждая рота имеет: 6 ручных пулеметов, 25 автоматов, остальные винтовки.

Пулеметная рота имеет на вооружении 16 станковых пулеметов, другое вооружение этой роты не знает.

Тяжелого вооружения кроме пулеметов ни стрелковые ни пулеметная рота не имеет.

3-й отряд занимает участок обороны по реке Кутсойоки, точное место расположения подразделений этого отряда не знает. Слышал, что штаб отряда располагается в 10 километрах южнее Вуориярви в бараках, в коорд. /0676/, здесь же размещаются две роты 1 и 3 этого отряда. 2-я рота занимает оборону на берегу оз. Валколамби в кв. /9094/ в 3-х бараках выстроенных осенью 1942 года. Месторасположение пулеметной роты не знает.

Место расположения штаба отряда обнесено кругом провололочным заграждением, проволока идет местами по деревьям и в некоторых местах спутанными пучками по земле. В провололочном заграждении установлены мины натяжного действия.

Вблизи провололочного заграждения проходит сеть осветительных ракет.

В излучине реки Кутсо в 100 метрах на восток имеются 3 открытых огневых точки и окопы. Должны быть минометы, но где они – пленный не видел.

Третий отряд держит связь с соседними частями справа и слева, имеются контрольные лыжни, точное место прохождения лыжни он не знает, т.к. они часто меняются. Порядок контролирования участка проходит следующим порядком. С соседями договариваются о месте встречи и с обеих застав одновременно выходят патрули, встречаясь на середине между заставами и расходятся опять обратно. Лыжня или участок контролируется один раз в сутки днем.

Других данных о бригаде не знает.

7-й погран. батальон 3-х ротного состава, в каждой роте 150-160 человек – занимает участок обороны: 3-я рота в коорд. /3282/.

1-я рота в районе озера Суоньма /4288/ и 2-я рота севернее Юликурти, точное место расположения не знает. Пуле-

метная рота расформирована в конце декабря м-ца 1942 г. личный состав пульроты вошел в стрелковые роты, все станковые пулеметы так же были распределены по ротной, но сколько в какую роту не знает.

1-й взвод 1-й роты 7-го погран.батальона находился в коорд. /4290/ с 15.1 по 5.2, их сменил 3-й взвод, а первый взвод отошел в район озера Суньма, где размещается КП роты.

Командир б-на майор ВЕТТЕРСТРОНД. Командир 1-й роты лейтенант САЛМИНЕН, командир 1-го взвода лейтенант ЛИЕККА.

Командир 2-й роты капитан АКМАН и командир 3-й роты лейтенант ПИТКЕНЕН.

Систему охраны штаба батальона пленный не знает.

1-й взвод, в котором служил СЕППЯЛЯ нес службу путем высылки дозоров на восток и север. Дозоры высылались на север до горы Репотундуры /4894/ в количестве 7 человек /из 34 чел. во взводе/. Дозор имел на вооружении 2-3 автомата и остальные винтовки.

Всего во взводе имеется 2 ручных пулемета, 7 автоматов, 24 винтовки.

На восток эти же патрули выходили до озера Ахвенярви /4294/ так же в количестве 7 человек, делая полукруг по контрольной лыжне, от КП взвода до Ахвинярви идут по одной лыжне, а от Ахвинярви на север ходили разными местами в зависимости от условленного места встречи с соседним патрулем.

В задачу патруля ставилось обнаружение пересечения лыжни.

ГАРНИЗОНЫ

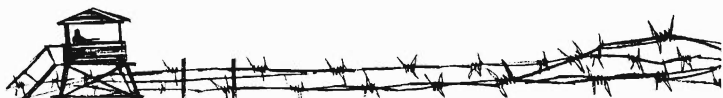
В Алакурти находятся немецкие части, их численность и нумерацию не знает.

Пленный слышал, что у р. Питковаара /4088/ стоит батальон немцев.

В районе ур. Сяркиваара /4094/ расположен полк немцев.

В районе коорд. 4288, где находится командный пункт 1-й роты, так же имеется гарнизон немцев до 160 человек, немцы размещаются в полуземлянках.

Дер. Юлякурти сожжена, но там выстроено несколько новых барачков, где также находятся немцы, их количество не знает.

В Алакурти в сторону р. Тумса на правой стороне дороги /3082/ были видны из земляных укреплений до 4-х зенитных орудий, видны были только их стволы. Около орудий находились немецкие солдаты. Количество солдат не знает.

В Юлякурти видел три легких танка, которые стояли у хвойных шалашей на берегу р. Тунтса. Вероятно таких танков имеется больше, которые находились в шалашах. В некоторых шалашах были видны автомашины. По дороге ходил немецкий часовой.

Расположения немецких складов не знает, но склад погран.батальона имеется в Алакурти около штаба б-на. Помещается в одном бревенчатом бараке размером около 6х18 м. Об охране складов ничего неизвестно, днем часовых не было видно. В роты продукты привозятся из склада батальона и распределяются солдатам на руки, а поэтому в ротах складских помещений не имеется.

РАЗНОЕ

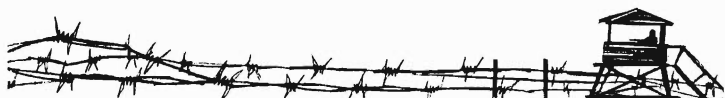
Из общего котла солдаты получают пищу только один раз в день суп. В остальное время довольствуются самостоятельно. Хлеб выдавался без нормы, а остальные продукты выдаются по норме, в таком малом количестве, что 3-х дневную норму некоторые расходуют в один день. Папиросы выдаются по 5 шт. на день, кроме этого можно купить в ларьке 7-8 пачек в месяц. Продукты в большинстве немецкие.

Дорога Алакурти – Vuorijarvi летом находилась в плохом состоянии. Курсировали по ней две грузовые машины, которые привозили в роту продукты и почту из Алакурти на берегу р. Кутсамойоки. В настоящее время движение по этой дороге должно быть оживленнее, т.к. там расположен лыжный отряд.

Из Юлякурти в расположение 1-й роты погран.батальона /4288/ проложена новая дорога, по которой в зимнее время ездят на автомашинах, большое движение на лошадях. Охраны на дорогах не имеется и движение происходит без всяких пропусков.

Связь между ротой и взводами телефонная. При 1-м взводе находятся три немецких радиста. При штабе погран.батальона тоже имеются 6-7 немецких радистов.

Финские солдаты немцев ненавидят и всячески обзывают их. Немецкие радисты живут в палатке командира взвода и с

финскими солдатами не общаются. Из разговоров отпускников пленный узнал, что в тылу Финляндии, в особенности в городах происходят частые скандалы между немцами и финнами доходящие до драки.

На фронте также отношения между немцами и финнами нехорошие; никакого общения между ними нет, друг с другом не разговаривают, не приветствуют и даже немцы финских солдат не допускают в расположения немецких частей.

Зимнее обмундирование выдали в ноябре м-це: теплые полупьяксы, шапки-ушанки, зимний мундир и полушубки. Рукавицы и шерстяные свитера у всех остались с прошлой зимы. Все обмундирование кроме шапок было старое – бывшее в употреблении. Большинство солдат получают посылки из дома.

Финские солдаты чувствуют себя усталыми от войны, ждут ее скорого окончания. Между собой обвиняют немцев, как виновников в этой войне, втянувших в нее Финляндию.

ДОПРОС ПРОИЗВЕЛ: НАЧ.2 ОТДЕЛЕНИЯ

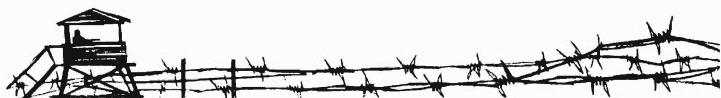
МАЙОР: (СТОЛЯРОВ)

Переводчик – (КАПАНЕН)

22 февр. 43 г.

АЯ-2

ГАОПДФК, ф. 213, оп. 1, д. 408, л. 17–18.

ПРИЛОЖЕНИЕ 15

(Орфография и стиль сохранены. – Д. Ф.)

Рапорт помощника Командира партизанского отряда «Красный Партизан» Новикова.

СОВ.СЕКРЕТНО.

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДОТДЕЛА КАРЕЛЬСКОГО ФРОНТА

Полковнику – тов. Поветкину.

РАПОРТ

С 9/VI – по 4/VII-1942 года отряд «Красный Партизан» под командованием капитана тов. ЖУРИХ и комиссара отряда Ст.политрука т. КОРОЛЕВА находился в тылу противника.

18 июня после ожесточенной перестрелки с противником в районе дороги Вокнаволок – Латвозеро, отрядом был захвачен в плен раненый солдат Егерьского батальона щюцкоровец ХИЛТУНЕН Онни, 1920 года рождения, уроженец гор. Хельсинки, по национальности финн.

Захваченный ХИЛТУНЕН мною был коротко допрошен. На дороге чего-нибудь ценного пленный не показал, а так как отряд еще продолжал движение в сторону своего места базирования в тылу противника, то естественно его пришлось уничтожить, путем расстрела из винтовки «ГЕК».

Привожу несколько примеров из показаний пленного ХИЛТУНЕН О.

На вопрос: Какая численность и вооружение отдельных гарнизонов /Костомукша, Вокнаволок, Латвозеро, Кентоозеро, Пахомоваара/, ответил, что: «Не знаю, так как в них не был, а в деревне Кентоозеро насчитывается около 100-120 человек л/состава, есть пулеметы автоматы, минометы 2 или 3 не знает и бронивичек».

О численности и задачах преследовавшей отряд карательной группы показал: «Отряд был обнаружен полевым караулом д. Костомукша о чем было донесено в гарнизон и сразу же организовано преследование.

Группа преследователей была составлена из отборных солдат щюцкоровцев Костомукшского и Латвозерского гар-

низонов из 38 человек, в том числе 15-20 автоматчиков остальные с винтовками.

Позже группа была усилена за счет солдат Кентозерского гарнизона.

Командование гарнизонов считало, что задача двигающего отряда пройти старую границу СССР с Финляндией и на территории Финляндии напасть на один из гарнизонов. Группа преследователей себя не выдает до начала действий отряда, а как только отряд начнет действовать задачей группы являлось бить его с тыла».

На вопрос: «Как солдаты отзываются о партизанах» ответил коротко – «Партизаны опасные люди».

Так как пленный вел себя воинственно настроенным ему был задан вопрос: «За что вы воюете». Он на что с иронией заявил: «Я выполняю приказ моего командования». Было добавлено: «А что вам обещает Маннергейм» – ответил: «Ничего не обещает, а мы воюем за тем, что-бы обезопасить свои границы».

После недолгого еще разговора с ним комиссар отряда дал приказание расстрелять пленного.

Прилагаю документы изъятые у пленного ХИЛТУНЕН 2 письма и документы захваченные у убитого солдата Егерского батальона № 388744, календарь книжечной 1942 года, фотокарточек – 9 одна из них фотография убитого, финских денег – 102 марки. (одна ассигнация достоинством в 100 марок и 2 марки разменной манеты). Отдельные листки с изображением печати № 9872.

Бывший Пом. Командира п/о. «Красный Партизан»
по оперативной части – Мл. Лейтенант Гос. Безопасности – (Новиков)

Верно. СТ.ПОМ.НАЧ. 1 ОТДЕЛА ШТАБА ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ № 00126

Лейтенант Гос. Безопасности – (СТОЛЯРОВ)

» августа 1942 г.
гор. Беломорск.

ГАОПДФК, 213, оп. 1, д. 178, л. 5–5об.

ПРИЛОЖЕНИЕ 16

Опросный лист финского перебежчика ХЯРМЯ Осмо

(Орфография и стиль сохранены. – Д. Ф.)

Вх. №1245

31.5.43.

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ

Финского перебежчика – солдата 34 отдельного саперного батальона ХЯРМЯ Осмо Ивановича, сдавшегося в плен 12.5.43 г. в районе кв. 4606

ХЯРМЯ Осмо Иванович, 1924 г.р., урож. г. Кеми губернии Лаппи – Финляндия. Финн.

Происходит из рабочих, образование 6 классов. Беспартийный, член профсоюза металлистов. До 1942 г. работал токарем в механической мастерской акц. о-ва Кеми. В 1942 г. работал шофером почтовой машины в Хельсинки.

Имеет семью: мать – работница мебельной фабрики в Хельсинки, сестра – работает в аптекарском магазине в Хельсинки, брат служит в финской армии сержантом на Медвежьем направлении часть КПК 1-5875.

СЛУЖБА В АРМИИ.

ХЯРМЯ О. И. в октябре 1942 г. был призван в финскую армию в г. Кеми и зачислен в 1 роту 1 б-на учебного центра саперов в м. Корья (150 км. СВ. Хельсинки). Учился до конца января 1943 г., затем был направлен в 34 отдельный саперный батальон (Ухтинское направление), где и служил до момента сдачи в плен.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА СДАЧИ В ПЛЕН

25.4.43 г. пленный в разговоре с командиром роты капитаном ХАЛОНЕН, в присутствии солдат высказался неодобрительно о союзе «Братья по оружию», не встал, пустился с ним в пререкания. Капитан ХАЛОНЕН доложил об этом рапортом к-ру б-на, а 11.5.43 г. ХЯРМЯ был вызван в военную полицию, допрошен и задержан. Там-же ему объявили, что 12.5.43 г. его ХЯРМЯ будут судить.

В целях уклониться от отбытия наказания ХЯРМЯ, якобы решил бежать и перейти на сторону Красной Армии. Воспользовавшись тем, что часовой охранявший изолятор ушел в уборную – ХЯРМЯ бежал из изолятора сначала в свою роту, там взял лошадь, верхом отъехал 3-4 км. в сторону передовой линии, а потом бросив лошадь подошел к боевому охранению, где встретив знакомых расспросил у них расположение полевых караулов и обойдя их перешел линию фронта в кв. 4606-б – восточнее безымянного озера и сдался в плен.

ГАРНИЗОНЫ И ВОЕННЫЕ ОБЪЕКТЫ

Пленному известны следующие гарнизоны и военные объекты противника.

На ст. Корья (150 км. СВ Хельсинки) в помещениях старых русских казарм – размещается учебный центр саперов, где проходит подготовку призываемая в армию молодежь 1925 г.р.

Учебный центр состоит из полуторных батальонов, из них в 1-м – 4 роты по 240 человек, во втором 2 роты. Всего около 1500 человек.

Учебный центр подчиняется непосредственно Начальнику Управления саперных войск финской армии генерал-лейтенанту САРМЕН.

Начальник учебного центра полковник ПЮЛКЕНЕН. Фамилии остального командного состава пленный не знает.

Второй учебный центр по подготовке резервов для пехоты находится в м. Коуволла (6 км. севернее Корья) и размещен также в помещениях бывш. русских казарм.

Количество обучающихся там солдат пленному неизвестно.

Штаб и все подразделения 34 отд. саперного б-на расположен на восточной оконечности оз. Черное в кв. 5064-б в 20 бревенчатых бараках расположенных вдоль ручья на расстоянии 1 км.

Батальон имеет 3 роты. В каждой 3 взвода по 33 человека. Всего до 300 человек. Все солдаты вооружены: винтовками, мл. командный состав автоматами.

Командир б-на капитан МЯКИНЕН, к-р 1 роты – капитан КОЛОНЕН, 2 – лейтенант КОУРИ, 3-й – лейтенант КОЛИ.

Склад саперного имущества и в/в находится около штаба на берегу реки.

В зимнее время б-н занимается расчисткой и ремонтом вдоль построенной дороги от оз. Елдонка до оз. Белое – соединяющей дороги Ухта – Войница и Ухта – Молвияйнен.

Состояние этой дороги хорошее. Она пригодна для двухстороннего движения автомашин.

Между оз. Большое Кис-Кис и безымянным озером, что в кв.4606-5 расположены 9, 10 и 11 пехотные роты. Какой части они принадлежат пленный не знает.

На северо-восток от безымянного озера в кв 4606-5 в сторону Регозеро занимает оборону 32 пехотный полк финнов. Место расположения КП и подразделений этого полка пленный не знает.

В кв. 5002-5 между оз. Белое и Черное с южной стороны дороги находится изолятор, где содержатся арестованные солдаты и участок военной полиции с количеством полицейских до 20 человек.

Изолятор занимает 3 землянки обнесенных колючей проволокой и охраняется 3 часовыми. Полицейские живут рядом в деревянном бараче.

В кв. 5004-7 около дороги Ухта – Малвияйнен бензинозаправочный пункт.

РАЗНОЕ

До января 1943 г. всех осужденных за различные преступления финских солдат направляли на передовую линию. В виду того, что якобы участились случаи перехода осужденных на сторону Красной Армии – теперь этот порядок изменен и все осужденные отбывают наказание в тюрьме.

Показания ХЯРМЯ об обстоятельствах его перехода на сторону Красной Армии сомнительны. Не исключена возможность того, что он переброшен финской разведкой с заданием осесть в лагере в/пленных и проводить разведывательную работу среди солдат.

Ведет себя неискренне и его показания о гарнизонах требуют проверки и уточнения.

Допросили: Ст. Пом. Нач. 2 отд.

капитан – (Добрынин)

Переводчик – мл.лейтенант (Капанен).

ГАОПДФК, 213, оп. 1, д. 408, л. 47–47об.

ПРИЛОЖЕНИЕ 17

Опросный лист финского перебежчика МЯКИНЕНА Пенти

(Орфография и стиль сохранены. – Д. Ф.)

Вх №1461

28.06.43 года

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ

Финского перебежчика солдата минометной роты 101 пех.полка, перешедшего на сторону Красной Армии 4.6.43 г. в кв.9676

МЯКИНЕН Пенти Генрихович, 1912 г.р. урож. губ. Хяме, прихода Хаж-ярви д. Ойтти.

Рабочий, б/партийный. Член профсоюза кожевников. До призыва в армию

работал в г. Куопио на кожевенном заводе рабочим. Проживал в г. Куопио ул.

Уккоди д. № 28. разведен. Имеет отца, мать и ребенка 7 лет.

СЛУЖБА В АРМИИ

Мобилизован в финскую армию 18.6.41 г. Полтора месяца служил механиком в 48 отдельной роте по охране аэродрома в г. Оулу, но т.к. самолетов тогда не было – был использован солдатом.

В связи с расформированием роты был переведен в г. Куопио и зачислен в штабную роту по охране штаба военного округа и щюцкоровской организации, где пробыл до ноября 1941 г. в звании капрала, затем заболел и был направлен в госпиталь, где пролежал до конца 1941 г.

По выздоровлении получил 8 дневный отпуск. Вернулся в свою часть в январе 1942 г. с опозданием на несколько дней, за что был предан суду, осужден к 7 месяцам тюремного заключения с отбытием в 1943 г. и направлен по трудовинности для работы в г. Петрозаводск, где пробыл с января по конец апреля 1942 г. 2 недели был кладовщиком материального склада железнодорожной, а потом работал механиком циркулярной пилы.

В апреле 1942 г. в Петрозаводске была проведена перерегистрация военнообязанных, в результате чего МЯКИНЕН был снова мобилизован в армию и направлен на Карельский перешеек в район ст. Райвола и зачислен в крепостной батальон капитана ВАРТОЛА солдатом. В июле 1942 г. был переброшен на Ухтинское направление в составе пополнения в количестве 300 ч. и назначен в минометную роту 53 пп. Прослужив там около месяца заболел и был направлен в госпиталь 32 в г. Оулу, где лечился до октября 1942 г.

По выздоровлении был направлен на учебно-распределительный пункт тыла в г. Лахти 15.1.43 г. был арестован и посажен в тюрьму. Сидел в тюрьмах: Хямялинна, Куопио, Сукево, Ряхимяки, а 18.4.43 г. вместе с группой заключенных 48 человек под конвоем был направлен на Медвежегорское направление и зачислен солдатом в минометную роту 101 пп.

4.6.43 г. по договоренности с солдатом 2 взв. 2 роты 23 б-на 101 пп НЕВОЛАЙНЕН – решили перейти на сторону Красной Армии – мотивируя тем, что не желает больше воевать.

Линию боевого охранения финнов перешли в кв.9676-5, при чем НЕВОЛАЙНЕН предупредил находившихся в боевом охранении пулеметчиков, которые бы не вели по ним огня.

При переходе линии фронта НЕВОЛАЙНЕН подорвался на mine и был подобран красноармейцами, а МЯКИНЕН задержан.

ДАННЫЕ О 101 пп.

101 пех.полк состоит преимущественно из заключенных. Занимает оборону в районе озер Ванжезеро-Хижезеро (точных границ не знает). На правом фланге 101 пп обороняется 53 пп, на левом 3 (синяя) пехотная бригада.

Минометная рота 101 пп расположена на ю-з стороне болота в кв. 9676-5.

101 пп командует подполковник ХАНСТЕ. Есть еще 2 подполковника, но какие должности они занимают пленный не знает.

Командир 23 б-на майор ПОСТ. Командир минометной роты – лейтенант ПУЛКИНЕН.

Фамилии остального командного состава пленному неизвестны.

В 3 км. восточнее 13 разъезда (точное место расположение пленный не знает) размещен учебно-распределительный пункт 101 пп.

Личному составу полка 20.5.43 выданы противогазы. Производилось окуривание солдат каким-то дымом (сжигали неизвестное вещество), который очень влияет на глаза.

В каждом взводе выделен химинструктор и еще по одному человеку выслано на курсы инструкторов химиков.

Прапорщик ОЙКАРИНЕН при выдаче противогазов заявил: «Если у русских будет безвыходное положение, они обязательно применяют газы».

По словам солдат 101 пп есть химрота, но место нахождения ее ему неизвестно.

Солдаты 101 пп – настроены плохо. Ждут окончания войны. Многие говорят о том, что если будет наступление финнов, то они не пойдут в бой, а лучше будут сидеть в тюрьме.

Среди солдат есть такие, которые намерены перейти на сторону Красной Армии.

РАЙОН ГОРОДА ПЕТРОЗАВОДСКА

Какие воинские части находились в то время в Петрозаводске пленный не знает, но видел, что военных было много. Военный городок был полностью занят воинскими частями. Слышал о том, что там стояли части ЛАГУСА.

В Петрозаводске имелось 4 авторемонтных мастерских. Из них 1 на Онежском заводе, 1 в быв. авторемзаводе 1 в механических мастерских Кареллеса и 1 в 3-х километрах от ст. Петрозаводск по дороге на Сулажгору.

У северного семафора около переезда через жд. большие военные склады /оттуда вывозили вещдовольствие/.

Около паровозного депо в бывш. бензохранилищах – склад горючего.

Склады акц. об-ва «ВАКО» находятся около жд. станции в быв.складах товарной конторы (200-300 м. южнее водонапорной башни), где хранились большие запасы продовольствия, обуви, одежды и др. товаров русского происхождения.

В бывшем здании СНК КФССР по пр. Ленина рядом с северной гостиницей, которая разрушена – помещается штаб армейской группы. Здание охраняется часовым.

В здании быв. Верховного суда – полицейское управление. Там же размещены почта, телеграф, отдел народного обеспечения и Управление военного округа Восточной Карелии.

В здании школы ФЗУ связи или ЦК ВЛКСМ – по проспекту К. Маркса военная комендатура.

Против жд. вокзала – в деревянном доме военная полиция.

В зданиях школы и интерната (рядом со зданием Южкареллеса) военные портновские и сапожные мастерские.

По левой стороне пр. Ленина в быв. столовой – ресторан «Лотто», где питается офицерский состав.

В помещении быв. Комвуза по ул. Анохина – управление жел. дороги.

Все разрушенные здания усиленно ремонтировались, очищались от мусора силами военнопленных, гражданского населения.

В Петрозаводске имелось 5 лагерей, в которых содержалось до 18 тысяч гражданского населения – главным образом русских женщин, детей и стариков.

Создание этих лагерей власти объясняют тем, что находясь на свободе русские могут саботировать мероприятия властей.

Один из лагерей размещен в домах северной точки по дороге на Кукковку.

В нем содержится до 2000 заключенных. Лагерь обнесен колючей проволокой, имелось 4 часовых.

Все находящиеся в лагере имеют на левом рукаве красные повязки размером 10x8 см. На работу выводятся под конвоем из расчета на 100-150 человек 2 конвоира.

Содержавшиеся в этом лагере русские использовались на работах по разделке древесины на перевалочной бирже.

Работами на этой бирже руководил вепс ЩЕРБАКОВ Григорий (имя точно не помнит), ранее работал в лесных организациях, а теперь состоит на службе в Управлении лесного хозяйства Восточной Карелии.

Находящимся в лагере русским свободное хождение по городу было запрещено. Были случаи когда женщины срывали повязки и самовольно уходили в город в поисках пищи, за что их наказывали (как именно пленный не знает). Все они выглядят исхудалыми, т.к. кроме 300 гр. ржаной муки в день им ничего не давали.

На почве недоедания некоторые женщины вступали в половую связь с финскими солдатами и приносили с собой хлеб и др. продукты. Перебежчик на работе познакомился с

бывш. учительницей БОНДАРЕНКО Марией – 2 раза ходил в лагерь и носил ей хлеб, сыр, карамель.

Один из лагерей, в котором содержалось гражданское население размещался в частных домах на перевалочной бирже.

Местонахождение остальных лагерей перебежчику неизвестно.

Видел, что в черте города около Карпотребсоюза имелся лагерь военнопленных, которые работали по очистке города, но сколько там их содержалось – не знает.

Ряд зданий в г. Петрозаводске особенно каменных разрушен.

Разрушен Онежский завод, здание Госбанка, гостиницы, 2 здания на комсомольской улице и ряд других.

Памятники Кирову и Ленину снесены. На месте последнего установлен государственный финский флаг.

Уцелели здания ж.д. вокзала, водонапорная башня, каменные здания около станции, театр «Триумф».

В городе функционирует к/т «Триумф», ставятся финские и иностранные фильмы. Посещают его, главным образом, военные, Лотто и редко можно встретить русскую девушку, видимо приглашенную офицером. Танцы запрещены.

Функционирует лютеранская церковь и финская школа. Последняя находится на шоссе 1 мая.

В Петрозаводск завезено значительное количество рабочих и служащих финнов, которые имеют специальные разрешения на право въезда в Восточную Карелию.

Въезд с семьями воспрещен.

Какие документы имеет местное гражданское население пленный не знает.

Движение по городу разрешалось с 6 час. утра до 9 часов вечера.

Снабжение населения производилось через акц. общ-во «Вако», которое имело несколько магазинов. Торговали, главным образом, хлебом, мясом (кониной) по карточкам. Цена на хлеб 6 – 6,5 марок.

Без карточек продавалась карамель по цене 300 марок за кило.

Заработок (расценки) за одну и ту же работу установлены:

Для финнов 12-15 марок в час, для карел и др. национальностей пользующихся правом свободного проживания – не

более 7 марок в час, а для русских находящихся в лагерях 7,5 марок в день.

Все офицеры проживают в частных домах. Гражданское население не заключенное в лагеря тоже в частных домах, причем на каждом имеется дощечка с надписью о том, что в этом доме с разрешения военного коменданта проживают такие-то.

Все имущество из квартир вывезено, собрано в склад и объявлено трофейным.

ДВИЖЕНИЕ ПОЕЗДОВ

Из Петрозаводска на юг ежедневно в 10 час. утра уходил товарно-пассажирский поезд и возвращался на следующий день рано утром.

Туда же уходило в неопределенное время несколько товарных поездов.

До какой станции следовали поезда пленный не знает, назывались они Свирскими.

На север (в М-Гору) ежедневно в 12 час. ночи уходил товарно-пассажирский поезд. Возвращался поздно ночью или утром.

На Суоярви товарно-пассажирский поезд уходил в 10 час. утра, возвращался в 20 час. вечера. Обслуживающий жел. дорогу персонал – финны.

Продажа билетов производилась без предъявления документов. Багаж принимался только с разрешения военной полиции, которая после осмотра багажа ставила штамп красного цвета угловой.

Допросили: Ст. Пом. Нач. 2 отделения
Капитан (Добрынин)
Переводчик – мллейтен.(Капанен).
АЯ-2

ГАОДФК, 213, оп. 1, д. 408, л. 50–51об.

ПРИЛОЖЕНИЕ 18

Опросный лист лейтенанта ПОХЬЯЛА Янко

(Орфография и стиль сохранены. – Д. Ф.)

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ военнопленного финского лейтенанта ПОХЬЯЛА Янко Яковлевича

ПОХЬЯЛА Янко Яковлевича 1913 года рождения, урож. д. Кестеньга КФССР. До мая 1939 г. работал учителем в районе Петсамо. Беспартийный, в партиях не состоял.

Служба в армии и сведения о б-не ПЕННОНЕН.

В финскую армию призван в мае 1939 г. в последнее время служил в отдельном погран. батальоне полковника ПЕННОНЕН командиром роты. Воинское звание – лейтенант.

Отдельный б-н полковника ПЕННОНЕН расположен в районе Луоттойоки и состоит из 3 стрелковых, пулеметной и минометной роты, одной батареи и автовзвода. Численный состав около 1200 человек, из них 40-41 офицер. Вооружен б-н винтовками, автоматами «Суоми», пулеметами. Имеются минометы калибра 80 и 120 мм, но количество их пленный не знает.

4-х орудийная батарея расположена в районе Кенгес.

Задача отдельного батальона – охрана правого фланга Мурманского направления. Осуществляется эта охрана посредством полевых караулов силою до взвода.

Специального разведвзвода б-н не имеет и все стрелковые взвода ходят в разведку поочередно. Пленный ходил со своим взводом в разведку два раза – в первый раз в апреле м-це ходил севернее высоты «Ударная» на телефонную линию и второй раз 17 июля 1943 г. когда и попал в плен. В этот раз вышел 17.7.43 г. в 19 часов из б-на Пеннонен из района оз. Отслем-яур по направлению на пикет Куккес-яур и далее на тропу или на телефонную линию. Цель разведки – установить наличие движения по тропе между выс. «Ударная» и Сол-озеро, подслушивание телефонных разговоров и в удобном случае захватить пленного.

Военнопленному известны два случая взятия в плен красноармейцев: в июне м-це с.г. и в июле. Район взятия пленно-

го в июне не знает, но в июле м-це с.г. пленный был захвачен в районе Корва-Тундра. Фамилии пленных красноармейцев неизвестны.

В б-не имеется автовзвод. Автомашин грузовых 20 штук и одна легковая. Машины ходят по дороге от шоссе Карменес-Рованиemi до порога Кенгес на р. Лутто.

Пополнения батальон получил в августе 1942 г. 20 чел. После этого пополнение поступало только одиночками.

РАЗНОЕ

Слышал, что русские ходят в тыл к финнам. Недели две тому назад выходила группа русских южнее расположения нашего батальона, вели бой с группой занимающейся рыбной ловлей и убили одного финна.

В конце июня или в начале июля с.г. взорвали мост и почтовую автомашину, в которой было около 20 человек пассажиров, среди них епископ Улеборский. Все пассажиры погибли.

Также слышал, что русские вели бой в поселке Лонила и сожгли поселок. Количество потерь неизвестно. В поселке был дом для приезжающих военнослужащих.

Хутор Рая-Иосеппи состоит из двух домов на берегу р. Лутто. В настоящее время в них живут два старика из гражданских и полевой караул. Численность последнего неизвестна. В задачу полевого караула входит охрана дороги и наблюдение за местами возможных переправ через р. Луотто.

В м. Туккиюхтионтало имеется три барака. До войны в них жили лесорубы-финны, а в настоящее время заняты немецкими солдатами. Численный состав гарнизона неизвестен.

В районе никелевых разработок имеется лагерь военнопленных. Работают пленные на никелевых рудниках и на ремонте дорог.

Допросил Зам.командира по разведке
п/о «Большевик Заполярья» – Сычков
АЯ-1

5.10.43 г.

ГАОПДФК, ф. 213, оп. 1, д. 408, л.113–113 об.

ПРИЛОЖЕНИЕ 19

Военное донесение № 15

(Орфография и стиль сохранены. – Д. Ф.)

Штаб партизанского движения при Военном совете Карельского фронта.

№ 0043 «16» июля 1942 г.

гор. Беломорск.

Сов. Секретно.

Начальнику Центрального Штаба Партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования.

Тов. Понаморенко.

Гор. Москва.

Член Военного Совета Карельского фронта

Бригадный комиссар – тов. Куприянов.

Здесь

Начальнику разведотдела Карельского фронта

Полковнику – тов. Поветкину.

Здесь.

Военное донесение № 15

О боевой деятельности партизанских отрядов Карельского фронта по состоянию на 14/VII-42 г.

2/ – отряд «Красный Онежец». Командир отряда в своем донесении от 8-VII-42 г. сообщает, что находится в 150 км от линии фронта в тылу у противника.

В ночь на 5 /VII-42 г. после предварительной разведки, был произведен налет на гарнизон противника в дер. Кимасозеро. Противник был застигнут спящим. В домах, которых располагались белофинны партизаны забросали гранатами и ТЗШ в результате боя гарнизон противника состоящий из 25 человек был полностью уничтожен. 7 белофиннов были взяты в плен, которые после проведения их допроса уничтожены.

Зам. нач. Штаба партизанского движения при Военном совете Кар. Фронта

Подпись /Карахаев/.

ГАОПДФК

Ф. 213, оп. 1, д. 161, л. 15.

ПРИЛОЖЕНИЕ 20

Докладная записка О состоянии партизанского движения в Карело-Финской ССР и Мурманской области за период с 1 июня 1942 г. по 25 апреля 1943 г.

Начальнику Центрального Штаба Партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования.

Тов. Понаморенко.

Гор. Москва.

Докладная записка

О состоянии партизанского движения в Карело-Финской ССР и Мурманской области за период с 1 июня 1942 г. по 25 апреля 1943 г.

6. Описание важнейших интересных по замыслу и проведению боевых операций. Результаты их.

Взводу партизанского отряда «Красный Онежец» под командованием начальника штаба отряда тов. Подругина, в количестве 45 человек была поставлена задача:

Внезапным налетом разгромить гарнизон белофиннов в дер. Кимасозеро, истребить живую силу противника, уничтожить материальную часть и сжечь склады и жилые помещения гарнизона.

3 августа 1942 г. взвод прибыл к месту исходного положения для налета на гарнизон. В течении 3, 4 и 5 августа т. ПОДРУГИН вел тщательную разведку сил и средств гарнизона, систему охраны и обороны гарнизона, удобные подходы к гарнизону.

В результате разведки установлено:

Гарнизон противника расположен в домах деревни, каждый дом охраняется часовым. Вокруг домов построены ДЗОТы, вооружены пулеметами, автоматами и винтовками.

Тов. Подругин принял решение атаковать гарнизон со стороны узкого прохода между Кимасозером, прижать противника к озерам и уничтожить его.

Выделив группы партизан, которые должны упредить противника в занятии ДЗОТов и тем самым лишить его (возможности) воспользоваться ими.

Вторая группа партизан из 4 партизан выставлена в засаду на вероятном пути бегства белофиннов.

В 4 часа 10 минут 6 августа 1942 г. личный состав взвода без шума и криков стремительно атаковал расположение гарнизона, дома и сараи, где размещался гарнизон противника забросали гранатами – термитно-зажигательными шарами.

В панике выбегающих солдат и офицеров расстреливали в упор. Часть солдат попытались занять ДЗОТЫ, но выделенные группы партизан заняли их и встретили противника огнем.

7 солдатам удалось убежать из деревни и переправиться через озеро, но там они попали в засаду и все 7 человек были взяты в плен.

Гарнизон белофиннов был полностью разгромлен.

Убито 26 солдат и офицеров, взято в плен 7 солдат, впоследствии расстреляны за отказ на допросе давать показания.

Уничтожено: 2 трактора тягача

1 радиостанция.

Сожжены склады: продовольственный, вещевой, и склад с боеприпасами, сожжены все постройки деревни, уничтожены ДЗОТЫ, взяты документы, обмундирование, вооружение, боеприпасы.

Начальник штаба партизанского движения Карфронта
Генерал-майор С. Вершинин.

ГАОПДФК

Ф. 213, оп. 1, д. 389, л. 27

ПРИЛОЖЕНИЕ 21

(Орфография и стиль сохранены. – Д. Ф.)

Приказ

Члена Военного Совета Карельского фронта и народного комиссара Внутренних дел Карело-Финской ССР.

№ 29/1/оп «2» июня 1942 года. г. Беломорск.

3. Боевой задачей отряду на период нахождения в тылу противника поставить:

а) – нарушение коммуникаций противника путем нападения на транспорт противника и выведение его из строя, уничтожение мостов и переправ.

б) – уничтожение живой силы и техники противника путем нападения на гарнизоны противника, его заставы, патрули и части передвигающиеся по дорогам.

в) – уничтожение средств технической связи противника.

г) – уничтожение его баз и складов, обратив особое внимание на выявление, уничтожение складов химических средств войны и захват образцов средств химического нападения.

д) – захваченных пленных, после получения полных разведанных уничтожить, особо важных пленных из офицерского состава при возможности переправлять в наш тыл. Захваченные документы сохранять и переправлять со связными.

е) – систематическое собиране разведанных о противнике и сообщение его частям Красной Армии путем передачи по радио или пересылать со специальными связниками.

ж) – выявление и уничтожение предателей из числа местного населения.

з) – ведение среди местного населения агитацию против фашистских захватчиков.

и) – создание из числа местного населения самостоятельных партизанских отрядов и боевых диверсионных групп.

Член Военного Совета К.Ф.Нарком Внутренних Дел КФСР
Бригадный комиссармайор гос. безопасности
(Куприянов) (Баскаков).

ГАОПДФК

Ф. 213, оп. 1, д. 157, лл. 13, 14.

ПРИЛОЖЕНИЕ 22

(Орфография и стиль сохранены. – Д. Ф.)

Приказ

Члена Военного Совета Карельского фронта и народного комиссара Внутренних дел Карело-Финской ССР.

Отряд «Боевой Клич», Кестеньгское направление.
7 августа 1942 г.

...д) – захват языка, тщательно его допрашивать и только по получении полных разведданных о противнике уничтожать.

...з) – новейшие образцы радиостанций, образцы химических средств защиты и нападения, наиболее важных пленных офицеров и документы характеризующие противника направлять в наш тыл с группой наиболее подготовленных, физически крепких знающих местность, бойцов.

...и) – специально вести разведку через население оккупированной нашей и финской территории, места сосредоточения финской «Лесной гвардии» устанавливая с нею связь специально подготовленными и выделенными для этого разведчиками. Об установлении наличия «Лесной гвардии» немедленно доносить в Штаб Партизанского Движения для получения указаний на дальнейшие действия.

Член Военного Совета К.Ф.Нарком Внутренних Дел КФССР
Бригадный комиссармайор гос. безопасности
/Куприянов/ /Баскаков/.

ГАОПДФК

Ф. 213, оп. 1, д. 157, лл. 41.

ПРИЛОЖЕНИЕ 23

(Орфография и стиль сохранены. – Д. Ф.)

Штаб Партизанского Движения на Карельском фронте.
«10» июля 1943 г, №002754 г. Беломорск.

Совершенно секретно

2 экземпляра.

Начальнику штаба Партизанского Движения – генерал-лейтенанту тов. Пономоренко Г.М.

Докладная записка

об итогах партизанского движения в Карело-Финской ССР и Мурманской области с 1 июля 1941 г. по 1 июля 1943 г.

Ребольское направление.

...С 17.8 по 30.9 отряд «Вперед» под командованием т. Бондюк численностью 84 человека действовал в тылу противника в районе пунктов Реболы – Верх. Тулевары – Ревкулы.

...24.9.42 г. взвод отряда «Вперед» под командованием командира отряда т. Бондюк после боевой операции вышел к хутору Вексиму с целью пополниться продовольствием за счет финского населения.

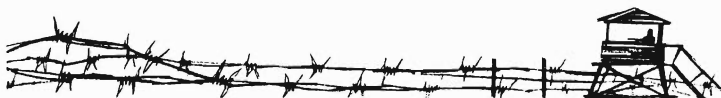
В пути следования не доходя до хутора 3 км. был взят на сенокосе староста хутора. На допросе выяснилось, что на хуторе часть людей вооружена и в этот день полиция должна привезти вооружение для остального населения.

Т. Бондюк решил собрать все население хутора, обезоружить и пополниться продовольствием. С этой целью отправил 2 партизан со старшиной хутора в деревню для сбора всех жителей, остальным составом взвода оцепил хутор.

Старосте после уговоров населения, удалось собрать всех жителей.

Население на требование партизан дать продовольствие категорически отказалось и исключительно нахально и вызывающе себя вело.

Бондюк решил продукты взять насильно. Женщин закрыл в сарае, а 12 чел. мужчин призывного возраста расстрелять. При расстреле мужчин женщины выскочили из сарая и хотели убежать из хутора, чтобы предупредить полицию. Парти-

заны оцепили хутор и открыли огонь по убегающим, в результате чего все население хутора 28 чел. были уничтожены.

В момент стрельбы к хутору подошла легковая машина с 3 мужчинами одетыми в гражданскую форму. Пулеметчик прикрывавший дорогу к хутору дал несколько очередей по машине, в результате были убиты шофер и пассажиры.

Вскоре за легковой машиной появилась грузовая машина с солдатами. Увидев, что по легковой машине ведется огонь, солдаты выскочили с грузовой машины, заняли высоту и повели интенсивную стрельбу по партизанам. Партизаны забрали оружие, продовольствие, 5 коров и отошли без потерь на свою базу.

Всего за этот поход отряд уничтожил 7 офицеров, 41 солдата, 28 человек щюцкоровского населения, 3 легковые и 3 грузовые автомашины, 18 велосипедов, 720 метров телеф. связи, 1 пулемет, 1 винтовку.

Захвачены трофеи: 1 ручной пулемет, 3 автомата, 11 винтовок, 1 пистолет, 2 часы, 12 вещевых мешков, 4 штуки плащей, 1 телефонный аппарат, карты и документы.

Потери отряда: 10 человек убитых.

ГАОПДФК, ф. 213, оп. 1, д. 389, л. 72.

ПРИЛОЖЕНИЕ 24

(Орфография и стиль сохранены. – Д. Ф.)

Боевой приказ

Представителя Центрального Штаба Партизанского Движения Члена Военного Совета Карельского Фронта.

4 октября 1942гор. Беломорск.

Всеми видами разведки установлены гарнизоны противника в Кузнаволоке (6604) свыше роты и артбатарей, Баранова Гора (5018) до роты, Вараки (4424) до роты, Сондалы (3218) до роты, Паданы (1820) до батальона, Щуко Гора (7698) до взвода, в районах Янгозеро (7498) до взвода, Чиа-Салма (5276) – Железная Губа (4698) численность гарнизонов не установлена.

Приказываю:

Командиру разведгруппы тов. Полевик с группой в количестве 5 человек 7 октября с/года выступить по маршруту: Сегежа – разъезд Сужицы – и далее походным порядком: Услаг 53 кв. – Бар (5630) – выс. 132,0 /56 – высота 160,4 (7008) – высота 162,2 (7402) переправиться через Елмозеро – далее высота 152,2 (6009) – высота 195,1 (3682) с заданием:

А) – разведать местность по маршруту движения бригады и установить имеются ли признаки указывающие на пребывание партизанского отряда «Мстители» под командованием командира отряда тов. ПОПОВА (следы отряда, могилы погибших партизан, брошенные и утерянные предметы из обмундирования, снаряжения и вооружения, места ночевки, привалов, оставшиеся костры, места боя).

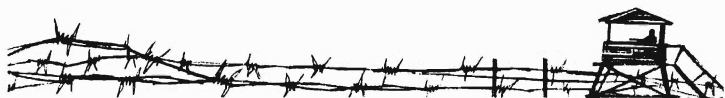
Б) – связаться с рыбаком проживающим в Тухко-ваара (2004) и допросить:

Где находятся гарнизоны противника, их численность, имеющееся вооружение.

Заходят ли к нему финны, что говорят, были ли русские, что говорили, когда были и сколько.

Что известно о партизанах.

В) – по выполнению первых двух задач немедленно возвратиться обратно.

По пути движения захватить «языка» и тщательно его допросить по вопросам согласно данного Вам личного инструктажа. После допроса и выяснения всех вопросов уничтожить, скрыв все следы.

Разведгруппу снабдить: автоматами, по 300 штук патронов на автомат, 2 гранаты, мины, и продовольствием на 20 суток.

Срок на выполнение поставленных Вам разведзадач 20 суток.

Председатель Центрального Штаба Партизанского Движения

Член военного совета Карельского фронта
(С. Вершинин).

ГАОПДФК, ф. 213, оп. 1, д. 157, л. 79.

ПРИЛОЖЕНИЕ 25

(Орфография и стиль сохранены. – Д. Ф.)

Протокол допроса бывш/его/ старшего сержанта (военнопленного в Финляндии)

СВОЕВОЛИНА ФИЛИППА ФИЛИППОВИЧА.

1943 г. сентября 19 дня. Я начальник 2 отдела Штаба партизанского движения на Карельском Фронте майор Столяров допросил бежавшего из плена и задержанного партизанами 1.9.43 г. на Кестеньгском направлении, который показал.

Своеволин Филипп Филиппович, 1915 года рождения, уроженец Воронежской области Ратчинского района Медведовского с/с с. Медведово. Из крестьян бедняков, русский, с июля месяца 1941 г. состоял кандидатом в члены ВКП (б). Женат, семья жена Своеволина Александра Яковлевна 1916 года рождения и сын Александр 7 лет, проживали на родине. Связи с ними не имеет.

До пленения немцами служил в 476 тяжелом артиллерийском полку 57 армии, в должности помощника воентехника, по званию старший сержант. Образование 7 классов.

Обстоятельства пленения.

В начале Отечественной войны был призван в Красную Армию и зачислен в 476 тяжелый артиллерийский полк, где находился до момента пленения.

Обстоятельства пленения таковы:

В мае месяце 1942 г. 57 армия и наш полк вместе с другими частями Красной Армии действовали на Харьковском направлении шли в наступление против немцев. Первые дни наши части имели успех и продвигались в перед и подошли вплотную к станции Лозовая.

В период с 20-25 мая 1942 г. наш полк, 57 армия и другие части Красной Армии действовавшие на этом направлении были окружены немцами. Всего было окружено 3 армии. Видя безвыходное положение командование предложило уничтожить технику – орудия, автомашины, после чего сдались в плен немцам 29.5.42 г.

Пребывание в плену.

После того как мы были взяты в плен нас группами стали отправлять в немецкий тыл – 29.5.42 г. я в составе группы военнопленных в количестве 137 человек был направлен в гор. Павлоград. По прибытии в Павлоград стали садить в вагоны для отправки дальше. В Павлограде к моему приходу уже было до 40 тысяч пленных красноармейцев. Из гор. Павлограда нас привезли в гор. Бердичев, где находились всего лишь 8 дней. Размещались в лагерях военнопленных и здесь производилась рассортировка по должностям – средний, старший и высший командный состав, затем по национальностям – русских, украинцев, евреев и прочих.

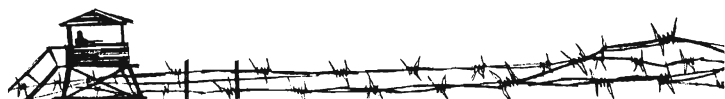
Евреев же сразу отбирали, отводили в сторону и расстреливали. Во время моего пребывания в лагерях города Бердичева расстреляли 73 еврея.

9.6.42 г. из Бердичевских лагерей пленных отправили в Польшу гор. Сельцы, в том числе был отправлен и я. Лагеря военнопленных в Сельцах были громадные и находились на окраине города. В этих лагерях я находился до 1 августа 1942 г, всего пленных было в лагерях Сельца до 160 тысячи человек.

За время нахождения в лагере я и другие почти ничего не делали, а 1.8.42 г. я в составе группы 1500 человек был переведен в гор. Данциг, куда прибыл 2.8.42 г. На следующий день всех нас погрузили в пароход и привезли в гор. Кеми, а из гор. Кеми поездом были отправлены в гор. Рованиemi в лагерь военнопленных, куда прибыли 10.8.42 г. и до момента побега 10.8.43 г. то есть в течении года я содержался в лагерях военнопленных в гор. Рованиemi.

Расположение лагерей в Рованиemi.

Лагеря военнопленных в гор. Рованиemi расположены на северной окраине города, на правом берегу реки Кеми-Йоки. Метрах в 150-200 расположен второй лагерь военнопленных. Каждый лагерь занимает площадь длинной до 150 и шириной до 80 метров, обнесенный в два ряда проволочным ограждением, расстояние между рядами до 2 метров. Этот промежуток между проволочными ограждениями забросан спиральной проволокой, на которую подвешены металлические предметы издающие лязг, в случае если на эту проволоку наступить. По углам двора имеются 4 вышки для постов с прожекторами. Для входа и выхода со двора лагеря имеются одни проходные ворота, в которых стоит часовый.

Охрана лагеря.

Лагерь военнопленных, в котором содержался СВОЕВОЛИН охраняется исключительно немецкими солдатами. Гарнизон охраны состоял до 70 человек из солдат «СС».

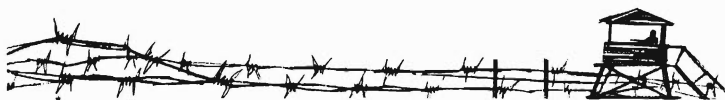
Солдаты размещены в отдельном помещении в 100-120 метров в 4 бараках. Начальником лагеря был немецкий майор, фамилии которого я не знаю. В помещении, где размещались пленные начальник лагеря заходил очень редко, не больше как один раз в месяц.

Переводчиков в лагере было двое, оба из числа военнопленных, один из них из немцев Поволжья, второй украинец. Их фамилии также неизвестны.

В дневное время лагерь охранялся одним часовым в воротах и два подвижных поста по одному человеку, которые ходят вокруг двора вблизи проволочных заграждений.

В ночное время охрана усиливается на 2 человека, так что во дворе ночью ходят 4 человека, а в воротах так и остается 1 человек.

ГАОПДФК, ф. 213, оп. 1, д. 408, л. 57

АРХИВЫ

Российский государственный военный архив (РГВА)

Ф. 1п, оп. 2е, д. 17 Сводная строевая записка Грязовецкого лагеря НКВД военнопленных финской армии за период с 20/XII 39 по 22/V 40 г.

Ф. 1п, оп. 37а, д. 1.

Ф. 1п, оп. 23а, д. 1.

Ф. 1а, оп. 11, д. 5. Отчетный доклад о работе УПВИ НКВД СССР с июня 1941 по март 1944 г.

Ф. 1, оп. 2, д. 8.

Ф. 3п, оп. 2, д. 9.

Ф. 1а, оп. 35, д. 26. История лагеря МВД 158 для военнопленных г. Череповец 1942–1948 гг.

Ф. 1п, оп. 3з, д. 1.

Ф. 1в, оп. 4, д. 18.

Ф. 1, оп. 3е, д. 12.

Ф. 1п, оп. 7а, д. 1.

Ф. 18п, оп. 3, д. 2.

Ф. 18п, оп. 10, д. 10.

Ф. 1п, оп. 3е, д. 10.

Ф. 12444, оп. 2, д. 871. Этапный список военнопленных финской армии, убывающих из лагеря № 27 НКВД СССР в лагерь №158 – ст. Череповец, Северной железной дороги. 2 сентября 1944 г.

Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ)

Ф. Р-952, оп. 2, д. 12. Инструкция по опросу пленных, перебежчиков, выловленных с тонущих кораблей и раненых

Ф. Р-1159, оп. 2, д. 8.

Ф. Р-92, оп. 2, д. 541.

Ф. Р-92, оп. 2, д. 637

Ф. Р-1883, оп. 1, д. 5.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

– Ф. 9526, оп. 4а, д. 1, л. 97

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. 522, оп. 1, д. 47 Папка О. В. Куусинена. Протоколы допросов финских военнопленных.

Ф. 61, оп. 1, д. 425. Центральный Штаб партизанского Движения.

Ф. 69, оп. 1, д. 423. Оперативные сводки 1943 г.

Ф. 69, оп. 1, д. 424. Оперативные сводки 1942 г.

Ф. 17, оп. 125. Центральный Комитет КПСС. Управление пропаганды и агитации 1938–1948.

Ф. 518, оп. 1. Личная коллекция документальных материалов Т. Антикайнена 1918–1941.

Государственный архив общественно-политических движений и формирований Карелии (ГАОПДФК)

Ф. 2730, оп. 1, д. 6. Сводки разведотдела штаба Карельского фронта по агентурной обстановке в Финляндии и на временно оккупированной территории КФССР.

Ф. 8, оп. 1, д. 1129. Акты, копии актов, протоколы допросов о фактах злодеяний захватчиков над пленными красноармейцами, партизанами и мирными жителями Карелии, условия содержания в финских концлагерях.

Ф. 8, оп. 1, д. 538.

Ф. 8, оп. 1, д. 539.

Ф. 8, оп. 1, д. 203. ЦК КП КФССР. Особый сектор. Оперативные сводки и политдонесения начальников и комиссаров пограничных войск НКВД Карело-Финского округа и охраны войскового тыла 7 армии о боевых действиях и состоянии воинских частей, примерах героизма бойцов и командиров. Т. 1, 2.

Ф. 213, оп. 1, д. 178. Протоколы допросов военнопленных и опросные листы.

Ф. 213, оп. 1, д. 634а. Протоколы допросов.

Ф. 213, оп. 1, д. 633. Оперативный отдел. Документы, захваченные у противника и переведенные на русский язык. Протоколы допросов.

Ф. 213, оп. 1, д. 408. Протоколы допросов военнопленных и опросные листы.

Ф. 213, оп. 1, д. 287. Протоколы допросов военнопленных и опросные листы.

Ф. 213, оп. 1, д. 389. Протоколы допросов военнопленных и опросные листы.

Ф. 213, оп. 1, д. 161.

Ф. 213, оп. 1, д. 178.

Ф. 213, оп. 1, д. 386.

Ф. 213, оп. 1, д. 382.

Ф. 213, оп. 1, д. 614.

Ф. 3, оп. 5, д. 296.

Ф. 3, оп. 5, д. 278. Информационная записка о работе среди населения территории восточной Финляндии, занятой частями Красной Армии.

Ф. 3, оп. 5, д. 288.

Ф. 3, оп. 5, д. 455. Информация о политико-моральном состоянии частей Народной армии.

Ф. 1552, оп. 1, д. 455. Олонецкий райком партии. Материалы особой папки.

Ф. 1552, оп. 1, д. 456. Олонецкий райком партии. Материалы особой папки.

Ф. 31, оп. 1, д. 180. Спецсообщения Ребольского РО НКВД

Ф. 26, оп. 1, д. 672. Докладная записка о настроениях населения Медвежьегорского района в связи с военными действиями в Финляндии и помощью, оказанной Красной Армией Народному Правительству Финляндской Демократической республики.

Национальный архив республики Карелии

Мемориальный музей немецких антифашистов (г. Красногорск)

Коллекция документов.

Листовки и фотоматериалы.

Архив Федеральной службы безопасности по республике Карелия.

Архив Военно-медицинского музея (Санкт-Петербург).

– Истории болезней.

Архив Ассоциации «Военные мемориалы»

– Картотека умерших в СССР финских военнопленных.

Sota-arkisto

Kantakortit. (Учетные карточки пропавших без вести и погибших солдат и офицеров финской армии).

T8362/12. Листовки.

T26073/1-21. Neuvostoliiton vangiksi 1941–1944 joutuneiden sieltä palattujen suomalaisten sotavankia henkilötieto kaavakkeita ja kuulustelupöytäkirjoja 1944–45.

T3132/2. Propagandaosasto.

T3132/6. Neuvostoliiton pudottamia lentolehtisiä 1939–1940. Propaganda osasto/PM.

T3132/34.

T3132/64.

T13577/13.

T19198/2.

T19497/6, PM, Pääintendentintoimisto.

Ulkoasiainministeriön arkisto

109E7 kot. 42.

110E6 kot. 42. Suomalaisten sotavankien palautus, luettelo sodan ja välirauhan aikana kadonnesta sotilashenkilöistä.

110E6. kot. 42. Neuvostoliitosta palautettanut suomalaiset.

110E6. Suomalaisten sotavankien kotiuttamiskustannusten korvaaminen vv.1949-53.

Kansallisarkisto

Valpo I arkisto.

XXIX 41 b; Päämaja, Tiedusteluosasto, Nro 8537/sal. 12.7.40, Suomalaiset sotilaat neuvostoliittolaisessa sotavankeudessa.

Список захваченных и ушедших в СССР в межвоенный период военнoслужащих финской армии.

Архив Sotavangit r.y.

Коллекция документов.

Частные коллекции России и Финляндии

– Личный архив финского режиссера-документалиста Р. Никкиля.

Интервью финских военнопленных для документального фильма «Suomalaiset sotavankileirien saaristossa», режиссер Рейо Никкиля, YLE 2000.

Личный архив Н. Дьякова.

Коллекция материалов В. Степакова.

Коллекция материалов Д. Фролова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

105 Päivää. Uhri ja valkoinen kuolema Kainuussa vv. 1939–1940, Kajaani 1990.

Ahto, Sampo. Talvisodan henki. Miellioja Suomessa talvella 1939–1940. WSOY, Juva 1989.

Alava T., Frolov D., Nikkilä R. Rukiver! Suomalaiset sotavangit Neuvostoliitossa. Edita, 2002.

Alava T., Hiltunen R., Juutilainen A. Muistatko... Sotavangit r.y. 1969–1989. Gummerus kirjapaino oy, Jyväskylä 1989.

Aukio, E. Sotavangit r.y. 1969–1979. Helsinki 1981.

Bacon E. The GULAG at war. Stalin's Forced Labour System in the Light of Archives. MACMILLAN PRESS LTD, 1996.

Baschmakoff, N., Leinonen, M. Russian life in Finland 1917–1939: Alocal and oral history. Studia Slavica Finlandensia. Tomus XVIII. Helsinki, 2001.

Björkelund, B. Stalinille menetetyt vuoteni. Elämäni vaiheet 1945– 1955. Helsinki 1966.

Erkkilä, Veikko. Vaiettu sota. Neuvostoliiton partisaanien iskut suomalaisiin kyliin. Arator, Hämeenlinna 1998.

Frolov, Dmitri. Sotavankina Neuvostoliitossa. Suomalaiset NKVD:n leireissä talvi – ja jatkosodan aikana. SKS 2004.

Frolov, Dmitri. Sotavankien paluu Neuvostoliittoon 1939–1956 //Idäntutkimus, 1/2005.

Frolov, Dmitri. Neuvostoliiton sotavankien ja internoitujen hallinto 1939–1953. Sotahistoriallinen aikakauskirja, 23/2004.

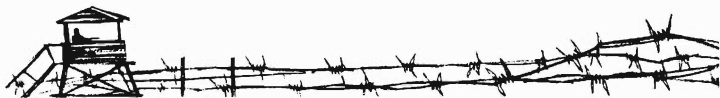
Frolov, Dmitri. Sodissa tietymättömiin kadonneiden kohtalot. Suomalaisen sotavankien // Nykypäivä, '40, 30.10.2000.

Frolov, Dmitri. Talvisodan 1939–1940 neuvostoliittolaiset sotavangit // Sotahistoriallinen aikakauskirja, 19/2000.

Frolov Dmitri. Suomalaiset sotavangit Neuvostoliiton Sotavankien ja Internoitujen hallinnon (UPVI NKVD:n) leireissä Talvi-ja Jatkosodan aikana. Lisensia-atintutkimus. Helsingin yliopiso, Valtiotieteellinen tiedekunta, 2002.

Hannikainen L., Hanski R., Rosas A. Implementing Humanitarian Law Applicable in Armed Conflicts. The Case Of Finland. Martinus Nijhoff Publisher, Dordrecht 1992.

Hanski R. Behandlingen av krigsfångar under vinter-och försättningskriget. Åbo Akademis kopieringcentral 1990.

Heikkilä H. The Question of European Reparations in Allied Policy, 1943–1947. Gummerus Jyväskylä 1989.

Helminen R. Suomalaisten jääminen sotavangiksi suomen sotien 1939–1945 aikana. Diplomityö. Sotakorkeakoulu. 1991.

Hovi, K. The neutrality of the Baltic States before the Second World War // Neutrality in History. Proceedings of the Conference on the History of Neutrality organized in Helsinki 9–12 September 1992 under the auspices of the Commission of History of International Relations. Gummerus Jyväskylä, 1993.

Huttunen, Unto. Upseerisotavangin päiväkirja. Käsikirjoitus.

Jahvetti (Yrjö Kilpriläinen). Suomi Neuvostoliiton radiossa. Oy Suomen kirja, Helsinki 1942.

Jatkosodan historia, 1–6. Sotatieteen laitoksen julkaisuja XXV: 1–6. WSOY, Porvoo 1988–1994. Jokipii, M. Jatkosodan synty. Tutkimuksia saksan ja Suomen sotilaallisesta yhteistyöstä 1940–1941. Otava, Helsinki 1987.

Jokipii, M. Hitlerin Saksa ja sen vapaaehtoisliikkeet. Waffen-SS:n suomalaispataljoona vertailtavana. SKS, Helsinki 2002.

Karner, S. Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft in der Sowietunion 1941–1956. R.Oldenbourg Verlag Wien München. 1995.

Karner, S. GUPVI – the Soviet main administration for pris-oners of war and internees during World War II: Consequences and seguels of the Second World war. Bulletin of the International Committee for the history of the Second World War, Paris 1995.

Karner, S., Marx B. World war II prisoners of war in the Soviet union economy. 1945. Consequences and seguels of the Second World war. Bulletin of the International Committee for the history of the Second World War, Paris 1995.

Karner, S. Prisoners of War in Economy of the Former Soviet Union: 1941–1945. The System of Central Planned Economies in Central-Eastern and South-Eastern Europe after World War II and the Cause of its Decay. University of Economics. Praha 1994.

Kauppila R. Sotavangit Kainuussa; Suomalaiset sotavan-keudessa//105 Päivää. Uhri ja valkoinen kuolema Kainuussa vv. 1939–1940, Kajaani 1990.

Kemiläinen, Aira. Toisen maailmansodan paineessa. Sota-ajan kuva historianopiskelijan päiväkirjassa ja aikalaikirjeissä. SKS, Helsinki 2001.

Kirchner Ê. Darstellung Der Lebensumsände Deutscher Kriegsgefangener Auf Sowjetischen Kriegsflugblättern 1941–1945. (Кляус Кирхнер. Пропаганда условий жизни немецких военнопленных в советских листовках военного времени)// Проблемы военного плена: история и современность. Ч. 1. Вологда, 1997.

Kumanjov G. Vuosien 1939–1940 neuvostoliittolais-suomalaisen sodan ("talvisodan") tapahtumat uusien lähes-tymistapojen ja dokumenttien näkökulmasta // Talvisota, Suomi ja Venäjä. XII suomalais-neuvostoliittolainen historian tutkijoiden symposiumi. Voskova 24–27.10.1989. Toim. *Timo Viha-vainen*. SHS/Helsinki 1991.

Lahti-Argutina, Eila. Olimme joukko vieras vaan. Venäläjänsuomalaiset vainouhrit Neuvostoliitossa 1930-luvun alusta 1950-luvun alkuun. Vammala 2001.

League of Nations. Treaty Series. Publication of Treaties and International Engagements registered with the Secretariat of the League of Nations. Volume CXVIII, 1931–1932, Numbers 1, 2 and 4.

Lebedeva, N. Rentola K. S., Tauno. "Kallis toveri Stalin!" Komintern ja Suomi. Edita. Helsinki 2002.

Lindstedt, Jukka. Kuolemaan tuomitut. Kuolemanrangaistukset Suomessa toisen maailmansodan aikana. Helsinki, Suomalainen lakimies yhdistys. A-sarja N:o 221. 1999.

Luettelo niistä sotavankiloissa v. 1918 kuolleista vangeista, joita ei asiaankuuluvana merkintää varten ole löydetty ilmoitetun kotipaikan kirkonkirjoista. Valtioneuvoston kirjapaino. Helsinki, 1921.

Luostarinen, Esko. Eikä hautani ole täällä. Torremolinos 2000

Malmi Timo. Suomalaiset sotavangit // Talvisodan pikkujättiläinen. (toimittaneet J. Leskinen, A. Juutilainen) WSOY 1999.

Malmi Timo, Alava Teuvo. Muutama tuhat miljoonien joukossa. Suomalaiset sotavangit Neuvostoliitossa 1941–44. Historiallinen Aikakauskirja 1/1994.

Malmi, Öimo. Jatkosodan suomalaiset sotavangit neuvos-tojärjestelmässä. Suomen historian lisensiaatintutkimus, Tampereän yliopisto 1995.

Malmi, Timo. Sotavankiluovutukset: Suomalaisten pyrkimykset jatkosodan sotavankien palauttamiseksi Neuvostoliitosta. Suomen historian laudatur-työ, Tampereän yliopisto 1996.

Malmi, Timo. Suomalaiset sotavangit Neuvostoliitossa 1941–1944. Miehet kertovat. Atena, Jyväskylä, 2001.

Manninen, Ohto. Sotavangit ja sotavankileirit // Jatkosodan historian 6 osa. WSOY 1994.

Manninen Ohto. Kapina, kansalaissota, vapaussota // Itsenäis-tymisen vuodet 1917–1920. II osa. Helsinki, 1993

Manninen O. Venäläiset sotavangit ja tapiot // Talvisodan pikkujättiläinen. WSOY 1999.

Martikainen, T. Neuvostoliiton partisaanien tuhoiskut siviilikyliin 1941–44. Värisuora, Kemi 1998.

Martikainen T Partisaanisodan siviiliurhit. Värisuora Oy, 2002.

Martikainen, V. Olavi. Muistelmia sotavankeudestani Neuvos-toliitossa 15.09.1942–25.12.1944 Moniste. Helsinki kesäkuussa 2001.

Mikkola Pirkka. Sotavangin elämä ja kuolema. Jatkosodan neuvostosotavankien suuren kuolleisuuden syyt. Suomen ja Skandinavian historian pro gradu-tutkielma. Helsingin yliopiston historian laitos, 2000.

Mikkola Timo. Sotavankikysymys Suomessa vuosina 1941–1944. Poliittisen historian pro gradu-tutkielma Helsingin yliopiston valtiotieteellisessä tiedekunnassa, 1976.

Medijainen E. The Estonian Neutrality// Neutrality in History. Proceedings of the Conference on the History of Neutrality organized in Helsinki 9–12 September 1992 under the auspices of the Commission of History of International Relations. Gummerus Jyväskylä, 1993.

Neutrality in History. Proceedings of the Conference on the History of Neutrality organized in

Helsinki 9–12 September 1992 under the auspices of the Commission of History of International Relations. Gummerus Jyväskylä, 1993.

Nosyreva L. Talvisodan suomalaiset sotavangit//Talvisodan pikkujättiläinen. (toimittaneet J. Leskinen, A. Juutilainen) WSOY 1999.

Peltonen, U-M. Punakapinan muistot. Tutkimus työväen muistelukerronnan muotoutumisesta vuoden 1918 jälkeen. SKS, 1996.

Paasikiven J.K. päiväkirjat 1944–1956, ensimmäinen osa 28.6.1944–24.4.1949. WSOY, Juva 1985

Peltovuori, Risto. Sankarikansa ja kavaltaajat. Suomi Kolmanen valtakunnan lehdistössä 1940–1944. SKS, Helsinki 2000.

Pernu, S. Vapaaehtoispataljoona Os.H. eli Sissi P5 talvisodan taisteluissa. Oulun Liikekirjapaino, 1988.

Puna-armeija Stalinin tentissa. Toim. *Manninen O., Rzesewski O.* Edita, Helsinki 1997.

Rautala A. Talvi- ja jatkosodan taistelukentät 1939–1944. Gummerus, Jyväskylä 2001.

Rentola, K. Kenen joukoissa seisot. Suomalainen kommunismi ja sota 1939–1945. WSOY, 1994.

Rislakki, J. Maan alla: vakoilua, vastarintaa ja urkintaa Suomessa 1941–1944. Love Kirjat, 1985.

Rislakki, J. Lahti-Argutina E. Meillä ei kotia täällä. Otava, 1997.

Saario, Lauri. Sotiemme 1939–1945 tunnistamattomat suomalaiset kaatuneet // Sotahistoriallinen aikakauskirja, 15, 1986.

Saario, Lauri. Kaatuneiden evakuintikeskusten toiminta Talvi- ja Jatkosodassa // Sotahistoriallinenaikakauskirja, '8, 1989.

Sarrimo Taddeus. Krigsfänge i Sovjet. Söderströms, 1941.

Semirjaga M. The Winter war. Looking Back After Fifty Years. Novosti Press Agency Publishing House. Moscow 1990.

Semirjaga M. Neuvostoliittolais-suomalainen sota v. 1939–1940 kansanvaltisen oikeuden näkökulmasta // Talvisota, Suomi ja Venäjä. XII suomalais-neuvostoliittolainen historiantutkijoiden symposiumi. Moskova 24–27.10.1989. Toim. *Timo Vihavainen*. SHS/Helsinki 1991.

Talvisodan Historia, 1–4. Sotatieteen laitoksen julkaisuja XVI: –4. WSOY, Porvoo-Helsinki 1976–1979.

Talvisodan pikkujättiläinen. (toimittaneet *J. Leskinen, A. Juutilainen*) WSOY 1999.

Toker, Leona. Return from the Arhipelago. Narratives of the Gulag Survivors. Indiana Un. Pr., 2000.

Tolstoy N. Victims of Jalta. London; Sydney; Auckland; Toronto, 1977.

Tolstoy N. Stalin's secret war. London, 1981.

Vihavainen Timo. Suomen ja Neuvostoliiton suhteet 1930 luvun lopulta Moskovan rauhan 1940 // Talvisota, Suomi ja Venäjä. XII suomalais-neuvostoliittolainen historiantutkijoiden symposiumi. Voskova 24–27.10.1989. Toim. *Timo Vihavainen*. SHS/Helsinki 1991.

Vihavainen Timo. The Finnish broadcasting company during the war and late forties // A history of broadcasting in Finland. Edited by Rauno Enden. WSOY 1996.

Vihervuori, Aimo. Sotamies Reinikaisen loikkaus vihollisen puolelle. Käsikirjoitus, 2003.

Yksin suurvaltaa vastassa. Talvisodan poliittinen historia. Toim. *Vehviläinen O., Rzesewski O.* Gummerus, Juväskylä 1997.

Yleisradio 1926–1996. A history of broadcasting in Finland. Edited by Rauno Enden. WSOY 1996.

105 дней «зимней войны». К шестидесятилетию советско-финляндской войны 1939–1940 гг. СПб., 2000.

Абаринов А. Катынский лабиринт. М., 1990.

Авдеев С. Деятельность советских спецгрупп на Карельском фронте в тылу противника (1941–1944 гг.)// Карелия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне (28 апреля 2000 г.). Петрозаводск, 2001.

Александров К. Вызов режиму. (К вопросу об антисоветских настроениях в частях Действующей армии в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг.) // Посев, 1993, № 6.

Александров К. Вооруженные силы КОНР. (Дополнения к материалам штатного расписания по состоянию на 22 апреля 1945 г.) // Новый часовой, 2000, №10.

Александров К. Антисталинский протест в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Рукопись, 2001.

Александров К., Фралов Д. Сбои в «системе активной несвободы». Рукопись, 2001.

Аптекарь, П. Какие потери в живой силе и технике понесла Красная Армия в финской кампании? // Родина, 1995, №12.

Армия и политика (офицерский корпус и политическая жизнь России 1900–1916 гг. Документы и материалы). Т. 1. Составитель А. И. Панов М., Витязь, 2002.

Армия и политика (офицерский корпус в политической истории России. Документы и материалы 1935–1940 гг.). Т. 5. Составитель А. И. Панов Калуга: ЭЙДОС, 2002.

Армия и политика (офицерский корпус в политической истории России. Документы и материалы 1941–1945 гг.). Т. 6. Составитель А. И. Панов. Калуга: ЭЙДОС, 2002.

Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Изд. «Третья волна», Франция, 1980.

Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. Лениздат, 1989.

Барышников Н. И. Блокада Ленинграда и Финляндия 1941–1944. СПб. – Хельсинки, 2002.

Басистов Ю. В. Особый театр военных действий. Листовки на фронтах Второй мировой войны. СПб., 1999.

Белозеров Б. Пограничные войска на Карельском фронте и их роль в охране тыла действующей армии в 1941 г. // Вторая мировая война и Карелия 1939–1945 гг. Материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию начала Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 2001.

Бережков В. Питерские руководители ВЧК – МГБ. 1918–1954. СПб., 1998.

Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., Наука, 1986.
Бои в Финляндии. Воспоминания участников. Ч. 1-2. Воениздат НКО СССР, 1941.

Боярский В. Партизаны и армия. История утеранных возможностей. Минск-Москва: Харвест АСТ, 2001.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 1. М:0 Прогресс, 1986.

Бродский Е. Они не пропали без вести. М: Мысль, 1987

Будко А, Кичемасов С. Особенности оказания медицинской помощи при отморожениях в советско-финляндской войне // Военно-медицинский журнал, 2000, № 4.

Будко А, Грибовская Г Опыт следования законам и обычаям войны при медицинском обслуживании раненых и больных немецких военнопленных в период Второй мировой войны (по материалам архива Военно-медицинского музея МО России. // Трагедия войны – трагедия плена. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию образования антифашистских организаций военнопленных в СССР и проблемам и перспективам развития музея «Трагедия плена». М., 1999.

Василевский А. Дело всей жизни. М., 1975.

Ващенко П. Если бы Финляндия и СССР... // Военно-исторический журнал, 1990, № 1.

Веригин С. Финская народная армия в Зимней войне // Общественно-политическая история Карелии XX века. Очерки и статьи. Петрозаводск, 1995.

Веригин С. Советская пропаганда на Финляндию в период Зимней войны 1939–1940 гг.// Вторая мировая война и Карелия 1939–1945 гг. Материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию начала Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 2001.

Вихавайнен Т. Чудо «зимней войны» // Родина, 1995, №12.

Вихавайнен Т. Доклад на XVII российско-финском коллоквиуме, институт им. Ренвалла, май, 2001.

Вихавайнен Т. Сталин и финны. СПб., 2000.

Волковский Н., Пропагандистское обеспечение // Советско-финляндская война 1939–1940. Составители П. Петров, В. Степаков. Т. 2.. СПб., 2003.

Военнопленные в СССР 1939–1956. Документы и материалы. Под ред. проф. М. М. Загоруйко. М., Логос, 2000.

Военный энциклопедический словарь. Т. 1, 2. М: 2001.

Всеволодов В. «Арифметика» и «алгебра» учета военнопленных и интернированных в системе УПВИ НКВД – МВД СССР в период 1939–1956 гг. // Трагедия войны – трагедия плена. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию образования антифашистских организаций военнопленных в СССР и проблемам и перспективам развития музея «Трагедия плена». М., 1999.

Всеволодов В. Финские военнопленные в Красногорском лагере №27 и в экспозиции музея немецких антифашистов. Рукопись, 2001.

Вспоминают ветераны. Сборник воспоминаний ветеранов 71-й Краснознаменной Торуньской стрелковой дивизии. Петрозаводск, 1984.

Вторая мировая война и Карелия 1939–1945 гг. Материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию начала Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 2001.

Галицкий В. Вражеские военнопленные в СССР (1941– 1945 гг.) // Военно-исторический журнал №9, 1990.

Галицкий В. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена// Социологические исследования 1991, №10.

Галицкий В. Японские военнопленные: правда и домыслы// Военно-исторический журнал. 1991, №4.

Галицкий В. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953), М., 1997

Галкин А. Международный характер финляндских событий. М., 1941.

Герои боев с белофиннами. Т. 1–2. М., 1940–1941.

Голубев А. Контроль за общественным мнением в Советском Союзе в годы войны. Доклад на XVII российско-финском коллоквиуме, институт им. Ренвалла, май, 2001.

Горьков Ю. Юговил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г. // Другая война 1939–1945. М., 1996.

Григорьев Н. Чуковский Н. Крылатая Балтика. М.-Л., 1940.

Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войско-боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993.

Гумилев Л. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1999.

Гюннинен Э. «Я, воин Финской народной армии...» // Новый часовой. 2000, №10.

Действующее международное право. В 3-х тт. Т. 2, М. 1999.

Дерябин Ю. Время ставить обелиски // Родина. 1995, №12.

Драгунов Г. Советские военнопленные, интернированные в Швейцарии // Военно-исторический журнал. 1995, №2.

Дробязко С. И. Восточные добровольцы в Вермахте, полиции и СС. М. 2000.

Дробязко С. И. Восточные легионы и казачьи части в Вермахте. М., 1999.

Дробязко С. И. Русская Освободительная Армия. М., 1999.

Другая война 1939–1945. РГТУ, М., 1996.

Дудорова О. Неизвестные страницы Зимней войны // Военно-исторический журнал. 1991, № 9.

Дудорова О. Аптекарь П. Преданные и забытые // Родина. 1995. №12.

Дубровская Е. Русские военнослужащие в Финляндии и вопрос о финляндской независимости // Россия и Финляндия в XX веке. К 80-летию независимости Финляндской Республики. СПб., 1997

Дубровская Е. Русские войска и Великое княжество Финляндское в XIX – начале XX в. // Новый часовой. СПб., 2001, №11–12.

Дьяков Н. Под чужим небом. Солдатские записки 1941–1944. М., 1998.

Дюпуи Р. Э. Дюпуи Т.Н. Всемирная история войн. Кн. 4 (1925–1997), СПб. – М., 1998

Евгеньев В. Международно-правовое регулирование репараций после Второй мировой войны. Государственное издательство юридической литературы, М., 1950.

Елисеева Н., Нагаев И. Германский империализм и легенда о «превентивной» войне гитлеровской Германии против СССР // Военно-исторический журнал. 1991, №3.

Журавлев Д. Медицинская служба Красной Армии в период Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Рукопись, 2002.

Звонков П. В боях против белофиннов на Балтике. М., 1941.

Зензинов В. Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную Армию. 1939–1940. Нью-Йорк, 1944.

Зимняя война 1939–1940. Книга 1. Политическая история. М.: Наука, 1999.

Зимняя война 1939–1940. Книга 2. И. В. Сталин и финская кампания (Стенограмма совещания при ЦК ВКП (б)). М.: Наука, 1999.

Иванов И. Русский общеинский союз. СПб., 1994.

Ивашов Л., Емелин А. Нравственные и правовые проблемы плена в отечественной истории // Военно-исторический журнал. 1992, №1.

Из истории раскулачивания в Карелии. 1930–1931 гг. Документы и материалы. Составители: Драздович Л., Жуков А., Макуров В., Никитина О., Филатова А. Петрозаводск: Карелия, 1991.

Иоффе М. Клиника и эффективность лечения отморожений // Сборник научных работ по лечению огнестрельных ранений и отморожений в госпиталях глубокого тыла. Свердловск., 1941.

Ирютин С. Выживание финских военнопленных в лагерях НКВД // 105 дней «зимней войны». К шестидесятилетию советско-финляндской войны 1939–1940 гг. СПб., 2000.

Исбах А., Корольков Ю. 123-я в боях с белофиннами. М., 1941.

Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000.

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Огиз. Госполитиздат. 1941.

История Карелии с древнейших времен до наших дней. Под ред. Кораблева Н., Макурова В., Савватеева Ю., Шумилова М. Петрозаводск, 2001.

Йокини М. Финляндия на пути к войне. Исследование о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940–1941 гг. Петрозаводск, 1999.

Кабанов С. На дальних подступах. М., 1971.

Карелия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне (28 апреля 2000 г.). Петрозаводск, 2001.

Карнер С. Архипелаг ГУПВИ. Плен и интернированные в Советском Союзе 1941–1956. Пер. с нем. М., 2002.

Карпов В. Генералиссимус. Кн. 1. Калининград: Янтарный сказ, 2002.

Карпов В. Генералиссимус. Кн. 2. Калининград: Янтарный сказ, 2002.

Клаузевиц Карл, фон. О войне. М.: ЭКСМО, СПб.: Terra Fantastica, 2003.

Койвисто М. Русская идея. М., 2002.

Коллингвуд Р. Идея истории. М., 1980.

Комаров А. Капитуляция ради престижа // Родина, 1995, №12.

Конасов В., Кузьминых А. Финские военнопленные Второй мировой войны на Европейском севере (1939–1955). Очерки и документы. Вологда, 2002.

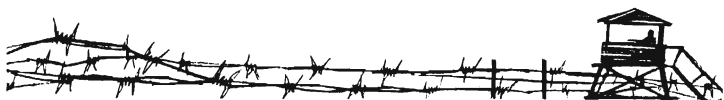
Конасов В., Кузьминых А. В плену страны Советов. Военнопленные и интернированные поляки в Грязовецком лагере НКВД (1939–1941гг.) // Новый часовой, 2002, №13–14.

Конасов В., Кузьминых А. Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат. Вологда, 2002.

Кронштадт 1921. Составители: Наумов В., Косаковский М. М.: 1997

Крупенников А. В первых боях. Красногорск, 1998.

Крупенников А. Тяжкая ноша плена. Статьи 1993–2000. М.: Рейттарь, 2001.

Куманев Г. Подвиг и подлог. Страницы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Русское слов., 2000.

Кунаев С. Шляхта и мы. М.: Наш современник, К91, 2002.

Ланглуа Ш., Сеньобос Ш. В. Введение в изучение истории. СПб., 1899.

Лебедева Н. О трагедии в Катыни // Международная жизнь, 1990, № 5.

Лебедева Н. Катынь: преступления против человечества. М., 1994.

Лебедева Н. Четвертый раздел Польши и катынская трагедия // Другая война 1939–1945. М., 1996.

Ленин В. Полное собрание сочинений. Т. 37

Ленин В. Полное собрание сочинений. Т. 40.

Ломагин Н. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб и НКВД. СПб., 2000.

Маевский А. Советские пленные в Финляндии (От нашего финляндского корреспондента) // Часовой, 1940, № 250.

Макаренко Е. Доброволец Зимней войны // Новый часовой, 2000, № 10.

Макуров В. Зимняя война и жизнь некоторых граждан Финляндии в Карелии. 1939–1940 гг. // Новое в изучении Карелии. Петрозаводск, 1994.

Макуров В. Военная летопись Карелии. Петрозаводск, 1999.

Макуров В. Эвакуация населения Беломорской Карелии на территорию Финляндии в 1944 г. в финских документальных материалах // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000.

Маннергейм К. Г. Мемуары. М.: Вагриус, 2000.

Маннинен О. Так были ли «кукушки»? // Родина, 1995, №12.

Международное положение глазами ленинградцев. (Из архива Управления Федеральной службы безопасности по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. СПб., 1996.

Мерецков К. На службе народу. М., 1968.

Мельтюхов М. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М.: Вече, 2001.

Микшенев М. Документы спецорганов о жизни Карелии в 1940-е – 1950-е гг. // Вторая мировая война и Карелия 1939–1945 гг. Материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию начала Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 2001.

Митрофанов Н. В снегах Финляндии: записки младшего командира. М., 1941.

Мотревич В. Иностранные воинские захоронения в Свердловской области: численность, дислокация, современное состояние. Военком: Военный комментатор, 2000, №1.

Мусаев В. Советские граждане на службе в финской армии в годы Второй мировой войны // Новый часовой, 2002, №13–14.

«Мы должны учесть наш опыт в Финляндии...» РОВС об уроках «Зимней войны». (Из Бахметьевского архива Колумбийского университета, США). Публ. *Ломагин Н.* // Россия и Финляндия в XX веке. К 80-летию независимости Финляндской Республики. СПб. 1997

Невежин В. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев» 1939–1941 гг. М.: АИРО-XX, 1997

Невежин В. Финляндия в советской пропаганде периода «зимней войны» (1939–1940) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2000.

Невежин В. Советская пропаганда в период «зимней войны» // 105 дней «зимней войны». К шестидесятилетию советско-финляндской войны 1939–1940 гг. СПб., 2000.

Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики 1921–1940 гг. Составители: Климова А., Макуров В., Филатова Т., Петрозаводск, 1997

Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики 1941–1956 гг. Составители: Авдеев С., Климова А., Макуров В. Петрозаводск, 1999.

Новое в изучении Карелии. Петрозаводск, 1994.

Носырева Л. Финские военнопленные. Рукопись.

Носырева, Л., Назарова Т. «Пойдем на Голгофу, мой брат...» Родина, 1995, №12.

О злодеяниях и зверствах финско-фашистских захватчиков. М., 1944.

Общественно-политическая история Карелии XX века. Очерки и статьи. Петрозаводск, 1995.

Окороков А. В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М., 2000.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Накануне. Т. 1. Кн. 1–2. М., 1995.

Органы государственной безопасности СССР в Великой отечественной войне. Начало. Т. 2. Кн. 1–2. М., 2000.

Орехов В. Прямая дорога // Часовой, 1940, № 250.

Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли. (Июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.). М., 1986.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Труменом. (Август 1941 г. – декабрь 1945 г.). М. 1986.

Петров П. Линкоры против батарей: Операции эскадры КБФ в Биеркском архипелаге // Тайфун, 1999, № 3.

Петров П., Степаков В., Фролов Д. Война в Заполярье 1939–1940 гг. Institute for Russian and East European Studies, Helsinki 2002.

Петров П., Степаков В., Фролов Д. Война в Заполярье 1939–1940 гг.// Вопросы истории, 2002, №8.

По обе стороны Карельского фронта 1941–1944. Документы и материалы. Составители: Климова А., Макуров В. Петрозаводск, 1995..

Полян П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе. М., 1996.

Полян П. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных на чужбине и на родине. М.: РОССПЭН, 2002.

Принимай нас, Суоми-красавица! «Освободительный» поход в Финляндию 1939–1940. Ч. 1. Составитель Балашов Е. СПб., 1999.

Принимай нас, Суоми-красавица! «Освободительный» поход в Финляндию 1939–1940. Ч. 2. Составитель: Балашов Е. СПб., 2000.

Проблемы военного плена: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции 23–25 октября 1997 гг. Вологда. Ч. 1–2. Вологда, 1997

Раткин С. Тайны Второй мировой: Факты, документы, версии. Минск: Современная литература», 1995.

Романько О. В. Мусульманские легионы Третьего рейха. Мусульманские добровольческие формирования в германских вооружённых силах (1939–1945). Симферополь, 2000.

Российское законодательство X–XX веков. Т. IV. М. 1986.

Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2000.

Россия и Финляндия в XX веке. К 80-летию независимости Финляндской Республики. СПб., 1997

Семиряга М. Тайны сталинской дипломатии, 1939–1941. М., 1992.

Семиряга М. Советско-финляндская война. (К 50-летию окончания). М. 1990.

Семиряга М. Судьбы советских военнопленных // Вопросы истории, 1995, №4.

Семиряга М. Как мы управляли Германией. Политика и жизнь. М., РОССПЭН, 1995.

Семиряга М. Военнопленные, коллаборационисты и генерал Власов // Другая война 1939–1945. М., 1996.

Семиряга М. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000.

Сенявская Е. Финны во Второй мировой войне: взгляд с двух сторон // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2000.

Советско-финляндская война 1939–1940. Составители: Петров П., Степаков В. Т. 1. СПб.: Полигон, 2003.

Советско-финляндская война 1939–1940. Составители: Петров П., Степаков В. Т. 2. СПб.: Полигон, 2003.

Соколов Б. В плену. СПб.: Цитадель, 2000.

Соколов Б. Тайны финской войны. М.: Вече, 2000.

Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии «О злодеяниях финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР». Петрозаводск, 1944.

Степаков В., Петров П. «Огромное количество наших славных бойцов похоронено в случайных местах...» // Новый часовой, 2002, №13–14.

Степаков В., Балашиов Е. В «новых районах». Из истории освоения Карельского перешейка 1940–1941, 1944–1950 гг. СПб.: Нордмедиа-издат, 2001.

Степанова А. С. Карельские плачи. Специфика жанра. (Избранные статьи). Петрозаводск: Периодика, 2003.

Страздовский В. Девяносто тысяч сто шестнадцать (воспоминания о пережитом). М., 2001.

Суворов В. Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну? М., 1993.

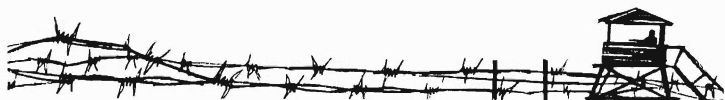
Суворов В. Очищение. Зачем Сталин обезглавил свою армию? М.: Издательство АСТ, 2003.

Тайны и уроки Зимней войны 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. Ред.-сост. Волковский Н. СПб., 2000.

Твардовский И. Родина и чужбина. Смоленск: Посох, 1996.

Тиркельтауб С., Степаков В. Против Финляндии. Советская морская авиация на Балтике в войне 1939–1940 годов. СПб., 2000.

Тихомиров С. Отношение российских властей к иностранным военнопленным наполеоновской эпохи // Проблемы военного плена. Ч. 1. 1997

Трагедия войны – трагедия плена. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию образования антифашистских организаций военнопленных в СССР и проблемам и перспективам развития музея «Трагедия плена». М., 1999.

Урланис Б. История военных потерь. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил Европейских стран в войнах XVI I–XX вв. (историко-статистическое исследование). СПб.-М. Полигон*АСТ, 1998.

Фирсов С. Почтовая карточка» для военнопленных: Эпизод из частной переписки эпохи Великой войны 1914–1918 гг.// Новый часовой, 2002, №13–14.

Фрезер Дж. Дж. «Золотая ветвь: Исследование магии и религии». В 2-х т. Т. 1. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001.

Фролов Д. Зимняя война 1939–1940 гг. и позиция Великобритании. Дипломная работа, кафедра новой и новейшей истории исторического факультета МГУ им. Ломоносова., 1993.

Фролов Д. Из истории Зимней войны 1939–1940 гг. Советские военнопленные в Финляндии, финская пропаганда на фронте и настроения граждан СССР во время Зимней войны. Сборник документов. Петрозаводск, 1999.

Фролов Д. «И для чего только война...»// Новые рубежи, 2001, № 12.

Фролов Д. Протоколы допросов финских и советских военнопленных 1941–144 годов // Новый часовой, 2002, №13–14.

Фролов Д. По разные стороны колючей проволоки// Советско-финляндская война 1939–1940. Составители Петров П., Степаков В. Т. 2. СПб.: Полигон, 2003.

Христофоров В. «Попав в плен, я был морально подавлен» (о некоторых политико правовых аспектах уголовного дела генерал-майора В.В. Кирпичникова. Военно-исторический журнал, 2007, №7

Христофоров В. Документы российских архивов о советских военнопленных в лагерях на территории Финляндии и Норвегии. 1941–1944 гг., Отечественные архивы, 2008, №3.

Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории КФССР. Сборник документов. Петрозаводск, 1945.

Чухин И. Карелия-37: Идеология и практика террора. Петрозаводск, 1999.

Штрик-Штрикфельдт В. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. Посев, 1993.

Яковлев Н. 1 августа 1914. М.: Молодая гвардия, 1974.

Газеты и журналы

Друг Пленных, 1940.

Милый Друг, 1940.

Sotilaan Ääni, 1941–1944.

Kansan Mies, 1941–1942.

Karjalan Heimo, № 5–6, 2003.

Правда № 49 (8820), 18 февраля 1942 года.

Ленинградская Правда, 14, 15, 16, 17 декабря 1939 г.

Лоухский большевик, 24 августа 1941 года

Украинец в Финляндии 1941–1942.

Северное слово

Журнал «Часовой», 15 августа 1939 г., № 242.

Журнал «Часовой», 5 октября 1939 г., № 244.

Журнал «Часовой», 10 ноября 1939 г., № 245.

Журнал «Часовой», 1 января 1940 г., № 247

Журнал «Часовой», 1940, № 250.

Интервью

Интервью бывшего военнопленного Теуво Алава. Личный архив Д. Фролова.

Интервью исследователя В. Галицкого, 2000 г. Личный архив Р. Никкиля.

Интервью бывшего военнопленного Тойво Ярвеля, 1999 г. Личный архив Р. Никкиля.

Интервью бывшего военнопленного Э. Луостаринена, 2000 г. Личный архив Р. Никкиля.

Интервью Л. Синявиной (г. Череповец), 1999. Личный архив Р. Никкиля.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный военный архив (РГВА), ф.1е, оп. 3, д.12, л. 6; Военнопленные в СССР 1939–1956. Документы и материалы. Под ред. проф. М. М. Загоруйко. М.: Логос, 2000.

² РГВА, ф. 1е, оп. 3, д. 8, л. 200; *Alava T., Hiltunen R., Juutilainen A.*, 1989, s. 23; В. Галицкий, 1997 С. 191.

³ К. Г. Маннергейм Мемуары. М.: Вагриус, 2000.

⁴ М. И. Семиряга Советско-финляндская война. (К 50-летию окончания). М., 1990.

⁵ Н. Елисеева, Нагаев И. Германский империализм и легенда о «превентивной» войне гитлеровской Германии против СССР// Военно-исторический журнал, 1991, №3; Дудорова О. Неизвестные страницы Зимней войны// Военно-исторический журнал, 1991, № 9 и ряд других.

⁶ Зимняя война 1939–1940. Книга 1. Политическая история; Книга 2. И. В. Сталин и финская кампания (Стенограмма совещания при ЦК ВКП (б)). М.: Наука, 1999.

⁷ В. Галицкий. Финские военнопленные в лагерях НКВД. М., 1997

⁸ Архив министерства иностранных дел Финляндии, Ulkoasiainministeriön arkisto (UA), 109E7

⁹ Существует еще одна цифра умерших в плену советских военнослужащих – 111 человек. Подробнее см. *Teuvo Alava, Reino Hiltunen, Antti Juutilainen.* Muistatko... Sotavangit r.y. 1969–1989. Gummerus kirjapaino oy, Jyväskylä 1989, s. 23.

¹⁰ 105 дней «Зимней войны». К шестидесятилетию советско-финляндской войны 1939–1940 гг. СПб., 2000, стр.100.

¹¹ Collaboration (франц.) – сотрудничество.

¹² В. Мусаев. Советские граждане на службе в финской армии в годы Второй мировой войны // Новый часовой, 2002, №13–14.

¹³ К. М. Александров. Вызов режиму (К вопросу об антисоветских настроениях в частях Действующей армии в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг.) // Посев, 1993, № 6.

¹⁴ К. Александров, Д. Фролов. Сбои в «системе активной несвободы». Рукопись, 2001.

¹⁵ П. Полян. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе. М., 1996.

¹⁶ П. Полян. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных на чужбине и на родине. М., РОС-СПЭН, 2002.

¹⁷ Там же. С.143.

¹⁸ Большое количество сборников, статей, научных публикаций и докладов вынуждает меня остановиться лишь на некоторых из них. См., например: Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о

жизни республики 1921–1940 гг. Составители: А. Климова, В. Макуров Т., Филатова. Петрозаводск, 1997; Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики 1941–1956 гг. Составители: С. Авдеев, А. Климова, В. Макуров. Петрозаводск, 1999; *Н. Ломагин*. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб и НКВД. СПб., 2000; *К. Александров*. Вызов режиму. К вопросу об антисоветских настроениях в частях действующей армии в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // *Посев*, 1993, № 6; *А. Голубев*. Контроль за общественным мнением в Советском Союзе в годы войны. Доклад на XVII российско-финском colloquium, институт им. Ренвала, май, 2001; Международное положение глазами ленинградцев, 1941–1945: (Из архива Управления Федеральной службы безопасности по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области), СПб., 1996; *В. Макуров*. Зимняя война и жизнь некоторых граждан Финляндии в Карелии. 1939–1940 гг. // Новое в изучении Карелии. Петрозаводск, 1994; *М. Микшенев*. Документы спецорганов о жизни Карелии в 1940-е – 1950-е гг. // Вторая мировая война и Карелия 1939–1945 гг. Материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию начала Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 2001 и другие издания. Я также обращался к этой теме. См.: *Д. Фролов*. Из истории Зимней войны 1939–1940 гг. Советские военнопленные в Финляндии, финская пропаганда на фронте и настроения граждан СССР во время Зимней войны. Сборник документов». Петрозаводск, 1999; *Д. Фролов*. «И для чего только война...» // Новые Рубежи, 2001, №12. Кроме того, необходимо обратить внимание на дневниковые записи, относящиеся к тому времени. См. например: *В. И. Вернадский*. Дневник 1939–1940 годов. // Дружба народов, 1992, № 11–12, и 1993, №9; *Вс. Вишневский*. «...Сами перейдем в нападение»: Из дневников 1939–1941 годов. Вступ. ст. и коммент. А. Голубев, В. Неужин. Подготовка текста В. Неужин // Москва, 1995, №5; *А. Маньков*. Из дневника 1938–1941 гг. // Звезда, 1995., №11

¹⁹ Наиболее фундаментальными трудами по истории Зимней войны и войны Продолжения, освещающими практически все аспекты этих вооруженных конфликтов, являются многотомные *Talvisodan Historia*, 1–4. *Sotatieteen laitoksen julkaisuja XVI*: 1–4. WSOY, Porvoo-Helsinki 1976–1979 и *Jatkosodan historia*, 1–6. *Sotatieteen laitoksen julkaisuja XXV*: 1–6. WSOY, Porvoo 1988–1994.

²⁰ 105 Päivää. Uhri ja valkoinen kuolema Kainuussa vv. 1939–1940, Kajaani 1990.

²¹ *R. Kauppila*. Sotavangit Kainuussa; Suomalaiset sotavan-keudessa // 105 Päivää. Uhri ja valkoinen kuolema Kainuussa vv. 1939–1940, Kajaani 1990, s.106–139.

²² *Talvisodan pikkujättiläinen*. (toimittaneet J. Leskinen, A. Juutilainen) WSOY 1999.

²³ T. Malmi. Suomalaiset sotavangit; L. Nosyreva. Talvisodan ajan suomalaiset sotavangit; O. Manninen. Venäläiset sotavangit ja tapiot// Talvisodan pikkujättiläinen. (toimittaneet J. Leskinen, A. Juutilainen) WSOY 1999, s.792–815.

²⁴ Mikkola Pirkka. Sotavangin elämä ja kuolema. Jatkosodan neuvostosotavankien suuren kuolleisuuden syyt. Suomen ja Skandinavian historian pro gradu-tutkielma. Helsingin yliopiston historian laitos, 2000.

²⁵ Sarrimo Taddeus. Krigsfenge i Sovjet. Suderströms, 1941.

См. например: Summanen, Jaakko. Sotavanki. Gummerus, Jyväskylä 1979; Luostarinen, Esko. Eikä hautani ole täällä Torremolinon 2000; Huttunen, Unto. Upseerisotavangin päiväkirja. Käsikirjoitus; Martikainen, V. Olavi. Muistelmia sotavankieudestani Neuvostoliitossa 15.09.1942–25.12.1944 Moniste. Helsinki kesä-kuussa 2001.

²⁷ Alava Teuvo, Hiltunen Reino, Juutilainen Antti. Muistatko... Sotavangit r.y. 1969–1989. Gummerus kirjapaino oy, Jyväskylä 1989

²⁸ Отмечу лишь некоторые из них. См. например: S. Pernu. Vapaaehtoispatalljoona Os.H. eli Sissi P5 talvisodan taisteluissa, 1988.

²⁹ Heimo Veljet, Jr 200.

Mauno Jokipii. Jatkosodan synty. Tutkimuksia saksan ja Suomen sotilaallisesta yhteistyöstä 1940–1941. Otava, Helsinki 1987

³¹ М. Йокимии. Финляндия на пути к войне. Исследование о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940–1941 гг., Петро-заводск, 1999.

³² Литература по истории ГУЛАГа широко представлена не только в советской и российской историографиях, но также и в европейской и американской. См. например: В. Земсков. «Архивы начинают говорить» – Гулаг (историко-социологический аспект)//Социологические исследования, 1991, №6; Л. Ивашиов, А. Емелин. Гулаг в годы Великой Отечественной войны// Военно-исторический журнал, 1991, №1; D. Dallin, B. Nikolaevsky. Forced Labour in Soviet Russia. London, 1948 и другие работы, перечисление которых займет много мест:

³³ E. T. Bacon. The GULAG at war. Stalin's Forced Labour System in the Light of Archives. MACMILLAN PRESS LTD, 1996.

³⁴ С. Тихомиров // Проблемы военного плена. Ч. 1, 1997 С. 162–164.

³⁵ Три Гаагские конвенции 1899 года: «О мирном решении международных столкновений», «О законах и обычаях сухопутной войны», «О применении к морской войне начал Женевской конвенции 1864 о раненых и больных» и в 1907 году 13 конвенций: 1) «О мирном решении международных столкновений»; 2) «Об ограничении случаев обращения к силе для взыскания по договорным долговым обязательствам»; 3) «Об открытии военных действий»; 4) «О законах и обычаях сухопутной войны»; 5) «О правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в сухопутной войне»; 6) «О положении

неприятельских торговых судов при открытии военных действий»; 7) «Об обращении торговых судов в военные»; 8) «Об установке автоматических контактных подводных мин»; 9) «О бомбардировке морскими силами во время войны»; 10) «О применении к морской войне начал Женевской конвенции 1864 о раненых и больных»; 11) «О некоторых ограничениях в пользовании правом захвата в морской войне»; 12) «Об учреждении международного призового суда» (эта конвенция в силу не вступила); 13) «О правах и обязанностях нейтральных держав в морской войне». 1-я, 4-я и 10-я конвенции, дополняя Гаагские конвенции 1899 года, носили одинаковые с ними названия.

³⁶ Армия и политика. Т. 1. М., 2002. С. 703–708.

³⁷ В. Галицкий, 1997 С. 87

Енукидзе Амель Софронович (1877–1937), советский политический и государственный деятель. С 1918 секретарь Президиума ВЦИК, в 1922–1935 секретарь ЦИК СССР. Член ЦКК. Член партии с 1924, ЦК партии с 1934. Репрессирован; реабилитирован посмертно.

³⁸ М. Семиряга. Тайны сталинской дипломатии, 1939–1941. М., 1992. С. 111. По данным НКВД, в СССР находилось 130 242 польских солдат и офицеров. См. Военнопленные в СССР, 2000. С. 230.

³⁹ РГВА, ф. 1п, оп. 37а, д. 1, л. 1.

⁴⁰ Затем штат Управления по делам военнопленных увеличился. В него входили: руководство (начальник и три его заместителя), секретариат (12 человек), политотдел во главе с комиссаром (восемь человек), отдел режима и охраны – 8 человек, учета и регистрации – 10 человек, отдел снабжения – 12 человек, санитарный отдел – шесть человек.

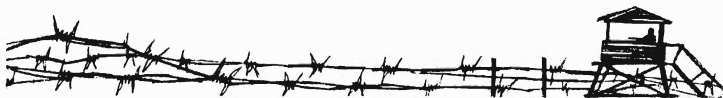
⁴¹ РГВА, ф. 1п, оп. 37а, д. 1, лл. 1,2.

⁴² Свобода (Svoboda) Людвик (1895–1979), президент Чехословакии (1968–75). Генерал армии (ноябрь 1945). В 1942–1943 гг. в СССР организатор чехословацких соединений, возглавлял 1-й Чехословацкий отдельный батальон. С 1944 года – командир 1-го Чехословацкого армейского корпуса.

⁴³ Меркулов В. Н. (1895–1953) занимал руководящие посты в НКВД СССР, 1943–1947 – нарком госбезопасности, 1950–1953 – министр государственного контроля СССР. 16.09.1953 снят с поста министра, 23.12.1953 расстрелян.

⁴⁴ Кобулов Б. З. (1904–1953) занимал руководящие посты в руководстве НКВД, МВД СССР. Был заместителем наркома НКВД и заместителем министра МВД СССР. 23.12.1953 арестован, приговорен к высшей мере наказания.

⁴⁵ Баштаков Л. Ф. (1900–1970). заместитель начальника, а с 5 марта 1940 г. – начальник Спецотдела НКВД СССР. Майор государственной безопасности.

⁴⁶ *Н. Лебедева*, 1996. С. 291. Из российских публикаций необходимо упомянуть, например: *В. Парсаданова*. К истории катынского дела//Новая и новейшая история, 1990, № 4; *Н. Лебедева* О трагедии в Катыни// Международная жизнь, 1990, № 5; *А. Абаринов*. Катынский лабиринт. М., 1990; *Н. Лебедева*. Катынь: преступления против человечества. М., 1994; *Лебедева Н.* Четвертый раздел Польши и катынская трагедия// Другая война 1939–1945. М., 1996.

⁴⁷ Армия и политика. Т. 5. 2002. С. 302.

⁴⁸ *С. Куняев*. Шляхта и мы. М.: Наш современник, К91. 2002. С. 74.

⁴⁹ Генерал Сикорский (Sikorski) Владислав (1881–1943), премьер-министр и военный министр Польши в 1922–1923, премьер-министр польского эмигрантского правительства в 1939–1943. 30 июля 1941 г. подписал с СССР договор о возобновлении дипломатических отношений. Погиб в авиакатастрофе.

⁵⁰ *Н. Лебедева*, 1996. С. 290.

⁵¹ *М. Мельтюхов*. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М.: Вече, 2001. С. 416; *Н. Лебедева*, 1996. С. 290.

⁵² *T. Alava, D. Frolov, R. Nikkilä*. Rukiver! Suomalaiset sota-vangit Neuvostoliitossa. Edita, 2002. Sotavankimatrikkeli.

⁵³ Военнопленные в СССР, 2000. С. 230.

⁵⁴ Родина, 1995, №12. С. 88

⁵⁵ ВИЖ, 1991, №9. С. 15

⁵⁶ Зимняя война... Кн.1. С. 319.

⁵⁷ РГВА, ф. 1, оп. 2, д. 8, л. 59.

⁵⁸ KansArk. VALPO I XXIX41b k2984

⁵⁹ *В. Конасов, А. Кузьминых*. Финские военнопленные второй мировой войны на европейском севере (1939 – 1955). Очерки и документы. Вологда, 2002. С. 76.

Данные об Ушанове Василии (Ushanoff Vasili) крайне скудны и неточны. Известно, что он родился в Куур ölä. Отказался вернуться в Финляндию. Снят в поезде в Выборге 20.04.1940. РГВА, ф.1, оп.2е, д.17, л. 83. «Именной список военнопленных финской армии, желавших остаться в СССР»; *Alava T., Frolov D., Nikkilä R.* 2002:454. Sotavankimatrikkeli

⁶⁰ В книге *В. Конасова* он фигурирует как Этергард Аарне. *В. Конасов, А. Кузьминых*. 2002. С. 15. Правильно: Österberg Arne Valdemar, родился 20.12.1916 в Helsinki, рядовой JR11 попал в плен 18.02.1940 в районе Leipäsuo вернулся в Финляндию 20.04.1940 по обмену военнопленными. *Alava T., Frolov D., Nikkilä R.* 2002:466, Sotavankimatrikkeli.

⁶¹ *В. Конасов, А. Кузьминых*, 2002. С. 75. Правильное имя: Tuominen Klaus Hjalmar, родился 29.12.1914 Espoo, капрал JR11, взят в плен 23.12.1939 в районе Natjalahti. Возвращен в Финляндию по обмену

военнопленными 20.04.1940. *Alava T., Frolov D., Nikkilä R.* 2002:451, Sotavankimatrikkeli

А. Чураков. «Из огня да в полымя...». ВИА, 2003, № 7 С. 61.

Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 1е, оп. 3, д. 8, л. 200; В. Галицкий. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953). М., 1997 С. 191.

⁶⁴ В. Зензинов. Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную Армию. 1939–1940. Нью-Йорк, 1944.

Б. Бажанов. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Изд. «Третья волна», Франция, 1980.

Sota-arkisto (SA), T19198/8.

105 Päivää. Uhri ja valkoinen kuolema Kainuussa vv. 1939–1940, Kajaani 1990, s. 110.

⁶⁸ 105 Päivää..., s. 112.

⁶⁹ Родина, 1995, № 12. С. 102.

⁷⁰ РГВА, ф. 1в, оп. 9, д. 2, л. 360; ф. 16, оп. 9, д. 3, л. 18.

В. Всеволодов. Финские военнопленные в Красногорском лагере № 27 и в экспозиции музея немецких антифашистов. 2001. Рукопись.

Л. Носырева. Финские военнопленные 1941–1945. Рукопись.

⁷³ SA, "Sotilaan Ääni" № 53, 24.06.1943.

⁷⁴ РГВА, ф. 1п, оп. 33, д.1, л. 236.

⁷⁵ Подробнее: *С. Карнер.* Архипелаг ГУПВИ. Плен и интернированные в Советском Союзе 1941–1956. Пер. с нем. М., 2002.

⁷⁶ Личный архив Р. Никкиля. Интервью В. Галицкого, 1999 г.

Rislakki Jukka, Lahti-Argutina Eila, Meillä ei kotia täällä. Otava, 1997, s. 209

⁷⁸ Военнопленные в СССР. 2000. С. 332.

В. Конасов, А. Кузьминых. 2002. С. 131.

Христофоров В. «Попав в плен, я был морально подавлен» (о некоторых политико правовых аспектах уголовного дела генерал-майора В. В. Кирпичникова. Военно-исторический журнал. 2007, №7, и Христофоров В. Документы российских архивов о советских военнопленных в лагерях на территории Финляндии и Норвегии. 1941–1944 гг. Отечественные архивы, 2008, №3,

⁸¹ *Mikkola Pirkka,* Sotavangin elämä ja kuolema. Jatkosodan neuvostosotavankien suuren kuolleisuuden syyt. Suomen ja Skandinavian historian pro gradu-tutkielma. Helsingin yliopiston historian laitos, 2000.

⁸² Центральная комиссия по делам пленных и беженцев (Центр-пленбеж) при Народном комиссариате по военным делам. Создана в апреле 1918 года в соответствии с декретом Совета народных комиссаров.

⁸³ РГВА, ф. 1п, оп. 37а, д. 1, лл. 23–24.

⁸⁴ РГВА, ф. 1п, оп. 37а, д. 1, л. 58.

⁸⁵ Там же, л. 23.

РГВА, ф. 1п, ф. 2е, д. 17, лл. 92–94.

⁸⁷ *Pietola, Eino. Sotavangit Suomessa 1941–1944. Dokument-tteihin perustava teos sotavankien käsittelystä Suomessa jatko-sodan aikana. Gummerus, Juväskylä 1987*

⁸⁸ «Инструкция по опросу пленных, перебежчиков, выловленных с тонущих кораблей и раненых». РГА ВМФ, ф. Р-952, оп. 2, д. 12, лл. 31–32.

⁸⁹ В фамилии допущена ошибка. Должно быть, Хонканен. Honkanen Alvar Mikael. 02.09.1916. Multia. Пленен 09.03.1940. Возвращен в Финляндию по обмену военнопленными 20.04.1940.

⁹⁰ РГА ВМФ, ф. Р-1159, оп. 2, д. 8. лл. 44–45об.

⁹¹ Так в тексте.

⁹² РГА ВМФ, ф. Р-1159, оп. 2, д. 8. лл. 44–45об.

⁹³ Проскуров Иван Иосифович (1907–1941). В 1937–1940 гг. возглавлял Главное разведуправление Генштаба РККА. В 1941 г. арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1954 г.

⁹⁴ Петров П. В. Линкоры против батарей: Операции Эскадры КБФ в Биёрском архипелаге // Тайфун, 1999, № 3. С. 31; РГА ВМФ, ф. Р-92, оп. 2, д. 541. 1, д. 637, л. 224.

⁹⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 522, оп. 1, д. 47

⁹⁶ Калмус Карл Иоганнес, родился 8.06.1920 г. в г. Нарва. Задержан в районе о. Соммерс. Дальнейшую его судьбу установить не удалось.

⁹⁷ Yrjö (Iivo, Juri) Linko псевдоним известного финского коммуниста Антти Хювёнена (Antti Hyvönen, 1900–1988). Подробнее о нем см. например: *Rentola, K. Kenen joukoissa seisot. Suomalainen kommunismi ja sota 1939–1945. WSOY, 1994: 26–28, 31, 41, 51, 57, 60, 62, 65–66, 103, 108, 129, 132, 172, 176, 225, 351–352, 453, 494. См. также: Alava T., Frolov D., Nikkilä R. Rukiver! Suomalaiset sotavangit Neuvostoliitossa. Edita, 2002: 112.*

⁹⁸ Niemelä Sulo, родился 9.02.1910 в Vahviala, рядовой Ер. Р7, попал в плен 20.02. 1940 в Yläsommee. Возвращен в Финляндию по обмену военнопленными 20.04.1940.

⁹⁹ Sandqvist Kurt Leopold Konrad, родился 18.01.1915 в Helsinki, капрал JR10, попал в плен 19.02.1940 в районе Summa. Возвращен в Финляндию по обмену военнопленными 20.04.1940.

¹⁰⁰ Правильно – Ryöriä Ilmari 29.09.1912. Valkeala. Возвращен в Финляндию по обмену военнопленными 20.04.1940.

¹⁰¹ Военный архив Финляндии (Sota-arkisto). Допросные листы при допросах русских летчиков с точки зрения воздушных сил.

¹⁰² Архив МИД Финляндии (Ulkoasiainministeriön arkisto).

¹⁰³ *Rentola, K. Kenen joukoissa seisot. Suomalainen kommunismi ja sota 1939–1945. WSOY, 1994, s. 363.*

¹⁰⁴ ГАОПДФК, ф. 8, оп.1, д. 203, лл. 3, 35, 72.

¹⁰⁵ Архив Sotavangit r.y.

⁶ ГАОПДФК, ф. 8, оп. 1, д. 203, л. 26.

¹⁰⁷ Sota-arkisto.

¹⁰⁸ ГАОПДФК, ф. 213, оп. 1, д. 178, л. 5.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ ГАОПДФК, ф. 213, оп. 1, д. 389, л. 27 Протоколы допросов финских военнопленных.

¹¹¹ ГАОПДФК, ф. 2730, оп. 1, д. 6. Сводки разведотдела штаба Карельского фронта по агентурной обстановке в Финляндии и на временно оккупированной территории КФССР.

¹¹² ГАОПДФК, ф. 213, оп. 1, д. 408, л. 65.

¹¹³ Там же, л. 47 об.

¹¹⁴ ГАОПДФК, ф. 213, оп. 1, д. 386, л. 95.

¹¹⁵ ГАОПДФК, ф. 213, оп. 1, д. 386, л. 1.

¹¹⁶ Matsinen Vilho Vasili, родился 02.12.1922 в Salmi, рядовой Ер.Р4. Попал в плен 29.03.1944 в Suopasalmi. Осужден в СССР, приговорен к 15 годам заключения. Вернулся в Финляндию 08.08.1955.

¹¹⁷ Майский И. М. (1884–1975), дипломат, историк, академик АН СССР. В 1929–1932 гг. полпред в Финляндии, в 1932–1943 гг. посол в Великобритании. В 1943–1946 гг. заместитель наркома иностранных дел СССР.

¹¹⁸ KansArk. ЕК-VALPO I XXIX41b k2984.

¹¹⁹ Этот лагерь находился в районе Беломорска. К сожалению, полной информацией об этом месте содержания, количестве, именах и фамилиях финских военнопленных исследователи пока не располагают. По моим данным, в нем содержались некоторые военнопленные-перебежчики из JR21, "Pärmin osasto"

¹²⁰ ГАОПДФК, ф. 8, оп. 1, д. 538, л. 17–18.

¹²¹ ГАОПДФК, ф. 8, оп. 1, д. 538, л. 18.

¹²² Постановления СНК СССР № 1782-79сс от 30.06.1941 и № 4735рс от 6.08.1941 г. Военнопленные в СССР, 2000, стр. 87–88.

¹²³ Военнопленные в СССР, 2000. С. 948.

Для сравнения – калорийность рациона питания советских военнопленных в Финляндии в период с 25.01.1942 по 4.06.1943 г. составляла 1889 килокалорий. SA, T19497/6, РМ, Pääintendentintoimisto.

¹²⁴ А. Крупеников, 2001. С. 151–154.

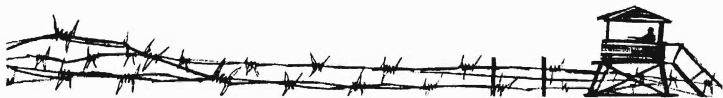
¹²⁵ С. Карнер, 2002. С. 103.

¹²⁶ 12 февраля 1943 года начальником УПВИ НКВД СССР был назначен генерал-майор И. А. Петров, ранее возглавлявший войска НКВД Западного фронта. Полковник государственной безопасности Сопруненко П. К. – с 12.02.1943 заместитель начальника УПВИ НКВД СССР.

¹²⁷ РГВА, ф. 1в, оп. 4, д. 18; В. Галицкий, 1997 С. 211–215.

¹²⁸ В. Конасов, А. Кузьминых, 2002. С. 31.

¹²⁹ Военнопленные в СССР, 2000. С. 70.

¹³⁰ С. Карнер, 2002. С. 103.

¹³¹ П. Полян, 2002. С. 143, 246.

К. Г. Маннергейм. Мемуары. М.: Вагриус, 2000. С. 419.

¹³³ Подробнее см.: Б. Урланис. История военных потерь. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил Европейских стран в войнах XVII–XX вв. (историко-статистическое исследование). СПб. – М.: Полигон*АСТ, 1998. С. 314.

¹³⁴ Б. Урланис, 1998. С. 322

¹³⁵ П. Полян, 1996. С. 66.

¹³⁶ Д. А. Журавлев. Медицинская служба Красной Армии в период Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Рукопись, 2002.

¹³⁷ Анамнез (от греч. Anamnesis – воспоминание), совокупность сведений о развитии болезни, условиях жизни, перенесенных заболеваниях, собираемых с целью их использования для диагноза, прогноза и лечения заболевания.

¹³⁸ Медицинские карты, истории болезней. Архив Sota-vangit r.y.

¹³⁹ Архив Sotavangit r.y.

¹⁴⁰ РГВА, ф.1, оп. 2е, д. 17, л. 10.

РГВА, ф.1, оп. 2е, д. 17, л. 91

¹⁴² Авитаминоз – заболевание, вызываемое резким недостатком витаминов в организме. При отсутствии витамина С развивается цинга, В1 – бери-бери, Д – рахит, РР (никотиновой кислоты) – пеллагра. Пеллагра проявляется поражением кожи, желудочно-кишечного тракта. Лечение – никотиновая кислота, пивные или пекарские дрожжи.

¹⁴³ Карлонен Коэль, Рентонен и Хюглюн Хурли. См. В. Галицкий. 1997 С. 141. Весьма вероятно, что фамилия Рентонен – искаженное Рантанен. Таким образом, В. Галицкий ошибается, приводя данные о его смерти 14 апреля 1940 г.

¹⁴⁴ Helminen R., Suomalaisten jääminen sotavangiksi suomen sotien 1939–1945 aikana. Diplomityö 1991, Liite 1, s.10.

¹⁴⁵ Alava T., Frolov D., Nikkilä R. Rukiver! Suomalaiset sotavangit Neuvostoliitossa. Edita 2002. См. Sotavankimatrikkeli, s. 319–466.

¹⁴⁶ Alajoki Urpo Aleks, мл. сержант 68 пехотного полка 17.06.1901 г. рождения. Попал в плен 21.02.1940 г.

¹⁴⁷ Боевые санитарные потери включают раненых, контуженых, обожженных и обмороженных.

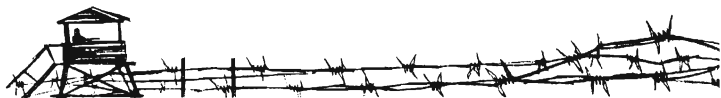
¹⁴⁸ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 125.

¹⁴⁹ 105 Päivää... 125

⁰ Зимняя война. Кн. 2, 219; Родина, №12, 91

¹⁵¹ Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. И. В. Сталин и финская кампания (Стенограмма Совещания при ЦК ВКП (б) М., Наука, 1999. С. 219..

¹⁵² Зимняя война 1939–1940. Книга 2, стр. 55.

Паратиф – острое заразное заболевание, часто протекающее подобно брюшному тифу и вызываемое бактериями, родственными тифозной палочке. Протекает в более короткой и легкой форме, чем брюшной тиф, обычно без осложнений. Меры предупреждения те же, что и против брюшного тифа.

¹⁵¹ РГВА, ф. 1п, оп. 7а, д. 1, лл. 38–39.

Malmi T, 2001:25.

В. Конасов, А. Кузьминых, 2002. С. 126–131.

¹⁵⁷ РГВА, ф. 1а, оп. 35, д. 26, л.40.

¹⁵⁸ РГВА, ф. 1а, оп. 35, д. 26, л. 65. За все время существования лагеря №158 умер 2021 военнопленный.

¹⁵⁹ РГВА, ф. 1а, оп. 11, д. 5, л. 19, 20.

¹⁶⁰ Автор признателен кандидату исторических наук В. Всеволодову за предоставленную информацию о финских военнопленных, содержавшихся в Красногорском лагере № 27

¹⁶¹ *Alava T., Frolov D., Nikkilä R.*, 2002.

ГАОПДФК, ф. 8, оп. 1, д. 203, л. 26. ЦК КП КФССР. Особый сектор. Оперативные сводки и политдонесения начальников и комиссаров пограничных войск НКВД Карело-Финского округа и охраны войскового тыла 7-й армии о боевых действиях и состоянии воинских частей, примерах героизма бойцов и командиров.

¹⁶³ Подробнее см. T26073/1-21. Neuvostotoliiton vangiksi 1941–1944 joutuneiden sieltä palattujen suomalaisten sotavan-kiahenkilötieto kaavakkeita ja kuulustelupöytäkirjoja 1944–45.

¹⁶⁴ KansArk, VALPO I XXIX41b k2984.

¹⁶⁵ KansArk VALPO I XXIX41b k2984.

¹⁶⁶ Интервью В. Галицкого, 2000 г. Личный архив Р. Никкиля.

Н. Дьяков. Под чужим небом. Солдатские записки 1941–1944. М., 1998. С. 19.

¹⁶⁸ Подробнее см. *E.Pietola*.

Н. И. Барышников. Блокада Ленинграда и Финляндия. СПб., 2002. С. 265

¹⁷⁰ *C. Streit*. Keine Kamraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945. Bonn, 1991.

¹⁷¹ РГВА, ф. 1п, оп. 37а, д. 1, лл. 25, 26.

РГВА, ф. 1, оп. 2е, д. 17, л. 90.

В. Конасов, А. Кузьминых. 2002, стр. 18.

¹⁷⁴ *С. Ирютин*. Выживание финских военнопленных в лагерях НКВД //105 дней «зимней войны». К шестидесятилетию советско-финляндской войны 1939–1940 гг. СПб., 2000. С. 100.

Напомню, что в Монетно-Лосиновском лагере (Свердловская область) до конца 1942 г. умерли 2278 человек, из них – 1902 от дистрофии. Спасозаводской лагерь: умерли 1901, из них – 1556 от дистрофии. Военнопленные в СССР. 2000. С. 43, 947.

¹⁷⁶ Отчет о деятельности лагеря №158 за период времени с 1.1.44 по 1.10.44 г.

¹⁷⁷ Военнопленные в СССР. 2000. С. 33.

¹⁷⁸ Подробнее см.: *К. Александров, Д. Фролов*. Сбои в «системе активной несвободы» // Советско-финляндская война 1939–1940. Составители П. Петров, В. Степаков. Т. 2. СПб.: Полигон, 2003. С. 310–356.

¹⁷⁹ *Д. Фролов*. «И для чего только война...» // Новые Рубежи, 2001, № 12. С. 43.

¹⁸⁰ Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики 1921–1940 гг. Составители: А. Климова, В. Макуров, А. Филатова. Петрозаводск, 1997. С. 306.

¹⁸¹ РГВА, ф. 34980, оп. 10с, д. 5, лл. 13–14, 21–22, 24; *К. Александров, Д. Фролов*. 2003. С. 315–316; UA, 109Е7 kot. 42 (прошение военнопленного А. Семихина).

¹⁸² *В. Конасов, А. Кузьминых*, 2002. С. 21.

¹⁸³ *А. С. Степанова*. Карельские плачи. Специфика жанра. (Избранные статьи). 2003. С. 46.

¹⁸⁴ *Lahti-Argutina, Eila*. Olimme joukko vieras vaan. Venäjän-suomalaiset vainouhrit Neuvostoliitossa 1930-luvun alusta 1950-luvun alkuun. 2001:26. См. также: ГАОПДФК, ф. 3, оп. 5, д. 276, д. 277. Общество технической помощи Карелии.

¹⁸⁵ После окончания боевых действий список продуктов питания, подлежащих нормированию, был расширен. Летом 1940 г. в него включили хлеб и масло, с конца осени – мясо и молоко, весной 1941 г. – яйца и морскую рыбу, а в 1942 г. нормированию уже подлежали табак и картофель. *М. Йокитши*. Финляндия на пути к войне. Исследование о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940–1941 гг., 1999. С. 36.

¹⁸⁶ *М. Йокитши*, 1999. С. 31.

К. Г. Маннергейм. Мемуары. 2000. С. 259.

¹⁸⁸ *В. Степаков, Е. Балашов*. В «новых районах». Из истории освоения Карельского перешейка 1940–1941, 1944–1950 гг. СПб.: Нордмедиаиздат, 2001. С. 58–62.

¹⁸⁹ А. Фроль, красноармеец 97-го отдельного лыжного батальона. Личный архив В. Степакова.

¹⁹⁰ *В. Степаков, Е. Балашов*, 2001. С. 23.

Личный архив В. Степакова.

Красноармеец Игунцов, 20-й стрелковый полк, 37-я стрелковая дивизия. Личный архив В. Степакова.

¹⁹³ *В. Степаков, Е. Балашов*, 2001. С. 28.

¹⁹⁴ История Карелии с древнейших времен до наших дней. 2001. С. 592; *В. Степаков, Е. Балашов*, 2001. С. 47

¹⁹⁵ *А. Богданов*. Участник освоения новых территорий. Личный архив В. Степакова.

¹⁹⁶ В 1940 г. в Waffen SS существовало четыре дивизии: Leibstandarte, Das Reich, Totenkopf, Polizeidivision. Иностранцев добровольцев зачисляли в пятую, новую дивизию, которая в конце 1940 г. получила название Viking. Подробнее см.: М. Йокитии. 1999. С. 112–121.

¹⁹⁷ См. подробнее: Jokipii, Mauno. Hitlerin Saksa ja sen vapaaehtoisliikkeen. Waffen-SS:n suomalaispataljoona vertail-tavana. SKS, Helsinki 2002.

¹⁹⁸ М. Йокитии, 1999. С. 288–289.

¹⁹⁹ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли. (Июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.). М., 1986. С. 51–52, 54.

²⁰⁰ К. Г. Маннергейм, 2000. С. 418.

²⁰¹ Национальный союз нового поколения. Национально-трудовой союз (НТС) неоднократно менял свои названия (июль 1930 г. – декабрь 1931 г. – Национальный союз русской молодежи, декабрь 1931 г. – февраль 1936 г. – Национальный союз нового поколения, февраль 1936 г. – ноябрь 1942 г. – Национально-трудовой союз нового поколения). С 1933 г. НТСНП возглавляли проживавшие в Белграде: участник Белого движения в рядах 11-го гусарского Изюмского полка инженер В. М. Байдалаков и профессор древнееврейского языка М. А. Георгиевский. Основой стратегии Союза в 1933–1939 гг. была идея подготовки антисоветской «национальной революции» – насильственного свержения народами России сталинского режима.

²⁰² Björkelund, B. Stalinille menetetyt vuoteni. Elämäni vaiheet 1945–1955. Helsinki 1966:345.

²⁰³ Н. Дьяков. Под чужим небом. Солдатские записки 1941–1944. М., 1998; Переписка. Личный архив Н. Дьякова; Переписка советских военнопленных с доктором Черных. Личный архив Д. Фролова.

²⁰⁴ ГАОПДФК, ф. 213, оп. 1, д. 157, л. 41. Приказ партизанскому отряду «Боевой клич», Кестеньгское направление.

²⁰⁵ К. Александров, Д. Фролов, 2003. С. 311.

⁶ Подробнее см.: К. Александров, Д. Фролов. 2003. С. 311–312.

Архив Sotavangit г.у. К сожалению, пока мне не удалось установить дальнейшую судьбу этих военнопленных.

²⁰⁸ Н. Ламагин. Рукопись, 2002.

²⁰⁹ А. Голубев. Контроль за общественным мнением в Советском Союзе в годы войны. Доклад на российско-финском коллоквиуме, май 2001.

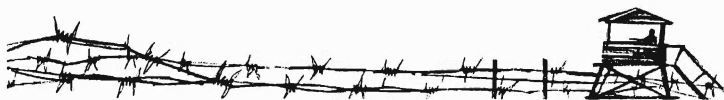
²¹⁰ UA, 109E7 kot. 42.

²¹¹ В. Конасов, А. Кузьминых, 2002. С. 16.

РГВА, ф. 3п, оп. 2, д. 9, л.13.

²¹³ Talvisodan pikkujättiläinen. 1999, ss. 797–798, 808.

²¹⁴ В. Конасов, А. Кузьминых, 2002. С. 20.

- ²¹⁵ РГАСПИ, ф. 522, оп. 1, д. 47, л. 29.
- ²¹⁶ Т. Вихавайнен. 2000. С. 136–137
- ²¹⁷ РГВА, ф. 1п, оп. 2е, д. 17, л. 94.
- ²¹⁸ Ленин В. Полное собрание сочинений. Т. 40. С.125.
- ²¹⁹ РГВА, ф. 3п, оп. 2, д. 9, лл. 14, 71, 79–80.
- ²⁰ РГВА, ф. 3п, оп. 2, д. 9, л. 79.
- РГВА, ф. 3п, оп. 2, д. 9, л. 64.
- ²² Там же.
- ²²³ С. Фирсов. «Почтовая карточка» для военнопленных: Эпизод из частной переписки эпохи Великой войны 1914–1918 гг// Новый часовой, СПб., 2002, № 13–14.
- ²²⁴ Н. Волковский. Пропагандистское обеспечение // Советско-финляндская война 1939-1940. Составители П. Петров, В. Степаков. Т. 2. СПб., 2003. С. 510.
- ²²⁵ Н. Волковский, 2003. С. 510–511.
- ²²⁶ РГВА, ф. 3п, оп. 2, д. 9, л. 35.
- ²²⁷ РГВА, ф. 3п, оп. 2, д. 9, л. 71.
- ²²⁸ Там же, л.14.
- ²²⁹ РГВА, ф. 3п, оп. 2, д. 9, л. 79.
- ²³⁰ Lääväri Toivo Aatos, 28.12.1921 Jaakima. Перешел на сторону Красной Армии 24.12.1939 в районе Куолемаярви. Возвращен в Финляндию по обмену военнопленными 20.04.1940. Осужден в Финляндии и приговорен к 3 месяцам тюремного заключения. *Alava T, Frolov. D, Nikkilä R*, 2002: Sotavankimatrikkeli.
- ²³¹ РГВА, ф. 3п, оп. 2, д. 9, лл. 79–80.
- ²³² Там же, л. 36.
- ²³³ РГВА, ф. 1п, оп. 2е, д. 17, лл. 91–94. См. Приложение «Партийность».
- ²³⁴ РГВА, ф. 3п, оп. 2, д. 9, лл. 5–6.
- ²³⁵ РГВА, ф. 3п, оп. 2, д. 9, 15, 37
- ²³⁶ Там же, л. 15.
- ²³⁷ Коллекция Мемориального музея немецких антифашистов г. Красногорск.
- ²³⁸ Доклад Т. Вихавайнена на российско-финском коллоквиуме, май 2001.
- ²³⁹ ГАОПДФК, ф. 8, оп. 1, д. 633, лл. 4, 5.
- Ю. Басистов. Особый театр военных действий. Листовки на фронтах Второй мировой войны, 1999. С. 71.
- ²⁴¹ Военнопленные в СССР, 2000. С. 730
- В. Конасов, А. Кузьминых, 2002. С. 38.
- ²⁴³ В. Галицкий, 1997. С. 123
- ²⁴⁴ РГВА, 4 п, оп. 2, д. 3, л. 14–16; ГАРФ, ф. 88, оп. 4, д. 2, л. 85, 146, 147.
- ²⁴⁵ Отчетный доклад о работе УПВИ НКВД СССР с июня 1941 по март 1944 г. РГВА, ф. 1а, оп. 11, д. 5, л. 40.

РГВА, ф. 18, оп. 3, д. 2, лл. 58 – 60.

ANILBLAD, PENR-ERIK. Родился 05.04.1914 в Karjaа. Войсковая часть III/4.RPr. умер 08.05.1943 в Оранском лагере НКВД № 74.

²⁴⁸ П. Полян, 2002. С. 79.

П. Полян, 2002. С. 71.

М. Хубер упоминает именно эти две конвенции, а не Женевскую конвенцию 1929 г. о военнопленных, так как ни СССР, ни Финляндия не подписали ее. И напротив, признавали действующими на своей территории положения первых двух международно-правовых документов.

²⁵¹ В. Конасов. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Вологда, 1996. С. 106.

Русские диверсанты против «кукушек». М.: Эксмо, Яуза, 2004. С. 307–308.

²⁵³ ГАОПДФК, ф. 213, оп. 1, д. 408, л. 52, 53.

²⁵⁴ Не так давно в Финляндии вышла книга журналистки Элины Сана «Депортированные. Выдача Финляндией людей гестапо» (Elina Sana, "Luovutetut. Suomen ihmislouvutukset Gestapolle"), которая вызвала большой общественный резонанс в Финляндии.

KansArk, VALPO I, k.496. Список захваченных и ушедших в СССР в межвоенный период военнослужащих финской армии.

²⁵⁶ Д. Фролов. Из истории Зимней войны 1939–1940 гг. Сборник документов. Петрозаводск, 1999. С. 50.

²⁵⁷ Родина, № 12, 1995, стр. 103.

²⁵⁸ Ulkoasiainministeriön arkisto (Архив МИД Финляндии), 109Е7 кот. 42.

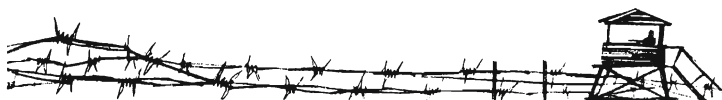
²⁵⁹ РГВА, ф. 1п, оп. 3 е, д. 10, л. 1, 32.

Деканозов Владимир Георгиевич (1898–1953). Принимал участие в революционном движении в Закавказье. В 1920–1921 гг. начальник специального отряда 20-й дивизии 11-й армии РККА. С июня 1921 г. – в ВЧК. До 1931 г. служил на руководящих должностях в органах госбезопасности Азербайджана и Грузии. В 1931–1938 гг. находился на ответственной партийной и государственной работе в ГрузССР. В ноябре 1938 г. перешел на работу в ГУТБ НКВД СССР. Комиссар госбезопасности 3-го ранга. С мая 1939 г. – заместитель наркома иностранных дел, а с ноября 1940 года вплоть до нападения фашистской Германии на Советский Союз – посол СССР в Берлине. До 1947 г. – заместитель министра иностранных дел. В 1953 г. – министр внутренних дел ГрузССР. В июне 1953 года арестован «по делу Берии» и расстрелян в декабре того же года.

²⁶¹ РГВА, ф. 1е, оп. 3, д. 5, л. 75.

РГВА, ф. 1п, оп. 3 е, д. 5, л. 65–66

²⁶³ В. Галицкий, 1997 С. 64.

²⁶⁴ Л. Ивашов, А. Емелин. Нравственные и правовые проблемы плена в отечественной истории // Военно-исторический журнал, 1992, № 1. С. 45.

²⁶⁵ Безвозвратные потери Красной Армии – около 940 тыс. (в основном от эпидемий тифа), санитарные – около 6,8 млн. человек. Белая армия – приблизительно 225 тыс. человек. Общие потери России в результате Гражданской войны достигают 13 млн. человек. Военный энциклопедический словарь. Т. 1, М., 2001 С. 462.

²⁶⁶ Уголовный кодекс РСФСР, с изменениями до 1 сентября 1933 г. Официальный текст. С приложениями постатейно-систематизированных материалов и алфавитно-предметного указателя. Государственное издательство «Советское законодательство», М.: 1933.

²⁶⁷ Уголовный кодекс РСФСР, с изменениями до 1 сентября 1933 г. Официальный текст. С приложениями постатейно-систематизированных материалов и алфавитно-предметного указателя.

²⁶⁸ «Викстрем Нильс Вернер, родился в 1910, пастор (так в тексте. Д. Ф.); Юнссон, Тарстен Альбертович, родился в 1913, сержант; Стернер Пер, родился в 1909, лейтенант; Юнг Тарстен, родился в 1918, лейтенант; Бенгстон, Нильс Уно, родился в 1917, рядовой». РГВА, ф. 1п, оп. 2е, д. 17, л. 95.

²⁶⁹ KansArk, EK-VALPO I XXIX 41b k2984.

²⁷⁰ Л. Ивашов, А. Емелин. Нравственные и правовые проблемы плена в отечественной истории// Военно-исторический журнал, 1992, № 1. С. 46.

²⁷¹ Л. Ивашов, А. Емелин, 1992. С. 46.

²⁷² Л. Ивашов, А. Емелин, 1992. С. 47

²⁷³ Военнопленные в СССР, 2000. С. 1038.

²⁷⁴ В 1947 г., когда началась массовая репатриация иностранных военнопленных, вывоз советских денег за границу принял такой размах, что заместитель министра внутренних дел СССР И. Серов 14 августа отдал специальное распоряжение, в котором предписывалось тщательно обыскивать самих репатрируемых и их личные вещи. Изъятые деньги приказывалось сдавать в финансовые отделы лагерей. Военнопленные в СССР, 2000. С. 846–847

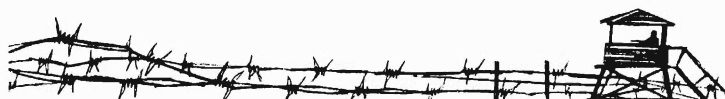
²⁷⁵ В. Галицкий, 1997 С. 139

²⁷⁶ UA, 110E6. Suomalaisten sotavankien kotiuttamiskus-tannusten korvaaminen vv. 1949–53.

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ	5
ПО ОБЕ СТОРОНЫ КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКИ	
ГЛАВА 1 ИСТОРИОГРАФИЯ	12
ГЛАВА 2 ПРАВОВОЙ СТАТУС ВОЕННОПЛЕННЫХ	79
ГЛАВА 3 СОДЕРЖАНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА	88
ГЛАВА 4 МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ И СМЕРТНОСТЬ ВОЕННОПЛЕННЫХ	240
ГЛАВА 5 ОРГАНИЗАЦИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА ПОПАВШИХ В ПЛЕН	313
ГЛАВА 7 ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ДУХОВНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА В ЛАГЕРЯХ	373
ГЛАВА 8 ПУТЬ ДОМОЙ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССИИ ПО ПОСЛЕВОЕННОМУ ОБМЕНУ ВОЕННОПЛЕННЫМИ. 1940 ГОД	433
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	480
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	511
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	515
ПРИЛОЖЕНИЕ 3	517
ПРИЛОЖЕНИЕ 4	518
ПРИЛОЖЕНИЕ 5	528
ПРИЛОЖЕНИЕ 6	530

ПРИЛОЖЕНИЕ 7	540
ПРИЛОЖЕНИЕ 8	541
ПРИЛОЖЕНИЕ 9	557
ПРИЛОЖЕНИЕ 10	559
ПРИЛОЖЕНИЕ 11	561
ПРИЛОЖЕНИЕ 12	562
ПРИЛОЖЕНИЕ 12	568
ПРИЛОЖЕНИЕ 13	571
ПРИЛОЖЕНИЕ 14	573
ПРИЛОЖЕНИЕ 15	578
ПРИЛОЖЕНИЕ 16	580
ПРИЛОЖЕНИЕ 17	583
ПРИЛОЖЕНИЕ 18	589
ПРИЛОЖЕНИЕ 19	591
ПРИЛОЖЕНИЕ 20	592
ПРИЛОЖЕНИЕ 21	594
ПРИЛОЖЕНИЕ 22	595
ПРИЛОЖЕНИЕ 23	596
ПРИЛОЖЕНИЕ 24	598
ПРИЛОЖЕНИЕ 25	600
АРХИВЫ	603
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	607
ПРИМЕЧАНИЯ	623

Научное издание

Дмитрий Фролов

**СОВЕТСКО-ФИНСКИЙ ПЛЕН
1939–1944 гг.**

По обе стороны колючей проволоки

Редактор *Л. С. Николя*

Художественное оформление и компьютерная верстка

А. Н. Миронова, Н. В. Мироновой

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),

aletheia@peterstar.ru (*редакция*)

www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»

Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9.

Тел. (495) 921-48-95

Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.

Тел. (812) 327-26-37

*Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.

Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Гилея». Тел. (495) 332-47-28

Магазин «Фаланстер», Малый Гнезниковский пер., 12/27

Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

Магазин издательства «Совпадение». Тел. (495) 915-31-00

Подписано в печать 24.01.2009. Формат 84 × 108 ¹/₃₂.

Усл. печ. 33,6. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Заказ № 984.

Отпечатано в типографии «Нестор-История»,

Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, 21.

Тел. (812) 622-01-23

PAGE 11

Арх. № 1285

УЧЕТНОЕ ДЕЛО

[illegible]

росный

1	Фамилия	
2	Имя и отчество	19 ^{ти}
3	Год и место рождения	г. <i>Кувшино</i>
4	Последнее местожительство перед призывом	<i>Маст.</i>
5	Точный адрес, состав семьи (ба бушка, дядя и отчество мамы, дети или родителей, доз ветей)	<i>Женаты, 2 ребенка</i>
6	Сов. гражданство — согласно (инициальное положение ро дителя)	<i>нет</i>
7	Место работы	<i>нет</i>